ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2020. № 450. Январь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2020. № 450. January

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 450 Январь 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Галькова А.В. Мистический Петербург в «Моих воспоминаниях» А.Н. Бенуа 5
Маслова А.Г. Световая символика в поэзии Е.И. Кострова 14
Могилатова М.В. Рецепция творчества Артура Конан Дойла в сибирской дореволюционной литературе (на примере романов В.В. Курицына) 22
Пантелеева Л.М. , Хоробрых С.В. «Живые и мертвые» в похоронно-поминальной обрядности Пермского Прикамья 29
Рахманкулова С.Е. Узуальная синтаксическая интерференция: проявления и пути преодоления (на материале английского и русского языков) 40
Резанова З.И., Машанло Т.Е., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных ruwordperception) 49
Судаков Г.В. У истоков русской лексикологии 58
Харитонова Н.Ю. «Постоянно бодрствующий дух критики» против стратегий советской культурной дипломатии: письмо Андре Жида послу СССР 66
Храброва В.Е., Сергаева Ю.В. Лингвокультурологические особенности названий английских тканей 72

ФИЛОСОФИЯ

Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Идентификация террориста: случай Брейвика как методологический кейс 84
Сиверцев Е.Ю. Предсуицидальное состояние: причины возникновения и возможные сценарии развития. Философский анализ 93

ИСТОРИЯ

Гумерова Ж.А. Феномен интеллигенции в русской эмигрантской мысли (на примере творчества Г.П. Федотова) 98
Зеленева И.В., Пономарева Т.И. Дневник С.А. Изенбека как источник по истории военно-морского сотрудничества России и Великобритании в 1916–1917 гг. 102
Казьмин В.Н., Казьмина М.В. Инакомыслие в советском обществе: этапы становления и развития (середина 1950-х–начало 1990-х гг.) 112
Кискидосова Т.А. Брачность, рождаемость и смертность православного населения сибирского города во второй половине XIX в. (на примере метрических книг православных церквей Минусинска) 120
Кочедыкова М.М. Физико-географические исследования под руководством А.В. Журавского в Печорском крае в начале XX в. 127
Куклина А.С. Анализ дискретности политических и исторических взаимоотношений России и Испании нового тысячелетия 136
Леонтьева Н.С., Леонтьева Л.С., Мельникова Н.Ю., Коренева М.В. Франция в международном олимпийском спорте: особенности, показатели и результаты выступления на играх олимпиад и олимпийских зимних играх..... 147
Мустафина Р.М. Некоторые аспекты бытования ислама и реликтов доисламских мировоззренческих традиций у казахов (по материалам полевых этнографических исследований) 154

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 450 January 2020

CONTENTS

PHILOLOGY

Galkova A.V. Mystical Petersburg in *Moi Vospominaniya* by Alexandre Benois 5
Maslova A.G. The Symbolism of Light in Ermil Kostrov's Poetry 14
Mogilatova M.V. The Reception of Arthur Conan Doyle's Works in Siberian Pre-Revolutionary Literature (Based on Novels by Valentin Kuritsyn) 22
Panteleeva L.M., Khorobrykh S.V. "The Living and the Dead" in the Funeral and Wake Rites of Perm Prikamye 29
Rakhmankulova S.E. Syntax Usage Interference: Manifestations and Ways to Handle (in English and Russian) 40
Rezanova Z.I., Mashanlo T.E., Stepanenko A.A. A Bilingual Perspective on the Perceptual Component of Word Semantics in Russian: The RuWordPerception Psycholinguistic Database 49
Sudakov G.V. Exploring the Origins of Russian Lexicology 58
Kharitonova N.Yu. The "Constantly Awakening Critical Spirit" against Soviet Cultural Diplomacy: On André Gide's Letter to the USSR's Ambassador 66
Khrabrova V.E., Sergaeva Yu.V. Linguistic and Cultural Elements of English Fabric Names 72

PHILOSOPHY

Savelieva E.N., Budenkova V.E. Terrorist Identification: Breivik's Casus as a Methodological Case .....
Sivertsev E.Yu. A Pre-Suicidal State: Causes and Possible Development Scenarios. A Philosophical Analysis .....

HISTORY

Gumerova Zh.A. The Phenomenon of Intelligentsia in the Russian Emigrant Thought (By Example of Georgy Fedotov's Works) 98
Zeleneva I.V., Ponomareva T.I. Sergey Izenbek's Diary as a Source on the History of Naval Cooperation Between Russia and Great Britain in 1916–1917 102
Kazmin V.N., Kazmina M.V. Dissent in the Soviet Society: Stages of Formation and Development (From the Mid-1950s to the Early 1990s) 112
Kiskidosova T.A. Marriage, Birth and Death Rates of the Orthodox Population in a Siberian Town in the Second Half of the 19th Century (Based on Materials of Church Registers of Orthodox Churches in Minusinsk) 120
Kochedykova M.M. Studies in Physics and Geography Supervised by Andrey Zhuravsky in the Pechora Region in the Early 20th Century 127
Kuklina A.S. An Analysis of the Discreteness of Political and Historical Relations Between Russia and Spain in the New Millennium 136
Leontyeva N.S., Leontyeva L.S., Melnikova N.Yu., Koreneva M.V. France in the International Olympic Sports: Features, Indicators and Performance Results at the Summer and Winter Olympics 147
Mustafina R.M. Some Aspects of Islam and Relics of Pre-Islamic Worldview Traditions Among the Kazakhs (Based on the Field Ethnographic Data) 154

Соловенко И.С., Рожков А.А. Кульминация протестного движения шахтеров России во время перехода к рыночным отношениям …….. 162
Терехов О.Э., Терехова О.Н. Освальд Шпенглер и немецкий историзм ……. 170
Титаренко И.Н. Сохранение культурного наследия исторических поселений в России: история и современные проблемы …… 177
Церковникова Е.А. Взаимодействие музея и местного сообщества на Чукотке в 1930–1950-е гг. …… 185

Solovenko I.S., Rozhkov A.A. The Culmination of the Miners' Protest Movement in Russia During the Transition to Market Relations …… 162
Terekhov O.E., Terekhova O.N. Oswald Spengler and German Historicism …….. 170
Titarenko I.N. Cultural Heritage Preservation in Historical Settlements in Russia: History and Modern Problems …….. 177
Tserkovnikova E.A. Interaction of the Museum and the Local Community in Chukotka in the 1930s–1950s …….. 185

ПРАВО

Василевич Г.А., Остапович И.Ю. Особенности нормотворческой активности Конституционного Суда России, Конституционного Суда Беларуси и Конституционного Совета Казахстана …….. 191
Кравец И.А. Учредительная власть и конституционная модернизация в современном конституционализме (российский, сравнительный и международный аспекты) …….…. 206
Кукушкина А.В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности на современном этапе …… 218
Малышева О.А. Перспективы возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлениями ……. 226
Сенникова Д.В. Проблемы обеспечения активного избирательного права граждан с инвалидностью в субъектах Российской Федерации …… 234
Смирных С.Е. Международные гарантии прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах ……... 241
Сучкова Е.В., Никонец Д.А., Кулик С.Д. Проблема эффективности морфологического исследования волос человека при выполнении судебно-биологической экспертизы …….. 246
Шурухнов Н.Г. Классификация криминалистических методик расследования преступлений, ее теоретическое и практическое значение …….…….. 252

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 257

LAW

Vasilevich G.A., Ostapovich I.Yu. Features of the Rule-Making Activity of the Constitutional Court of Russia, the Constitutional Court of Belarus and the Constitutional Council of Kazakhstan ……. 191
Kravets I.A. Constituent Power and Constitutional Modernisation in Modern Constitutionalism (Russian, Comparative, and International Aspects) …… 206
Kukushkina A.V. International Legal Aspects of Environmental Security at the Present Stage …….. 218
Malysheva O.A. Prospects of Compensation for Damage Caused to Victims by a Crime ……. 226
Sennikova D.V. Problems of Ensuring Active Electoral Rights of Citizens with Disabilities in the Constituent Entities of the Russian Federation …… 234
Smirnykh S.E. International Guarantees of the Rights of the Most Vulnerable Groups of Population in Unrecognised States ……. 241
Suchkova E.V., Nikonets D.A., Kulik S.D. The Problem of Efficiency of Microscopic Human Hair Analysis in the Forensic Biological Examination …… 246
Shurukhnov N.G. Classification of Forensic Techniques of Crime Investigation, Its Theoretical and Practical Value …… 252

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN 257

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/450/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК: 82-94

А.В. Галькова

МИСТИЧЕСКИЙ ПЕТЕРБУРГ В «МОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ» А.Н. БЕНУА

Рассматривается хронотоп Петербурга в мемуарно-автобиографическом произведении «Мои воспоминания» русского художника первой волны эмиграции А.Н. Бенуа. Отмечается, что пространство Петербурга моделируется искусством и подвергается мистификации, в нем реалистически-бытовое и фантастическое начала: инфернальные проявления, дивинации, страшные вещие сны, оживающие картины. Установлено, что Петербург и петербургский текст восприняты героем через призму театра и произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: Петербург; петербургский текст; мемуарно-автобиографическая проза художников; первая волна эмиграции; литература русского зарубежья; А.Н. Бенуа.

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) – вдохновитель и лидер художественного объединения «Мир искусства», основатель одноименного журнала, создавший многочисленные труды по искусству. Разносторонний талант А.Н. Бенуа, мастера исторических полотен и лирических пейзажей, создателя шедевров книжной иллюстрации, повлиявшей на формирование русской графики, знатока театра, реформатора театрально-декорационного искусства, основоположника и художественного руководителя первых «Русских сезонов» в Париже, отразился в его литературном наследии. Как заметил искусствовед и художественный критик Г.Ю. Стернин, художник всегда «испытывал потребность в слове, в литературном способе выражения своих чувств, своего видения жизни и искусства… в этом заключалось одно из очень важных свойств его таланта, его миропонимания, его богато одаренной натуры» [1. С. 578]. Его перу принадлежат капитальные труды по истории мировой и русской живописи, сотни критических статей, заметок, тысячи писем [2, 3]. Художник также вел дневники. В 1924 г. А.Н. Бенуа написал книгу «Возникновение “Мира искусств”», основанную на автобиографическом материале с привлечением писем современников, а в 1939 г. в Париже в журнале «Русские записки» были опубликованы его «Воспоминания о балете».

А.Н. Бенуа стал создавать «Мои воспоминания» зимой 1934–1935 гг. и продолжал работу над ними почти до конца жизни. Б.К. Зайцев писал в книге своих воспоминаний «Далекое»: «Но Александр Николаевич так и оставался художником-писателем, только декорации создавал не для Художественного Театра, а для Миланской Scala, для Парижа, Лондона, Вены. Писал же теперь не историю живописи, а воспоминания – о Петербурге, своем детстве, о родных. Два первых тома вышли в Чеховском Из-ве в Нью-Йорке» [4. С. 86]. Первые части произведения вышли в двух томах в Нью-Йорке в 1955 г. под названием «Жизнь художника. Воспоминания» [5, 6], данным издателями, что вызвало недовольство автора, поскольку подобное решение не было согласовано с ним. К этому времени было написано четыре книги, пятую книгу художник начал писать в 1957 г. Сокращенное и переведенное на английский язык продолжение воспоминаний в трех частях было опубликовано в Лондоне в двух изданиях 1960 и 1964 гг. Однако повествование было ограничено самим автором 1909-м годом – в силу отсутствия возможности сразу издавать свои воспоминания, А.Н. Бенуа решил их не продолжать. В 1980 г. «Мои воспоминания» выпустило издательство «Наука» в серии «Литературные памятники», в 1990 г. они уже были переизданы без купюр. Искусствовед Г.И. Чугунов отмечал: «Со времени издания в нашей стране “Моих воспоминаний” А. Бенуа, занявших сразу центральное место во всей мемуарной литературе художников той эпохи, любые воспоминания его современников необходимо соотносить с этой прекрасной и значительной книгой» [7. С. 329]. На страницах «Моих воспоминаний» А.Н. Бенуа стремится «оживить» и сохранить образ родного Петербурга, с которым связаны вся его жизнь и художественное и научное творчество.

В мемуарно-автобиографической прозе художников пространство и время подвергаются эстетической рефлексии, хронотоп предстает как форма восприятия и художественного моделирования действительности, являя собой своеобразный сконструированный континуум, реализующий духовные, бытийные, этические и эстетические ценности, ориентиры, идеалы авторов-живописцев. Моделирование хронотопа мемуарно-автобиографического произведения, написанного художником, позволяет объяснить феномен авторского сознания посредством актов воспоминания, восприятия мира, самовосприятия, воображения и создать идеальный топос как воплощение эстетических исканий художников. «Мои воспоминания» А.Н. Бенуа, включаясь в единый контекст мемуарной литературы русской эмиграции, проявляют характерные для них особенности хронотопа: история жизни творческой личности представлена в связи с историческим контекстом, специфика пространственно-временной организации обусловлена избирательностью памяти автора-живописца и подчинена эстетическму вектору, важно воплощение как исторического, так и мифологизированного хронотопа, наличие хронотопа родного дома, который в силу различных причин с течением времени утрачивается, сосуществование идеального и антимира, реального и ирреального мира, представление природного хронотопа. А.Н. Бенуа присуще по-

гружение в мистификацию, проникновение в действительность потусторонних элементов, углубленность в прошлое, идеализация детства.

Цель данной работы состоит в определении специфики хронотопа Петербурга в «Моих воспоминаниях» художника-мемуариста А.Н. Бенуа и в выявлении взаимосвязей между эстетическими установками его живописного творчества и их отражением в его восприятии города в вербальном тексте.

В автодокументальных текстах художников феномен визуального искусства формирует единую модель мира, проявляющуюся в реальной и метафизической ипостасях, что позволяет преодолеть биографические рамки и перейти в область синтетической памяти – пространство мировой культуры. Новой реальностью у А.Н. Бенуа становится сон и ирреальное как намеренно сформированная модель с системой образов и символов, переходящих в явь, отражающих мифологизированное мироощущение автора-повествователя, расширяющих пространство и выступающих как средство художественной интерпретации реальности. У авторов-художников пространство значимо в его связи со стариной, культом предком, осознанием того, что идеальный топос остался в утраченной России. Исторические, социальные события представлены в аспекте художественно-бытовой среды и ретроспективной национально-исторической панорамы, которая либо выступает как фон, на котором разворачивается жизнь автобиографического героя, либо подвергается аналитико-психологическому и эстетическому осмыслению автором-повествователем, преобразованию в объект живописного изображения.

В «Моих воспоминаниях» А.Н. Бенуа категория времени-пространства характеризуется многоуровневой структурой. Хронотоп воплощается как в реально-историческом, «открытом» времени, так и в воображаемом пространстве, субъективном «закрытом» времени, пространстве искусства, мистическом пространстве, соединяющем ретроспективное время и пространство автобиографической памяти. Фантастический ужас, таящийся в Петербурге и его окрестностях, воспринимается автором как вполне закономерный, и мастер стремится его воплотить и почувствовать.

Петербург рассматривается Ю.М. Лотманом как знаковая система – город как текст и механизм порождения текстов. Кодовая разнородность черт города привела к семиотической неоднородности текстов, противоречиво стремящихся к образованию единого Петербургского текста [8]. Петербург – эксцентрический город, город культурно-семиотических контрастов. «Семиотический полиглотизм» города делает его полем различных «семиотических коллизий», источником которых выступает синхронное и диахронное «соположение разнородных семиотических образований» – «реликтов прошедших эпох, выступающих как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тесты исторического прошлого» [9. С. 325]. Ситуация искусственности Петербурга обусловила его мифогенность, эсхатологические ожидания, предсказания гибели. Для петербургской «картины мира» характерна идея призрачности, связанная с традицией видений и пророчеств, и театральность, ощущение декораций, создаваемое не распадающейся выдержанностью огромных архитектурных ансамблей города [10].

Согласно Н.П. Анциферову, основные идеи Петербургского текста были предопределены его неповторимой индивидуальностью, трагическим империализмом города, таинственной жизнью его сложной и тонкой души: Петербург – «город великой борьбы... непомерно грандиозны задачи, лежащие перед ним, – чувствуется борьба с надрывом. Великая катастрофа веет над ним как дух неумолимого рока» [11. С. 38].

Сущность Петербурга, как отмечает В.Н. Топоров, определяет двоевластие природы и культуры, при этом природе свойственны аморфность, кривизна, горизонтальная плоскость, в то время как культура связана с четкой оформленностью, прямизной, вертикалью. Духовную, метафизическую суть и физическую, атмосферную специфику города и Петербургского текста определяют призрачность и прозрачность. Петербургский текст, как и сам город, характеризуется впечатлением миражности, метафизичности, фантастичности, «умышленности», фантасмагоричности: чудеса, откровения, сновидения, пророчества, видения, дивинации [12. С. 30–41].

Тема Петербурга неоднократно находила воплощение в изобразительном искусстве. Однако тогда как петербургский текст русской литературы существует, такого же текста русской живописи нет. По словам В.Н. Топорова, субстрат (некий резерв) петербургского текста реализуют образы Петербурга в изобразительном творчестве художников-«мирискусников», которые заново открыли Петербург в начале XX в. (а также статья А.Н. Бенуа «Живописный Петербург» [13], 1902) [12. С. 24].

Мемуарно-автобиографический текст открывается топосом Петербурга (первая глава «Петербург моего детства») и его окрестностей «Петергоф и Ораниенбаум», «Царское село и Павловск» (вторая и третья главы). «Петербург и его пригороды – один из излюбленных сюжетов Бенуа и его сотоварищей. Для них Петербург – это “окно в Европу”… в нем русский уклад жизни смешался с европейским, создав оригинальный и неповторимый сплав, нашедший выражение в архитектуре» [14. С. 22–23]. Для «мирискусников», которым чужд узкий национализм, Петербург – воплощение идеи сближения русской и европейской культур. Мирискусническая ретроспективная тенденция [1. С. 118] автора-повествователя в мемуарно-автобиографическом повествовании выразилась во внимании к культурно-историческому облику города и его пригородного окружения как памятникам именно русской культуры. Критерий ценности для автора-повествователя определяется степенью их эстетического воздействия на сознание автобиографического героя. В силу своей влюбленности в прошлое русской культуры он вглядывается в историю через призму искусства, смотрит «на мир, как на арену исторического развития, тайны которого хранят молчаливые памятники прошлого» [2. С. 22], это и тенденция к пропаганде русской старины. Данные резиденции остаются эстетически значимыми для героя на протяжении всей жизни.

Топосы оцениваются посредством еще одного критерия – «родственности» их герою. Таким же близким, как и топос Петербурга, герою стали топосы Парижа и Версаля. Они относятся к хронотопу авторских зарубежных путешествий, куда входит вся совокупность посещенных им стран и городов. Заграничная среда, как и петербургская (российское пространство представлено столицей и ее окрестностями, но расширяется за счет введения в текст имен художников московской живописной школы), в целом представляет синтез различных художественных эпох, воплощенных в разных произведениях искусства: живописи, литературы, скульптуры, архитектурных сооружениях, – словно перебрасывающих культурный мостик из исторического прошлого в настоящее автора-повествователя. Окружающая среда подвергается эстетической рефлексии, в то же время делая автобиографического героя посредником между искусством прошлого и современностью. Движущей для героя силой является его стремление к художественному самообразованию, поиск новых зрительных впечатлений, потребность заполнить лакуны в сфере изобразительного искусства Петербурга, не знающего и не понимающего современные европейские тенденции в данной области, новым изобразительным материалом («Мир искусства» был пионером на пути постижения европейской культуры, связи с которой были ослаблены во второй половине XIX в., запад символизировал энергию преобразования). При этом заграничные памятники искусства в историческом потоке были восприняты героем посредством визуальной и текстовой информации еще в Петербурге, что расширило его личное ментальное пространство. В мемуарно-автобиографическом повествовании также отражается художественная установка автора-героя на поиск воплощения величия, красоты и гармонии, поэтому авторским эстетическим критериям отвечает такой топос или локус, где изображена живописная / таинственная / чарующая природная местность. Так в мемуарно-автобиографическом повествовании воплощается хронотоп, реализующий авторский эстетический идеал.

Иногда в такое пространство, моделируемое искусством, но все же представляющее реальный мир, восстановленный авторской памятью, проникают элементы опасного для человека инобытия. Они не реализуются на материальном уровне, а носят психологический характер: либо угнетают сознание, либо пугают его. Уже в первой главе «Мой город» Петербург представлен одновременно как тривиальный и как фантасмагорический: в прозрачных сонных сумерках белых ночей, над странно светящейся водой лились «загробные звуки курантов», высокая их башня произносила «сверхъестественный» и «потусторонний» [15. С. 12] приговор заключенным в крепости узникам, звуки которых доводили до отчаяния и безумия. Эти иномирные силы оживают в сумерки, в пограничное время. Таинственный мир белых ночей порождает напряжение и беспокойство. Носителем жизни становится часовой механизм, который осуждает на небытие хоть и приговоренных к казни, но живых людей. В мемуарно-автобиографическом повествовании при создании топоса города автор-повествователь прибегает к излюбленной форме своего изобразительного творчества – сочетанию в произведении реалистически-бытового и фантастического.

Петербург был также воспринят героем посредством художественных артефактов еще в детстве. Так, полное представление о гоголевском Петербурге, «который был когда-то и “папиным”, когда папа был молодым человеком» [15. С. 227], у маленького героя сложилось еще до чтения «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя благодаря серии иллюстраций к книге «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» В.И. Даля, выполненных художником-любителем Сапожниковым. Визуальное изображение мещанского быта гоголевского Петербурга в «Похождениях Виольдамура» соответствовало, с незначительными изменениями, петербургской действительности, которую видел маленький герой, поэтому стало для него совершенно близким. Образы повести, по мнению автора-повествователя, «взяты прямо из жизни» и «похожи на самое обыденное и чрезвычайно типичны» [Там же. С. 228]. Саму историю, охарактеризованную как «слезы сквозь смех», о непризнанном гениальном музыканте, который умирает в нищете на улице, автор-повествователь, очевидно, проецирует на собственную жизнь, актуализируя тему непонимания творческой личности. Иллюстрация, изображающая сцену приготовления Виольдамуром к самоубийству и писания «Реквиема», стала для автора-повествователя «одним из звеньев в той цепи, которой оплетена вообще моя жизнь» [Там же]. Картинка «Реквиема» Виольдамура заставила героя ощутить притягательность и мучительный страх перед смертью, ее красоту, ее «эстетическое значение». Детские впечатления от иллюстраций Сапожникова впоследствии сказались на всем искусстве А.Н. Бенуа. В 1907 г. в живописи А.Н. Бенуа рядом с темой театра возникает тема смерти, которая воплотилась в аллегорической серии жестких, контрастных рисунков под название «Смерть». Образ Смерти на полотнах А.Н. Бенуа – визуализация раздумий художника о суетности и быстротечности жизни, бренности земного существования [2. С. 73].

«Картины» похорон – «зрелища», виденные в детстве из окон дома Бенуа, автор-повествователь называет «уличными спектаклями», а себя зрителем. «Триумфы смерти», как их называет автор-повествователь, производили на маленького героя необъяснимое действие «трагического восторга», что одновременно отражает его тенденцию к мистификации и театрализации жизни (с ранних лет и в течение жизни А.Н. Бенуа испытывал чувство, которое можно назвать «культом театра»), а также затрагивает одну из тем последующего изобразительного творчества: «Всякие похороны оказывали на меня какое-то странное действие, но одни были только “жутковатыми” – это в особенности когда простолюдины-староверы несли своего покойника на плечах в открытом гробу, а другие похороны в своей строгой церемониальности производили впечатление возвышающее» [16. С. 16]. Понятие художественности ассоциировалось у А.Н. Бенуа с понятием «театральности», именно в искусстве театра в дальнейшем он будет

видеть единственную возможность воплощения творческого синтеза живописи, архитектуры, музыки, пластики и поэзии, представлявшегося ему высшей целью художественной культуры.

Театр и музыка, а именно постановка оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама», которую герой посетил в 1890 г., помогли ему постичь сущность Петербурга, открыть в нем новые смыслы, почувствовать и понять атмосферу старого Петербурга, осознать свою душевную связь с родным городом. Несмотря на свою любовь и восхищение прелестью и своеобразной романтикой невской столицы, ее суровость и «казенщина» оскорбляли авторский художественный вкус, что было обусловлено общепринятым, начиная с 1830-х гг., мнением о том, что архитектура старого Петербурга лишена эстетической ценности, а петербургский классицизм «казарменный» и нехудожественный [17. С. 104]. «Пиковая дама» заставила героя «прозреть», увидеть «пленительную поэтичность» Петербурга, визуализировать и тем самым вплотную приблизиться к прошлому города. Особо автор-повествователь отмечает Летний сад, екатерининский бал, спальню графини в традициях елизаветинской эпохи, романтический «пейзаж» Зимней канавки. С оперы начался авторский уход в культ прошлого, пробуждение дремавшего в нем угадывания прошлого.

Воздействие «Пиковой дамы» выразилось не только в отпечатке «театральности» на всех ретроспективных работах художника, в восприятии через призму театра петербургской старины [Там же. С. 105], но и «приоткрылось многое из того таинственного, что я чувствовал вокруг себя» [15. С. 652], Музыка «Пиковой дамы» позволила герою погружаться в «мир теней», который был для него не исчезнувшим, отошедшим, а реально существующим. А.Н. Бенуа верил, что «мир пленительных кошмаров», «злобной нечисти» существует где-то совсем близко, только он остается недоступным, соприкоснуться же с ним возможно, находясь в промежуточном состоянии сознания, в «полудремотной горячке» либо во власти искусства. Автор-повествователь делает акцент на том, что особенно потрясающим в постановке было вторжение «потустороннего начала» в унылую петербургскую казенщину. Под влиянием повести А.С. Пушкина, оперы П.И. Чайковского в сочетании с любовью к «жутко-сладостному миру» Э.Т.А. Гофмана сформировалось отношение художника к городу, которое отразилось в интерпретации образа Петербурга в графике А.Н. Бенуа как «смеси странной правды и убедительного вымысла» [Там же. С. 602]. Воплощение духа Петербурга в опере П.И. Чайковского (при содействии И.А. Всеволжского) в большей степени отвечало авторским художественным ориентирам, нежели в повести А.С. Пушкина: «…если уж “Пиковую даму” Пушкина можно считать “гофмановщиной на русский лад”, то в еще большей степени такую же гофмановщину на русский лад (на “петербургский лад”) надо видеть в “Пиковой даме” Чайковского. Для меня вся специфическая атмосфера гофмановского мира была близкой и понятной, а потому я в “Пиковой даме” обрел нечто для себя особенно ценное» [17. С. 652–653].

В «Моих воспоминаниях» упоминается и известная работа художника над иллюстрациями к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник», заказанными «Кружком любителей изящных изданий». В мемуарно-автобиографическом тексте раскрывается замысел героя – исполнить иллюстрации в качестве композиций, сопровождающих каждую страницу текста карманного формата, «наподобие альманахов пушкинской эпохи» [16. С. 392], типографские оттиски с них в стиле политипажей 30-х годов, раскрашенные в «нейтральные» тона. Вспоминая этот вид своего художественного творчества, автор-повествователь акцентирует внимание исключительно на внешней стороне дела – как одобрял и восторгался рисунками В.А. Верещагин, благосклонное отношение к ним «Кружка любителей изящных изданий», члены которого, считавшие себя однокашниками и сотоварищами А.С. Пушкина, потребовали переделать очень условное, по словам автора-повествователя, изображение поэта с лирой на фоне Петропавловской крепости, поскольку не увидели в нем внешнего сходства. В данном случае актуализируется авторская рефлексия по поводу непонимания художника, его манеры воплощения художественных идей современниками, не готовыми воспринимать новые формы изображения и предпочитающими стереотипы. Иллюстрации к «Медному всаднику» взял С.П. Дягилев, «чтобы *поместить* в первом номере нового 1904 г.» [Там же].

Работа над иллюстрациями к «Медному всаднику» А.С. Пушкина представлена как краткий эпизод с формальными замечаниями о технической стороне процесса. По словам искусствоведа М.Г. Эткинда, «Бенуа любил Пушкина и потому, что Пушкин любил и воспел Петербург», «новая встреча с Пушкиным и пушкинским Петербургом определила высший подъем его творчества этих лет» [2. С. 48]. А.Н. Бенуа строил рисунки, объединяя стилизованную орнаментику и иллюстрацию. Такой подход не соответствовал ясной и чистой стилистике пушкинского текста. А.Н. Бенуа пришлось изучить художественные артефакты, относящиеся ко времени поэта. В общем художником было создано тридцать два рисунка тушью, имитирующие гравюру. Стоит полагать, что данный эпизод упомянут формально, не только потому что художник был глубоко задет тем, что заказчикам его работы не понравились, но, несмотря на все мастерство, в них он еще не высказался до конца. М.Г. Эткинд отмечает: «Рисунки Бенуа не только ода Петербургу. В них звучит и проклятие страшному городу. Они драматичны как вопль души художника, внезапно открывшего в облике любимого Петербурга “что-то фантастическое, какую-то сказку об умном и недобродушном колдуне, пожелавшем создать целый город, в котором вместо живых людей и живой жизни возились бы… автоматы”» [Там же. С. 49]. Сама тема произведения – превращение скульптуры – выступает в то же время одной из главных тем искусства А.Н. Бенуа. Художнику не был свойственен анализ внутреннего мира, поэтому его волновала «мысль о приниженности человека в современном обществе, калечащем, убивающем живую душу, превращающем людей в “автоматы”, в какое-то подобие марионеток»

[2. С. 49], – эта идея воплотилась в характеристике Евгения. Данная мысль неоднократно встречается в мемуарно-автобиографическом тексте, приобретая различные формы выражения, обусловленные контекстом. Иллюстрации были напечатаны С.П. Дягилевым в журнале «Мир искусства» вместе с текстом пушкинской поэмы, при этом некоторые рисунки оказались неудачными: в них сохранилась театральность, отсутствовала пластическая ясность, цветные подкладки мешали восприятию рисунка, перебивая его. Несмотря на это, явные достоинства работы – точное соответствие духу поэмы, особый темперамент, смелое композиционное решение – были оценены современниками – деятелями искусства.

Автора-повествователя влечет тайна: «все дело в какой-то тайне, которая проникает до глубины нашего существа и возбуждает там ни с чем не сравнимые упования, надежды, мысли, эмоции и вообще то, что называется “движениями души”. В моем представлении и в моем непоколебимом убеждении эта тайна и есть искусство» [16. С. 337]. Таким образом, тайна существует в мемуарно-автобиографическом повествовании в двух ипостасях: как сущность искусства и как феномен иного мира. При этом сам феномен тайны сопряжен со страхом, который она рождает во внутреннем мире автобиографического героя. Во вместилище авторской памяти укладываются воспоминания разных лет, они перемежаются, параллельно происходит оживление давно ушедших эпох, разные временные периоды концентрируются, фокусируясь на одном топосе. Так, пространство Ораниенбаума связано как с детством героя, так и с его зрелой жизнью. Память позволяет субъекту повествования воскрешать ретроспективные виды Ораниенбаума, где соседствовала дикая и окультуренная природа: море, лес, парки, сады с произведениями архитектуры в противовес настоящему состоянию местности, застроенной дачами. Природное пространство Ораниенбаума для ребенка связано с бытовыми занятиями: пикником, собиранием грибов и ягод, одновременно в лесу воплощались детские страхи, связанные с опасностью встретить медведя или быть похищенным волком. Пространство расширяется за счет введения образов, созданных воображением. Большая герцогская корона, венчавшая бельведер среднего корпуса дворца [15. С. 24], ассоциируется в силу своего большого размера с короной сказочного великана. Автор-повествователь относит сооружение дворца ко времени Петра Великого. (Петр I был кумиром для «мирискусников» «как воплощение энергии и воли» «в противовес восточной созерцательности, неподвижности, лени», начавший избавление России «от азиатской косности» [14. С. 23–24]). Атмосфера Ораниенбаума, чарующего и притягательного места, в то же время внушает ребенку непонятный ужас и даже панику.

В.Н. Топоров отмечал, что среди загородных парков Царского Села, Гатчины, Петергофа, Ораниенбаума, Стрельны и др. «Павловск занимает особое, можно сказать, исключительное место в ряде отношений, в том числе и в отношении полноты и выделенности-акцентированности “аполлоновского” начала. Оно живет и в природно-пейзажном пространстве, и в пространстве Павловского дворца. Павловск – подлинное владение Аполлона, и нигде более “аполлоновское” не представлено с такой полнотой и очевидностью, с такой органической слитностью с природно-пейзажными с другими образцами творчества гения искусства» [12. С. 213].

Ощущение панического страха охватывало автобиографического героя в Павловске, пленительном и вместе с тем наполненном настроением «чего-то насторожившегося и завороженного» [15. С. 25]. Автор-повествователь отмечает амбивалентность пространства Павловска: «мрачное настроение, чему особенно способствует преобладание в парке черных и густых елей, царит в Павловске рядом с чем-то уютным и приветливым» [Там же]. Образы густых черных елок и «неживой воды» передают типичное павловское настроение [18. С. 27]. «Грустную поэзию», гармоничное сочетание парковой зелени и классической архитектуры, в том числе мемориальной, герой оценил уже будучи взрослым. Однако, как и в детстве, Павловск притягивает его своей кошмарной жутью и сказочным ужасом, особенно усиливающимися в период сумерек, которые в мемуарно-автобиографическом повествовании, как и в изобразительном творчестве художника, представляют наиболее таинственное и фантастическое время.

Данный топос оказывает воздействие на подсознательный уровень автора-повествователя и воплощается в произведении как проявление запредельного. Страшно интересными в сумерках герою казались темные аллеи Сильвии с ее статуями, мавзолей Павла и запущенные просеки вокруг Круглого зала. Перечисленные объекты входят в сферу запредельного, оживания теней прошлого, поскольку авторский выбор обосновывается семантикой каждого локуса: мавзолей связан с загробным миром, запущенные дорожки – с отсутствием взаимодействия с людьми, статуи – с мотивом очеловеченной, одухотворенной скульптуры (метаморфоза скульптуры – одна из главных тем как для станковой графики, так и для театрально-декорационного искусства художника). Таким образом, пространственно-временной континуум усложняется и приобретает множественность форм существования. Расширение пространственно-временных границ происходит за счет включения в текст упоминания исторических событий: необъяснимых военных тревог в Павловске в годы царствования Павла, которые также усиливают ощущение напряжения в атмосфере парка и подтверждают его «объективность». В связи с Павловском автор-повествователь обращается к ирреальному художественному миру Ф.М. Достоевского, выбравшего Павловск для «самых напряженных мест “Идиота”» [15. С. 25]. Благодаря «поэзии зачарованного мира» Павловска герой стал испытывать «именно нежное и любовное чувство» [Там же. С. 258] к самому Павлу, так же как и через поэзию Петергофа полюбил Петра Великого. Усиленное внимание автора-повествователя к таинственному ореолу этих топосов, их мистической одухотворенности акцентирует их «мирискусническое» понимание, основанное на противопоставлении мечты о красоте и гармонии, «ду-

ши» прошлого хаосу и безобразию, суетности, пошлой, плоской обыденности, тревоге перед будущим. Фантастика (как и в картинах А.Н. Бенуа) служит одухотворению, поэтизации природного мира, выражению мысли о бессмертии искусства как проявлению величия человеческого духа, скоротечности земной жизни. Таким образом, пространство дворцово-парковых ансамблей становится местом пересечения нескольких временных позиций автора-героя, интегрируя в мемуарно-автобиографическое повествование его детские впечатления, актуальную авторскую позицию в настоящем, свидетельствуя о неизменности его пристрастий к XVIII в. (как и в Версале, здесь воплощается мечта художника о единстве человека, природы и искусства), проживание автобиографическим героем определенных душевных и психологических состояний в непреходящем времени и атмосфере Павловска.

Впечатления от загородных резиденций и петербургских пригородов (Павловска, Царского Села, Петергофа) и их многочисленных памятников искусства оказали существенное влияние на эстетические воззрения А.Н. Бенуа. Именно отсюда – интерес к прошлому, к эпохам господства единого стиля, позволяющим выделить основную, выражающую дух эпохи «линию красоты». Так эти впечатления отзовутся в «пейзажных элегиях» Версаля, предстающих в виде пустой сцены с обветшалыми декорациями давно сыгранного спектакля.

Особой формой существования пространственно-временных отношений является внутренний хронотоп детского сознания автобиографического героя – воображения, населяющего реальное пространство дома в Петербурге призраками умерших родственников, субъектами потустороннего мира. Такие видения возможны только в пространстве дома. Так, в доме на Кирочной дяди Сезара после смерти его полоумного брата, «дяденьки Фа», жившего в этом доме в полуподвальном помещении напротив лестницы, сама лестница приобретает для героя мистический ореол. Она становится символом связи между миром реальным и инфернальным, в то время как в христианстве это символ связи между небом и землей [19. С. 147]. Встреча с данным явлением, внушающим мальчику страх и совсем непритягательным для него, нежелательна. В родительском доме семейства Бенуа парадная лестница, сохранившаяся со времен Павла I, также является пространством локализации загробного мира, фамильных теней, однако она не приобретает негативных коннотаций, поскольку в то же время является связующим звеном между прошлым и настоящим – предками и потомками.

Сам дом Бенуа на Никольской улице выступает как некий микрокосм, жизненный оплот, сконцентрировавший в себе семейно-бытовые и культурно-художественные отношения членов семьи, преемственность поколений, в нем происходит формирование начального мировосприятия и эстетических взглядов героя-художника. Несмотря на позиционирование дома детским сознанием как защиты от внешнего мира, во внутреннем пространстве квартиры в ночную пору ребенку мерещились жуткие видения. Созданию атмосферы ужаса способствовало тиканье больших часов, казавшихся «каким-то живым существом с круглым печальным лицом на длинном теле. Впоследствии я нежно любил эти часы, я стал их считать за нечто вроде нашего фамильного палладиума» [15. С. 194]. Домашние часы, как и куранты на башне, таким образом, представляют собой одухотворенное воплощение времени, времени человеческого бытия и небытия – часы остановились в момент смерти матери героя. Также в детстве, особенно в вечернее и ночное время суток, его пугали развешанные по стенам портреты, один из которых пристально следил за ним. Портрет как объект пространственного искусства в детском мире представляет собой нечто фантастическое, для взрослого героя в зоркости портрета воплощается критерий реалистичности, жизнеподобия художественного изображения. К такому своеобразному хронотопу детских кошмаров относится пространство «темной комнаты» [Там же. С. 195] – чулана, где хранились карнавальные маски, которые, как порой чудилось герою, там смеялись и шептались. «Темная комната», дверь в которую само собой открылась во время сеанса «волшебного фонаря» – траурного шествия с гробом принцессы, – провоцировала претворение кошмаров в форму инобытия: в снах маленький герой видел привидение, появляющееся из «черной комнаты», различных чертей из лубочных изображений Страшного суда.

Иной формой пространственно-временных отношений в мемуарно-автобиографическом тексте, переносящей героя в отличное от действительности пространство, является онейрический хронотоп – вещие сны, которые могут рассматриваться в контексте «мирискуснической» эстетики как пророческий дар художника. Это и повторяющиеся сны о железной дороге, которые возникают в двух вариантах: поезд сворачивает с рельсов и несется на героя; поезда нет, его ждут на платформе, но какой-то «беззубый, скрюченный старичок» говорит малышу: «едет – не едет, едет – не доедет» [Там же]. Согласно З. Фрейду, поезд в сновидениях символизирует страх смерти, а «отъезд» – саму смерть, поэтому опоздание на поезд расценивается как утешение в боязни умереть [20]. Такое значение вполне соотносится с виденным субъектом повествования, так как второй вариант сна становился предчувствием надвигающейся болезни, и его он видел уже в полубредовом состоянии. Еще один отмеченный автором-повествователем сон показался ему вещим: «прелестный» мальчик, с которым ребенок играл во сне, был разодран и смят рычагами и шестернями машины. Значение данного сна в рамках мировоззрения «мирискусников» можно трактовать как противопоставление живого, разрушенного антигуманистической бездушной машинной культурой, личности и мертвого, угнетающей ее цивилизации, гибели живой гармонии «под натиском новых жизненных условий» [15. С. 315], механической цивилизации.

Феномен фантастического отразился позже в творчестве А.Н. Бенуа (в том числе под влиянием Э.Т.А. Гофмана в сочетании реального и загадочного), в его инфернальном Арлекине, ирреальном «Павильоне Армиды». Явленный в вещем сне образ печального и

бледного дяди Кости Кавоса [15. С. 364], заставивший героя заплакать, знаменует смерть близкого родственника, таким образом субъект повествования переходит на сверхчувственный уровень познания и раздвигает временные границы, подсознательно заглядывая в будущее. Намеренным стремлением выйти за грань реального пространства является безуспешная попытка вызывания духов во время любовного кризиса, когда герой «совершенно сошел с ума», поверив в существование и ожидая появления «полутелесной» героини «Призраков» И.С. Тургенева, неясный образ которой мерещился герою в темноте комнаты [Там же. С. 440]. Умышленным заглядыванием в будущее становится и гадание в связи с болезнью матери на издании об архитектуре – ответом на вопрос о будущем стало изображение окруженного свечами гроба под балдахином, что оказалось пророческим [Там же. С. 659].

Своеобразным выходом в ирреальное пространство становится копия картины «Король пьет» Я. Йорданса, висевшая в столовой дома Бенуа. В изображенных на картине персонажах – короле и королеве, служанках – автобиографический герой усматривает соответственно сходство со своим отцом, сестрой Катей и домашней прислугой. В детстве герой питал «братскую нежность» и вступал в непосредственное общение с мальчиком, изображенным на картине, и получал отклик как будто в улыбке. Персонажи полотна живут параллельной жизнью: «совсем живая» девушка приглашала принять участие в пире, «орущие здравицу» [15. С. 192] на картине как бы присоединялись к тостам. В таком детском оживлении, одухотворении произведения изобразительного искусства проявляется эстетическая позиция взрослого героя, оценивающего искусство как иную, высшую реальность (для самого А.Н. Бенуа оживление неодушевленных предметов под взглядом человека лишено мистичности).

В мемуарно-автобиографическом повествовании мистификации подвергаются культурные памятники, художественные артефакты, семейные реликвии, символизирующие связь жизни автобиографического героя с предшествующими эпохами, слияние мечты, фантазии и действительности, передающие его мироощущение. Свойственное «мирискусникам» сочетание в мемуарно-автобиографическом повествовании разных настроений, ритмов – рационализма и беспокойства, тревоги и идилличности – раскрывает динамику переживаний автобиографического героя. Посредством обращения к искусству прошлого, а не к явлениям действительности угадываются тревожные симптомы будущего: рассеяние в повествовании беспокойства и страха – свидетельство опасения перед вторжением чего-то враждебного, обреченности человека, гибели мирного уклада жизни, старого быта, петербургской культуры, предвозвестники новых катастроф для России. Историко-культурный контекст обусловливает связь прошлого героя не только с материальными предметами былой культуры, но и с явлениями начала XX в. с присущей ему тенденцией нарастающих религиозных мистических исканий, распространением сектантства в различных слоях русского общества.

Неведомое проникает в реальный мир автобиографического героя и некоторых его современников во время спиритических сеансов, которые проходили «наверху», в прародительском доме Бенуа. Можно проследить, как изменилось отношение героя к таинственному миру: потустороннее также остается притягательным, но исчезает страх перед ним, носивший бессознательный характер. Однако намеренное вмешательство людей в мир духов имеет последствия: невещественное становится материальным, и это уже внушает истинный страх. В ответ на предложение духу проявить себя, сыграв что-нибудь на рояле, «произошло совершенно неожиданное: в ту же секунду прогремела дикая рулада снизу доверху по всем клавишам благородного инструмента, стоявшего в совсем другом конце залы» и «с клавиатуры соскочил большой кот» [15. С. 472] (кошки – любимые животные автора-героя, для него они «сверхъестественные» существа). Такими же проявлениями обернулось явление духа, вызванного с помощью блюдечка, в доме князя Львова на Большой Морской улице: из каминной трубы с грохотом посыпались кирпичи, что заставило хозяйку «блюдечных» сеансов прекратить вечера. Аналогичный случай «явления» произошел во время сеанса блюдечной ворожбы у приятеля Сомовых О.О. Преображенского: блюдечко сбило со стола маленький древний образок, и он улетел под диван, находившийся в конце другой комнаты, а стол перевернулся и сломался. «Я тогда же решил, что… не буду больше предаваться таким богомерзким делам… такие опыты и даже разговоры на темы, связанные так или иначе с потусторонним миром, неизменно вызывают у меня в темени своеобразное тупое и довольно болезненное нытье, указывающее, что заведующий именно этим департаментом моего мозга не склонен поощрять подобное» [Там же. С. 473]. Стоит обратить внимание на тот факт, что материализованные в реальном времени и пространстве элементы потустороннего мира оказываются сильнее священного изображения.

В реальном историческом хронотопе памяти отражается время духовного кризиса, чему посвящена тридцать пятая глава «Религиозно-философское общество. Кружок Мережковских. В.В. Розанов» [16. С. 290–298]. Собрания Религиозно-философского общества, ставившие своей целью поиск путей к духовному обновлению, проходили в помещении Императорского русского географического общества. Однако постепенно они приобрели характер «суесловных говорилен», в чем сам герой был склонен видеть вмешательство «силы мрака». «Бесовское начало» материализовалось в виде помещенного за черной классной доской гигантского чудовищного идола, похожего на чертей, коих автор-повествователь видел в кошмарах или на лубочных картинках как «притаившегося наблюдателя». Данное открытие было воспринято им в качестве зримого воплощения собственных мыслей по поводу прений и схваток, «в которых было меньше и меньше искания истины и все больше и больше самого суетного софистского тщеславия» [Там же. С. 290].

Другой описанный случай, в котором есть «нечто, над чем следовало бы призадуматься» [16. С. 292], произошел в присутствии Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В.В. Розанова и А.А. Блока. «Беседа и на сей раз шла на религиозные темы, и дошли мы здесь до самой важной – а именно до веры и до “движущей горами” силы ее <…> когда Мережковский вознесся до высшей патетичности и, вскочив, стал уверять, что и сейчас возможны величайшие чудеса, стоило бы, например, повелеть с настоящей верой среди темной ночи: “да будет свет”, то свет и явился бы… и не успел Дмитрий Сергеевич договорить фразу, как во всей квартире… погасло электричество и наступил мрак» [Там же]. Данный случай, как и предыдущий, характерный для своего времени, по сути представляет собой свидетельство напускного богоискательства, религиозной театральности, потерявшей духовную основу, подобные метафизические игры постепенно теряют свою привлекательность для А.Н. Бенуа в силу его верности своим религиозным убеждениям.

Характерная для изобразительного искусства А.Н. Бенуа игра со временем, мысль о том, что давно умершее прошлое оказывается живым и прекрасным, «влюбленность в искусство, сила образов которого способна победить красоту действительности» [2. С. 75], несовместимость идеала и жизни находят отражение в мемуарно-автобиографической прозе художника. Таким образом, в мемуарно-автобиографическом повествовании А.Н. Бенуа моделируются образы художественного пространства, в котором реализуются элементы, свойственные его живописному и театрально-декоративному творчеству. Пространство–время Петербурга в «Моих воспоминаниях» полисемантично, оно вбирает в себя разные культурные и духовные явления. Реальное и ирреальное взаимовлияют и обусловливают друг друга, сознательная и бессознательная сферы жизни и искусства переплетаются. Мистическое и бытовое в Петербурге существуют совместно не только в жизни самого героя, но и его современников. А. Бенуа уделяет этому особое внимание, предчувствуя в сверхконцентрации инфернальных проявлений негативную и очень опасную тенденцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин Г.Ю. «Мои воспоминания» Александра Бенуа и русская художественная культура конца XIX – начала XX в. // Бенуа А.Н. Мои воспоминания : в 5 кн. Кн. 4, 5 / изд. подгот. Н.И. Александрова и др.; отв. ред. Д.С. Лихачев. М. : Наука, 1990. С. 577–622.
2. Эткинд М.Г. Александр Николаевич Бенуа. 1870–1960. Л. ; М. Искусство, 1965. 216 с.
3. Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX – начала XX века. Л., 1989. 480 с.
4. Зайцев Б.К. Далекое. Washington : Inter-Language Literary Associates, 1965. 201 с.
5. Бенуа А.Н. Жизнь художника: воспоминания. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 1. 409 с.
6. Бенуа А.Н. Жизнь художника: воспоминания. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 2. 404 с.
7. Чугунов И.Г. М.В. Добужинский и его «Воспоминания» // Добужинский М.В. Воспоминания. М. : Наука, 1987. С. 321–365.
8. Лотман Ю.М. От редакции // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Ученые записки Тартуского государственного университета. 1984. Вып. 664. С. 3.
9. Лотман Ю.М. Символика Петербурга // Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
10. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Ученые записки Тартуского государственного университета. 1984. Вып. 664. С. 30–45.
11. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М. : Книга, 1991. 84 с.
12. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : «Искусство – СПБ», 2003. 616 с.
13. Бенуа А.Н. Живописный Петербург // Мир искусств. 1902. Т. 7, № 1. С. 1–5.
14. Гусарова А.П. Мир искусства. Л. : Советский художник, 1972. 97 с.
15. Бенуа А.Н. Мои воспоминания : в 2 т., 5 кн. М., 1993. Т. 1, кн. 1–3.
16. Бенуа А.Н. Мои воспоминания : в 2 т., 5 кн. М., 1993. Т. 2, кн. 4, 5.
17. Хазова Н.В. Санкт-Петербург восемнадцатого столетия в художественном творчестве Александра Бенуа 1900-х годов // Театр. Живопись. Кино. Музыка. Ежеквартальный альманах. 2013. № 2. С. 101–111.
18. Федорчук И. «Звуки и созвучья». Соносфера Павловска в литературе // Studia Wschodnioslowiańskie. 2007. Т. 7. С. 17–32.
19. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М. : Республика, 1996. 335 с.
20. Фрейд З. Толкование сновидений. М. : К-во «Современныя проблемы», 1913. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 октября 2019 г.

Mystical Petersburg in *Moi Vospominaniya* by Alexandre Benois

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 5–13.
DOI: 10.17223/15617793/450/1

Alyona V. Galkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kalosagahtos@gmail.com

Keywords: Petersburg; Petersburg text; autobiography and memoirs of artists; first wave of emigration; Russian émigré literature; Alexandre Benois.

The aim of the study is to determine the specifics of the chronotope of Saint Petersburg in the memoir-autobiographical work *Moi Vospominaniya* [My Memories] (1934–1960) of the Russian emigrant artist Alexandre Benois and to identify the relationships between the aesthetic settings of his paintings and their reflection in his perception of the city in the verbal text. The work uses an integrated approach based on historical and literary, comparative-typological, phenomenological and cultural methods. Benois's *Moi Vospominaniya* is considered as an egotext about art, in which the author represents the concept of his own creativity. This work has been studied in the aspect of implementing the idea of synthesising the arts through the interaction of pictorial and verbal artistic imagery, relevant to the culture of the turn of the 20th century. *Moi Vospominaniya* is characterised by a multi-level structure of the spatio-temporal organisation of the narrative: the chronotope is embodied both in real historical "open" time and in an imaginary space, subjective "closed" time, the space of art, the mystical chronotope. The space in the text is modelled by art but represents the real world restored by the author's memory. Sometimes elements of another being dangerous to humans penetrate into it: the

mystical atmosphere of Oranienbaum and Pavlovsk, white nights, the oneiric chronotope (terrible prophetic dreams, pictures coming alive). The author concludes that Benois's text models images of the artistic space, in which the elements characteristic of his pictorial and theatrical-decorative works that combine realistic and fantastic principles are realised. The space-and-time of Saint Petersburg in the text is polysemantic; it incorporates various cultural and spiritual phenomena. The real and the surreal mutually influence and condition each other, the conscious and unconscious spheres of life and art are intertwined. Hoaxes in the narrative are exposed to cultural monuments, artifacts, family relics that symbolise the connection of the life of an autobiographical character with previous eras, the merging of dreams, fantasies and reality that conveys his attitude. By turning to the art of the past, the alarming symptoms of the future are discerned: the anxiety and fear dispersed in the narrative becomes evidence of the character's fears of the invasion of something hostile, a sign of human doom, the death of a peaceful way of life, old life, culture, a forerunner of new disasters. Mystical and everyday lives coexist not only in the life of the character himself, but also of his contemporaries; the author pays special attention to this, foreseeing a negative and dangerous trend in the overconcentration of infernal manifestations (growing religious mystical searches, the spread of sectarianism in different layers of Russian society).

REFERENCES

1. Sternin, G.Yu. (1990) "Moi vospominaniya" Aleksandra Benua i russkaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XIX – nachala XX v. ["My Memories" by Alexandre Benois and Russian Art Culture of the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Benois, A.N. *Moi vospominaniya: v 5 kn.* [My Memories: In 5 Books]. Books 4–5. Moscow: Nauka. pp. 577–622.
2. Etkind, M.G. (1965) *Aleksandr Nikolaevich Benua* [Alexandre N. Benois. 1870–1960]. 1870–1960. Leningrad; Moscow: Iskusstvo.
3. Etkind, M.G. (1989) *A.N. Benua i russkaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XIX – nachala XX veka* [Alexandre Benois and Russian Art Culture of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.
4. Zaytsev, B.K. (1965) *Dalekoe* [The Distant]. Washington: Inter-Language Literary Associates.
5. Benois, A.N. (1955a) *Zhizn' khudozhnika: vospominaniya* [An Artist's Life: Memories]. Vol. 1. NY: Izd-vo im. Chekhova, T. 1. 409 s.
6. Benois, A.N. (1955b) *Zhizn' khudozhnika: vospominaniya* [An Artist's Life: Memories]. Vol. 2. NY: Izd-vo im. Chekhova.
7. Chugunov, I.G. (1987) M.V. Dobuzhinskiy i ego "Vospominaniya" [M.V. Dobuzhinsky and His "Memories"]. In: Dobuzhinskiy, M.V. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Nauka. pp. 321–365.
8. Lotman, Yu.M. (1984) Ot redaktsii [From the Editor]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 664. p. 3.
9. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 275–295.
10. Lotman, Yu.M. (1984) Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Symbols of St. Petersburg and the Problems of Semiotics of the City]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 664. pp. 30–45.
11. Antsiferov, N.P. (1991) *Dusha Peterburga* [The Soul of St. Petersburg]. Moscow: Kniga.
12. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg: "Iskusstvo – SPB".
13. Benois, A.N. (1902) Zhivopisnyy Peterburg [The Picturesque Petersburg]. *Mir iskusstv*. 7 (1). pp. 1–5.
14. Gusarova, A.P. (1972) *Mir iskusstva* [The World of Art]. Leningrad: Sovetskiy khudozhnik.
15. Benois, A.N. (1993) *Moi vospominaniya: v 2 t., 5 kn.* [My Memories: In 2 Vols, 5 Books]. Vol. 1, Books 1–3. Moscow: Nauka.
16. Benois, A.N. (1993) *Moi vospominaniya: v 2 t., 5 kn.* [My Memories: In 2 Vols, 5 Books]. Vol. 2, Books 4–5. Moscow: Nauka.
17. Khazova, N.V. (2013) 18th Century Saint Petersburg in the Works of Alexandre Benois in 1900s. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*. 2. pp. 101–111. (In Russian).
18. Fedorchuk, I. (2007) "Zvuki i sozvuch'ya". Sonosfera Pavlovska v literature ["Sounds and Consonances". The Sonosphere of Pavlovsk in Literature]. *Studia Wschodnioslowiańskie*. 7. pp. 17–32.
19. Biedermann, H. (1996) *Entsiklopediya simvolov* [Dictionary of Symbolism]. Translated from German. Moscow: Respublika.
20. Freud, S. (1913) Tolkovanie snovideniy [The Interpretation of Dreams]. Translated from German. Moscow: K-vo "Sovremennyya problemy".

Received: 01 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 14–21. DOI: 10.17223/15617793/450/2

УДК 882-1 Костров

А.Г. Маслова

СВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В ПОЭЗИИ Е.И. КОСТРОВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Творчество Е.И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII в.» № 17-04-50062-ОГН.

Анализируется роль световых образов в поэзии Е.И. Кострова. Выявлена связь световых образов с традициями устного народного творчества, абсолютистской идеологией, библейской образностью, просветительскими идеями, масонской антропологией. Доказано, что световые образы играют символическую роль и выражают идеи Божественного покровительства, борьбы света и тьмы, мудрости, нравственной чистоты; основная эстетическая функция световых образов – передавать эмоции лирического героя.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в.; одическая поэзия; мифопоэтика света и тьмы; библейские мотивы; масонская антропология.

Научная проблема, решаемая в данном исследовании, – выявление роли световых образов, символов и мотивов в поэзии Е.И. Кострова, осмысление их связи с различными культурно-историческими традициями и явлениями, синтезировавшимися в русской литературе последней трети XVIII в.: с устным народным творчеством, древнерусской православной литературой и библейской образностью, русской панегирической поэзией, просветительской идеологией, масонским учением.

Актуальность обращения к заявленной проблеме обусловлена обострившимся вниманием современной филологической науки к переходным процессам в истории литературы, а в период последней трети XVIII в. в литературе происходят качественные изменения: эпоха традиционализма сменяется эпохой индивидуального художественного мироосмысления. В этой связи важно исследовать сквозные для культуры, архетипические в своей основе темы, мотивы и образы, так как на примере их функционирования в творчестве отдельных писателей на фоне общекультурных смыслов более рельефно обозначаются художественные позиции авторов. Мотивы и образы, связанные с символикой света и тьмы, широко представлены как в мифологической традиции, так и в книжной культуре различных эпох, присутствуют они и в поэзии Е.И. Кострова. Именно исследование этих мотивов является *предметом* научного внимания в данной статье.

Степень изученности вопроса

Значимость и знаковость световых образов в поэзии XVIII в. не подвергается сомнению. Можно говорить о присутствии особого «светового сюжета» в русской литературе XVIII столетия, что доказывает А.А. Харлушина в своих работах [1, 2]. Исследователь отмечает, что «“световой сюжет” претерпевал значительные трансформации на протяжении всего XVIII столетия. В творчестве Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, В.К. Тредиаковского свет теснейшим образом связан с тем комплексом смыслов, который сложился в православной церковно-книжной традиции. В творчестве М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.И. Майкова, В.В. Капниста происходит переосмысление “светового сюжета”: свет соотносится не с религиозными ценностями, а с ценностями государственного порядка. В конце столетия обнаруживается еще одна трансформация “световой формулы”. “Свет” окончательно утрачивает свою связь с породившей ее традицией и оказывается знаком природного мира» [2. С. 5].

Идея света в классицистической поэзии XVIII столетия тесным образом связана с Просвещением, базирующимся на идее света разума, организующего мир. Как замечает О.М. Буранок, антитеза «свет–тьма» стала часто повторяющимся образом петровской эпохи: «человек побеждает тьму старины, символизирующей неверие, обскурантизм, невежество, ради света знаний, нового, того, что <…> несет счастье и славу России» [3. С. 159]. Сохраняется эта символика и в послепетровскую эпоху.

Световые формулы широко используются в идеологическом контексте: подателями света, тепла, блеска являются те, кто наделен властью, царствующие особы, которым отводится роль демиургов, творящих свет из тьмы. Этот мотив, по наблюдению А.А. Харлушиной, проанализировавшей оды М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.И. Майкова и В.В. Капниста, объединяет представителей «ломоносовской» и «сумароковской» одических школ [1. С. 56]. В то же время Н.Ю. Алексеева, исследуя проблему развития одической формы в русской поэзии XVIII в., находит концептуальное различие в использовании световых образов в одах М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова. Если в одическом мире Ломоносова преобладает свет, то у Сумарокова «изображение ада и адских мук создает в его одах особый колорит мрака, ужаса, страдания – прямо противоположный (хотя, может быть, и неосознанно) свету и тишине од Ломоносова» [4. С. 254]. Преобладание света, устремленность к тишине и стройности в ломоносовской оде, однако, не свидетельствует об отсутствии борьбы света и тьмы, это борение «отражает суровое библейское понимание мира, согласно которому борьба добра со злом постоянна», и поэтому в его одах «свет падает лучами, пронизывающими тьму <…> он ярок и резок» [Там же. С. 266]. В одическом мире Хераскова нет мрака, поэтому отсутствует контраст, характерный и для Ломоносова, и для Сумарокова. У Хераско-

ва свет, являющийся синонимом нравственной категории добра, не так ярок и резок, одический мир Хераскова «озарен мягким, прозрачным светом» [4. С. 266].

Необходимо учитывать, что, несмотря на ориентацию русских классицистов на европейскую идеологию Просвещения, световая символика поэзии XVIII в. не оторвана от русской национальной традиции и древнерусской литературы. Символические образы светового ряда бытовали в Древней Руси как в языческих фольклорных, так и в христианских книжных текстах. Их функционирование в русской культуре подробно исследовала Лила Мончева в статье «К проблеме символьного образа в древнерусской литературе». Л. Мончева отмечает, что в русской обрядовой культуре сохранилась связь с архаическим соотнесением матери с «красным солнышком», отца – со «светлым месяцем», что вписывается в систему астрально-солярных мифов и соответствует матримониальному устройству общественной жизни [5. С. 39]. Христианская интерпретация светового символьного образа, воспринятая русской литературой от Византии, «основывается на эстетическом принципе “фотодосии” – свет как дар божий, как эманация самого божества» [Там же. С. 40]. Появляется иерархизация семантического содержания световых образов, возникает также просветительская интерпретация света как божественного учения. Важная особенность световой символики Древней Руси, органично перекочевавшая и в одическую поэзию XVIII в., – интерпретация образа светского правителя в символьном образе солнца [Там же. С. 42].

Идея света в поэзии может быть представлена различными образами: «свет», «солнце», «восход», «заря», «блеск», «сияние», «звезды», «лучи» и т.п. «Световой сюжет» может рассматриваться в нескольких руслах: как символ, восходящий к идеям Божественного света, идеям борьбы света с тьмой, и как образ, организующий пространство, особый прием, позволяющий создавать живописные словесные картины. Так, в искусстве свет предстает в двух категориях: «как освещение, с определенным реальным источником в виде солнца, луны или зажженной свечи, и как явление духовной энергии» [6. С. 193].

Огромное влияние на русскую литературу во второй половине XIX в. оказала масонская культура и этика. Наиболее влиятельная в России ветвь масонов-розенкрейцеров формируется вокруг Московского университета в конце 1770-х – начале 1780-х гг., как раз в то время, когда Е.И. Костров занимает должность университетского стихотворца, активно сотрудничает с одним из самых видных масонов-просветителей, арендатором типографии при Московском университете Н.И. Новиковым, тесно общается с М.М. Херасковым, также связанным с масонским движением. Как справедливо замечает В.И. Сахаров, масонская философия, ориентированная на развитие внутренних рациональных и духовных сил каждого человека, с ее таинственными и полными символического смысла обрядами, была «богатым и оригинальным источником образов и тем для поэм, од и малых поэтических жанров» [7. С. 66]. В масонской поэзии символика света занимает одно из первостепенных мест. А.Н. Пашкуров и А.И. Разживин подчеркивают, что миф о соотношении в мироздании начал Света и Тьмы является одним из основополагающих канонических мифов масонства, и связан он с преодолением человеком тьмы грехов внутри себя и возвращением к свету, который был дан Богом Адаму изначально [8. Т. 2. С. 180–181]. Можно говорить о глубинной символике названий московских масонских журналов «Утренний свет» и «Вечерняя заря», о масонском подтексте в образах света и «мрачных туч» в стихотворении В. И. Майкова «Ода ищущим мудрости», о символичности солярных образов в «Утренних размышлениях» М.Н. Муравьева и во многих других произведениях, опубликованных в журналах Н.И. Новикова 1777–1785 гг. (см. об этом подробнее: [9. С. 97–116]). Безусловно, не будучи напрямую связан с масонством, Е.И. Костров был знаком с произведениями, опубликованными в журналах, издававшихся при Московском университете, и образная система масонской поэзии нашла отражение в творчестве университетского стихотворца.

Как можно убедиться, световая символика в русской поэзии не была случайным явлением. Она тесно связана с традициями древнерусской культуры, с православием, с мифами эпохи Просвещения, масонской антропологией, в поэзии XVIII в. складывается особый «световой сюжет», определяются мифопоэтические концепты световых образов. В то же время можно говорить и об индивидуальных особенностях функционирования световых образов в поэзии разных авторов.

Световые образы поэзии Е.И. Кострова еще не становились объектом исследовательского внимания. Данная проблема впервые рассматривается в предложенной работе.

Ход исследования и результаты

Для современников Е.И. Кострова его поэтический талант не подвергался сомнению. Высокая образованность Кострова, овладевшего еще в Вятской духовной семинарии древнегреческим и латинским языками, безусловно, способствовала развитию и совершенствованию этого таланта. Сделав первые шаги в образовании в стенах духовной семинарии, продолжив затем учебу в Московской славяно-греко-латинской академии, будущий переводчик гомеровской «Илиады» глубоко освоил христианскую литературу, и религиозная символика и образность органично вливаются в его произведения, откликающиеся на значительные события последней четверти XVIII столетия и адресованные именитым современникам.

Нами проанализированы 25 произведений Е.И. Кострова, в которых встречаются световые образы. Большинство произведений – оды, торжественные песни и эпистолы, написанные на разные случаи, такие как день рождения, день коронации, день восшествия на престол Екатерины II, открытие губернии в Москве, прибытие императрицы в Москву, день открытия Общества любителей учености. Проанализированы также оды, адресованные современникам Ко-

строва – И.И. Шувалову, М.М. Хераскову, З.Г. Чернышеву, преосвященному Платону. Кроме одических текстов объектом анализа стали идиллия «Каллидор», написанная на день тезоименитства И.И. Шувалова, эклога «Три грации», созданная на день рождения княжны Александры Павловны, мадригал, станс и стихи, восхваляющие деятельность митрополита Московского и Калужского преосвященного Платона, и два стихотворения, которые можно отнести к типу «безделок» – «Стихи на иллюминацию», написанные на день бракосочетания, и «Стихи Лизете», содержащие похвалу юной красавице. Таким образом, основной корпус исследованных текстов связан с событиями государственного значения и должен встраиваться в разработанную русскими классицистами систему поэтического выражения государственной идеологии. Световой сюжет соотносится в первую очередь с ценностями государственного порядка: автор торжественного панегирика, прославляя русскую монархиню и современных государственных деятелей, представляет их в ореоле света, лучи от которого, повсеместно распространяясь и разгоняя мрак, создают атмосферу всеобщего сияния и счастья.

Один из главных символов абсолютизма – «царь-солнце». Общим местом од становится сопоставление монархов с солнечным светилом. Мария, супруга Павла, представляется в сравнении с восходящим солнцем, с весной: «Стыдится блеск зари пред Нею / Сама дивится ей весна» [10. С. 39]. Елизавета, основавшая Московский университет и взирающая на свое детище с облаков «безмрачных, светоносных, мирных», «помрачает» сиянием своих очей само солнце [Там же. С. 41].

В приступе к оде «На день восшествия на всероссийский престол Ея Императорского Величества Екатерины II 28 июня 1780 года» присутствует сравнение российской монархини с зарей. Заря видит монархиню «во всем подобную себе». В оде «На день рождения Ея Императорского Величества Екатерины II, 21 апреля 1781 года» подчеркивается божественность власти российской монархини, посланной в свет, «дабы толь красное светило / Своим блистаньем помрачило / Лучи других земных планет» [10. С. 54]. Очи монархини «светозарны», они льют «кроткий луч», разгоняющий «сгущенный мрак печальной ночи» [Там же]. Образ Екатерины в одических текстах Кострова сопровождается мотивами «блеска», «лучей», «лучезарности», «светозарности», «озарения»: «В нем мудрости лучи небесны / В нем блещет свет твоих щедрот» [Там же. С. 55]; «Щедрот ты блеском лучезарных / В сердцах россиян благодарных / К себе рождаешь фимиам» [Там же. С. 65] и т.п.

В «Оде на день открытия общества любителей учености при Императорском Московском университете» (1789) используется прием контраста грозной силы, направленной на врагов, и света добродетели и правды, распространяющегося в родном отечестве. Сила россов устрашает врагов, символически представленных в образе мрачных туч: «Как тучи мрачныя, чудовища ужасны… Несутся, чтоб собой Россию отягчить» [10. С. 117]. Россия для вражеских темных сил – грозный «исполин», громящий их войска. В родном же отечестве лучи Екатерины уже не грозят гибелью, – наоборот, они несут свет премудрости и добродетели, монархиня несет подданным «лучи света», направляющие их по пути правды.

Как отмечает Л.И. Сазонова, «солнечным светом залита вся триумфальная поэзия эпохи барокко и классицизма» [11. С. 398]. Уже в панегирической поэзии Симеона Полоцкого образ монарха неизменно сопровождается «ореолом блистательности и светоносности» [Там же]. И у Симеона Полоцкого, и впоследствии у Ломоносова символика солнца включается в антитезу свет–тьма [Там же. С. 402]. Можно сказать, что не только метафора «царь-солнце», казавшаяся, по наблюдениям Л.И. Сазоновой, смелой в эпоху Симеона Полоцкого [Там же], становится «общим местом» оды классицизма, но и прославление демиургических способностей русского монарха, разгоняющего тьму и несущего свет, преображающий пространство, также становится «общим местом» русской оды XVIII в. В одах Е.И. Кострова мотив преображения пространства, связанный со световым сюжетом, является сквозным.

В «Оде на прибытие Ея Императорского Величества в Москву 1785 года, июня 3 дня, поднесенной Ея Величеству от тамошняго университета» изображена древняя столица, которая в связи с приездом Екатерины «в новых зрит себя лучах» [10. С. 78]. В этой же оде присутствует мотив сопоставления преображающей силы русской императрицы с Ангелом, который несет в мир Божественный свет и разгоняет своим полетом «тучи мрачны» [Там же. С. 80]. Лучи света, свет – символика, связанная с божественными силами добра, и не случайно в оде появляется мотив бегущих от света, распространяющегося вокруг императрицы, «темных сил»: «во мрачные края» бегут и «любитель мзды», и «преступник клятвы», и «коварный», и «неблагодарный» [Там же. С. 81]. В анализируемой оде символика света и тьмы тесно связана с духовно-нравственными мотивами противостояния добра и зла.

В «Песни благодарственной Ея императорскому величеству за оказанныя Москве щедроты в бытность Ея величества в сей столице» (1785) представлена Москва, обновленная стараниями императрицы и озаренная ее лучами. Москва благодаря щедротам Екатерины предстает «блестяща светом, луны сребру подобна цветом» [Там же. С. 84]. От лица древней русской столицы звучит благодарственная речь в адрес щедрой покровительницы: «И верх моей главы сияньем озарен», «Я, свет приемля Твой, блистательна, славима» [Там же. С. 86]. Свет здесь символизирует славу и процветание.

«Песнь на возвращение Ея Императорского Величества Екатерины II из полуденных стран России» также содержит мотив преображения пространства под воздействием благодеяний императрицы, а императрица наделяется ореолом Божественного сияния: «Всех *Планета* озаряет, / Возрождает, обновляет / В светлом шествии Своем» [10. С. 97]. В образе Планеты здесь предстает Екатерина.

Символика света как атрибута Божества – наиболее частый мотив одической поэзии Е.И. Кострова.

Многие исследователи отмечали такую особенность од Кострова, как «частое обращение к библейской тематике и образности» [12. С. 65] и увеличение количества «библеизмов» [13. С. 27]. Г.А. Гуковский писал: «Костров насыщает свои ранние оды славянизмами и всевозможными “библеизмами”, образами, выражениями, мотивами Библии, иногда нарочито архаического и притом величественного звучания» [14. С. 466]. Следует сказать, что данное наблюдение касается не только ранних од Кострова. Световой сюжет, связанный с библейской символикой и образностью, подчеркивающий идеи нисхождения Божественного света в мир, является сквозным в поэзии Кострова.

В «Оде на всерадостный день коронации Екатерины II, 1778 года» свет становится неотъемлемым атрибутом Бога и Небесных ангелов, осеняющих Россию, ниспосылающих на землю мудрые заповеди: «Глаголы уст твоих предвечны, / Речешь – и тако свет течет» [10. С. 7].

Этот же мотив звучит в оде «На открытие губернии в столичном граде Москве» (1782), адресованной Екатерине II. «Светлообразный», «лечезарный» Ангел является перед российским народом, он держит в руках скрижали, «где мудрым духом начертаны суд, милость, правда, мир и страх» [Там же. С. 71]. В оде русский народ сопоставляется с израильтянами, воспринявшими с Синая закон Божий, но если «Израиль в ужасе трепещет», то «Росс веселием соплещет и видит кротка света луч» [Там же. С. 72]. Очень значимым в данном эпизоде является эпитет «кроткий». В «Словаре русского языка XVIII века» даются следующие значения слова «кроткий»: «1. Смиренный, незлобивый, уступчивый. // Выражающий незлобивость, смирение. // Исполненный незлобивости, смирения. // Снисходительный, исполненный терпимости, не строгий. 2. Мирный, спокойный; непритязательный, скромный (преимущественно в произведениях сентименталистов). // Приятный для восприятия; не резкий, не раздражающий» [15]. «Кроткий», то есть «незлобивый», «смиренный», «спокойный» свет божественной воли, ниспославшей России мудрые заповеди, провозглашающие ценности милости и правды, противопоставлен «грозным тучам» и «грому», сопровождавшим провозглашение Божественных заповедей израильскому народу на Синае. Мудрые законы, данные людям, рождают «спокойство, мир и тишину», от них «течет согласие в сердца, / Мятеж, насилие, раздоры / Во мрак свои скрывают взоры / От их пресветлого лица» [10. С. 73]. Так, свет в проанализированной оде «На открытие губернии в столичном граде Москве» является символом Бога и мудрых Божественных законов, кротости, спокойствия, мира, милости и правды. Мрак – это область, где скрываются «мятеж, насилие, раздоры», всяческое зло.

День коронации Екатерины мыслится как день Божественного освещения России, день нисхождения Высшего света на россов. Божественный вестник, осененный «нетленным блеском», возвещает Москве и россам Высшую благодать, носителем которой является Екатерина: на российскую императрицу нисходит «небесный свет», преображающий пространство. «Гоня печалей черну тень», дни Российской державы, осененные Божественным сиянием, исходящим от императрицы, «преобратились в светлый день» [10. С. 11].

Используя характерный для оды топос исторической преемственности монархов на российском престоле, автор переходит к восхвалению потомков Екатерины и олицетворяет их с солярной атрибутикой: Павел и Мария сравниваются с «лучезарным Фебом» [Там же]; Александр – «луч ясный», «рожден во время нам златое, рожден в пресветлы мира дни» [Там же. С. 11–12]. Мифологема золотого века, становящаяся лейтмотивом «Оды на день коронации», также неотделима от световой символики и вписывается в основной идеологический ряд символов: монарх – солнце – золото.

Символика света становится повторяющимся «общим местом», сопровождающим в одических текстах мотив «золотого века». В оде «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета» 21 апреля 1780 года, создающей образ «златого века» Екатерины, подчеркивается мысль о победе света, символически представленного в образе сладостных лучей, рожденных небесной властью, над мраком невежества, духом зла и завесой лицемерия. Свет здесь символизирует высшие нравственные ценности.

Символика Божественного света появляется в «Оде на день рождения Его Императорского Величества Государя Великого Князя Александра Павловича» (1778) в связи с восторженной устремленностью одического певца к высшим сферам – туда, «где небожителей держава, / Без мрачной ночи вечна слава / И неприступный смертным свет» [10. С. 21]. Присутствует сравнение царской четы с солнцем, глаголом «блистать», связанным со световой символикой, подчеркивается внутренняя нравственная добродетель Павла и Марии, родителей Александра. Небесный свет, льющийся от мира небожителей на землю, проникает и в душу только что родившегося младенца: «и се светообразный / На отрока лиется дух, / Да в нем дары почиют разны, / Подзвездный удивляя круг» [Там же. С. 22]. Этот же топос исторической преемственности присутствует и в оде «На день восшествия на престол Екатерины II, 28 июня 1782 года», где вслед за восхвалением Екатерины автор создает образы Павла и Марии, широко используя символику световых мифологем.

Божественный свет изливается на российских монархов, а вместе с ними и на всю подвластную им Россию. Идея Божественного света, осеняющего власть монархини, осложняется нравственной программой – жить по высшим законам мудрости и добродетели: «Во багряницу облечена / Сияй величеством души» [Там же. С. 66]. Свет, исходящий от престола императрицы, должен рассеивать мрак пороков:

Да от престола светоносна
Мужей порочных совесть злостна
Бежит и кроется в горах [10. С. 66].

В «Оде на день рождения Его Императорского Величества Государя Великого Князя Александра Пав-

ловича» 1778 г. появляются световые образы, связанные с нравственной проблематикой, характерной для псалмодической традиции и для масонской антропологии. Наряду с образом приветствующих рождение Александра дружеских племен в оде возникает образ «ходящих в путях неправых», которые внешне «веселья полны при *светлости* российских дней», но «в их нутри смущенья волны и *мрачный* царствует Борей» [10. С. 19]. Внутренний мир противников торжества России рисуется как мир мрака и холода.

В русле символического представления о свете, несущем просвещение и противостоящем мраку невежества, звучат строки оды «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета» 21 апреля 1780 г., прославляющие храм науки, в котором просвещаются молодые сердца: «Где мрак отрясши мыслей грубый / И в сердце свет прияв сугубый, / Другим во грудь его лиют» [Там же. С. 42].

Световая символика, подчеркивающая добродетельные качества восхваляемой личности, присутствует не только в произведениях, посвященных царствующим особам и членам их семей. Те же идеи несут световые образы и в «Оде на день рождения Его превосходительства Михаила Матвеевича Хераскова». Об адресате оды Е.И. Костров пишет: «В твоей душе огонь щедротный обитает» [Там же. С. 124]. Направленный на благо, этот «огонь» рождает ответное усердие в сердцах окружающих, что сравнивается с действием солнечных лучей, вызывающих благотворную ответную реакцию всего земного мира. Добродетель адресата оды противопоставлена безнравственности, живущей в сердцах льстецов и клеветников, бегущих от праведного света, так как «не могут вместе быть и день и мрачна ночь» [Там же. С. 126].

Световым ореолом окружен и герой «Оды Его сиятельству главнокомандующему в Москве, графу Захару Григорьевичу Чернышеву на случай вступления Его в правление Москвы» (1782). Период отсутствия главнокомандующего в столице сравнивается с мраком, сменившимся долгожданным светом: «Возвысь главу и зри: отрад блистает луч» [Там же. С. 128]. В соответствии с заданным в приступе образом в центральной части оды возникает образ восходящего солнца, аллегорически соотносимого с одическим героем. От лучей его бежит прочь неправда и коварство: «И что виной тому? бежит от света ночь» [Там же. С. 131].

Правление З.Г. Чернышева должно, по убеждению одического автора, способствовать утверждению блага и противостоять неправде. Благие деяния одического героя сопровождаются преображением пространства: «Где были терния колючи / И мрачныя носились тучи, / Там розы днесь цветут, там чистый блещет свет» [Там же. С. 132].

Об И.И. Шувалове в идиллии «Каллидор. На день тезоименитства Его превосходительства Ивана Ивановича Шувалова. Ноября 12 дня, 1781» сказано: «Где луч его очей, там бедствий тает лед, / Печали мгла бежит, его где блещет свет» [Там же. С. 137].

Кроме символики, связанной с противопоставлением света / добродетели и мрака / порока, световые образы используются в произведениях Е.И. Кострова для передачи положительных эмоций. Солнечный свет символически передает эмоцию радости и всеобщего веселья. В идиллии «Каллидор» рисуется образ «пресветлого Феба», «в восторге радостном» вещающего о рождении мецената [10. С. 138]. Вопреки осеннему времени года, вся природа освещается блеском весенних дней, соотносимым с образом Каллидора – Ивана Ивановича Шувалова. В идиллии упоминается о болезни мецената, и время болезни соотносится с мрачными днями, а выздоровление – с восходом солнца: «Прешла печаль, прешла прискорбий мрачна тень / И паки воссиял отрад веселых день» [Там же. С. 141]. Завершается идиллия картиной заката, но ночное время суток вовсе не означает наступление мрака. С небес взирает на землю луна, внимающая пению муз и разделяющая всеобщую радость.

И.И. Шувалову посвящена и «Ода Его Превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову на прибытие из Санкт-Петербурга в Москву» (1779). Знаменательно введение в поэтику оды символики священного небесного огня. Одический певец обращается к адресату оды с просьбой:

... Простри ко мне, простри твой кроткий слух
И в грудь мою вдохни твой благотворный дух,
Да огнь его в моих составах разлиется,
И тако песнь тебя достойна соплетется! [16. С. 119].

Возникает в оде и образ «ложного света»: счастье, которое многим представляется в блеске роскоши и славы, прельщает людей, но не имеет власти над добродетельным меценатом: «Ты, счастье, ложными приосенять лучами / И царствовать уже не можешь над делами, / Которы суть не что, как мудрых зрелый плод…» [16. С. 120].

И.И. Шувалов предстает как личность, способная противостоять ложному свету славы и укрепляющая силу истинного света, несущего в земной мир науки и высшую мудрость посредством поддержки Московского университета. В оде подчеркивается, что свет наук распространяется не только в России, но и за рубежом.

Ярко мотив противостояния света и тьмы проявляется в произведениях, посвященных преосвященному Платону Митрополиту Московскому и Калужскому (оде, мадригале и стансе), и «Стихах на освящение храма в Московском университете, поднесенных ему же, преосв. Платону». В оде, написанной в день тезоименитства преосвященнейшего Платона, подчеркивается мысль о том, что архипастырь несет в земной мир Божественную правду, распространяет свет добра, Платон сравнивается с Фебом, льющим свет в земные недра.

Главным мотивом этих творений становится мотив борьбы света и тьмы, где свет символизирует победу мудрости и веры над тьмой пороков и невежества. Платон призван «мрак неистов разрушить»: «Пред ним строптивых полк трясется, / Пред светом исчезает мрак» [10. С. 163]. В «Стихах на освящение храма в Московском университете» звучат такие строки, обращенные к Платону: «Пороки от твоих бесед спешат во мрак: / Несносен им лучем доброт сияющ зрак» [10. С. 169]. Не менее ярко мотив противостояния

Божественного света мудрости и дьявольской тьмы невежества звучит в простых и афористичных строках станса, адресованного митрополиту, в которых сквозным афоризмом становится фраза «Там мрак, где мудрых нет» [Там же. С. 165]. Многозначным оказывается слово *свет* в «Мадригале», посвященном Платону. В первых строчках свет символически передает идею истины, противостоящей мраку невежества:

О Пастырь! для тебя единственная честь,
Чтоб свет наук умножить,
Мрак грубый уничтожить [10. С. 164].

В последних строчках слово *свет* упомянуто дважды, и оба раза в разных значениях. Восторженный голос муз «возвестить твои доброты в свете тщится, доколе бег планет и свет не прекратится» [Там же]. В первом случае свет означает весь мир, в пространстве которого раздается голос муз, во втором – передает идею жизни: свет – это жизнь. Пока не прекратится течение жизни, музы будут провозглашать хвалы заслугам добродетельного пастыря.

В «Стихах на освящение храма в Московском университете, поднесенных преосв. Платону Митрополиту» возникает образ вдохновенного «священного» огня, воспламеняющегося в сердцах муз, приветствующих освящение храма Московского университета. Образ света здесь призван передать идею страстного чувства, восторга, вдохновения: «Преобратите вы себя во огнь священный, / В живый, чистейший огнь, блистательный, нетленный» [Там же. С. 167].

Наряду с символикой, связанной с идеями Фаворского света, государственной идеологией и нравственной проблематикой, возникают в произведениях Е.И. Кострова световые образы, используемые автором в композиционных целях. Так, нередко торжественные произведения Кострова открываются картиной восходящего солнца, символизирующего идею восхождения поэта на Парнас. Приведем пример из приступа к «Оде на всерадостный день коронации Екатерины II, 1778 года»:

Златого светоносца персты
Открыли в тверди горизонт;
Врата восточные отверзты,
Оставлен Фебом хладный понт [10. С. 5].

Подобный же приступ, содержащий мотивный комплекс «*восходящее солнце – весна – пробуждающаяся Муза»,* открывает оду «На день рождения Екатерины II и на празднество первой четверти столетия от учреждения Московского университета» 21 апреля 1780 г. В приступе к «Оде Его Превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову на прибытие из Санкт-Петербурга в Москву» (1779) звучит традиционный для оды мотив восхождения одического певца на Парнас, сопровождающийся символикой света, подчеркивающей идею обретения вдохновения: «Какой лиется луч в мою усердну грудь / К Парнасу светлому являя злачный путь?» [16. С. 119]. Свет становится символом поэтического восторга в приступе к оде «На день восшествия на престол Ея Императорского Величества Екатерины II 28 июня 1782 года». Поэт обращается к солнцу с призывом придать его слову особое звучание, влить «животворящий свет» в его «усердну грудь».

Примечательно, что, используя образ восходящего солнца в приступе к оде, Костров создает и другую картину – образ заката в заключении к оде. Такой прием мы видим в оде «На открытие губернии в столичном граде Москве, Екатерине II, 5 октября 1782 года». В оде создается картина вечернего пейзажа: на смену солнцу на небо восходит луна, которую автор называет «сестрой огнеобразна Феба» [10. С. 77]. Образы солнца и его сестры луны не случайно появляются в торжественной оде: они с высоты неба поочередно взирают на «росски торжества».

Изредка в поэзии Е.И. Кострова свет становится элементом пейзажа, как в эклоге «Три грации», где изображается Нева в свете солнечных лучей:

Огни сии в водах различно преломляясь,
От влаги бисерной со блеском отражаясь,
Играющий нам вид являют во струях
И поздравляют тем дщерь Павла в пеленах [10. С. 102–103].

Но даже в этом случае солнечный свет, играющий в водах Невы, символически выражает идею радости, связанной с рождением княжны Александры Павловны.

Особо следует рассмотреть «легкие» стихотворения Е.И. Кострова, не связанные с событиями государственного значения. Так, в «Стихах на иллюминацию в селе Г.Р.Б.Н.В.» образ света, казалось бы, не имеет аллегорических и символических функций. Огни, изображенные в произведении, – это огни иллюминации, украшающей празднество бракосочетания. Вокруг «черная завеса ночи», а в месте праздника – «повсюду свет лиет различными огнями, в нем все исполнено чудесными лучами, чистейшим бисером усыпан свод небес» [10. С. 192]. В то же время в стихотворении Е.И. Кострова, воссоздающем чудесную картину праздничной иллюминации, подчеркивается символический смысл зажженных в честь совершающегося брачного союза огней:

Возженны видим мы прелестные огни,
Предвозвещающи ему счастливы дни [10. С. 192].

Таким образом, свет и здесь передает идею счастья, которое должно сопровождать брачный союз.

В «Стихах Лизете» рисуется образ прекрасной юной девушки. Глаза юной красавицы исполнены блеска, лучи которого могут пронзить сердце: «Их блеск есть чистый блеск пронзающих лучей, / Вливает он во груди пламень / И может умягчить и самый твердый камень» [10. С. 199]. Световая символика здесь используется для передачи идеи любви.

Выводы

Световые образы в творчестве Е.И. Кострова занимают значимое место. Символика световых образов Кострова синтезирует различные традиции.

Можно, во-первых, выделить связь с русским фольклором, представляющим князя в образе «солнца красного». Мифологема «царь-солнце» утвердилась в русской панегирической поэзии в эпоху абсолютизма: в хвалебных барочных виршах и в русской оде монарх неизменно представлялся источником света, т.е. всяческих благ. Этот мотив становится общим местом торжественных

текстов Кострова, посвященных различным официальным празднествам. Особенностью произведений Кострова по сравнению с другими одическими поэтами XVIII в. становится широкое использование световой символики в таком сюжетном элементе торжественных панегирических текстов, как топос исторической преемственности, когда солярная атрибутика распространяется и на венценосных потомков, призванных продолжить светоносную деятельность царствующего монарха.

Во-вторых, в творчестве Е.И. Кострова ведущее место занимает световая символика, связанная с традициями государственной абсолютистской идеологии, создающей миф о вечном золотом веке, установившемся под властью царствующего монарха. Образ золотого века, ставший «общим местом» одического хронотопа, сопровождается обязательными атрибутами солнечного света, весны, вечной радости. Световая символика, отражающая демиургические способности монарха, разгоняющего тьму, лежит и в основе ведущего одического мотива преображения пространства, освещенного как благотворной деятельностью правителя, так и просто появлением его в какой-либо местности (например, как у Кострова, – в Москве).

В-третьих, световая символика в творчестве Е.И. Кострова связана с древнерусской православной традицией и библейской образностью: Бог – податель света, посылающий лучи Божественной мудрости в мир. Бог несет нравственные заповеди и освещает своим покровительством монархиню и российский народ.

В-четвертых, выявляется связь с просветительской традицией, соотносящей понятие «свет» с разумом, организующим пространство. Афоризм «там мрак, где мудрых нет», звучащий в стансе, посвященном преосвященному Платону, в наиболее законченном виде выражает эту просветительскую идею.

В-пятых, отмечается соотнесенность с масонской антропологией, подчеркивающей идею личной нравственной ответственности каждого человека за построение храма света в своей душе. Сквозным сюжетом в произведениях Кострова, актуализирующих нравственную проблематику, становится борьба света и тьмы, при этом торжество света неизбежно: добродетель, мудрость, высокие патриотические чувства, служение науке побеждают мрак невежества и безнравственности.

Световые образы выполняют в творчестве Е.И. Кострова не только идеологические, но и эстетические задачи. Так, они позволяют передать идею поэтического вдохновения. С помощью световых образов передаются эмоции восторга, радости, счастья и любви.

В то же время, несмотря на то, что позднее творчество Е.И. Кострова связано с усвоением традиций «легкого» стихотворства, световые образы в его поэзии не утрачивают своей символической роли. Даже в тех единичных случаях, когда эти образы становятся частью конкретного ландшафта или пейзажа, автор с их помощью выражает важные для него идеи или эмоции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харлушина А.А. Динамика «светового сюжета» в русской литературе XVIII века // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2, № 1. С. 53–59.
2. Харлушина А.А. Функции тематического комплекса «свет» в системе торжественной оды М.В. Ломоносова : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 20 с.
3. Буранок О.М. Русская литература XVIII века : Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М. : Флинта; Наука, 2003. 336 с.
4. Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб. : Наука, 2005. 369 с.
5. Мончева Л. К проблеме символьного образа в древнерусской литературе // Dissertationes slavicae. Sectio historiae litterarum. 1984. Vol. 16. P. 37–49.
6. Третьяков Н.Н. Образ в искусстве. Основы композиции. Оптина Пустынь: Свято-Введенский монастырь, 2001. 263 с.
7. Сахаров В.И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / под ред. д-ра филол. наук В.И. Сахарова. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 66–118.
8. Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века : в 2 ч. М. : ФЛИНТА; Наука, 2017.
9. Маслова А.Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760–1780-х годов. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2013. 212 с.
10. Костров Е.И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова : в 2 ч. СПб. : Императорская типография, 1802. Ч. 1. 258 с.
11. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее новое время. М. : Языки славянских культур, 2006. 896 с.
12. Альтшуллер М.Г. В тени Державина: Литературные портреты. СПб. : Пушкинский Дом, 2014. 616 с.
13. Бронников К.Г. Поэт осьмнадцатого столетия. Творческий путь Е.И. Кострова. М. : Прометей 1997. 80 с.
14. Гуковский Г.А. Костров // История русской литературы : в 10 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 462–472.
15. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991; СПб. : Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2011. URL: http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/
16. Поэты XVIII века : в 2 т. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 2. 588 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 октября 2019 г.

The Symbolism of Light in Ermil Kostrov's Poetry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 14–21.
DOI: 10.17223/15617793/450/2

Anna G. Maslova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: usr11021@vyatsu.ru; ag.maslova@mail.ru

Keywords: Russian poetry of 18th century; odic poetry; mythopoetics of light and darkness; biblical motifs; Masonic anthropology.

The article deals with the research problem of revealing the role of images, symbols and motifs of light in Ermil Kostrov's poetry and trying to understand their connection with oral folk art, ancient Russian Orthodox literature, biblical imagery, Russian panegyric poetry, educational ideology, and Masonic studies. The article analyses Kostrov's works of different genres (odes, epistles, idyll, eclogue, madrigal, stans, etc.) that contain light images. Most of Kostrov's works are associated with events of national importance. It predetermines the author's use of the classic system of poetic expression of state ideology. The plot of light is related primarily to

the values of state order: the author of the solemn panegyric, glorifying the Russian monarchy and modern statesmen, presents them within a corona of light that clears up the surrounding darkness. At the same time, the symbolism of Kostrov's light images synthesises various traditions. Firstly, it is possible to single out the connection between Kostrov's light images and Russian folklore, which represents the prince in the form of the sun. This motive becomes the general place of Kostrov's solemn texts dedicated to various official festivities. Comparing Kostrov's works with other odic poets of the 18th century, it is necessary to point out the widespread use of light symbolism in such a plot element of solemn panegyric texts as the topos of historical continuity, when the solar attributes cover crowned descendants who are to continue the lightful activity of the reigning monarch. Secondly, the symbolism of light connected with the traditions of the state's absolutist ideology takes the leading place in Kostrov's works. According to the classic tradition, his poetry creates a myth about the eternal golden age established under the rule of the reigning monarch. The symbolism of light reflects the demiurgic abilities of the monarch, who dispels the darkness. An important motive is the motif of the transformation of space. Thirdly, Kostrov's symbolism of light is associated with the Old Russian Orthodox tradition and biblical imagery. God brings light sending the rays of Divine wisdom into the world. God brings moral commandments and illuminates the monarchy and the Russian people with His patronage. Fourthly, there is a connection between the educational tradition that correlates the concept "light" with Reason that organises space. Fifthly, there is a correlation with Masonic anthropology, emphasising the idea of each person's moral responsibility for building a temple of light in their soul. Throughout Kostrov's works, the struggle of light and darkness is in the first place, and the triumph of light is inevitable. Virtue, wisdom, high patriotic feelings and service to science conquer the darkness of ignorance. Light images in Kostrov's works have not only ideological, but also aesthetic tasks: they make it possible to convey the idea of poetic inspiration. Light images help to transmit emotions of delight, joy, happiness and love. Kostrov's individuality is in the fact that, in his late poetry of the 1790s, light images do not lose their symbolic role, do not have an independent significance. Kostrov continues to meet the aesthetic requirements of the poetics of classicism even adopting new genres of "light" poetry.

REFERENCES

1. Kharlushina, A.A. (2016) Dynamics of "Light Plot" in the Russian Literature of the 18th Century. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. 2 (1). pp. 53–59. (In Russian).
2. Kharlushina, A.A. (2010) *Funktsii tematicheskogo kompleksa "svet" v sisteme torzhestvennoy ody M.V. Lomonosova* [The Functions of the Thematic Complex "Light" in the System of M. Lomonosov's Solemn Ode]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.
3. Buranok, O.M. (2003) *Russkaya literatura XVIII veka: Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich* [Russian Literature of the 18th Century: The Petrine Era. Feofan Prokopovich]. Moscow: Flinta; Nauka.
4. Alekseeva, N.Yu. (2005) *Russkaya oda: Razvitie odicheskoy formy v XVII–XVIII vekakh* [Russian Ode: The Development of the Odic Form in the 17th–18th Centuries]. St. Petersburg: Nauka.
5. Moncheva, L. (1984) K probleme simvol'nogo obraza v drevnerusskoy literature [On the Problem of the Symbolic Image in Old Russian Literature]. *Dissertationes slavicae. Sectio historiae litterarum*. 16. pp. 37–49.
6. Tret'yakov, N.N. (2001) *Obraz v iskusstve. Osnovy kompozitsii* [Image in Art. Basics of Composition]. Optina Pustyn: Svyato-Vvedenskiy monastyr'.
7. Sakharov, V.I. (2000) Russkaya masonskaya poeziya (k postanovke problemy) [Russian Masonic Poetry (On the Formulation of the Problem)]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vv.* [Freemasonry and Russian Literature of the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow: Editorial URSS. pp. 66–118.
8. Pashkurov, A.N. & Razzhivin, A.I. (2017) *Istoriya russkoy literatury XVIII veka: v 2 ch.* [The History of Russian Literature of the 18th Century: In 2 Vols]. Moscow: FLINTA; Nauka.
9. Maslova, A.G. (2013) *Poetika vremeni i prostranstva v russkoy poezii 1760–1780-kh godov* [The Poetics of Time and Space in the Russian Poetry of the 1760s–1780s]. Yekaterinburg: Ural State University.
10. Kostrov, E.I. (1802) *Polnoe sobranie vsekh sochineniy i perevodov v stikhakh g. Kostrova: v 2 ch.* [The Complete Collection of All Works and Translations in Verses of Mr. Kostrov: In 2 Parts]. Pt. 1. St. Petersburg: Imperatorskaya tipografiya.
11. Sazonova, L.I. (2006) *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee novoe vremya* [The Literary Culture of Russia. Early New Time]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
12. Al'tshuller, M.G. (2014) *V teni Derzhavina: Literaturnye portrety* [In the Shadow of Derzhavin: Literary Portraits]. St. Petersburg: Pushkinskiy Dom.
13. Bronnikov, K.G. (1997) *Poet os'mnadtsatogo stoletiya. Tvorcheskiy put' E.I. Kostrova* [A Poet of the Eighteenth Century. The Creative Way of E.I. Kostrov]. Moscow: Prometey.
14. Gukovskiy, G.A. (1947) Kostrov. In: Prutskov, N.I. et al. (eds) *Istoriya russkoy literatury: v 10 t*. [History of Russian Literature: In 10 Vols]. Vol. 4, Pt. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 462–472.
15. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1992–2011) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/.
16. Priyma, F.Ya. et al. (eds) (1972) *Poety XVIII veka: v 2 t.* [Poets of the 18th Century: In 2 Vols]. Vol. 2. Leningrad: Sov. pisatel'.

Received: 04 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 22–28. DOI: 10.17223/15617793/450/3
УДК 82-312.4

М.В. Могилатова

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА АРТУРА КОНАН ДОЙЛА В СИБИРСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ В.В. КУРИЦЫНА)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00094\18 «Специфика авантюрного романа в томской дореволюционной периодике: на примере цикла романов Не-Крестовского (В.В. Курицына)».

Рассматривается рецепция творчества А.К. Дойла в произведениях томского автора В.В. Курицына, который в начале XX в. создал серию уголовных романов с детективными мотивам. Исследование выявляет сюжетные и типологические пересечения, общие черты и принципиальные различия произведений двух авторов. Сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что для В.В. Курицына было важным с помощью рецептивных механизмов ввести в сибирский уголовный роман тему «томского Шерлока Холмса».
Ключевые слова: А.К. Дойл; В.В. Курицын; Шерлок Холмс; детектив; рецепция.

Введение

В начале XX в. в России происходили процессы «синхронизации» столичной и провинциальной жизни в разных сферах: политики, экономики, культуры, литературы, журналистики и т.д. Это было особенно важно для отдаленного российского региона – Сибири, потенциал которой стал развиваться на фоне либерализации общественной жизни после Первой русской революции, а также в результате большей транспортной доступности (Транссиб), научно-технического прогресса и т.д. Сибирские писатели и журналисты в этот период стали осваивать новые формы, экспериментировать с жанрами, моделями, методами подачи материала. Таким «экспериментальным проектом» стал цикл авантюрных романов томского писателя В.В. Курицына (псевдоним *Не-Крестовский*), опубликованных на страницах местной газеты «Сибирские отголоски» в 1907–1910 гг.

Впервые примеряя на себя роль писателя-романиста, Курицын нуждался в поддержке, которую он нашел в обращении к апробированным образцам русской и зарубежной литературы. Роман был назван «Томские трущобы» – по аналогии со знаменитыми «Петербургскими трущобами», по-видимому, ставшими «источником вдохновения» для молодого автора. Псевдоним Курицына – Не-Крестовский – также отсылал читателя к хорошо известному имени русского беллетриста Крестовского. В романе Курицына, несмотря на его географическую привязку к Томску и во многом документальную основу, читатели находили многочисленные отсылки к известным художественным произведениям, в том числе к прославленному циклу английского писателя Конан Дойла о сыщике Шерлоке Холмсе. Так, например, один из персонажей «Томских трущоб» прямо был назван – «томский Шерлок Холмс», и ему был придан ряд черт знаменитого сыщика. В романе можно было найти и другие параллели и реминисценции из творчества Конан Дойла.

Цель данной работы – проследить рецепцию творчества А.К. Дойла в романе сибирского писателя В.В. Курицына «Томские трущобы», исследуя его как на уровне персонажей, так и на уровне жанровых «пересечений» английского классического детектива и сибирского «уголовного романа».

Говоря об исследовании романа «Томские трущобы», мы имеем в виду все три произведения В.В. Курицына, опубликованные в газете «Сибирские отголоски»:

«Томские трущобы» (уголовный роман-хроника, 1905–1907);

«Человек в маске» (уголовный роман из местной жизни – продолжение «Томских трущоб», 1908–1910);

«В погоне за миллионами» (роман из современной жизни – продолжение романов «Томские трущобы» и «Человек в маске», 1910. Роман не окончен, так как газета перешла в другие руки и изменила концепцию).

Все эти произведения имели общую систему персонажей и общий сюжет, что позволяет рассматривать их как единый текст под общим названием «Томские трущобы».

Необходимо отметить, что в отечественном литературоведении изучением жанра детектива с точки зрения особенностей перевода, композиции, стилистических и жанровых особенностей занимались: А.И. Рейтблат [1], В.П. Булычева [2], Е.В. Жаринов [3], Н.М. Марусенко, Т.Г. Скребцова [4], П.А. Моисеев [5], М.А. Жиркова [6], Л.П. Дмитриева [7]. Однако эти исследования посвящены в основном крупным произведениям русской и мировой литературы таких авторов, как Э.А. По, А.К. Дойл, А. Кристи, Г.К. Честертон, Р.Л. Стивенсон, Э.К. Грин, К. Уэллс, М.Р. Райнхарт. Отечественный детектив рассматривается на материале романов Р.Л. Антропова («Гений русского сыска И.Д. Путилин»), П. Никитина («Новейшие приключения Шерлока Холмса в России»), П.П. Дудорова, П.А. Казанского. Попытки же провинциальных литераторов «вписать свое имя» в историю детективной литературы не становились предметом научной рефлексии. С этой точки зрения можно говорить о новизне и актуальности исследования, обусловленным повышением интереса к процессу формирования местной литературной традиции, основанной на достижениях «большой» русской и мировой литературы и в то же время осмысляющей на новом уровне явления местной жизни.

Авантюрный, уголовный, детективный

Обращение Курицына к творчеству Конан Дойла было отнюдь не случайным. К этому времени в России, как и во всем мире, было хорошо известно о приключениях знаменитого лондонского сыщика и его верного спутника. Произведения Конан Дойла, написанные в конце XIX в., мгновенно разошлись по всему миру, стали причиной появления его бесчисленных «двойников» [8. С. 3]. О том, что о «холмсиане» знали и в далекой Сибири, свидетельствует следующий факт: в 1899 г. в ведущей томской газете «Сибирская жизнь» на первой полосе, среди других изданий рекламировалась книга «Конан Дойль. “Записки знаменитого сыщика”. Аристократы – убийцы и мошенники. Перевод с английского. Ц. 50 к.» [9. С. 1]. Это позволяет сделать вывод о том, что для сибирского читателя имя Шерлока Холмса

было уже хорошо знакомо, чем и воспользовался Курицын, конструируя образ своего собственного персонажа.

При анализе романа «Томские трущобы» нередко возникает вопрос о том, считать ли его авантюрным романом, или «уголовным», или же детективным. Некоторые ученые (А.И. Рейтблат, Е.В. Жаринов) отмечают, что в российской литературе детектив как «чистый» жанр не был распространен. Тем не менее у русского читателя были популярны и востребованы произведения с элементами детектива – уголовный роман и сыщицкая литература: «Книги российских писателей либо сближались с авантюрно-приключенческой прозой (где динамика действия и энергия героя важнее умения логически мыслить), либо превращались в социально-психологические романы (где в основе интереса – причины преступления и психология преступника)» [1. С. 341].

Произведения В.В. Курицына, безусловно, относятся к массовой литературе. При всех их достоинствах (динамика, документальная основа произведения, новаторский для Сибири жанр и т.д.) образы героев у Курицына получились довольно схематичными, сюжетные ходы нередко повторялись, действия персонажей можно было предугадать. Литературные критики и сибирские писатели отреагировали на появление этих романов довольно негативно, зато массовая аудитория с нетерпением ждала продолжения незамысловатого, хотя и захватывающего повествования. Кстати сказать, авторы этой же газеты «Сибирские отголоски» позднее писали о стремительном распространении уголовных романов в провинции: «Волна лубочной и сыскной литературы все больше и больше захлестывает нас. На улицах разносчики газет раздают объявления издательства Р. Любич, в которых публике заманчивыми словами предлагается роман «Картуш»... Вместе с этим романом полностью появилась и сыскная литература. Раньше это был намозоливший глаза «Шерлок Холмс», а теперь явились все сыскные знаменитости, как мужского, так женского пола. Мы узнали, что в Томске существует агент по распространению такой литературы, так что можно надеяться, волна этой пагубной литературы будет все больше и больше захлестывать нас» [10. С. 3].

В.В. Курицын определил жанр своих произведений как «уголовный роман» на местном материале, но ряд жанровых черт, характеризующих его текст, присущи классическому детективу. Произведения можно назвать авантюрными, так как в основе – динамичный и увлекательный сюжет, выстроенный на параметрах авантюрного времени, таких как «внезапность» и «случайность» (М.М. Бахтин).

«Томские трущобы»: краткое содержание

Прежде чем перейти к анализу рецепции творчества Конан Дойла в произведениях В.В. Курицына, представим краткое содержание «Томских трущоб».

События романа разворачиваются на томских улицах начала XX в., в Барнауле и в минусинской тайге. Основные действующие лица – местные «уголовные авторитеты» Сенька Козырь, Федька Беспалый, Филька Кривой, бывшая «этуаль» Екатерина Михайловна, карточный шулер Станислав Гудович и его сестра полька Ядвига Казимировна, сыщик Залетный, предприниматель Сергей Загорский, золотопромышленники Беркович, Бесшумных и др. Сквозным персонажем романа является таинственный Человек в маске.

Первая часть романа – «Томские трущобы» – повествует о жизни социально неблагополучных слоев общества. Именно здесь читатель впервые узнает о существовании в Томске банды «Мертвая голова», которая под предводительством таинственного Человека в маске совершает разбои и нападения.

Во второй части («Человек в маске») основное действие по-прежнему происходит в Томске, читатель получает возможность проследить за дальнейшей судьбой уже известных героев. Однако повествование уже выходит за рамки одного города, герои путешествуют по Сибири, по тайге. Основная интрига второй части – поиски таинственного «золотого ключа» (месторождения рудного золота), который позволил бы мгновенно стать миллионером тому, кто его обнаружит. В результате стечения целого ряда обстоятельств все герои встречаются в тайге, где их ждет различная судьба: убит Человек в маске, сходит с ума его бывшая возлюбленная, однако часть персонажей остается в живых и на свободе, и можно предположить, что они стали действующими лицами третьего романа.

Начало романа «В погоне за миллионами» перенесено в Петербург, и здесь мы встречаем одного из персонажей предыдущих романов. Действие обрывается на знакомстве читателей с тайным «Клубом обреченных Ваалу» (отсылка к Стивенсону), исповедующих культ золотого тельца.

В этом насыщенном событиями и персонажами тексте можно было отчетливо различить основную линию, которая формировалась вокруг противостояния «Человека в маске» и местного сыщика Залетного, что придало «Томским трущобам» характер детективного романа.

Шерлок Холмс: английский и томский

Появление в тексте романа сыщика Залетного, которого автор именует «томским Шерлоком Холмсом», заставляет внимательнее присмотреться к этому персонажу, чтобы понять, действительно ли Курицын стремился придать Залетному черты его литературного прототипа.

Шерлок Холмс, главный герой целого ряда произведений Конан Дойла, имеет целый ряд характерных особенностей, которые делают его фигуру легко узнаваемой для читателя. Мышление Шерлока Холмса тесно связано с его необыкновенной способностью внимательно и зорко подмечать в окружающем мире такие явления, которые большинство людей не замечает: с первого взгляда он определяет род занятий, профессию, характер и даже прошлое человека. Он сдержан, рассудителен, физически силен. Главные мотивы раскрытия преступлений для Шерлока Холмса – не материальная заинтересованность, а неудержимая жажда к необычным и запутанным делам, любопытство, желание проверить свои способности. Он использует научные методы, умеет мастерски загримироваться, чтоб неузнанным следить за подозреваемыми. Среди его клиентов – министры, банкиры, герцоги, бедняки.

Сыщик В.В. Курицына – «экс-агент» московского сыскного отделения Артемий Залетный. Называя его «томский Шерлок Холмс», сибирский автор не только использовал образ известного литературного героя, сделал отсылку к первоисточнику, но и наделил его новыми чертами. Артемий Залетный отличается от английского коллеги: он более эмоциональный, рассчитывает скорее на силу и ловкость, чем на ум, логику и хитрость. Томский сыщик «не имеет больших денег, по временам запивает горькую», вся «блатная» публика знает его за своего человека.

В отличие от своего прототипа, Залетный – это не положительный герой, что не раз подчеркивает Курицын. Он в разное время оказывал услуги своим знакомым уголовникам: кому «очки протер» (вытравил паспортный бланк), кому «метки снял» (уничтожил инициалы на краденых вещах)» [11. С. 2]; его сожительница содержит «веселый дом», замаскированный под модную мастерскую, и т.д. Это позволяет ему получать информацию в «трущобной» среде, в ней он «свой среди своих», знает преступные нравы, обычаи, жаргон.

Чтобы вести наблюдение за преступниками, бывший сыщик переодевается то в странствующего агента ино-

странной фирмы, то в завсегдатая кабака на томской окраине, то в табачного продавца и т.д.: «Залетному в его бурной, полной треволнений и передряг жизни не раз, конечно, приходилось одевать всевозможные личины» [12. С. 2]. Курицын подробно описывал процесс «перерождения» своего персонажа: «Залетный подошел к платяному шкафу, порылся в нем и извлек оттуда то, что должно было способствовать изменению его внешности. Он напялил на себя старые потрепанные брючишки, засаленный порванный пиджак. Завязал шею куском материи неопределенного цвета. Натянул порыжелые стоптанные сапоги. Затем взял ящик с гримировальными принадлежностями и уселся перед зеркалом. Несколько артистически наложенных штрихов, и в зеркале отразилась одутловатая синебагровая физиономия типичного пропойцы» [13. С. 2].

Как и его «английский коллега», Залетный ловко выслеживает нужных людей, подмечает отдельные детали и т.д. Во второй части романа («Человек в маске») Артемий Залетный пытается узнать тайну предводителя банды «Мертвая голова». Сыщиком движет интерес к делу, профессиональное самолюбие, материальная компенсация для него не так важна: «Однако профессиональная гордость и желание во что бы то ни стало раскрыть тайну неуловимого “графа” победили чувство осторожности. Он решил бороться до конца, хотя бы это стоило ему жизни» [14. С. 2]. Он оказывается единственным, кто приближается к секрету атамана и разгадывает тайну «бескровных убийств». Но наказать атамана сыщик не успевает: он погибает от руки жестокого предводителя шайки. В отличие от Конан Дойла, В.В. Курицын не стал возрождать отважного сыщика – в этом заключается принципиальное отличие Холмса томского от английского.

Враги, друзья и женщины двух Холмсов

Антипод Шерлока Холмса в произведениях А.К. Дойла – руководитель мощной преступной организации, гений криминального мира профессор Мориарти. У Конан Дойла он характеризуется так: «происходит из хорошей семьи, получил блестящее образование и от природы наделен феноменальными математическими способностями. <...> Но в его жилах течет кровь преступника. У него наследственная склонность к жестокости. И его необыкновенный ум не только не сдерживает, но даже усиливает эту склонность и делает ее еще более опасной» [15. С. 566–583]. Столкновение соперников лицом к лицу привело к их гибели в Рейхенбахском водопаде, хотя позднее А.К. Дойлу пришлось «воскресить» полюбившегося аудитории Шерлока Холмса.

Томскому сыщику противостоит гений-злодей, таинственный Человек в маске – атаман шайки «Мертвая голова». Он описывает себя как человека, «которого никто не знает, но который знает всех, и всесилен и могуществен! Нет такого дела, которого бы он не мог выполнить, нет таких преград, которые могли бы его остановить на полдороге», и добавляет: «И горе тому, кто идет не с ним, а против его!» [16. С. 2]. Человек в маске хладнокровен и расчетлив, изобретателен, держит в страхе томских бандитов. Кроме того, он обладает обширными научными знаниями, которые позволяет ему совершать особенно хладнокровные и таинственные убийства. Его фигура усиливает мистическую линию в романе, его имя окружено таинственным ореолом и остается неизвестно вплоть до последних страниц. Появление персонажа сопровождается голубоватым сиянием, а лицо скрыто черной бархатной маской. Всех, кто пытается ее сорвать, словно ударяет током. Личность преступника раскрывается только в последней главе «Человека в маске», когда в тайной лаборатории обнаружен дневник таинственного атамана. Им оказывается местный предприниматель Загорский, который одновременно играл роль криминального авторитета – Сашки Пройди-света.

Еще одной «приметой» классического сюжета о Шерлоке Холмсе является его партнер и друг – доктор Ватсон. С точки зрения исследователей, наличие второго персонажа в детективах Конан Дойла стало одним из ключей к секрету читательского успеха: «Конан Дойл придумал достаточно недалекого героя, чьи умственные способности несколько уступают читательским, – он назвал его доктором Ватсоном; другой герой слегка комичен и вместе с тем внушает уважение – это Шерлок Холмс» [17. С. 263].

У Конан Дойла доктор Ватсон – это врач, вернувшийся из Афганистана, порядочный и воспитанный, сострадающий и эмоциональный по сравнению с рассудительным и сдержанным Шерлоком Холмсом. Ватсон неустанно восхищается талантом своего друга, смотрит на него снизу вверх. Их диалоги – важная часть сюжетов о расследовании преступлений.

Томским «доктором Ватсоном» можно назвать помощника Залетного, который в романе зовется только по имени Сергей (Сережка). Из сюжета становится ясно, что Сергей много странствовал и перепробовал всевозможные профессии, его беспокойная натура была в вечном поиске приключений и опасностей: «Сережка с одинаковой готовностью пошел бы и на дневной грабеж и на розыски ночных громил» [18. С. 2]. Вместе с бывшим сыщиком он в роли лакея едет на пароходе до Барнаула, забирается в заброшенный дом, входит в доверие к обслуживающему персоналу. Как и Конан Дойл, Курицын придает другу сыщика функции персонажа, который задает вопросы, которому можно разъяснить происходящее, обговорить планы дальнейших действий и т.д.

В целом окружение сыщиков – и английского, и русского – состоит, конечно, преимущественно из персонажей отрицательных: собственно преступников, чьи деяния они расследуют. Положительные персонажи в романах единичны. Так, у Конан Дойла читатель погружается в мир несправедливости и социального порока. Брат невесты крадет важный государственный документ («Морской договор»), отчим убивает одну из своих падчериц, запустив в спальню девушки ядовитую змею («Пестрая лента»); жена министра, которую шантажировал бывший возлюбленный («Второе пятно»); человек из-за наследства убивает свою семью с помощью яда, украденного у известного исследователя Африки («Дьяволова нога»), и т.д. Но им противостоят персонажи положительные, в первую очередь сам Шерлок Холмс и доктор Ватсон, а также их невинные жертвы.

В романе В.В. Курицына положительных персонажей практически нет ни с той, ни с другой стороны. Ни одно действующее лицо «Томских трущоб» не вызывает особых симпатий. Крайне редко они поступают, руководствуясь добродетелью, принципами порядочности и честности, стремятся к справедливости. Пожалуй, во всем романе можно выделить только один эпизод, когда Сенька Козырь (вор и убийца) спасает деревенскую шестнадцатилетнюю девочку Олю, состоящую в публичном доме и подготовленную на насильное выданье за старика Берковича:

«В душе беглого каторжанина, закоренелого преступника, смутно зашевелилось чувство сострадания. Так в остроге можно наблюдать сцену, когда арестант, хладнокровно отправлявший к праотцам не одного человека, всаживал нож в бок своему товарищу за изувеченного котенка, любимца камеры…» [19. С. 2].

Противоречивой оказывается и фигура сыщика Залетного. Он – характерный представитель описываемого Курицыным преступного мира, и то же время он единственный оказывается способным противостоять «Человеку в маске». То же самое можно сказать и о его партнере Сережке, который кажется положительным только на фоне остальных явных преступников. В этом отношении Конан Дойл был более оптимистичен по отношению к своим персонажам, чем Курицын.

В произведениях обоих авторов прослеживается их сложное отношение к теме взаимоотношений мужчин и женщин. У Конан Дойла Шерлок Холмс – убежденный холостяк, единственный женский персонаж, который играет хоть какую-то роль для сыщика, – Ирен Адлер. Но и ее Холмс ценит скорее как достойного противника. Отношениям доктора Ватсона и его жены автор фактически не уделяет внимания.

В романах В.В. Курицына практически все сюжеты, связанные с чувственными увлечениями героев, заканчиваются трагически. Погибает возлюбленный «этуали» Екатерины Михайловны, убита цыганка Зара – любовь Сеньки Козыря, и т.д. В большинстве случаев отношения в романе носят «утилитарный», практический характер. Панна Ядвига – один из центральных персонажей – встречается с золотопромышленником ради капитала; она любит Загорского, но, повинуясь его требованиям, становится содержанкой богачей. В свою очередь Загорский ухаживает за богатой наследницей, надеясь завладеть капиталом ее семьи. Любовь носит своеобразную форму: «...Проводив Сергея, девушка не могла уже больше спать. Несмотря на оригинальную форму их сожительства, допускавшую частые измены любовнику, она была привязана к нему всей душой» [20. С. 2].

В центре произведений как Конан Дойла, так и Курицына – преступления, а не любовь, и это объединяет их на уровне сюжетов.

Тайны, загадки и их объяснения

В рассматриваемых произведениях как английского, так и томского авторов значительное место занимают преступления, которые разгадывают сыщики. Шерлока Холмса привлекают только необычные дела, которые не может распутать лондонская полиция: убийство сестры Элен Стоунер в запертой комнате («Пестрая лента»), кража жеребца по кличке Серебряный – первого фаворита скачек на кубок Уэссекса («Серебряный»), шантаж мирового судьи мистера Тревора («Глория Скотт») и др. Последовательное разворачивание событий позволяет читателю самому стать сыщиком, решить логическую задачу, проследить за логикой рассуждений. Незаурядные происшествия привлекают внимание к произведению, создают напряженность обстановки. Мотивы противозаконных действий в большинстве своем – желание материального обогащения, реже – отмщения. Разгадку каждой задачи автор дает только в финале новеллы или романа. Это позволяет сохранять интригу, удерживать внимание читателя до последних строк.

В «Томских трущобах» описано множество преступлений, которые совершаются как членами банды, так и другими горожанами, но в них нет никаких загадок. Однако внимание томского сыщика привлекает загадочное – «бескровное» – убийство девушек. Преступник не оставляет следов: «Никаких признаков насилия, никаких повреждений внутренних органов! Положительно загадочный случай! Можно было предположить, что та девушка умерла от острого малокровия, если только мы не имеем дело с каким-нибудь неизвестным науке ядом» [21. С. 2]. Этот прием помогает «зацепить» внимание читателя, заинтриговать, пройти путь любительского расследования вместе с сыщиком, заставить прочитать произведение в поисках разгадки до последней главы. Отчасти совпадают и мотивы преступлений, чаще всего это жажда легкой наживы, корыстные побуждения. В.В. Курицын также использует необычные элементы: его герои бегают по подземным ходам, их травят загадочным газом, неведомым образом обнаруживаются письма с изображением черепа и т.д.

Интересно, что и у Конан Дойла, и у Курицына прослеживается тема отражения преступлений на страницах периодических изданий: Шерлок Холмс внимательно следит за тем, что пишут в газетах о ходе расследования, а в романах томского автора о некоторых преступлениях сообщают в судебной хронике периодических изданий.

Заметим, что таинственные явления в романах и Конан Дойла, и Курицына обязательно получали рациональные объяснения. Конан Дойл и его персонажи – Шерлок Холмс и профессор Мориарти – разделяли широкую веру в силу науки. В раскрытии преступлений сыщику помогает соблюдение научных методов, логика, внимательность и дедукция. Ключевыми моментами метода являются наблюдательность и экспертные знания во многих практических и прикладных областях науки, зачастую относящихся к криминалистике. Стоит отметить, что Холмс не лишен и псевдонаучных представлений: в рассказе «Голубой карбункул» он предполагает, что человек, который носит шляпу большого размера, прекрасно интеллектуально подкован. Часто Уотсон застает его за химическими экспериментами. При помощи науки развенчивается мистификация: знания и наблюдательность помогают Шерлоку Холмсу объяснить происхождение молний в таинственном доме, движущихся, светящихся скелетов и других загадочных явлений.

В романах В.В. Курицына научные знания сделали «Человека в маске» изобретательным гением преступного мира. Обыкновенный человек, обладающий «громадным научным багажом», он создал ореол таинственности и мистики. В роли неуловимого «графа» преступник убивает своих жертв «посредством трансфузии», а скрывающая его лицо маска заряжена электричеством, которое и отбрасывает тех, кто пытается ее сорвать. Именно знания и аналитический ум позволяют таинственному персонажу оставаться нераскрытым до последних страниц авантюрного романа. Один из пособников преступника находит его личный дневник, содержание которого подтверждает мысль автора о том, что именно научные знания «Человека в маске» создали ему репутацию всемогущего и неуловимого. Записки преступника имеют и научную ценность, так как могли бы «внести много полезного в литературу судебной медицины» [22. С. 2].

Характеристики романных хронотопов

Как и Конан Дойль, Курицын выстроил свои романы практически на документальной основе, используя реально существующие топонимы и опираясь на современные ему реалии сибирской жизни. В этом он следовал – в том числе и традиции Конан Дойля, который вводил читателя в европейский мир второй половины XIX в. У английского мастера детектива нет попыток идеализации старины, представления Англии как страны сельских усадеб, джентльменов и леди, поместий в сельской местности. В изображении Конан Дойля Великобритания рубежа веков – это мастерская мира, страна колониальной экспансии, рабочих, капиталистов, строительства железных дорог. Расследования Шерлока Холмса проходят в Лондоне и его окрестностях, в романах речь идет о лавочниках, рабочих, банкирах, редко действия разворачиваются за рубежом, как в «Последнем деле Холмса». Читатель не только следит за расследованием, но и рассматривает Лондон 1880–1890-х гг., знакомится с образом жизни и традициями англичан конца XIX в. Благодаря внимательному сыщику, подмечающему детали, читатель в подробностях представляет место преступления. Для романов и новелл Конан Дойля характерно классическое пространство «запертой комнаты», значительно ограничивающей круг подозреваемых и превращающей преступление в логическую задачу. Время в произведениях Конан Дойла постоянно замедляется отступлениями, объяснениями, описаниями пространства и деталей. Но динамика поддерживается диалоговым характером построения текста и использованием глагольных форм.

Действия романов В.В. Курицына разворачиваются преимущественно на томских улицах и в хорошо знакомых

местным жителям районах: Магистратская улица, Аптекарский переулок, Буфф-сад, Болото и т.д. Читатель мог представить происходящие в романе криминальные события, которые случались в знакомых местах. Во второй части произведения география расширяется, герои перемещаются по Сибири: путешествуют по реке на Алтай, ищут золото в Минусинской тайге, едут в Красноярск.

Примечательно, что в начале XX в. в Томске наблюдается интерес аудитории, литераторов и режиссеров к пространству социального дна, нового для художественной литературы. Так, в 1902 г. на сцене томского театра Королева сначала были поставлены «переделка из романа Крестовского "Петербургские трущобы" [23. С. 2], а затем – «драма в пяти действиях с прологом и эпилогом "Парижские нищие"». В.В. Курицын, поддерживая волну этого внимания к «трущобам», описывал харчевни и трактиры на окраине города, глухие и темные переулки районов Болото и Заисток, квартиры «томских гейш» и т.д. Но томский сыщик, в отличие от английского коллеги, не был так внимателен к мелочам, его взгляд позволял составить только беглое, поверхностное описание места происшествия.

Время романа «Томские трущобы» было знакомо к читателю, об этом свидетельствуют названия реально существующих улиц, цены на извозчиков и в ресторанах, события, которые близки к реальной картине жизни города. Криминальные хроники Томска были полны описаниями преступлений, которые практически дословно повторялись в «Томских трущобах». Сравним заметку в «Сибирской жизни» и пересказ одного из романных эпизодов:

«Сибирская жизнь»: «19 января на Вокзальной улице, в снегу, стражниками ночной охраны был поднят в бессознательном состоянии томский мещанин А.Г. Томсон, почти совершенно раздетый. Томсон, придя в сознание, объяснил, что был на квартире М. Мордуховича, на той же улице, но как он оказался на улице и кто снял с него одежду – не помнит. Произведенным по этому делу дознанием обнаружено, что потерпевший, действительно, в тот вечер был у Мордуховича, где выпивал водку. Мордухович подал Томсону какую-то жидкость темного цвета, которую Томсон, приняв за водку, выпил и впал в бессознательное состояние. Мордухович и проживающий у него Мутовкин сняли с Томсона пиджак и золотое кольцо и вынесли на улицу, где уже некий С. Авдеев снял с него сапоги» [24. С. 2].

«Томские трущобы», первая часть романа: Егорин привез Василия Ивановича – богача «с золотой цепью на шее и тридцатью тысячами кругленьких» на квартиру к местным «этуалям». Опьяненного и разгоряченного «близостью женского тела» гостя напоили коньяком с «щепоткой чего-то белого», а затем обокрали и вывезли на берег Томи. После чего Василия Ивановича задушили и утопили в реке [25. С. 2].

В обоих случаях жертвы были опоены и затем обобраны на квартирах у своих знакомых, причем в романе персонаж еще и лишился жизни.

Время в произведениях В.В. Курицына крайне редко замедляется описаниями и отступлениями, автор усиливает диалоговую составляющую, использует глаголы действия, что делает повествование динамичным. Время произведений В.В. Курицына разворачивается равномерно, автор использует прием ретардации для воссоздания истории персонажей: рассказывает о прошлом сыщика Залетного, об актерской бытности бывшей этуали Екатерины Михайловны, о несчастной любви Ивана из разбойничьей шайки и т.д.

Выводы

Исследование позволяет сделать вывод о том, что сибирский романист В.В. Курицын (Не-Крестовский) во многом «позаимствовал» жанровые черты классического детектива, сформировавшиеся в произведениях Конан Дойла. Усвоение (рецепция) творческих находок английского мастера детектива позволила начинающему автору раздвинуть жанровые и сюжетные рамки своего романа, вписать его в устойчивую литературную традицию.

Противостояние преступника и сыщика, являющееся центром классического детективного романа, у Курицына было только одним из элементов сюжета. Однако сибирский автор намеренно акцентировал внимание читателей на том, что его сыщик – «томский Шерлок Холмс», тем самым подчеркивая его особую проницательность и успешность в раскрытии преступлений. В конструировании образа гениального сибирского сыщика Курицын использовал хорошо известные читателям черты знаменитого английского детектива: умение менять внешность, знание человеческой натуры, потребность в друге (докторе Ватсоне) и т.д.

В произведениях Конан Дойля и Курицына можно найти ряд общих типологических черт, свойственных детективному повествованию: интеллектуальная схватка преступника и детектива, отсутствие любовной интриги, документальная основа произведений, похожий подход к выстраиванию хронотопа произведения и ряд других. Сюжетообразующим является деятельность преступной группировки, сквозной линией проходящей через все части «Томских трущоб». Внимание читателя концентрируется не на отношениях между героями, а на детективной линии. О такой черте классического детектива пишет В.П. Булычева: «Ведущее место в нем все же отводится расследованию, поэтому описание характеров и чувств персонажей отходят на второй план» [2. С. 35].

Однако были и принципиальные различия, обусловленные выбранным жанром романа «Томские трущобы». Так, Курицын оборвал детективную линию, связанную с сыщиком Залетным, убив «томского Шерлока Холмса», поскольку его роман в первую очередь был авантюрным и уголовным. Справиться с таинственным «Человеком в маске» детектив оказался не в силах: Курицын представил эту роль судьбе, роковому стечению обстоятельств. Показательно и отсутствие в сибирском романе положительных персонажей, открытого противостояния добра и зла. У Курицына есть только большее зло и меньшее, между которыми идет борьба, изредка втягивающая в эту орбиту невинных жертв.

Несмотря на использование жанровых черт произведений Конан Дойла, в данном случае уместно говорить не о классическом детективе, а скорее о детективном мотиве, который соотносится с мотивами тайны, загадки, головоломки. При этом Курицын учел специфику томского читателя, добавил местного колорита. Такой синтез авантюрного, уголовного и детективного позволил Курицыну чувствовать себя довольно свободно в жанровом пространстве романа «Томские трущобы», совмещать разные литературные традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
2. Булычева В.П. Структурно-композиционные особенности детективного жанра // Актуальные вопросы филологических наук : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2013 г.). Чита : Молодой ученый, 2013. С. 32–38.
3. Жаринов Е.В. Фэнтези и детектив – жанры современной англо-американской беллетристики. М. : Международная Академия информатизации, 1996.
4. Марусенко Н.М., Скребцова Т.Г. Типичное и нетипичное в структуре детектива // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 74–79.

5. Моисеев П.А. Поэтика детектива. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 240.
6. Жиркова М.А. Детектив: история возникновения и развития жанра // Программы курсов по выбору и дисциплин регионального компонента : сб. науч. программ. СПб., 2007. С. 41–54.
7. Дмитриева Л.П. «Забытые» детективы Эдгара По // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2. С. 50–59.
8. Дойл А.К. Записки о Шерлоке Холмсе / вступ. ст. К.И. Чуковского. М. : Правда. 1983.
9. Сибирская жизнь. 1899. № 163. С. 1.
10. Сибирские отголоски. 1908. № 135. С. 3.
11. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1907. № 46. С. 2.
12. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 164. С. 2.
13. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 173. С. 2.
14. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1907. № 73. С. 2.
15. Дойл А.К. Весь Шерлок Холмс : [сборник]. М. : АСТ, 2019. 1392 с.
16. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1907. № 42. С. 2.
17. Борхес Х.Л. Сочинения в трех томах. 2-е изд., доп. / пер. с исп.; сост., коммент. Б. Дубина. Рига : Полярис, 1997. Т. 3. 607 с.
18. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 179. С. 2.
19. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 156. С. 2.
20. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 189. С. 2.
21. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1908. № 172. С. 2.
22. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1910. № 14. С. 2.
23. Сибирская жизнь. 1902. № 230. С. 3.
24. Сибирская жизнь. 1904. № 46. С. 2.
25. Не-Крестовский В. Томские трущобы // Сибирские отголоски. 1907. № 33. С. 2.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 сентября 2019 г.

The Reception of Arthur Conan Doyle's Works in Siberian Pre-Revolutionary Literature (Based on Novels by Valentin Kuritsyn)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 22–28.
DOI: 10.17223/15617793/450/3
Mariya V. Mogilatova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: newspaper_2401@mail.ru
Keywords: Arthur Conan Doyle; Valentin Kuritsyn; Sherlock Holmes; detective; reception.

The aim of this work is to trace the reception of Arthur Conan Doyle's works in *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums], a novel of the Siberian writer Valentin Kuritsyn. The novel is analysed both at the level of characters and at the level of genre "intersections" of the English classical detective and the Siberian "criminal novel". *Tomskie trushchoby* is actually a cycle of adventure novels written by the Tomsk writer Kuritsyn (whose pseudonym was Ne-Krestovsky) published on the pages of the local newspaper *Sibirskiye otgoloski* in 1907–1910. The cycle consists of three works by Kuritsyn: *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums], *Chelovek v maske* [The Man in the Mask], *V pogone za millionami* [Chasing the Millions]. All these works have a common system of characters and a common plot, which allows considering them as a single text under the general name *Tomskiye trushchoby*. Using a comparative analysis, the author explores Conan Doyle's famous series about the detective Sherlock Holmes and Kuritsyn's criminal novels based on the local material according to the following parameters: the system of characters, the chronotope, detective motifs, plot lines; special research attention is paid to typological features inherent in a detective story. The study allows concluding that the Siberian novelist Kuritsyn (Ne-Krestovsky) in many ways "borrowed" the genre features of the classical detective story formed in the works of Conan Doyle. The assimilation (reception) of Doyle's creative discoveries allowed the novice author Kuritsyn to expand the genre and plot frames of his novel and fit it into the literary tradition. Conan Doyle's and Kuritsyn's works have a number of common typological features characteristic of a detective story: the intellectual battle between the criminal and the detective, the absence of a love affair, the documentary basis of the works, a similar approach to building the chronotope of the work, and a number of others. However, there were fundamental differences due to the chosen criminal novel genre of *Tomskiye trushchoby*: the plot of Kuritsyn's novel is based on the activity of a criminal group. Thus, despite the genre features common with Conan Doyle's works, Kuritsyn did not write a classical detective story, but rather used a detective motive, which correlates with the motives of mystery, riddle, puzzle. Kuritsyn also took into account the specificity of the Tomsk reader, and added local flavour to the novel. Such a synthesis of an adventurous, criminal and detective story allowed Kuritsyn to feel quite free in the genre space of the novel *Tomskiye trushchoby* to combine different literary traditions.

REFERENCES

1. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Bulycheva, V.P. (2013) [Structural and Compositional Features of the Detective Genre]. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk* [Topical Issues of Philological Sciences]. Proceedings of the 2nd International Conference. Chita. July 2013. Chita: Molodoy uchenyy. pp. 32–38. (In Russian).
3. Zharinov, E.V. (1996) *Fentezi i detektiv – zhanry sovremennoy anglo-amerikanskoy belletristiki* [Fantasy and Detective Fiction: Genres of Modern Anglo-American Fiction]. Moscow: Mezhdunarodnaya Akademiya informatizatsii.
4. Marusenko, N.M. & Skrebtsova, T.G. (2013) Typical and Non-Typical in the Structure of Detective Stories. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 4. pp. 74–79. (In Russian).
5. Moiseev, P.A. (2017) *Poetika detektiva* [Poetics of the Detective Story]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
6. Zhirkova, M.A. (2007) Detektiv: istoriya vozniknoveniya i razvitiya zhanra [Detective Fiction: The History of the Emergence and Development of the Genre]. In: *Programmy kursov po vyboru i distsiplin regional'nogo komponenta* [Programmes of Elective Courses and Disciplines of the Regional Component]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 41–54.
7. Dmitrieva, L.P. (2012) "Forgotten" Novels by Edgar Poe. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 2. pp. 50–59. (In Russian).
8. Doyle, A.C. (1983) *Zapiski o Sherloke Kholmse* [Notes About Sherlock Holmes]. Translated from English. Moscow: Pravda.
9. *Sibirskaya zhizn'*. (1899) 163. p. 1.
10. *Sibirskie otgoloski*. (1908) 135. p. 3.
11. Ne-Krestovskiy, V. (1907) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 46. p. 2.
12. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 164. p. 2.

13. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 173. p. 2.
14. Ne-Krestovskiy, V. (1907) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 73. p. 2.
15. Doyle, A.C. (2019) *Ves' Sherlok Kholms* [All Sherlock Holmes]. A Collection of Stories. Translated from English. Moscow: AST.
16. Ne-Krestovskiy, V. (1907) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 42. p. 2.
17. Borges, H.L. (1997) *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. Translated from Spanish. 2nd ed. Vol. 3. Riga: Polyaris.
18. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 179. p. 2.
19. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 156. p. 2.
20. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 189. p. 2.
21. Ne-Krestovskiy, V. (1908) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 172. p. 2.
22. Ne-Krestovskiy, V. (1910) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 14. p. 2.
23. *Sibirskaya zhizn'.* 1902) 230. p. 3.
24. *Sibirskaya zhizn'.* (1904) 46. p. 2.
25. Ne-Krestovskiy, V. (1907) Tomskie trushchoby [The Tomsk Slums]. *Sibirskie otgoloski*. 33. p. 2.

Received: 25 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 29–39. DOI: 10.17223/15617793/450/4
УДК 81'22

Л.М. Пантелеева, С.В. Хоробрых

«ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ» В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-412-590002 «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья (по данным народной речи и обрядового фольклора)».

Рассматриваются номинации живых и мертвых персонажей похоронно-поминальной обрядности Пермского Прикамья. К анализу привлекаются несколько методов, ведущим из которых становится лингвосемиотический. Закономерности, выявленные в результате исследования, позволяют сделать выводы о тематико-семантической отнесенности именований, особенностях их языковой концептуализации, истоках регионального концепта «живые и мертвые» и его связях с устойчивыми символами в традиционной лингвокультуре славян.

Ключевые слова: персонажи обряда; похоронно-поминальная традиция; региональная культура; лингвосемиотика; пермские говоры.

Введение

Настоящая статья являет собой попытку описания одного из фрагментов наивной картины мира пермских жителей, который связан с номинацией персонажей похоронно-поминальной традиции и семантико-символической интерпретацией их функций в обрядовом тексте. Под персонажами обряда мы понимаем агентов, представляющих, по традиционным воззрениям, физическую и метафизическую стороны мирового устройства. В общем виде это две категории участников похорон: живые люди и покойник в его материальной и нематериальной сущности.

Исследование названий персонажей погребального обряда в региональной лексике поднимает актуальную проблему изучения мировоззренческих особенностей человека – носителя народной культуры. При этом в настоящей работе на поверхность выносится вопрос об особенностях традиционной составляющей языкового сознания современных жителей Пермского края.

Теоретической и методологической базой настоящего исследования выступили работы отечественных этнолингвистов, посвященные изучению славянского погребального обряда как целостного лингвокультурного комплекса: *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре (1993), *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии (1995), *Славянские древности: этнолингвистический словарь* (1995–2012), *Седакова О.А.* Поэтика обряда (2004) и др. В них дается ритуально-мифологическое истолкование основных феноменов погребальной культуры, раскрывается метафорический смысл языка и действий участников обряда, определяется связь семантической оппозиции «живой – мертвый» с другими типами противопоставлений, определяющими специфику народной культуры.

Благодаря обширным этнолингвистическим наработкам в общеславянской проекции становятся возможными исследования, обращенные к локальным этнокультурам, каковой, в частности, является традиционная культура Пермского Прикамья. Исследование специфики регионального концепта «живые и мертвые», выражающегося посредством именований участников похоронного обряда, становится главной целью настоящей статьи. Теоретическая значимость исследовательской инициативы обусловлена возможностью характеризовать понятийно-семиотические основы пермской языковой культуры, что, в свою очередь, даст основания для ее сопоставления с культурой славянских народов в целом.

Поддерживающие цель задачи сводятся к установлению (1) тематико-семантических групп лексики, используемой для номинаций «живых» и «мертвых» в пермской похоронно-поминальной традиции, (2) особенностей наивного истолкования культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании за персонажами обряда, (3) истоков культурной традиции, нашедшей выражение в диалекте, (4) связей регионального концепта «живые и мертвые» с устойчивыми символами в других лингвокультурах.

Источником культурно значимой лексики послужила устная речь русских жителей Прикамья, носителей традиционной культуры. Научная обработка отобранной лексики частично представлена в работах этнолингвистического характера [1–5]. Сбор лексического материала для статьи из этих изданий и неопубликованных полевых материалов осуществлялся методом сплошной выборки и был ограничен периодом с середины XX в. по настоящее время. К анализу отобранной лексики применялись процедуры семантико-тематического, деривационного, лингвосемиотического и концептологического методов.

Новизна исследования определяется обобщающим характером описания произведенных к современному времени этнолингвистических наблюдений за семиотическим развертыванием диалектной лексики в пространстве обряда, а также концептологическим подходом к изучению культурно отмеченных и вербализованных смыслов.

Материал и анализ

В народной речи лексическая репрезентация «живых» и «мертвых» персонажей обрядового действия характеризуется равновесностью в количественном отношении (объем номинаций в группах имеет незначительную разницу: «живые» – 40, «мертвые» – 39 единиц). Подробная языковая проработка обеих категорий является следствием их высокой значимости

для содержательного плана культуры вцелом, а также широкой представленности конкретно в контексте похорон как обрамляющего жизнь обряда.

1. «Живые»

Форма человеческого существования, связанная с пребыванием в телесной жизни, осмысляется носителями народной культуры как конечная (в противовес вечной загробной жизни). Живых в пермском диалекте называют ***сме́ртными*** «*В роду уж ни одного смертного не осталось*» (Таман Ус.), имея в виду ограниченность их земного пути, а также противопоставление их бытия бытию высокого порядка – духовному, божественному. Смыслы, заключенные во внутренней форме этого названия, связаны с одной из древнейших этимологических концептуализаций понятия «человек» – т.е. отличный от «бессмертных» [6. С. 718].

Функцию выпроваживания покойника от «смертных» к «бессмертным» выполняют ритуальные специалисты. Они играют роль посредников между «этим» и «тем» миром, главной задачей которых является обеспечение правильного перехода умершего от живых к мертвым. Посреднические операции объективируются в действиях обмывания покойника, причитания по умершему, изготовлению гроба, мытью пола после выноса тела из дома, препровождению гроба на кладбище, захоронению, приготовлению поминального стола. По существу, все они представляют разные способы коммуникации между мирами.

Целевое единство ритуальных деятелей в семиотическом коде обряда поддерживается и сходством деривационных особенностей их именований. В субстратной характеристике названий похоронных специалистов ведущим является именно мотив «действования», выраженный в том, что отглагольное происхождение имеет 90% данной лексики. Активный деятельностный признак определяет ритуальных специалистов в ранг главных распорядителей обряда (что еще более заметно на фоне родственников усопшего, отличающихся явной пассивностью). В результате работы распорядителей похорон гармонизируются отношения между мирами и восстанавливается правильный порядок жизни.

Деятельность по подготовке усопшего к переходу в загробный мир начинает специалист, обмывающий покойника. В пермских говорах он получил названия: ***ба́бушка помыва́льна*** (***ба́ушка помыва́льна***) «*Есть бабушка помывальна, ее зовут обмывать умершего*» (Змеёвка Кунг.), «*Все больше звали покойника мыть помывальну баушку*» (Калинино Кунг.), ***мы́тник*** «*Кто специальный обмывал, мытник он называется у нас, тот, который моет, крестики ставит*» (Кубенёво Юс.), ***обмыва́льщик*** «*Приносят чашечку, кружечку, которую надо подавать обмывальщику*» (Пож Юрл.), ***умыва́льщик*** «*Подают еще из одежи что осталось умывальщику*» (Юм Юрл.), ***умы́льщик*** «*Одежду умыльщикам раздают*» (Юм Юрл.). В ходе ритуального омовения вводится особая иерархия похоронных обмывальщиков, где ранги определяются характером действий работников: «*Специально были мужчина и женщина, которые мыли, специально для женщин и для мужчин отдельные. Тот, кто крестики ставит, тот главный мытник, а там уже второй, третий, кто что держит*» [7. С. 144]. Деятельность обмывальщиков глубоко символична в своем содержании. В ее мифологической основе прочитываются такие смыслы, как приведение человека к «исходному» состоянию, возведение его в статус мертвеца и отделение от живых [8. С. 101–123].

Частично данная обрядовая символика прочитывается и в действиях другого ритуального специалиста – ***мы́льницы*** или ***мы́льщицы***, которая занимается уборкой дома и мытьем полов после выноса тела покойного: «*Мыльница-то – которая пол мыла после покойника, получала за работу тоже отрез ткани*», «*Мыльщице ткань давали, головной платок, мужикам носовой*» (Орел Ус.). В контексте обряда мусор является символом старого, изжитого, а потому требующего удаления из «человеческого» пространства.

Нередко женщины могли совмещать функции обмывальщиков и уборщиков, что также отразилось в языке. В частности, ***мы́тницей*** в пермской речи называют женщину, помогающую в доме во время похорон: «*После того, как маму вынесли, я дома оставила мытницу*» (Перемское Добр.). Она как бы перенимает у родных покойника, поскольку в отличие от них способна оказать ему помощь по перемещению в загробный мир.

Кажется вполне возможным сопоставление в лингвосемиотической проекции обряда представленных диалектных именований *мытница* и *мытник* с таким библейским понятием, как *мытарь* ‘сборщик податей’: в разных культурных контекстах эти персонажи предстают в роли «берущих». Логически встраивается в эту парадигму и другая языковая единица – *мытарства* в значении ‘испытания, угрожающие душе после смерти’. Объяснение этому видится нами в том, что обрядовый акт омовения совершается, как правило, сразу после смерти, т.е. с момента отделения души от тела и ее пребывания между мирами: «*Душа умершего сорок дней ходит по земле, “свои грехи собирает”*» [2. С. 140].

Особую значимость в похоронном обряде имеет уподобление обмывальщика усопшему по признаку их условной близости в пространственно-временном континууме. Обмывание и обряжение осуществляется людьми старыми – близкими по возрасту к смерти и, как следствие, к миру праотцов. Этот факт позволяет отметить в языковом портрете ритуального деятеля мотив «старости» (***ба́бушка помыва́льна***), а также выйти на идею вечности человеческого существования за порогом смерти и неугасающей связи между ныне живущими и ушедшими в мир иной: «*Обмывать да снаряжать из соседей кого, если сможут, позовут. Которые постарше, дак таких людей берут, зовут, который как* ***сро́дственник***» [2. С. 137].

Обмывание и обряжение покойника завершается положением его в гроб. В новом обрядовом акте на первый план выходит следующий персонаж – ***гробови́к,*** ‘мастер, делающий гробы’ «*Раньше по деревне гробовики ходили, кому надо, гробы готовили*» (Соликамск). Метафорические смыслы его работы выводятся из мифологической семантики создаваемого пред-

мета: гроб как способ изоляции усопшего от живых, как метафора природного мира – конечной точки земной жизни, как новое имущество покойника, отведенное ему в соответствии с полученным статусом.

Наибольшим авторитетом среди ритуальных специалистов пользуются так называемые ***ученые*** [1. С. 148; 9. С. 138] или ***гра́мотные лю́ди*** [4. С. 98], роль которых играют женщины, исполняющие во время похорон плачи и тексты религиозного содержания. В заполнении пространства звучащей речью считывается определенный магический смысл: исполнительницы ритуала «выталкивают» смерть из обжитого пространства, очищают дом от нечистой силы и молятся о прощении грехов: «*Дай душе грехов прощения, телу – сон, душе – покой*» [7. С. 182].

В названии этой группы персонажей отражаются разносторонние мотивационные признаки, совпадающие в идее исключительного положения в социуме исполнительниц обрядовых текстов. На это влияет и общественное признание их ментальных способностей, и личный авторитет, и возраст, и психическая инаковость, и, иногда, профессиональное мастерство [8. С. 200; 9. С. 138]. Но главное, конечно, – причастность к слову, умение строить выразительные словесные произведения, основной целью которых является налаживание эффективной коммуникации между мирами.

Высокий статус ритуальных исполнительниц в системе персонажей обрядового действия связан, по нашему мнению, и с их значительной задействованностью в пространственно-временной картине обряда. Женщины-*ученые* «работают» на похоронах дольше остальных специалистов: свои жалобные песни и молитвы они начинают в доме при открытом гробе, продолжают в обрядовом шествии на кладбище и завершают во время траурной трапезы, кроме того они часто приглашаются родственниками умершего поплакать и помолиться в поминальные дни. Таким образом, деятельностное присутствие исполнительниц ритуальных текстов распространяется на несколько локусов посмертного пути покойника и различные, регламентированные традицией, сроки его поминовения.

Исходя из характера исполнения ритуальных произведений, обусловленного жанром, женщины-*ученые* именуются ***вы́тницами*** «*У нас вытница была, дак шибко переживала, мол, читала, по могилам причитала, говорила, мол, накажут ее за это. Бог накажет*» (Юм Юрл.), ***моле́льщицами*** «*Душу провожают, смотря какая молельщица, выходят и молятся, обычно на восток молятся, у каждого в руках свеча*» (Медведево Кишерт.), ***моля́щими*** «*У нас душу провожат на сороковой день, идут со свечками с богом, со свечками, стелют там коврик, вот молишься, падают на коленки. В огород выходим. Стелем коврик, тут молящая (она молилась богу по умершему) стоит со свечкой, с иконкой, вот и все, а потом еще остатки обеда кладут на крышу куда*» (Осинцево Кишерт.), ***пла́кольщицами*** «*Плакольщиц, молельщиц-то у нас осталось здесь две*» (Медведево Кишерт.), ***причётчицами*** «*Была одна причётчица, все досконально знала, а умерла весной*» (Пож Юрл.), ***чи́талками*** «*Кутью из риса делают. Отварят его, в тарелку, сверху такой крест сделают из изюма. Пока читалка читает, она все стоит, а вот с кладбища придут, все по ложечке из чашки кутьи съесть должны*» (Усолье), ***чи́тальницами*** (***чита́льницами***) «*А перед чи́тальницей чашка такая стоит, пластмассовая, в нее все деньги ложили*» (Калинино Кунг.), «*Кончают служить, выходят с чита́льницей на улицу, с кадилом, со свечками, молитву читают*» (Кунгур), ***чи́тальщиками*** «*Читальщику обязательно полотенце за работу дают*» (Рябки Чернуш.), ***чи́тальщицами*** «*Пока тело умершего в доме, над ним должна читать читальщица, или учёная*» (Карагай), ***чита́тельницами*** «*Читательниц почти не стает, некому молиться по покойнику*» (Бияваш Окт.).

Жанровые особенности произведений, отразившиеся в субстратной характеристике данных именований, проливают свет на время содержательных изменений в работе похоронных специалистов. С вхождением христианской традиции в пространство древнего ритуала устные похоронные произведения стали срастаться с письменными религиозными текстами: полуимпровизированное или импровизированное похоронное голошение стало обрастать церковно-книжными элементами. Это повлияло на переосмысление статуса ритуальных исполнительниц в современности: в языке они чаще позиционируются как молящиеся и читающие, чем плачущие и причитающие.

Последней точкой в пути погребальной процессии является кладбище, где роль главного отправителя усопшего в другое измерение передается работнику, копающему могилу. По характеру основного действия этот специалист называется ***копале́йщик*** «*Выносят на полотенце, потом копалейщикам дают, разрежут да отдадут, кто могилу копает*» (Ильята Кишерт.), ***ко́паль*** «*Копалям в похороны дарят чистые рубашки*» (Мазуевка Кишерт.), ***копа́ля*** [4. С. 98], ***ко́пальщик*** «*Копальщиков-то, кто копает могилы, их особе кормили*» (Ленск Кунг.), ***копане́йщик*** «*Крышку от гроба с полотенцами несут. Нынче копанейшикам отдают, кто копал, тоже полотенца*» (Тимино Кишерт.), ***копане́льщик*** «*Выносят на полотенце, потом копанельщикам дают, разрежут да отдадут, кто могилу копает*» (Ильята Кишерт.), ***ко́парь*** «*Копарям за то, что они могилы роют, рубахи подают*» (Калинино Кунг.), ***ко́пщик*** «*Копщиков приглашали. Выносят гроб, один человек к печке стоит задом*» (Антипина Юс.).

Не только лингвистически, но и семиотически оправданной является мотивация названия этого работника по объекту действия – ***гро́бщик*** «*И че пошли в милицию ведь, разрешили ей выкопать, и правда ведь. И она ведь поправилась. И ее выкопали гробщики*» (Гавино Юс.), поскольку в содержательном отношении символ могилы сближается с символом гроба.

«[К]ульминацию погребального обряда несомненно составляет поминальная трапеза в доме умершего, двуреальный пир, происходящий одновременно в видимом и невидимом мирах, здесь – и в загробье» [10.

С. 149]. По возвращении с похорон участники погребального шествия поминают покойного ритуальными кушаньями, приготовление которых также может поручаться специальному похоронному работнику – ***стряпухе*** «*После возвращения с кладбища стряпуха звала хозяйку печь смотреть: “Смотри, че сделалось. Стена печки отвалилась”. Это чтобы одному не страшно жить было*» (Орел Ус.). Несмотря на то, что акт погребения является совершенным, функция посредника между мирами с работницы, готовящей пищу, не снимается. Она организует отношения между партиями живых и мертвых, каждая из которых во время застолья предстает одновременно в позиции «берущих» и «дающих»: «поминальная трапеза – ярчайшее воплощение одновременности действий давать и брать, которая в данном случае имеет вид: «угощать, давать еду» и «угощаться, принимать еду». По своему смыслу она представляет собой угощение умершего, которое дают ему живые, – но сами же они, замещая его, берут ее» [Там же. С. 105].

В традиционной культуре *стряпуха* является олицетворением продуцирующего женского начала, именно поэтому ее появление отодвигается на последний акт обрядового действия. В контексте похорон работа этой мастерицы символизирует победу жизни над смертью и установление космологической гармонии. В конце концов, ради этой цели и разыгрывалась вся «обрядовая драма».

В выпроваживании умерших в загробный мир принимают участие и другие персонажи-медиаторы, ролевые функции которых являются ситуативными, в отличие от ритуальных специалистов. В период похорон или поминок им вменяется некоторая деятельность, о существе которой они знают из личного культурного опыта и подсказок участников обряда. Их избирают из числа присутствующих с «молчаливого согласия большинства» на основании имеющейся связи между выбранным лицом и умершим, например, по возрасту, полу, сфере деятельности, родству и т.п., а также близости потустороннему миру (старый человек или ребенок) и присутствию ритуального контакта с покойным (кто-либо из похоронных специалистов).

К таким «ситуативным» исполнителям обрядовых актов относится похоронный персонаж, возглавляющий шествие траурной процессии из дома на кладбище. В его номинациях акцентируются основное функциональное качество и локальная закрепленность деятельности. Первый тип мотивации находит отражение в именовании ***встре́ча*** «*Сначала эта встреча идет с хлебом, женщину какую попросят, за ней венки несут, икону, потом крышку гроба*» (Дмитриево Юс.) и указывает, что задача «встречающего» заключается в схождении и контактировании с представителями загробного мира. Он передает приготовленные семьей подаяния трем посыльным от усопшего, роль которых выполняют случайно повстречавшиеся на улице люди. Метафорическая семантика медиативного плана его действий заключается в дополнительной помощи умершему вещами, необходимыми для преодоления дороги в «загробье» или комфортного пребывания на «том» свете: «*За умершего всегда нитку подают, ведь он проходит через море или через реку там. И за кажну ниточку ловится, чтобы не упасть в воду. Нитка ему помогает*» [3. С. 228], «*Кладут в котомочку хлебного, кружечки, чашечки, ложечки. А то пойдешь к Иисусу-то Христу, на том свете, где тебе дадут? <...> Че здесь соберем, то Иисус Христос-то и подаст умершему*» [Там же. С. 227–228].

Другая мотивация проявлена в именованиях ***подоро́жный челове́к*** и ***подоро́жник***: «*Вот когда несут на кладбище, там человек идет с тарелочкой, там пекут такой коровай и узелок – подорожная называется, там в белом платке соль, деньга, вот кто первый попадет на встречу, все это и отдают, чтобы молился, поминал умершего. Подорожный человек-то вот он и несет подорожную*» (Майкор Юс.), «*Подорожник-то подорожную милостыню дает первому встречному*» (Ананьино Чернуш.). В ней подчеркивается, что исполнитель ритуала действует в пространстве «междумирья», где могут проявляться знаки земной и загробной жизни. Исполняя обрядовое правило о неоставлении умершего одного, *подорожник* провожает покойника из дома – главного локуса живого – до кладбища – главного локуса мертвого на земле. Прохождение единого пути связывает «спутника» и «путника» и делает объяснимым обрядовое уподобление первого персонажа второму.

Избрание и привлечение персонажа *встречи* к общему обрядовому действию совершается не только в день похорон, но и в ритуале «проводов души» на сороковой день после смерти, фиксируемом на территории Прикамья в нескольких вариантах (см. [11]). В этом контексте ему отводится роль подающего подорожную милостыню тем, кто встречается на пути провожающих душу от дома до перекрестка, края деревни: «*Подорожник-то подорожную милостыню дает первому встречному*» (Ананьино Чернуш.), при этом метафорическая семантика действий персонажа остается неизменной.

«Ситуативный» выбор исполнителя ритуала совершается также в отношении ***души́*** – обрядового заместителя духовной сущности умершего человека: «*На улице душа с котомочкой в каждый угол идет, крестится. Все помолятся, простятся с им – как вроде и провожаешь. Потом он уйдет, все в дом, за стол*» (Пож Юрл.). Этот персонаж принимает участие в поминках на сороковой день после смерти, когда разыгрывается сцена ухода души покойного из дома: «*Вот все и смотрят, как душа-то с котомочкой идет, девочка-то идет, до перекреста, а как скроется, так вроде все, проводили*» (Чураки Кос.). Смысл сцены заключается в оказании последней помощи усопшему со стороны живых по переходу в иное пространство: «*Когда умират, душа уходит на небеса. До сорока дней ходит везде. Сорок дён и делают, чтобы эту душу определили, куда она: или она в хорошую сторону пойдет, или в плохую*» [4. С. 147].

Наконец, последняя группа именований живых связана со случайными лицами, включающимися в обрядовое действие во время проводов покойника на кладбище или его души до перекрестка или края деревни. Они исполняют роли ***встре́чного*** или ***встре́чной***, т.е. лиц разного пола и возраста, случайно

попадающихся на пути траурной процессии. Из них особый статус присваивается первым трем, принимающим подаяние в виде котомочки: «*До трех раз подавали раньше, перед гробом-то несут, первый, второй, третий человек попадется, им и дают*» [3. С. 228]. В связи с редукцией традиции в современности категория первых встречных может ограничиваться одним человеком – ***первым встречным***: «*Кто встречная попадет первая: хлеб, нитку намотаешь. Нитку, иголку. Хлеб круглый бывает и в буханке бывает. На столе соль, хлеб встречный, нитки-те. Иголку втыкаешь в катушку. И первому встречному дает это всё*» (Бажино Юс.). Основная ритуальная функция *встречных* была раскрыта нами выше, однако добавим, что роль данных персонажей в обряде не ограничивается только медиативными задачами. Как и *подорожник*, они создают эффект двойничества покойника, основанием для чего служат реализация отношений брать–давать и актуализация мотива пути в семантике ритуального действия.

2. «Мертвые»

В региональной традиции поддерживается общеславянская идея о смерти как вечном покое [12. С. 223–224; 13. С. 112], что прослеживается в развитии деривационных связей существительного *покойник* – ***покóенка*** «*Слухи-то о покоенке идут, будто колдунья была*» (Фоки Чайк.), ***покóйниха*** «*Мать-покойниха у нас хороша была*» (Турлавы Ус.). При этом концептуально осваивается не только внешняя, но и внутренняя форма слов: в семиотическом наполнении дериватов актуализируются смыслы успокоения и умиротворения – отдыха от земных дел и растворения души во Вселенной.

В то же самое время можно наблюдать некоторые локальные нюансы данного концепта. Они вызваны метафорическим осмыслением смерти как свадьбы и проявляются на морфемном уровне слова: в частности, суффикс *-их-* в обрядовом термине *покойниха* указывает на символическое замужество умершей (по аналогии с женским прозвищем от мужского имени). В этом преломлении смерть человека осознается как событие, преобразующее мир через обновление социальной структуры: приобретение нового статуса умершим ведет к изменению системы правил и запретов, регулирующих отношения между ним и коллективами живых и мертвых.

Известное традиционным лингвокультурам разделение покойников на «чистых» и «нечистых» также отразилось в местной традиции. Среди усопших особым почитанием здесь пользуются ***родители***: «*В Троицкую субботу на кладбище ходят кадиться, родителей поминают. Приговаривают, когда кадяться: "Донеси, ангел Господний, ладанок церковный до всех.."*» (Осинка Юрл.). Это предки, «которые "изжили" свой век, умерли своей смертью, были похоронены в соответствии с существующими нормами и получили успокоение в потустороннем мире» [14. С. 228]. Этнолингвистические материалы показывают, что в поминальных речах и молитвах категория предков может также объективироваться в выражениях: ***старые дедушки и бабушки***, ***старые люди***, ***старинные люди***, ***старый народ***, ***старые родители***, ***старые родные люди*** (см. [5. С. 156–170]). При этом в «земном измерении» к *родителям* причисляют всех предков рода (непосредственных родителей, близких и дальних родственников), бывших членов общины (жителей одной деревни, одной местности), неизвестных, чьи могилы находятся на местном кладбище, а в «мифологическом измерении» – первопоселенцев (основателей деревни), первопредков (чудей), библейских прародителей (Адама и Еву). Все они способны помогать живым, если те с уважением и любовью вспоминают о них: «*В Троицкую субботу на кладбище ходят кадиться, родителей поминают. Приговаривают, когда кадяться: "Донеси, ангел Господний, ладанок церковный до всех..."*» (Осинка Юрл.).

Предкам противопоставлены «нечистые» покойники – умершие не своей смертью. Среди персонажей этой категории количественно выделяются названия самоубийц, принявших смерть через повешение: ***дáвельник*** «*Давельников-то со всеми не поминают, они де к дьяволу*» (Таволжанка Юрл.), ***дáвленник*** «*Давленников грешно вместе со всеми поминать*» (Пальник Бер.), ***задáвленник*** «*Задавленников и поминать не надо. На них черти воду возят*» (Городище Юс.), ***задáвошник*** «*Задавошник, он к черту попадает на том свете*» (Березовка), ***одáвленник*** «*У меня четверо детей были, все девки. Сын был да нету – одавленник*» (Кладово Юрл.), ***самодáвленник*** «*Нельзя в дом заносить самострелов и самодавленников*» (Усть-Игум. Алекс.). К этой же группе относится именование ***джаготúщи*** (plur. t.) «*Удавленники-то, джаготищи, для них отдельный могильник*» (Федотово Юс.), образованное от коми-пермяцкого корня – *джаг-* со значением 'душить, давить' [15]. Народная культура отводит удавленникам главное место среди всех умерших неестественной смертью и отождествляет насильственное прекращение дыхания с нарушением жизни души, которой завладевают нечистые силы.

Мотив неестественной смерти проявляется также в словах: ***тóпленник*** «*Маленькая субботка была перед Родительской, тогда топленников и висельников поминали*» (Кладова Юрл.), ***отрáвленник*** «*В Семик уже всех поминают и утопленников, задавленников, отравленников*» (Поселье Ус.) и ***трáвленник*** «*А вот шаропучики – все эти задавленники, утопленники, травленники, все они считаются шарапучики*» (Калинино Кунг.). Это именования покойников, которые не изжили своего века и таким образом не дали явиться в мир новым душам, т.е. нарушили мировой порядок смены времен и поколений.

Посмертная судьба «нечистых» покойников печальна: за границей «этого» мира их ожидают беспредельные муки. Художественным воплощением этой идеи является обрядовый термин ***калиннúк*** «*Задавятся, дак говорят, они калинники*» (Журавли Кишерт.), означающий человека, умершего не своей смертью. «Для создания слова использована идея калины, которой в русской традиции устойчиво маркируется переход из одного мира в другой, место смерти (ср. *калинов мост* через огненную реку в фольклоре). Очевидно, значимым здесь является и то, что имено-

вание умерших «от своих рук» *калинники* ассоциативно соотносится с глаголом *калить* – подвергать воздействию огнем» [4. С. 98].

Состав поминальных дней, посвященных «нечистым» покойникам, отличается от традиционного поминального цикла. Яркой иллюстрацией поминального регламента в отношении преждевременно ушедших из жизни является субстантивированное прилагательное ***тро́евский*** «*Он у нас троевский, ему еще жить да жить, а вишь как*» (Юм Юрл.). В его субстрате акцентируется нумеративный символ, указывающий на временную приуроченность поминальных дней и их количество для этой категории умерших: «*За пучешариков, говорят, всем надо молиться. За них молятся, бывает, три раза в году молятся за них. В Троицкую субботу всех поминают, и за них молятся в Семик, в четверг*» (Лопаиха Кишерт.).

Согласно народным верованиям «чистые» и «нечистые» покойники обладают способностью видеть, в связи с чем особенная опасность от них исходит в период с момента смерти до погребения. Визуальному восприятию умерших поддается одновременно и земной (видимый) мир, и загробный (невидимый) мир, которые через зрительный канал могут сообщаться между собой. Поэтому участники обряда строго следят за тем, чтобы глаза покойника были плотно закрыты – и он не скрал живую душу и не утянул ее за собой на «тот» свет. Настороженное отношение к способности мертвецов видеть передается также и в языке: оно эксплицируется посредством именований покойника ***жму́рой*** *«Опять вчера на жмура ходили, соседку хоронили*» (Куеда), ***жму́риком*** «*Как жмурик себя почувствует, так и хоронят: если запахнет, то хоронят сразу же*» (Богородск Окт.) и ***белоша́рым*** «*На Семик ходят белошарых поминать. Это у старообрядцев так принято*» (Керчево Черд.), умершего неестественной смертью – ***шаропу́чиком*** «*А вот шаропучики – все эти задавленники, утопленники, травленники, все они считаются шаропучики*» (Калинино Кунг.) и ***шаропу́чим*** «*Шаропучие – утопленники*» (Калинино Кунг.), самоубийцы – ***пучеша́ром*** «*Если человек, например, удавился, три раза в году за них молятся. Потому что это грешно. Такого называли пучешар*» (Калинино Кунг.), ***пучеша́рей*** и ***пучеша́риком*** «*Вот, например, утонул, или задушился – пучешаря. За пучешариков, говорят, всем надо молиться*» (Лопаиха Кишерт.).

В культурно-символической ткани обряда помимо глаз маркируется еще одна опасная зона человеческого тела – зубы. Их долговечная сохранность после погребения увязывается в традиции с изначальной принадлежностью твердых тканей организма области смерти [10. С. 58]. На языковом уровне это находит выражение в появлении таких именований мертвеца, как ***скалозу́б*** «*До Семика, наверно, така погода продёржится. Мама раньше говаривала: пока-де скалозубы зубы скалят, тепла не будет. А как их помянут, покойников-то, накормят, оне зубы-то и закроют – и сразу тепло сделается*» (Трушники Чернуш.) и ***скалозу́бик*** «*После Семика тепло будет. Говорили раньше, что пока скалозубиков не накормим, тепла не жди*» (Чернушка).

Следует заметить, что маркирование в языковом коде обряда верхней части тела покойника обосновано ассоциативным сближением образов космической вертикали мира и морфологии человека. И современные говоры сохранили это древнее представление о связи верхнего мира (мира духов) с головой в акцентуации не только частного (через глаза и зубы), но и целого – ***поко́йна голова́*** «*Крёстной, покойна голова, работящий был*» (Уролка Сол.), ***поко́йна голо́вка*** «*Свекровь, покойна головка, послала меня в магазин*» (Юм Юрл.).

Акцентуация средней части человеческого тела, кажущаяся, на первый взгляд, совсем не закономерной в топографической системе «того» света, отразилась в именовании покойника ***ту́шей*** «*Туша ле, труп ле – одно и то жё*» (Толстик Сол.). Однако вывод о ее выпадении из семиотики обряда был бы преждевременным. Этот образ укореняется в ритуально-мифологической картине мира за счет этимологического сближения с глаголом *тухнуть*, аккумулирующим семы ‘гаснуть’, ‘гнить’, ‘замолкать’ [16. С. 445]. Таким образом, туша – это символ разлагающегося тела, плоти, потерявшей жизненные силы и качества живого.

Модель космологического универсума, отраженная в зеркале похоронно-поминального словаря, достраивается образами нижнего мира. Показательным в данном случае является пример именования покойника ***подземе́льником*** «*Вверху люди живут, и внизу люди живут – подземельники*» (Сороковая Ус.), в котором подчеркивается принципиальное пространственное отделение мира живых от мира мертвых, «своих» от «чужих».

Однако же наиболее ярко идея отчуждения от реальности загробного бытия выражается в названиях мертвых ***врага́ми*** «*В печку надо смотреть, когда покойника увозят: "Ты меня не знай, и я тебя не знаю. Аминь! Аминь! Аминь!", – это чтоб враг не приходил*» (Цепёл Краснов.) и ***пога́ными*** «*Живой человек не поганый, мертвый, дак считается поганый*» (Кекур Ус.). В них одновременно проявляются мотивы инаковости, вредительства, принадлежности нечистым силам, и даже иноверчества (см.: [17. С. 352; 18. С. 294–295]). Последний, заметим кстати, детерминирован сближением в народном сознании представлений об иноверцах и покойниках, способных вредить живым после смерти, – «*чтоб враг не приходил*», и связывается исследователями с христианским влиянием на русскую культуру [19. С. 109].

Действительно, в концептуальном поле похоронной лексики христианские мотивы тесно соседствуют с языческими. В традиционной обрядности совсем не редки примеры того, когда сквозь верхний исторический слой в семантике лингвокультурных знаков проглядывает картина дохристианских верований. В пределах нашего материала образец такого соседства можно наблюдать на примере названия покойника ***го́дным*** «*Недолго старая маялась, видно, мало грешила, через день годная стала*» (Калинино Кунг.), христианский смысл которого рождается из образа смерти как события, избавляющего от грехов [3. С. 205]. Однако христианские наслоения в культурной

семантике этого слова совсем не вытерли его исконного языческого содержания, когда *годность* для смерти отождествлялась с социальной и психофизиологической зрелостью человека, его способностью совершить переход в новое состояние. Иными словами, годность для смерти определялась подготовленностью к ней, а значит, в этом же семиотическом ключе могут быть прочитаны ассоциативно-образные основания слова ***готóвый*** «*Все здоровая была, а тут то ли инсульт, то ли еще че. Я домой приехал, а она уже готовая лежит*» (Бияваш Окт.).

Таким образом, языковая сторона похоронно-поминальной обрядности, основанная на идеях языческой и христианской антропологии, запечатлела как событийно-ситуационные, так и мифологические характеристики мертвецов. При этом системообразующие отношения между единицами языка и культурно значимыми смыслами складываются прежде всего на понятийной и ассоциативно-образной основе. Заметны они будут и в случае анализа материала с позиций словообразования. Так, преобладающая часть именований покойника представлена отглагольными и лексико-семантическими дериватами, где первыми маркируются типы умерщвления и зрительные способности умерших, а вторыми – их посмертный статус, вредоносное начало и социально-биологическое соответствие смерти.

В народных поверьях покойникам приписываются магические способности, проявление которых возможно благодаря действиям *души*. На ее незримое участие в обряде регулярно указывается в так называемых рассказах о смерти.

В устной традиции региона понятие души не получило особенной лексической проработки. В номинативном строе регионалекта для именования духовного начала в человеке используется общенародное слово *душа* и его производное – *душенька*. При этом в рассказах местных жителей о двучастной природе человека не прослеживается литературной синонимии *душа – дух* (ср. *отдать дух* ‘умереть’). Языковая и культурная семантика этих единиц отражает их принадлежность разным сферам народного миропонимания: души – антропологии, духа – демонологии: «*Когда умират, душа уходит на небеса <...> Душу никто не видал, никто ниче не знат, просто так говорят – душа, душа. Вот сейчас нечистый дух говорят, никто его не видал, а он ведь есть, он ведь нами владат. Мы не крестимся, мы грешные, а этот нечистый дух тут и есть*» [4. С. 147].

Концептуальное освоение диалектом свойств бесплотной сущности человека, покидающей тело после смерти, включает идеи ее единства и множественности. В первом случае, обнаруживающем сходство с народной традицией славян [20. С. 162–167], душа отождествляется с умершим и предстает как его единственная бессмертная бестелесная ипостась. Проследить особенности данной мировоззренческой концепции можно на примере фразеологизмов *возносение души* ‘вознесение души’, *встреча души* ‘встреча супругов на «том свете»’, *душа вышла* ‘находиться в тяжелом, безнадежном, предсмертном состоянии’, *душу выносить* ‘совершать особый молебен по умершему на сороковой день’, *душу поминать* ‘обрядовая поминальная трапеза’, *отводить душу* ‘умирать’, *провожать душу* ‘обрядовая проводов души в день похорон, сороковой, сорок второй день’.

Другой взгляд на количество духовных ипостасей умершего восходит к финно-угорской традиции. Согласно древним представлениям народов коми в каждом человеке уживаются две души [21], а, по поверьям угров, у мужчин насчитывается пять душ, у женщин – четыре [22. С. 13–16]. Такое понимание человеческой природы у автохтонных народов Прикамья зародилось еще в дохристианский период и не вытеснилось под влиянием культурных контактов, религиозных и государственных идеологий. Считаем, что современные диалектные выражения типа *на худых душах* ‘при смерти’ и *последняя душа* ‘об умершем человеке, которого видят в последний раз перед закрыванием гроба после отпевания’ могут отражать ту часть картины мира местных жителей, которая сложилась под влиянием культурной традиции финно-угров.

Не затрагивая подробно вопрос о посмертных способах представления души, отметим только, что в региональной народной традиции фиксируются ее антропоморфные, зооморфные, орнитоморфные, инсектоморфные, растительные и предметные образы [1–4]. Отождествление нематериальной сущности человека с данными образами осуществляется на основе ассоциативной связи по внешнему сходству, месту обитания, характеру действий, особенным свойствам.

Результаты и обсуждение

Представленные наблюдения над языком и культурой похоронно-поминальной обрядности коренных жителей Пермского края обнаруживают следующие особенности.

1. С точки зрения тематико-семантических свойств лексики группы «живых» и «мертвых» являются неоднородными. Среди «живых» персонажей похорон выделяются ритуальные специалисты (*обмывальщик, мыльница, гробовик, ученая, копальщик, стряпуха*), ситуативно-избираемые деятели (*подорожный человек, душа*) и случайные участники (*встречный*). Их функции в церемонии обряда направлены на решение первостепенных прагматических задач – нейтрализации вредоносности умершего, помощи в эмоциональном выражении чувства утраты, успокоении присутствующих, – но не исчерпываются ими. В системе культурного текста похорон действия живых приобретают символический подтекст, связанный с медиативными и заместительными смыслами. Ритуальные деятели предстают в обряде как собеседники (или переговорщики) и двойники покойника.

Среди именований покойника различаются два разряда лексики, где проводится разделение умерших на «чистых» (*родители*) и «нечистых» (*давельник, топленник, отравельник, калинник, троевский, пучешар* и др.) и где эти смыслы не выводятся непосредственно из значения терминов (*покоенка, жмура, скалозуб, туша, подземельник* и др.). Понятийную детер-

минацию в региональной лексике получают типы смерти, посмертные способности покойников, их онтологический и иерархический статус, время поминовения и место пребывания. Эти составляющие образного представления о мертвеце проясняют причины предельно осторожного и уважительного отношения к нему до и после захоронения.

Изоморфизм языка и культуры в сфере похоронно-поминальной обрядности обнаруживается не только в репрезентации, но и в лакунарности: «[к]ак и сам обряд, его лексика стремится утаить, скрыть: скрыть опасное имя (смерти и всего, что принадлежит ее сфере), замещая его метафорами, иносказаниями, “пустыми местами” в терминологии» [10. С. 151]. Так, на уровне языковой системы в диалекте фиксируется отсутствие ритуальных именований пассивных участников похорон – родственников и близких людей. Вероятно, намеренное избегание таких именований вызвано ритуальной стратегией отчуждения мертвеца от семьи, рода, общины, созданием эффекта их невидимости для потусторонних сил.

Экспедиционные материалы показывают, что в похоронно-поминальных церемониях заметна и лексическая лакунарность, проявляющаяся в речи участников через отсутствие или явную малочисленность прямых именований покойника. Как правило, в обращении к умершему и в беседах о нем используются прижизненные формулы и местоименные замены (*он, она*). Специальные обрядовые названия покойника более частотны в коммуникативных ситуациях, отдаленных по времени от обрядовых событий: в рассказах о смерти знакомых людей, суевериях, приметах, снах и т.п. Причина такой коммуникативной избирательности лежит в народных представлениях о переходном статусе покойника и его особой опасности для живых во время непосредственного контакта.

Как видно из представленных наблюдений, в лексике традиционной обрядности оказались зашифрованы не только категорийные свойства живых и мертвых представителей космологической системы, но и регулятивные смыслы культуры – правила отношений между «этим» и «тем» миром. И если предохранительные установки лексики не требуют отдельных пояснений (они неоднократно описывались выше), то гиластическая направленность языка нами еще не отмечалась. Хотя вскрыть гиластическую функцию можно без обращения к семантическому и ассоциативно-образному наполнению слов, достаточно обратить внимание на форму таких именований покойника, как *покоенка, жмурик, шаропучик, пучешаря, пучешарик, скалозубик, покойна головка*.

2. Концептуальная схема персонажей похорон, выражающаяся посредством семантической оппозиции «живой – мертвый», зиждется на идее двойничества. В культурно-семиотическом коде обряда эта идея манифестируется через «отзеркаливание» смысловых единиц, включенных в данную оппозицию и – внешних – соотносимых с нею.

Так, при вычленении структурных единиц концепта «живые и мертвые» из системы номинаций участников обряда высвечивается отсутствие строгой границы между таковыми группами в культурном тексте: «[в] ходе обряда мы видим ряд сцен, микродиалогов, вербальных или акциональных, которые происходят между «мертвыми» и «живыми», но при этом одни и те же участники обряда переходят с одной позиции на другую» [10. С. 103]. Неразличение «похоронных масок» представляет собой один из основных маркеров космологического осмысления смерти, когда стираются пределы земного и потустороннего. Главный же смысл обрядовых действий сводится к восстановлению границы миров – утверждению живых в «пространстве жизни», а усопшего – в «пространстве смерти».

В культурно-семиотическом коде обрядности наиболее близкой семантическому противопоставлению «живых» и «мертвых» является признаковая шкала «свои – чужие». Она демонстрирует внешнее «отзеркаливание» рассматриваемой концептуальной схемы. Как неоднократно было замечено, вся обрядовая церемония направлена на символическую передачу покойника от родных к чужим, а через них – умершим предкам. Формула данного перехода мертвых – от рода живущих к роду умерших – также включает момент внутреннего «отзеркаливания» и выражается в действиях отчуждения от своих и присвоения чужими. В этой связи показательно, что обрядовая лексика с символикой родства используется исключительно для обозначения людей, близких к смерти (*бабушка помывальна, сродственник*), либо представителей ранее умерших поколений и мифологических первопредков (*родители, старые родители, старые дедушки и бабушки, старые родные люди*).

Идея двойничества (или «отзеркаливания») обобщает все стороны обряда. В агентном плане уподобление живых мертвым обнаруживается через аналогичные усопшему качества ритуальных исполнителей (возраст, пол и т.д.), а также пассивность и безмолвность родственников и зрителей. В пространственно-временной проекции важной становится символика «этого» и «того» света, временного и вечного пристанища, в акционально-сюжетной – переход, совершаемый одновременно покойником и живыми. И даже запрет на смотрение в зеркала, относящийся к предметной плоскости обряда, лишь подтверждает убежденность народа в существовании другой жизни в параллельной реальности.

В языковом коде похоронно-поминальной обрядности сложились разные механизмы для выражения идеи двойничества «живых» и «мертвых», «своих» и «чужих». Широко представлены в этом аспекте морфемно-словообразовательные средства. В частности, принципиальное значение в производстве обрядовой терминологии имеет тот факт, что для обозначения живых используется корень с семантикой кончины (*смертный*), а для обозначения мертвых – корни с обобщенной семантикой «действия, приписываемые живым людям» (*жмура, жмурик, шаропучик, шаропучий, пучешар, пучешаря, пучешарик, скалозуб, скалозубик*). Обращаясь к внутренней форме представленных в статье номинаций, нельзя не заметить также, что ряд из них являются однокоренными: *сродственник – родители, старые родители, старые родные люди.*

Привлекают к себе внимание и особенности производящей базы для именований ритуальных персо-

нажей и покойника: выше мы уже указывали, что чаще всего для словообразования и тех и других привлекаются глаголы. Однако сходства производящих баз не исчерпываются только категориальными свойствами, хотя это обстоятельство является крайне информативным. Важно и то, что неоднословные номинации похоронных персонажей складываются на основе общих компонентов: *грамотные люди – старые люди, старинные люди, старые родные люди; бабушка помывальна – старые дедушки и бабушки.*

Что касается лексического воплощения идеи двойничества, то апелляция к ней прочитывается в явлении энантиосемии, когда на базе общеязыковых значений лексики развиваются антонимичные обрядовые (*родители, старые дедушки и бабушки, старые люди, старинные люди, старый народ, старые родители, старые родные люди*), и омонимии (*душа* ‘бестелесная сущность человека’ и *душа* ‘обрядовый заместитель покойника’). Выражение концептуального смысла обнаруживается также в семантической структуре слов и словосочетаний, включающей семы «сближения» и «разносторонности»: *встреча, встречный, встречная, первый встречный*.

Этой же идее созвучна этимологическая природа некоторых номинаций, указывающая на принадлежность обозначаемых другому сообществу – *враг, поганый*.

3. С полным основанием можно утверждать, что по своей типологической природе представленная в статье система обрядовых персонажей и их номинаций относится к числу христианско-языческих. В ней крайне трудна однозначная интерпретация языковых знаков по характеру их отнесенности к той или иной мифологической модели. Часть из них очень близка христианскому началу (*молельщица, читалка, троевский*), другие не имеют таких прямолинейных отсылок (*мытник, враг, годный*). И даже такие, что явно противоречат христианскому канону (*душа* ‘обрядовый заместитель покойника’), спустя несколько столетий не вытеснены из языковой картины мира местных жителей, идентифицирующих себя с православием.

Уже при самом общем взгляде на систему обрядовых персонажей и их номинаций в региональной культуре становится заметен перекос христианско-языческой модели в сторону наиболее древнего полюса. Языковые единицы, наполненные культурной семантикой, гораздо чаще вплетаются в православную канву, чем проявляются из ее основы, задаются ею. Возможно, такова общая логика развития древней языческой культуры в условиях нового идейного окружения: «Народно-христианские же представления не имеют ничего общего с основными категориями церковно-христианского эксегезиса. Из области христианской культуры они берут только предмет, тему, которая интерпретируется в категориях принципиально другой, даже не противоположной, модели мира» [10. С. 38].

В современной народной культуре прослеживаются отголоски этноязыковых особенностей славянской и финно-угорской традиции. В отдельных случаях их разделение оправдано, – например, в представлениях о количестве душ и генезисе обряда по типу персонажа (см. [11]). Для большинства же языческих мотивов установление этнических истоков невыполнимо, так как они сводятся к единой архитипической основе – общей для разных культур.

4. Имеющиеся в настоящее время лингвистические наработки о похоронно-поминальной терминологии позволяют вскрыть связи регионального концепта «живые и мертвые» с устойчивыми символами в других лингвокультурах. В частности, отталкиваясь от исследования О.А. Седаковой «Поэтика обряда» [10], можно заключить, что представленный в пермских говорах комплекс культурных смыслов являет собой локальный вариант обобщенной схемы славянского погребального обряда.

На содержательном уровне пересечение между этими лингвосемиотическими системами заключается в том, что похоронные персонажи региональной традиции находят преимущественное соответствие в понятийном корпусе славянских языков. Исключения составляют два образа. Первый – живой заместитель покойника, появившийся в местном ритуале «проводов души» под влиянием коми-пермяцких обрядовых практик [11. С. 73]. Второй – персонаж, возглавляющий шествие траурной процессии, понятие о котором отсутствует скорее в описанных материалах славян, нежели в их обрядовой культуре. С другой стороны, не все типы славянских персонажей коррелируют с локальной традицией, например, в пермской лексике не развиваются темы мертвых (некрещеных) детей, неженатых и незамужних покойников, умерших во время обряда участников, женских душ.

Крайне незначительны расхождения между рассматриваемыми лингвосемиотическими системами на уровне заключенных в них образно-символических представлений. Так, в региональной модели не нашли выражения посредством номинативной лексики ассоциативные сближения мертвого с нищим и, напротив, в корпусе именований покойника четко обозначился символ зубов.

Следует отметить и то, что на собственно языковом уровне пермская похоронно-поминальная терминология является отдельной и выразительной системой. Ее своеобразие складывается из ощутимой количественной проработки исследуемого тематического поля и задействованности широкого спектра мотивационных признаков. Эти особенности также открывают перед исследователями самобытность пермского лингвокультурного пространства и подтверждают резонность его разноаспектного научного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подюков И.А., Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX в. / науч. ред. И.А. Подюков. Усолье; Соликамск; Березники : Пермское книжное издательство, 2004. 240 с.

2. Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усолье : Пермское книжное изд-во, 2006. 224 с.
3. Подюков И.А., Поздеева С.М., Хоробрых С.В., Черных А.В. В каждой деревне чё-то да разно. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь, 2007. 284 с.
4. Подюков И.А., Поздеева С.М., Хоробрых С.В., Черных А.В. Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района : материалы и исследования. Березники : Типография купца Тарасова, 2008. 384 с.
5. Королева С.Ю. Чудь с русскими именами: кого и как поминают на чудских могильниках? (материалы Верхнего Прикамья) // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 2. Пермь : ПГНИУ, 2014. С. 156–170.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.
7. Юсьва – лебединая река : сборник трудов и материалов по традиционной обрядности Юсьвинского района. Усолье, 2015. 450 с.
8. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 242 с.
9. Четина Е.М., Королёва С.Ю. Традиционная обрядность и «ритуальные специалисты» в современном селе // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 4. Пермь : ПГНИУ. 2016. С. 137–144.
10. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М. : Индрик, 2004. 320 с.
11. Королева С.Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. № 23. С. 52–76.
12. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 336 с.
13. Толстая С.М. Покойник // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2009. Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 112–118.
14. Левкиевская Е.Е. Мертвых культ // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5-ти т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). С. 227–231.
15. Коми-пермяцко-русский словарь / под ред. А.С. Кривощековой-Гантман. М. : Русский язык, 1985. 624 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4: Р–V. М. : Рус. яз.; Медиа, 2006. 683 с.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 (А – Д) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. СПб. : Терра; Азбука, 1996. 576 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. СПб. : Терра; Азбука, 1996. 832 с.
19. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / вступ. ст. Н.И. Толстого; подготовка текста, коммент., указат. Е.Е. Левкиевской. М. : Изд-во «Индрик», 1995. 432 с.
20. Толстая С.М. Душа // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 1. А – Г. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995. С. 162–167.
21. Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар : Коми науч. центр УрО РАН, 1998. 127 с. // Студопедия.нет. URL: https://studopedia.net/5_56460_dusha-ten-i-mifologema-sudbi.html
22. Белавин А.М. Усолье: взгляд в прошлое // Усольские древности : сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX – XX в. / науч. ред. И.А. Подюков. Усолье; Соликамск; Березники : Пермское книжное издательство, 2004. С. 5–23.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Алекс. – Александровский район, *Бер.* – Березниковский район, *Добр.* – Добрянский район, *Кишерт.* – Кишертский район, *Кос.* – Косинский район, *Краснов.* – Красновишерский район, *Кунг.* – Кунгурский район, *Окт.* – Октябрьский район, *Сол.* – Соликамский район, *Ус.* – Усольский район, *Чайк.* – Чайковский район, *Чернуш.* – Чернушинский район, *Черд.* – Чердынский район, *Юрл.* – Юрлинский район, *Юс.* – Юсьвинский район.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 августа 2019 г.

“The Living and the Dead” in the Funeral and Wake Rites of Perm Prikamye

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 29–39.
DOI: 10.17223/15617793/450/4

Liliya M. Panteleeva, Solikamsk State Pedagogical Institute (Branch) of Perm State University (Solikamsk, Russian Federation). E-mail: liliya_pant@mail.ru
Stanislav V. Khorobrykh, Usolye Museum of History and Architecture “The Stroganovs’ Chambers” (Usolye, Russian Federation). E-mail: kalina_stas@mail.ru

Keywords: ritual characters; funeral and wake tradition; regional culture; linguosemiotics; Perm dialects.

The article considers the nominations of the characters of the funeral and wake tradition and the semantic and symbolic interpretation of their functions in the ritual text. The characters of the rite are understood to be agents who, according to traditional views, represent the physical and metaphysical aspects of the world organisation: living people and the deceased in their material and non-material essence. The study is based on the Perm dialect speech recorded from the middle of the 20th century to the present. The speech is analysed using semantic-thematic, derivational, linguistic semiotic and conceptological. The results of the study reveal the following. In terms of the thematic-semantic properties of the vocabulary, the groups of “the living” and “the dead” are heterogeneous. The “living” characters of the funeral are ritual specialists, situationally selected figures and random participants. The names of the dead form two categories of vocabulary: words for “clean” and for “unclean” dead people; these meanings do not directly derive from the meaning of the terms. The conceptual scheme of the funeral characters expressed through the semantic opposition “living–dead” is based on the idea of duality. In the cultural semiotic code of the rite, this idea is manifested through the “mirroring” of semantic units included in the given opposition and in the external opposition “Us–Them”. In the linguistic code of the rite, the morphemic, lexical and etymological means contribute to the expression of the duality of “the living” and “the dead”, “Us” and “Them”. By its typological nature, the system of ritual characters and their nominations is a Christian-pagan one. It is extremely difficult to unambiguously interpret linguistic signs according to the nature of their reference to a particular mythological model. The pre-Christian corpus of symbols has the ethnolinguistic features of the Slavic and Finno-Ugric traditions. The complex of cultural meanings presented in Perm dialects is a local variant of the generalised scheme of the Slavic burial rite. Numerous intersections between these linguuistic semiotic systems are found on the conceptual and image-symbolic levels. However, at the linguistic level, Perm funeral and wake terminology is a completely independent, original and expressive system. Its originality results from a profound

quantitative study of the thematic field and the involvement of a wide range of motivational features, some of which were not part of the Slavs' vocabulary.

REFERENCES

1. Podyukov, I.A. et al. (2004) *Usol'skie drevnosti: sbornik trudov i materialov po traditsionnoy kul'ture russkikh Usol'skogo rayona kontsa XIX–XX v.* [Usolye Antiquities: A Collection of Works and Materials on the Traditional Russian Culture of the Usolye District of the Late 19th–20th Centuries]. Usolye; Solikamsk; Berezniki: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Podyukov, I.A., Chernykh, A.V. & Khorobrykh, S.V. (2006) *Zemlya Solikamskaya. Traditsionnaya kul'tura, obryadnost' i fol'klor russkikh Solikamskogo rayona* [The Solikamsk Land. Traditional Culture, Ritualism and Folklore of Russians of the Solikamsk District]. Usolye: Permskoe knizhnoe izd-vo.
3. Podyukov, I.A. et al. (2007) *V kazhdoy derevne che-to da razno. Iz kungurskoy semeynoy traditsii (dvadtsatyy vek)* [Every Village Has Something Different. From a Kungur Family Tradition (Twentieth Century)]. Perm: Tipografiya kuptsa Tarasova.
4. Podyukov, I.A. et al. (2008) *Pesni i skazy doliny kamney. Obryadnost' i fol'klor Kishertskogo rayona : materialy i issledovaniya* [Songs and Tales of the Valley of Stones. Ritualism and Folklore of the Kishert District: Materials and Studies]. Berezniki: Tipografiya kuptsa Tarasova.
5. Koroleva, S.Yu. (2014) Chudes With Russian Names: Who and How Are Commemorated on Chude's Burial Grounds? (North Prikamye Tradition). *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya – Socio- and Psycholinguistic Research*. 2. pp. 156–170. (In Russian).
6. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
7. Podyukov, I.A. (ed.) (2015) *Yus'va – lebedinaya reka: sbornik trudov i materialov po traditsionnoy obryadnosti Yus'vinskogo rayona* [Yusva: The Swan River. A Collection of Works and Materials on the Traditional Rituals of the Yusva District]. Usolye: IP Sidorov V.V.
8. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka.
9. Chetina, E.M. & Koroleva, S.Yu. (2016) Traditional Culture and "Ritual Specialists" in Modern Village. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya – Socio- and Psycholinguistic Research*. 4. pp. 137–144. (In Russian).
10. Sedakova, O.A. (2004) *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Poetics of the Rite. Funeral Rites of the Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik.
11. Koroleva, S.Yu. (2014) The 'Farewell to the Soul' Ceremony with Ritual Substitution of the Deceased Person (Folk Phenomena of the Russian-Komi-Permyaks' Transgressive Zone). *Antropologicheskiy forum – Forum for Anthropology and Culture.* 23. pp. 52–76. (In Russian).
12. Vendina, T.I. (2002) *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavyanskogo yazyka* [Medieval Person in the Mirror of the Old Slavonic Language]. Moscow: Indrik.
13. Tolstaya, S.M. (2009) Pokoynik [Dead Person]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Vols]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 112–118.
14. Levkievskaya, E.E. (2004) Mertvykh kul't [The Cult of the Dead]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Vols].Vol. 3. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 227–231.
15. Krivoshchekova-Gantman, A.S. (ed.) (1985) *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [A Komi-Permyak-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Dahl, V.I. (2006) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz.; Media.
17. Vasmer, M. (1996a) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 1. St. Petersburg: Terra; Azbuka.
18. Vasmer, M. (1996b) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 3. St. Petersburg: Terra; Azbuka.
19. Zelenin, D.K. (1995) *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smert'yu i rusalki* [Selected Works. Essays on Russian Mythology: Those Who Died by Unnatural Death and Mermaids]. Moscow: Izd-vo "Indrik".
20. Tolstaya, S.M. (1995) Dusha [Soul]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 162–167.
21. Limerov, P.F. (1998) *Mifologiya zagrobnogo mira* [The Mythology of the Afterlife]. Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. [Online] Available from: https://studopedia.net/5_56460_dusha-ten-i-mifologema-sudbi.html
22. Belavin, A.M. (2004) Usol'e: vzglyad v proshloe [Usolye: A Look Into the Past]. In: Podyukov, I.A. et al. *Usol'skie drevnosti: sbornik trudov i materialov po traditsionnoy kul'ture russkikh Usol'skogo rayona kontsa XIX–XX v.* [Usolye Antiquities: A Collection of Works and Materials on the Traditional Russian Culture of the Usolye District of the Late 19th–20th Centuries]. Usolye; Solikamsk; Berezniki: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 5–23.

Received: 10 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 40–48. DOI: 10.17223/15617793/450/5

УДК 378.147:811.111

С.Е. Рахманкулова

УЗУАЛЬНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ: ПРОЯВЛЕНИЯ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

На материале английского и русского языков рассматривается проблема узуальной интерференции – взаимодействия языков, приводящего к отклонениям от предпочтительных способов выражения мысли на одном языке или их игнорированию под влиянием узуса другого языка. Исследуются проявления узуальной интерференции русского языка на уровне структуры простого высказывания на английском языке и предлагается функционально-когнитивный подход к предотвращению узуальной синтаксической интерференции.

Ключевые слова: языковая интерференция; узуальная интерференция; синтаксис; синтаксическая модель предложения; пропозиция; концептуальная метафора.

Несмотря на очевидность тезиса о необходимости предотвращения интерференции одного языка в речи на другом языке и изученность проблемы взаимовлияния языков в речи билингвов в целом (литература по вопросу обширна, см., например, библиографические списки в [1, 2]), вопрос о проявлениях узуальной интерференции и способах ее преодоления остается открытым.

В отличие от **собственно языковой интерференции**, под которой понимается «взаимодействие языковых систем в условиях дву- или многоязычия, проявляющееся в отклонении от кодифицированных норм речи контактирующих языков» [3. С. 197], **узуальная интерференция** не связана с нарушением языковых норм и может быть определена как взаимодействие языковых систем, приводящее к отклонениям от способов выражения мысли, предпочитаемых в контактирующих лингвокультурах, либо к неиспользованию тех или иных способов выражения мысли, имеющихся в иностранном языке, но отсутствующих в родном. Узуальная интерференция не препятствует взаимопониманию коммуникантов, однако, нарушая нормы узуса иностранного языка, приводит к меньшей аутентичности речи. Такую речь можно охарактеризовать сакраментальной фразой «Вроде все правильно, но так обычно не говорят».

Узуальная интерференция может проявляться на разных языковых уровнях. В данной статье узуальная интерференция исследуется на уровне **синтаксиса**. Рассматриваются манифестации узуальной интерференции русского языка на уровне **синтаксической структуры простого высказывания** на английском языке и предлагается подход к работе по преодолению (в идеале – предотвращению) такого типа интерференции.

Узуальной синтаксической интерференции уделяется мало внимания в обучении грамматике, поскольку основные усилия преподавателей, что естественно, сосредоточены на исправлении и предотвращении языковых ошибок – отклонений от грамматических норм языка. Грамматические справочники не содержат описаний речевых выражений, соответствующих узусу синтаксической системы языка. Проявления узуальной синтаксической интерференции, кроме того, часто незаметны для тех, кто не имеет практики живого общения с носителями языка или как минимум большого опыта пассивного владения аутентичной речью – на уровне восприятия – например, благодаря регулярному чтению, просмотру и прослушиванию аутентичных видео- и аудиоматериалов (кинофильмов, видеороликов, песен, подкастов и т.п.).

Исследование манифестаций узуальной интерференции носит в основном эмпирический характер в связи с недостаточностью типологических исследований, раскрывающих специфику не *систем* сопоставляемых языков, а *особенностей их реализации в речи*, в конкретном акте коммуникации. Современные материалы, в которых отмечается узуальная специфика того или иного языка по сравнению с другими, весьма фрагментарны, размещаются преимущественно в социальных медиа в интернете и носят публицистический, развлекательный, а не научный характер («Как говорить по-английски как носитель?» (youtube.com); «Всего один нюанс в английском языке приблизит вашу речь к тому, как говорят носители» (adme.ru) и др.). Тем не менее ряд явлений узуальной интерференции английского и русского языков на грамматическом уровне рассмотрены в лингвистических работах.

В частности, в статье А.В. Теренина [4] предлагается разграничение «грубой», «умеренной» и «мягкой» интерференции. Под реализациями умеренной интерференции понимаются факты речи, противоречащие не системе иностранного языка, а узуально принятой норме, а под мягкой интерференцией – факты речи, не учитывающие диапазон варьирования языковой или узуальной нормы иностранной лингвокультуры (например, широкое употребление в английской речи носителей русского языка конструкций с инверсией, использующихся в английском языке преимущественно в описаниях пространства в художественном тексте). В работе не ставится задача систематизации манифестаций узуальной интерференции на уровне синтаксиса, однако обращение автора к коммуникативно-нерелевантной интерференции, снижающей, тем не менее, общее качество иноязычной речи, представляется крайне важным.

С точки зрения рассматриваемой проблемы большой интерес представляют работы, выполненные в рамках научной школы проф. В.М. Савицкого и посвященные изучению «грамматического идиоэтнизма» английской речи и отклонений от него в англо-

язычной речи носителей русского языка. Так, в кандидатской диссертации А.Е. Куровской [5] рассматриваются явления переноса как языковой нормы, так и узуса родного (русского) языка в речь на английском языке. В работе подробно изучаются отдельные синтаксические явления; задача исследовать специфику структуры аутентичного простого высказывания и отклонения от нее в англоязычной речи носителей русского языка не ставится. В докторской диссертации Н.В. Щенниковой [6] предлагается комплексная характеристика англоязычной речи носителей русского языка, в том числе в аспекте аутентичности. В работе отмечен ряд морфосинтаксических особенностей такой речи и сделан вывод об обусловленности предпочтений в использовании морфосинтаксических структур при построении речи в изосемантических ситуациях лингвокультурными, социосемиотическими, структурно-языковыми, компетентностными и когнитивными факторами. Нельзя не согласиться с автором в том, что когнитивная модель определяет выбор языковых знаков с заданными синтаксическими и семантическими валентностями, тем самым предопределяя грамматизацию синтаксических структур. Именно этот тезис, как представляется, должен быть положен в основу обучения иноязычной грамматике и работы по преодолению грамматической интерференции.

Среди известных трудов, в которых уделяется внимание несовпадению англоязычной (американской) и русской лингвокультур и приводятся обусловленные этим несовпадением явления интерференции, можно назвать известные монографии Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [7], Л. Виссон [8], учебник С.Г. Тер-Минасовой [9] и др. В них отмечены интересные случаи несоблюдения носителями русского языка способов выражения мысли, в том числе синтаксических, принятых в англоязычной лингвокультуре, и соответствующие отклонения от грамматических норм и от речевых клише, используемых носителями английского языка в типовых ситуациях общения. В работе Л. Виссон, например, объясняются факт большей распространенности конструкций с подлежащим – активным деятелем в речи американцев, нетипичность для нее неопределенно-личных и безличных конструкций и обратная тенденция в русской речи. Однако несоблюдение этих различий, как видно по представленным примерам, неизбежно приводит к собственно языковым, грамматическим ошибкам, а интерференция на уровне речевых стереотипов требует отдельного рассмотрения, поскольку она связана с отклонениями от норм коммуникативного поведения. Стереотипные фразы не конструируются заново, а воспроизводятся как готовые образцы, в связи с чем, очевидно, наиболее простой способ предотвращения интерференции в их употреблении – их тщательное заучивание наизусть. В настоящей статье будут рассмотрены случаи интерференции, не связанные с языковыми и коммуникативными ошибками, а в поиске путей их предотвращения будут учитываться когнитивные механизмы построения высказывания.

Материал исследования составили образцы речи носителей английского языка (англичан и американцев), отобранные из англоязычных онлайн-корпусов (*Corpus of Contemporary American English* (https://corpus.byu.edu/coca), *British National Corpus* (https://corpus.byu.edu/bnc)), разножанровых текстов интернете или полученные в процессе личного общения, и примеры англоязычной речи носителей русского языка (студентов переводческого факультета НГЛУ им. Н.А. Добролюбова), зафиксированной с 2008 по 2018 г.

Типичной манифестацией узуальной синтаксической интерференции, как показывает анализ материала, является **выбор для высказывания об определенном типе ситуации синтаксической модели, нехарактерной для высказываний о такой ситуации в аутентичной иноязычной речи**. На уровне синтаксически *простого* высказывания выявляются следующие основные случаи подобной интерференции[1].

1. Употребление конструкции с **подлежащим, глаголом-сказуемым (в страдательном залоге) и обстоятельством места** вместо модели а) с **подлежащим, глаголом-сказуемым (в действительном залоге)** или б) с **подлежащим, глаголом-сказуемым (в действительном залоге) и обстоятельством места** для сообщения о содержании письменного или устного источника: **In the letter it is written that*…; **In the novel it is written about*…; **On the sign it was written that*…; **It is said on the tin that*… ; **It is said on my profile that*…; *(??)A terrible event is described in the story; (??)A new method is considered in the article* и т.п. вместо а) *The letter says that*…; *The novel tells about*…; *The sign said: ...*; *The story (author) describes a terrible event*; *The article discusses a new method*… или б) *It says in the letter that…; It says on the tin that..; It says on my profile that…; etc*. Ср. русские выражения: «В письме говорится…»; «На табличке было написано…» и т.д. При этом говорящие нередко не учитывают тот факт, что в английском высказывании о данной ситуации сказуемое не выражается глаголом *write* («писать»), но часто выражается глаголом *say* («говорить», «сказать»).

2. Употребление модели с **подлежащим, глагольным сказуемым и обстоятельством места** вместо модели с **подлежащим, именным сказуемым (с именной частью – существительным)** в высказывании о занятиях, привычках, обычных действиях человека: *(?)He studies at a college; (?)She can kiss really well; (?)I like cinema very much (I often go to the cinema); (?)He smokes very often (a lot); (?)They usually sleep cuddling*; вместо соответственно *He is a college student*; *She is a good kisser; I am a real cinema-goer; He is a bad smoker; They are cuddly sleepers* и т.п. Ср. рус. «Он учится в колледже»; «Она преподает в университете» и т.п. Структура высказываний о некоторых конкретных видах подобных ситуаций в русской и английской речи может совпадать («Он заядлый курильщик» – *He is a bad smoker*; «Я не большой любитель реалити-шоу» – *I am not a big fan of reality shows*). Однако использование структуры с именным сказуемым в высказываниях о других ситуациях

(например: *She is a good kisser*; *They are cuddly sleepers*; *I am a real cinema-goer)* в принципе часто не рассматривается носителями русского языка как возможное, поскольку противоречит узусу русского языка.

3. Употребление модели а) с **подлежащим (местоимением *it* и инфинитивной конструкцией) и именным сказуемым** (с именной частью – прилагательным) или б) с **подлежащим, глаголом-сказуемым (в действительном или страдательном залоге) и обстоятельством образа действия** вместо модели с **глаголом-сказуемым в действительном залоге и обстоятельством образа действия** для высказывания о характеристике предмета по степени легкости / сложности действия, которое с ним можно производить: *(?)It is easy to sell such a book* / *(??)The book is sold easily (quickly, well)*; *(?)It is easy to wash this cloth* / *(?)This cloth can be washed easily (quickly)* / *(?)You can easily wash this cloth; (?)It is easy to cut the butter / (?)The butter can be easily cut / (?)You can easily cut this butter, etc.* вместо *The book sells well*; *The cloth washes well*; *The butter cuts easily, etc*. Ср. рус.: «Книга хорошо продается»; «Эта ткань хорошо / легко стирается»; «Масло легко режется».

4. Употребление модели а) с **подлежащим (единицей со значением одушевленного предмета), глаголом-сказуемым в действительном залоге (с модальным элементом) и прямым дополнением (единицей со значением неодушевленного предмета)** или б) с **подлежащим (единицей со значением неодушевленного предмета), глаголом-сказуемым в страдательном залоге (с модальным элементом)** вместо модели с **подлежащим (единицей со значением неодушевленного предмета), глаголом-сказуемым (с модальным значением – *need, want, require,* etc.) в действительном залоге и дополнением (герундием)** для сообщения о предмете, с которым необходимо произвести определенное действие: *(?)You need to wash your hair* / *(?)Your hair needs to be washed*; *(?)You have to clean your shoes* / *(?)Your shoes have to be cleaned* вместо *Your hair needs (wants) washing; Your shoes need (want) cleaning.* Ср. рус.: «Тебе нужно голову помыть», «Туфли нужно почистить».

5. Употребление модели с **начальным элементом *there*, сказуемым (глаголом *to be*), подлежащим (неодушевленным существительным) и обстоятельством места** вместо модели с **подлежащим (единицей, обозначающей одушевленный предмет), глагольным сказуемым (глаголом *have*), дополнением (неодушевленным существительным) и обстоятельством места** для высказывания о наличии какого-то предмета в контакте с частями тела (личными предметами) человека: *(??)There was a hat on his head*; *(?)There was a gun on his belt*; *(?)There is something in your eye* вместо *He had a hat on his head (=He was wearing a hat)*; *He had a gun on his belt*; *You have something in your eye.* Ср. рус.: «Он был в шляпе (На голове у него была шляпа)»; «У тебя что-то в глазу» и т.п.

6. Употребление модели с **подлежащим, глаголом-сказуемым (в действительном или страдательном залоге) и дополнением (предложным или беспредложным)** вместо модели с **подлежащим, глагольным сказуемым *have* и дополнением** для сообщения о некотором событии, произошедшим с человеком: *(??)An accident happened to him last week* вместо *He had an accident last week*; *(?)Her baby was born yesterday* / *(?)She gave birth to a child yesterday* вместо *She had a baby yesterday*. Ср. рус.: «На прошлой неделе с ним произошел несчастный случай»; «У нее ребенок вчера родился (= Она вчера родила)».

7. Употребление модели а) с **подлежащим, глаголом-сказуемым (в действительном залоге) и простым дополнением** или б) с **подлежащим, глаголом-сказуемым (в страдательном залоге)** вместо модели с **глаголом-сказуемым (*have, get)* и сложным дополнением** для сообщения о некоторой ситуации, случившейся с субъектом, его собственностью и т.п. без его непосредственного участия: а) *(?)Their window was broken* или б) *(?)Somebody broke their window* вместо *They had / got a window broken*; а) *(?)My tooth was pulled out* или б) *(?)They pulled out my tooth* вместо *I had / got a tooth pulled out*; а) *(?)A gun was put to his head* или б) *(?)Somebody put a gun to his head* вместо *He had / got a gun put to his head.* Ср. рус.: «Им окно разбили»; «Мне зуб вырвали»; «Ему к голове пистолет приставили».

Помимо собственно нарушений норм узуса английского языка, узуальная интерференция может выражаться в **неупотреблении, «игнорировании» в речи синтаксических конструкций, характерных для иностранного языка.** Говорящие используют в речи аутентичные синтаксические способы выражения мысли, однако не применяют *иные* возможные конструкции. Аналогичные конструкции, как правило, отсутствуют в родном языке. Приведем некоторые типичные примеры.

8. Употребление модели с **подлежащим глаголом-сказуемым (в действительном залоге)**; неиспользование модели с **начальным *there*, глаголом *to be*, подлежащим (существительным с событийной семантикой, герундием)** для сообщения а) о некотором событии: *You have a phone call / Somebody is calling you on the phone*; *They made a short pause*; *An explosion took place in that area*; *People are talking of a blizzard*; *Somebody giggled*; *I can see somebody standing at the gate / Look! Somebody is standing at the gate,* но не *There's a phone call for you*; *There was a short pause*; *There was an explosion in that area*; *There's talk of a blizzard*; *There was some giggling*; *There is somebody at the gate*; б) о невозможности какого-либо события: *Nobody can stop me* / *I will not be stopped*; *You can't deny the fact that…*; *You will never be forgiven / They will never forgive you,* но не *There is no stopping me*; *There is no denying the fact that…*; *There will be no forgiving you*. Ср. рус.: «Вам звонят»; «Наступила пауза»; «Тебя не простят» и т.п.

9. Употребление модели с **подлежащим, глаголом-сказуемым (в действительном или страдательном залоге)**, с **обстоятельством места** или без него; неупотребление модели с **подлежащим, глаголом-сказуемым *to be*** и **обстоятельством места** (в иной терминологии – структуры с адвербиальным сказуемым) для сообщения о деятельности, осуществляемой самим субъектом или с ним: *I'll return,* но не *I'll be back; They have arrived / come,* но не *They are here; He has left / has gone away,* но не *He is gone; We*

are leaving, но не *We are off / We are out of here*; *She has got crazy*, но не *She is out of her mind; They are coming*, но не *They are on their way*; *The application is being tested / They are testing the application*, но не *The application is under test*; *I've never visited the Zoo*, но не *I've never been to the Zoo; He is working in IT*, но не *He is in IT; I am sleeping*, но не *I am in bed; The process is going on*, но не *The process is in progress.* Ср. рус.: «Я вернулся»; «Они уже едут (идут)»; «Приложение сейчас тестируется»; «Он работает в сфере информационных технологий»; «Я сплю»; «Процесс идет» и т.д.

10. Употребление модели с **подлежащим, глаголом-сказуемым (в действительном или страдательном залоге);** неупотребление модели с **подлежащим, составным именным сказуемым (с именной частью, выраженной прилагательным, словом категории состояния, причастием)** для сообщения о событии или процессе, вызывающем некоторое состояние субъекта: *The old man has just died*, но не *The old man is dead*; *I have eaten so much!*, но не *I am full*; *He is working so much and gets paid so little*, но не *He is overworked and underpaid*; *I have done / finished this*, но не *I am done with this*; *The boy was sleeping*, но не *The boy was asleep* и т.п. Ср. рус.: «Старик умер»; «Я наелся»; «Мальчик спит / уснул» и т.п.

11. Употребление модели с **подлежащим, глагольным сказуемым;** игнорирование моделей а) со **сказуемым и прямым дополнением** и б) **подлежащим, сказуемым, прямым и косвенным дополнением** для сообщения о действии, отдельной манифестации процесса, не направленного (а) или направленного (б) на какой-либо объект: а) *He swam for some time; He bowed; Can I talk for a while with you?*, но не *He had a swim*; *He took a bow; Can I have a word with you?* б) *She smiled at him*; *She kissed him*; *Shall I help you?*, но не *She gave him a smile; She gave him a kiss; Shall I give you a hand?.* Ср. рус.: а) «Он немного поплавал»; «Можно поговорить с тобой?»; б) «Она его поцеловала»; «Помочь тебе?».

12. Употребление модели с **подлежащим, глагольным сказуемым, прямым дополнением и предложным дополнением** для сообщения о ситуации, в которой некто делает для кого-то нечто; игнорирование модели с **подлежащим, глагольным сказуемым, косвенным и прямым дополнением**: *I baked a cake for my friend, I'll get a coffee for you; She'll find a gift for herself* , но не *I baked my friend a cake; I'll get you a coffee; She'll find herself a gift*. Несмотря на то что в русском языке имеется аналогичная структура (возможно, именно по этой причине – опасаясь сделать интерференционную ошибку), носители русского языка нередко избегают ее в речи на английском языке. Ср. рус.: «Я испекла подруге пирог»; «Возьму тебе кофе»; «Она найдет себе подарок».

13. Употребление модели а) с **подлежащим (местоимением *it* и инфинитивной конструкцией) и именным сказуемым (с именной частью – прилагательным)** или б) **с подлежащим (единицей со значением одушевленного предмета), глаголом-сказуемым в страдательном залоге и обстоятельством образа действия**; неупотребление модели с **подлежащим (единицей со значением одушевленного предмета, лица), глаголом-сказуемым в действительном залоге и обстоятельством образа действия** для высказывания о характеристиках кого-либо с точки зрения легкости / сложности действия, которое с ним можно производить: *It is easy to scare him* / *He gets scared easily* / *He is easily scared*; *I am quickly bruised / It is easy to give me bruises / It is easy to bruise my skin / I get bruises really quickly as a rule*, но не *He scares easily*; *I bruise quickly*. Ср. рус.: «Он быстро пугается» / «Его легко испугать»; «У меня быстро появляются синяки». В отличие от примеров типа *(??)The book is sold well* интерференция в этом случае носит пассивный характер: говорящие не пытаются калькировать в речи на английском языке структуру русского высказывания, подбирают корректный и вполне аутентичный эквивалент, но, возможно, не имеют представления о другом способе выражения той же мысли – с помощью конструкции типа *I bruise quickly*.

14. Употребление модели с **начальным элементом *there*, сказуемым (глаголом *to be*), подлежащим (единицей со значением неодушевленного предмета)**; неупотребление модели с **подлежащим (единицей, обозначающей неодушевленный предмет), глаголом-сказуемым (*have*), дополнением (единицей со значением неодушевленного предмета) и обстоятельством места** для сообщении о наличии чего-либо на поверхности какого-либо предмета: *There was a blanket on the bed*; *There was a white cloth on the table*; *There was a fancy knob on the door*, но не также возможные *The bed had a blanket on it; The table had a white cloth on it; The door had a fancy knob.* Ср. рус.: «На кровати было покрывало»; «На столе была белая скатерть» и т.п.

Недопущение узуальной интерференции, в частности на уровне синтаксиса высказывания, представляется важным для повышения качества иноязычной речи изучающих иностранный язык, избавления ее от чужеродного «звучания». В лингвометодической и психолингвистической литературе описаны традиционные методы борьбы и с интерференцией, среди которых основными считаются **анализ типичных ошибок** и **констрастивно-сопоставительный анализ** контактирующих языков и лингвокультур (см. об этом, например: [10]). На их основе создаются системы упражнений для формирования фонетической, орфографической, лексической, грамматической, лингвокультурной компетенций у изучающих иностранный язык. Анализ ошибок, несомненно, необходим для выявления механизмов построения иноязычной речи, оценки уровня сформированности речевых навыков, для построения системы упражнений, формирующих навыки грамматически правильной речи, а сопоставительный анализ дает необходимые данные для выявления потенциальных зон языковой интерференции. Традиционные методы лингводидактики, однако, не всегда позволяют успешно справляться с собственно языковой интерференцией, а на интерференцию узуальную, как правило, не распространяются. Объясняется такое положение, по-видимому, тем, что данные методы не имеет целью моделировать языковую способность носителя языка и дать обучаемому возможность понять специфику непосредствен-

ного процесса построения иноязычного высказывания – «построения высказывания *on-line*» – в его отличии от высказывания на родном языке. Более эффективной работе по предотвращению как языковой, так и узуальной интерференции, как представляется, способствует **когнитивный подход** к анализу языковых явлений, учитывающий механизмы языковой репрезентации фрагментов мира и способность языковых единиц фиксировать концептуальные смыслы.

Так, Е.Г. Беляевская в докладе на конференции в МГИМО (видеозапись доклада см. в: (https://www.youtube.com/watch?v=LgQQPhNdMKM) и своей статье по этому докладу [11] предлагает при введении нового иноязычного материала не сопоставлять языковые единицы родного и иностранного языков, а объяснять обобщенные смыслы (концептуальные представления), которые стоят за данными языковыми формами, определяя их «когнитивную внутреннюю форму», и обусловливают выбор соответствующих лексических единиц в процессе общения, их сочетаемость с другими единицами. По мнению Е.Г. Беляевской, усвоение таких смыслов позволит избежать внутреннего перевода с родного языка на иностранный при общении на иностранном языке и тем самым нивелировать проявления интерференции на лексико-семантическом уровне. Если обучаемым дать сведения о **когнитивной внутренней форме слова**, своеобразной ментальной «картинке», стоящей за его значением, то, выбирая нужную единицу для выражения мысли, они будут опираться не на соответствующее слово родного языка, а на ту «картинку», которая отвечает смыслу их высказывания, благодаря чему они смогут подобрать необходимую единицу без «посредничества» своего родного языка.

Так, например, преподаватели английского языка знают, насколько типичен ошибочный выбор слова, порождающий в речи русскоязычных учащихся высказывания типа **I was sitting at home at the weekend*; **He is sitting in prison* и под. И наоборот, вместо того чтобы сказать *The money will sit in the bank for a while* или *The radio sits on my shelf,* носители русского языка практически неизменно говорят **The money will lie in the bank for a while* и *The radio stands on my shelf.* Хотя носителю русского языка высказывания, помеченные астериском, представляются абсолютно естественными, для носителя английского языка они бессмысленны. Такие интерференционные ошибки обусловлены несовпадением концептуальных структур, стоящих за соотносимыми единицами «сидеть» и *sit*. В понимании носителя русского языка «сидеть» – значит «оставаться где-либо, проводить где-либо длительное время, нередко в бездействии». Для носителя английского языка за лексемой *sit* закреплена ситуация, в которой некто или нечто пребывает где-либо с определенной целью (ср. англ. *sit for an exam*). Если изучающие английский язык будут помнить об этом, они вряд ли употребят сочетание типа **sit at home*.

Подход, предлагаемый Е.Г. Беляевской и независимо используемый многими преподавателями английского языка, чья научная специализация связана с когнитивной лингвистикой, также эффективен для преодоления интерференции на уровне словосочетания – например, предложных сочетаний. Так, опыт преподавания английского языка свидетельствует о том, что если обучаемым сразу объяснить тот ментальный образ, который закреплен, например, за пространственными предлогами *in, on, at*, количество ошибок в их употреблении резко сокращается. Если изучающие английский язык помнят о том, что прототипическое значение предлога *on* – «нахождение на некоторой поверхности», а за предлогом *at* закреплен смысл «нахождение в некоторой точке в маршруте движения», ошибки типа **I was on a bus stop* вместо *I was at a bus stop* быстро исчезают.

Как представляется, вполне эффективно работать над преодолением синтаксической интерференции, как собственно-языковой, так и узуальной, позволяет **функционально-когнитивный подход к обучению синтаксису**. Суть предлагаемого подхода заключается в рассмотрении синтаксических единиц с точки зрения их концептуального содержания – типовых **пропозиций**, закрепленных за этими единицами в сознании носителя языка и отражающих представления о типовых ситуациях предметного опыта. Обучение синтаксису заключается при таком подходе не в получении сведений о синтаксическом строе изучаемого языка, а в усвоении *пропозициональных моделей иностранного языка, зафиксированных в синтаксических моделях простого предложения и выступающих в качестве схем описания фрагментов действительности.*

В сознании носителя языка, как можно предположить, информация о синтаксических моделях и их функциях представлена не в виде терминологического описания, а как совокупность простых универсальных понятий (понятий об одушевленном субъекте, о неодушевленном предмете, о действии, о состоянии, о расположении или перемещении в пространстве и под.). Их содержание можно представить в доступной для обучаемых форме – с помощью простых единиц родного языка: КТО, ЧТО, КАКОЙ, ГДЕ, ЕСТЬ, ДВИГАЕТСЯ, ДВИГАЕТ, ДЕЛАЕТ, ВОЗДЕЙСТВУЕТ и т.п. Пропозиции, фиксируемые синтаксическими моделями, таким образом, можно сформулировать *метаязыком, использующим слова родного для обучаемых языка*, отразив при этом количество, тип и порядок следования элементов пропозиций, например: КТО / ЧТО ЕСТЬ КТО / ЧТО, КТО / ЧТО ЕСТЬ ГДЕ, КТО ДВИГАЕТСЯ КУДА и т.п.[2]

Пропозициональные схемы, возникшие в результате концептуализации базовых ситуаций конкретно-предметной деятельности человека, посредством механизма **концептуальной метафоры** [15] проецируются на разнообразные фрагменты нового, в том числе абстрактного опыта. Так, например, пропозициональная модель КТО / ЧТО ЕСТЬ ГДЕ лежит в основе не только высказываний о расположении предмета в физическом пространстве (*I am here; The book is on the table),* но и высказываний об абстрактных ситуациях, в которых некто или нечто пребывает в том или ином состоянии, положении, вовлечено в процесс, в ту или иную сферу деятельности, обладает или больше не обладает чем-либо и т.д.: *John was in a nasty situation; You are out of your mind; They are at war; Her father was in publishing; The restaurant is out of fish; He is in money* и т.п. В резуль-

тате действия механизма концептуальной метафоры на основе нескольких базовых прототипических моделей простого предложения можно построить высказывание (хотя и простое) о *любом* фрагменте реальной или воображаемой действительности. Осознание этого факта во многом снимает страх обучаемых перед речью на иностранном языке.

С другой стороны, в процессе применения моделей для сообщения о некоторой новой ситуации действительности неизбежно имеет место **интерференция** – попытка использовать для обозначения ситуации тот же тип модели, который используется для отражения такой ситуации в родном языке, применить к этой ситуации метафорическую модель концептуализации мира, свойственную родной лингвокультуре, без учета иноязычной специфики синтаксической репрезентации мира. Для предотвращения интерференции необходимо изучение межъязыковых (межкультурных) различий.

Однако применение методического принципа учета *типологических различий родного и иностранного языков* в рамках предлагаемого подхода существенно отличается от его традиционной реализации. Целесообразно сопоставлять не системы контактирующих языков, а особенности их функционирования. Для того чтобы наглядно показать отличия в использовании синтаксических моделей предложений родного и иностранного языков в речи, необходимо сравнить, *по каким синтаксическим моделям, в результате различий в самом членении мира, его концептуализации, в том числе метафорической, строятся высказывания об одном и том же типе ситуации действительности*. Обучаемым необходимо дать представление о том, что, например, высказывание о постоянном занятии, привычке человека, в отличие от русского языка, в английском языке строится по модели КТО ЕСТЬ КТО (*Он любит поесть. – He is a hearty eater*), а высказывание о состоянии окружающей среды строится по модели ЧТО ЕСТЬ КАКОЕ (ГДЕ) (*It's dark*; *The house was empty*), в отличие от русского высказывания, имеющего структуру (ГДЕ) (ЕСТЬ) КАК (*Темно*; *В доме было пусто*) и т.д. Подробное сравнение моделей русского и английского языков для одних и тех же типов ситуаций действительности предлагается в [16]. В таблице приведен фрагмент такого описания.

Пропозициональные и синтаксические модели ситуаций в русском и английском языках (пример описания)

Ситуация	Структура русского высказывания	Структура английского высказывания
Наличие / отсутствие чего-либо / кого-либо (где-либо)	**[ГДЕ] [ЕСТЬ] ЧТО** В мире много интересного. Есть проблема. Пожар! В комнате никого не было. Работы сегодня не будет. За этими сделками **стоят** другие люди. За дверью кто-то **стоит**. На стене (**висит**) картина. На столе **лежали** книги. **Произошла** ошибка. **Наступила** пауза. Вам **звонят**. **Прогремел** гром. **НО:** Идет снег. Дождь и град. **В** этом не было ничего странного. Этой книги на столе нет. Ее нет дома	**1) ЕСТЬ ЧТО [ГДЕ] – конструкция *There is… / There are…*** *There are a lot of interesting things in the world.* *There is a problem. There's fire!* *There was not anybody in the room (There was no one in the room).* *There is no work today.* *There **are** some other people behind these deals.* *There **is** someone outside the door.* *There **is** a painting on the wall.* *There **were** some books on the table.* *There **was** a mistake.* *There **was** a silence. There **is** a phone call for you.* *There **was** thunder.* *It is snowing. It is raining and hailing.* *There was nothing strange **about** it.* **2)** Для сообщения об отсутствии конкретного предмета или человека где-либо используется модель **ЧТО / КТО ЕСТЬ ГДЕ**: *The book is not on the table. She is not at home*
Наличие у кого-либо чего-либо или некоторого состояния, положения или изменения	**У КОГО [ЕСТЬ] ЧТО** У нас собака. У ребенка корь. У нее истерика. У них вопрос. У вас проблема. У нас вечеринка. У него на коленях карта. У них домик в деревне. У меня назначено. У нее возник вопрос. У них родился сын. У моих друзей сын женился. У соседей кот убежал. У нас получилось	**1) КТО ИМЕЕТ ЧТО** *We have a dog. The child has measles.* *She is having hysterics. They have a question.* *They have a problem. We are having a party.* *He has a map on his lap.* *They have a small cottage in the country.* *I have an appointment. She has a question.* *They had a son.* **2) КТО ДЕЛАЕТ ЧТО** *My friends' son has got married.* *The neighbour's cat has run awayю We did it*
На ком-либо надето нечто или на что-либо нечто положено	**а) НА КОМ [ЕСТЬ] (НАДЕТО) ЧТО, КТО [ЕСТЬ] ОДЕТ ВО ЧТО** На ней было красное платье. Она была одета в красное платье. **б) НА ЧЕМ [ЕСТЬ] (ЛЕЖИТ) ЧТО, ЧТО ЕСТЬ ПОКРЫТО ЧЕМ** На кровати покрывало. Коридор был застелен линолеумом	**1) КТО ИМЕЕТ ЧТО (НА СЕБЕ)** *She had a red dress on.* **2) КТО НОСИТ ЧТО** *She was wearing a red dress.* **3) КТО ЕСТЬ ОДЕТ ВО ЧТО** *She was dressed in a red gown.* **1) ЧТО ИМЕЕТ ЧТО (НА СЕБЕ)** *The bed has a cover over it.* **2) ЕСТЬ ЧТО [ГДЕ]** (*There is...*): *There is a cover on the bed.* **3)** Если нечто полностью покрыто чем-либо, высказывание может иметь структуру **ЧТО ЕСТЬ ЧТО (КАКОЕ)** *The corridor was all linoleum*

Конкретные различия в использовании синтаксических моделей в речи на родном и иностранном языках многочисленны и не могут быть усвоены быстро, хотя соответствующая система упражнений, безусловно, способствует их усвоению. Поэтому помимо знания о таких различиях изучающим иностранный язык может быть полезно понимание более *общих закономерностей концептуализации мира и его синтаксической репрезентации* в изучаемом языке, которыми и обусловлены особенности узуса его синтаксических моделей, описанные выше.

Так, многие случаи интерференции связаны с тем, что при восприятии события носителями разных языков в фокус внимания попадают (и затем репрезентируются языковыми средствами) разные аспекты этого события: действие, приводящее к результату, – в русском языке, результат (новое состояние, местоположение) – в английском; протекание события тем или иным способом – в русском, факт наличия события – в английском; деятельность субъекта – в русском и «локализованность», идентификация субъекта – в английском. Ср. рус.: *Я вернусь*. – *I'll be back*; *Помогите ей перейти дорогу*. – *Help her across the road*; *Произошел взрыв*. – *There was an explosion; Я преподаю в вузе*. – *I am a university professor* и другие примеры, приведенные выше (см. п. 2, 8–10).

Даже если в фокусе внимания находятся одни и те же составляющие события, их относительная важность и особенности их метафорической концептуализации могут различаться в разных языках. Так, в английском языке в качестве главного участника события в типичном случае репрезентируется (и кодируется единицей в позиции подлежащего) человек – активный, действующий субъект, с точки зрения которого и разворачивается вся ситуация. Однако таким субъектом может стать и неодушевленный предмет, признаки которого, в отличие от других аспектов события, важны для говорящего. Событие метафорически интерпретируется не как нечто, «причиненное» действием другого субъекта или какой-то внешней силы, а как нечто, что делает возможным, «имеет», «получает», «принимает», в чем «нуждается» сам субъект. Поэтому в английской речи возможны построения типа *Keep your shoes looking good* и *Your shoes need cleaning*. Воздействие субъекта на объект при этом метафорически уподоблено ситуации, в которой некто «передает» нечто адресату: *She gave him a kiss*. Незнанием или неумением реализовать в речи такие отличия английского языка от русского объясняются примеры неаутентичной речи, отмеченные выше (см. п. 1, 3–7, 11, 13–14).

Разумеется, необходимо также пояснять социокультурные и прагматические факторы выбора синтаксической модели, конкретные особенности концептуального содержания единиц, особенно идиоматических выражений, наполняющих синтаксические конструкции. Следует понимать ограничения в употреблении тех или иных единиц в составе конструкций или на их использование в определенных грамматических формах, связанные со своеобразием мыслительных «картинок», которые стоят за значением данных единиц, со спецификой метафорической интерпретации мира, с одной стороны, и обусловленные самой логикой действительности – с другой. Например, необходимо иметь в виду, что модель с двумя дополнениями (*She gave him a kiss*) используется в неформальном общении, в высказываниях о действии, направленном на одушевленный предмет, поскольку «передавать» что-либо в реальности можно только такому объекту.

Формирование устойчивых связей между типом ситуации действительности и соответствующей когнитивной схемой, пропозициональной и синтаксической моделями иностранного языка, как представляется, может позволить в перспективе нивелировать воздействие родного языка и гипотетически – достичь ситуации, в которой смысл будущего высказывания с универсального предметного кода будет кодироваться напрямую средствами иностранного языка. Таким образом можно будет избежать интерференции как собственно языковой, так и узуальной и улучшить качество иноязычной речи учащихся в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Аутентичность / неаутентичность высказывания определялась с помощью следующего теста: посредством онлайн-поиска выяснялось, представлены или не представлены высказывания подобной структуры (с идентичным или отличающимся лексическим наполнением, но обязательно сообщающие об одном типе ситуации и принадлежащие к одному типу дискурса) в англоязычных корпусах и текстах, размещенных в интернете. Во внимание принимались только тексты, созданные носителями языка. Также использовался поисковый онлайн-сервис *Google Books Ngram Viewer* (https://books.google.com/ngrams), позволяющий строить графики частотности языковых единиц, употребляющихся в оцифрованных печатных изданиях. Дополнительно исследование опиралось на данные опроса информантов – носителей английского языка (англичан и американцев) в личном общении и на языковых форумах в интернет (таких, как форум *WordReference.com*, система обмена знаниями *Quora.com*) и субъективный многолетний опыт владения английским языком.

[2] Простые наименования, представляющие собой общеупотребимые слова, используются для обозначения основополагающих смыслов в разных концепциях семантики, например, в концепции семантических примитивов А. Вежбицкой [12]. Комбинации простых слов русского языка применяются для обозначения типовых пропозиций в работах З.Д. Поповой [13] и представителей воронежской школы когнитивной лингвистики, занимающихися разработкой на материале русского языка теории синтаксических концептов. Принцип опоры на метаязык, использующий слова родного языка, прием «буквального перевода» грамматической конструкции, раскрывающего специфику построения словосочетания в английском языке, применяется в методике обучения иноязычной грамматике, предложенной В.В. Милашевичем [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации. М. : КомКнига, 2011. 232 с.
2. Рахманкулова С.Е. Языковая интерференция и изучение иностранного языка. М. : РУСАЙНС, 2018. 110 с.

3. Виноградов В.А. Интерференция // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. С. 197.
4. Теренин А.В. Взгляд на языковую интерференцию и степени ее проявления // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13089 (дата обращения: 07.01.2019).
5. Куровская А.Е. Грамматический илиоэтнизм аутентичной и неаутентичной английской речи : дис. … канд. филол. наук. М., 2002. 170 с.
6. Щенникова Н.В. Структурно-семантические и функциональные характеристики русского идиома английского языка : дис. … д-ра филол. наук. Самара, 2017. 347 с.
7. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1038 с.
8. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. 7-е изд., стереотип. М. : Р. Валент, 2015. 192 с.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово, 2000. 624 с.
10. Залевская А.А. Введение в психолингвистику : учебник. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.
11. Беляевская Е.Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). С. 76-83.
12. Wierzbicka A. Semantic Primitives. Fr. / M., 1972. 235 p.
13. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж, 2009. 209 с.
14. Милашевич В.В. Обучение научно-техническому переводу с английского языка. Логическое изучение грамматики : метод. рекомендации. Владивосток, 1988. 38 с.
15. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago : Chicago University Press, 1980. 191 p.
16. Рахманкулова С.Е. Структура простого высказывания на английском языке : учеб. пособие. Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2018. 108 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 октября 2019 г.

Syntax Usage Interference: Manifestations and Ways to Handle (in English and Russian)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 40–48.
DOI: 10.17223/15617793/450/5

Svetlana E. Rakhmankulova, Nizhny Novgorod Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: tsvet.sveta@yandex.ru

Keywords: language interference; language usage interference; syntax; sentence pattern; proposition; conceptual metaphor.

The article considers the problem of language usage interference as seen in the English speech of Russian ESL learners. Unlike language interference proper that may lead to grammar mistakes or communicative failures, this particular type of negative transfer makes foreign language learners, influenced by the usus of their mother tongue, deviate from/ignore the speech patterns commonly used by native speakers of the given foreign language. The author demonstrates how the usage interference of the Russian language can manifest itself in the English speech of Russian ESL learners at the level of a simple sentence structure and proposes a functional-cognitive approach to preventing it. The authenticity/non-authenticity of simple sentence structures in the samples taken from the English speech produced by English majors of Nizhny Novgorod Linguistics University (School of Translation and Interpreting; recorded in 2008–2018) is determined by finding structural and/or semantic matches for them in sentences of authentic texts produced by British and American native speakers of English and obtained from various Internet sources or through personal communication. Besides structural and linguistic comparative analysis, the methods employed by the researcher include interviewing native speakers (through the medium of online forums or privately) and introspection. The study reveals two main types of usage interference at the level of a simple sentence structure—choosing a non-authentic sentence pattern and avoiding certain authentic patterns under the influence of the native language usage—and further establishes their specific manifestations. The research suggests that the interference of native syntax can be eliminated by taking a functional-cognitive approach to teaching foreign syntax. This approach should be aimed at students' learning propositional models of their second language fixed in simple sentence patterns of the language and employed as schemes for structuring fragments of reality. To implement the approach successfully, the teacher is supposed to use a meta-language based on simple words of the students' native language, rely on the mechanism of metaphoric transfer and take into account syntactic differences between the native and the foreign languages. To compare and contrast the syntax of the two languages, it is necessary to juxtapose the models used in either of them (in accordance with the particular way of metaphorical and non-metaphorical conceptualisation of the world reflected in this given language) to build statements about the same type of situation in similar sociocultural, pragmatic and other conditions. The author concludes that forming strong associative connections between the type of situation and the corresponding cognitive scheme, propositional model and sentence pattern of a foreign language in a learner's mind may eliminate the influence of their native language and prevent both proper language and language usage interference.

REFERENCES

1. Alimov, V.V. (2011) *Interferentsiya v perevode: na materiale professional'no orientirovannoy mezhkul'turnoy kommunikatsii i perevoda v sfere professional'noy kommunikatsii* [Interference in Translation: Based on Professionally Oriented Intercultural Communication and Translation in the Field of Professional Communication]. Moscow: KomKniga.
2. Rakhmankulova, S.E. (2018) *Yazykovaya interferentsiya i izuchenie inostrannogo yazyka* [Language Interference and Learning a Foreign Language]. Moscow: RUSAYNS.
3. Vinogradov, V.A. (1998) Interferentsiya [Interference]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. A Great Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 197.
4. Terenin, A.V. (2014) Vzglyad na yazykovuyu interferentsiyu i stepeni ee proyavleniya [A Look at Linguistic Interference and the Degree of Its Manifestation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education.* 3. [Online] Available from: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13089. (Accessed: 07.01.2019).
5. Kurovskaya, A.E. (2002) *Grammaticheskiy ilioetnizm autentichnoy i neautentichnoy angliyskoy rechi* [Grammatical Idioethnism of Authentic and Unauthentic English Speech]. Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Shchennikova, N.V. (2017) *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye kharakteristiki russkogo idioma angliyskogo yazyka* [Structural-Semantic and Functional Characteristics of the Russian Idiom of the English Language]. Philology Dr. Diss. Samara.
7. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (2005) *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Moscow: Indrik.
8. Visson, L. (2015) *Russkie problemy v angliyskoy rechi. Slova i frazy v kontekste dvukh kul'tur* [Russian Problems in English Speech. Words and Phrases in the Context of Two Cultures]. 7th ed. Moscow: R. Valent.
9. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo.
10. Zalevskaya, A.A. (1999) *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow: RSUH.

11. Belyaevskaya, E.G. (2013) Cognitive Linguistics in Second Language Aquisition. *Vestnik MGIMO*. 5 (32). pp. 76–83. (In Russian).
12. Wierzbicka, A. (1972) *Semantic Primitives*. Frankfurt: Athenäum-Verl.
13. Popova, Z.D. (2009) *Sintaksicheskaya sistema russkogo yazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov* [The Syntactic System of the Russian Language in the Light of the Theory of Syntactic Concepts]. Voronezh: Istoki.
14. Milashevich, V.V. (1988) *Obuchenie nauchno-tekhnicheskomu perevodu s angliyskogo yazyka. Logicheskoe izuchenie grammatiki: metod. rekomendatsii* [Training in Scientific and Technical Translation From English. the Logical Study of Grammar: Methodological Recommendations]. Vladivostok: Tekhnika.
15. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live by*. Chicago: Chicago University Press.
16. Rakhmankulova, S.E. (2018) *Struktura prostogo vyskazyvaniya na angliyskom yazyke* [The Structure of a Simple Sentence in English]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University.

Received: 02 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 49–57. DOI: 10.17223/15617793/450/6

УДК 81'23

З.И. Резанова, Т.Е. Машанло, А.А. Степаненко

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В БИЛИНГВАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ RUWORDPERCEPTION)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, номер индивидуального плана работ 1.8901.2017/9.10.

Представлена структура базы данных психолингвистических стимулов, содержащая информацию о словах трех частей речи (существительных, прилагательных и глаголов), оцененных по пяти модальностям восприятия (зрение, вкус, слух, обоняние и осязание) тюркско-русскими билингвами. Созданная база данных рассматривается с точки зрения трех теорий, заложенных в ее основу: теории воплощенного познания, гипотезы лингвистической относительности и теории ментального лексикона билингва.

Ключевые слова: база данных; психолингвистика; билингвизм; ментальный лексикон; семантика; гипотеза лингвистической относительности; теория воплощенного познания.

Цель данной статьи – представить теоретические основы и структуру создаваемой коллективом авторов[1] психолингвистической базы данных оценок связи слов русского языка (имен существительных, прилагательных, глаголов) с модальностями их восприятия тюркско-русских билингвов. Создаваемая база данных является частью психолингвистического исследования тюркско-русского билингвизма, осуществляемого в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур»[2].

В статье теоретические установки и структура базы данных характеризуются в соотнесении с реализованными проектами, наиболее близкими к представляемой по цели и материалам.

Базы данных (БД) являются в настоящее время одним из эффективных инструментов систематизации сведений об объекте / объектах, накопленных в разных дисциплинах. Сведения в БД формируются как система признаков и структурируются способом, позволяющим устанавливать их соотношения с использованием механизмов автоматического поиска. Технологии БД позволяют на основе концентрации объемного структурированного материала применить количественные методы анализа для проверки сформированных научных гипотез, получить выводы не о единичных языковых фактах, не об особенностях восприятия единиц языка индивидом, но об общих закономерностях, проявляющихся в исследуемом классе единиц, и для получения усредненных данных об оценках восприятия единиц изучаемого класса языковых явлений носителями языка. Так, E. Keuleers и D.A. Balota в обзоре психо- и собственно лингвистических баз данных подчеркивают, что, основываясь на больших объемах данных, эти методы изменяют представления о самом исследовательском процессе [2. P. 1458].

Различного рода БД в настоящее время находят широкое применение во всех предметных сферах научных исследований, в том числе в лингвистике.

Лингвистические БД создаются для накопления и систематизации данных о единицах всех уровней языковой системы, а также об единицах текстуального (дискурсивного) уровня, это так называемые лингвистические размеченные корпуса текстов. В настоящее время бо̀льшая часть лингвистических БД организует сведения о единицах текстуального и лексического уровней.

При выделении единиц одного уровня, например лексического, системы БД могут различаться, во-первых, набором признаков единиц, которые выделяются и структурируются в ресурсе. Современные лингвистические и психолингвистические БД включают информацию не только о формальных признаках языковых единиц, но о такой области слабоструктурированных данных, как семантика. Во-вторых, существуют значительные различия в методах предварительного отбора материала при собственно лингвистической и психолингвистической характеристике представляемых в БД единиц, отражающей существенные различия в подходах и целях интерпретации одних и тех же языковых единиц. При создании лингвистических БД, предполагающих выделение лингвистически релевантных параметров составляющих их единиц, авторы обращаются либо к первичным текстовым источникам, либо к вторичным: изданным академическим словарям и грамматикам, которые, в свою очередь, создаются на основе первичного текстологического анализа с использованием собственно лингвистических приемов. Таким образом, лингвистические выводы о статусе единицы, ее признаках базируются на анализе текстов с опорой на так называемую тренированную интроспекцию лингвиста-исследователя, использующего ее в соотнесении с теоретическими установками научного направления (ср., например, различия в принципах диахронического и синхронного выделения морфем в составе слова, определения морфемного шва, границ полисемии и омонимии и под.). Примером БД, интегрирующей лингвистическую информацию о словах русского языка, может служить проект А.В. Алексеевой, Н.А. Слюсарь, Д.А. Черновой «StimulStat Project. Лингвистическая база данных для слов русского языка» [3], в котором более 50 000 наиболее частотных слов русского языка и их форм описаны более

чем по 97 различным параметрам, «касающимся, в числе прочего, (1) частотности лемм, форм, а также входящих в них слогов и букв, (2) омонимов, омографов, орфографических соседей, (3) различных грамматических характеристик» (см. также описание проекта [4], см. также: [5]). Как отмечают авторы, в качестве источника материала использовались академические словари и грамматики, ряд параметров рассчитывался авторами проекта самостоятельно.

При формировании данных о психолингвистически релевантных параметрах слова исследователи прибегают к методам первичного сбора материала в психолингвистических опросных методиках, направленных на выявление оценок исследуемого явления на основе актуализации интроспекции значительного числа носителей языка. При решении данной задачи в психологии и психолингвистике стало уже традиционным использование шкалы Ликерта, предназначенной для количественного измерения явлений, т.е. перевода нечисловой информации в числовую, суть которых заключается в построении смыслового пространства (например, заданного координатами от 1 до 7) и размещении объекта на заданной шкале, т.е. в определенной точке семантического пространства. Так, например, респонденту предлагается оценить степень проявления признака по шкале от 1 до 7 (или 5, или 3, где 1 будет означать самую слабую степень проявления, а 7, 5 или 3 – наибольшую (см., например, в [6–8] и др.). Субъективная частотность определяется как средняя величина оценок респондентами этого параметра слова (например, слово используется редко – 1, часто – 3, постоянно – 5). Исследователи довольно часто прибегают к определению степени корреляции субъективной частотности и объективной, устанавливаемой на основе анализа использования единиц в объемных корпусах текстов (регулярно используемая характеристика – частота на миллион словоупотреблений в текстах корпуса, ipm).

В фокусе представляемой БД находятся психолингвистические характеристики языковых единиц: оценка вклада пяти модальностей восприятия – зрение, вкус, обоняние, слух, тактильные ощущения в формировании семантики русских имен существительных, прилагательных и глаголов (см. далее), с которыми в структуре БД соотнесены лингвистически релевантные параметры слова – комплекс его семантических, формальных, функциональных характеристик. Следовательно, в базе данных соотносится материал, собираемый при помощи психолингвистических и собственно лингвистических методик.

Как правило, создаваемые лингвистические и психолингвистически ориентированные БД включают и метаданные о респондентах, позволяющие интерпретировать информацию об использовании единиц одного класса разными группами респондентов. Существующие БД включают типовые данные (возраст, пол, образование респондента) и могут включать широкий спектр дополнительных признаков, выбор которых обусловливается теоретическими основаниями, выдвигаемыми авторами БД. Так, например, в проекте «Библиотека психолингвистических стимулов: новые данные для русского и татарского языка» [9] авторы, расширив создаваемую БД материалами реакций татарско-русских билингвов, ввели процедуру их предварительного анкетирования. Анкета, направленная на установление связей между полученными значениями психолингвистических переменных и определение степени билингвизма, содержала «вопросы относительно уровня владения языком, субъективного предпочтения, использования языка в разном возрасте и разных социальных ситуациях и т.д.» [9. С. 94].

Представляемая в статье БД содержит оценки вклада модальностей восприятия тюркско-русскими билингвами, вследствие чего наряду с данными о возрасте, половой принадлежности, образовании и его направленности во время анкетирования собирались данные о первом и втором языке билингва, а также соотношении их использования в настоящее время[3].

При создании представляемой в статье БД авторы опирались на имеющийся опыт создания БД в отечественных и зарубежных психолингвистических исследованиях. В психолингвистике имеется длительный опыт создания психолингвистических баз данных (см. [2]), среди которых одной из наиболее известных является работа A. Paivio, J. Yuille, S. Madigan, в которой представлена база данных об оценках конкретности, образности, осмысленности 925 существительных английского языка [12]. На материале русского языка примером подобных работ является словарь «Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка» [8], в котором собраны сведения об оценке связи русских прилагательных с различными органами чувств. Непосредственным предшественником представляемой в статье БД является подготовленная А. Миклашевским БД, включающая наряду с информацией об оценке модальностей восприятия следующие оценки: 1) *образность* слова, т.е. степень легкости, с которой слово вызывает у респондента образы объекта, качества, действия; 2) *манипулируемость* – возможность манипулировать объектом при помощи рук, 3) расположение референта в пространстве по шкале верх–низ; 4) *субъективный возраст понимания* (или *возраст усвоения,* в терминологии других авторов), т.е. возраст, в котором респонденты, по их мнению, выучили какое-либо слово; 5) *субъективная частотность слова* – степень того, насколько часто респонденты, по их мнению, встречаются с тем или иным словом или употребляют его. По данной системе оценок в указанной ПБД охарактеризованы 506 существительных русского языка (описание БД и применение ее данных для анализа см.: [8, 13]).

По отношению к БД А. Миклашевского представляемый в данной статье ресурс, с одной стороны, характеризуется значительной редукцией системы психолингвистически релевантных оценок, устанавливаемых в методиках опросов с применением приема шкалирования (в ней на данном этапе представлены только оценки вклада модальностей восприятия), с другой стороны, она характеризуется существенным расширением спектра характеристик слов по лингвистическим параметрам, а также расширением спектра оцениваемых слов – в нее включены оценки по 5 модальностям восприятия 200 существительных, 200 глаголов и 200 прилагательных.

Однако более существенные отличия определяются особым целеполаганием представляемой базы данных. Существенным своеобразием создаваемой базы данных является то, что она является частью более сложного проекта – исследования лингвокогнитивных основ билингвизма, включающего также корпус текстов и предполагающего проведение экспериментальных исследований при решении разнотипных задач, связанных с обработкой языка билингвами [1]. Цель данной части проекта – создание базы данных, включающей информацию о перцептивном компоненте семантики единиц трех частей речи, о влиянии грамматических, лексико-грамматических и лексических особенностей единиц первого и второго языка билингва и о влиянии языкового опыта билингвов на оценку перцептивного компонента семантики.

В основе создаваемой *Психолингвистической базы данных оценок связи слов русского языка с модальностями восприятия* лежит гипотеза о том, что репрезентация перцептивного опыта человека в семантике слова находится в зависимости от способов языковой формализации средствами родного (L1) и второго (L2) языков. При формулировании данной гипотезы и методов ее проверки авторы проекта опирались на имеющиеся в мировой когнитивной лингвистике, психо- и нейролингвистике теории: теорию воплощенного познания (embodied cognition), гипотезу лингвистической относительности и теорию ментального лексикона билингва. Кратко охарактеризуем основные положения данных теорий.

Теория воплощенного познания, ассоциирующаяся, прежде всего, с Л. Барсолу и Ф. Пульвермюллером, в настоящее время включает широкий круг частных направлений, однако во всех них можно выделить несколько объединяющих базовых положений, среди которых отметим идею о том, что познание / мышление основано на телесных механизмах и не может быть рассмотрено в отрыве от внешних условий его протекания. В теории перцептивных символьных систем Л. Барсолу формируемое в когнитивных процессах знание имеет модально специфическую природу и хранится в виде перцептивных символов, представляя собой не целостные, но схематические отражения чувственных переживаний мира и его элементов человеком. Символические отражения мультимодальны, т.е. возникают на базе различных модальностей восприятия, способны порождать так называемые симуляции (отдельные образы в рабочей памяти), опирающиеся на те же мозговые структуры, что и восприятие реальности. По теории Л. Барсолу, слова естественного языка, имеющие символьную природу, связаны с симуляторами, и в процессе использования языка осуществляется активация соответствующих перцептивных символов и формирование симуляций, не находящихся, как правило, под контролем сознания [14–16].

Активация языковых единиц вызывает бессознательную активацию связанных с ними зон перцептивного и моторного опыта, что в настоящее время подтверждается результатами многочисленных экспериментальных исследований (некоторые: [17–21]). Однако мы полагаем, что, во-первых, в символьной структуре слова соответствующие модальные симуляции устанавливают связи с другими смысловыми компонентами сложной, многомерно устроенной семантики слова, во-вторых, в организации смысловых соотношений значительную роль должен играть способ языковой формализации. Соответствующие перцептивные компоненты в соединении с другими компонентами символьной структуры в языковом знаке объединяются, «схватываются» особой формой, что оказывается небезразличным для их проявления.

Таким образом, концепция воплощенного познания объединяется с гипотезой лингвистической относительности. Гипотеза о глобальном влиянии языковых структур на восприятие и интерпретацию явлений окружающего человека мира, сформулированная в работах Э. Сепира и Б. Уорфа почти сто лет назад, находится в поле активных дискуссий представителей разных научных направлений и в настоящее время. Одним из способов подтверждения гипотезы лингвистической относительности является проведение сопоставительных этноязыковых исследований. Такие исследования в настоящее время могут опираться на использование последовательно лингвистического текстологического анализа (например, широко известные сопоставительные работы А. Вежбицкой, российских исследователей А.Д. Шмелева, И.Б. Левонтиной, А.А. Зализняк и других, коллективные проекты, например серийное издание «Картины русского мира» [22–25]) или на методы экспериментальных исследований. В свою очередь, экспериментальные методы могут быть направлены на сбор как осознаваемых, так и неосознаваемых реакций на предъявляемые стимулы носителями языка. Результаты измерений неосознаваемых реакций носителей языка (например, время реакции в заданиях на лексическое решение или категоризацию, количество фиксаций взгляда на слове в процессе естественного чтения) рассматриваются в качестве некоторых объективных показателей значимости анализируемой характеристики единицы языка, специфики ее когнитивной обработки носителями разных языков (например, известно, что наличие грамматической категории рода в языке влияет на концептуализацию гендерных различий в культурах с наличием или отсутствием грамматикализации данной категории [26–28]). Осознаваемые реакции могут быть получены с применением опросных методик, в которых участники осуществляют оценивание единиц языка, отобранных по тем или иным лингвистически релевантным параметрам, при помощи психолингвистических шкал. Манипулирование при проведении таких экспериментальных сессий формально-языковыми параметрами единиц (например, введение в систему оценок прототипически единого концептуального содержания, репрезентированного в формально разных языковых единицах: *синий, синеть, синева,* синька, посинеть и т.п.) позволяет выявлять вклад специфической языковой формализации на процессы языковой концептуализации (названные ранее базы данных [5, 9]).

Третья теория, положения которой легли в основу формирования представляемой БД, – теория ментально-

го лексикона билингва. Не обращаясь в данной статье к обсуждению глобальных проблем устройства ментального лексикона, отметим, что нам близка позиция авторов, интерпретирующих ментальный лексикон как динамическую структуру, интегрированную в единый языковой порождающий механизм, взаимодействующий, в свою очередь, с другими когнитивными структурами [29–34]. Важно отметить для дальнейшего рассуждения, что при неоднозначности решений вопроса об основной единице ментального лексикона (слово vs морфема) наличие лексических репрезентаций в ментальном лексиконе не оспаривается.

Основная идея теории ментального лексикона *билингва* – наличие в языковом сознании билингва двух взаимодействующих систем. Основной обсуждаемый вопрос при этом – каковы особенности сосуществования и взаимодействия ментальных лексиконов, репрезентирующих первый и второй язык билингва? Модели противопоставляются по выделяемым в них способам взаимодействия концептуальных структур, их семантических и формальных репрезентаций языковыми структурами первого и второго языка. Вариативность моделей проявляется в первую очередь в различной роли первого языка в формировании трех компонентов ментальных репрезентаций: концепты – семантика – языковая форма (см. представление моделей взаимодействия ментальных лексиконов в [35, 36]). Вариативность моделей во многом определяется различием вариантов билингвизма, значимыми параметрами которых в первую очередь являются возраст (ранний vs поздний) и характер (естественный vs искусственный) усвоения второго языка.

В исследованиях характера взаимодействия ментальных лексиконов в языковом сознании билингва широкое применение находят, прежде всего, экспериментальные методы. Манипулируя в качестве переменных не только различными параметрами соотносимых единиц первого и второго языка, но и учитывая в модели тип языкового опыта билингва, можно определить характер взаимодействия языковых и метаязыковых параметров в процессах взаимодействия ментальных лексиконов при решении разнотипных задач. Базы данных, включающие информацию о вариантах языкового опыта респондентов, значительно повышают их информативные возможности.

Далее охарактеризуем в соответствии с обозначенными теоретическими установками принципы отбора материала.

Итак, организация информации в БД отражает три аспекта характеристики единиц: оценки слов по пяти модальностям восприятия, лингвистические признаки единиц языка, социолингвистические характеристики респондентов, оценки их языкового опыта.

I. Оценки вклада модальностей восприятия в семантику слов.

Для оценки перцептивного компонента семантики слов русского языка использовался метод психолингвистического анкетирования. Процесс анкетирования участников исследования проводился одним из двух способов: при помощи напечатанных анкет и при помощи сервиса онлайн-анкетирования компании Google (https://docs.google.com/forms).

Бумажные варианты анкет используются для анкетирования билингвов, не имеющих опыта обращения с компьютером, а также в условиях полевых экспедиций, во время которых доступ к интернету ограничен. При заполнении комплекта анкет в бумажной форме участник также заполняет социолингвистическую анкету и анкету опыта и знания языка. Каждый комплект бумажных анкет состоит из 15 анкет (5 модальностей восприятия на каждую из 3 частей речи) и формы информированного согласия. В анкетах участнику предлагается оценить связь каждого из 200 слов с конкретной модальностью восприятия по шкале от 1 до 7, где 1 обозначает слабую связь слова с модальностью, а 7 – максимальную (например, нужно оценить, насколько слово *ожог* связано с осязанием / зрением / слухом / обонянием / вкусом). Пример анкеты представлен на рис. 1.

B_A_AUD_1

ИНСТРУКЦИЯ

Разные слова могут быть связаны с разными модальностями восприятия – зрением, слухом, вкусом, запахом или тактильными ощущениями (осязанием). Пожалуйста, оцените слова в списке по их связи **со слухом**: **7 обозначает максимально сильную связь слова со слухом, 1 – самую слабую связь слова со слухом.**

1 2 3 4 5 6 7

Работайте по возможности быстро, не задумываясь подолгу над каждым словом. В то же время старайтесь быть объективными и сосредоточенными. Если у Вас возникает такая необходимость, Вы можете вернуться к инструкции и прочитать ее еще раз, а после продолжить оценивать существительные. Пожалуйста, не делайте перерывов во время работы над данной анкетой, оцените все слова за 1 сеанс.

лежачий	откровенный
дождливый	брезгливый
неприличный	страстный
червивый	монотонный
равнодушный	дружелюбный

Рис. 1. Пример напечатанной анкеты, используемой в исследовании

В верхнем правом углу указан тип анкеты: B – для билингвов (bilingual), A – прилагательные (adjectives), AUD – слуховая модальность (auditory), 1 – вариант анкеты (во втором варианте анкеты присутствовали те же самые слова, только представленные в другом порядке).

Порядок представления анкет был рандомизирован: например, некоторые участники сначала заполняли анкеты по прилагательным и слуховой модальности, а другие – по существительным и модальности осязания. Чтобы минимизировать влияние оценки предшествующего слова на оценку текущего слова, порядок слов внутри анкет также был подвергнут предварительной рандомизации: было составлено два варианта анкет, в которых различался порядок представления слов.

Онлайн-варианты анкет используются для анкетирования участников в лаборатории, но также могут заполняться участниками на дому. Каждая онлайн-анкета также включает 200 слов. Порядок представления онлайн-анкет также был рандомизирован, для этого варьировалась последовательность предъявления респондентам анкет, представляющих единицы разных частей речи и направленных на сбор оценок по разным модальностям. Слова в пределах списка представляются в случайном порядке при помощи встроенной в сервис функции рандомизации вопросов. На рис. 2 приведен онлайн-вариант анкеты.

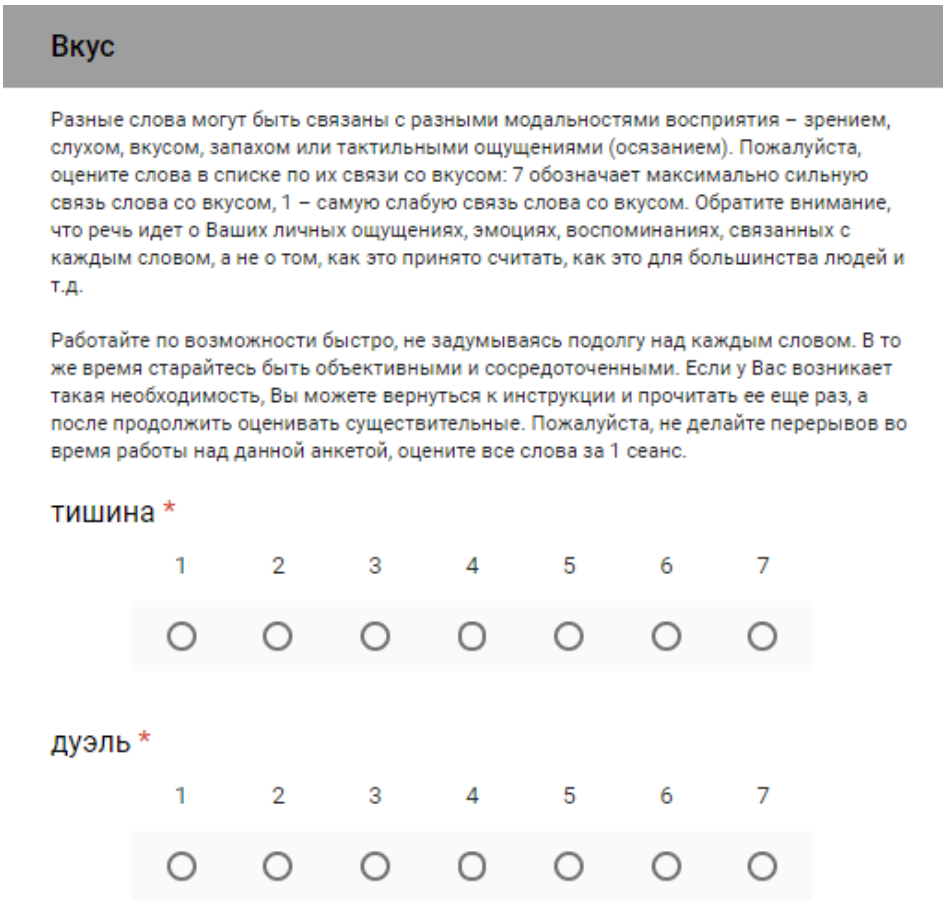

Рис. 2. Пример онлайн-анкеты, используемой в исследовании

Отметим, что в онлайн-версии в инструкции имеется одно дополнительное предложение. Это связано с тем, что участники могли заполнять данную анкету не в присутствии исследователей. Кроме того, в онлайн-версии участники выбирали значение от 1 до 7 на готовой шкале, а не вписывали значение самостоятельно. Это связано с техническими ограничениями, накладываемыми использованным сервисом.

На настоящий момент в онлайн-анкетировании приняли участие 55 билингвов, а бумажные версии анкет заполнили 45 участников. Общая продолжительность заполнения комплекта анкет составила от 1 часа 30 минут до 3 часов.

II. Второй тип параметризации материала, как было отмечено ранее, относится к объективным параметрам, приписывается по единицам с опорой на имеющиеся академические источники. В лингвистике наблюдается вариативность подходов и решений, создатели любой базы данных встречаются с задачей выбора наиболее теоретически нейтрального решения, то есть такого, которое на данном этапе принято большинством в научном сообществе, обладает научным авторитетом, в том числе авторитетом академического издания. В любом случае авторы должны сделать выбор из имеющихся решений. Охарактеризуем принятые теоретические решения и соответствующие им источники, на основе которых проводилась параметризация материала в формируемой БД.

Лексические единицы базы данных характеризуются по ряду параметров:

1. Формально-семантические:

а) морфологические:

– принадлежность к лексико-грамматической категории: существительные – конкретные vs абстрактные vs вещественные vs собирательные; прилагательные – качественные vs относительные; глаголы – переходные vs переходные; возвратные vs невозвратные; совершенный vs несовершенный вид;

б) деривационные:

– количество морфем в слове (у существительных – от 2 до 5: *вес, частота, обмен, потепление*; у прилагательных – от 1 до 6: *курчавый, бумажный*; у глаголов – от 2 до 6: *плыть, бежать, протопать, сформировать, огорчаться, сформировываться)*;

– количество деривационных морфем (у существительных – от 0 до 4: *мотив, вид, испуг, зрелость, взволнованность;* у прилагательных – от 0 до 4: *лукавый, ветвистый, травянистый, безрассудный, несгораемый*; у глаголов – от 0 до 4: *плыть, протопать, сформировать, сформировываться)*;

– типы деривационных морфем;

– наличие и тип деривационной основы единицы;

2. Лексико-семантические – принадлежность к ЛСГ.

3. Формальные – длина слова в буквах.

4. Функциональные – объективная частота слова.

Принадлежность лексемы к лексико-грамматическим категориям определялась на основании данных «Грамматического словаря русского языка» А.А. Зализняка [37]. При определении морфемной и деривационной структуры слова в качестве основного источника использовался «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н Тихонова [38]. При определении числа деривационных морфем и типов деривационных морфем отмечались все морфемы словообразовательной цепочки, например, *беспокоиться* – 3 (деривационные морфемы: *бес-, -и-, -ся*); деривационные морфемы даются перечислительно: *prefix, suffix, postfix*, в качестве производящей основы выделяется исходное слово деривационной цепочки: *беспокоиться – покой.* Источником данных по объективной частотности слова послужил «Новый частотный словарь русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, основанный на материале Национального корпуса русского языка [39].

Пример организации фрагмента базы данных приведен на рис. 3.

number	noun	N of morf	N of der. morph	Type of der. morph	Der.base morpheme	lex.gram.category	lex.category	Length	Freq.ipm.
1	модель	2	0	no	no	concr	hum	6	153.5
2	опьянение	6	4	verb	prefix, suffix, suffix, s	abstr	physiol	9	6.3
3	грызун	3	1	verb	suffix	concr	animal	6	2.9
4	размер	3	2	verb	prefix, 0suffix	abstr	param	6	189.3
5	суждение	4	1	verb	suffix	abstr	ment	8	20.5
6	забегаловка	5	3	verb	prefix, suffix, suffix	concr	contain, space	11	2.5
7	болезнь	4	2	verb	suffix, suffix	abstr	disease	7	109.6
8	лампа	2	0	no	no	concr	tool	5	34.0
9	лосьон	2	0	no	no	mater	stuff	6	2.6
10	пустыня	3	1	adjective	suffix	concr	space	7	29.9

Рис. 3. Фрагмент психолингвистической базы данных (имена существительные)

III. Метаданные в представляемой базе данных были собраны и организованы следующим образом.

Пользователь создаваемой базы данных сможет получить о респондентах данные двух уровней – базовые данные, которые собиралась во время психолингвистического анкетирования, и расширенная информация – в рамках реализации другой части данного проекта, заключавшейся в создании лингвистически размеченного корпуса русской речи тюркско-русских билингвов («Бимодальный корпус устной речи жителей Южно-Сибирского региона»)[4]. Участники заполняли две анкеты, направленные на создание их социолингвистического портрета, а также выявление характеристик их языкового опыта.

Как было отмечено ранее, онлайн-анкеты и их бумажные эквиваленты включали также вопросы о языковом опыте билингва. В качестве основных параметров языкового опыта билингва, каждый из которых может, по гипотезе авторов проекта, вступать во взаимодействие с характером даваемых оценок, в БД фиксируется пять основных параметров:

а) возраст;

б) пол;

в) уровень образования: начальное vs неполное среднее vs среднее vs среднее специальное vs высшее vs другое;

г) тип образования: техническое vs гуманитарное vs естественно-научное vs другое;

д) родной язык: татарский vs хакасский vs шорский vs русский;

е) а также тип полилингвизма:

– по количеству вступающих во взаимодействие языков: билингв vs полилингв (внутритюркский vs другой);

– по конкретному варианту первого и второго языка билингва[5]: татарско-русский vs хакасско-русский vs шорско-русский; русско-татарский vs русско-шорский vs русско-хакасский.

В заключение кратко охарактеризуем источниковедческие возможности предложенной базы данных. Как было отмечено, в базе данных представлены оценки вклада модальностей восприятия, даваемые носителями русского языка, родным языком которых является один из трех тюркских языков. Татарско-русские, хакасско-русские и шорско-русские билингвы оценивают слова трех частей речи по их связи с пятью модальностями восприятия – зрение, слух, осязание, вкус, обоняние. Обращение к этим данным в сравнении с имеющимися данными об аналогичных системах оценок носителями русского языка как родного позволяет проследить влияние родного языка билингва на перцептивную оценку единиц русского языка. Мы ожида-

ем увидеть сдвиг в оценках вклада разных модальностей в семантику слов различных лексико-грамматических и лексико-семантических классов.

Последовательная квалификация лексем по лингвистически релевантным параметрам (принадлежность к лексико-грамматическим, лексико-семантическим классам, особенности формально-семантических (деривационных структур), частотности) позволяет проверить гипотезы о влиянии способов языкового оформления на оценку вклада разных модальностей в формирование аналогичной семантики. При этом материалы представляемой базы позволяют выявить смещающее воздействие фактора билингвизма на взаимодействие перцептивной семантики и способов языковой формализации.

Наличие в базе данных многомерной квалификации речевого опыта билингвов в сфере родного (тюркского) и второго (русского) языков позволяет проследить вариативность смещающего воздействия типа билингвального опыта носителей русского языка как на оценку вклада модальностей в семантику слова, так и на оценку степени чувствительности билингвов к способам языковой формализации аналогичной семантики.

Таким образом, содержащаяся в базе данных информация по психолингвистическим, лингвистическим и социолингвистическим характеристикам слов русского языка позволит исследователям установить сложный характер взаимоотношений между перцептивным и языковым опытом билингвальных носителей русского языка, использовать данные при проверке гипотез о влиянии данных факторов при решении билингвом разного типа когнитивных и лингвокогнитивных задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В реализации проекта кроме авторов статьи на разных этапах его осуществления приняли участие А.А. Миклашевский, Е.Ю. Ершова, К.С. Шиляев, О.В. Царегородцева (лингвистическая параметризация материала, разработка системы анкетирования и анкетирование респондентов), а также Е.Д. Артеменко, А.С. Буб, А.С. Душейко, И.Г. Темникова, О.В. Нагель (анкетирование респондентов и руководство анкетированием, проводимым в ходе учебных и производственных практик студентами бакалавриата и магистратуры направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика»).

[2] Цель данной части проекта и место психолингвистической базы данных представлены в статье [1].

[3] Наряду с данными, собираемыми непосредственно в процессе электронного анкетирования, информанты заполняли расширенные социолингвистическую анкету, разработанную О.А. Казаевич [10], и анкету опыта и знания языка [11].

[4] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2019620803.

[5] Отметим, что в создаваемых в общем проекте корпусе текстов и БД абсолютно преобладают материалы, представляющие тюркско-русский билингвизм, однако незначительное количество данных связано с обратным языковым соотношением – русско-тюркского билингвизма. Отметим, что в исследуемом нами регионе объективно преобладает именно тюркско-русский билингвизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.
2. Keuleers E., Balota D.A. Megastudies, crowdsourcing, and large datasets in psycholinguistics: An overview of recent developments // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2015. Vol. 68, № 8. P. 1457–1468. DOI:10.1080/17470218.2015.1051065
3. StimulStat Project | Лингвистическая база данных для слов русского языка. URL: http://stimul.cognitivestudies.ru/ru_stimul (дата обращения: 06.10.2019)
4. Алексеева С.В., Слюсарь Н.А., Чернова Д.А. StimulStat: база данных, охватывающая различные характеристики слов русского языка, важные для лингвистических и психологических исследований // Материалы международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2015». 2015.
5. Alexeeva S., Slioussar N., Chernova D. StimulStat: A lexical database for Russian // Behav Res. 2018. № 50. P. 2305–2315. DOI:10.3758/s13428-017-0994-3
6. Библиотека стимулов: Глаголы и существительные. URL: http://stimdb.ru/database (дата обращения: 06.10.2019).
7. Колбенева М.Г., Александров Ю.И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь. М. : Языки славянских культур, 2010. 369 с.
8. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92. DOI: 10.17223/19986645/43/6
9. Акинина Ю.С., Грабовская М.А., Вечкаева А., Игнатьев Г.А., Исаев Д.Ю., Ханова А.Ф. Библиотека психолингвистических стимулов: новые данные для русского и татарского языка // Седьмая международная конференция по когнитивной науке : тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 93–95.
10. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.
11. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2007. Vol. 50, № 4. P. 940–967.
12. Paivio A., Yuille J.C., Madigan S.A. Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns // Journal of experimental psychology. 1968. Vol. 76, № 1. P. 1–25.
13. Miklashevsky A. Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // Journal of psycholinguistic research. 2018. Vol. 47, № 3. P. 641–661. DOI: 10.1007/s10936-017-9548-1
14. Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // Behavioral and brain sciences. 1999. Vol. 22, № 4. P. 577–660.
15. Barsalou L.W. Grounded cognition // Annu. Rev. Psychol. 2008. Vol. 59. P. 617–645. DOI: 10.1146/annurev.psych.59.103006.093639
16. Barsalou L.W., Simmons W.K., Barbey A.K., Wilson C.D. Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems // Trends in cognitive sciences. 2003. Vol. 7, № 2. P. 84–91. DOI:10.1016/S13646613(02)000293
17. Hauk O., Johnsrude I., Pulvermüller F. Somatotopic representation of action words in human motor and premotor cortex // Neuron. 2004. Vol. 41, № 2. P. 301–307.
18. Hommel B., Pratt J., Colzato L., Godijn R. Symbolic control in visual attention // Psychol Sci. 2001. № 12 (5). P. 360–5.

19. Janyan A., Vankov I., Tsaregorodtseva O., Miklashevsky A. Remember down, look down, read up: Does a word modulate eye trajectory away from remembered location? // Cognitive processing. 2015. Vol. 16, № 1. P. 259–263. DOI: 10.1007/s10339-015-0718-5
20. Connell L., Lynott D. Look but don't touch: Tactile disadvantage in processing modality-specific words // Cognition. 2010. Vol. 115, № 1. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.cognition.2009.10.005
21. Ernst M.O., Banks M.S. Humans integrate visual and haptic information in a statistically optimal fashion // Nature. 2002. Vol. 415, № 6870. P. 429–433. DOI: 10.1038/415429a
22. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М. : Русские словари, 1996. 412 с.
23. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянских культур, 2012. 696 с.
24. Рыбальченко Т.Л., Резанова З.И., Тубалова И.В. Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах. Томск, 2009. 356 с.
25. Порядина Р.Н., Гынгазова Л.Г., Эмер Ю.А. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск, 2007. 384 с.
26. Boroditsky L., Schmidt L.A., Phillips W. Sex, syntax, and semantics // Language in mind: Advances in the study of language and thought. 2003. P. 61–79.
27. Landor R. Grammatical categories and cognition across five languages: The Case of Grammatical Gender and its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects: Thesis (PhD Doctorate). Griffith University, Brisbane, 2014. 310 p.
28. Резанова З.И., Ершова Е.Ю. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 104–124. DOI: 10.17223/19986645/50/7
29. Aitchison J. Words in the mind: an introduction to the mental lexicon. Oxford : Basil Blackwell, 1987. 299 p.
30. Арутюнян В.Г. Мозг и язык: междисциплинарный подход к ментальному лексикону. Калининград, 2014. 204 с.
31. Martin A., Chao L.L. Semantic memory and the brain: Structure and process // Current Opinion on Neurobiology. 2001. Vol. 11. P. 194–201.
32. Paivio A. Dual coding theory and the mental lexicon // The Mental lexicon. 2010. Vol. 5, is. 2. P. 205–230.
33. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977. 83 с.
34. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1990. 208 с.
35. Pavlenko A. The Bilingual Mental Lexicon: Interdisciplinary Approaches. Bristol : Multilingual Matters, 2009. 272 p.
36. Саркисова Э.В. Модели ментального лексикона билингва // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2012. № 10, вып. 2. С. 200–207.
37. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М. : Русские словари, 2007. 800 с.
38. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1990.
39. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М. : Азбуковник, 2009. 1090 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 ноября 2019 г.

A Bilingual Perspective on the Perceptual Component of Word Semantics in Russian: The RuWordPerception Psycholinguistic Database

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, : 49–57.
DOI: 10.17223/15617793/450/6
Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru
Timur E. Mashanlo, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mashanlote@gmail.com
Andrey A. Stepanenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepanenkone@mail.ru
Keywords: database; bilingualism; mental lexicon; semantics; linguistic relativity; embodied cognition.

This article describes the structure of a psycholinguistic database (RuWordPerception) that contains ratings of 200 nouns, 200 verbs, and 200 adjectives on five perceptual modalities elicited from Turkic-Russian bilinguals through the use of psycholinguistic questionnaires. The created database draws upon three highly debated research topics in linguistics, namely: embodied cognition, linguistic relativity, and the structure of bilingual mental lexicon. The basic idea behind embodied cognition states that there is a strong connection between our perceptual system and cognition (and, by extension, between perception and language). By including modality rating data, the database provides researchers with means to investigate the perceptual component of word semantics at greater length from a more objective standpoint. Ratings on visual, gustatory, auditory, olfactory, and haptic modalities were obtained through online and paper-based questionnaires that employed a 7-point Likert scale. According to the hypothesis of linguistic relativity, the world view of a person is affected by the language they speak. The presented database addresses this question by providing a list of all possibly relevant formal aspects of linguistic units. Thus, words in the database are separated into categories by their morphological (number and types of morphemes, lexico-grammatical category, transitivity, reflexivity, verbal aspect), derivational (derivational base and morphemes), lexico-semantic (lexico-semantic group), and other properties (frequency, length). Finally, the problem of the interaction between two languages in the mind of a bilingual is addressed through the lens of sociolinguistic practices. As part of a broader project, participants were administered a detailed sociolinguistic questionnaire that comprised 41 questions relating to language use in childhood and at the present time, as well as a Language Experience and Proficiency Questionnaire, that helped assess participants' current exposure to the language and its level. The integration of the current database with the Russian-Turkic Bilingual Corpus allows its users to compare data from the database with the data contained in the speech corpus. In conclusion, the presented database aims to provide researchers with a powerful tool to investigate the delicate interplay between the linguistic, psycholinguistic, and sociolinguistic properties of Russian words in the minds of Turkic-Russian bilinguals.

REFERENCES

1. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of psycho-linguistic and cognitive aspects of language contacting in the project "Linguistic and ethnocultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: interaction of languages and cultures". *Rusin*. 2 (52). pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8
2. Keuleers, E. & Balota, D.A. (2015) Megastudies, crowdsourcing, and large datasets in psycholinguistics: An overview of recent developments. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 68 (8). pp. 1457–1468. DOI:10.1080/17470218.2015.1051065
3. *StimulStat Project | Lingvisticheskaya baza dannykh dlya slov russkogo yazyka* [Lexical database for Russian language]. [Online] Available from: http://stimul.cognitivestudies.ru/ru_stimul. (Accessed: 06.10.2019)

4. Alekseeva, S.V., Slyusar', N.A. & Chernova, D.A. (2015) [StimulStat: A Lexical Database for Linguistic and Psychological Research on Russian Language]. *Dialogue 2015*. Proceedings of the International Conference. Moscow: RSUH. (In Russian).
5. Alexeeva, S., Slioussar, N. & Chernova, D. (2018) StimulStat: A lexical database for Russian. *Behav Res.* 50. pp. 2305–2315. DOI:10.3758/s13428-017-0994-3
6. *Biblioteka stimulov: Glagoly i sushchestvitel'nye* [Stimuli Database: Verbs and Nouns]. [Online] Available from: http://stimdb.ru/database. (Accessed: 06.10.2019).
7. Kolbeneva, M.G. & Aleksandrov, Yu.I. (2010) *Organy chuvstv, emotsii i prilagatel'nye russkogo yazyka: Lingvo-psikhologicheskiy slovar'* [Sense Organs, Emotions and Adjectives of the Russian Language: A Linguistic-Psychological Dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
8. Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016) Modeling of the Perceptual-Based Component of Language Semantics Using a Psycholinguistic Database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 5 (43). pp. 71–92. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/6
9. Akinina, Yu.S. et al. (2016) [Library of Psycholinguistic Stimuli: New Data for the Russian and Tatar Language]. *Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke: tezisy dokladov* [Seventh International Conference on Cognitive Science: Abstracts]. Svetlogorsk. 20–24 June 2016. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 93–95. (In Russian).
10. Kazakevich, O.A. (2006) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Recording of the Endangered Languages of Siberia (Based on the Material of Two Villages of Krasnoyarsk Krai]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3 (44). pp. 221–231.
11. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 50 (4). pp. 940–967.
12. Paivio, A., Yuille, J.C. & Madigan, S.A. (1968) Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns. *Journal of Experimental Psychology*. 76 (1). pp. 1–25.
13. Miklashevsky, A. (2018) Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables. *Journal of Psycholinguistic Research*. 47 (3). pp. 641–661. DOI: 10.1007/s10936-017-9548-1
14. Barsalou, L.W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*. 22 (4). pp. 577–660.
15. Barsalou, L.W. (2008) Grounded cognition. *Annu. Rev. Psychol*. 59. pp. 617–645. DOI: 10.1146/annurev.psych.59.103006.093639
16. Barsalou, L.W. et al. (2003) Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems. *Trends in Cognitive Sciences.* 7 (2). pp. 84–91. DOI:10.1016/S13646613(02)000293
17. Hauk, O., Johnsrude, I. & Pulvermüller, F. (2004) Somatotopic representation of action words in human motor and premotor cortex. *Neuron*. 41 (2). pp. 301–307.
18. Hommel, B., Pratt, J., Colzato, L. & Godijn, R. (2001) Symbolic control in visual attention. *Psychol Sci.* 12 (5). pp. 360–5.
19. Janyan, A., Vankov, I., Tsaregorodtseva, O. & Miklashevsky, A. (2015) Remember down, look down, read up: Does a word modulate eye trajectory away from remembered location? *Cognitive Processing*. 16 (1). pp. 259–263. DOI: 10.1007/s10339-015-0718-5
20. Connell, L. & Lynott, D. (2010) Look but don't touch: Tactile disadvantage in processing modality-specific words. *Cognition*. 115 (1). pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.cognition.2009.10.005
21. Ernst, M.O. & Banks, M.S. (2002) Humans integrate visual and haptic information in a statistically optimal fashion. *Nature.* 415 (6870). pp. 429–433. DOI: 10.1038/415429a
22. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari.
23. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
24. Rybal'chenko, T.L., Rezanova, Z.I. & Tubalova, I.V. (2009) *Kartiny russkogo mira: obrazy yazyka v diskursakh i tekstakh* [Pictures of the Russian World: Images of Language in Discourses and Texts]. Tomsk: ID SK-S.
25. Poryadina, R.N., Gyngazova, L.G. & Emer, Yu.A. (2007) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Spatial Models in Language and Text]. Tomsk: UFO Plus.
26. Boroditsky, L., Schmidt, L.A. & Phillips, W. (2003) Sex, Syntax, and Semantics. In: Gentner, D. & Goldin-Meadow, S. (eds) *Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought*. The MIT Press. pp. 61–79.
27. Landor, R. (2014) *Grammatical Categories and Cognition Across Five Languages: The Case of Grammatical Gender and Its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects*: Thesis (PhD Doctorate). Griffith University, Brisbane.
28. Rezanova, Z.I. & Ershova, E.Yu. (2017) The Influence of the Grammatical Gender on the Conceptualisation of Objects (An Experimental Study). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 104–124. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/7
29. Aitchison, J. (1987) *Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon*. Oxford: Basil Blackwell.
30. Arutyunyan, V.G. (2014) *Mozg i yazyk: mezhdistsiplinarnyy podkhod k mental'nomu leksikonu* [Brain and Language: An Interdisciplinary Approach to the Mental Vocabulary]. Kaliningrad: Baltic Federal University.
31. Martin, A. & Chao, L.L. (2001) Semantic memory and the brain: Structure and process. *Current Opinion on Neurobiology*. 11. pp. 194–201.
32. Paivio, A. (2010) Dual coding theory and the mental lexicon. *The Mental Lexicon*. 5 (2). pp. 205–230.
33. Zalevskaya, A.A. (1977) *Problemy organizatsii vnutrennego leksikona cheloveka* [Problems of Organising the Internal Vocabulary of a Person]. Kalinin: Kalinin State University.
34. Zalevskaya, A.A. (1990) *Slovo v leksikone cheloveka: Psikholingvisticheskoe issledovanie* [Word in the Vocabulary of a Person: A Psycholinguistic Research]. Voronezh: Voronezh State University.
35. Pavlenko, A. (2009) *The Bilingual Mental Lexicon: Interdisciplinary Approaches*. Bristol: Multilingual Matters.
36. Sarkisova, E.V. (2012) Bilingual Mental Lexicon Models. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya – Tver State University Bulletin. Series: Philology*. 10 (2). pp. 200–207. (In Russian).
37. Zaliznyak, A.A. (2007) *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammar Dictionary of the Russian Language. Inflection]. Moscow: Russkie slovari.
38. Tikhonov, A.N. (1990) *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Word-Formation Dictionary of the Russian Language: In 2 Vols]. Moscow: Rus. yaz.
39. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language on the Materials of the Russian National Corpus]. Moscow: Azbukovnik.

Received: 28 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 58–65. DOI: 10.17223/15617793/450/7

УДК 80

Г.В. Судаков

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Анализируются концепции слова, которые развивали М.В. Ломоносов и Ф.И. Буслаев, устанавливается роль этих ученых в становлении русской лексикологии. Выявляются предложенные ими критерии типологии лексики, схемы семантической структуры слова, закономерности развития слова. Показана связь грамматики и лексики, слово представлено как существенный элемент предложения, и значение слова зависит от контекста. Доказывается, что формирование основ русской лексикологии начинается с середины XVIII в.

Ключевые слова: теория языка; лексикология; многоаспектный анализ слова; семантическая структура слова; лексика как система; М.В. Ломоносов; Ф.И. Буслаев.

Слово – основная и самая значимая единица языка. Любое знаменательное слово со своими производными – отдельная вселенная, особенно если иметь в виду семантическую структуру слова, весь спектр его эмоционально-экспрессивных и стилистических приращений.

Внимание к речевым фактам, особенно процессам номинации, отмечается уже у древнерусских писцов. Во времена Московской Руси во избежание двусмысленности поясняли предназначение предмета, описывали род занятий человека: *скотной двор а на нем строенья: ...овцам рубленой анбар да две повети коровам* (ДТП-1. С. 266); *жил во дворе поварок Шестюнка ести варил и хлебы пекъ; нанели дрововоза к варнице дров придвигати; розгребалщикомъ дали семь алтын розгребали в поле навоз; наимовали вожелников возити навоз в поле* (ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 6. Л. 49, 49 об., 152 об.). Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова.

Другой прием более точной характеристики предмета – использование тождесловов: *друшка и сваха едуть с постелею, велите указать сенник, к которому месту приехати, а по обычному – потклеть; и как приедут на дворъ и идут в сенникъ а по простому – в потклет* (Домострой, XVII в. С. 172, 183). Более подробное описание таких практик см. в [1. С. 40–50].

Начало профессиональных занятий русской лексикологией относят к последней четверти XIX в., а в ряд значимых фигур ставят А.А. Потебню, Н.В. Крушевского и М.М. Покровского. Задача нашей статьи – оспорить эту традицию и, соответственно, наметить другой ряд личностей, которые являются подлинными предтечами в создании лексикологии русского языка.

Но вначале отдадим должное традиционной версии. А.А. Потебня в пору общего увлечения фонетикой и морфологией писал: «В истории языка общего внимания заслуживает, конечно, исследование не звуковой наружности слов, которое при всей своей важности имеет лишь служебное значение, а мысленного содержания слов» [2. С. 5]. Любопытно, что, сформулировав первый вопрос «Что такое слово?» в первом абзаце первого тома своего знаменитого труда «Из записок по русской грамматике» (впервые издан в 1874 г.), А.А. Потебня сразу цитирует Ф.И. Буслаева и отталкивается от его определения слова как главной значимой единицы языка, затем подробно рассматривает семантическую структуру слова *верста,* историю формирования его полисемии и делает вывод из напрашивающегося противопоставления языка и речи в пользу особой значимости употребления (речи): «слово в е р с т а, по-видимому, многознаменательно, но таково оно лишь в том виде, в каком является в словаре. Между тем действительная жизнь его и всякого другого слова совершается в речи… Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения» [3. С. 15]. Далее следует знаменитый пассаж Потебни: «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» слова [Там же], что равно аксиоме «одно значение – одно слово». В этом случае главный оппонент для Потебни – Ф.И. Буслаев с разделением значений на собственное и переносное [4. С. 18]. А.А. Потебня все же различает ближайшее (*народное*) значение и дальнейшее (*личное*). Потебня рассуждает как семасиолог, поэтому для него «в слове совершается акт познания», происходит познание «посредством наименования, сравнение познаваемого с прежде познанным» [3. С. 17]. Он стремится вслед за Буслаевым объяснять специфику смысловой стороны языковой системы и все семантические изменения влиянием общественно-исторического развития народа. Труды А.А. Потебни обозначили решительный сдвиг в семасиологической проблематике. Эти рассуждения А.А. Потебни и принято считать началом русской лексикологии.

Вспомним еще появившийся через девять лет «Очерк науки о языке» Н.В. Крушевского (1883 г.), который считал основным фактором развития языка «закон соответствия мира слов миру мыслей»: слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и означаемые ими вещи. Он утверждал, что благодаря «ассоциации по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда», а вследствие «ассоциации по смежности должны строиться в ряды» [5. С. 65, 69]. Крушевский легко вывел из этого следующую зависимость: «Современные тематические группы лексики так и классифицируются: по предметно-логическому основанию» [Там же. С. 69]. Выдающийся ученый свою докторскую диссертацию «Очерк науки о языке» посвятил доказательству всеобъемлющей системной организации языка, особенно на фонетическом и морфологическом уровнях. Лексика для него системна не только сама по себе, но и в отношениях со словообразованием и

морфологией [5. С. 149]. Развитие этой идеи показало, что словарь языка – это, безусловно, система с некоторым количеством постоянных и, возможно, еще большим числом вариативных элементов. Системность лексики убедительнее всего проявляется в синонимических рядах, в лексико-семантических группах и однокорневых гнездах слов, во взаимоотношениях генетически и функционально разнородных элементов с тождественной или близкой семантикой. Системность обнаруживается и в структуре полисемантичного слова, в иерархии его значений.

Активизация словарного дела обусловила рост интереса к теоретической лексикологии. В 1895 г. академик М.М. Покровский пишет «Семасиологические исследования в области древних языков», где ставит следующие вопросы: влияние семантики контекста на значение слова; влияние синтаксической конструкции на изменения смыслового содержания слов; воздействие морфологических и словообразовательных закономерностей на семантику слова; изучение семантики слова в связи с другими словами, синонимичными с ним, а главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений – здесь истоки идеи о лексико-семантической группе [6].

На этом этапе развития лексикологии выявились две зависимости: 1) словарная практика обгоняла формирование лексикологии; 2) историческая лексикология, хотя и описательная (на уровне истории отдельных слов), опережала развитие синхронной лексикологии.

Назовем две проблемы, которые выявились на этом этапе и до сих пор остаются неразрешёнными.

Основной объект изучения лексикологии, по нашему мнению, – лексико-семантическая или тематическая группа. Исходной единицей анализа являются слово и набор воспроизводимых, а также семантически связанных словосочетаний с этим словом. Выбор слова в качестве исходной единицы исследования влечет за собой актуализацию ряда вопросов общей ономасиологии и семасиологии. Во-первых, это проблема сохранения единства и тождества слова, пределы фонетико-грамматического и семантического варьирования слова см. посвященные этой проблеме статьи В.В. Виноградова и В.Я. Дерягина [7, 8]. Во-вторых, оценка средств развития словаря: источники омонимии, энантиосемия, деэтимологизация, лексикализация и т.д. В-третьих, выявление универсального и национального в развитии полисемии и принципах номинации, в отношениях узуального и окказионального в различных лексико-семантических и предметно-тематических группах. В разработке этой проблематики открывается возможность перехода от «атомарности», от судьбы отдельных слов к анализу функционирования всего лексикона, возможность перехода от анализа к синтезу. В-четвертых, описание типов лексико-семантических групп. Минимальный объект исследования в этом случае – лексико-семантическая группа, структура и признаки которой последовательно сопоставляются по нескольким синхронным срезам. В качестве сравниваемых содержательных признаков избираются соотношение родовых и видовых слов внутри группы, количественные соотношения мотивирующих признаков, лежащих в основе наименований, соотношение мотивированных и немотивированных лексем, уровень синонимичности и др. Подобным образом далее сравниваются между собой и разные группы, сосуществующие в языке в один и тот же исторический период (см. первый опыт такого анализа в работе [9]). Важно выявить специфические для конкретного периода особенности словаря, модели переноса, процессы онимизации и устойчивые элементы, составляющие сущность русского языка. Далее можно осуществить переход к типологическому изучению лексики близкородственных языков.

Но кого же можем предложить мы в качестве первопроходцев в формировании лексикологии русского языка?!

Прежде всего это Михаил Васильевич Ломоносов как предтеча научного изучения русского слова и его труд «О пользе книг церковных в российском языке» как первый трактат по русской лексикологии. Жанр этой работы обозначен автором как предисловие [10]. *Предисловие* – редкий жанр литературы XVII–XVIII вв., так называли в то время пролегомены – научные сочинения на наиболее важные темы, введение в научную дисциплину. Указанием на жанр ученый стремился подчеркнуть принципиальную важность этого труда среди других своих сочинений. Работа была помещена в начало первого тома «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова», изданного, если судить по объявленной дате, в 1757 г. Это самая последняя по времени создания и, на наш взгляд, наиболее основательная филологическая работа русского гения.

Есть несколько мнений об основных идеях предисловия. Распространенная версия: основываясь на разграничении лексики по ее происхождению, Ломоносов изложил здесь теорию «трех штилей». Другие пишут: «Работа Ломоносова разрешала три важнейшие в его условиях проблемы: 1) проблему сочетания церковно-славянских и русских, народных элементов в составе русского литературного языка, 2) проблему разграничения литературных стилей и 3) проблему классификации литературных жанров» [11. С. 894]. Высказано и третье предположение: «...представлена программная концепция, которая призвана определить принципы формирования русского литературного языка» [12. С. 141]. Все отмеченные идеи действительно есть в этом замечательном произведении.

Однако внимательное прочтение ломоносовского трактата позволяет увидеть в нем и другие важные мысли, предвосхитившие лингвистические идеи не только XIX, но XX столетия.

Работа состоит из четырех частей: 1) история возникновения литературно-письменного языка у славян; 2) структура русского литературного языка в современную (для Ломоносова) эпоху, т.е. в XVIII в.; 3) значение церковнославянского наследия для русского языка в процессе его исторического развития; 4) «польза» церковнославянского наследия для русского литературного языка XVIII в., для художественного творчества эпохи, для индивидуальной речи каждого автора.

Для целей нашего исследования важна вторая часть, где автор характеризует структуру русского литературного языка, описывает три группы литературной лексики и систему «штилей».

Чтобы оценить замечания классика, нужно разобраться в ломоносовских терминах и понять их смысловое наполнение.

Состав литературного языка описан так: «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез *употребление* (здесь и далее выделено нами. – *Г.С.*) книг церковных *по приличности* (далее Ломоносов то же самое свойство будет называть "*рассудительное употребление и разбор". – Г.С.*) имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка» [10. С. 588].

Почему здесь употреблено слово *степени (языка)*, а не *штиль*, которое неоднократно употребляется далее? Представляется, что для нашего автора это разные понятия.

Степени языка возникают на основе исторически сложившихся «трех родов речений» и отличаются друг от друга разной мерой употребления церковнославянского элемента («чрез употребление книг церковных»), эти «степени языка» существуют объективно, независимо от воли авторов, использующих «российское слово». Степени языка – это в нашем современном понимании *функциональные стили языка.*

Штили (в других его работах – «роды речей») – это *стили речи*, причем чаще – речи литературной. Поэтому (обратите внимание на разницу!) разные «степени» российский язык «имеет», а «три штиля рождаются от рассудительного употребления и разбору трех родов речений». Выражаясь по-современному, языковой стиль в процессе употребления реализуется в конкретных речевых стилях. Кстати, в других работах Ломоносова «штилей» упоминается еще больше, поскольку анализ речевых разновидностей там не ограничивается только художественной речью. Так, в «Кратком руководстве к риторике» описываются указательный, советовательный, судебный «роды речей», а в подготовительных материалах к «Российской грамматике» предполагалось тексты «разделить на риторической, на пиитической, исторической, дидаскалической, простой» [Там же. С. 608]. По мнению В.П. Вомперского, «в этой записи слово "штиль" применяется для характеристики использования языка в разных сферах общественно-речевой практики» [13. С. 152].

Перед нами первая в отечественной лингвистике попытка различить *стили языка* и *стили речи* (разумеется, без употребления известной нам терминологии), и эта идея труда Ломоносова значительно позже блестяще развита В.В. Виноградовым [14. С. 211–234].

Однако поскольку Ломоносов различает «степени» языка и рождающиеся в употреблении (т.е. в речи) «штили», значит, в его работе есть и невыраженная вербально, но содержащаяся в потенции *идея различия языка и речи.*

Далее в предисловии следует характеристика «трех родов речений». Ломоносов назвал «три рода речений», входящих в состав литературных средств активного употребления, но попутно выделил еще две группы, которые «выключаются» из литературного языка, поскольку их «ни в каком штиле употребить не пристойно»: 1) «неупотребительные и весьма обветшалые»; 2) «презренные слова». За этим скрывается впервые отмеченное именно Ломоносовым различие между *литературным языком* и *нелитературной частью общенародного языка.*

Однако для нас важны критерии, на основе которых Ломоносов описал эти пять групп лексики. Г.П. Блок и В.Н. Макеева увидели два признака: «по принадлежности слова к русскому или церковнославянскому языку и по степени употребительности слова» [11. С. 895]; В.П. Вомперский учел три признака: 1) «пристойность», т.е. соответствие слов «материям», теме повествования или рассуждения; 2) степень употребительности в разных сферах общения; 3) понятность [13. С. 143].

На наш взгляд, *при классификации лексики Ломоносов исходил из пяти признаков* (подходы к такой многосторонней характеристике лексики наблюдаются уже в «Кратком руководстве к красноречию»): 1) происхождение (или представленность в славянских языках): 2) время или продолжительность употребления: «которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны»; 3) сфера употребления (письменное или разговорное): «употребляются мало, а особливо в разговорах», «нет… в церковных книгах», «употребить… только в подлых комедиях»; 4) частота употребления: «кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны»; 5) эмоционально-экспрессивная окраска: «презренные слова, которые ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях») [10. С. 588]. Вывод из ломоносовского анализа лексики: предложенные им пять взаимосвязанных критериев характеристики слова – *это первая в отечественном, да и в мировом языкознании того времени попытка лексико-функционального анализа.*

Кроме того, при характеристике «презренных слов» Ломоносов впервые проводит *различие между литературным языком* с его жесткими нормами, с одной стороны, *и свободной художественной речью* – с другой. Кстати, это заметили уже В.В. Виноградов [14. С. 4] и В.П. Вомперский [13. С. 248].

Самое существенное, на наш взгляд, в стилистической концепции Ломоносова – это *«рассудительное употребление и разбор» трех родов речений как принцип создания литературного текста:* «От рассудительного употребления и разбора сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий» [10. С. 589]. Этот принцип повторяется в работе многократно, для Ломоносова это одно из центральных положений стилистической концепции. Так, при характеристике среднего штиля эта идея повторяется трижды: «можно приять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию»; «употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость»; «в сем шти-

ле должно наблюдать всевозможную равность» [10. С. 589]. Так утверждается право создателя текста на выбор языковых средств и открываются возможности для индивидуального творчества. *Индивидуально-авторское начало в речевом творчестве* и содержание текста как мотивация для выбора языковых средств – *обязательная черта национального периода в истории литературного языка,* что впервые отметил русский академик. Это открытие Ломоносова касается принципов создания текста в отличие от лингвистики XVIII – начала XIX в., которая занималась языковым инвентарем: звуки, формы, реже – слова.

В последней части рассуждения ученый формулирует, специально нумеруя по степени значимости, ответы на вопрос, в чем польза церковнославянского наследия для русского языка XVIII в. в целом и для речи отдельного его носителя в частности. Здесь отметим впервые установленное *отличие языка этноса* и *индивидуальной речи носителя* национального *языка.* Ломоносов советует любителям отечественного слова прилежно читать «все церковные книги, от чего *к общей и собственной пользе* воспоследует» [10. С. 590] (далее перескажем современным слогом): 1) пополнятся средства для возвышения великолепных мыслей; 2) появится возможность для отграничения высоких слов от подлых, причем, «наблюдая равность слога», автор сам проведет это отграничение; 3) *«старательным и осторожным употреблением* сродного нам коренного славенского языка купно с российским» [Там же. С. 590] определится критерий для отбора иноязычных заимствований. Заметим: и здесь торжествует «принцип рассудительного употребления и разбору»!

Ломоносов завершает свой труд предупреждением, что с падением природного языка, «без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа; ... из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей» [10. С. 592]. Вот откуда часто цитируемые поэтические строки Бунина: «Молчат гробницы, мумии и кости, - / Лишь слову жизнь дана: / Из древней тьмы, на мировом погосте, / Звучат лишь письмена». Таким образом, Ломоносов вскрыл *важность природного языка и значимость богатой литературы на национальном языке для сохранения нации и утверждения статуса народа среди других народов.* В конце предисловия М.В. Ломоносов провозглашает: «…словесные науки не дадут никогда притти в упадок российскому слогу» [Там же]. В итоге охарактеризованный им *комплекс из трех взаимодействующих и взаимоподдерживающих элементов: родной язык – литература на этом языке – словесные науки, изучающие язык и литературу, – свидетельство нового, национального состояния русского языка,* которое впервые было осмыслено и описано великим Ломоносовым. Эту главную новаторскую идею ученого следует выделить особо.

Предисловие М.В. Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» кроме лексикологической значимости содержит впервые изложенную системную оценку нового, национального состояния русского языка середины XVIII в. Последний филологический трактат ученого – это программа изысканий для последующих поколений исследователей русского языка и русской словесности.

Значительный вклад в учение о русском слове внесла дискуссия о старом и новом слоге российского языка – полемика между «шишковистами», отстаивающими традиции, и «карамзинистами» – защитниками «нового слога». По этому вопросу накопилась достаточная литература [15], выделим особо последнюю по времени монографию А.М. Камчатнова [16], появление которой освобождает от необходимости доказывать значимость для развития лингвистической науки первой открытой дискуссии, занявшей четверть века (1803–1823 гг.) и посвященной языку художественных текстов, публичному разговору и особенно употреблению слов. Профессор А.М. Камчатнов выполнил исследование историко-лингвистического наследия А.С. Шишкова во всей полноте, общая направленность его книги – лингвофилософская, что позволило не только объяснить идею адмирала-академика о славяно-русской природе литературного языка, но и оценить пафос критики «нового слога», содержание деятельности «Беседы любителей русского слова» (1811–1816 гг.), а также понять замысел его трех словарей: «Треязычный морской словарь» (вышел в трех частях тремя изданиями: СПб., 1795, 1797, 1835 гг.), «Опыт Славенского словаря» (1815–1819 гг.) и «Опыт словопроизводного словаря» (1828, 1833 гг.). П. Бицилли писал: «Шишков… был замечательным семасиологом. Его замечания о перерождениях смысла слов, его словарные сопоставления различных языков с этой точки зрения подчас необыкновенно удачны и ценны. Семантика как наука тогда еще отсутствовала, и в этой области Шишков далеко опередил свое время» [17]. Добавим, что эти два лагеря – сторонников «нового слога» и приверженцев старины – разделяло разное понимание процесса функционирования слова: карамзинисты оценивали отдельно взятое слово, а Шишков призывал выбирать слово, ориентируясь на общий контекст произведения.

Напомним, что в свою очередь Н.М. Карамзин первым показал русской публике на материале лексики возможности сравнительно-исторического языкознания для установления родства языков и народов [18. С. 62–65], был последовательным сторонником исторического подхода к языковым изменениям.

Следующий ученый, заслуживающий быть названным в числе основоположников русской лексикологии, – Федор Иванович Буслаев. Он стремился соединить историю языка, в частности смысл слова, с культурными традициями разных эпох. Во времена Ф.И. Буслаева лексикологию как раздел языкознания не выделяли. Еще в донациональный период была осознана необходимость лексикографии: словари-азбуковники использовались для толкования иноязычных заимствований, поэтому словарное дело было признано как прикладное и единственно полезное для практических нужд словесности. Словари готовили почву для научного изучения семантических процессов русского языка, для разработки учения о слове. Интерес Буслаева к этой области языкознания, осо-

бенно рецензирование разных словарей, подталкивал его к лексикологическим и семасиологическим штудиям. Читатели его учебника «О преподавании отечественного языка» отмечали, что «в отделе, названном стилистикой, Буслаев знакомит нас с *лексическим* составом русского языка…» [19. С. 10].

Значительная часть конкретных исследований ученого касалась как раз слова, его семантической структуры и функционально-стилистических свойств.

Свой главный труд, посвященный современному для того периода русскому языку, Буслаев назвал «Историческая грамматика русского языка», т.е. «грамматика русского языка с историческими комментариями», причем она была и функциональной грамматикой. Впервые книга была издана в 1858 г. под названием «Опыт исторической грамматики русского языка». «Историческая грамматика русского языка» Ф.И. Буслаева – это энциклопедия знаний о русском языке в середине XIX в. В главе, посвященной синтаксическому употреблению частей речи, подробно рассматриваются выразительные возможности многих отдельных слов. В середине XIX в. никто еще не занимался ни статусом слова как такового, ни определением функций слова в предложении. Во введении ученый пишет: «…только в предложении получают свое значения отдельные слова» [4. С. 21]. Что же касается роли предложения (контекста) для раскрытия значения многозначного слова, то здесь Буслаев прав: сочетаемость слова в контексте – надежный прием для выявления значений слова.

Проследим развитие идей Буслаева о слове, сравнивая его работы разного времени. Первый труд – это магистерская диссертация 1848 г., см.: «Слово как звук, выражающий движения потрясенной души, тронутой впечатлением внешним в соприкосновении с действительностью, означает предметы по тем достоинствам, какие ярче бросаются в глаза и затрагивают воображение» [20. С. 10]. Это высказывание близко современной теории происхождения мотивированных лексем.

Сравним определение статуса слова в «Исторической грамматике»: «Все слова суть не что иное, как названия общих представлений или понятий, потому что одно и то же слово может выражать представление о различных предметах. Напр., слово *дом* означает не только то здание, где мы теперь находимся, но и бесчисленное множество всех прочих предметов, этим словом именуемых… Хотя все слова служат для выражения понятий, однако отличаются большею или меньшею отвлеченностью…» [4. С. 256]. Позже автор уточнил процесс рождения слова: «Слово – не условный знак для выражения мысли, но художественный образ, вызванный живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбудили» [21. С. 1–2].

Несколько раз в «Исторической грамматике» повторяется мысль о том, что «одно и то же слово в различные времена или по различным наречиям родного и того же языка имеет различные значения» [4. С. 260], т.е. с позиций семасиологии Буслаев утверждает идею сохранения единства и тождества слова, когда не только формальные признаки, но и устойчивость семантики позволяют оценивать слово как равное самому себе. Значит, историческое слово, например, в языке Московской Руси и в современном языке– это разные слова, тем более они неодинаковы в древнерусском языке (едином языке восточнославянской народности) и современном русском (языке русской нации). У них иные семантические связи не только контекстуальные (синтагматические), но и в группе себе близких по значению (парадигматические); см. посвященную этой проблеме статью В.В. Виноградова [7].

Первый раздел «Исторической грамматики русского языка» называется «Этимология», в котором, в частности, ученый говорит о семантических различиях, вызванных историческими чередованиями, сравнивает однокоренные слова, при этом учитывает исторические и диалектные факты.

В главе «Образование слов» Буслаев использует сравнительную методику для выявления семантических различий в словах. В этом автор видит и практическую выгоду: «Уразумение настоящего смысла слов необходимо для того, чтобы пользоваться речениями родного языка сознательно. …*столица* происходит от слова *столъ,* означавшего в старину престол… *прапорщикъ* от слова *прапоръ*, означавшего знамя. <…> Ближайшими источниками, откуда почерпается объяснение слов нынешнего общеупотребительного языка, служат: 1) язык церковнославянский; 2) древнерусский и 3) современный русский, по местным его наречиям» [4. С. 97]. По Буслаеву, для выявления семантики слова нужно проводить исследование, выбирая нужный материал и используя научные данные о причинах и содержании фонетических изменений, о наборе актуальных или архаичных словообразовательных моделей, о правилах сочетаемости слова с лексемами из других частей речи.

Ученый рассуждает как исторический лексиколог: «…нынешний общеупотребительный язык представляет совокупность речений, которых настоящий и полный смысл определяется только исторически… Собственное же значение и правильнейший вид слов определяются историею языка… Относительно значения слов древний и народный язык отличается: 1) ясностью в производстве слов от корней и в употреблении слов в их прямом значении (*дотла* от *до тла* “дно”); 2) точностью, которая определяется ближайшим значением слова к его корню (*на-ук-а* от *-ук-* “навык”, ср. *уч-и-ть, при-вык-а-ть*); 3) изобразительностью, по которой слова, ныне употребляемые только в отвлеченном или в нравственном смысле, первоначально имели и вещественное значение (пример: по-н-я-ть “уразуметь, усвоить”, а ранее вообще “брать”); 4) полнотою, расширяющею ныне принятое значение слова. Она объясняется тем, что говорившие живо чувствовали связь слова с его корнем… Так, например, ныне употребляем слово *верста* только в значении известного расстояния; в старину оно имело смысл измерения вообще и потому применялось не только к пространству, но и ко времени, означая возраст, а также равенство вообще, пару, чету, двоих супругов» [4. С. 97]. Говоря «об отношении ныне употребительного слова к его источникам» [Там же], ученый показывает значимость исторических сведе-

ний, учет морфемного состава слова, а также всего набора производных лексем для выявления в полном объеме семантической структуры слова, установления иерархии его значений. Перед нами лаконично и выразительно сформулированная программа анализа семантической структуры слова во всем объеме его значений, оттенков значений и особенностей употребления.

Буслаев проявлял особое внимание к семантическим оттенкам слов. Говоря об особенностях образования глагольных лексем, он приводит большие списки слов с аффиксом *-ну-* (типа *слепнуть, сохнуть, глохнуть* и т.д.), большой список глаголов многократного действия (типа *давывал, купливал, кладывал*) и мгновенного действия (*глядь, хвать, хлоп*), обращая внимание на особенности выражения глагольного действия. По сути, в середине XIX в., опередив свое время, Ф.И. Буслаев стал детально разбираться в лексико-грамматических разрядах глаголов, описание которых в современных грамматиках и учебниках составляет десятки страниц.

Исследователь внимателен к тематическим группам нарицательных существительных, считает необходимым говорить о значении имен собственных. Это касается неофициальных названий лиц с ласкательным и уничижительным значением: *Ванюша, Митюха* [4. С. 47] и слов, означающих отчество [Там же. С. 136]. Он тщательно описывает оттенки значений существительных «увеличительных и уменьшительных, ласкательных или смягчительных и унизительных»: встречаются «суффиксы *-ыг-, -уг-(-юг-), -яг-(-аг-)* для означения унижения, иногда с оттенком жалости, снисхождения и даже ласки, напр. *тороп-ыг-а, пьянч-уг-а, бедн-яг-а, звер-юг-а, дел-яг-а*», причем замечает сферы употребления тех или иных существительных: «прежде *-уш-* чаще употреблялось и в книжном языке, а теперь выходит из обычая, но в разговорном и особенно в областном доселе держится крепко: *Петр-уш-а, пер-уш-ко*» [Там же. С. 134]. Степеням сравнения прилагательных посвящено семь страниц во второй главе [Там же. С. 143–148], при этом анализируется не только семантика с учетом вариативности, но и оцениваются динамика и степень употребительности в разных сферах: церковнославянское, книжное, разговорное, областное.

Безусловно, к семантическим наблюдениям ученого относятся его заметки по лексической стилистике из первой главы синтаксического раздела «Исторической грамматики»: эпитет, синонимы (здесь, кстати, объясняется разница между «собственным» (прямым) и переносным значением слова), тропы: метафора, метонимия, синекдоха [4. С. 289–317]. Например, рассуждая о метафоре, Буслаев подробно рассказывает, опираясь на факты истории языка и народную областную речь, о формировании семантической структуры названий животных, птиц и насекомых, деревьев и растений, ископаемых, видов оружия, водных объектов. Анализу этих слов посвящены целые страницы примечаний (все исторические справки Федор Иванович оформлял как примечания к основному тексту).

С идеями Гумбольдта и современной антрополингвистикой связано следующее высказывание академика: «Так как каждый язык пользуется своими собственными, национальными воззрениями при выражении понятий, то выучиться чужому языку значит не только усвоить себе его звуки и формы, но и постановить себя на новую точку зрения, с которой народ изучаемого языка смотрит на природу и жизнь» [4. С. 314]. Ф.И. Буслаев хорошо понимал взаимосвязи разных уровней языка, например, о связи лексической семантики и синтаксических качеств частей речи он писал: «Значение синонимов особенно важно в рассуждении управления глаголов, потому что глагол, заимствуя переносный смысл от синонимов, с которыми поставляется в один разряд, получает то же самое управление, как и прочие глаголы, которыми выражаются синонимы» [Там же].

Перечень рассмотренных им слов касается главных национальных стереотипов русской ментальности: *мир, земля, страна, отечество, путь, пространство и время, душа, жизнь и смерть, искусство, наука, право, вера, судьба, честь* [4. С. 248–253, 275–282, 308–311], *народ, язык и слово, душа и дух, церковь и брак* [20. С. 10, 65–66, 67–74, 88, 105].

Стилистика, в понимании Буслаева, касается прежде всего стилистических свойств лексики. А его «Ономатика» как раздел книги «О преподавании отечественного языка» в основных чертах похожа на нашу ономасиологию, хотя семантическая структура слова – это набор исторических смыслов и символики слова. «Фигурные выражения» Буслаева – это начало изучения фразеологии в отечественной лингвистике, а ведь эти выражения заметил и описал 24-летний автор первого учебника по методике русского языка.

Вслед за «Опытом исторической грамматики…» Ф.И. Буслаев выпустил «Историческую хрестоматию», где впервые представил и прокомментировал лексические особенности древних текстов разных жанров и даже современных ему диалектов. Он открывает тонкие нюансы в семантике и употреблении *слова*: от богословского до фольклорного, от дипломатического до публицистического.

Ученые конца XIX в. уже осознавали, что наследие Ф.И. Буслаева представляет собой собрание плодотворных идей, которые обязательно будут восприняты потомками: «Благотворное влияние трудов первого историка нашего языка простирается гораздо шире и глубже, чем оно может казаться с первого взгляда» [22. С. 115].

Вывод. Настало время для внимательного прочтения филологических работ М.В. Ломоносова, в частности материалов для «Российской грамматики», содержащих литературные и диалектные факты. Ломоносов дал первую классификацию лексических групп, исходя из лексико-стилистических и функциональных свойств слов. На этой основе он определил принципы создания литературного текста и первым описал особенности лингвистической ситуации в национальный период. Ломоносов и Буслаев работали в науке на пересечении языкознания, литературоведения, истории культуры и педагогики, поэтому в их творческом сознании были задействованы такие ассоциации, которые немыслимы для нашего современника – узкого специалиста. Следует изучить лексикологические заметки Ф.И. Буслаева в «Исторической грамматике»,

в магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык», которая в основном построена на лексическом материале, а также в рецензиях на разные словари, в статьях диалектологического, исторического и методического содержания. В трудах по риторике и стилистике русского языка Ф.И. Буслаев не мог обойтись без лексико-семантического анализа. В своих работах Буслаев выступает как этнолингвист, что чрезвычайно важно для лексико-семантических исследований. Из изложенного нами уже очевидно, что русская лексикология начиналась не во второй половине XIX в., а в середине XVIII в.

СОКРАЩЕНИЯ

ДТП-1 – Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. XI, 94 с., 1756 стб.
ГАВО – Государственный архив Вологодской области
Домострой – Домострой по Коншинскому списку // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1881. Кн. 2. С. 166–202.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судаков Г.В. История русского слова. 2-е изд., доп. Вологда : ВоГУ, 2015. 360 с.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. Т. III: Об изменениях значений и заменах существительного. М. : Учпедгиз, 1968. 551 с.
3. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М. : Учпедгиз, 1958. 536 с.
4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959. 624 с .
5. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1883. 173 с.
6. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. Избранные работы по языкознанию. М. : АН СССР, 1959. 383 с.
7. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования. История слов. М. : Наука. 1999. С. 5–38.
8. Дерягин В.Я. Проблема семантического тождества слова в исторической лексикологии // Русский язык. Языковые единицы в функциональном и эстетическом аспектах. М. : Наука, 1988. С. 47–61.
9. Судаков Г.В. Предметно-бытовая лексика в ономасиологическом аспекте // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 105–112.
10. Ломоносов М.В. О пользе книг церковных в российском языке // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 585–592.
11. Блок Г.П., Макеева В.Н. Приложения // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 771–949.
12. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 240 с.
13. Вомперский В.П. Риторики в России XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1988. 185 с.
14. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Наука, 1963. 255 с.
15. Александр Семенович Шишков (1754–1841) : материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 150–209.
16. Камчатнов А.М. Русский древослов Александра Шишкова: Лингвистическое наследие А.С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с.
17. Бицилли П.М. Державин // Россия и славянство. 1931. 18 апреля.
18. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. первая, т. 1–4. М. : Книга, 1988. Стлб 186. + 185 + 138 + 182 + примечания.
19. Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании отдела Коменского 21-го января 1898 года. СПб., 1898. 39 с.
20. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. М., 1848. 212 с.
21. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861. 643 с.
22. Войнаховский К. Значение трудов академика Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1898. С. 61–116.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 ноября 2019 г.

Exploring the Origins of Russian Lexicology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 58–65.
DOI: 10.17223/15617793/450/7

Gurij V. Sudakov, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: gvs035@rambler.ru

Keywords: language theory; language levels; history of Russian word; multidimensional word analysis; semantic structure of word; vocabulary as system.

The beginning of the academic study of Russian lexicology is usually attributed to the last quarter of the nineteenth century and associated with the names of A.A. Potebnya, N.V. Krushevsky, and M.M. Pokrovsky. The aim of the article is to challenge this tradition and, accordingly, to outline the names of different scholars who were the genuine forerunners in the study of lexicology of the Russian language. Using the comparative method, the author identifies three periods in the formation of Russian lexicology: (1) the pre-academic period, which the author outlines giving the evidence of the Old Russian scribes' attention to the meaning of words and describing the scribes' practice of presenting new words and ethnographic vocabulary; (2) the academic period, which the author displays on the basis of the works on the theory of linguistics, the history of the Russian language, historical lexicology and etymology written by Russian philologists in the eighteenth and nineteenth centuries. The author also pays attention to the discussion of the supporters of the "old" and "new" style as the first debate on the vocabulary of the national language and the lexicon of literary texts in Russia; (3) the period of the last quarter of the nineteenth century, which is described as the phase of the study of lexical semantics and lexical system. The author focuses on the conception of a word developed by M.V. Lomonosov and F.I. Buslaev, as well as their attitude to literary traditions and colloquial speech in the period, in which the lexical norms of the Russian literary language were standardised. While analysing the two conceptions of a word, the author shows the correlation between grammar and lexis and describes them as follows: a word is indicated as an essential component of a sentence; the meaning of words is related to their place in the sentence and depends on the context; the development of vocabulary depends on the sociocultural history of the ethnic group. Within the framework of modern semasiology, the author first reveals the original outlines of the word's semantic structure analysis and the word's semantic development patterns, which were discovered by these two scholars and then developed in the works of their

followers. The semantic observations of the two scholars also include their notes on rhetoric and lexical stylistics. The tropes as expressive means, described by Lomonosov, formed the basis of lexical stylistics and rhetoric, and Buslaev's "figurative expressions" laid the foundation for the study of phraseology in Russian linguistics. The works of the founders of Russian lexicology demonstrate a connection with the ideas of Wilhelm von Humboldt and modern anthropology. They first analysed many Russian words, such as *mir* 'peace', *zemlya* 'land', *otechestvo* 'fatherland', *put'* 'path', *dusha* 'soul', *vera* 'faith', *sud'ba* 'fate', *chest'* 'honor', *narod* 'people', *yazyk* 'language', *slovo* 'word', and *brak* 'marriage', which relate to the main Russian stereotypes. Lomonosov and Buslaev also illustrated the analysis of the lexis of different historical eras and different social groups. The author proves that Lomonosov and Buslaev worked at the intersection of linguistics, literature, cultural history, and pedagogy. The study of their academic monographs, essays, etc. from the standpoint of onomasiology and semasiology should be continued. Due to their works, Russian lexicology evidently dates back from the middle of the eighteenth century and was successfully developed throughout the nineteenth century.

REFERENCES

1. Sudakov, G.V. (2015) *Istoriya russkogo slova* [History of the Russian Word]. 2nd ed. Vologda: Vologda State University.
2. Potebnya, A.A. (1968) *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Vol. III. Moscow: Uchpedgiz.
3. Potebnya, A.A. (1958) *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Vols I–II. Moscow: Uchpedgiz.
4. Buslaev, F.I. (1959) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz.
5. Krushevskiy, N.V. (1883) *Ocherk nauki o yazyke* [Essay on the Science of Language]. Kazan: Kazan State University.
6. Pokrovskiy, M.M. (1959) *Semasiologicheskie issledovaniya v oblasti drevnikh yazykov. Izbrannye raboty po yazykoznaniyu* [Semasiological Research in the Field of Ancient Languages. Selected Works on Linguistics]. Moscow: USSR AS.
7. Vinogradov, V.V. (1999) *Slovo i znachenie kak predmet istoriko-leksikologicheskogo issledovaniya. Istoriya slov* [Word and Meaning as a Subject of Historical and Lexicological Research. History of Words]. Moscow: Nauka. pp. 5–38.
8. Deryagin, V.Ya. (1988) Problema semanticheskogo tozhdestva slova v istoricheskoy leksikologii [The Problem of Semantic Identity of Word in Historical Lexicology]. In: *Russkiy yazyk. Yazykovye edinitsy v funktsional'nom i esteticheskom aspektakh* [Russian Language. Linguistic Units in Functional and Aesthetic Aspects]. Moscow: Nauka. pp. 47–61.
9. Sudakov, G.V. (1986) Predmetno-bytovaya leksika v onomasiologicheskom aspekte [Everyday Vocabulary in the Onomasiological Aspect]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 105–112.
10. Lomonosov, M.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 585–592.
11. Blok, G.P. & Makeeva, V.N. (1952) Prilozheniya [Appendices]. In: Lomonosov, M.V. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 771–949.
12. Uspenskiy, B.A. (1994) *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Outline of the History of the Russian Literary Language (11th–19th Centuries)]. Moscow: Gnozis.
13. Vomperskiy, V.P. (1988) Ritoriki v Rossii XVII–XVIII vv. [Rhetoric in Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow: Nauka.
14. Vinogradov, V.V. (1963) *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow: Nauka.
15. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. (2011) Aleksandr Semenovich Shishkov (1754–1841): materialy k bibliografii [Alexander S. Shishkov (1754–1841): Materials for the Bibliography]. 28. pp. 150–209.
16. Kamchatnov, A.M. (2018) *Russkiy drevoslov Aleksandra Shishkova: Lingvisticheskoe nasledie A.S. Shishkova v nauchnom i kul'turnom kontekste epokhi* [Russian Dictionary of Alexander Shishkov: Linguistic Heritage of A.S. Shishkov in the Scientific and Cultural Context of the Era]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
17. Bitsilli, P.M. (1931) Derzhavin. *Rossiya i slavyanstvo.* 18 April.
18. Karamzin, N.M. (1988) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Book 1, Vols 1–4. Moscow: Kniga.
19. Shakhmatov, A.A. (1898) Buslaev kak osnovatel' istoricheskogo izucheniya russkogo yazyka [Buslaev as the Founder of the Historical Study of the Russian Language]. In: Zhdanov, I.N. et al. *Chetyre rechi o F.I. Buslaeve, chitannye v zasedanii otdela Komenskogo 21-go yanvarya 1898 goda* [Four Speeches About F.I. Buslaev Read at a Meeting of Komenskiy's Department on January 21, 1898]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
20. Buslaev, F.I. (1848) *O vliyanii khristianstva na slavyanskiy yazyk. Opyt istorii yazyka po Ostromirovu evangeliyu* [On the Influence of Christianity on the Slavic Language. Experience in the History of Language According to the Ostromir Gospel]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
21. Buslaev, F.I. (1861) *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical Essays of Russian Folk Literature and Art]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie D. E. Kozhanchikova: Tipogr. tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
22. Voynakhovskiy, K. (1898) Znachenie trudov akademika F.I. Buslaeva v istorii nauki o russkom yazyke [The Value of the Works of Academician F.I. Buslaev in the History of the Science of the Russian Language]. In: Miller, V. et al. *Pamyati Fedora Ivanovicha Buslaeva* [In Memory of Fedor Ivanovich Buslaev]. Moscow: Tip. T-va I.D. Sytina. pp. 61–116.

Received: 24 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 66–71. DOI: 10.17223/15617793/450/8

УДК 82 (091)

Н.Ю. Харитонова

«ПОСТОЯННО БОДРСТВУЮЩИЙ ДУХ КРИТИКИ» ПРОТИВ СТРАТЕГИЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ПИСЬМО АНДРЕ ЖИДА ПОСЛУ СССР

Анализируются письмо Андре Жида послу СССР, написанное после парижского Конгресса в защиту культуры 1935 г., обстоятельства, побудившие писателя уже тогда сблизиться с антисталинской оппозицией и поддержать призыв освободить литератора и политика В. Сержа, проходившего по делу зиновьевского центра и находившегося в ссылке в Оренбурге. Публикацию дополняет перевод письма на русский язык, выполненный в 1935 г., который сопровожден нами подробным текстологическим комментарием.

Ключевые слова: Андре Жид; франко-советские связи; Конгресс в защиту культуры 1935 г.; троцкистская оппозиция; Виктор Серж; дело Дрейфуса.

Письмо Андре Жида советскому послу во Франции Владимиру Потемкину, которое публикуется в продолжение этого материала, было написано 29 июня 1935 г., когда в летнем знойном Париже закончился Первый международный конгресс писателей в защиту культуры. Известный французский литератор, в то время занимавший просоветскую позицию, принял участие в работе оргкомитета съезда, председательствовал на нескольких заседаниях и был избран в президиум, созданной там же Международной ассоциацией писателей в защиту культуры. Обстоятельства, побудившие А. Жида обратиться тогда к советским властям, и идеи, которые он сформулировал в письме, важны не только для изучения истории международных писательских съездов и ассоциаций. Сюжет также представляет интерес в связи с поездкой А. Жида в Советский Союз и публикацией его «Возвращения из СССР» в 1936 г. [1].

Отношение писателя к СССР не обладало догматической завершенностью, а постоянно им уточнялось и пересматривалось. Конгресс писателей 1935 г. подтолкнул А. Жида к переосмыслению своих представлений о советской власти, а импульсом тому стала критика коммунистического режима, прозвучавшая на вечернем заседании 25 июня, которое он вел. Резких выступлений на парижском съезде было два: с неожиданной для советских организаторов критикой выступил итальянский социалист Гаэтано Сальвемини, а автором другого высказывания стала французская писательница, социалистка Мадлен Паз. История эпизода конгресса, связанного с защитой политика и литератора Виктора Сержа (Кибальчича), сосланного в Оренбург по так называемому делу зиновьевской группы, хорошо изучена. Этот случай с большей или меньшей детализацией изложен в современных работах С. Терони [2. P. 13–33], Р. Гримена [3], Л. Флейшмана [4. С. 332–339] и Б. Фрезинского [5. С. 35–354]. Представители Комитета за освобождение Сержа в присутствии советской делегации поставили вопрос о неправомерности его ссылки.

Советская печать обходила знаковым молчанием выступления на конгрессе, в которых критиковался СССР, его политическое устройство и отсутствие свободы слова, но современное французское издание трудов конгресса [2] позволяет восстановить картину достаточно полно.

М. Паз на вечернем заседании 25 июня обратилась к писателям, присутствовавшим на съезде и призвала их способствовать освобождению Виктора Сержа. После ее выступления состоялось обсуждение доклада, в котором приняли участие Николай Тихонов, Владимир Киршон, Илья Эренбург и немецкая писательница Анна Зегерс. М. Паз не оставляла без ответа выступления советских делегатов, что привнесло в прения дополнительный драматизм.

Н. Тихонов построил свой ответ, сделав акцент на том, что для советских писателей Серж прежде всего не писатель: «Ни я, ни мои товарищи, мы не знаем французского писателя Виктора Сержа. <...> Государственный служащий Виктор Серж, то есть Кибальчич, принимал активное участие в контрреволюционной деятельности троцкистов» [2. С. 452]. Из высказывания Тихонова следует, что Серж отбывает наказание прежде всего как государственный служащий. И хотя Тихонов прав в том смысле, что романы Сержа на русском языке в СССР не публиковались, его имя и писательская деятельность, во всяком случае, эссеистика и участие в работе Международного бюро революционной литературы, известны быть могли. Тихонов утверждал, что Кибальчич причастен к убийству Кирова, был сослан в Оренбург советским правительством как политический противник, работал в переводческой конторе и ни в чем не нуждался.

Дальнейшее обсуждение лишь продемонстрировало отсутствие общего языка у сторонников разных идеологий. Если М. Паз апеллировала к необходимости законности в деле Сержа, то И. Эренбург указывал на право революции защищаться от своих врагов, а В. Киршон заявлял о лояльности советских писателей государственному режиму и подчеркивал, что советская писательская делегация готова защищать революцию с оружием в руках и полностью поддерживает Правительство СССР во всех его решениях, т.е. и по делу Сержа. Закрыл дискуссию, которая продолжалась почти полтора часа [4. С. 338], своим словом А. Жид.

Из советской печати 1935 г. мы не сможем узнать об этих выступлениях и содержании дебатов практически ничего. После бравурного отчета о четвертом дне работы конгресса «Известия» написали о резком отпоре советских писателей «двум троцкистам» [6. С. 1]. В статье «Оборона культуры» в «Литературной

газете» упоминалась «отповедь» А. Жида, «который подчеркнул, что ничто не может поколебать веру лучших деятелей культуры в советскую страну» [10. С. 3], но этот крайне невыгодный для советской делегации эпизод был использован, чтобы подчеркнуть мировое признание СССР и неоспоримость советской политики в области культуры.

На самом деле А. Жид говорил о доверии Советскому Союзу как доказательстве любви к этой стране, а не о непоколебимости веры в нее деятелей культуры. В самом дословном переводе Жид сказал: «Было дело Дрейфуса, и речь тогда шла о том, чтобы бороться с реакцией, которая открыто демонстрировала свои дофашистские методы[1]. Это принесло ей нашу ненависть. В случае Сержа речь идет о Советском Союзе, который вызывает нашу любовь и наше восхищение. Успех Советского Союза для нас важнее всего остального, и мы не можем допустить того, что может ему угрожать. Нужно, по крайней мере, чтобы СССР понимал, что в подобных случаях доверие – это самое большое доказательство любви, которое мы можем ему дать» [2. P. 455].

Жид начал своё высказывание с упоминания дела Дрейфуса[2], стартового эпизода «истории французских интеллектуалов» [16. С. 292], по определению исследователя К. Шарля, радикально изменившего общественную функцию ученых, писателей и деятелей культуры. Именно тогда словом «интеллектуал» начали обозначать человека, связанного с культурой или творчеством, посредника, претендующего на роль политика, производящего или потребляющего идеологию [18. С. 10].

Дело Дрейфуса побудило интеллигенцию к общественной мобилизации. Речь идет не только о практике подписания и публикации манифестов, петиций и открытых писем, но и новой функции печати в процессе оформления позиций противостоящих сторон, о проведении конференций и собраний, на которых публично отстаивались и обосновывались определенные идеи. В это время во Франции появились организации, объединившие противников и сторонников невиновности Дрейфуса: первой была антидрейфусарская Аксьон франсез, а ответом на ее создание стала дрейфусарская Лига прав человека. В этом смысле глубинная суть противостояния заключалась в том, как две стороны решали вопрос о соотношении интересов государства и человека [16. С. 298], и, разумеется, дрейфусары отдавали первое место правам человека.

В период существования Народного фронта деятельность интеллектуалов, как указывает Ш. Кристоф, обнаруживает «целый ряд аналогий» с делом Дрейфуса, которые можно интерпретировать как проявления «коллективной памяти» [Там же. С. 304]. Именно в контексте традиции дрейфусарства следует рассматривать и парижский конгресс 1935 г., и дело В. Сержа, и выступления самого А. Жида [7–9]. Среди участников съезда были те, кто непосредственно был связан с движением, вызванным делом Дрейфуса: сам А. Жид, подписавший в 1898 г. призыв интеллектуалов пересмотреть дело осужденного капитана, Ж. Бенда и В. Маргерит. О деле Дрейфуса на конгрессе говорили Пьер Жером, секретарь Комитета бдительности интеллектуалов-антифашистов, и писатель Жан-Ришар Блок [2. P. 18], при этом тема звучит в высказываниях по-разному, в соответствии с тем, какое развитие получает во времени дрейфусарство и какими политическими взглядами дополняется спектр общественно-политического ангажемента интеллигенции (коммунизм, социализм, троцкизм, антифашизм, антисталинизм). Так, Ж.-Р. Блок в своем докладе провел параллели между мобилизацией интеллигенции времен дела Дрейфуса и Народным фронтом, реакционными действиями государственной машины в 90-е гг. XIX столетия во Франции (т.е. произволом и антисемитизмом) и наступлением фашизма в Европе 30-х гг.

Дело Сержа можно интерпретировать и как прямую параллель с делом Дрейфуса. С одной стороны, речь идет о несправедливом обвинении, судебном преследовании со стороны государственного аппарата и ссылке. С другой стороны, достаточно явно обозначена и общественная проблематика, связанная с делом Дрейфуса, которая расколола надвое французское общество: проблема соотношения свободы личности и интересов государства, прав человека и государственных задач. Сторонники освобождения В. Сержа выступают на съезде именно с позиции защиты прав человека, свободомыслия и свободы слова, тех ценностей, которые были предложены в качестве темы выступлений на конгрессе. Поэтому в своей ответной реплике на заявления советских делегатов, отстаивающих приоритет государственных задач СССР, М. Паз отмечала, что достойно всякого сожаления, что на съезде, проходящем под лозунгом защиты свободы мысли и слова, на самом деле отстаивается «защита зажима критики под знаком государственных соображений» [2. P. 453]. Суть полемического противостояния двух позиций по делу Сержа интерпретируется М. Паз в категориях, применимых и к поляризации французского общества по делу Дрейфуса, вылившемуся в образование Аксьон франсез и Лиги прав человека. «Дело революции», на которое ссылаются советские делегаты, является в этом случае лишь риторической формулой, за которой обнаруживается безрефлексивная апология государственной машины и государственного террора.

Однако в дискуссии была задействована и апелляция к пацифизму, который отстаивали многие французские интеллектуалы-дрейфусары, познавшие ужасы Первой мировой войны. Противоположным полюсом стал антисемитизм как знак правых сил и реакции, также непосредственно связанных с делом Дрейфуса. В 1935 г. опасность происходящего в нацистской Германии не вызывала ни у кого никаких сомнений. Поэтому вторую смысловую оппозицию высказываний участников съезда можно было бы определить как противопоставление милитаризма (антисемитизма, нацизма) и пацифизма (гуманизма, мультикультурализма) и, если продолжить смысловой ряд, Германии и СССР. На этом построено ответное выступление А. Зегерс на заседании с участием М. Паз. Немецкая писательница тогда отметила неуместность обсуждения дела Сержа, при всей его важности, на конгрессе по борьбе с фашизмом и защите СССР, потому что о

пострадавших в нацистской Германии писателях – Карле фон Оссецком, Людвиге Ренне и Эрихе Мюзаме – Паз ничего сказано не было. В полемике неразрешимо сошлись два измерения дрейфусарства, переобозначенные в новой исторической и политической ситуации.

28 июня 1935 г. Жид направился в советское посольство с просьбой назначить ему встречу с послом СССР В. Потемкиным. В. Серж в своих воспоминаниях пишет, что ему стало известно, что Жид посетил посольство вместе с Ш. Вильдраком [4. С. 339]. Встреча с послом состоялась, и, кроме того, о причине посещения посольства Жидом можно узнать из письма от 29 июня, которое писатель отправил Потемкину. В письме советскому послу он весьма старательно пытается найти баланс между декларациями своих симпатий к Советскому Союзу и критикой произошедшего. Жид пишет: «Я не знаю Виктора Сержа. <...> Я не берусь судить о его литературном таланте, который, будь он еще крупнее, здесь ни при чем. <...> Без сомнения, у СССР имелись серьезные основания считать его опасным. Поэтому я ни в какой мере не берусь защищать его или приводить доводы в его пользу. Но надо признать, что мы были неприятно задеты слабостью мотивировки советской делегации в этом вопросе»[3].

А. Жид в письме Потемкину обращает внимание на то, что советское правительство не понимает постоянно бодрствующего «духа критики» Запада и вновь приводит пример дела Дрейфуса, которое он так близко пережил. На самом деле исследователи определяют дрейфусарскую позицию А. Жида как неустойчивую и даже хрупкую. К. Шарль заметил, что писатель принял участие только в двух акциях дрейфусаров, подписав манифест интеллектуалов в защиту Дрейфуса и поддержав чествование полковника Жоржа Пикара, поставившего вопрос о том, что доказательства по делу были подделаны, но затем отказался от участия в чествовании Золя и последовательно воздерживался от публичного высказывания своего собственного мнения [22. P. 244]. Специалист по интеллектуальной истории Франции Т. Коннер полагает, что сразу после публикации обращения Э. Золя к президенту Франции 14 января 1898 г. А. Жид написал Леону Блюму, который просил его поддержать Дрейфуса, позволив ему включить свое имя в списки интеллектуалов, подписавших манифест. Однако, по странному стечению обстоятельств, до сих пор непроясненных, его подпись была опубликована с запозданием, только в девятом списке, вышедшем из печати 22 января [23. P. 178]. Коннер замечает, что А. Жид даже не счел нужным упомянуть свою поддержку манифеста интеллектуалов в дневниковых записях, а биографы писателя уверены в том, что Жиду в целом не хватало твердости духа: решение о поддержке далось ему нелегко, а потом он весьма сожалел о своих действиях. Недавно опубликованная переписка А. Жида с П. Валери также «проливает свет на неспособность Жида полностью взять ответственность за проявление приверженности делу Дрейфуса, тяготившего его» [Ibid]. По мнению исследователя, причину колебаний Жида можно усмотреть не просто в особом складе его личности, но и в том, что большинство его друзей заняли противоположную позицию. Таким образом, когда во время писательского съезда Жид в письме Потемкину вспоминает события 1898 г., он, судя по всему, имеет в виду собственные переживания, которые вызвала необходимость занять определенную общественную позицию, не свойственную его кругу, и сам факт раскола общества, предопределенного «неуклюжими действиями правительства» [23. P. 178] и судебной системы, которые и привели к публикации громкого манифеста Золя [17].

Обстоятельства, которые Жид имеет в виду, вспоминая дело Дрейфуса, и вынуждают его заявлять о своем несогласии со столь же, судя по всему, «неуклюжими» и неудобными для сторонников СССР действиями советских представителей по делу Сержа. В своем письме советскому послу Жид настаивает на том, что дело требует ответа, замалчивать его нельзя прежде всего в интересах самого Советского Союза. И хотя Жид использует тут все средства эпистолярного этикета, чтобы избежать резкой интонации, и вновь пишет о своей любви к СССР, основные идеи его письма обнажают далеко не идеалистическое, а достаточно критическое представление писателя о действиях советских представителей и, возможно, советском правительстве и его решениях.

Постепенное сближение А. Жида с кругом антисталинской оппозиции началось сразу после парижского конгресса, а импульсом к тому послужило именно дело Сержа [19]. М. Паз в письме, написанном после съезда поэту Марселю Мартине, отмечала: «Сейчас я могу сказать, что удар был нанесен неожиданно, а дело вышло наружу, после своего выступления Жид отправился в посольство и написал письмо Потемкину, а руководители конгресса <...> подавлены. Через два часа я жду визита Низана (Поля), который намерен меня поддержать, критикует поведение остальных, выражает свое согласие с Мальро и Жидом, желая встретиться со мной от имени всех троих» [20. P. 89]. Более того, М. Паз практически сразу после конгресса вступила в переписку с А. Жидом, о чем свидетельствует письмо писателя от 6 июля 1935 г., пусть и достаточно сдержанное: в нем он благодарит М. Паз за пересланное ему письмо сына В. Кибальчича и сообщает ей о встрече с советским послом [21. P. 99–100].

Известно, что в результате общей кампании в защиту Сержа, в которой принимали участие очень многие писатели, а не только Р. Роллан[4] и А. Жид, удалось добиться его освобождения и выезда из СССР. В мае 1936 г., накануне поездки Жида в СССР, Серж, вернувшийся в Европу, выразил признательность в открытом письме писателю, опубликованном дважды: в июньском номере журнала «Эспри» на французском языке [24. P. 438–440] и в июльском номере «Бюллетеня оппозиции большевиков-ленинцев» [25. С. 9–11], издававшегося в Париже, на русском. В своем дневнике Серж отметил тогда, что М. Паз опасалась, что публикация может повредить поездке Жида в СССР [26. P. 22], ведь Серж подробно писал о нарушении прав человека в СССР и обращался к писателю с призывом: «Не закрывайте глаз, посмотрите на то, что происходит позади изобретательной и дорого стоящей пропаганды, парадов, шествий, конгрессов...» [25. С. 11].

Слова Сержа не оставили Жида равнодушным, хотя было бы упрощением объяснять историю появления «Возвращения из СССР» только делом Сержа, ведь речь идет о сложной комбинации целого ряда факторов. Советской пропаганде в конце 1936 г. пришлось срочно менять парадный образ Андре Жида–друга СССР. И хотя полпред В.В. Потемкин переправил письмо Жида, написанное во время Первого конгресса И.В. Сталину, в нем в свое время не усмотрели опасности, увлекшись созданием безупречного образа защитника СССР и сторонника коммунизма. И только когда публикация травелога Жида оказалась неотвратимой, письмо подшили к «делу» Жида, покинувшего к тому времени ряды просоветской интеллигенции. Дальнейшее развитие событий лишь продемонстрировало, что советские манипуляции и форсированное создание образа Жида – друга СССР вопреки многим объективным обстоятельствам не смогли стать залогом лояльности французского писателя и, более того, привели к громкому провалу стратегии советской культурной дипломатии в предвоенный период.

Перевод письма Андре Жида[5]
Тов. Потемкину
1 Улица Вано VII – е
Литтре 57 – 19
29 июня 1935 г.
<от руки: т. Сталину>

Господин Посол,

Я вчера обратился с просьбой о свидании с Вами. Если мне и удастся с Вами говорить, я считаю все же целесообразным зафиксировать письменно некоторые пункты из того, что я намерен Вам сказать.

Я не знаю Виктора Сержа. Поэтому, прошу Вас, поймите, что речь идет не о ходатайстве личного порядка. Я не берусь судить о его литературном таланте, который, будь он еще крупнее, здесь ни при чем. Не говорю также о том, что, прежде чем стать советским гражданином, он был французским писателем[6]. Без сомнения, у СССР имелись серьезные основания считать его опасным. Поэтому я ни в какой мере не берусь защищать его или приводить доводы в его пользу. Но надо признаться, что мы были неприятно задеты слабостью мотивировки советской делегации в этом вопросе. Что касается меня, решившего своим вмешательствам внести спокойствие в обсуждение и привести его к концу, я мог сказать одно: в подобном деле наше доверие является[7] наибольшим доказательством нашей любви к СССР.

Принимая во внимание показательное и исключительное значение СССР и все, чем он для нас является, становится неудобным говорить: «Не вмешивайтесь не в свои дела. То, что происходит в СССР, вас не касается». Для многих революционеров Франции и всех стран СССР стал, как Вы знаете, идеальным отечеством. Мы составляем его часть и готовы за него сражаться, если на него будет произведено нападение[8]. Надо дать себе отчет в том, что сама эта любовь, налагая обязательства, предполагает также возможность предъявления известных требований. Нужно, чтобы наиболее горячие и преданные защитники Советского Союза не чувствовали себя морально разоруженными и растерянными, когда речь идет о его защите. Нельзя допустить, чтобы его атаковали, исходя из тех самых принципов, которые сделали его для нас таким близким. Дело Виктора Сержа без сомнения обязано своим значением только той выгоде, которую стараются из него извлечь некоторые оппозиционеры. Но я боюсь, чтобы это дело, раздутое вниманием, которое ему уделяется, не объединило бы вокруг себя, вследствие возбужденных им страстей, и не взволновало[9] многих интеллектуальных работников всех стран.

Из всего того, что я Вам говорю, господин Посол, не следует, что я претендую на то, чтобы Вам давать указания.

Но, может быть, Советское правительство не отдает себе достаточно отчета в свойственном Западу и постоянно бодрствующем духе критики. Поэтому было бы неосторожно ссылаться только на доверие, как бы велика ни была преданность СССР. Некоторые уточнения о мотивах осуждения Сержа во многом содействовали бы успокоению умов[10].

Что касается лично меня, я слишком пережил дело Дрейфуса, чтобы не видеть опасности в избегании постановки некоторых вопросов, в старании лучше их заглушить, чем дать на них ответ, и тем самым самому себе вредить из-за, как тогда говорили, «уважения к состоявшемуся решению»[11] или решению, которое сочли нужным принять.

Вы поймете, господин Посол, что только моя большая любовь к СССР и делу коммунизма диктует мне это письмо.

Благоволите принять уверения в моем высоком уважении и моих сердечных чувствах.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Тут А. Жид имеет в виду то, что одной из основных составляющих антидрейфусарской кампании был антисемитизм.

[2] Несмотря на обширную западную библиографию о деле Дрейфуса, на русском языке работ, посвященных ему, немного. После переводной книги 1898 г. [11] о процессе вышел сборник статей И.П. Закревского «По делу Дрейфуса» (Санкт-Петербург, 1900), но тираж был арестован цензурным комитетом и уничтожен. Постсоветскими работами на русском языке стали монография Л. Прайсмана [12], статьи М.Ю. Сорокиной [13], М. Бороздина [14] и Д.Е. Крайновой [15].

[3] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 228. Л. 3.

[4] Подробно об этом см. в [5. С. 348–354].

[5] Здесь воспроизводится текст перевода письма А. Жида, сохранившийся в РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 228. Л. 3–4. В текст внесена небольшая орфографическая и пунктуационная правка. На французском языке письмо было опубликовано в [21. P. 97–99]. Сверка перевода на русский язык с французским текстом производилась по этому изданию.

[6] Во французском тексте – «франкоязычным писателем».

[7] Интересно, что здесь и далее, говоря о готовности к сражению за СССР, А. Жид проявляет осторожность и употребляет сослагательное наклонение, а не будущее время. В переводе, таким образом, его высказывания о СССР приобретают категоричность, которой в оригинале нет.

[8] Во французском тексте – «физическое нападение».

[9] В оригинале – «ne ferment», в переводе из фондов РГАНИ – «и не привело в брожение».
[10] Пропущено: «и их сплочению».
[11] Термин из судебной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аросев А. Беседы и встречи в Европе // Октябрь. 1935. № 6. С. 171–181.
2. Pour la défense de la culture: les textes du Congrès international des écrivains, Paris, juin 1935. Sandra Teroni et Wolfgang Klein éd. Dijon : Éd. universitaires de Dijon, 2005. 665 p.
3. Greeman R. Beware of Vegetarian Sharks. M. : Praxis Research and Education Center, 2009. 358 p.
4. Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб. : Академический проект, 2005. 655 с.
5. Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. М. : Эллис Лак, 2008. 672 с.
6. Международный конгресс писателей в защиту культуры. Доклады и выступления / ред. и предисл. И. Луппола; пер. Э. Триоле. М. : Гослитиздат, 1936. 487 с.
7. Aznar Soler M. La estética de la resistencia // I Congreso internacional de escritores para la defensa de la cultura (París, 1935). Tomo I. València : Conselleria de Cultura, Educació i ciència, 1987. 794 c.
8. Международный конгресс защиты культуры. Четвертый и пятый день // Известия. 1935. № 148 (26 июня). С. 1.
9. Итоги конгресса // Литературная газета. 1935. № 36 (30 июня). С. 1.
10. Я.Э. Оборона культуры // Литературная газета. 1935. № 41 (25 июля). С. 3.
11. Дело Дрейфуса, Эстергази и подробное разбирательство процесса Эмиля Золя. Одесса : кн. маг. Я.Х. Шермана, 1898. 130 с.
12. Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн : Александра, 1992. 157 с.
13. Сорокина М.Ю. Дело Дрейфуса: взгляд с Rue de Grenelle // Вестник Еврейского университета: История. Культура. Цивилизация. 2005. № 10 (28). С. 365–432.
14. Бороздин М. «Дело Дрейфуса»: ошибка французских спецслужб» // Исторический журнал. 2007. № 9. С. 94–107.
15. Крайнова Д.Е. «Дело Дрейфуса» // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 225–228.
16. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века. М. : Новое издательство, 2005. 325 с.
17. Гиммельфарб Б.В. Эмиль Золя. Жизнь и творчество. М.; Л. : ГИЗ, 1930. С. 144.
18. Ory P., Sirinelli J.-F. Les intellectuels en France, de l'Affaire Dreyfus à nos jours. Paris : Armand Colin, 1986. 263 p.
19. Эренбург – Бухарину о Парижском конгрессе в защиту культуры // Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов. М. : МФД / Материк, 2005. С. 383.
20. Racine N. Victor Serge. Correspondances d'URSS (1920–1936) // Mil neuf cent. 1990. № 8. C. 73–97.
21. Gide A. Littérature engagée. Textes réunis et présentés par Yvonne Davet. Paris : Gallimard, 1950. 363 p.
22. Charle C. Champ littéraire et champ du pouvoir : Les écrivains et l'Affaire Dreyfus // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1977. № 2. P. 240–264.
23. Conner T. The Dreyfus Affair and the Rise of the French Public Intellectual. Jefferson : McFarland & Company, 2014. 274 p.
24. Lettre de Victor Serge à André Gide // Esprit. 1936. № 45. P. 438–440.
25. Письмо Виктора Серже Андрэ Жиду // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 51. С. 9–11.
26. Serge Victor. Carnets. Arles : Actes Sud, 1985. 180 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 июня 2019 г.

The "Constantly Awakening Critical Spirit" against Soviet Cultural Diplomacy: On André Gide's Letter to the USSR's Ambassador

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 66–71.
DOI: 10.17223/15617793/450/8

Natalia Yu. Kharitonova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: baroccorggu@mail.ru

Keywords: André Gide; French-Soviet relations; Congress for the Defense of Culture of 1935; Trotskyist opposition; Victor Serge; Dreyfus Affair.

The article clarifies circumstances in which in 1935 André Gide wrote his letter in defence of Victor Serge to the Soviet ambassador in Paris. The study is based on the materials of the Congress for the Defense of Culture, the Soviet press of that time and documents from the Russian State Archive of Contemporary History. After the Congress, which took place in 1935 in Paris, Gide converged with the anti-Stalinist opposition in France and Belgium, and welcomed a campaign in support of Victor Serge, a politician and writer who had been a participant in the case of the so-called Zinoviev group and was exiled to Orenburg. The article discusses episodes of criticisms against the lack of freedom in the Soviet Union, carried out by Gaetano Salvemini and Magdeleine Paz, and the reaction of the Soviet participants to them. The main controversy on Serge's case was inscribed in the context of the Dreyfus Affair. It shows that the lines of demarcation between the Soviet delegation and the European writers were shaped by the different attitude towards the State and the Individual. For French writers, the Dreyfus Affair was an ideal paradigm for assessing the entire spectrum of relations between the State and the Writer. The Soviet delegates insisted that the interests of the State and the Revolution are above individual freedom; meanwhile, for the European intellectuals, human rights were a universal value, and there were no excuses for violating them. No one in the Soviet Union could know anything about this important polemic. The Soviet press explained that all attacks by the 'Trotskyists' in the Congress were successfully rejected by the Soviet delegates and did not find any support among Western intellectuals. Moreover, according to the Soviet press, Gide refuted the Opponents' claim and manifested his faith in the USSR. Nevertheless, the victorious Soviet reports hid a much more complex reality. In the Congress, Gide, who got through the Dreyfus Affair with much tension and doubts, related the case of Victor Serge to the scandalous judicial process against the artillery officer. A few days after the Congress, the writer addressed a letter to the USSR's ambassador, in which he protested against the persecution and exile of Victor Serge and lamented the inappropriate response of the Soviet delegates to criticism. Magdeleine Paz and her followers praised Gide's reaction. Starting from that point, contacts with the anti-Stalinists undermined Gide's pro-Soviet attitude which he reflected a year later in his famous book *Return from the USSR*. It supposed an obvious failure of Soviet cultural diplomacy and its strategies. A commented translation into Russian of Gide's letter to the ambassador Potemkin, made in 1935, from the collection of the Russian State Archive of Contemporary History complements the article.

REFERENCES

1. Arosev, A. (1935) Besedy i vstrechi v Evrope [Conversations and Meetings in Europe]. *Oktyabr'*. 6. pp. 171–181.
2. Teroni, S. & Klein, W. (eds) (2005) *Pour la défense de la culture: les textes du Congrès international des écrivains, Paris, juin 1935.* Dijon : Éd. universitaires de Dijon.
3. Greeman, R. (2009) *Beware of Vegetarian Sharks.* Moscow: Praxis Research and Education Center.
4. Fleyshman, L. (2005) *Boris Pasternak i literaturnoe dvizhenie 1930-kh godov* [Boris Pasternak and the Literary Movement of the 1930s]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
5. Frezinskiy, B. (2008) *Pisateli i sovetskie vozhdi* [Writers and Soviet Leaders]. Moscow: Ellis Lak.
6. Luppola, I. (ed.) (1936) *Mezhdunarodnyy kongress pisateley v zashchitu kul'tury. Doklady i vystupleniya* [International Congress of Writers in Defence of Culture. Reports and Speeches]. Translated from French by E. Triole. Moscow: Goslitizdat.
7. Aznar Soler, M. (1987) La estética de la resistencia. *I Congreso internacional de escritores para la defensa de la cultura (París, 1935)*. Tomo I. València: Conselleria de Cultura, Educació i ciència.
8. *Izvestiya*. (1935) Mezhdunarodnyy kongress zashchity kul'tury. Chetvertyy i pyatyy den' [International Congress in Defence of Culture. Days Four and Five]. 148 (26 June). p. 1.
9. *Literaturnaya gazeta*. (1935) Itogi kongressa [Results of the Congress]. 36 (30 June). p. 1.
10. Ya.E. (1935) Oborona kul'tury [Defence of Culture]. *Literaturnaya gazeta*. 41 (25 July). p. 3.
11. Ya.Kh. Sherman's Bookshop. (1898) *Delo Dreyfusa, Estergazi i podrobnoe razbiratel'stvo protsessa Emilya Zolya* [The Dreyfus Affair, Esterhazy and a Detailed Analysis of the Trial by Emil Zola]. Odessa: kn. mag. Ya.Kh. Shermana.
12. Praysman, L. (1992) *Delo Dreyfusa* [The Dreyfus Affair]. Tallinn: Aleksandra.
13. Sorokina, M.Yu. (2005) Delo Dreyfusa: vzglyad s Rue de Grenelle [The Dreyfus Affair: A Look From Rue de Grenelle]. *Vestnik Evreyskogo universiteta: Istoriya. Kul'tura. Tsivilizatsiya.* 10 (28). pp. 365–432.
14. Borozdin, M. (2007) "Delo Dreyfusa": oshibka frantsuzskikh spetssluzhb" [The Dreyfus Affair: An Error by the French Special Services]. *Istoricheskiy zhurnal.* 9. pp. 94–107.
15. Kraynova, D.E. (2007) "Delo Dreyfusa" [The Dreyfus Affair]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1. pp. 225–228.
16. Sharl', K. (2005) *Intellektualy vo Frantsii: vtoraya polovina XIX veka* [Intellectuals in France: The Second Half of the 19th Century]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
17. Gimmel'farb, B.V. (1930) *Emil' Zolya. Zhizn' i tvorchestvo* [Emil Zola. Life and Works]. Moscow; Leningrad: GIZ.
18. Ory, P. & Sirinelli, J.-F. (1986) *Les intellectuels en France, de l'Affaire Dreyfus à nos jours.* Paris: Armand Colin.
19. Yakovlev, A.N. (ed.) (2005) Erenburg – Bukharinu o Parizhskom kongresse v zashchitu kul'tury [Ehrenburg to Bukharin About the Paris Congress in Defence of Culture]. In: *Bol'shaya tsenzura. Pisateli i zhurnalisty v strane Sovetov* [Great Censorship. Writers and Journalists in the Country of Soviets]. Moscow: MFD / Materik.
20. Racine, N. (1990) Victor Serge. Correspondances d'URSS (1920–1936). *Mil neuf cent.* 8. pp. 73–97.
21. Gide, A. (1950) *Littérature engagée. Textes réunis et présentés par Yvonne Davet.* Paris: Gallimard.
22. Charle, C. (1977) Champ littéraire et champ du pouvoir: les écrivains et l'Affaire Dreyfus. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 2. pp. 240–264. DOI: 10.3406/ahess.1977.293814
23. Conner, T. (2014) *The Dreyfus Affair and the Rise of the French Public Intellectual.* Jefferson: McFarland & Company, 274 p.
24. *Esprit*. (1936) Lettre de Victor Serge à André Gide. 45. pp. 438–440.
25. *Byulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev).* (1936) Pis'mo Viktora Serzhe Andre Zhidu [Letter From Victor Serge to Andre Gide]. 51. pp. 9–11.
26. Serge, V. (1985) *Carnets*. Arles: Actes Sud.

Received: 15 June 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 72–83. DOI: 10.17223/15617793/450/9

УДК 811.11

В.Е. Храброва, Ю.В. Сергаева

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ АНГЛИЙСКИХ ТКАНЕЙ

Исследуются наименования британских тканей в английском языке, производные от имен собственных. Выявлены метонимические модели семантической деривации онимов, лежащие в основе номинации тканей и отражающие пространственные, субъектные генетические, субъектные посессивные и субъектно-пространственные отношения. Предложена классификация отономастических наименований тканей с учетом их структурных, когнитивно-семантических и культурно-прагматических особенностей, а также степени произвольности использования онима для номинации.

Ключевые слова: наименование ткани; деоним; апеллятивация; имя собственное; семантическая деривация; метонимический перенос; мотивационная модель; культурологическая ценность; лингвокреативная деятельность.

Апеллятивация, или переход имен собственных в нарицательные, является активным процессом в английском языке, который, с одной стороны, отражает тенденцию к экономии языковых средств при создании новых лексических единиц, а с другой – служит наглядным примером взаимосвязи языка, истории и культуры. Интерес, проявляемый широким кругом лиц к изучению бытовых реалий, в том числе наименований тканей, в состав которых входят имена собственные, обусловлен традиционной актуальностью «триады материала, одежды и моды» [1. С. 4]. В то же время для более узкого круга лиц в ходе этимологического анализа характерно стремление развить «лингвострановедческую компетенцию, под которой подразумевается целостная система представлений о национальных обычаях, традициях, реалиях страны изучаемого языка, позволяющая извлекать из лексики этого языка примерно ту же информацию, что и его носители, и добиваться тем самым полноценной коммуникации» [2. С. 59].

Цель данной статьи заключается в выявлении и систематизации структурных, когнитивно-семантических и культурно-прагматических особенностей наименований британских тканей, производных от имен собственных, посредством анализа способов их образования, моделей номинации, структуры, а также определения культурологической значимости данных лексических единиц.

Уместно подчеркнуть, что обозначенная нами исследовательская проблема соотносится с антропоцентрической парадигмой, «учитывающей онтологическое бытие ономастических систем, которое неизбежно смыкается с их ментальным существованием» [15. С. 4] и активной лингвокреативной деятельностью языковой личности. Этим объясняется применение нами комплексной методики, включающей процедуры когнитивного анализа, моделирования, структурно-словообразовательного и этимологического анализа. Мы руководствуемся также и культурологическим принципом, важным для определения значимой роли антропонимов и топонимов (как основных компонентов отобранных наименований тканей) в отражении культурных традиций именования, особенностей современной жизни и истории британцев. Исследователями подчеркивается свойство имен собственных, в особенности топонимов, «аккумулировать информацию об окружающей действительности, быте и традициях того или иного этноса, так как они являются историческими свидетелями происходящих в социуме, в той или иной местности, событий» [15. С. 5].

Так как список названий тканей в английском языке велик, то корпус языкового материала был ограничен 65 английскими единицами, образованными на основе ономастических реалий Великобритании и Северной Ирландии. За пределами данного исследования остались не являющиеся отономастическими наименования тканей-апеллятивов, например *gossamer*, *huckaback*, *seersucker* и др., а также оттопонимические наименования тканей небританского происхождения, например *calico*, *boston*. Основными источниками материала для анализа послужил ряд словарей – Англо-русский текстильный словарь [4], лингвострановедческий словарь «Великобритания» [5], словарь английского языка Collins Concise Dictionary [6], словари британских топонимов [7; 51], краткий этимологический словарь английского языка Э. Партриджа [8], словарь английского языка «The American Heritage Dictionary» [9], лингвострановедческий справочник «Будни и отдых британцев» Г.Д. Томахина [10], электронный словарь-переводчик «Reverso Context» [11], а также материалы сайтов британской текстильной компании Brisbane Moss (BM) [12] и северо-ирландской текстильной компании по производству тканей Ulster Weavers [13]. Наряду с этими источниками ценным исследовательским ориентиром стала для нас работа А.В. Кувшиновой [14] по терминологической лексикографии в текстильной области знания.

Отметим, что в настоящей статье наименования британских тканей впервые рассматриваются как отдельный объект лингвокультурологического анализа, хотя целый ряд опубликованных ранее лингвистических трудов был посвящен некоторым проблемам смежного направления: способам образования [16] лексики одежды в русском и английском языках (С.П. Озер), сопоставительной характеристике [17] процессов деонимизации в русском и английском языках (Р.З. Ханичев), структурно-семантическому анализу [18] текстильных терминов в таджикском и английском языках (М.А. Солиева), когнитивным основам имен собственных [19] в функции нарицательных имен в английском языке (Е.О. Паршина) и др.

Многоаспектность исследований наименований тканей проявляется и в разных подходах к их категоризации. Так, О.Н. Гауч относит их к элементам лексической группы предметно-бытовой лексики [22. С. 195], Е.В. Кравченко причисляет ткани к артефактам – объектам материального мира [23. С. 152], а Г.Г. Бондарчук рассматривает эти лексические единицы как категориальные признаки суперконцепта «одежда» [24. С. 24].

Сравнительный анализ лингвистических и ономастических исследований позволяет выявить терминологическую вариативность в определении наименований тканей и проблему статуса отономастических номинаций. Например, такие единицы характеризуются М.Е. Новичихиной как коммерческие номинации [20], упоминаются А.А. Исаковой как прагмонимы [21]. Однако коммерческие номинации и прагмонимы, как правило, относят к типам имен собственных, тогда как статус большинства рассматриваемых нами единиц иной – они относятся к классу апеллятивов, т.е. являются, по сути, нарицательными именами.

Сам процесс перехода имен собственных в имена нарицательные признается учеными дискуссионным [25. С. 210], о чем убедительно свидетельствует применение различных терминов для обозначения этого явления, например: семантическое словообразование, лексико-семантическое словообразование, деонимизация, деонимическая деривация, ономизация, апеллятивация, конверсия в широком смысле этого слова, отономастическая деривация. Как следствие, отономастические лексические единицы также называются по-разному: перенесенными именами, апеллятивами, деонимами, деонимическими дериватами, именами-символами и др. Оптимальным для целей нашего исследования мы считаем термин *деоним* в силу его краткости и эксплицитной связи с именем собственным – онимом. Иногда этот термин используют только при переходе онимов в апеллятивы без аффиксации [3. С. 54], однако Т.Н. Атарщикова в своей диссертации приходит к выводам о целесообразности более широкого использования термина *деоним* для всех слов отономастического происхождения [26. С. 6]. Вслед за Т.Н. Атарщиковой и И.А. Карповой [38] в данной статье мы пользуемся термином *деоним* для обозначения всех отономастических лексических единиц, как субстантивных, так и адъективных, вне зависимости от способа их образования.

Проблема категориального статуса деонимов тесно связана с подвижностью границы между именами нарицательными и собственными, что обусловливает активный процесс перехода онимов, прежде всего антропонимов и топонимов, в нарицательные имена: «между собственными и нарицательными именами в жизни языка все время происходит обмен: нарицательные переходят в собственные, а собственные переходят в нарицательные» [29. С. 36]. А.В. Суперанская подчеркивает, что апеллятивация позволяет имени собственному переходить в другие лексические подсистемы, например, «термины или номенклатурные обозначения различных областей знаний» [30. С. 42–43]. В.В. Алпатов считает возможность перехода имен собственных в имена нарицательные особенностью современной ономастики и определяет этот процесс как тенденцию «повторного прохождения уже известного материала с помощью новых инструментов, в том числе порожденных новыми техническими возможностями, с углублением в семантику элементов, со смещенным фокусом внимания в сторону человеческого фактора и функциональности» [31. С. 121].

Тем не менее не все исследователи признают апеллятивный статус деонимов. Об актуальности деонимизации и пограничности статуса ее конечного продукта свидетельствует факт признания французскими лингвистами деономастики отраслью исторической лексикологии, объектом изучения которой являются дериваты имен собственных, а также морфологические, лексические и синтактические механизмы деривации. Согласно мнению французских ученых, деономастику необходимо считать наукой на «пересечении ономастики и лексикологии», а деонимы следует отнести к группе лексики, определяемой природой их этимона (имени собственного) [27. С. 85].

Также стоит отметить позицию Р.З. Ханичева, который в своем диссертационном исследовании опирается на концепцию о существовании в английском языке третьей промежуточной (между именами собственными и нарицательными) апеллонимической лексической подсистемы. Речь идет об «особой форме существования имени собственного как пограничной лексической единицы в дихотомии апеллятив-онома» [17. С. 4]. Согласно этой концепции апеллонимы рассматриваются как разряд слов онимического происхождения, не входящих «ни в подсистему нарицательных, ни в подсистему собственных имен, обладающих своими специфическими характеристиками» [Там же. С. 5].

Мы придерживаемся мнения, что рассматриваемые нами названия тканей представлены группой деонимов-текстильных терминов, которые, перейдя в разряд нарицательных имен, либо полностью ассимилировались (например, *jersey, dorset, kersey, tweed*) и в данном случае «связь с исходными онимами не играет функциональной роли при их актуализации и сохраняется только в этимологическом ракурсе» [39. С. 120], либо в большей степени сохраняют формальное сходство с именем собственным и могут вызывать некоторые ассоциации с прецедентным феноменом: например, лексема *Lincoln green / lincoln green*, помимо вариативности написания, отсылает не только к английскому топониму Линкольн, но и к легенде о Робин Гуде, персонажи которой носили одежду из такой ткани. Следовательно, рассматриваемые нами деонимы являются результатом перехода онима в особый подкласс, находящийся на периферии имен нарицательных.

Далее обратимся непосредственно к описанию особенностей онимов, процессу апеллятивации и семантическим механизмам, лежащим в основе деривации имени собственного.

Как известно, основная особенность имени собственного как языкового знака заключается в его индивидуализирующей функции и произвольности. Однако уникальность объекта номинации далеко не все-

гда предполагает единичность использования имени. А.А. Бурыкин называет имена собственные приложениями к наименованию самых разных предметов, в чем убеждает нас на примере города N, имя которого могут носить «река, гостиница, некогда существовавшая в этом городе, бассейн, футбольный клуб, пишущая машинка и многие промышленные изделия, имевшие соответствующую марку. Эти отношения выделяются в отдельную группу как отношения уникального и тиражируемого в массовом масштабе» [28. С. 33]. По мнению автора, данный феномен объясняется прагматикой имени собственного и произвольным характером установления взаимосвязи между новыми и хорошо известными языковыми единицами. Таким образом, диапазон референтной отнесенности имени собственного способен варьироваться.

Функционально-семантическая неоднородность имен собственных, которые можно определить как «виртуальные знаки в системе языка и актуальные знаки в системе речи» [39. С. 115], обусловливает их деление на три группы: полиреферентные, монореферентные и прецедентные собственные имена. Для нашего материала особый интерес представляют два последних типа, так как анализируемые нами наименования образованы главным образом от монореферентных имен собственных – имен и фамилий людей, географических названий стран, городов, деревень, округов, рек, гор и других топонимов, которые «обладают на языковом уровне свойством гиперноминативности» [Там же. С. 117], т.е. вне контекста однозначно ассоциируются с известным онимом и часто становятся прецедентными именами. Исследователи обращают внимание на динамичный характер и максимальную широту содержания понятия таких имен собственных. Их семантика включает различные компоненты энциклопедического значения, которые способны варьироваться «в силу богатых смысловых перспектив», а так как данные имена собственные неотделимы от создавшего их культурно-исторического контекста, их по праву необходимо считать культурными маркерами» [Там же. С. 118].

В зависимости от функционального назначения онимов и сохранения ими своего статуса участие имен собственных в словообразовательных процессах может реализовываться по эндоцентрическому или экзоцентрическому типу. В первом случае новая номинативная единица является результатом трансонимизации, т.е. «сохраняет как статус онима, так и первичную номинативную функцию: индивидуализирующую, дифференцирующую» [40. С. 31–32]; во втором случае происходит процесс апеллятивации, в результате которого новые лексические единицы выступают во вторичной номинативной функции: классифицирующей, характеризующей. Именно по такому принципу, по мнению Л.М. Сапожниковой, проходят номинативные процессы деонимизации, что приводит к потере именами собственными их онимического статуса и создает предпосылки для их перехода в разряд нарицательных имен, которые при этом «являются полем экзоцентрического словообразования на базе собственных имен» [Там же. С. 32].

Рассмотрим факторы, способствующие деонимизации. По мнению В.Д. Беленькой, важным стимулом процесса апеллятивации является мотивировка, обусловленная экстралингвистическими факторами, которые отражают потребность социума в обозначении новых артефактов, явлений и понятий [32. С. 73]. При этом в некоторых вторичных номинациях часто затруднительно выявить мотивы появления у имен собственных классифицирующих значений признаков, свойств предметов и т.п., способствующих их переходу в класс нарицательных имен, по причине снижения уровня мотивированности лексем в результате «ослабления или утраты признаков, переноса их в плоскость не выраженного внешне в знаке и в его компонентах знания свойств обозначаемого явления» [33. С. 12].

Обращаясь к номинационным процессам в русском языке, О.И. Блинова вводит понятие *мотивационная триада*, в основе которой лежат три ведущих компонента. Во-первых, это мотивированность слова, которая подразумевает «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать взаимообусловленность его значения (семемы) и звучания (лексемы) на основе соотносительности с языковой или неязыковой действительностью», с лексическими и структурными мотиваторами, а также метатекстом. На примере деонимов-названий тканей можно отметить, что мотивированность многих из них обусловлена не только метонимической соотнесенностью с объектом / субъектом – носителем имени собственного, но и дополняется структурным мотиватором – вхождением в структурный ряд: *bermuda cloth, jersey cloth, Albert cloth* и т.п. Вторым компонентом являются мотивационно связанные слова, которые в процессе реализации апеллятивной функции образуют устойчивое терминологическое сочетание с участием топонима и имен нарицательных, например, *Bradford luster fabrics – бредфордские глянцевые плательные и подкладочные шерстяные ткани* [16. С. 218]. При отсутствии такого устойчивого сочетания наличие отономастического значения может быть неочевидным. Так, *тонкая рубашечная ткань* – одно из значений лексемы *oxford* – может быть выявлено только при наличии дополнительной контекстуальной информации, например: «<…> *for a whole year he wore a blue oxford shirt with tanned khakis*» [11]. Третий компонент триады называется внутренней формой слова, под которой мы понимаем его морфосемантическую структуру, выражающую взаимообусловленность звучания и значения [34. С. 8]. Среди выделяемых О.И. Блиновой типов внутренней формы слова особо подчеркнем роль двух компонентов – мотивационного значения и лексикализованной формы [Там же. С. 9]. Например, лексема *Brighton* имеет два вида внутренней формы в зависимости от реализуемого значения: 1) *brighton* – имя города на юге Англии – по своей внутренней форме восходит к древнеанглийскому антропониму *Beorhthelm* и апеллятиву *tūn* (*усадьба*). Современный топоним *Brighton*, в свою очередь, становится уже мотивационным значением для образования деонима 2) *brighton* (шерстяная ткань *брайтон* вафельного переплетения), чья внутренняя форма представляет собой пример лексикализации.

Важно отметить полифункциональность внутренней формы слова, которая определяет мотивационное значение слова [35. С. 13–15] и является «одним из существенных компонентов речевой культуры и языковой картины мира» [34. С. 8]. Гносеологическая функция через мотивировочный признак отражает итоги познавательной деятельности человека: например, ткань *petersham* (грубошерстное сукно) раскрывает имя человека, который носил пальто, сшитое из такого материала [5. С. 321]. Дифференцирующая функция обусловливает семантические различия: например, в языковой единице *cheviot costume cloth* (вид шерстяной костюмной ткани) первый элемент номинации ассоциируется с английским низкогорьем Чевиот Хилс в графстве Нортумберленд – родиной знаменитой породы овец. Коммуникативная функция позволяет правильно осмыслять слово, обеспечивает адекватность процесса речемыслительной деятельности [35. С. 16] и реализуется через когнитивную, национально-культурную и прагматическую функции [36. С. 43–44]. Конативная функция облегчает процесс запоминания коммуникантами вторичных номинаций посредством ассоциаций, которые вызваны отономастическими наименованиями.

В случае деонимов особую важность приобретает культурологическая (национально-культурная) функция, которая определяется «способностью хранения и передачи специфичности национального самосознания и традиций носителей данной культуры» [Там же. С. 43–44]. Реализуя эту функцию, языковые единицы передают признаки и понятия, отражающие картину мира, духовную и материальную культуру, как, например, ткань *шотландка – tartan, Scotch check*. При этом соотношение апеллятива-названия ткани в сознании говорящих с реальным и нереальным носителем или местом может не вызывать затруднений у носителей иной культуры (см. пример выше), но во многих других случаях мотивационное значение внутренней формы слова приобретает «специфические фоновые характеристики, которые часто ограничены рамками национальной культуры» [25. С. 214]. Например, значение лексемы *worsted* (грубая шерстяная ткань с характеристиками, отличными от других, в частности, ее основным предназначением является изготовление верхней одежды) может быть известно на международном рынке, но мотивационное значение (*woolen fabric made from twisted yarn, late 13c., from Worstead (Old English Wurðestede), town in Norfolk where the cloth originally was made*), отсылающее к топониму «Уорстед», требует знания культурного фона имени собственного – «широкого и практически неограниченного эмоционально-признакового пространства, которое проявляется у имен собственных в процессе их функционирования за счет накопления различного рода ассоциаций» [37. С. 36].

И.А. Карпова, автор словаря деонимов русского языка, восходящих к британскому экстралингвистическому контексту, также придает первостепенное значение культурному фону и выделяет две важные причины культурологической ценности деонимов в любом языке: «…во-первых, деонимы позволяют проследить реальное воплощение способностей языкового знака с точки зрения приобретения и реализации им своего культурного опыта <…> во-вторых, деонимы являются недостаточно изученным пластом лексики: они выявлены не полностью; часть их не имеет лексикографической фиксации; большое число (из включенных в словари) не характеризуется в них как лексические единицы деонимного статуса, а для многих не определен экстралингвистический контекст – внеязыковое окружение, в котором имя собственное стало нарицательным» [38. С. 58–59]**.** В качестве одного из многочисленных примеров можно привести название меланжевой ткани из шерсти и хлопка ***viyella*** *flannel*, которая исторически являлась одним из популярных продуктов экспорта Великобритании и сейчас остается престижной торговой маркой. Ряд словарей и справочных изданий отмечает, что название происходит от топонима *Via Gellia* [6. P. 1687] – суходола в графстве Дербишир, где производили указанную ткань, тогда как другие лексикографические источники, включая такие специализированные издания, как «Англо-русский текстильный словарь» [4] и лингвострановедческий словарь «Великобритания» [5], данную информацию в дефиниции не предоставляют.

Поскольку в задачи проводимого исследования входит систематизации структурных и когнитивно-семантических особенностей деонимов-наименований британских тканей, то обратимся далее к анализу способов их образования и мотивационных моделей номинации. Предлагаемая нами классификация является многоуровневой в силу того, что мы последовательно брали за основу анализа отобранного нами корпуса языкового материала тот или иной критерий.

I. *По структуре* зафиксированные в словарях отономастические номинации тканей подразделяются на:

– простые (однословные): *oxford, paisley, kersey, tweed, corduroy, jersey* и т.п.;

– составные (многокомпонентные): *glen plaid, donegal tweed, tattersall check, cheviot costume cloth* и т.п.

В качестве второго и / или третьего компонента, как правило, используются гиперонимы (родовые термины) *cloth, fabric* и другие либо гипонимы (видовые термины) *wool, twill, velvet* и т.п. Важно отметить, что граница между простыми и составными названиями тканей весьма условна, так как в разных словарных источниках нередко отмечены два варианта одного и того же названия, например, *manchester* [16. С. 218] / *Manchester velvet* [6. P. 905] – хлопчатобумажный бархат. Степень устойчивости компонентов тоже может быть различна, и в некоторых случаях допускаются варианты одного из них, например, *Bedford cord / twill* [6. P. 127; 7. P. 161] – бедфордский репс.

II. *По способу словообразования* отономастические номинации тканей не отличаются большим разнообразием. В наших примерах экзоцентрический номинативный процесс с участием онимов базируется в основном на таких способах, как:

– семантическая деривация: mackintosh;

– семантическая деривация + словосложение: Lincoln green;

– семантическая деривация + словосложение + аффиксация: linsey-woolsey.

Номинация *linsey-woolsey (сермяга)*, образованная за счет сложения онима *linsey* и апеллятива *wool* в сочетании с суффиксацией (*wool+sey* → суффикс, созвучный ониму), демонстрирует созидательность искусственного пути осуществления словообразовательного процесса и выявляет факт сознательного использования элементов словотворчества и креативности. В исследовании И.Ф. Габдуллиной, посвященном образованию композитов с участием имен собственных, отмечена большая роль активной творческой работы сознания человека [41. С. 16]. Благодаря словотворчеству создается специализированная лексика, например, названия синтетических тканей: *Acetate, Crylor, Nylon, Orlon, Tricel, Tricony* [42. С. 94]. С другой стороны, для образования отономастических номинаций тканей такие словотворческие модели нетипичны, так как процесс апеллятивации совершается, как правило, естественным путем, чаще всего в результате перехода топонима в апеллятив за счет расширения знания о нем, когда «денотат приобретает большую известность в определенном социуме, имя становится типичным и теряет связь с первоначальным названием города, острова, реки» [43. С. 72], например, название популярной ткани *jersey* уже практически не ассоциируется в сознании людей с островом Джерси.

Как показывают многочисленные примеры, приведенные в настоящей статье, отономастические номинации тканей являются результатом семантической деривации, часто дополняемой словосложением, когда переосмысленное имя собственное (первый компонент) образует устойчивый терминологический комплекс с именем нарицательным (вторым компонентом). Е.Г. Басалаева определяет семантическую деривацию как развитие семантики слова на основе «определенной модели с однотипным изменением семной структуры исходного лексического значения и приводящее к формированию нового» [45. С. 10]. В процесс семантической деривации может быть вовлечен целый спектр образных средств: эпитеты, символы, перифразы, однако метафоры и метонимии доминируют как высокоэффективные способы развития лексической многозначности и создания новых значений слов [44. С. 116]. Вторичная номинация как характерное свойство современного состояния языков обусловливает обогащение их словарного состава за счет переноса, сужения или расширения значений слов, в том числе онимов.

Е.О. Паршина рассматривает апеллятивацию в английском языке с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, а точнее, в терминах современных концепций фокусирования, дефокусирования, перспективизации и т.п., относя семантическую деривацию значения онима к важному языковому механизму концептуальной деривации, которая «определяет модификацию концептуального содержания, стоящего за исходным именем собственным, за счет дефокусирования концептуальных характеристик». В результате этого процесса происходит передача неких сведений «о конкретном человеке, месте и перспективизации характеристик, передающих знания о признаках, свойственных целому классу лиц, объектов» [19. С. 5].

С когнитивной точки зрения, семантическая деривация определена как «ментальная операция человеческого сознания», которая проявляется как «комплекс ассоциативных созначений», призванных дифференцировать известные значения и новые значения онимов. Функционально-семантический сдвиг, как основополагающий фактор, преобразует «…сам знак и <…> отражает регулярность / нерегулярность, мотивированность / немотивированность, характерные для внутренней деривации в отличие от внешней и вызывающей необходимость изучать динамику семантических процессов в формате меняющейся картины мира» [46. С. 111; 47. С. 112].

Не менее важно отметить, что главными причинами создания вторичных номинаций являются ограниченные языковые ресурсы, склонность людей к обобщению и систематизации предметов окружающей действительности, изменения в социально-экономической, научно-технической сферах жизни общества [47. С. 112]. Модификация значения, как указывает в своем исследовании О.Б. Пономарева, выступает в качестве «одного из основных способов семантической деривации антропонимов и топонимов и является мощным средством концептуализации и структурирования человеческого мышления» [Там же. С. 114].

Как показал исследуемый материал, когнитивный механизм семантической деривации онимов, входящих в названия тканей, основывается преимущественно на метонимии, т.е. на «переносе названия, который совершается не на основании сходства внешних или внутренних признаков прежней вещи и новой, а на основании смежности, т.е. соприкасания вещей в пространстве или во времени» [29. С. 47].

Целесообразно добавить еще два не менее важных обстоятельства относительно сути метонимического сдвига при образовании номинаций тканей: во-первых, имя исходного значения используется для номинации его семантической трансформации, при которой происходит перераспределение семантических акцентов [49. С. 59]; во-вторых, в отличие от метонимии как экспрессивного стилистического приема в художественном тексте, в текстильной терминологии эмоционально-экспрессивная нагруженность производного от онима названия ткани является нейтральной.

Рассмотрим подробнее возможные метонимические когнитивные модели (МКМ) перехода антропонимов, топонимов и этнонимов в нарицательные существительные, номинирующие ткани.

Е.О. Паршина в своем исследовании когнитивных основ аппелятивации имен собственных описала различные метонимические когнитивные модели, две из которых, на наш взгляд, релевантны для анализа наименований тканей [19. С. 6–8]:

1. Антропонимы:

КМ «Отношение производства»

а) перенос имени изобретателя на созданный им продукт;

б) перенос имени владельца или основателя промышленной или какой-либо другой фирмы на ее изделие.

2. Топонимы:

КМ «Пространственные отношения»

а) место – объект;

в) место – материал.

Однако следует заметить, что эти приведенные Е.О. Паршиной модели не в полной мере отражают разнообразие отношений между исходным и перенесенным значениями, не учитывают возможную условность связей между наименованием и денотатом, не акцентируют культурологическую информацию.

Анализируя функционирование имен собственных в русском языке, Н.Д. Голев предложил типологию мотивационных моделей отономастической деривации, в основе которых лежат различные виды взаимодействия мотивированного слова со значением мотивирующего имени собственного [48. С. 52–59]: сравнительный и обобщающий способы; метонимический способ: определительные (поссессивные, генетические, лимитативные, релятивно-номинативные, коммутационные); обстоятельственные (локальные, временные); объектные с объектными отношениями; транскатегориальный метонимический способ; модификационный способ; условный и символический способы. Являясь более детальной в описании МКМ, данная классификация, тем не менее, не вполне соотносится с исследуемым нами языковым материалом, так как в нее включены дериваты разной степени экспрессивности и образности, во многих случаях сохраняющие категориальный статус имени собственного.

Взяв за основу лишь некоторые из описанных Н.Д. Голевым и Е.О. Паршиной видов взаимодействий и дополнив их выделенными нами типами отношений, мы построили ряд метонимических когнитивных моделей семантической деривации имен собственных, которые лежат в основе номинации тканей в английском языке и отражают различные отношения между семантическими компонентами мотивирующего слова и его деривата. С учетом диапазона исследовательской проблемы, охватывающего культурологический аспект, в классификации также приводятся данные о происхождении каждого наименования тканей.

III. *По когнитивно-семантическим свойствам* отономастические номинации тканей могут подразделяться на группы в зависимости от участвующих в их образовании следующих пяти МКМ с актуализированным мотивирующим признаком:

МКМ 1. *Пространственные отношения «место производства→ ткань».*

Melton – тяжелое сукно с низко остриженным ворсом и матовой отделкой, происходит от Melton Mowbray – города в центральной Англии, известного благодаря ткацкому производству [6. P. 933].

Поскольку мотивирующими словами в этой модели являются топонимы разных видов, то представляется целесообразным подразделить анализируемые деонимы на семантические подтипы в зависимости от номенклатурного разряда мотивирующего имени собственного (о предметно-номинативном характере дифференциации онимов см. в [3, 53]). В нашей работе мотивирующие имена собственные (МИС) представлены инсулонимами (названиями островов), оронимами (названиями гор и долин), хоронимами (названиями областей и районов), астионимами – видами ойконимов (названиями городов), комонимами (названиями деревень, поселков, селений), потамонимами – видами гидронимов (названиями рек):

– Инсулоним → апеллятив

Harris tweed – шотландский твид, харрисский твид, высококачественный твид, который производится вручную жителями шотландских островов Harris, Lewis, Uist и Barra [6. P. 664].

Jersey cloth – полушерстяная саржа по названию острова Джерси, который является владением Британии.

– Ороним → апеллятив

Cheviot costume cloth – шевиот, шерстяная костюмная ткань, по названию английского низкогорья Чевиот Хилс в графстве Нортумберленд – родине знаменитой породы овец [7. P. 295].

Glen plaid – шерстяная ткань в крупную и мелкую клетку [16. С. 205] по названию долины Гленнгарри в Шотландии.

– Хороним → апеллятив

Lancasire flannel – ланкаширская фланель; происхождение – по названию административного округа в Англии.

Dorset – грубая хлопчатобумажная ткань «дорсет»; происхождение – по названию округа в юго-западной части Англии [4. С. 144].

– Астионим → апеллятив

Bedford cord/twill – бедфордский репс; ткань с продольным рубчиком; бедфордский корд; происхождение – по названию города Бедфорд, расположенного в центральной Англии на реке Уз [6. P. 127; 7. P. 161].

Brighton – шерстяная ткань «брайтон» вафельного переплетения; происхождение – по названию города на юге Англии [4. С. 63].

Bradford luster fabrics – глянцевые плательные и подкладочные ткани; происхождение – по названию английского города Брэдфорд [16. С. 218].

Lincoln green – сукно «линкольн» (ярко-зеленое); происхождение – по названию города в графстве Линкольншир в Англии [6. P. 860; 10. P. 15].

Donegal tweed – донегальский твид; происхождение – по названию города Донегал в Северной Ирландии.

Manchester velvet – бархат с хлопчатобумажной изнанкой; происхождение – по названию города в Англии [6. P. 905].

Paisley – ткань с набивными рисунками *пейсли*, имитирующими узоры кашемировых шалей; происхождение – по названию города на юго-западе Шотландии, являющегося крупнейшим в мире центром по производству льняных тканей и маркизета [Ibid. P. 1077].

Penistone – грубая ворсистая шерстяная ткань типа бобрика; происхождение – по названию города Пенистон в английском графстве Саут-Йоркшир, расположенном на реке Дерн в 19 километрах от Шеффилда,

крупнейшего города на севере в Саут-Йоркшире [7. P. 830; 51. P. 362].

Wigan – суровое грубое полотно; происхождение – по названию английского города Уиган в графстве Большой Манчестер.

Worsted – камвольная ткань, гарус [6. P. 1745]; происхождение – по названию населенного пункта Уорстед в графстве Норфолк в Англии.

– Комоним → апеллятив

Kersey – грубая шерстяная материя; грубое домотканое сукно; грубая шерстяная ткань в рубчик; толстая парусина; кирза; грубое домотканое сукно; тяжелое сукно с густым коротким ворсом; техническая ткань; тяжелое сукно с густым коротким ворсом – для шинелей и мужских пальто; названа по имени деревни Керси, расположенной в церемониальном графстве Суффолк на востоке Англии [Ibid. P. 804].

Bannockburn tweed – суконная шевиотовая ткань «баннокборн» (из крученой пряжи); суконная ткань из шевиотовой шерсти (вырабатывается из пряжи, крученной в два сложения разного цвета); происхождение – по названию деревни в Центральной Шотландии (Ibid. P. 112).

– Потамоним → апеллятив

Tamise cloth – батист, по названию реки Темза в Лондоне [16. С. 206].

Tweed – пестротканая шерстяная ткань *твид* стержневого переплетения; происхождение – по названию реки Твид в Шотландии [6. P. 1628] (хотя, по одной из версий, изначально ткань называлась twill, но ее ошибочно связали с названием реки и закрепили в таком написании).

МКМ 2. ***Субъектные генетические отношения «владелец производства / создатель → ткань».***

Важно подчеркнуть, что в субъектных отношениях мы рассматриваем номинативную апеллятивацию как «изменение денотативного субкатегориального признака у данного имени, которое становится нарицательным» по схеме: *Денотат 1 (человек, субъект) → Денотат 2 (предмет)* [52. С. 26; 53]. Метонимический перенос в данной модели осуществляется на основе генетических отношений производства при актуализации мотивирующего признака «владелец производства, основатель промышленной или какой-либо другой фирмы, создатель или изобретатель ткани». Мотивирующее имя собственное, переходящее в апеллятив, в данной модели представлено антропонимами, как правило, фамилией:

– Антропоним → апеллятив

Mac(k)intosh – прорезиненная плащевая ткань [6. P. 892]; происхождение – по имени шотландского химика Чарльза Макинтоша (Charles Mackintosh) – изобретателя непромокаемой прорезиненной ткани [Ibid. P. 892].

МКМ 3. ***субъектные посессивные отношения «владелец изделия / популяризатор→ ткань».***

Особенность данной модели, в отличие от МКМ 2, состоит в том, что субъект, к которому отсылает антропоним, не вступает в отношения производства ткани, а согласно указанному выше мотивирующему признаку является либо единственным обладателем одежды из такой ткани, либо вводит на нее моду:

Petersham – пальтовый мужской драп; толстое сукно [5. P. 321; 7. P. 835]; происхождение – по фамилии лорда Питершама (1780–1851), который носил пальто и бриджи из тяжелого драпа темно-синего цвета, сделав такую ткань популярной.

Grenfell cloth – водонепроницаемая ткань; происхождение – по фамилии сэра У.Т. Гренфелла, британского врача и миссионера [16. С. 206], который заказывал для своих путешествий одежду из такой плотной ткани.

Albert cloth / cremona / diagonal / twill – драп / креп / диагональ / саржа «альберт»; происхождение – по имени Альберта Саксен-Кобург-Готского (1819–1861), супруга королевы Великобритании Виктории [6. P. 31; 16. С. 236].

МКМ 4. ***Субъектно-пространственные отношения «владелец места использования / популяризации изделия→ ткань».***

Данная модель предполагает комбинацию отношений и последовательного переноса мотивирующего признака с одного онима на другой, а затем на тип ткани по такой схеме:

– Антропоним → эргоним → апеллятив

Наглядным примером деонима, образованного по такой модели, является следующая языковая единица:

Tattersall cloth / check – ткань в цветную клетку, названная в честь Ричарда Таттерсэлла (1724–1795), основателя ярмарки лошадей в Лондоне (Tattersalls horse market), где для лошадей использовались попоны с таким рисунком [54. С. 204].

МКМ 5. ***Культурно-пространственные отношения «культура/ социум → ткань».***

В основе следующей модели лежит метонимический перенос, сходный с тем, что был представлен в МКМ 1. Тем не менее мы считаем целесообразным выделить отдельную модель в силу нескольких причин.

Во-первых, в качестве мотивирующего слова выступает отономастическое прилагательное – этноним, статус которого среди имен собственных является дискуссионным. Этнонимы соотносятся с обозначениями национальностей, но их принадлежность к именам собственным оспаривается многими исследователями. Например, В.А. Никонов считал, что пока «граница между именем собственным и именем нарицательным не установлена, пусты рассуждения, по какую сторону неизвестной линии находятся этнонимы» [55. С. 6]. Н.В. Подольская относит их к классу номенов – специальной лексике, отличающейся от терминов и имен собственных и сочетающей единичность понятия с множественностью идентичных единиц [3. С. 90, 167–168].

Во-вторых, помимо отношений смежности, выражающих локальность и источник производства, в структуру значения названия ткани, образованной по приведенной ниже схеме, добавляется, на наш взгляд, семантический компонент «символ национальной культуры»:

– *Этноним* → апеллятив

British raised work – британская шерстяная ворсовая ткань [16. С. 207].

Scotch cambric – шотландский плательный батист [8. P. 395].

Scotch gingham – пестротканое рубашечное полотно гринсбон [Ibid. P. 1278].

Scotch stuff / *Scotch check* – ткань «шотландка» [16. С. 229].

В целом все представленные выше метонимические когнитивные модели способствуют реализации культурологической функции проанализированными отономастическими единицами, которые с разной степенью эксплицитности передают знания об истории, духовной и материальной культуре Великобритании.

И наконец, заключительный принцип классификации исследуемого языкового материала, который мы иллюстрируем в нашей статье, построен на степени произвольности использования имени собственного для номинации ткани.

IV. *По степени реальности-условности связей между именем собственным и деонимом* можно выделить:

– мотивированные номинации;

– условно-символические номинации.

Что касается мотивированных номинаций, то все примеры, рассмотренные выше, так или иначе будут относиться к этому типу, поскольку мы могли проследить реальную связь между именем собственным и его перенесенным лексикализованным значением.

Условно-символическая модель отношений онима и деонима применима к тем случаям, когда названия «не связаны узами необходимости со своими денотатами, они лишь намекают на них, и таковой намек составляет основу символичности, которая при ее ослаблении легко преобразуется в чистую условность» [48. С. 59], К данной группе мы причисляем названия отдельных видов тканей, которые производит Brisbane Moss BM [12] – английская текстильная компания, основанная в долине Calder Valley (Западный Йоркшир) в первой половине XIX в., ныне – самый большой центр производства вельвет-корда и молескина в Великобритании. Сюда относятся:

1) хлопчатобумажные ткани *Blake, Shakespeare, Tennyson, Byron, Dreem, Wordsworth, Bronte, Turner, Milton, Rye, Keats, Chaucer*, чьи названия произвольно образованы от имен выдающихся писателей и поэтов;

2) ткани, названные в честь ряда британских топонимов, не соотносимых с их производством ни территориально, ни исторически: *Sherbourne* – стопроцентная шерстяная ткань, названа по имени деревни в Ворвикшир, Англия; *Stowe* – легкая стопроцентная шерстяная ткань, носящая имя распространенного в Англии топонима; *Althorp* – фланелевое сукно из стопроцентной шерсти, названное в честь фамильного поместья графского рода Спенсеров в Нортгемптоншире, Англия.

Условно-символическими можно также считать названия тканей текстильной компании Ulster Weavers [13], расположенной в Северной Ирландии. Функция данных названий – отразить и символизировать специфику не столько своего отдельного региона, сколько всей Ирландии:

Armagh – легкая ткань, носит имя графства / города в Северной Ирландии.

Cashel – высококачественная мерсеризованная костюмная ткань, носит имя деревни в графстве Голуэй в североирландской провинции Коннахт.

Cloughy – костюмная ткань атласного переплетения, носит имя поселения в графстве Даун в Сев. Ирландии.

Dunluce – полотно высокого качества из пряжи высокого номера, носит имя поселения в округе Колрейн в Северной Ирландии.

Glin – плотная хлопчатобумажная ткань саржевого переплетения в елочку, носит имя деревни в ирландском графстве Лимерик.

Gurteen – ткань для рубашек и пиджаков из меланжевой пряжи, носит имя поселения Гортин ирландского графства Лейтрим.

Lismore – ткань из стопроцентного ирландского льна, название которой имеет шотландское и ирландское (гэльское) происхождение Lios Mór и в переводе означает «большой сад».

Tynan – мебельная тяжелая шевронная ткань, носит имя Tuíneán – небольшого поселения в Ирландии.

Tyrone – ткань многоцелевого назначения из стопроцентного льна, носит имя графства в Ирландии.

В отличие от прошедших процесс апеллятивации отономастических названий тканей с актуализированными мотивирующими признаками, условно-символические номинации, как правило, по своим функциям ближе к именам собственным-прагмонимам, выполняя роль товарных знаков, названий сортов и пр. Процесс их деонимизации на данный момент не отражен в словарных источниках в той же мере, как это наблюдается в случае с анализируемыми нами мотивированными отономастическими дериватами-названиями тканей.

Выводы

Анализ названий тканей, содержащих в своем составе переосмысленные имена собственные, наглядно демонстрирует сложившуюся в английском языке тенденцию к сближению собственных и нарицательных имен в силу подвижности границы между ними и прагматического потенциала онима – имени собственного. Учитывая существующую проблему статуса отономастических единиц и их терминологической вариативности, мы находим оптимальным использование широкого термина «деоним» для фиксирования результата перехода онима в особый подкласс, находящийся на периферии имен нарицательных.

С целью систематизации структурных, когнитивно-семантических и культурно-прагматических особенностей наименований британских тканей, производных от имен собственных, был проведен комплексный анализ а) способов их словообразования, б) когнитивных механизмов семантической деривации, в) структурно-семантического состава и этимологии; предложенная нами многоуровневая классификация также учитывала г) степень произвольности использования имени собственного для номинации ткани.

Анализ показал, что семантическая деривация на основе метонимии является основным способом но-

минации отономастических названий британских тканей и ведет к развитию лексической многозначности изначально монореферентных антропонимов и топонимов. Семантическая деривация может дополняться словосложением, в результате чего переосмысленное имя собственное (первый компонент) образует устойчивый терминологический комплекс с именем нарицательным (вторым компонентом).

Топонимы группы астионимов (названия городов) и отфамильные антропонимы доминируют в процессе образования как простых (однословных), так и составных (многокомпонентных) лексических единиц-наименований тканей.

В ходе когнитивного и лингвокультурологического анализа выявлены пять метонимических когнитивных моделей семантической деривации топонимов, антропонимов и этнонимов в английском языке, отражающих различные виды отношений смежности и актуализированные при деонимизации мотивирующие признаки: 1) пространственные отношения «место производства → ткань»; 2) субъектные генетические отношения «владелец производства / создатель → ткань»; 3) субъектные посессивные отношения «владелец изделия/ популяризатор → ткань»; 4) субъектно-пространственные отношения «владелец места использования/ популяризации изделия → ткань»; 5) культурно-пространственные отношения «культура / социум → ткань».

Анализ степени реальности-условности связей между именем собственным и деонимом позволил подразделить исследуемые деонимы на мотивированные и условно-символические номинации. При этом мотивированные деонимы являются частью словарного состава английского языка и практически утратили образность в отличие от новых названий тканей, созданных локальными современными производителями в качестве товарных знаков. При выборе условно-символических номинаций производители ориентируются не на реальные связи между тканью и онимом, а руководствуются приоритетом региональной идентичности при выборе географических объектов или имен людей в качестве компонентов наименований.

Изучение деонимов, являющихся ярким примером процесса апеллятивации, имеет прикладное и теоретическое значение «для постижения глубин дискурса, понимания некоторых особенностей межкультурного взаимодействия, специфики актуализации культурного опыта языкового знака и его обусловленности как собственно лингвистическим, так и социокультурным контекстом» [38. С. 63]. Диапазон представленных моделей семантической деривации онимов, а также заложенные в знаке этимологические сведения и лингвострановедческая информация способствуют реализации отономастическими единицами широкого спектра функций, но прежде всего культурологической функции, ориентированной на передачу знания об истории, духовной и материальной культуре страны, ее символах и культурных маркерах. Более того, потеря в ходе деонимизации связи с первоначальным названием объекта, безусловно, стимулирует необходимость овладения знанием культурного фона, что особенно важно в процессе изучения английского языка как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штукарева Е.Б. Тематическая группа наименований тканей в современном русском языке : дис. … канд. филол. наук. М. , 2001. 259 с.
2. Ужова О.А. Лингвострановедение, концепция «культурной грамотности» и словарь // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 59–66.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 200 с.
4. Рабинович З.Е. Англо-русский текстильный словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. инж. К.К. Лупандина. М. : Главная редакция иностранных научно-технических словарей физматгиза, 1961. 645 с.
5. Рум А.Р.У., Колесников Л.В., Пасечник Г.А., Петрова А.В., Рогов Е.Ф., Сапрыкин И.А., Славин В.И., Тимофеева Н.А. Великобритания: лингвострановедческий словарь. М. : Русский язык, 1978. 480 с.
6. Collins Concise Dictionary. 5th edition. Glasgow : Harper Collins Publishers, 2001. 1770 p.
7. Mills, A.D. A Dictionary of British Place-Names. Oxford University Press, 2011. 1184 p.
8. Partridge E. Origins – A Short Etymological Dictionary of Modern English. London and New York : Routledge, 2006. 4114 p.
9. Soukhanov A., Ellis K., Severynse M. The American Heritage Dictionary of the English Language, 3d ed. Houghton Mifflin, 1992. 8651 p.
10. Томахин Г.Д. Будни и отдых британцев. Лингвострановедческий справочник. М. : Просвещение, 2002. 125 с.
11. Сайт Reverso Context. URL: https://context.reverso.net/ (дата обращения: 15.11.2018).
12. Сайт кампании Brisbane Moss (BM). URL: http://brisbanemoss.co.uk/ (дата обращения: 08.10.2018).
13. Сайт кампании Ulster Weavers. URL: https://www.ulsterweavers.com/ (дата обращения: 14.10.2018).
14. Кувшинова А.В. Формирование вокабуляра текстильной области знания // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 3–4. С. 325–332.
15. Исакова А.А. Эволюция прагмонимического пространства: структура, семантика, прагматика (на материале современной механонимии) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2008. 47 с.
16. Озер С.П. Структурно-семантическая соотносимость лексики одежды в русском и английском языках : дис. … канд. филол. наук. Душанбе, 2016. 247 с.
17. Ханичев Р.З. Сопоставительная характеристика процессов деонимизации в русском и английском языках : дис. … канд. филол. наук. М. : РГБ, 2003. 177 с.
18. Солиева М.А. Структурно-семантический анализ текстильных терминов в таджикском и английском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук. Душанбе : Рос.-Тадж. (славян.) ун-т, 2014. 23 с.
19. Паршина Е.О. Когнитивные основы имен собственных в функции нарицательных в английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2013. 31 с.
20. Новичихина М.Е. О неоднозначности понятия «коммерческая номинация» // Коммуникация в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» / отв. ред. В.В. Тулупов. Ч. 2. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2018. С. 28–29.
21. Исакова А.А. Специфика переключения языковых кодов при адаптации прагмонимов английского происхождения в русском рекламном тексте : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2005. 25 с.
22. Гауч О.Н. Особенности организации лексических групп предметно-бытовой лексики // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 193–198.

23. Кравченко Е.В. Деонимизация иноязычных имен собственных в английском языке (на материале антропонимов и топонимов : дис. … канд. филол. наук. Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2004. 202 с.
24. Бондарчук Г.Г. Особенности формирования и функционирования предметных имен в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 13 (752). С. 18–25.
25. Бугуева Н.В. Отантропонимическая семантическая деривация (на примере немецкого языка) // Вестник ЧГПУ. 2009. № 6. С. 210–216.
26. Атарщикова Т.Н. Семантика и словообразовательная структура отономастической лексики : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов на / Д., 1985. 17 с.
27. Дюпраз Э., Леруа С. Имя собственное и языковой перенос: апеллятивные производные античных имен собственных в словаре Trésor de la Langue Française // Вопросы ономастики. 2012. № 13. С. 83–95.
28. Бурыкин А.А. Проблемы полисемии и омонимии в ономастике // Ономастика и общество: язык и культура : материалы 1-й Всерос. конф. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 25–35.
29. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М. : Аспект Пресс, 1996. 536 с.
30. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А.П. Непокупный. 2 изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
31. Алпатов В.В. Топонимические исследования в Великобритании (XX–XXI вв.): история, основные направления развития // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14). С. 112–131.
32. Беленькая В.Д. Очерки англоязычной топонимики : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1977. 227 с.
33. Бугуева Н.В. Отантропонимическая деривация в русском и немецком языках (по лексикографическим источникам) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. 22 с.
34. Блинова О.И. Мотивационная триада как комплексная категориальная единица метаязыка и текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 3 (23). С. 5–10.
35. Блинова О.И. Мотивология. Библиографический указатель. 2-е изд., испр. и доп. / сост. О.И. Блинова, А.С. Савенко, А.В. Шевчик; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 146 с.
36. Стадульская Н.А. Товарные знаки в языке и внеязыковой действительности Великобритании и США : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Пятигорск : Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2014. 52 с.
37. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. акад. Ю.С. Степанова. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
38. Карпова И.А. Лексикографическое описание деонимов русского языка, восходящих к британскому эксталингвистическому контексту // Иностранные языки в высшей школе. 2015. № 1 (32). С. 57–64.
39. Сапожникова Л.М. Функционально-семантическая классификация собственных имен // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2015. № 2. С. 115–122.
40. Сапожникова Л.М. Номинативные процессы трансонимизации и деонимизации на базе собственных имен в современном немецком языке // Вестник МГЛУ. 2011. № 19 (625). С. 29–38.
41. Габдуллина И.Ф. Переход имен собственных в имена нарицательные в английском, немецком и татарском языках : автореф. дис. …. канд. филол. наук. Казань : Изд-во Казан. гос. пед. ун-та, 2003. 28 с.
42. Соболева Т.А., Суперанская А.В. Товарные знаки. М. : Наука, 1986. 176 с.
43. Хвесько Т.В. Лингвистические предпосылки формирования апеллятивного и ономастического лексиконов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 70–76.
44. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.; СПб. : ГЛОССА/КАРО, 2004. 336 с.
45. Басалаева Е.Г. Семантическая деривация и особенности текстовой реализации слов латинского происхождения в современном русском языке (на материале газетных публикаций) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2004. 27 с.
46. Пономарева О.Б. Когнитивное моделирование семантической vs концептуальной деривации в субстандартной подсистеме // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VIII междунар. науч. конф. / отв. ред. Л.А. Нефедова. Челябинск : Энциклопедия, 2016. С. 110–115.
47. Пономарева О.Б. Когнитивные и прагмастилистические аспекты семантической деривации : на материале русского и английского языков : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тюмень, 2007. 46 с.
48. Голев Н.Д. Мотивационные типы отономастических образований в художественной литературе и публицистике // Вопросы ономастики. 1991. № 19. С. 51–60.
49. Ольховская А.И. Метафора и метонимия: к вопросу о разграничении способов семантической деривации // Русский язык за рубежом. 2012. № 4. С. 55–61.
50. Тархова А.Б. Способы формальной классификации оттопонимических и отэтнонимических номинативных единиц в английском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73. С. 452–458.
51. Ekwall E. The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names, 4th ed. Oxford; Clarendon Press, 1960. 598 p.
52. Королева И.Н. Апеллятивация имен собственных по характеру изменения денотативного и / или грамматического значения // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 24–27.
53. Ильин Д.Ю. Функционально-семантическая характеристика региональных инсулонимов в синхронно-диахроническом аспекте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2009. № 54. С. 37–40.
54. Flusser A. Clothes and the Man: the Principles of Fine Men's Dress. New York City : Villard Books, 1985. 204 p.
55. Никонов В.А. Этнонимы. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. 269 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 марта 2019 г.

Linguistic and Cultural Elements of English Fabric Names

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 72–83.
DOI: 10.17223/15617793/450/9

Valentina E. Khrabrova, Higher School of Economics – Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: stefankhrabrova@mail.ru

Yulia V. Sergaeva, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sergaeva@gmail.com

Keywords: fabric name; deonym; appellation; proper noun; semantic derivation; metonymic transfer; motivational model; linguistic creative function.

The aim of the article is to explore structural, cognitive, semantic, and cultural characteristics of English fabric names formed by means of deonymic derivation. The material under analysis consists of simple and composite lexical units which are derivatives from proper nouns referring to some onomastic realia in Great Britain and Northern Ireland: e.g. *oxford, paisley, kersey, tweed, corduroy, glen plaid, tattersall check, Albert cloth,* etc. The authors compiled the corpus of deonymic fabric names from general and special-

ised dictionaries, as well as from websites of the UK textile companies. The research was designed as a multi-aspect study with the focus on (a) ways of word formation; (b) cognitive mechanisms and patterns of deonymic derivation; (c) structural-semantic features and etymology; (d) degree of arbitrariness of using proper nouns as fabric names. The authors further used the above-mentioned aspects for devising a multilevel classification of deonymic fabric names presented in the article. The research into meanings, etymology and cultural content of British fabric names showed that last names, as well as names of cities and towns, were among dominating sources of deonymic derivation. Moreover, this semantic derivation is mainly based on metonymy, which leads to polysemy of previously monoreferential anthroponyms and toponyms. An important outcome of the cognitive, linguistic and cultural analysis the authors conducted is that five metonymic cognitive models of deonymic derivation of English toponyms, anthroponyms, and ethnonyms have been suggested. The constructed models reflect various types of contiguity and motivating features underlying the semantic transfer of proper names to appellatives, namely in accordance with (1) spatial relations: place of manufacture → fabric, (2) subjective genitive relations: production owner/creator → fabric, (3) subjective possessive relations: product owner/populariser → fabric, (4) subjective-spatial relations: owner of the place where product is used/popularised → fabric, (5) cultural and spatial relations: culture/society → fabric. The analysis of reality-conventionality of relations between proper names and their derivatives resulted in dividing the researched fabric names into two groups: motivated nominations and relatively conventional symbols. The former have become a part of the general English lexis and lost their expressiveness and imagery. The latter, however, being created by contemporary local manufacturers as trademarks, are expressive and imaginative. When choosing symbolic nominations, producers do not focus on real relations between fabric and onyms, but they are guided by the pragmatic goal of claiming regional identity while selecting geographical objects or people's names as naming components. Deonymic names are of linguistic and cultural value as they illustrate a creative function of language, interdependence of linguistic and sociocultural contexts, enabling communicators to trace, through a language sign, the country's history, its spiritual and material culture.

REFERENCES

1. Shtukareva, E.B. (2001) *Tematicheskaya gruppa naimenovaniy tkaney v sovremennom russkom yazyke* [Thematic group of fabric names in modern Russian]. Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Uzhova, O.A. (2006) Lingvostranovedenie: kontseptsiya kul'turnoy gramotnosti i slovar' [Linquistic and cultural studies: concept of cultural literacy]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.* 1. pp. 59–66.
3. Podol'skaya, N.V. (1978) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terms]. Moscow: Nauka.
4. Rabinovich, Z.E. (1961) Anglo-russkiy tekstil'nyy slovar' [English-Russian textile dictionary]. Moscow: Glavnaya redaktsiya inostrannykh nauchno-tekhnicheskikh slovarey fizmatgiza.
5. Rum, A.R.U. et al. (1978) *Velikobritaniya: lingvostranovedcheskiy slovar'* [Great Britain; linquistic and cultural dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
6. Harper Collins Publishers. (2011) *Collins Concise Dictionary*. 5th edition. Glasgow: Harper Collins Publishers.
7. Mills, A.D. (2011) *A Dictionary of British Place-Names.* Oxford University Press.
8. Partridge, E. (2006) *Origins – A Short Etymological Dictionary of Modern English.* London and New York: Routledge.
9. Soukhanov, A., Ellis K. & Severynse, M. (1992) *The American Heritage Dictionary of the English Language*, 3d ed. Houghton Mifflin.
10. Tomakhin, G.D. (2002) *Budni i otdykh britantsev. Lingvostranovedcheskiy spravochnik* [Weekdays and weekends of the British. Linguistic and cultural guide]. Moscow: Prosveshchenie.
11. *Reverso Context*. [Online] Available from: https://context.reverso.net.
12. *Brisbane Moss (BM)*. [Online] Available from: http://brisbanemoss.co.uk.
13. *Ulster Weavers.* [Online] Available from: https://www.ulsterweavers.com.
14. Kuvshinova, A.V. (2008) Formirovanie vokabulyara tekstil'noy oblasti znaniya [Vocabulary acquisition from the textile domain]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo.* 10 (3–4). pp. 325–332.
15. Isakova, A.A. (2008) *Evolyutsiya pragmonimicheskogo prostranstva: struktura, semantika, pragmatika (na materiale sovremennoy mekhanonimii)* [Evolution of the pragmatic field: structure, semantics, pragmatics: A case study of modern mechanonyms]. Abstract of Doctor of Philology Diss. Krasnodar.
16. Ozer, S.P. (2016) *Strukturno-semanticheskaya sootnosimost' leksiki odezhdy v russkom i angliyskom yazykakh* [Structural and semantic correlation of Russian and English vocabulary of clothes]. Philology Cand. Diss. Dushanbe.
17. Khanichev, R.Z. (2003) *Sopostavitel'naya kharakteristika protsessov deonimizatsii v russkom i angliyskom yazykakh* [Comparative characteristics of deonymation processes in Russian and English]. Philology Cand. Diss. Moscow: RGB.
18. Solieva, M.A. (2014) *Strukturno-semanticheskiy analiz tekstil'nykh terminov v tadzhikskom i angliyskom yazykakh* [Structural and semantic analysis of textile terms in Tadjik and English]. Abstract of Philology Cand. Diss. Dushanbe.
19. Parshina, E.O. (2013) *Kognitivnye osnovy imen sobstvennykh v funktsii naritsatel'nykh v angliyskom yazyke* [Cognitive basics of English proper names as appellatives]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
20. Novichikhina, M.E. (2018) [On ambiguousness of commercial nomination]. *Kommunikatsiya v sovremennom mire* [Communication in the modern world]. Proceedings of the International Conference. Voronezh. (In Russian).
21. Isakova, A.A. (2005) *Spetsifika pereklyucheniya yazykovykh kodov pri adaptatsii pragmonimov angliyskogo proiskhozhdeniya v russkom reklamnom tekste* [Characteristic aspects of linquistic codeswitching in the adaptive process of pragmonyms derived from English and used in Russian advertising text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
22. Gauch, O.N. (2009) Osobennosti organizatsii leksicheskikh grupp predmetno-bytovoy leksiki [Special characteristics of the structure of topical colloquial vocabulary groups]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1. pp. 193–198.
23. Kravchenko, E.V. (2004) *Deonimizatsiya inoyazychnykh imen sobstvennykh v angliyskom yazyke (na materiale antroponimov i toponimov* [Deonomisation of foreign proper names in English (a case study of anthroponyms and toponyms)]. Philology Cand. Diss. Vladivostok.
24. Bondarchuk, G.G. (2016) Osobennosti formirovaniya i funktsionirovaniya predmetnykh imen v angliyskom yazyke [Special characteristics of formation and functioning of presentive names in English]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 13 (752). pp. 18–25.
25. Bugueva, N.V. (2009) Otantroponimicheskaya semanticheskaya derivatsiya (na primere nemetskogo yazyka) [Denominative semantic derivation in German]. *Vestnik ChGPU.* 6. pp. 210–216.
26. Atarshchikova, T.N. (1985) *Semantika i slovoobrazovatel'naya struktura otonomasticheskoy leksiki* [Semantics and wordformation structure of deonyms]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
27. Dupraz, E. & Leroy, S. (2012) Imya sobstvennoe i yazykovoy perenos: apellyativnye proizvodnye antichnykh imen sobstvennykh v slovare Trésor de la Langue Française [Proper name and linguistic transfer: appellative derivates of ancient names in the Tresor de la langue Francaise]. *Voprosy onomastiki*. 13. pp. 83–95.

28. Burykin, A.A. (2010)[Problems of polysemy and homonymy in onomastics]. *Onomastika i obshchestvo: yazyk i kul'tura* [Onomastics and society]. Proceedings of the First All-Russian Conference. Tambov. pp. 25–35. (In Russian).
29. Reformatskiy, A.A. (1996) *Vvedenie v yazykovedenie* [introduction to linguistics]. Moscow: Aspekt Press.
30. Superanskaya, A.V. et al. (2007) *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and methodology of onomastic research]. Moscow: LKI.
31. Alpatov, V.V. (2013) Toponimicheskie issledovaniya v Velikobritanii: istoriya, osnovnye napravleniya razvitiya [Toponymic research in Britain: history, main directions of development]. *Voprosy onomastiki*. 1(14). pp. 112–131.
32. Belen'kaya, V.D. (1977) *Ocherki angloyazychnoy toponimiki* [Outlines of English toponyms]. Moscow: Vysshaya shkola.
33. Bugueva, N.V. (2009) *Otantroponimicheskaya derivatsiya v russkom i nemetskom yazykakh (po leksikograficheskim istochnikam)* [Anthroponymic derivation in Russian and German (by lexicographical sources)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
34. Blinova, O.I. (2013) Motivational triad as a complex categorical unit of metalanguage and text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (23). pp. 5–10. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/23/1
35. Blinova, O.I. (2012) *Motivologiya. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Motivology. Bibliographic guide]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Stadul'skaya, N.A. (2014) *Tovarnye znaki v yazyke i vneyazykovoy deystvitel'nosti Velikobritanii i SShA*. [Trade marks in language and extralinguistic reality]. Abstract of Doctor of Philology Diss. Pyatigorsk.
37. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (2005) *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture. Three linguistic and cross-cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics, sapient theme]. Moscow: Indrik.
38. Karpova, I.A. (2015) Leksikograficheskoe opisanie deonimov russkogo yazyka, voskhodyashchikh k britanskomu ekstalingvisticheskomu kontekstu [A lexicographic description of the Russian deonyms traceable back to the British extra-linguistic context]. *Inostrannye yazyki v vyshey shkole*. 1 (32). pp. 57–64.
39. Sapozhnikova, L.M. (2015) Funktsional'no-semanticheskaya klassifikatsiya sobstvennykh imen [Functional-semantic classification of proper names]. *Vestnik TvGU. Filologiya*. 2. pp.115–122.
40. Sapozhnikova, L.M. (2011) Nominativnye protsessy transonimizatsii i deonimizatsii na baze sobstvennykh imen v sovremennom nemetskom yazyke [Nominative processes of transonymation and deonymisation in terms of proper names in modern German]. *Vestnik MGLU*. 19 (625). pp. 29–38.
41. Gabdullina, I.F. (2003*) Perekhod imen sobstvennykh v imena naritsatel'nye v angliyskom, nemetskom i tatarskom yazykakh* [Transfer of proper names into appellatives in English, German, and Tatar]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
42. Soboleva, T. A., Superanskaya, A. V. (1986) *Tovarnye znaki* [Trademarks]. Moscow: Nauka.
43. Khves'ko, T.V. (2008) Lingvisticheskie predposylki formirovaniya apellyativnogo i onomasticheskogo leksikonov [Linguistic prerequisites of appellative and onomastic vocabulary formation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 70–76.
44. Oshchepkova, V.V. (2004) *Yazyk i kul'tura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoy Zelandii* [Language and culture of Great Britain, the USA, Canada, Australia, New Zealand]. Moscow; St. Petersburg: GLOSSA/KARO.
45. Basalaeva, E.G. (2004) *Semanticheskaya derivatsiya i osobennosti tekstovoy realizatsii slov latinskogo proiskhozhdeniya v sovremennom russkom yazyke (na materiale gazetnykh publikatsiy*) [Semantic derivation and special characteristics of text realisation of words of Latin origin in modern Russian in terms of newspaper articles]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
46. Ponomareva, O.B. (2016) [Semantic vs. conceptual derivation in substandard language subsystem]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh* [Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects]. Proceedings of the 8th International Conference. Chelyabinsk: Entsiklopediya. pp. 110–115. (In Russian).
47. Ponomareva, O.B. (2007) *Kognitivnye i pragmastilisticheskie aspekty semanticheskoy derivatsii: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Cognitive and pragmatic aspects of semantic derivation in Russian and English]. Abstract of Doctor of Philology Diss. Tyumen.
48. Golev, N.D. (1991) Motivatsionnye tipy otonomasticheskikh obrazovaniy v khudozhestvennoy literature i publitsistike [Motivational types of deonyms in literary fiction and journalism]. *Voprosy onomastiki*. 19. pp.51–60.
49. Ol'khovskaya, A.I. (2012) Metafora i metonimiya: k voprosu o razgranichenii sposobov semanticheskoy derivatsii [Metaphor and metonymy: revisiting the distinctions of semantic derivation types]. *Russkiy yazyk za rubezhom.* 4. pp. 55–61.
50. Tarkhova, A.B. (2008) Sposoby formal'noy klassifikatsii ottoponimicheskikh i otetnonimicheskikh nominativnykh edinits v angliyskom yazyke [Methods of formal classification of lexical items derived from toponyms and ethnonyms in English]. *Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena.* 73. pp.452–458.
51. Ekwall, E. (1960) *The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names.* 4th ed. Oxford: Clarendon Press.
52. Koroleva, I.N. (2009) Apellyativatsiya imen sobstvennykh po kharakteru izmeneniya denotativnogo ili i/grammaticheskogo znacheniya [Transfer of proper nouns into appellatives according to the nature of the changes in the denotative and\or grammar meanings]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. 9 (20). 24–27.
53. Il'in, D.Yu. (2009) Funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika regional'nykh insulonimov v sinkhronno-diakhronicheskom aspekte [Functional-semantic characteristics of regional insulonyms in cynchronous and diachronic terms]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*. 54. pp. 37– 40.
54. Flusser, A. (1985) *Clothes and the Man: the Principles of Fine Men's Dress.* New York City: Villard Books.
55. Nikonov, V.A. (1970) *Etnonimy* [Ethnonyms]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.

Received: 03 March 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 84–92. DOI: 10.17223/15617793/450/10

ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.2+316.48

Е.Н. Савельева, В.Е. Буденкова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕРРОРИСТА: СЛУЧАЙ БРЕЙВИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КЕЙС

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00237).

Авторы стремятся разработать теоретико-методологические основания изучения природы экстремизма и терроризма (как наиболее радикального вида экстремистской деятельности), обращаясь к проблеме терроризма, приобретающего все большее распространение в современном мире. Данный феномен раскрывается в контексте особенностей идентичности субъекта терроризма. Выявлена корреляция между внешними факторами, детерминирующими экстремистские наклонности, и особенностями внутренней структуры идентичности агента терроризма.

Ключевые слова: экстремизм; агент терроризма; персональная идентичность; коллективная идентичность; культурная идентичность; самоидентификация.

Терроризм как практика экстремизма

В XXI веке экстремизм и терроризм, подрывающие социально-политическую стабильность любой страны, становятся угрозой номер один. С начала 1980-х гг. число исследований терроризма неуклонно возрастало, и к настоящему времени эта проблематика стала одной из самых актуальных и широко обсуждаемых в научном и политико-правовом дискурсах. Разнообразие видов терроризма (политический, международный, ядерный, биологический, информационный, экологический и др.) указывает на то, что он может затрагивать самые разные аспекты жизнедеятельности социума. Вместе с тем исследование природы данного феномена, разработка теоретико-методологических принципов и понятийного аппарата для его изучения по сей день остаются ключевыми задачами социально-гуманитарных наук. Междисциплинарные исследования в указанном проблемном поле могут стать основой для разработки средств и методов профилактики и противодействия терроризму.

Трудности концептуализации терроризма и экстремизма начинаются с того, что мировое сообщество пока не выработало единого подхода к их пониманию [1. С. 84]. Оба понятия не имеют устоявшегося определения, поскольку их содержание раскрывается в зависимости от дисциплинарного контекста (юридически-правового, психологического, социологического и т.д.). Однако для большинства исследователей очевидна неразрывная связь между экстремизмом и терроризмом. Акцентируем внимание на этой позиции.

Понятие экстремизм (от лат. extremus – *крайний*) используется для характеристики субъекта (человека, группы), приверженного крайним взглядам и мерам для достижения определенных целей, т.е. настроенного экстремистки.

Пример международно-правового определения экстремизма представляет «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (от 15 июня 2001 г.), подписанная многими странами, в том числе РФ. В рамках Конвенции экстремизм рассматривается как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2]. Свое определение сформулировано Парламентской ассамблеей Совета Европы: «экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [3].

В России, в свою очередь, в ответ на вызовы радикального национализма и экстремизма в 2002 г. принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», в котором приводится перечень действий, относящихся к экстремистской деятельности (экстремизму), в том числе: «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии…» [4].

Таким образом, содержание понятия «экстремизм» определяется через противоправные действия, осуществляемые посредством различных форм и тактик борьбы и насилия. Речь идет о практике экстремистской деятельности (политической, религиозной, этнонациональной и др.), которая в современных условиях беспрецедентно разнообразна. Она может включать планирование и осуществление изменений конститу-

ции; нарушение целостности и подрыв безопасности станы; захват власти и т.п. Причем в качестве крайней формы подобных экстремистских действий – как тактики насилия – выступает именно терроризм. Понятие терроризм (от лат. terror – страх, ужас) подразумевает насилие сильных над слабыми (государства над оппозицией) или насилие и устрашение слабыми сильных (оппозицией государства) [1. С. 88].

Исследователи насчитывают до двухсот толкований терроризма, ни одно из которых не признано классическим. Отсутствует и единое юридическое определение терроризма, столь необходимое для координации действий на международном уровне. В общем плане терроризм рассматривается как тактика политической борьбы, характеризующаяся систематическим применением идеологически мотивированного насилия, выражающегося в убийствах, диверсиях, саботаже, похищениях и других действиях, представляющих угрозу жизни и безопасности людей, либо как «вид борьбы, который в политических целях пытается принудить государственные органы, а также граждан насилием или его угрозой к определенным действиям» [Там же. С. 85].

Юридически-правовые ориентиры в понимании терроризма задает закон «О противодействии терроризму», подписанный Президентом РФ 6 марта 2006 г. Здесь впервые для российской и мировой практики и теории терроризм определён как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [5]. Терроризм рассматривается как насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

При этом исследователи подчеркивают специфический характер насилия, присущий терроризму, что не позволяет его отождествлять с насилием, сопровождающим войны, революции, восстания и т.д. Отличительным признаком террористического насилия является незаконное и / или осуждаемое посягательство на людей, институты либо материальные объекты. В силу этого террористические акты всегда означают вопиющее игнорирование норм права и морали, независимо от того, осуществляются они государственной властью или ее противниками. В качестве второго признака теракта указывается на его прямой умысел (будь то нарушение общественной безопасности, устрашение населения, или осложнение международных отношений и т.д.) [1. С. 43]. Наконец, терроризм, будучи крайне формой проявления экстремизма, отличает «преимущественно конспиративное скрытое (по крайней мере, на подготовительных стадиях этой деятельности) насильственное воздействие на физических лиц, материальные объекты с целью побуждения органов государственной власти, международных организаций (и др.) к принятию решений в интересах террористов» [6. С. 17].

Таким образом, несмотря на согласие относительно ключевых признаков терроризма, научное сообщество недостаточно продвинулось в понимании его природы и социокультурных основ. Разобщенность и абсолютизация представлений в рамках «своего» дисциплинарного поля не способствует выработке общей методологической программы исследования этого феномена. Отсутствие теоретической консолидации не позволяет специалистам дать исчерпывающий ответ на вопросы: «Какие реальные причины лежат в основе современного терроризма?» и, соответственно, «Какие эффективные меры необходимы для обеспечения безопасности человека, общества, нации и земной цивилизации вообще?!» [1. С. 81].

Теоретико-методологические подходы к изучению причин терроризма

Среди точек зрения, объясняющих причины терроризма, одной из наиболее распространенных является позиция, рассматривающая терроризм как ответную реакцию на неблагополучие в экономической, социальной, политической, культурной и других сферах. В числе «показателей неблагополучия» – демографическая ситуация, состояние здоровья, ухудшение условий жизни, недостаточность услуг в области здравоохранения; утраты равенства граждан в получении образовательных услуг; воспроизводство бедности и социального неравенства; рост безработицы, особенности образа жизни и общественного сознания, кризис общекультурных ценностей, норм и традиций и т.п. (см.: [1, 6, 7]). Негативный социокультурный фон и социальные конфликты провоцируют применение насильственных и опасных действий в их разрешении.

Изучением подобных провокативных факторов занимаются представители разных областей знания (политологи, социологи, психологи, культурологи, философы и др.). Принято выделять четыре основных подхода, раскрывающих причины и сущностные основания терроризма [7]. Первая теория акцентирует политическую составляющую терроризма, рассматривая трансформации политической сферы в качестве причины его появления и последующего развития. Вторая теория зиждется на социально-психологических концепциях, объясняющих терроризм с позиции социальной и личностной психологии (Д. Ольшанский, Н. Фридланд, Э. Силке и др.). Третья – теория цивилизационного конфликта – объясняет терроризм, исходя из раскола между Западом и Востоком, христианским и исламским миром (С. Хантингтон, Б. Дженкинс). При этом акцентируются не политическая или экономическая специфика, а проявления культурно-цивилизационного своеобразия. Таким образом, терроризм предстает как общекультурное явление в условиях межцивилизационного противостояния традиционализма и глобализма. В современных условиях терроризм превращается в системное явление, «связанное с особым состоянием (системным кризисом) человеческой цивилизации, формирующей новую ценностную систему координат в условиях дезинте-

грации и напряжения» [1. С. 150]. В этом контексте теория цивилизационного конфликта объясняет позицию субъекта террористической деятельности (представителя международной террористической организации исламского толка), для которого западный мир является порочным, недостойным, «нечистым». Ему противопоставлены иные (свои, традиционные) культурные ценности, не имеющие ничего общего с нормами цивилизованного мира. С позиции же объекта террористического воздействия, террористы являются воплощением контркультурного сообщества.

Наконец, четвертая теория оснований терроризма выстраивается на базе исследований социальных процессов, конфликтная природа которых обусловливается разделением общества на «своих» и «чужих».

Две последние теории, по мнению И.Л. Пашкевича, фокусируют характерные особенности современного терроризма, составляя тем самым теоретическую основу его исследования. Конфликт цивилизаций и деление общества по принципу «свой – чужой» рассматриваются в качестве фундаментальных оснований терроризма.

Итак, в целом осмысление терроризма затрагивает целый комплекс предметных областей. Авторы статьи предлагают свой подход, раскрывающий природу этого феномена в контексте особенностей идентичности субъекта терроризма. Продуктивность и новизна данной оптики связаны с тем, что она позволяет соотнести внешние факторы с внутренними (согласно авторской модели структуры идентичности субъекта) [8] и рассмотреть феномен терроризма в единстве индивидуального и общественного.

Феномен терроризма в контексте проблематики структуры идентичности

Попытаемся раскрыть природу терроризма с учетом следующего понимания структуры идентичности: как формирующейся в коммуникации; имеющей «твердое ядро» в виде персональной идентичности; представляющей собой систему взаимосвязанных типов и уровней (от персонального к коллективному, до культурно-цивилизационного), проявление которых ситуативно и обусловлено коммуникативным контекстом. Метафорой, отражающей подобную структуру, является образ «матрёшки» [8]. В контексте предложенной модели раскрывается ряд особенностей идентичности агента экстремизма и терроризма.

Во-первых, мы утверждаем, что *экстремистская и террористическая деятельность есть специфическая форма коммуникации коллективного уровня, исключающая уровень индивидуальный и детерминирующая идентичность субъекта этой деятельности.* На это указывают следующие моменты. В коммуникативном отношении в любом террористическом действии участвуют три стороны: «адресат», «объект» (в данном случае люди тоже выступают в роли объектов) и «отправитель»[1]. «Адресат» – тот, кому транслируется идеология насилия и предназначена практика воздействия – выступает условной коллективной фигурой (государство, общество, власть и т.д.). К такой же внеличностной фигуре относится и жертва (жертвы) теракта, поскольку является объектом воздействия. «Отправитель сообщения» (субъект теракта) также предстает в качестве деиндивидуализированного субъекта, претендующего на выражение идеологии или общественного мнения, репрезентирующего вымышленные или реальные структуры и сообщества.

Подтверждающие аргументы обнаруживаются в исследованиях, отмечающих *публичную топологию терроризма.* Публичный характер исполнения и преднамеренное создание обстановки страха не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном [9] рассматриваются в качестве основополагающих признаков терроризма. Речь идет о противостоянии не отдельному человеку, а группе, организации, в том числе государству или межгосударственным организациям. В отличие от военных действий, теракт обладает в большей степени символическим значением, несет в себе послание, которое зачастую адресовано не противнику, а широким слоям населения или мировой общественности. Смысл такого послания, как правило, заключается в информировании о ведущейся борьбе и привлечении на свою сторону целевой аудитории [Там же]. При этом объект (жертва) теракта, как отмечают психологи, не фигурирует для террориста в своей индивидуальной ипостаси, к нему нет сострадания. Террорист совершает идейное преступление – имперсональное убийство, – не зная и никак лично не относясь к своей жертве [10. С. 82]. «Получатель» оказывается случайно (или ситуативно) избранной жертвой – символическим объектом, олицетворяющим собой принципиально чужеродного и потому отторгаемого «Другого» [11]. В этом случае не столь важен далеко идущий стратегический расчет той или иной экстремистской группы. Основное значение экстремистских действий заключается в репрезентации «реального» действия, что в действительности объективно служит лишь повышению степени внутригрупповой сплоченности [Там же]. Представитель группировки всегда выступает *от имени многих.* Это подтверждает характеристику субъекта теракта как обезличенной, коллективной фигуры, осуществляющей коммуникацию на коллективном уровне. Исследователи настаивают на обязательном присутствии стоящей за террористом группы или организации. И сетуют, что из-за подобной деиндивидуализации анализ личностных компонентов деятельности террориста крайне затруднителен (см.: [10, 12]).

Но почему субъект теракта к этому предрасположен? Ответом на данный вопрос является наш второй тезис: в структуре идентичности агента экстремизма и терроризма *отсутствует персональная идентичность* – важнейшая часть, отвечающая за целостность идентичности как системы. Неслучайно в психологических, философско-социальных и антропологических исследованиях возникают специальные понятия, обозначающие проблемы самоидентификации (равно, проблемы идентичности). Используются, к примеру, понятия «квазиидентичность», «суррогатная», «негативная идентичность» (Л. Гудков), «неустойчивая идентичность» и «разорванное» самосознание (С. Чудинов) и др. Вместо персональной идентичности в

идентификационной модели экстремиста / террориста доминирует групповая идентичность, складывающаяся на основе *принадлежности*, поскольку тот, кто не способен к различию (основа персональной идентичности), не может осознать и сходства (основание национально-культурной и гражданской идентичности). Отсутствие сформированного ядра – персональной идентичности – «компенсируется» принадлежностью, которая, в отличие от различий и сходства, не требует рефлексии. При этом даже террорист-одиночка выступает «от имени» сообщества, беря на себя «миссию» выражения групповых интересов.

Таким образом, в структуре идентичности террориста (агента террористической деятельности) происходит замещение: функции персональной берут на себя групповые уровни идентичности – микросоциальная и частично мезосоциальная (этнокультурная, религиозная). При этом более высокие уровни коллективной идентичности, например гражданская или культурно-цивилизационная, позволяющие преодолеть «столкновение идентичностей», остаются недостижимыми[2], что объясняет невосприимчивость террориста к многообразию культурных миров, норм и ценностей. Основополагающим механизмом коммуникации в таком случае выступает разведение на Своих и Чужих на основании идентичности, сконструированной идеологической программой (ИГ – запрещена в России; неонацизм и пр.), которая маркирует Своих и выносит за скобки Других. Действительно, психологи указывают на необходимость внешнего врага для террориста, «Я-концепция» которого вместо интеграции «хороших» и «плохих» частей Я, раздроблена на «Я» и «Не Я» [13]. Но поскольку с потенциальным расширением коммуникативного поля число участников и различий между ними растет, увеличивается и часть «других», которые становятся «чужими». Значит, возрастает вероятность непонимания и конфликтов. Для субъекта теракта коммуникация с Другими может осуществляться только в формате «монолога», в одну сторону. Ответ других «участников» его не интересует и не предусматривается. «Такой субъект не может знать множественности жизненных миров и вообще присутствия «Другого» [14].

Возникает вопрос: как при отсутствии персональной идентичности и доминировании групповой возможна самоидентификация? В этом случае *самоидентификация выстраивается на основе принадлежности к группе и отрицания Другого.* Неслучайно психологи утверждают, что «целостность личности террориста подразумевает ее деиндивидуализацию» [10. С. 89]. Весь мир для такой личности замыкается на своей группе, своей организации, на целях своей деятельности. Отрицается все, что неприемлемо для членов такой группы или сообщества. Осуществляется «самоконституция *от противного*», – основание так называемой «негативной идентичности» (Л. Гудков). Данное понятие введено в научный оборот для того, чтобы обозначить «первичную реакцию на «врага» и все, что кажется враждебным и чуждым» [15]. Вместе с тем на индивидуальность человека и свободу его выбора накладываются жесткие ограничения. В одной из памяток боевиков исламской террористической организации «Хамаз» прямо говорится, что вступая в организацию, человек перестает принадлежать себе, своей семье, своим родителям [10. С. 90].

В рамках маргинальной антропологии, изучающей пограничные феномены человеческого бытия, в том числе и феномен экстремизма, негативная идентичность рассматривается как одно из доминирующих личностных, социально-психологических свойств маргинала [16]. «Негативная идентичность как разновидность социальной идентичности характеризует личность и группы по принципу “против кого-то”, “от противного”, эксплуатируя образы враждебности, агрессивности, неприязни, ненависти, противостояния и противодействия» [17]. В субъективной личностной установке такого человека «Я» находит «Других» не просто отличными, но и противопоставленными. Террорист не способен к формированию значащих межперсональных отношений. «Его “внешний мир” характеризуется тремя категориями людей: “идеализированные герои террориста”, “враги террориста” и люди, с которыми он сталкивается в повседневной жизни и воспринимает их как ничего не значащие фигуры» [13]. Сам процесс идентификации приобретает в этом случае специфическую, извращенную форму. Осознание себя, своего «Я», отмечает И. Пашкевич, становится возможным через исключение, отрицание, размежевание со всяким «Другим». Такое причисление одних людей к союзникам, других к врагам обеспечивает *защиту чувства самоидентичности.* По-другому процесс самоидентификации и не может осуществляться, поскольку у деструктивных социальных слов размыта идентичность, они не обладают собственной четкой картиной мира, устоявшимся набором ценностных ориентаций, «у них отсутствует культурное “Я”, а также историческая преемственность, в том числе на уровне памяти поколений» [18. С. 178]. Стремление осуществить свое «Я» становится возможным только благодаря подавлению, нивелированию вплоть до полного уничтожения любого «Другого» или через паразитирование на «Другом» путем навязывания ему собственного «Я» [7]. В любом случае возникает особого рода коллективная – так называемая негативная солидарность, которая основана на вынужденной взаимной поддержке людей с разными интересами и ценностями, различным социальным статусом, объединяемых чувством ненависти к «другим» или страхом за свое существование. Именно коллективная идентичность группы замещает многое из индивидуальной идентичности ее членов, создавая иллюзию неуязвимости (см.: [13, 19]).

С этим связана еще одна важная особенность, подтверждающая отсутствие персональной идентичности террориста, на которую следует обратить внимание. Поскольку отсутствие персональной идентичности «компенсируется» принадлежностью, не требующей рефлексии, постольку и *выбор ценностных систем не является личностным выбором.* «Не цели и идеалы мотивируют людей к вступлению в организацию. Настоящая причина – сильная потребность во включенности, принадлежности группе и усилении чувства самоидентичности» [1. С. 139]. Коллективную же си-

стему взглядов и ценностей поддерживает фигура руководителя террористической организации. Для террориста покинуть организацию – значит разрушить жизненный мир, потерять идентичность, поскольку в отсутствие сформированного механизма самоидентификации принадлежность к группе (как ни парадоксально!) создает условия для проявления индивидуального. Поэтому нападение на группу воспринимается как нападение на себя лично, а любая акция извне значительно увеличивает групповую сплоченность.

Эмоциональный комфорт, который возникает благодаря чувству принадлежности (минуя самоидентификацию на персональном уровне), оказывается важнее рационально обоснованной модели мира. И здесь в силу вступают внерациональные, иррациональные, мифологические объяснительные механизмы, позволяющие оправдать необходимость насилия для преобразования действительности. Экстремизм относится к типу мировоззрения, которое через идеологические методы формирует деструктивное мышление и мотивацию на преступные действия. Главная черта его идеологии, как подчеркивает А.Г. Ипполитова, – мифологизированность [18. С. 179]. Создается, искусственная реальность, доказывающая ценности экстремизма. Без особой рефлексии ее воспримут люди с незрелым самосознанием, с несформированной на уровне ядра ценностной системой. Их выбор будет определяться приматом эмоций над разумом, предвзятостью оценок, инфантильностью и личностной незрелостью, комплексом неполноценности, низкой самоидентификацией, расщеплением личности, потребностью в групповой самоидентификации и т.д. Именно таковы психологические черты и личностные характеристики террористов (см.: [1, 10, 13, 20]). При этом, как показывает практика, образованность, интеллектуальность и психическое здоровье не гарантируют устойчивости к экстремистским идеям. Проблема мотиваций, как мы попытались показать, кроется в самой структуре идентичности. И даже сформулированные террористом-одиночкой политико-идеологические мотивы являются, скорее всего, «формой рационализации скрытых личностных потребностей: стремления к усилению личностной идентификации или групповой принадлежности» [13].

Таким образом, дискуссионные вопросы природы и мотивов субъектов терроризма мы попытались развернуть в плоскости исследования структуры его идентичности. Проиллюстрируем обозначенные выше положения на примере Андреса Брейвика.

Брейвик – «образцовый террорист»

Имя Андерса Брейвика получило известность в связи с историей двойного теракта, организованного и совершенного им в Норвегии в июле 2011 г. (погибли 77 человек, 150 получили ранения). Объектом теракта Брейвика явилась коллективная фигура, тот самый символический объект отторгаемого Другого. Что на это указывает? Первая акция была проведена в правительственном квартале г. Осло. В результате взрыва припаркованного микроавтобуса 8 человек погибли, десятки получили ранения. Информационные источники отмечают, что, по признанию Брейвика, первоначально планировалось взорвать королевский дворец – из-за его символического значения, а также здание Норвежской рабочей партии – из-за причастности ее членов к созданию мультикультурного общества. Вслед за этим Брейвик отправляется на о. Утойя, где проходит традиционный слет молодежи, принадлежащей к социалистической Норвежской рабочей партии. Массмедиа подчеркивают, что были «убиты дети и подростки функционеров правящей либеральной партии (Норвежская рабочая партия») [21]. Все жертвы теракта являлись для Брейвика символическими фигурами, неким коллективным субъектом, представляющим организацию, с политикой которой он был не согласен. Отсюда хладнокровная размеренность действий террориста, расстреливающего детей, спокойно глядя им в лицо и слушая музыку в наушниках [22]. В эту же логику коммуникации коллективного уровня (исключающей уровень индивидуальный) вписывается адресат данного теракта, а именно: правящая партия и сторонники ее политики. Так, по заявлению Брейвика, теракт был вынужденной мерой, направленной на спасение Норвегии «от либеральных политиков, которые проповедуют мультикультурализм и привели Европу к засилью мусульман» [23].

Далее, коммуникацию коллективного уровня – в случае Брейвика как «отправителя сообщения» от имени многих – подтверждает анализ информационных материалов, освещающих эти события. Заметим, что, несмотря на отсутствие сообщников (что в некоторых источниках подвергается сомнению) и организованной террористической группы, действия Брейвика не определялись сугубо личностными мотивами. Так или иначе, предлагаются разные версии того, кто «стоял за его спиной». Наиболее распространенная позиция опирается на содержание «Декларации независимости Европы – 2083», опубликованной в интернете накануне теракта, в которой Брейвик изложил свои политические взгляды. Поскольку основная часть декларации посвящена проблемам мультикультурализма и исламизации Европы, постольку его экстремистскую деятельность связывают с анонимной частью общества, выступающей против иммигрантов-мусульман. Отмечается, что некоторое время этот «борец с исламской колонизацией Европы» принадлежал к радикально правой Партии прогресса, выступавшей за чистоту нации и против мигрантов (см.: [23, 24]). Показательно утверждение самого Брейвика о друзьях в его социальной сети Facebook: более 600 членов Лиги английской обороны (EDL) – ультраправой организации, объединяющей противников распространения ислама в Британии [25].

По другой версии, незадолго до теракта Брейвик плотно общался со спецслужбами Израиля. Эта информация подается в качестве установленного норвежской полицией факта [26]. Достаточно распространены также рассуждения на тему срежиссированности теракта как «главного приема управления современной демократии» [27]. Весьма активно обсуждается и идея «масонского следа». По данным норвежской и британской прессы Андерс Беринг Брейвик был высокопоставленным членом Масонской ложи Святого Олафа.

И, несмотря на то что после теракта он был немедленно исключен из ордена, журналисты отмечают, что, заявляя себя христианским рыцарем – «тамплиером», он готов сразиться за крест, «положив за него сколько угодно жизней, в их числе и свою собственную» [28].

Можно продолжить список предлагаемых версий, но не это является нашей задачей. Мы акцентируем внимание на наличии некой «коллективной фигуры» (в силу разноречивой информации – дискуссионной, обсуждаемой, требующей анализа, и возможно, не имеющей реального референта, но «воображаемой»), от имени которой действовал Брейвик. Речь идет о террористе-одиночке, который взял на себя «миссию» выражения групповых интересов некоего «фантомного» сообщества [29. С. 170]. Но не только это указывает на отсутствие сформированного ядра в виде персональной идентичности у террориста. О серьезных проблемах формирования личности Брейвика свидетельствует информация о его детстве.

Сообщается, что Андерс воспитывался в неполной семье: после развода родителей ребенок остался на попечении матери, которая не справлялась со своими обязанностями. Андерс состоял на учете в Государственном центре детской и юношеской психиатрии. Журналисты ссылаются на отчеты психологов, подтверждающие жестокое обращение матери с сыном, описанное, в том числе, в книге «Норвежская трагедия» Ааге Боргревинка [30]. Встречается информация (со ссылкой на шведские источники) о Брейвике как жертве ювенальной юстиции, отправившей ребенка на воспитание в приемные семьи [23]. В этих случаях, полагает доктор медицинских наук, психиатр-эксперт Федор Кондратьев, не систематизированная и противоречивая информация для становления самосознания, самоутверждения попадает через случайные каналы. Отвечая на вопрос о степени серьезности увлечения террористом националистическими идеями, Кондратьев отмечает, что Брейвик не производит впечатления человека с устоявшимся мировоззрением и духовной дисциплиной. «Его увлеченности могут быть искренними, но вряд ли они глубокие и постоянные, поскольку не видны связи с основами личности» [31]. А крайне негативные отзывы Брейвика о собственной семье, обрывочные упоминание о друзьях указывают, в свою очередь, на отсутствие значащих межперсональных отношений.

Итак, функции отсутствующей персональной идентичности в структуре идентификационной «матрешки» Брейвика берет на себя микросоциальная коллективная идентичность, не требующая рефлексии и обеспечивающая самоидентификацию по принципу «принадлежности» к некой группе. Неслучайно многие отмечают, что Брейвику нужны были авторитеты, ему необходимо было самоутверждаться [30]. И как мы показали выше, следы фантомного образа такой группы обнаруживаются как в журналистских версиях, так и в самом манифесте норвежского террориста. В основе Декларации Брейвика («2083 – A European Declaration of Independence») – бессистемная компиляция представлений деятелей разных эпох. Взгляды Канта, Адама Смита, Черчилля, Макса Мануса, Мао Цзэдуна, Макиавелли, Теодора Качинского и других «идеализированных героев террориста» подтасовываются под изобретенную самим Брейвиком теорию неофашистского толка (за что он получает прозвище «фюрер XXI века») [24]. В его идеологической системе задаются параметры для самоидентификации и обозначается круг *Своих* – недовольных политикой мультикультурализма, «исламизацией Европы», политической деятельностью правящей партии Норвегии. Избранническую принадлежность к данному кругу усиливает присвоение сакральных мифологических смыслов его миссии (образ Сигурда, рыцаря-тамплиера и пр.). Это как раз тот случай, когда «мифы носят характер искажения культуры, а «любимые» эпохи и герои наполняются агрессивным содержанием» [18. С. 176]. Механизмы мифотворчества Брейвик использует в духе «классического» национализма, базирующегося на ксенофобии, когда основной целью является ограждение отдельной нации от остального мира. Так, в конце декларации террорист призывает европейцев для спасения расы прибегнуть к изоляционизму, христианским средневековым ценностям и к новому крестовому походу. Заметим, что подобное обращение к архаичным, неадекватным современному обществу слагаемым коллективной идентичности устанавливает демаркацию, не позволяющую выйти на культурно-цивилизационный уровень «матрешки» в коммуникации с Другим. Выбран путь «квазисоциальной» идентификации (Митрошенков О.А.), в основе которой этнические, клановые, конфессиональные, кастовые и другие подобные формы.

И действительно, статус *Чужаков* – «врагов террориста» – распространяется на национальные, религиозные, социально-политические (мезо- и макроуровни) составляющие структуры идентичности субъектов коммуникации. Несмотря на объявленную Брейвиком цель номер один – «культурные марксистские профессора, ведущие телепрограмм культурных марксистских СМИ, лидеры общественных организаций» [32], в круг Других попадают религиозные (мусульмане), политические, мировоззренческие оппоненты. В целом феномен Брейвика эксперты рассматривают как новую тенденцию в терроризме, отражающую симптом кризиса европейской идентичности. Это ответ на европейские принципы толерантности, стирающие границы национальных государств ЕС и идентичность их граждан [33]. В глобализирующемся мире, идентификационные ориентиры которого пребывают в неустойчивом состоянии перманентных преобразований, следует ждать роста агрессии. Именно поэтому необходимы серьезные исследования механизмов формирования целостной структуры идентичности как необходимого условия профилактики экстремизма и терроризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Следует отметить, что объект теракта (насилия) одновременно может выступать адресатом. Это дает основания говорить о «двухуровневой системе объекта террористической деятельности» (Федорцев В.А.). Но авторы статьи считают целесообразным разделить «адресата послания» и объект теракта («получателя»), поскольку коммуникативные цели / задачи агента террористической деятельности по отноше-

нию к ним – разные. В первом случае целью «послания» является принуждение адресата к действиям, во втором – создание атмосферы страха, ужаса, хаоса и формирование «общественного мнения».

[2] Это согласуется с мыслью о том, что терроризм «не имеет гражданства», национальной или культурной принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы социологии терроризма. М., 2008. 351 с.
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: //infopedia.su/16x6ac8.html (дата обращения: 13.06.2019).
3. Резолюция 1344. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе. URL: https://www.coe.int/T/r/ Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp (дата обращения: 01.05.2019).
4. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015). URL: http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/ (дата обращения: 01.05.2019).
5. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 01.05.2019).
6. Методические материалы по профилактике терроризма и экстремизма : учеб.-методич. пособие / ред.: А.Б. Галанов, В.А. Сапожникова, Л.Р. Халикова, Э.А. Ижбулатова, С.С. Лысов, Л.Н. Тимерьянова, Р.Р. Шафигуллина. Уфа : ИРО РБ. 2012. 190 с.
7. Пашкевич И.Л. Теоретико-методологические основания исследования современного терроризма // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 2 (10). С. 205–209.
8. Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44.
9. Федорцев В.А. Негосударственный терроризм как форма политической борьбы: основные признаки и тенденции исторического развития : автореф. дис. … канд. полит. наук. М. : Каф. гос. и муниципальн. упр. фак. гуманит. и социальн. наук Рос. ун-та дружбы народов, 2007.
10. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб. : Питер, 2002. 288 с.
11. Чудинов С.И. Неустойчивая идентичность и ультранационалистический экстремизм в обществе риска. Общество и этнополитика // Материалы Международной научно-практической конференции / ред. Л.В. Савинов. Новосибирск : СибАГС. 2015. Ч. 2. С. 148–154.
12. Arena M.P., Arrigo B.A. The Terrorist Identity: Explaining the Terrorist Threat. New York University Press; New York and London, 2006. P. 311.
13. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 28–32.
14. Кудашов В.И. Терроризм как порождение глобализма // Осмысление глобального мира / ред. Ю.Н. Москвич. Красноярск : Литера-Принт, 2007. С. 167–173.
15. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М. : ВЦИОМ-А; Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
16. Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов : Центр СГСЭУ, 2000. 237 с.
17. Мещерякова Э.И., Бохан Т.Г., Ларионова А.В. Учет эвристик маргинальности в психокоррекционной работе с осужденными за экстремизм: антропологический подход // Сибирский психологический журнал. 2014. № 52. С. 104–113.
18. Ипполитова А.Г. К вопросу об экстремизме как культурно-историческом феномене // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3. С. 175–179.
19. Schwartz S.J., Dunkel C.S., Waterman A.S. Terrorism: An Identity Theory Perspective // Studies in Conflict & Terrorism. 2009. Vol. 32, is. 6. P. 537–559.
20. Смирнов В.М. Индивидуальные и психологические особенности террористов и лиц, предрасположенных к вовлечению в террористическую деятельность // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2017. № 3 (2). С. 28–31.
21. В этот день Брейвик убивал детей. Как это было и как его наказали. URL: https://pantv.livejournal.com/1119674.html (дата обращения: 10.05.2019).
22. Теракты, совершенные в Норвегии Андерсом Брейвиком в 2011 году. URL: http://tass.ru/ info/3475111(дата обращения: 01.05.2019).
23. В кого стрелял Андерс Брейвик? URL: http://islam-today.ru/obsestvo/v_kogo_strelyal_anders_brejvik/) (дата обращения: 14.05.2019).
24. Фролов Ю. Синдром Брейвика // Правда о зомби. Секретные проекты спецслужб. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1022146/25/Frolov_-_Pravda_o_zombi._Sekretnye_proekty_specsluzhb.htm/ (дата обращения: 11.05.2019).
25. Никифоров О. Синдром Брейвика. // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-07-27/2_ breivik.html/(дата обращения: 02.05.2019).
26. Дьяков И. Новое о Брейвике // Под крылом Жириновского. URL: http://indbooks.in/mirror5.ru/?p=298849 (дата обращения: 23.12.2019)
27. Брейвик: сионистская миссия выполнена. URL: http://dazzle.ru/antifascism/iobsmv.shtml (дата обращения: 12.05.2019).
28. Каграманов Ю. Многие в Европе думают сегодня, как Брейвик, но не признают этого на словах. URL: http://www.gazetaprotestant.ru/2013/03/mnogie-v-evrope-dumayut-segodnya-kak-brejvik-no-ne-priznayut-etogo-na-slovax/ (дата обращения: 14.05.2019).
29. Hemmingby C., Bjørgo T. Terrorist Target Selection The Case of Anders Behring Breivik // Perspectives on Terrorism. 2018 Vol. 12, № 6. P. 164–176.
30. Причины почему Брейвик террорист, сионист и масон кроются в его детстве, а также в двойных стандартах в политике и экономике. URL: https://via-midgard.com/news/in_russia/brejvik-nazhivka-na-kryuchke-parazitov-brejvika.htm (дата обращения: 23.05.2019).
31. Феномен Брейвика. URL: https://www.miloserdie.ru/article/fenomen-brejvika/ (дата обращения: 15.05.2019).
32. Бабушкин Е. Быть Брейвиком. URL: https://snob.ru/selected/entry/111254 (дата обращения: 15.05.2019).
33. Коровин В. Брейвик как зеркало европейского кризиса идентичности. URL: http://www.km.ru/spetsproekty/2011/09/02/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-mire/breivik-kak-zerkalo-evropeiskogo-krizisa/) (дата обращения: 20.06.2019).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 1 октября 2019 г.

Terrorist Identification: Breivik's Casus as a Methodological Case

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 84–92.
DOI: 10.17223/15617793/450/10

Elena N. Savelieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: limi77@inbox.ru
Valeriya E. Budenkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: soler@front.ru

Keywords: extremism; terrorism agent; personal identity; collective identity; communication; self-identification.

The article deals with the problem of terrorism as the most radical kind of extremist practice. The aim of the article is to reveal the nature of terrorism in the context of the terrorist activity agent's identity peculiarities. Despite the spread of terrorism in the modern world, a general methodological programme of research of this phenomenon has not yet been formed. Meanwhile, the lack of theoretical consolidation in various areas of humanities does not allow to develop an effective methodology for counterterrorism efforts. The scientific novelty of the authors' approach is that terrorism is considered both in connection with external factors and

with internal components of the identity structure of a terrorist. The methodological foundation of the study is an identity model the authors developed. The empirical basis of the study is materials related to the extremist activity, political views and childhood of Andres Breivik, published in Russian and foreign media. The study is structured as follows: primarily, attention is paid to the difficulties of conceptualisation and the lack of a unified approach to the understanding of terrorism and extremism. The methodological effectiveness of the position, which emphasises the inextricable link between extremism and terrorism, is substantiated. Further, the authors turn to the conceptions, revealing the foundations and causes of terrorism, which allows them to denote their own research strategy. The nature of terrorism is revealed in the context of the following understanding of the identity structure. Firstly, it is formed in the process of communication. Secondly, identity has a "solid core" represented by personal identity. Thirdly, its structure is a system of interrelated types and levels and is similar to a "matryoshka". Within the framework of the proposed model, the authors made the following conclusions regarding the identity of the agent of extremism and terrorism. Extremist and terrorist activity is a specific form of collective communication which excludes the individual level. In addition, in the structure of the terrorists' "matryoshka", there is no crucial part—personal identity—which is responsible for the stability of identity as an integral system. The result of the study is the conclusion that the terrorist's self-identification is built on the basis of belonging to a group and the denial of the Other, and that the value system choice is not a personal choice. Besides, education and mental health do not guarantee opposition to extremist ideas. The problem of motivations, as the authors show, lies in the very structure of identity. The authors' concept is illustrated by the example of Anders Breivik. The analysis of information materials covering the terrorist act he organised, his political views, as well as his childhood, allowed to confirm the identified features that characterise the nature and motives of the agent of terrorism.

REFERENCES

1. Kuznetsov, V.N. et al. (2008) *Osnovy sotsiologii terrorizma* [Basics of the Sociology of Terrorism]. Moscow: Moscow State University.
2. Infopedia.su. (2001) *Shankhayskaya konventsiya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom* [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism]. [Online] Available from: https://infopedia.su/16x6ac8.html. (Accessed: 13.06.2019).
3. Coe.int. (2003) *Rezolyutsiya 1344. Ob ugroze dlya demokratii so storony ekstremistskikh partiy i dvizheniy v Evrope* [Threat Posed to Democracy by Extremist Parties and Movements in Europe. RES 1344]. [Online] Available from: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp. (Accessed: 01.05.2019).
4. Legalacts.ru. (2015) *Federal'nyy zakon "O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti" ot 25.07.2002 № 114-FZ (red. Ot 23.11.2015)* [Federal Law "On Countering Extremist Activities" No. 114-FZ of July 25, 2002 (As Amended on November 23, 2015)]. [Online] Available from: http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/. (Accessed: 01.05.2019).
5. Consultant.ru. (2006) *Federal Law "On Countering Terrorism" No. 35-FZ of March 6, 2006*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_58840/. (Accessed: 01.05.2019). (In Russian).
6. Galanov, A.B. et al. (eds) (2012) *Metodicheskie materialy po profilaktike terrorizma i ekstremizma* [Methodological Materials for the Prevention of Terrorism and Extremism]. Ufa: IRO RB.
7. Pashkevich, I.L. (2009) Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya sovremennogo terrorizma [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of Modern Terrorism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 2 (10). pp. 205–209.
8. Budenkova, V.E. & Savel'eva, E.N. (2016) Identity as a Topic of Theoretical and Methodological Analysis: Models and Approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1 (21). pp. 31–44. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/21/4
9. Fedortsev, V.A. (2007) *Negosudarstvennyy terrorizm kak forma politicheskoy bor'by: osnovnye priznaki i tendentsii istoricheskogo razvitiya* [Non-State Terrorism as a Form of Political Struggle: The Main Signs and Trends of Historical Development]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Moscow.
10. Ol'shanskiy, D.V. (2002) *Psikhologiya terrorizma* [The Psychology of Terrorism]. St. Petersburg: Piter.
11. Chudinov, S.I. (2015) [Unstable Identity and Ultranationalist Extremism in a Risk Society]. *Obshchestvo i etnopolitika* [Society and Ethnopolitics]. Proceedings of the International Conference. Pt. 2. Novosibirsk: Siberian Academy of State Service. pp. 148–154. (In Russian).
12. Arena, M.P. & Arrigo, B.A. (2006) *The Terrorist Identity: Explaining the Terrorist Threat.* New York; London: New York University Press.
13. Enikolopov, S.N. (2006) Terrorism and Aggressive Behavior. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal – National Psychological Journal*. 1 (1). pp. 28–32. (In Russian).
14. Kudashov, V.I. (2007) Terrorizm kak porozhdenie globalizma [Terrorism as a Product of Globalism]. In: Moskvich, Yu.N. (ed.) *Osmyslenie global'nogo mira* [Understanding the Global World]. Krasnoyarsk: Litera-Print. pp. 167–173.
15. Gudkov, L. (2004) *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative Identity. Articles of 1997–2002]. Moscow: VTsIOM-A; Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Gurin, S.P. (2000) *Marginal'naya antropologiya* [Marginal Anthropology]. Saratov: Tsentr SGSEU.
17. Meshcheryakova, E.I., Bokhan, T.G. & Larionova, A.V. (2014) Consideration of Heuristics of Marginality in Psycho-Corrective Work With People Convicted for Extremism: An Anthropological Approach. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 52. pp. 104–113. (In Russian).
18. Ippolitova, A.G. (2015) To the Question of Extremism as Cultural and Historical Phenomena. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 17 (3). pp. 175–179. (In Russian).
19. Schwartz, S.J., Dunkel, C.S. & Waterman, A.S. (2009) Terrorism: An Identity Theory Perspective. *Studies in Conflict & Terrorism*. 32 (6). pp. 537–559.
20. Smirnov, V.M. (2017) Individual'nye i psikhologicheskie osobennosti terroristov i lits, predraspolozhennykh k vovlecheniyu v terroristicheskuyu deyatel'nost' [Individual and Psychological Characteristics of Terrorists and Persons Predisposed to Being Involved in Terrorist Activities]. *Novaya nauka: strategii i vektory razvitiya*. 3 (2). pp. 28–31.
21. Pantv.livejournal.com. (2016) *V etot den' Breyvik ubival detey. Kak eto bylo i kak ego nakazali* [On This Day, Breivik Was Killing Children. How It Was and How He Was Punished]. [Online] Available from: https://pantv.livejournal.com/1119674.html. (Accessed: 10.05.2019).
22. Tass.ru. (2016) *Terakty, sovershennye v Norvegii Andersom Breyvikom v 2011 godu* [Terrorist Attacks Committed by Anders Breivik in Norway in 2011]. [Online] Available from: http://tass.ru/info/3475111(data obrashcheniya: 01.05.2019).
23. Islam-today.ru. (2013) *V kogo strelyal Anders Breyvik?* [Who Was Anders Breivik Shooting at?]. [Online] Available from: http://islam-today.ru/obsestvo/v_kogo_strelyal_anders_brejvik/). (Accessed: 14.05.2019).
24. Frolov, Yu. (2012) *Sindrom Breyvika* [Breivik Syndrome]. [Online] Available from: http://www.e-reading.club/chapter.php/1022146/25/Frolov_-_Pravda_o_zombi._Sekretnye_proekty_specsluzhb.htm/. (Accessed: 11.05.2019).
25. Nikiforov, O. (2011) Sindrom Breyvika [Breivik Syndrome]. *Nezavisimaya gazeta*. [Online] Available from: http://www.ng.ru/politics/2011-07-27/2_ breivik.html/(data obrashcheniya: 02.05.2019).

26. D'yakov, I. (2011) *Novoe o Breyvike* [New About Breivik]. [Online] Available from: http://indbooks.in/mirror5.ru/?p=298849. (Accessed: 23.12.2019)
27. Orlov, I. (2011) *Breyvik: sionistskaya missiya vypolnena* [Breivik: The Zionist Mission Complete]. [Online] Available from: http://dazzle.ru/antifascism/iobsmv.shtml. (Accessed: 12.05.2019).
28. Kagramanov, Yu. (2013) *Mnogie v Evrope dumayut segodnya, kak Breyvik, no ne priznayut etogo na slovakh* [Many People in Europe Think Like Breivik Today, but Do Not Admit It in Words]. [Online] Available from: http://www.gazetaprotestant.ru/2013/03/mnogie-v-evrope-dumayut-segodnya-kak-brejvik-no-ne-priznayut-etogo-na-slovax/. (Accessed: 14.05.2019).
29. Hemmingby, C. & Bjørgo, T. (2018) Terrorist Target Selection The Case of Anders Behring Breivik. *Perspectives on Terrorism*. 12 (6). pp. 164–176.
30. Via-midgard.com. (2012) *Prichiny pochemu Breyvik terrorist, sionist i mason kroyutsya v ego detstve, a takzhe v dvoynykh standartakh v politike i ekonomike* [Reasons Why Breivik Is a Terrorist, Zionist and Freemason Lie in His Childhood, as Well as in Double Standards in Politics and Economics]. [Online] Available from: https://via-midgard.com/news/in_russia/brejvik-nazhivka-na-kryuchke-parazitov-brejvika.htm. (Accessed: 23.05.2019).
31. Zakharchenko, A. (2011) *Fenomen Breyvika* [The Breivik Phenomenon]. [Online] Available from: https://www.miloserdie.ru/article/fenomen-brejvika/. (Accessed: 15.05.2019).
32. Babushkin, E. (2016) *Byt' Breyvikom* [Being a Breivik]. [Online] Available from: https://snob.ru/selected/entry/111254. (Accessed: 15.05.2019).
33. Korovin, V. (2011) *Breyvik kak zerkalo evropeyskogo krizisa identichnosti* [Breivik as a Mirror of the European Identity Crisis]. [Online] Available from: http://www.km.ru/spetsproekty/2011/09/02/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-mire/breivik-kak-zerkalo-evropeiskogo-krizisa/). (Accessed: 20.06.2019).

Received: 01 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 93–97. DOI: 10.17223/15617793/450/11

УДК 130.31

Е.Ю. Сиверцев

ПРЕДСУИЦИДАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматривается предсуицидальное состояние как феномен, провоцируемый в первую очередь не социальными и психологическими причинами, а особенностями человеческого существования. Данное состояние трактуется как искажение понимания человеком своего «я», вызванное изменением отношения к смерти. Делается предположение, что возвращение понимания смерти как последней и самой трагической возможности восстанавливает нормальное понимание «я» и ведет к угасанию аутодеструктивных намерений. Рассматриваются конкретные пути восстановления нормального понимания смерти.

Ключевые слова: суицид; предсуицидальное состояние; смерть; выбор; свобода; возможность.

По данным социологических исследований, суицид в современном мире занимает третье место среди причин смерти (первое место – соматическая болезнь, второе – ДТП). Ежегодно заканчивают жизнь самоубийством 30 000 граждан США, 25 000 граждан Японии, 20 000 французов. В Росси каждый год фиксируется в среднем 60 000 суицидов, кроме того, фиксируется около полумиллиона попыток самоубийства, не закончившихся летальным исходом [1. С. 3]. Данная статистика показывает, что антисуицидалные меры, предпринимаемые обществом и государством, не приводят к ощутимым эффектам. Очевидна необходимость поиска новых путей противостояния суицидальным настроениям.

Как представляется, философское осмысление суицида как комплексного социально-психологического явления до сих пор не сделано. Профессиональные суицидологи (врачи, социологи, психологи) рассматривают факты, приведшие к суициду, и на основании результатов исследований дают рекомендации, направленные на поиск возможности искоренения этих фактов или ослабления последствий их влияния. Философская рефлексия должна осмыслить суицид как поступок, который «неотделим от человека, от субъекта, который его осуществляет» [2. С. 46], а для выполнения такого анализа философия должна осмыслить психическое состояние, приводящее к суициду, как феномен, коренящийся в особенностях человеческого существования, причем таких особенностях, которые являются общими для всех homo sapiens, а кроме того, минимально подвержены влиянию фактов наличного бытия.

Данное исследование следует начать с феномена, получившего в медицинской и психиатрической литературе название «предсуицидальное состояние».

I

Термин «предсуицидальное состояние» имеет самые разнообразные определения. В.С. Ефремов понимает под ним «…внутренние формы… поведения… включающие в себя суицидальные мысли, представления, переживания и суицидальные тенденции» [3. С. 162]. Е. Рингель полагает, что это «психологический симптомокомплекс… В его основе – “ограничение психической жизни” в силу то ли особенностей личности, то ли динамики развития характера, интерперсональных контактов, присущей человеку системы оценок. В связи с этим возникает торможение агрессии вовне, преобладают аутоагрессивные тенденции (в понимании теории фрустрации), появляются желание смерти, фантазирование о смерти» (см.: [4. С. 157]).

Разнообразие определений порождает и разнообразие в понимании основных признаков предсуицидального состояния, а также его временных границ.

Антон Леенарс полагает, что главным признаком предсуицидального состояния является чувство невыносимой психической боли, а также чувство беспомощности перед имеющейся травмой (см.: [5. P. 340]). Аарон Бек добавляет к этому перечню негативную и нереалистичную оценку будущего. Впереди суицидент видит лишь страдание, фрустрацию и депривацию (см.: [6. С. 225]).

В. Махлейдт считает, что предсуицидальное состояние – некое извращенное чувство собственного всемогущества – бунт против ситуации. Субъект наполняется чувством своей способности доказать тяжелой ситуации то, что он владеет ей, а не наоборот [7. С. 230].

Кроме антрополого-психологических концепций, существуют еще и социологические (Э. Дюркгейм, М.Я. Феноменов, А.В. Лихачёв). Авторы, работающие в данной парадигме, полагают, что предсуицидальное поведение вызывается прежде всего внешними, социальными факторами. Внутренние, психологические факторы тоже играют свою роль, но они должны быть задействованы обстановкой, в которой существует индивид Правда, до стройной концепции социологических характеристик детерминант предсуицидального состояния пока не дошло.

Если вести речь о временных рамках предсуицидального состояния, то здесь даже нельзя использовать традиционную фразу «мнения расходятся». Мнений практически нет. Исследователи согласны лишь в очевидном: началом этого периода является момент возникновения суицидальных мыслей, завершением – либо осуществление трагического замысла, либо – отказ от него. Продолжаться такое состояние может от нескольких минут до нескольких месяцев (см.: [8. С. 22–28]).

Названные обстоятельства являются серьезным фактором, затрудняющим как фиксацию психологи-

ческих изменений, в итоге приводящих индивида к суициду, так и поиск способов работы с человеком, совершившим попытку самоубийства (попытку – по счастью – неудачную).

II

Попробуем подойти к определению и характеристике предсуицидального состояния через проблему понимания человеком самого себя, проблему ощущения человеком собственного «я». Почему такой подход кажется перспективным? Начнем с очевидного: всю информацию, приходящую извне, человек пропускает через фильтры собственного «я» – т.е. «я» создает картину сущего, оценивает ее и принимает решение по поводу действия. Также очевидно следующее: понимание собственного «я», понимание себя как «я», отличного от других, даже понимание смысла местоимения «я», – феномен, не выводимый не из чего другого и не к чему другому не сводимый. То есть «я» фундаментально и изначально.

Не менее очевидно, что суицид – это прежде всего уничтожение собственного «я». Уничтожение своего тела является лишь физической операцией, необходимой для уничтожения «я», ну а уничтожение переживания окружающего мира – это неизбежное, но не очень важное следствие уничтожения «Я». Соответственно, понимание истоков возникновения и особенностей проявления предсуицидального состояния следует искать прежде всего в переживаниях «я». У суицида есть, разумеется, и социальные, и психологические, и многие другие причины – это все важно, но вторично.

Для формирования концепции «я» обратимся к экзистенциально-герменевтической традиции.

Для начала определимся с терминами. Используемая нами парадигма предпочитает не употреблять существительные «чувство», «интуиция», «эмоция» и т.д., считая их чересчур сциентизированными. Вместо этого используются слова, окрашенные в онтологические (по мнению авторов) тона. В нашем случае важен термин «фундаментальное настроение». М. Хайдеггер пишет: «То, что мы онтологически помечаем титулом расположение, онтически есть самое знакомое и обыденное настроение, настроенность… присутствие всегда уже как-то настроено…» [9. С. 134].

Используя термин «фундаментальное настроение», попытаемся на первом этапе нашего поиска выяснить, чем конституируется фундаментальное настроение «я».

Фундаментальное настроение «я» прежде всего конституируется фундаментальным настроением выбора. Первым, кто обратил внимание на выбор и кто сделал его инструментом философского анализа, был датский мыслитель С. Кьеркегор. С его точки зрения выбор – феномен, создающий ощущение свободы, а свобода обусловливает переживание собственного «я»: «…величайшее открытие Кьеркегора – человек узнает возможность свободы – причем… как своей фундаментальной сущности» [10. S. 233].

В XX в. тему выбора использует М. Хайдеггер: «Возвращение себя назад из людей, т.е. экзистентное модифицирование человеко-самости в собственное бытие-самостью, должно происходить как наверстание выбора» [9. С. 268]. Но выбор – по Хайдеггеру – не является первичной, фундаментальной основой человеческого бытия. Выбор укоренен в возможности. То есть выбор конституируется переживанием возможностей: «Возможность… есть… исходнейшая и последняя позитивная онтологическая определенность присутствия» [Там же. С. 144]. Бытие в возможностях, переживание возможностей – фундаментальная характеристика человеческого «я».

Именно категорию «возможность» в ее экзистенциалистском понимании мы будем использовать для дальнейшего анализа.

Существование в возможностях – свойство, общее для всех людей. Но набор возможностей в каждом индивиде свой. И он постоянно меняется. Однако есть одна возможность, которая присутствует у всех и всегда (т.е. надличностна и вневременна). Эта возможность – смерть.

III

Говоря о роли смерти в существовании человека, следует отметить, во первых, ее главную функцию, и во вторых – ее аксиологическую локализацию.

Главная функция – создание фундаментального настроения «я». По мнению экзистенциалистов, смерть является последней возможностью, невозможностью всех возможностей, невозможностью, о которую разбиваются все планы и надежды. «Оттолкнувшись» от предстоящей невозможности всех возможностей, человек возвращается к себе, существующему сейчас и здесь, а поняв смерть как ту единственную возможность, которую никому нельзя передать, человек осознает себя не только как существующего сейчас и здесь, но еще и как единственного, единого «я». Таким образом и возникает фундаментальное настроение «я».

Аксиологическую локализацию смерти задает иерархичность человеческого мышления, а также невозможность мыслить актуальную бесконечность.

Иерархичность мышления – свойственное человеку деление всего сущего на последовательно усложняющиеся, совершенствующиеся и – соответственно – подчиняющиеся друг другу уровни. В «Философском словаре» под редакцией И.Т. Фролова иерархия понимается как «тип структурных отношений в сложных многоуровневых системах, характеризуемый упорядоченностью, организованностью взаимодействия между отдельными уровнями по вертикали» [11. С. 201]. Вопрос о том, что первично – объективная иерархия, существующая в мире, или свойство человеческой мысли повсюду видеть разные, подчиненные друг другу уровни, в данном случае не так важен. Большинство авторов, создающих те или иные классификации, используют иерархичность как нечто несомненное и интуитивно очевидное. Речь может идти об иерархии различных уровней материи, иерархии потребностей (см.: [12. С. 56]), классификации формальных языков и формальных грамматик (см.: [13. С. 114]), о социальной стратификации (см.: [14. С. 218–219]), а также об иерархии ценностей (см.: [15. С. 369]).

Обратим внимание на следующее: нет никаких объективных обстоятельств, которые препятствовали бы увеличению количества иерархических уровней. Элементарную частицу можно бесконечно дробить (разумеется, мысленно), над теоретическими законами можно бесконечно надстраивать обобщающие конструкции, вирус можно разобрать на составные части, можно обнаружить более сложную организацию, чем человек, количество метаязыков ничем не ограничено, точно так же нет объективных препятствий для конструирования бесконечности ценностей.

Очевидно, главным обстоятельством, ограничивающим количество уровней, является не объективная конечность уровней реальности, а конечностность (т.е. невозможность конструировать актуальную бесконечность), свойственная человеческому мышлению. Эта конечностность проявляется и в структуре системы ценностей. Ряд, в который выстраиваются ценности, как иерархичен, так и конечен. Если предположить, что ценности составляют два класса – положительные и отрицательные, а каждому из них свойственна своя иерархия, то можно с уверенностью сказать, что смерть будет вершиной иерархии отрицательных ценностей.

Логика здесь такова. Иерархия негативных ценностей существует – существует прежде всего в человеческой мысли. Иерархия не может быть бесконечной – таково свойство человеческой мысли. Завершение данной иерархии – нечто, в высшей степени негативное, в высшей степени нежелательное. В случае человека таковым является смерть.

Аксиологическая локализация смерти – на крайней низкой позиции в иерархии ценностей. То есть смерть – самая нежелательная из всех человеческих возможностей.

В обычном, нормальном человеческом существовании – в нашем контексте под таким существованием подразумевается существование не в предсуицидальном состоянии – настрóенность на смерть безусловно присутствует. Но она сочетается с настрóенностью на очень большое количество иных, нелетальных возможностей. Поэтому смерть, хоть и является в предельной степени нежелательной возможностью, исполняет лишь «служебную» функцию – конституирует фундаментальное настроение «я».

IV

В предсуицидальном состоянии смерть сочетается с настроенностью на очень малое количество альтернативных возможностей (часто кроме смерти видится не больше одной возможности). Такое ограничение круга видимых возможностей обычно в литературе называют «туннельным сознанием». Под ним «понимается… концентрированность человека на какой-либо одной идее, ощущении, воспоминании, мешающая охватывать ситуацию целиком» [16. С. 24].

То есть «туннельное сознание» – временное сужение сознания, узкая и избирательная концентрация на стимулах окружающей среды (см.: [17. С. 70]).

Роль смерти в существовании «я» резко изменяется как в плане функциональном, так и в плане аксиологическом. Из «служебной» невозможности всех возможностей смерть превращается в реальную, осуществимую возможность. Соответственно, она перестает быть последней возможностью, а также перестает быть первой в иерархии нежелательных возможностей. Последней возможностью и невозможностью всех возможностей становится возможность пребывания в том состоянии, в котором индивид находится сейчас. С определенной долей условности можно назвать ее суицидогенной возможностью. Разновидностей таких возможностей много, они достаточно подробно исследованы в литературе. В предсуицидальном состоянии именно суицидогенная возможность начинает определять «я» и получает статус первой в иерархии нежелательных возможностей.

Фундаментальное настроение «я» патологизируется и становится субъективно непереносимым. В этих условиях появляется мысль о восстановлении нормального переживания «я» – мысль об избавлении от самой нежелательной возможности.

Эта мысль восстанавливает смерть как последнюю возможность, однако не возвращает ей статус самой нежелательной возможности. Человек переходит в парадоксальное состояние: он переживает сильнейшее желание убить свое «я», дабы тем самым сохранить свое «я».

Самоубийца восстанавливает душевное равновесие, приняв окончательное решение об уходе из жизни. Это равновесие длится недолго: от принятия рокового решения до окончательного его осуществления.

V

Обратим внимание на два следующих обстоятельства. Одно просто очевидно, другое подтверждается клинической практикой. Очевидное обстоятельство: в жизни очень большого количества людей иногда возникают мысли о самоубийстве. Возникают, достигают той или иной степени остроты, а потом благополучно проходят. Клинической практикой подтверждается следующее. Большинство людей, совершивших серьезную (т.е. не демонстративную) попытку суицида, через некоторое время отказываются от этого плана и начинают вести нормальную жизнь. Соответственно, мы можем предположить: предсуицидальное состояние может привести к исполнению замысла, а может и пройти. При каких обстоятельствах оно проходит?

Предсуицидальное состояние проходит, если смерть опять занимает место последней возможности, предела возможностей и самой ужасной из возможностей. Каким образом смерть может возвратиться на свое «нормальное» место?

Как представляется, данное возвращение – двунаправленный процесс: вытеснения и замещения.

Что вытесняется и каким образом это вытеснение происходит? Вытесняется, конечно же, суицидогенная возможность. Эта возможность, как мы уже заметили, одна, едина, охватывает (в данный момент) все существование человека и не может быть никому передана. Как вытесняется? Вытесняется путем перевода в языковую и логикосоразмерную плоскость. Смысл слова, смысл высказывания, смысл даже длинного текста определяется (в числе прочего) еще и смыслами соседствующих слов, текстов, фраз. Соседствующие смыслы

создаются контекстом, интерпретацией, «предрассудкам» и др. (см.: [18. С. 530]). И если суицидальная возможность переводится в языковую плоскость, то она неизбежно дробится на несколько возможностей. Что, естественно, ведет к утрате ею единственности, единости, всеохватности и непередаваемости. Причина очевидна: если возможность раздробилась на несколько, то какая из них единая, всеохватывающая и непередаваемая? Конкретное осуществление дробления идет путем построения и конкретизации понятий, выражающих данную возможность. Если пользоваться логической терминологией, то здесь осуществляется операция ограничения понятия. Данная процедура – «логическая операция, заключающаяся в том, что для какого-либо понятия находится менее широкое по объему понятие, но которое непременно входит в объем исходного понятия» [19. С. 532]. В практическом плане должно происходить следующее. Понятия, конструирующие суицидальную возможность, обычно имеют весьма большой объем («смысл жизни», «катастрофа», «крушение надежд» и т.п.). Если данные понятия ограничиваются, то они неизбежно распадаются на множество понятий с меньшим объемом. К тому же ограничение имеет следствием увеличение содержания понятия (см.: [20. С. 40]). Таким образом, вместо одной возможности появляются конкурирующие между собой несколько возможностей, каждая из которых – по причине увеличившегося и конкретизированного содержания – требует отдельного осмысления.

Вторая сторона этого процесса – замещение. Напрашивается предположение, что замещающим фактором выступает собственная смерть. Это, в общем, так, но процесс этот не такой прямой. Переходным звеном от упомянутой выше и приводящей к суициду мучительной возможности пребывания в том состоянии, в котором индивид находится сейчас, к возможности смерти является возможность, сочетающая в себе следующие признаки. Первый: она не может быть передана никому другому; второй: она еще более тяжела, чем действующая в данный момент суицидальная возможность; третий: данная возможность не может быть избегнута суицидом. Даже наоборот – она может быть вызвана к жизни суицидом.

VI

Выводы из сказанного могут звучать следующим образом. Фундаментальное настроение «я» возникает при условии наличия фундаментального настроения выбора. Выбор есть прежде всего выбор возможностей. Условием наличия настроения выбора является наличие последней возможности (она же – невозможность всех возможностей) – смерти. В нормальном состоянии нормального человека, не размышляющего о суициде, смерть выполняет две функции. Первая – служебная. Будучи невозможностью всех возможностей, смерть актуализирует переживание «я». Вторая функция – аксиологическая: смерть является высшим и последним элементом в иерархии нежелательных возможностей. В предсуицидальном состоянии эти положения изменяются. Смерть уже не невозможность всех возможностей – это место занимает возможность того негативного состояния, в котором человек пребывает и которое его тяготит. Это состояние изменяет переживание «я», изменяет ориентацию себя в собственном «я», изменяет шкалу ценностей «я». Пределом негативности на шкале ценностей «я» становится то состояние, которое вызывает мысль о суициде.

Предсуицидальное состояние может развиваться в двух направлениях. Первое – трагическое: человек предпримет действие для прерывания своей жизни. Второе направление развития предсуицидального состояния – его постепенное затухание. Происходит затухание в том случае, если та возможность собственного бытия, которая осознается человеком как ликвидируемая только и исключительно суицидом, распадается на несколько возможностей (желательно конкурирующих друг с другом), а также начинает оцениваться как не самая нежелательная среди предстоящих человеку возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смертность российских подростков от самоубийств. М. : Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011. 131 с.
2. Стрельцова В.М. Человеческий поступок как предмет философской онтологии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 46–48.
3. Ефремов В.С. Основы суицидологи. СПб. : Диалект, 2004. 480 с.
4. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов : в 2 т. М. : Феникс, 1996. Т. 2. 448 с.
5. O'Connor R.C., Anton A.L. A thematic comparison of suicide notes drawn from Northern Ireland and the Unidet States // Current Psychology. 2004. Vol. 22. P. 339–347.
6. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб. : Питер, 2002. 542 с.
7. Махлейдт В. Суицидальность // Кискер К.П., Фрайбергер Г. и др. Психиатрия, психосоматика, психотерапия. М. : Алетейя, 1999. С. 226–233.
8. Леенарс А.А., Лестер Д., Лопатин А.А. Анализ предсмертных записок из России и Соединенных Штатов // Социальная и клиническая психиатрия. М. : Изд. Рос. общества психиатров, 2002. Т. 12, вып. 3. С. 22–28.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
10. Weischedel W. Die philosophische Hintertreppe. München, 1991. 302 s.
11. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М. : Республика, 2001. 719 с.
12. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2016. 399 с.
13. Хомский Н. Избранное. М. : Энциклопедия-ру, 2016. 720 с.
14. Сорокин П.А. Система социологии. М. : Астрель, 2008. 1008 с.
15. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. 413 с.
16. Стеценко О.В. Как не пить. Челябинск : Энциклопедия, 2008. 81 с.
17. Пашковский В.Э. Психические расстройства с религиозно-мистическими переживаниями: Краткое руководство для врачей. СПб. : Издательский дом СПбМАПО, 2006. 144 с.
18. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
19. Кондаков Н.И. Логический словарь. М. : Наука, 1971. 656 с.
20. Формальная логика. Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. 357 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 1 октября 2019 г.

A Pre-Suicidal State: Causes and Possible Development Scenarios. A Philosophical Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 93–97.
DOI: 10.17223/15617793/450/11

Evgeniy Yu. Sivertsev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: Emden1914@mail.ru

Keywords: suicide; pre-suicidal state; death; choice; freedom; possibility.

The article is devoted to the analysis of a psychic deviation known as a pre-suicidal state. The perception of this phenomenon in contemporary sources, including philosophical, psychological, and medical ones, has been thoroughly analysed. Two main interpretations of the pre-suicidal state have been identified: sociological and psychological. Notwithstanding all the differences between the two, both interpretations characterise this state through a set of external causes and empirical indicators. One of the reasons of such an interpretation of the term, which implies a certain way of the understanding of the pre-suicidal state itself, is the lack of a thorough philosophical explanation of the state in question. As a result, there is no systematic uniform approach to the characteristics of the pre-suicidal state, which causes problems in identifying its time frames as well as the particular behaviour traits of a person with suicidal tendencies. For solving these problems, it might be instrumental to resort to the techniques existentialist philosophy elaborated in the 19th and 20th cc. These techniques may enable one to reveal the nature of the pre-suicidal state, i.e., to explain why a person should feel a desire to eradicate oneself. The research is based on one of the key points of the existentialist paradigm: the person's understanding of self is shaped by three main factors: freedom, choice, and death. Death is a prerequisite for a person's experience of choice, while choice is a prerequisite for a person's experience of freedom. Therefore, death is the last possibility expected. The pre-suicidal state occurs when death is excluded from the variety of possibilities and is substituted by experiencing certain life circumstances. A person's assessment of death also undergoes a change in the process: instead of the most tragic event possible it becomes the most desirable. Thus, a person's pathologisation takes place as self is now understood not through the expectation of death but through the expectation of some tragic life circumstances. The author draws the following conclusions. The pre-suicidal state is caused not only by the combination of external circumstances and psychic peculiarities of the suicidal person (which are mainly held responsible in contemporary literature), but also by the change in the person's understanding of self. In the pre-suicidal state, one's understanding of self is no longer shaped by the expectation of death as the terminal and most tragic possibility but by the expectation of certain life circumstances which are now seen as the terminal and most tragic ones. Therefore, not only the reassessment of external circumstances is instrumental in overcoming the pre-suicidal state. This reassessment should be complemented by the procedure of restricting the volume of the concepts determining the pre-suicidal state, which results in fragmenting and weakening of the tragic worldview initially caused by external circumstances. Consequently, death is to regain its normal place in the person's understanding of self as the terminal and most tragic possibility.

REFERENCES

1. UNICEF. (2011) *Smertnost' rossiyskikh podrostkov ot samoubiystv* [Adolescent Deaths From Suicide in Russia]. Moscow: UNICEF.
2. Strel'tsova, V.M. (2008) Human Action as a Subject of Philosophical Ontology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 46–48. (In Russian).
3. Efremov, V.S. (2004) Osnovy suitsidologii [Basics of Suicidology]. St. Petersburg: Dialek.
4. Bleykher, V.M. & Kruk, I.V. (1996) *Tolkovyy slovar' psikhiatricheskikh terminov: v 2 t.* [Explanatory Dictionary of Psychiatric Terms: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Feniks.
5. O'Connor, R.C. & Leenaars, A.A. (2004). A thematic comparison of suicide notes drawn from Northern Ireland and the Unidet States. *Current Psychology*. 22. pp. 339–347.
6. Beck, A., Freeman, A. & Denis, D.D. (2002) *Kognitivnaya psikhoterapiya rasstroystv lichnosti* [Cognitive Psychotherapy of Personality Disorders]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
7. Machleidt, W. (1999) Suitsidal'nost' [Suicidality]. In: Kisker, K.P. et al. (eds) *Psikhiatriya, psikhosomatika, psikhoterapiya* [Psychiatry, Psychosomatics, Psychotherapy]. Translated from German. Moscow: Aleteyya. pp. 226–233.
8. Leenars, A.A., Lester, D. & Lopatin, A.A. (2002) Analiz predsmertnykh zapisok iz Rossii i Soedinennykh Shtatov [Analysis of Suicide Notes From Russia and the United States]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya.* 12 (3). pp. 22–28.
9. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.
10. Weischedel, W. (1991) *Die philosophische Hintertreppe*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
11. Frolov, I.T. (ed.) (2001) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Respublika.
12. Maslow, A. (2016) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
13. Chomskiy, N. (2016) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Entsiklopediya-ru.
14. Sorokin, P.A. (2008) *Sistema sotsiologii* [The System of Sociology]. Moscow: Astrel'.
15. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Sciences of Nature and Sciences of Culture]. Translated from German. Moscow: Respublika.
16. Stetsenko, O.V. (2008) *Kak ne pit'* [How Not to Drink]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
17. Pashkovskiy, V.E. (2006) *Psikhicheskie rasstroystva s religiozno-misticheskimi perezhivaniyami: Kratkoe rukovodstvo dlya vrachey* [Mental Disorders With Religious Mystical Experiences: A Quick Guide for Doctors]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom SPbMAPO.
18. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
19. Kondakov, N.I. (1971) *Logicheskiy slovar'* [Logical Dictionary]. Moscow: Nauka.
20. Chupakhin I.Ya., Brodskiy I.N. (eds) (1977) *Formal'naya logika* [Formal Logic]. Leningrad: Leningrad State University.

Received: 01 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 98–101. DOI: 10.17223/15617793/450/12

ИСТОРИЯ

УДК 930.1

Ж.А. Гумерова

ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ МЫСЛИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Г.П. ФЕДОТОВА)

Проанализированы особенности изучения интеллигенции в творчестве Г.П. Федотова. Показываются точки соприкосновения и расхождения в понимании черт интеллигенции с современниками. Выявляется, что исследование специфики интеллигентского сознания подчиняется фундаментальному в наследии мыслителя вопросу, связанному с изучением русского национального сознания. Отдельное внимание уделяется пониманию Г.П. Федотовым того, какую роль в жизни общества должна играть интеллигенция и какие функции выполнять.

Ключевые слова: Г.П. Федотов; интеллигенция; эмиграция; русское национальное сознание; религиозность.

В последние два десятилетия, как и в начале XX в., наблюдается особый интерес к проблеме русской интеллигенции. Столетие назад ее изучение было связано с той ролью, которую она сыграла в революции. Сегодня снова делаются попытки определить ее значение в жизни общества. Довольно часто интерес к какому-либо явлению отмечается на фоне кризиса, им переживаемого. Г.С. Кнабе, выявляя сущностные черты интеллигенции, делает вывод о несовместимости той русской интеллигенции, которую мы знали на протяжении полутора столетий, с цивилизацией постмодерна – она «представляет собой перевернутую страницу истории» [1. С. 50]. Все чаще поднимаются вопросы об исчерпанности ее социальной роли и об окончании ее существования как исторического явления [2]. Осмысление места и роли интеллигенции не обходится без выявления ее черт в историческом контексте. В связи с этим актуальным становится обращение к феномену интеллигенции в русской общественной мысли, представляющей зачастую не только раскрытие ее характеристики, но и акт самопознания. В рамках данной статьи будут проанализированы особенности изучения интеллигенции в русской эмигрантской мысли, прежде всего на примере творчества Г.П. Федотова.

Исследованию особенностей данного социального образования Георгий Петрович посвящает отдельную статью 1927 г. под названием «Трагедия интеллигенции». Он не вступает в полемику с веховцами, сосредоточившими внимание на русской радикальной интеллигенции и критикующими ее духовную узость и скудость идей. [3. С. 80–86]. Федотов охватывает широкие временные рамки и начинает изучение феномена с XI в. – С предпосылок формирования определенного уровня интеллигентской культуры. Здесь проявилась особенность подхода к материалу в историософии мыслителя – использование экскурсов для изображения единства исторического процесса. Данный прием по-разному оценивался его современниками и исследователями. Так, в связи между событиями Киевской Руси и появлением фигуры Чернышевского в XIX в. подмечалось восприятие истории как процесса логического, но не органического с присущей ему спонтанностью [4. С. 25–26]. Либо, напротив, отмечалось преимущество исследования Г.П. Федотова, дающего широкую панораму русской истории и культуры в частности перед веховством, «исторический фундамент которого едва выходил за пределы XIX в. и по существу им ограничивался» [5. С. 33]. Стоит согласиться с утверждением, что «историк культуры довлеет в Федотове над философом» [4. С. 26], что схематизм его мышления (о котором писал он сам – [6. С. 88]), манера изложения – «скорее эстетическая, чем научно-дисциплинарная» [7. С. 233].

Г.П. Федотов отказывается дать определение данному понятию, поскольку оно является историческим – «каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему» [6. С. 67]. Целью он ставит выявление объема понятия «интеллигенция», его исчерпывающих признаков, и использует в качестве источника историю, писавшуюся интеллигентами о себе. Перефразируя словами М.Ю. Лотмана, – «интеллигент есть субъект специфического интеллигентского дискурса; (само)определение интеллигенции осуществляется в рамках этого дискурсивного пространства» [8. С. 123]. Г.П. Федотов уверенно заявляет, что интеллигенция не является профессиональной категорией, что это не «люди умственного труда» [6. С. 67]. Он исходит из социально-этического критерия, берущего начало в подходах у народников П.Л. Лаврова и Н.М. Михайлова, – у людей, объединенных понятием «интеллигенция» есть «идеал, которому они служат и которому стремятся подчинить всю жизнь: идеал достаточно широкий, включающий и личную этику, и общественное поведение» [Там же. С. 69]. Формулируя черты русской интеллигенции, Г.П. Федотов выделяет ее «идейность» и «беспочвенность», признаки, проявляющиеся в разной степени в разное время. Первая черта определяется как этически окрашенный вид рационализма, заменяющий в сознании интеллигенции религию. Мыслитель замечает, что от религии берется догмат, понимаемый рационалистически, и святость – этически. Вторая раскрывается в отрыве от быта, национальной религии, национальной культуры, государства, и в пределе достигает нигилизма. Обе черты интеллигенции подмечаются Н.А. Бердяевым в работе «Русская идея». Это и догматическая направленность принятия идей, приобретающая религиозный характер, и беспочвенность, определяющаяся мыслителем как национально-русская характеристи-

ка – «ошибочно считать национальным лишь верность консервативным почвенным началам… Беспочвенность имеет свою почву» [9. С. 64–66]. Ф.А. Степун, осмысляя взгляды Г.П. Федотова на интеллигенцию, соглашался с первой характеристикой и отмечал сомнительность применения второй. Полемизируя с Федотовым, он обращал внимание на быстрый рост созданной Петром I интеллигенции, такие ее достижения, как влияние своими революционными мыслями на сознание народа, борьба против монархии и Церкви, в целом свидетельствующие о наличии под ней исторической почвы [7]. Здесь стоит заметить, что Федотов, выявляя такую значимую характеристику, как беспочвенность, относил ее не ко всему историческому понятию, но как свойственную конкретным поколениям интеллигенции.

В определенной степени понимание Г.П. Федотовым русской интеллигенции близко точке зрения, которой придерживались Р.В. Иванов-Разумник и М.И. Туган-Барановский. Они полагали, что интеллигенция есть определенная общественная группа, отличительными признаками которой являются внеклассовость, внесословность и преемственность. Данные черты позволяют выделить в качестве главной объединяющей характеристики «идейность», определяющую общественную и политическую позицию. Однако если указанные мыслители девизом интеллигенции видели борьбу за народное освобождение, то Г.П. Федотов ее формирование связывал с нуждами царского правительства – несением в народ готовой западной культуры [10. С. 141]. Тем не менее необходимо учитывать, что Г.П. Федотов основное ее русло вел от Белинского через народников до революционеров XX в. Определяя сознание русской интеллигенции как сознание ордена, «хотя и не знающего внешних форм, но имеющего свой неписаный кодекс – чести, нравственности – свое призвание, свои обеты» [6. С. 68], мыслитель имеет в виду, прежде всего, интеллигенцию XIX в.[1]. Ее же, а именно людей 1840-х гг. и народников, он рассматривает как представляющих крайние вершины русского интеллигентского сознания. «Дальше начинается распад социального типа, идущий по двум линиям: понижения идейности, возрастания почвенности» [Там же. С. 92]. Согласимся с мыслью Ф.А. Степуна, замечавшего, что центральное русло интеллигентского движения, в понимании Г.П. Федотова, составляют вера и борьба [Там же. С. 230].

Выявление сущностных черт интеллигенции приводит к рассмотрению таких распространенных в интеллигентском дискурсе мотивов, как взаимоотношение ее с народом и властью, ее историческая миссия. По первому вопросу Федотов замечает, что интеллигенция «целый век шла с царем против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825–1881) и, наконец, с народом против царя (1905–1917)» [6. С. 81]. Распространенный тезис о внутреннем раздвоении интеллигенции – оторванности от быта и в то же время поклонение народу – применим у Федотова к определенному периоду истории ее существования. Ее назначение видится в культурной миссии и просвещении, в царский период прошедших путь «от Шеллинга и Германии к России и православию» [Там же. С. 85].

Вообще Г.П. Федотов, говоря о русской интеллигенции как единственном и неповторимом явлении отечественной истории, отмечал существование данной группы «как особой культурной категории» [11. С. 139] и в других странах. Он связывал ее возникновение со столкновением двух культур, порождающим соответственно дуализм культуры, и приводил в пример пережившие европеизацию Индию и Китай. Однако Г.П. Федотов обращал внимание на отсутствие у интеллигенции Востока столь острого отступничества (национального самоуничижения, презрения к собственному быту), что являлось следствием развития научной мысли. Данный подход приводил к отрицанию возможности появления подобия русской интеллигенции на Западе.

Представление о том, что интеллигенция не является исключительно русским явлением, сближало Г.П. Федотова с П.М. Милюковым, отмечавшим любопытные аналогии эволюции интеллигентского духа в других странах с нашей историей [12. С. 297]. В целом он выделял те же ее черты – внесословность, оппозиционность, усиленный критический элемент, попытки осчастливить человечество придуманными системами и др. Однако Г.П. Федотов, в отличие от П.М. Милюкова, акцентирует внимание на отрыве русской интеллигенции от быта, народа, что явилось результатом восприятия «европейского разума» страной, лишенной культуры мысли. На Западе, по мысли Г.П. Федотова, не было условий для существования подобной общественной группы. И в этом представлении он расходился с П.М. Милюковым, отмечавшим наличие интеллигенции в европейских странах [Там же. С. 298].

Г.П. Федотов исследует специфику интеллигентского сознания не только в связи с ростом внимания к феномену русской интеллигенции после революции. Его интересовали особенности русского национального сознания, и интеллигентский тип рассматривался мыслителем как одно из звеньев в его эволюции. Федотов отмечает родство интеллигенции с народным сектантством, в котором «живет по преимуществу кенотический и христоцентрический тип русской религиозности» [13. С. 174]. Заметим, что в эти же годы схожую мысль высказывает его друг и коллега Ф.А. Степун: русская интеллигенция «представляет собой кость от кости и плоть от плоти русской духовной жизни» [14. С. 332].

Интеллигенция, по Г.П. Федотову, представляет не только последовательное выражение русского духовного типа, но и составляющую двоецентрия русского менталитета. В изображении коллективной души мыслитель отказывается от единой характеристики духовно-национального типа в пользу полярности двух несводимых типов, между которыми разворачивается постоянная борьба – сотрудничество [15. С. 108–109]. Интеллигентский тип представлен в данной схеме интеллигенцией 30-х гг. XIX в., преданной народу, искусству, идеям, отдающейся всему с жертвенным порывом, в религиозной терминологии представляющей эсхатологический тип христианства – «не имеющий земного града, но взыскующий небесного» [13. С. 173].

И все же особое внимание Г.П. Федотова сосредотачивается на народничестве, поскольку именно в нем он видит родство с типом древнерусской религиозности – «подвижники, юродивые, страстотерпцы обернулись опрощенцами, народниками, мучениками за волю и счастье народа» [16. С. 42]. Корни народничества видятся в выплеске накопившейся за века религиозной энергии, проявлении русской «натуры». По сути, Г.П. Федотов говорит о религиозности народнической интеллигенции, глубоко укоренившейся в ментальных структурах сознания, нашедшей отражение в ее подвиге отречения от земных радостей, терпении, всепрощающей любви к народу. При этом он обращает внимание на то, что на жертвенную смерть народников зовет отнюдь не Христос – «за Лавровым, за Боклем явно стоит образ иного Учителя» [6. С. 89]. Размышления Г.П. Федотова о природе народнической интеллигенции близки современной точке зрения, изложенной Е.С. Элбакян, считающей, что содержание ее сознания составляли «религиозная ментальность и атеистическая идеология, содержащая в себе квази-религиозные черты» [17. С. 29].

Какие функции мыслитель возлагал на интеллигенцию в 1920-е гг.? Отмечая возвращение после революции ее части в Церковь – «интеллигенция влилась в основное русло великой русской культуры, уже начавшей свое оцерковление с конца XIX века» [6. С. 99], Г.П. Федотов отдавал ей основную роль в духовной работе, в формировании религиозного и национального сознания [18. С. 73–74]. Значительное внимание уделял и духовной организации элиты, которая должна, подобно старой интеллигенции, обладать орденским самосознанием – признанием своей миссии и выделенности из толпы для борьбы и страданий. Отличие ее от старой интеллигенции – образец существования: не масонство, а средневековый клир, организовавший свою культуру вокруг всенародной Церкви, а также иная направленность – антикенотическая, требующая уже этики не самоуничижения, но достоинства. С одной стороны, интеллигенция не должна характеризоваться беспочвенностью и оппозиционностью, с другой – она становится духовной аристократией. Для культуры, полагал Федотов, существенна иерархия. Между учителем и учеником должно образовываться напряжение, вызывающее движение культуры. Воссоздание «высшего» слоя предполагалось путем восстановления разрушенной системы гуманитарного образования, которое должно стать школой элиты, формирующей культуру, основанную на исторической традиции [19. С. 274].

Интеллигенция, по мысли Федотова, должна отказаться от политической деятельности, сосредоточившись на культурной работе, которая, в свою очередь, должна быть свободна от государственного вмешательства. В этом случае должно было осуществиться творческое возрождение страны [20. С. 77–78].

Таким образом, Г.П. Федотов давал общий портрет интеллигенции, выявлял особенности ее возникновения и эволюции, ее роль и назначение в обществе. Применительно к XX в. рассматривал интеллигенцию как носителя культурных ценностей. Заметим, что подобным образом идентифицировала себя русская эмиграция – как высококультурный слой, видящий свою миссию в сохранении русской культуры и дальнейшем ее развитии.

В дискуссиях последних десятилетий ставятся похожие вопросы. В частности, может ли интеллигенция выполнять те функции, на которые указывал Г.П. Федотов? Актуализируются они в силу необходимости переосмысления общей характеристики свойств интеллигенции и ее назначения в условиях новой эпохи [21].

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Г.П. Федотов был отнюдь не первый, предложивший подобное сравнение. Интеллигенция была названа орденом П.В. Анненковым и П.Д. Боборыкиным, и эту мысль разделяли Н.А. Бердяев, И.И. Бунаков – Фондаминский, Ф.А. Степун.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кнабе Г.С. Перевернутая страница. М., 2002.
2. Бондаренко В.Г. Крах интеллигенции: Злые заметки Зоила. М., 1995.
3. Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.
4. Гиренок Ф.И. Судьба русской интеллигенции (читая Г.П. Федотова) // Федотов Г.П. О судьбе русской интеллигенции. М., 1991.
5. Маслин М.А., Андреев А.Л. О русской идее // О России и русской философской культуре. М., 1990.
6. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1991. Т. 1.
7. Степун Ф.А. Г.П. Федотов // Новый журнал. 1957. № 49.
8. Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология : материалы междунар. конференции. Неаполь, май 1997. М. : О.Г.И., 1999.
9. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
10. Федотов Г.П. Революция идет // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2.
11. Федотов Г.П. Россия и свобода // Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис, 2004. Т. 9. 384 с.
12. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. М., 1991.
13. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2.
14. Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000.
15. Гумерова Ж.А. «Человеческое измерение» в русской исторической мысли начала XX в. (на примере творчества Г.П. Федотова) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386.
16. Федотов Г.П. О национальном покаянии // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2.
17. Элбакян Е.С. Религиозный феномен в сознании российской интеллигенции XIX – н. XX века : автореф. дис. … д-ра филос. наук. М., 1996.
18. Гумерова Ж.А. Культурно-исторические взгляды Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368.
19. Федотов Г.П. Проблемы будущей России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1992. Т. 1.
20. Гумерова Ж.А. Проблема формирования русского национального сознания в XX в. в интерпретации Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416.
21. Луков В.А. Миссия интеллигенции в современном российском обществе // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». URL: http://www.zpu-journal.ru/gum/society/articles/Lukov_Val/

Статья представлена научной редакцией «История» 29 мая 2019 г.

The Phenomenon of Intelligentsia in the Russian Emigrant Thought (By Example of Georgy Fedotov's Works)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 98–101.
DOI: 10.17223/15617793/450/12

Zhanna A. Gumerova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: janet80@inbox.ru

Keywords: G.P. Fedotov; emigration; intelligentsia; Russian national consciousness; piousness.

The article analyses the features of the study of the intelligentsia in the Russian emigrant thought by example of Georgy Fedotov's works. The relevance of the topic is caused by a special interest in the problem of the Russian intelligentsia. There are many research works devoted to the problem of its social role's exhaustion. The article shows that Fedotov's study of the intelligentsia since the 11th century reflects the peculiarities of the approach to the material: he uses excursuses to depict the unity of the historical process. The thinker regards the concept "intelligentsia" as a historical one. He tries to identify its exhaustive features and uses materials written by intellectuals about themselves. Fedotov proceeds from a socioethical criterion. He formulates the features of the Russian intelligentsia and emphasises its "ideological commitment" and "groundlessness": features that manifest in different extent and time. N.A. Berdyaev also noted these two features of the intelligentsia, while F.A. Stepun argued with Fedotov about the second one. Fedotov traces the main course of the intelligentsia from Belinsky through Russian populists to the 20th-century revolutionaries; he describes the people of the 1840s and Russian populists as extremely high representatives of the Russian intelligentsia's consciousness. The identification of the intelligentsia's essential features leads to the consideration of the motifs prevalent in the intellectual discourse (interrelation with the people and the government, historical mission). Fedotov describes the Russian intelligentsia as an exclusive phenomenon of the national history. He also notes the existence of this group in other countries. This thought is similar to P.M. Milyukov's idea, though Fedotov denies the existence of such a social group in the West. Fedotov is interested in the peculiarities of the Russian national consciousness. He considers the intellectual type as one of the links in its evolution. The intelligentsia is not only a consistent expression of the Russian spiritual type, but also a component of the dual centre of the Russian mentality. Fedotov focuses particular attention on Russian populism because he believes that it is related to the Old Russian religiosity. He gives the main role in spiritual work to the intelligentsia of the 1920s. The intelligentsia was to become a spiritual aristocracy, abandon political activity and focus on cultural work. The author believes that Fedotov gave a general portrait of the intelligentsia, revealed the peculiarities of its emergence and evolution, its role and purpose in society. He believed that the intelligentsia should be a carrier of cultural values in the future. Latest discussions raise the same questions. They are updated due to the necessity of rethinking the general characteristics of the intelligentsia's properties and functionality in the new era.

REFERENCES

1. Knabe, G.S. (2002) *Perevernutaya stranitsa* [A Turned Page]. Moscow: RSUH.
2. Bondarenko, V.G. (1995) *Krakh intelligentsii: Zlye zametki Zoila* [The Collapse of the Intelligentsia: Zoil's Wicked Notes]. Moscow: Paleya.
3. Frank, S.L. (1956) *Biografiya P.B. Struve* [Biography of P.B. Struve]. New York: Izd. im. Chekhova.
4. Girenok, F.I. (1991) Sud'ba russkoy intelligentsii (chitaya G.P. Fedotova) [The Fate of the Russian Intelligentsia (Reading G.P. Fedotov)]. In: Fedotov, G.P. *O sud'be russkoy intelligentsii* [On the Fate of the Russian Intelligentsia]. Moscow: Progress; Gnozis.
5. Maslin, M.A. & Andreev, A.L. (1990) O russkoy idee [On the Russian Idea]. In: Maslin, M.A. (ed.) *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture* [On Russia and the Russian Philosophical Culture]. Moscow: Nauka.
6. Fedotov, G.P. (1991a) Tragediya intelligentsii [The Tragedy of the Intelligentsia]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Sofiya.
7. Stepun, F.A. (1957) G.P. Fedotov. *Novyy zhurnal*. 49.
8. Lotman, M.Yu. (1999) [The Intelligentsia and Freedom (On the Analysis of the Intellectual Discourse)]. *Russkaya intelligentsiya i zapadnyy intellektualizm: istoriya i tipologiya* [Russian Intelligentsia and Western Intellectualism: History and Typology]. Proceedings of the International Conference. Naples. May 1997. Moscow: O.G.I. (In Russian).
9. Berdyaev, N.A. (1990) Russkaya ideya [Russian Idea]. In: Maslin, M.A. (ed.) *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture* [On Russia and the Russian Philosophical Culture]. Moscow: Nauka.
10. Fedotov, G.P. (1992a) Revolyutsiya idet [The Revolution Is on]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya.
11. Fedotov, G.P. (2004) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Works: In 12 Vols]. Vol. 9. Moscow: Martis.
12. Milyukov, P.N. (1991) Intelligentsiya i istoricheskaya traditsiya [Intelligentsia and Historical Tradition]. In: Berdyaev, N.A. et al. *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii: sb. st. 1909–1910* [Milestones. The Intelligentsia in Russia: Articles of 1909–1910]. Moscow: Molodaya gvardiya
13. Fedotov, G.P. (1992b) Pis'ma o russkoy kul'ture [Letters on Russian Culture]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya.
14. Stepun, F.A. (2000) Mysli o Rossii [Thoughts About Russia]. In: Kantor, V.K. (ed.) *Sochineniya* [Works]. Moscow: POSSPEN.
15. Gumerova, Zh.A. (2014) The Human Dimension in the Russian Historical Thought in the Early 20th Century (By G.P. Fedotov's Works). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 386. pp. 105–111. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/386/17
16. Fedotov, G.P. (1992c) O natsional'nom pokayanii [On National Repentance]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya.
17. Elbakyan, E.S. (1996) *Religioznyy fenomen v soznanii rossiyskoy intelligentsii XIX – n. XX veka* [Religious Phenomenon in the Minds of the Russian Intelligentsia of the 19th – early 20th Centuries]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow.
18. Gumerova, Zh.A. (2013) G.P. Fedotov's Views on Culture and History. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 368. pp. 72–75. (In Russian).
19. Fedotov, G.P. (1991b) Problemy budushchey Rossii [Problems of the Future of Russia]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Sofiya.
20. Gumerova, Zh.A. (2017) G.P. Fedotov on Russian National Consciousness Formation in the 20th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 75–80. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/11
21. Lukov, V.A. (n.d.) *Missiya intelligentsii v sovremennom rossiyskom obshchestve* [The Mission of the Intelligentsia in Modern Russian Society]. [Online] Available from: http://www.zpu-journal.ru/gum/society/articles/Lukov_Val/.

Received: 29 May 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 102–111. DOI: 10.17223/15617793/450/13

УДК 940.3/4

И.В. Зеленева, Т.И. Пономарева

ДНЕВНИК С.А. ИЗЕНБЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЕННО-МОРСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1916–1917 гг.

Исследуется роль С.А. Изенбека, направленного Морским генеральным штабом в качестве специального представителя русского флота на Гранд Флит, в военно-морском сотрудничестве России и Великобритании в 1916–1917 гг. На основе дневника, который он вел, находясь в Великобритании, рассматривается выполнение данной задачи, его участие в обмене новейшими образцами вооружений, изучается передача С.А. Изенбеком англичанам российского опыта.

Ключевые слова: С. Изенбек; русский флот; британский флот; Российская империя; Великобритания; российско-британские отношения; Первая мировая война; артиллерия.

Взаимоотношениям России и Великобритании накануне и во время Первой мировой войны посвящено немало исследований. Наибольшее внимание историков привлекает дипломатическая сфера, российско-английские отношения, хотя они в своих работах затрагивают и военный аспект. К. Нейлсон, например, в монографии «Британия и последний царь: британская политика и Россия, 1894–1917» проанализировал, какое значение в оборонной политике Великобритании отводилось России [1]. Узнать, как Великобритания и Россия оценивали возможности вооруженных сил друг друга и какую роль эти оценки играли при принятии политических решений перед Первой мировой войной, позволяет коллективная монография «Knowing one's enemies: Intelligence assessment before the two World Wars» [2]. Уильям Фуллер-младший написал раздел «Российская империя», а Пол Кеннеди – раздел «Великобритания до 1914 г.».

Ряд работ посвящен переговорам о заключении морской конвенции [3, 4, 5]. Тему военно-морского сотрудничества стран Антанты накануне и в годы войны раскрывает в своих статьях Д.Ю. Козлов [6, 7]. Вопросы размещения в Англии военных заказов, в том числе для морского ведомства, и доставки этих грузов в Россию, ответственность за которые взяли на себя англичане, освещены в статье П.В. Виноградова «Русско-английское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны» [8]. А.Ю. Емелин проанализировал научно-техническое сотрудничество двух стран в области морских вооружений. Из его статьи можно узнать, каких специалистов морское ведомство направило в Великобританию в годы войны для обмена опытом. Он уделяет внимание в том числе и условиям, в которых проходила деятельность Сергея Артуровича Изенбека [9].

К дневнику С.А. Изенбека обратился Д.А. Бажанов. Основной темой его монографии «Щит Петрограда: Служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг.» является изучение повседневной жизни и организации досуга личного состава, прежде всего матросов. Поэтому его заинтересовали такие подробности из жизни английских моряков, как, например, устройство театральных представлений на кораблях, о которых упоминал С.А. Изенбек [10. С. 54]. В статье «Английский и российский флот глазами русских представителей при Grand Fleet (1915–1917 гг.)» [11] Д.А. Бажанов также приводит цитаты из дневника С.А. Изенбека, показывающие взаимоотношения команды и офицеров в английском флоте.

Таким образом, дневник С.А. Изенбека не становился предметом отдельного научного исследования, хотя он этого заслуживает. Целью данной статьи является определение роли С.А. Изенбека в военно-морском сотрудничестве России и Великобритании в 1916–1917 гг.

В Российском государственном архиве Военно-морского флота в личном фонде С.А. Изенбека находится дневник, который он вел с начала сентября 1916 г., когда он выехал в Лондон, по март 1917 г., когда он получил предписание покинуть Великобританию и вернуться в Россию. Дневник представляет собой машинописный текст, в который от руки вносились имена и названия на латинице, часть дневника дублируется. Видимо, одновременно было несколько экземпляров.

В дневнике содержатся замечания и выводы С.А. Изенбека относительно достоинств и недостатков английского флота, пересказ разговоров с офицерами, в том числе высокопоставленными. Темами этих разговоров были как вопросы развития и применения артиллерийского вооружения, принятие решения о начале Дарданелльской операции, гибель военного министра Г. Китченера, так и другие, менее серьезные, например об африканской охоте. В дневнике содержатся дорожные зарисовки, бытовые моменты повседневной жизни флота.

В дневнике С.А. Изенбека есть рассуждения о технических и тактических вопросах, описания и схематичные чертежи кораблей, схемы маневров и учебных стрельб – в этом сходство с официальным отчетом. В январе 1917 г. С.А. Изенбек записал в своем дневнике, что он «написал донесение и отправил его вместе с дневником в Генмор» (Морской генеральный штаб. – *И.З., Т.П.*) [12. Л. 32]. У С.А. Изенбека не было возможности обсудить с кем-то из русских офицеров вопросы по его специальности: «Пишу донесение, трудно писать, хотелось бы возражений, вопросов, а тут не к кому обратиться. Шульц (находившийся в Великобритании офицер связи капитан 1 ранга Г.К. фон Шульц. – *И.З., Т.П.*) возражать не решается или делает ничтожные поправки, а агентство не знает по моим вопросам ничего» [Там же. Л. 31]. Дневник

помогал ему не только зафиксировать какие-то сведения, но и произвести предварительный анализ увиденного и услышанного.

Но в нем есть и эмоциональная составляющая, характерная для дневниковых записей, – переживания человека, оторванного от своей среды, находящегося далеко от семьи в момент, когда в России происходит социальное потрясение – Февральская революция.

В личном фонде С.А. Изенбека есть его послужной список, датированный 1918 г., а также другие документы и письма, его донесения об особенностях ведения ночного боя в английском флоте, стрельбе по воздушным целям, описания британских линейных кораблей и подводной лодки.

Но прежде чем обратиться к тексту дневника, необходимо изучить российско-английские отношения в преддверие Первой мировой войны и роль, которую играл в процессе их налаживания Морской генеральный штаб (далее – МГШ[1]).

Отношения России и Великобритании, чрезвычайно напряженные в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., стали улучшаться после ее окончания. В 1907 г. было заключено соглашение, урегулировавшее, хотя бы на время, спор двух стран относительно Тибета, Афганистана и Персии.

«Естественным продолжением» этого соглашения, т.е. «продолжением шага дружественного и формального сближения Англии с Россией», как писал С.Ю. Витте в своих мемуарах, стал визит короля Эдуарда VII (цит. по: [13. С. 166–167]). Первое посещение британским монархом России состоялось в июне 1908 г.[2] Вместе с королевской четой прибыли представитель Форин Офис специалист по России Чарльз Гардинг, генерал Джон Френч и первый морской лорд Джон Фишер. С российской стороны участие во встрече принимал премьер-министр П.А. Столыпин, долго беседовавший с Дж. Фишером. Последний в результате этого разговора пришел к выводу, что его собеседник сомневался в надежности Англии в качестве союзника. «Увы! Он помнил, как мы обманули Данию, когда немцы захватили Киль и Шлезвиг-Гольштейн!» – написал он (цит. по: [Там же. С. 166]). Тем не менее Эдуард VII остался доволен тем, как прошла встреча двух монархов. Николай II был даже произведен в адмиралы британского флота [Там же. С. 167].

Несмотря на это, многие представители российского флота продолжали относиться к Англии и договоренностям с ней настороженно. В начале 1906 г. вице-адмирал З.П. Рожественский настоятельно рекомендовал разработать план войны с Англией [14. С. 125]. Такого взгляда придерживалось немало его сослуживцев. Его разделял и капитан I ранга Л.А. Брусилов, начальник образованного весной 1906 г. МГШ, в задачи которого входила подготовка планов флота на случай военных действий. В декабре 1906 г. он представил подготовленный совместно с начальником Главного управления Генерального штаба доклад, в котором они утверждали, что «вероятными противниками нашими на водах Финского залива и Балтийского моря могут быть Германия, Швеция и Англия» [14. С. 349].

Необходимость создания МГШ стала очевидной при осмыслении опыта Русско-японской войны, хотя такая идея обсуждалась в морской среде уже в 1880-х гг. [15. С. 43–44]. Вот как об этом написал морской министр И.К. Григорович в своем дневнике: «если такой штаб был бы до 1903 г., мы, пожалуй, не сунулись драться с японцами, а если и начали войну, то подготовка, вероятно, была бы другая и постройка судов и стрельба была бы другая, а не то, когда требовалось выпустить в год не больше 15 снарядов учебных на орудие» (цит. по: [16. С. 87]).

Сфера деятельности нового учреждения предполагала в том числе хорошее понимание международной обстановки, и вскоре после своего создания оно запросило у Министерства иностранных дел информацию об основных потенциальных угрозах России в военном плане. Однако получило расплывчатый ответ, и то не сразу. В конце концов круг потенциальных противников был определен. В их числе упоминалась и Великобритания [17. С. 29].

Политическое соглашение, заключенное в 1907 г., не изменило отношение морских офицеров. В 1909 г. МГШ предупреждал, что «стратегия Англии как союзника глубоко эгоистична и ради политических устремлений она способна поступиться стратегическими принципами» (цит. по: [14. С. 125–126]). Еще несколько лет потребовалось для того, чтобы отношение начало меняться.

В 1912 г. генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба, генерал-лейтенант Ю.Н. Данилов при рассмотрении возможных операций Германии в Балтийском море находил поддержку России Англией весьма вероятной. Но «если даже Англия и Франция не вступят сразу в борьбу, то все же положение их будет угрожающе по отношению к Германии, и, таким образом, флот ее будет скован английским флотом» [Там же. С. 362]. В журнале «Морской сборник» была опубликована серия статей капитана 2 ранга К.Ф. Кетлинского, изданных затем перед самой войной, в 1914 г., в виде сборника под названием «Морская сила Англии». В нем автор уверял читателей, что «по отношению к России, интересы Англии совпадают по всем главным линиям…» [18. С. 20].

В июне 1914 г. Великобритания и Россия начали переговоры о заключении соглашения аналогичного морской конвенции, заключенной ранее Великобританией и Францией. С российской стороны в них участвовал военно-морской агент в Лондоне Н.А. Волков. Однако английская сторона не спешила взять на себя какие-либо обязательства. По словам министра иностранных дел Э. Грея, «переговоры нужны были для того, чтобы привести Россию в хорошее расположение духа и не оскорбить ее отказом» (цит. по: [19. С. 96]).

Таким образом, как констатировал историк флота доктор исторических наук, капитан 1-го ранга Д.Ю. Козлов, сотрудничество с Великобританией в предвоенные годы не вышло на уровень, который позволил бы ему «оказать сколь-нибудь существенное влияние на содержание стратегического планирования в российском морском ведомстве…» [7. С. 12].

Когда началась Первая мировая война, командующий флотом Балтийского моря адмирал Н.О. фон Эссен должен был руководствоваться «Планом операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны», одобренным в 1912 г. императором Николаем II. Но, как писал Н.О. фон Эссен в своем рапорте 18 сентября 1914 г., при его разработке «участие Англии на нашей стороне не предполагалось». Вступление же ее в войну «совершенно изменило стратегическую обстановку на театре Балтийского моря» [14. С. 382] и потребовало внесения изменений в первоначальный план.

Не лучше обстояло дело и с взаимодействием в области обмена научно-технической информацией между Россией и Англией.

Изучение флотов других государств был одной из задач, поставленных перед МГШ. В основном этим занимались военно-морские агенты в странах пребывания. Сбор и анализ данных, в том числе полученных разведывательным путем, первоначально осуществлялся в рамках особого делопроизводства МГШ, разделенного на три части по театрам – Балтийскому, Черноморскому и Тихоокеанскому. В 1911 г. была проведена реорганизация: МГШ разделили на семь частей. В соответствии с «Временным положением об управлении морским ведомством», «собирание и обработка сведений об общем политическом положении и о силах и средствах иностранных государств к войне» (цит. по: [17. С. 30]) были возложены на иностранное отделение статистической части. Это отделение, в свою очередь, делилось на столы, которые отвечали в том числе за взаимодействие с военно-морскими агентами.

Из сообщений военно-морского агента в Великобритании с 1911 по 1913 гг., капитана 1-го ранга Н.Г. Рейна становится понятно, насколько хорошо Великобритания охраняла от посторонних глаз свои последние разработки, даже если интерес проявлял представитель дружественной страны. Например, он объяснял, несколько трудно получить какие-либо сведения о подводных лодках, интересовавших морское ведомство. Ему ни разу не позволили их осмотреть. Отвечая на пункты вопросного листа, присланного МГШ, Н.Г. Рейн писал, что фирмы, выпускавшие для них механизмы и агрегаты, «из боязни Адмиралтейства» даже не вступали в переписку [20. С. 68].

Это подтверждает вывод А.Ю. Емелина, что в предвоенные годы «англичане практически не делились с русским флотом технической информацией» [9. С. 44].

Ситуация резко изменилась с началом Первой мировой войны. Союзники стали налаживать более тесное взаимодействие. Сил военно-морских агентов было недостаточно. Поэтому вскоре после начала войны МГШ направил в Великобританию в качестве офицеров связи капитана 1-го ранга М.А. Кедрова и капитана 2-го ранга М.И. Смирнова.

Эти офицеры отмечали, что «Гранд Флит[3], сильный количественно и имевший хорошие корабли, значительно отставал по части тактики, применения мин, артиллерии и торпед» [9. С. 44]. Они недолго оставались в Великобритании. Весной 1915 г. «офицером для связи и представителем русского флота при Гранд Флите» был назначен капитан 1-го ранга Г.К. фон Шульц[4], не раз до этого посещавший страну. Он сменил М.А. Кедрова и М.И. Смирнова.

С самого начала своего пребывания при британском флоте Г.К. фон Шульц «старательно избегал расспрашивать о военно-технических деталях». Он писал в своих воспоминаниях, что это была его принципиальная позиция: ему казалось неудобным «в положении иностранца и гостя, пользующегося доверием, выказывать любопытство». Технические вопросы вообще его мало интересовали. Ему «представлялось несравненно интереснее изучать деятельность флота в широком масштабе, чем углубляться в технические подробности» [21], хотя нельзя сказать, что он ими совершенно не занимался. Вообще его деятельность не была регламентирована какими-либо документами, МГШ не дал ему «никаких особых инструкций» [21].

Между тем союзники с началом войны стали проявлять активную заинтересованность в обмене научно-техническими разработками. В некоторых областях, например минном деле, Россия занимала ведущие позиции, что признавали и союзники, и противники [7. С. 16; 9. С. 44]. Россия и Великобритания обменивались образцами вооружений и чертежами, направляли друг к другу офицеров – специалистов по определенным видам оружия. Одним из них стал артиллерийский офицер, капитан 2-го ранга С.А. Изенбек.

Начало карьеры Сергея Артуровича Изенбека (1883–1962) не отличалось от карьеры большинства его сослуживцев: учился в Морском кадетском корпусе, в 1903 г. произведен в мичманы [22. С. 247]. Во время Русско-японской войны «отбыл всю осаду крепости Порт-Артур», командовал батареей «Спина Дракона» [23. Л. 6 об.], был в плену. По возвращении в Россию плавал на эсминце «Охотник», в 1910-х гг. успешно окончил артиллерийский класс в Кронштадте и был зачислен в артиллерийские офицеры 2-го разряда, в 1912 г. зачислен в 1-й разряд артиллерийских офицеров, а через год произведен за отличие в старшие лейтенанты. 7 мая 1914 г. его прикомандировали к МГШ, однако уже 25 июля назначили исполняющим дела флагманского артиллерийского офицера штаба начальника 2-й бригады линкоров Балтийского моря. В 1915 г. за отличие он произведен в капитаны 2-го ранга [Там же. Л. 4–5].

1 сентября 1916 г., как написано в послужном списке С.А. Изенбека, он был «командирован в Англию на суда Английского большого флота для выяснения результатов Ютландского боя и опыта войны англичан» [Там же. Л. 5]. При этом свидетелем и участником Ютландского боя, самого крупного морского сражения в истории, был все тот же Г.К. фон Шульц. Более того, осенью 1916 г. король Великобритании Георг V вручил Г.К. Шульцу орден Бани «за участие в Ютландском бою и предыдущую деятельность на Гранд Флите». В это же время он «с удовольствием занялся… интересной работой» – составлением ответов на «довольно объемистый список вопросов о тактике в Ютландском бою, повреждениях, полученных судами Гранд Флита, обнаруженных конструктивных недостатках, боевом опыте и

наблюдениях, сделанных во время боя» [21]. Задачей С.А Изенбека было изучение опыта англичан в области усовершенствования артиллерийского вооружения и его применения.

Путь С.А. Изенбека в Лондон лежал через Глазго, в котором он столкнулся с крайней недоверчивостью англичан к иностранцам. В этом городе ему помогал русский консул, обязанности которого исполнял англичанин Данем (Dunham). Тот нянчился с ним как с ребенком: «Он повез меня к себе, визировал паспорт, потом отвез для записи и удостоверения в полицию, нанял мне комнату в отеле, достал отдельное купе до Лондона, указал театр, в который стоит пойти вечером». С.А. Изенбек особенно оценил его услуги, когда увидел, «что в Глазго все относятся крайне недоверчиво, несмотря на форму, которую они не понимают и не знают. В полиции консула несколько раз спрашивали, вполне ли он уверен во мне, что я действительно офицер флота» [24. Л. 5 об.].

7 октября 1916 г. С.А. Изенбек прибыл в Лондон [23. Л. 5]. У него сразу возникли сложности. Во-первых, его отказались допустить на учебные стрельбы[5]. Военно-морской агент Н.А. Волков направил соответствующий запрос в Адмиралтейство. Англичане ответили ссылкой на предписание, запрещавшее показывать какие-либо секреты, в том числе стрельбы, иностранным офицерам. Тогда ходатайство направило уже руководство Гранд Флита. Только после этого С.А. Изенбеку разрешили присутствовать на практической стрельбе линкора «Revenge» [9. С. 45].

Вторая проблема заключалась в том, что и сам С.А. Изенбек не имел права на «сообщение союзникам подробных данных о методике и организации стрельбы, принятой в русском флоте» [Там же]. В своем дневнике он так писал об этом: «Жалею, что связан до известной степени и не могу говорить с ними с полной откровенностью вопросы, которые их интересуют и по-видимому имеют в их глазах ценность», т.е. о ныряющих и осветительных снарядах, беспламенном порохе и российских правилах стрельбы [12. Л. 22]. Впрочем, он жалел лишь о том, что нельзя откровенно обсуждать вопросы артиллерии с немногими офицерами, прежде всего адмиралами, которые интересуются этими вопросами и хотя бы немного разбираются в них. И тут же саркастически замечал, что «с их офицерами можно говорить обо всем, не опасаясь, что они сейчас же схватятся за мысль, которую они считают правильной. Они так долго раздумывают над каждой вещью, как бы проста она ни была, не любят брать чужое, боятся новшеств, а главное провести что-нибудь в Адмиралтействе страшно трудно и если два три офицера будут знать много о нашем флоте… то результат этого будет очень мал» [Там же. Л. 21 об.].

На этот раз разрешение для него испрашивал Г.К. фон Шульц, который 16 декабря 1916 г. послал в Петроград телеграмму, информировавшую морское ведомство, что «Изенбек ознакомился детально со стрельбой, организацией и приборами английского флота. Их управление огнем совсем близко к нашему, скрывать не имеет смысла. Только их приборы сложнее. Считая необходимым для плодотворной работы сравнительную оценку, прошу разрешения Изенбеку иметь артиллерийский разговор в Адмиралтействе… изложить идеи управления огнем, организацию стрельбы на нашем флоте. Необходим весьма срочный ответ» (цит. по: [9. С. 45]). Морской министр И.К. Григорович дал свое согласие [Там же].

В дальнейшем тема секретности возникла лишь однажды – в связи с бестактным вопросом одного из британских офицеров. 7 февраля 1917 г. на линкоре «Royal Sovereign» с ним начал разговор «совсем молодой офицер Royal Artillery, т.е. морской пехоты. Он спросил меня, позволено ли мне знакомиться со всеми секретными приборами, я ответил, что я с разрешения ком. фл. и Адмиралтейства ознакомился со всем и от меня секретов в их флоте нет. Он на это сказал, что он считает это неправильным. Все присутствующие зашикали и засмеялись, а один из офицеров посоветовал ему молчать, если он не может сказать ничего умного». С.А. Изенбек объяснил этому молодому офицеру, что Россия и Великобритания обмениваются «все время всем интересным и что наша идея побить немцев, для чего необходимо доверие между союзниками. Что нет никакой опасности в том, чтобы мы знали все друг про друга, так как если даже Англия сцепится сейчас же после конца войны с Россией, то я уверен, что к тому времени будет столько перемен в вооружении и идеях, что знание нынешнего положения мало этому поможет». После этого его собеседник «замолчал и перешел на трафаретные вопросы о России» [25. Л. 11]. Через несколько дней С.А. Изенбек случайно узнал, что ему «было основательно влито за неуменье держать себя прилично» [Там же. Л. 22].

В январе 1917 г. С.А. Изенбек направился на базу Grand Fleet в Кромарти[6], где стояла 1-я эскадра [Там же. Л. 3], в состав которой входил линкор «Revenge». Сначала ему предоставили каюту на этом корабле, а 25 января 1917 г. он перешел на линкор «Royal Sovereign»[7], где он, наконец, почувствовал себя комфортно в бытовом плане: «какое блаженство, в ней нет сквозняка, можно писать и руки не мерзнут». Он задавал англичанам вопрос, «почему они считают непременным условием всех помещений сквозняк». Англичане смеялись и говорили: «мы вообще не умеем устраиваться по-человечески» [Там же. Л. 5].

Основной задачей С.А. Изенбека была оценка английского опыта в области артиллерии. В ее выполнении, помимо собственных наблюдений, ему помогли беседы с Фр. Дрейером, для встречи с которым Г.К. фон Шульц вызвал его в конце декабря 1916 г. в Лондон. Этот человек был «флагартом[8] флота и перекочевал с Джелико[9] в Адмиралтейство» [12. Л. 30 об.]. Увлеченность артиллерией помогла им легко найти общий язык, и в дальнейшем С.А. Изенбек особо выделял его среди других. По его мнению, Фр. Дрейер был «много образованнее большинства офицеров, а потому с ним говорить легко и для движения вперед он полезнее» [25. Л. 3]. К тому же он разработал и внедрял на флоте устройство для управления артиллерийским огнем [Там же. Л. 2]. По словам С.А. Изенбека, «во время свиданий с капитаном 1-го ранга Dreyer'ом уяснил себе почти все идеи англичан в артиллерии» [25. Л. 1].

18 января 1917 г. С.А. Изенбек записал свои первые выводы об артиллерийском мастерстве. Многое он оценил критически. В первую очередь он подверг критике обученность личного состава: «Т.К. флот очень велик, то невозможно набрать на корабли артиллерийских офицеров так, чтобы все были высокоталантливы в управлении огнем, поэтому приходится рассчитывать [на] уровень средний и даже ниже» [25. Л. 1].

Этим объяснялась «масса проверок, которые введены в приборы для того, чтобы даже малоопытный и неталантливый офицер мог бы все время иметь данные для того, чтобы не делать слишком грубых ошибок» [Там же]. Англичане осознавали, к каким отрицательным последствиям это привело. Во-первых, это «сложность приборов, в которых схема нагорожена на схему». Во-вторых, «непригодность всего в таких условиях, когда дальномеры не дадут хороших наблюдений». В-третьих, «привычка полагаться только на приборы, которая вырабатывается у многих артиллеристов. На это возражают только одно, что если офицер чувствует себя в силах отбросить то, что ему кажется лишним, то ему дана на это полная власть и все проверки ведутся только на случай, если ему захочется проверить себя в сомнительных случаях» [Там же].

На профессионализме личного состава сказывалась экономия снарядов во время учебных стрельб, чтобы не изнашивались орудия: «Длинные стрельбы, т.е. по 8 по 10 выстрелов на орудие, конечно, лучше, но так как орудия изнашиваются, а менять часть такое количество орудий невозможно, то приходится удовлетвориться имеемыми, т.е. по 3 по 4 выстрела на орудие. Сделать с тем же запасом стрельб меньше, но каждую или некоторые длиннее, не решаются, так как боятся, что совсем разучатся» [Там же].

С.А. Изенбек также отметил, что англичане считали неосуществимыми «равные промежутки между залпами». Он объяснял это главным образом тем, что они боялись снижения скорости стрельбы [Там же. Л. 1–2]. Фр. Дрейер, с которым он это обсуждал, согласился, что «в среднем при нашей системе стрельбы, благодаря ритмичности и длительному поражению, весь корабль начинает работать как машина и дает большую скорость», но добавил, что «во флоте на это не соглашаются» [Там же. Л. 2]. Англичане не соглашались с правилами стрельбы, принятыми в России, еще и потому, что «завесу в каком бы то ни было виде считают излишней тратой снарядов». Они «очень охотно попробовали бы стрелять по нашим правилам, но не имеют на то запаса» [Там же].

Внимание С.А. Изенбека привлекли также английские артиллерийские снаряды [Там же]. Он отмечал, что у англичан «большие недоразумения с бронебойными снарядами[10]». Адмирал Никольсон и командир «Royal Sovereign» рассказывали ему, что «в Ютландском бою бронеб. снаряды не проникали сквозь толстую броню немцев, так как рвались от удара». Поэтому «сейчас они меняют все взрыватели… на новые, но не уверены в том, что это даст хорошие результаты» [Там же. Л. 6].

Замечая недостатки, С.А. Изенбек внимательно смотрел, что из английского опыта может перенять российский флот. Например, он отметил, что «поправка на ветер[11] определяется на всех кораблях большим анемометром, помещенным на фор марсе», и записал в дневнике: «Надо попробовать ввести у нас» [12. Л. 24 об.].

С.А. Изенбек участвовал в обмене новейшими образцами вооружений, который происходил между Россией и Великобританией. Это также нашло отражение в его дневнике.

В частности, англичан не устраивали выпускавшиеся у них осветительные снаряды. 3 (16) февраля 1917 г. С.А. Изенбек наблюдал за стрельбой «светящими снарядами». Он был разочарован: «Снаряды оказались дрянь. 6’’ снаряд выпускает 8–10 маленьких звезд, которые быстро падают, дают мало света и свет мигающий, одним словом дрянь. Вернулся… на R. Sov. Все разочарованы в снарядах и не мудрено. Посоветовал им просить чертежи наших снарядов с парашютами и большими звездами. Они говорят, что Адмиралтейство просить не станет, а наверно будет ковыряться над своими снарядами еще год» [25. Л. 8].

5 (18) февраля Г.К. фон Шульц просил С.А. Изенбека «достать от Dreyer’а, который теперь стал Director of Naval Ordnance Dep. чертеж бронебойного взрывателя». Тогда же С.А. Изенбек предполагал высказать Фр. Дрейеру свое мнение относительно «светящихся» снарядов и заодно «спросить его, какая судьба постигла ныряющие снаряды, которые были переданы им месяцев 5 тому назад» [Там же. Л. 9].

Вероятно, этот разговор состоялся. Может быть, именно он повлиял на то, что англичане последовали совету С.А. Изенбека и включили 12 «светящихся» снарядов, их чертежи и описания в список того, что они хотели бы получить от России. Британское Адмиралтейство в марте 1917 г. передало этот список военно-морскому агенту Н.А. Волкову [9. С. 46].

В России согласились, предложив взаимовыгодный обмен: «Передача чертежей, описаний и 12-ти готовых 120-мм светящихся снарядов возможна потому, что взамен их мы получим от Англии 6-дюймовые светящиеся снаряды, выделанные по образцу немецких, которые во многих отношениях лучше наших» (цит. по: [9. С. 46]). Петроград также запросил у англичан образцы новейших взрывателей, обещав взамен передать им российские. Вопрос о передаче российских взрывателей не вызвал споров, так как при создании новейшей модификации использовали немецкую идею – от тех взрывателей 105-миллиметровых снарядов, которые были захвачены на крейсере «Магдебург» [Там же].

Не всегда удавалось согласовывать обмен такого рода. Вот что С.А. Изенбек писал о попытке обмена дальномерами: «Дрейер – начальник Артогука, и это счастье для англичан, так как его предшественник адм. Morgan Singer был типичный тупой бюрократ. Когда я по просьбе Dreyer’а просил Генмор выслать 18’ Цейс в Англию, то получил ответ, что это возможно при условии присылки Бара и Струда 15’а. С этим известием я явился в местный Артогук, и адмирал не нашел лучшего ответа, как просить

меня послать телеграмму о присылке Цейса без замены. Я отказался, так как снимать дальномер с корабля без замены слишком глупо, и этот вопрос интересовал англичан, а совсем не меня. Благодаря этому умному господину Dreyer до сих пор Цейса не получил» [25. Л. 20][12].

Во время пребывания в Великобритании С.А. Изенбек посещал военные заводы. Российская сторона была заинтересована в получении чертежей приборов центральной наводки, выпускавшихся фирмой «Виккерс». Англичане отказались передать их российской стороне, разрешив С.А. Изенбеку посетить завод и у них напрямую заказать один комплект для крейсера «Рюрик» [9. С. 46].

Фр. Дрейер пригласил Сергея Артуровича на завод, где изготавливались изобретенные им приборы для управления артиллерийским огнем. С.А. Изенбек «имел возможность ознакомиться настолько подробно, что по приезде домой вычертил почти в масштабе все» [12. Л. 30 об.].

С.А. Изенбек не только изучал новейшие разработки британских специалистов и их применение. Он был готов делиться с ними российским опытом, однако это не всегда было легко сделать. Одним из препятствий был средний уровень подготовки артиллерийских офицеров, которому С.А. Изенбек не уставал удивляться: «теоретическое образование артиллеристов скудно. На меня производит впечатление, что они, не имея теоретической подготовки, не умеют и не могут разбираться в вопросах умозрительно, а считают необходимым массу опытов с самого начала и уже убежденные опытными данными верят в результат как в непреложную истину. Благодаря этому они не могут произвести быстро правильную оценку, отбросить негодные и работать быстро в том направлении, где есть надежда получить желаемые результаты. Отсюда недоверчивость ко всему чужому не проверенному собственным опытом» [25. Л. 3].

Посещая корабли, стоявшие в Кромарти, С.А. Изенбек не упускал возможности поговорить с их артиллерийскими офицерами. Например, 24 января 1917 г. он записал в дневнике: «в 10 ч. поехал на Benbow и два часа разговаривал с артиллерийским офицером Benbow». Особого впечатления эти разговоры на него обычно не производили: «Мне порядочно надоели все эти разговоры, все одно и тоже, ничего нового. Завтра на RSOV меня ожидает та же скучная вещь, снова трафаретные вопросы про Россию, про холод, про армию, про Мурман и т.д. Завтракал с Шульцем вдвоем, после завтрака опять разговоры с арт. оф. и наконец меня отпустили» [Там же. Л. 4].

Впрочем, иногда собеседники его удивляли. Однажды он «был поражен до глубины души». Во время завтрака на «Royal Sovereign» он оказался рядом со старшим лейтенантом, который стал расспрашивать его о России. С.А. Изенбек ответил «как урок на все трафаретные вопросы, о холоде, о Москве, об армии, о Мурманской дороге, о Сибири и т.д. <…> Потом «спросил он меня, говорю ли я по-французски, и вдруг спохватился, засмеялся и говорит: “Что я Вас спрашиваю, конечно, Вы говорите, ведь у Вас в России все командные слова по-французски и на этом языке вы ведь и с командой говорите”. Я рот разинул, думал, что он глупо шутит, но оказалось, что человек говорит серьезно. Вот так просвещенный мореплаватель» [25. Л. 5–6].

«Хорошее впечатление» на С.А. Изенбека, по его словам, произвели английские адмиралы [Там же. Л. 9]. Он неоднократно получал от них приглашения на завтрак или на обед. Однажды он записал в дневнике: «надо мной смеются, что я не могу завтракать или обедать без адмиралов» [Там же].

Адмиралы, с которыми встречался С.А. Изенбек, проявляли большой интерес к артиллерии. Так, контр-адмирал Никольсон вел с ним беседу «на всякие флотские темы, главным образом по артиллерии и задавал интересные вопросы» [Там же. Л. 6]. «Очень понравился» С.А. Изенбеку вице-адмирал Стерди [Там же. Л. 9], который «очень заинтересовался постоянным курсовым углом и тактикой и долго расспрашивал детально, пока не уяснил себе курс. угла». Стерди сожалел, что «попробовать на маневрах нельзя, так как ком. флота не захочет терять время на опыты» но обещал, что подумает над этим и рассмотрит этот вопрос на бумаге [Там же. Л. 12].

Полчаса длилась беседа С.А. Изенбека с адмиралом Д. Битти, который в декабре 1916 г. был назначен командующим Гранд Флитом. Д. Битти назвал две основные проблемы английского флота: ночной бой и сосредоточенный огонь [Там же. Л. 21]. Вторую проблему С.А. Изенбек обсуждал также с адмиралом Медденом. 26 февраля 1917 г. он записал в дневнике: «Был на Revenge адмирал Madden позвал меня к себе, говорил о стрельбе и сказал, что они хотят испытать “нашу систему” сосредоточенной стрельбы, т.е. наконец они попробуют очередные залпы и ритмичность» [Там же. Л. 25].

Однако для этого англичанам надо было преодолеть силу инерции и опасения по поводу введения серьезных изменений во время военных действий. По словам С.А. Изенбека, они «часто говорят о своей неуверенности в том, что их правила дадут им хорошие результаты. Но менять и даже делать опыты с какой-либо другой системой боя боятся, чтобы не подорвать доверия к своему оружию» [Там же. Л. 2]. Фр. Дрейер говорил ему, что «в мирное время он сейчас же начал бы делать опыты с нашей идеей Центральной наводки, т.е. складывание изменения расстояния, корректировок, угла крена и качки в Центральном посту и непрерывную наводку со стрельбой с педалями, а также наши правила стрельбы, которые он понимает и считает, пожалуй, лучшими. Но так как англичане быстро усвоить не в состоянии, а тем более провести такой переворот, то он боится смутить флот, боится поселить в личном составе недоверие в своей системе стрельбы и так как он находит, что стрельба Английского флота удовлетворительна, то он считает, что на основании наших разговоров следует работать для будущего и не трогать их организацию, пока не получатся ясно лучшие результаты с новыми приборами и новой организацией» [12. Л. 30 об.].

Преодолению силы инерции и интересу к опыту российского флота способствовали лекции «по

нашей организации, стрельбе и тактике», которые С.А. Изенбек читал на кораблях, таких как «Royal Sovereign», «Hercules», «Barham», «Monarch» и других. Причем он читал их на английском языке. О том, что они проходили удачно, свидетельствовала «масса вопросов и разговоров офицеров» после них [25. Л. 12].

25 февраля 1917 г. С.А. Изенбек записал в своем дневнике: «Сегодня старший штурман сказал, что после моих лекций многие офицеры Grand Fleet'а говорят, что русский флот по организации и стрельбе лучше английского[13]. Он сказал видно не из любезности, так как потом просил меня высказать откровенное мнение о их флоте, я тогда не стесняясь сказал ему обо всех недостатках» [Там же. Л. 24].

Сам С.А. Изенбек с некоторой грустью писал о предмете своих лекций: «Мне удалось скомбинировать все так, что получалась стройная картина, так что даже самому завидно стало, и желал бы я, чтобы было все так хорошо налажено у нас, как я рассказывал. К сожалению, я говорил только о принципах и идеях, которые у нас хороши и удобо выполнимы, но все портит наша безалаберность и отсутствие систематического воспитания характера, чувства долга и воли, а это у англичан очень хорошо» [Там же. Л. 10].

В конце своего пребывания в Великобритании С.А. Изенбек стал свидетелем того, как Grand Fleet успешно внедрял российский опыт: 4 (17) марта 1917 г. «первый раз было проведено чередование залпов при совместной стрельбе двух кораблей[14], и англичане признаются, что это сильно облегчает стрельбу» [Там же. Л. 26–27]. Тем не менее, англичанам, по его мнению, было еще далеко до России: «За последнее время у меня напрашивается заключение, что немцы стреляют много лучше англичан, а что наша стрельба лучше английской, в этом у меня нет сомнения» [Там же. Л. 28], – записал он 9 марта.

Помимо прочего, дневник С.А. Изенбека может служить источником по организации жизни личного состава британского флота, так как в нем нашлось место и описанию праздников на кораблях, и сравнению организации регулярных спортивных занятий в английском и русском флотах, а также впечатлениям об отношении англичан к религии, к англиканской церкви, пересказу разговоров о политике. В нем нашлось место и небольшим дорожным зарисовкам, характеризующим англичан. Например, С.А. Изенбек описывает такой случай: «Опять скучнейшая дорога в Лондон… На одной станции кто-то перехватил мною заказанную Tea basket[15], и поезд ждал минут 20, пока мне не изготовили чай, тосты и всякую всячину, мне самому уже надоело ждать, я просил ехать дальше, но все-таки пришлось дождаться, когда принесли корзину, то не оказалось сдачи с 2 ½ шиллингов и опять бегали менять, успокаивая меня, что все сейчас будет устроено. Наконец поехали, и опоздал поезд в конце концов на 2 ½ часа» [12. Л. 30].

1 (14) марта 1917 г. С.А. Изенбек записал в дневнике: «Сегодня ровно 3 месяца, что я на флоте, два месяца я был в Лондоне и три недели в дороге, итого почти 6 месяцев» [25. Л. 26].

17 марта 1917 г. он был вызван в Россию телеграммой начальника МГШ [23. Л. 5]. Прощаясь, командующий 1-й эскадрой линейных кораблей адмирал Медден сказал ему: «Ваше самолюбие может быть удовлетворено. Grand Fleet стреляет по русским методам стрельбы» (цит. по: [26. С. 298]).

По возвращении в Россию, 20 апреля, был назначен в иностранный отдел МГШ заведующим английским столом [23. Л. 5 об.].

Политическая нестабильность в России, Февральская революция и смена правительства, политические кризисы в стране не способствовали планомерной работе по сбору и анализу сведений о зарубежных государствах, тем не менее она продолжалась. О царивших тогда настроениях свидетельствует письмо, полученное С.А. Изенбеком из Лондона и датированное 6 / 19 сентября 1917 г. Его корреспондент отвечает на полученное им письмо от 8 августа и пишет относительно множества вопросов, на которые С.А. Изенбек просил его ответить. «Относительно фолиантов вопросов должен Вам сказать, что у меня уходит на текущую работу 7 часов в сутки, так как много хлопот и переписки доставляет личный состав судов, находящихся или [пр]иходящих в Англию. Работаю по вопросам общего характера часа два в сутки [пр]ичем много времени уходит на чтение газет… Так что едва ли я буду в состоянии отвечать быстро… на фолианты вопросов. Ведь помимо всей Бутурлинской[16] работы ко мне перешло 30–40% работы Блока и… новая работа по статистике.

Кроме того, говоря откровенно, считаю при теперешнем положении в России статистику толчением воды… и стараюсь больше заниматься вопросами войны и мира существенными, по моему мнению, а на статистику уделяю лишь то время, которое остается от всего этого» [28. Л. 29–29 об.].

Деятельность С.А. Изенбека в разведывательном подразделении продолжалась недолго. Ее прервала Октябрьская революция 1917 г. Морская коллегия посчитала, что «разведка при изменившемся политическом и социальном строе не может выполнять своего назначения» (цит. по: [29. С. 119]), и своим постановлением упразднила разведку МГШ. Это произошло в феврале 1918 г. [Там же].

В феврале 1918 г. МГШ по приказу своего начальника Е.А. Беренса передал заграничную агентуру русской военно-морской разведки Великобритании [Там же. С. 145].

15 марта 1918 г. основные документы, связанные с морской разведкой, которая велась за границей, были сожжены [Там же].

С.А. Изенбек 18 марта 1918 г. приказом начальника МГШ № 30 был уволен в отставку в связи с сокращением штатов [23. Л. 5 об.]. Деятельность МГШ не была прекращена, но то был уже совсем другой этап развития этого учреждения.

В преддверие Первой мировой войны МГШ был одним из основных центров, которые отвечали за процесс налаживания российско-британских отношений в военно-морской сфере. Это учреждение отвечало за составление планов на случай военных конфликтов. Наряду с Министерством иностранных дел

оно проводило анализ международной обстановки, располагая своими собственными представителями в ряде иностранных государств – военно-морскими агентами. Начавшееся после окончания Русско-японской войны постепенное сближение двух стран заставило МГШ, преодолевая вызванный этой войной высокий уровень недоверия к политике Лондона, внести свой вклад в этот процесс. Именно представитель МГШ – военно-морской агент в Великобритании – вел переговоры о заключении морской конвенции, прерванные начавшейся мировой войной.

С.А. Изенбек, направленный в 1916 г. МГШ в качестве специального представителя русского флота на Гранд Флит, выполнил поставленную перед ним задачу. Он собрал и передал штабу сведения о состоянии артиллерийского вооружения, уровне подготовки личного состава, тактике стрельбы на момент его пребывания в Великобритании, информировал его о происходивших изменениях в этой сфере в результате осмысления опыта Ютландского сражения.

С.А. Изенбек имел полное право сказать, что некоторые изменения были произведены в результате того, что он поделился с англичанами опытом российского флота в области артиллерийского вооружения и его применения. Это было признано самими англичанами. Дневник позволяет проследить, как происходила передача опыта и как постепенно мысль о желательности его внедрения британским флотом завоевывала сторонников.

С.А. Изенбек принимал участие в обмене новейшими образцами вооружений, в рамках которого он в том числе посещал британские заводы, их выпускавшие. Данный аспект его деятельности, первоначально не ставившийся перед ним в качестве задачи, также нашел отражение на страницах его дневника.

В целом дневник С.А. Изенбека свидетельствует о том, что сотрудничество России и Великобритании в военно-морской сфере во время Первой мировой войны было полезно обеим сторонам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Морской генеральный штаб сокращенно называли МГШ или Генмор.

[2] Необходимо отметить, что речь идет только о посещении российских территориальных вод, так как король не сходил на российскую землю со своей яхты «Виктория и Альберт», бросившей якорь на рейде Ревеля.

[3] Grand Fleet («Большой флот») – название главных сил военно-морского флота Великобритании – 1-го флота – во время Первой мировой войны.

[4] Г.К. фон Шульц представлял Россию при Гранд Флите в течение 3-х лет и оставил об этом периоде своей жизни подробные воспоминания. Они были написаны им в Финляндии, куда он уехал после окончания своей миссии в Великобритании и где занял пост командующего Военно-морскими силами.

[5] Командир линкора «Monarch», на который первоначально назначили С.А. Изенбека, позже признался ему, что по его прибытии он «был в очень глупом положении и что он очень рад, что все выяснилось» [12. Л. 22 об.]

[6] На берегу залива Кромарти (Шотландия) находился военный порт Инвергордон.

[7] Как свидетельствует послужной список С.А. Изенбека, 5 ноября 1916 г. приказом Адмиралтейства он был «назначен в плавание» на линкоре «Monarch», 28 ноября командующий Гранд Флитом назначил его на линкор «Revenge», 25 января 1917 г. «личным письмом Начальника I боевой эскадры Большого флота переведен на лин. кор. “Royal Sovereign”». [23. Л. 5].

[8] Флагманский артиллерийский офицер.

[9] До перехода в Адмиралтейство адмирал Дж. Джеллико был командующим Гранд Флитом.

[10] Подчеркнуто в оригинале.

[11] Подчеркнуто в оригинале.

[12] Г.К. фон Шульц в своих воспоминаниях тоже касается заинтересованности англичан в дальномере Цейса, но описывает ситуацию по-другому. Он пишет: «По просьбе Адмиралтейства я послал в Морской Генеральный штаб ходатайство о присылке чертежей большого дальномера Цейса, который был принят в русском флоте. Мне сообщили, что чертежей этого прибора в России не имеется, и взамен предложили доставить в Англию один из двух дальномеров этого типа, установленных на береговой станции в Ревеле». О дальнейшем развитии событий он не сообщил, только добавил, что в Англия с началом войны начала испытывать сильную нехватку оптических приборов, так как прежде она закупала оптические стекла в основном в Германии и Австро-Венгрии [21].

[13] Подчеркнуто в оригинале.

[14] Подчеркнуто в оригинале.

[15] Корзинка с продуктами (англ.).

[16] Вероятно, речь шла о Михаиле Сергеевиче Бутурлине (1883–1950, Шанхай). Он был прикомандирован к МГШ, в 1918 г. находился в Лондоне, затем был адъютантом адмирала Колчака. Эмигрировал в Китай [27. С. 72].

ЛИТЕРАТУРА

1. Neilson K. Britain and the last tsar: British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford, 2003.
2. Knowing one’s enemies: Intelligence assessment before the two World Wars / ed. by E.R. May. Princeton, 1984.
3. Ловягин А. Англо-русская морская конвенция (К материалам по истории подготовки России к мировой войне на море) // Морской сборник. 1929. № 2. С. 60–67.
4. Игнатьев А.В. Незавершенный этап (к истории русско-английских переговоров 1914 г.) // История СССР. 1960. № 3. С. 107–118.
5. Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 2010.
6. Козлов Д.Ю. К вопросу об организации и результатах военно-морского сотрудничества России с Францией и Великобританией накануне Первой мировой войны (1911–1914) // Великая война 1914–1918: Альманах Рос. ассоциации историков Первой мировой войны: М., 2013. Вып. 2. С. 5–17.
7. Козлов Д.Ю. Вклад российского флота в коалиционные усилия Антанты // Великая война 1914–1918: Альманах Рос. ассоциации историков Первой мировой войны. М., 2013. Вып. 3. С. 12–21.
8. Виноградов П.В. Русско-английское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны» // Великая война 1914–1918: Альманах Рос. ассоциации историков Первой мировой войны. М., 2013. Вып. 3. С. 49–54.
9. Емелин А.Ю. Научно-технические аспекты взаимодействия русского и британского флотов. 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 7. С. 44–46.
10. Бажанов Д.А. Щит Петрограда: Служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007.

11. Бажанов Д.А. Английский и российский флот глазами русских представителей при Grand Fleet (1915–1917 гг.) // Петербургские военно-исторические чтения : межвуз. науч. конф. С.-Петербург, 20 марта 2015 г.: сб. научн. ст. / ред. кол. А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов. СПб., 2016. С. 95–100.
12. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 755. Оп. 1. Д. 6.
13. Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток, 1993.
14. Козлов Д.Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
15. Козлов Д.Ю. Во главе действующего флота: система управления морскими силами России накануне и в годы Первой мировой войны. М. : Нобель Пресс, 2014.
16. Симоненко В. Для стратегического управления флотом (к 90-летию создания Морского генерального штаба) // Морской сборник. 1996. № 4. С. 85–87.
17. Федоров В.М. Военно-морская разведка: история и современность. М., 2008.
18. Кетлинский К.Ф. Морская сила Англии. СПб., 1914.
19. Шевель А.А. Англо-русские военно-дипломатические отношения в системе Антанты в 1907–1917 гг. : дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2016.
20. Завьялов И.В. Российские морские агенты о подводном кораблестроении за рубежом в канун Первой мировой войны // Гангут : сб. ст. СПб., 2010. Вып. 58. С. 61–80.
21. Шульц Г.К. фон. С английским флотом в мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при Гранд Флите. СПб., 2000. URL: https://coollib.com/b/301621/read (дата обращения: 20.03.2018).
22. Война и блокада / под ред. Н.К. Мальцевой. СПб., 2010.
23. РГАВМФ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 1.
24. РГАВМФ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 4.
25. РГАВМФ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 5.
26. Козлов Д.Ю., Емелин А.Ю. Военно-морское сотрудничество России и стран Антанты накануне и в годы Первой мировой войны // Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2 кн. Кн. 1: Россия в стратегии Антанты / под ред. А.Ю. Павлова. СПб., 2014. С. 265–302
27. Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.
28. РГАВМФ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 2.
29. Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. СПб., 2010.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 августа 2019 г.

Sergey Izenbek's Diary as a Source on the History of Naval Cooperation Between Russia and Great Britain in 1916–1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 102–111.
DOI: 10.17223/15617793/450/13

Irina V. Zeleneva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: irina_zeleneva@mail.ru
Tatiana I. Ponomareva, … (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: italika@inbox.ru

Keywords: Sergey Izenbek; Russian Navy; British Navy; Russian Empire; Great Britain; Russian-British relations; World War I; artillery.

The aim of the article is to determine the role of an artillery officer Sergey Izenbek in naval cooperation between Russia and Great Britain in 1916–1917. The Russian State Archive of the Navy has Izenbek's personal fund, which contains his diary. Izenbek kept it from the beginning of September of 1916 when he left for London till the spring of 1917 when he got the warrant to leave Great Britain and return to Russia. This diary has not become the subject of a separate study although it deserves it. The fund also contains Izenbek's other documents including his service record, letters and reports. Using source analysis methods, the authors study the diary as a source on the history of naval cooperation between Russia and Great Britain. The article pays special attention to the study of the Russian-British relations and the role the Naval General Staff played in them. On the eve of World War I, it belonged to the main centres responsible for establishing the Russian-British relations in the naval sphere. Gradual rapprochement of the two countries that began after the end of the Russian-Japanese war made the Naval General Staff contribute to the process thus overcoming the war-caused high level of distrust. The Staff was responsible for the preparation of war plans. It had its own representatives—naval agents—in several states. With the outbreak of World War I, the exchange of scientific and technical information between Russia and Great Britain sharply intensified. Both sides showed interest in it. If earlier the main role in this process was assigned to naval agents, in the time of war, the countries began to exchange their officers who were experts in certain types of weapons. One of them was Sergey Izenbek. The Naval General Staff sent Izenbek to the Grand Fleet as a special representative of the Russian Navy with the task of studying the British experience in the field of improving artillery armament and its application. He coped with the task brilliantly. He collected the information about the state of artillery armament, the level of training of the personnel, the tactics of shooting and sent it to the Staff. He participated in the talks on the exchange of the latest weapons and visited the factories that produced them. The diary also shows the interest of the British in the experience of the Russian Navy: how they adopted it and how the idea of the desirability of its implementation by the British Navy gradually won its supporters. Shortly before his return to Russia, Izenbek witnessed the implementation. In general, Izenbek's diary demonstrates that the cooperation between Russia and Great Britain in the naval sphere during World War I was useful to both the sides.

REFERENCES

1. Neilson, K. (2003) *Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917*. Oxford: OUP.
2. May, E.R. (ed.) (1984) *Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment Before the Two World Wars.* Princeton: Princeton UP.
3. Lovyagin, A. (1929) Anglo-russkaya morskaya konventsiya (K materialam po istorii podgotovki Rossii k mirovoy voyne na more) [Anglo-Russian Maritime Convention (Materials on the History of Russia's Preparation for a World War at Sea)]. *Morskoy sbornik*. 2. pp. 60–67.
4. Ignat'ev, A.V. (1960) Nezavershennyy etap (k istorii russko-angliyskikh peregovorov 1914 g.) [An Incomplete Stage (On the History of Russian-English Negotiations in 1914)]. *Istoriya SSSR*. 3. pp. 107–118.
5. Luneva, Yu.V. (2010) *Bosfor i Dardanelly. Taynye provokatsii nakanune Pervoy mirovoy voyny (1908–1914)* [The Bosphorus and the Dardanelles. Secret Provocations on the Eve of the First World War (1908–1914)]. Moscow: Kvadriga.
6. Kozlov, D.Yu. (2013a) K voprosu ob organizatsii i rezul'tatakh voenno-morskogo sotrudnichestva Rossii s Frantsiey i Velikobritaniey nakanune Pervoy mirovoy voyny (1911–1914) [On the Organisation and Results of Naval Cooperation Between Russia, France and Great Britain on the

Eve of the First World War (1911–1914)]. In: *Velikaya voyna 1914–1918: Al'manakh Ros. assotsiatsii istorikov Pervoy mirovoy voyny* [The Great War of 1914–1918: Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War]. Is. 2. Moscow: MBA, Kvadriga. pp. 5–17.
7. Kozlov, D.Yu. (2013b) Vklad rossiyskogo flota v koalitsionnye usiliya Antanty [The Contribution of the Russian Fleet to the Coalition Efforts of the Entente]. In: *Velikaya voyna 1914–1918: Al'manakh Ros. assotsiatsii istorikov Pervoy mirovoy voyny* [The Great War of 1914–1918: Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War]. Is. 3. Moscow: MBA, Kvadriga. pp. 12–21.
8. Vinogradov, P.V. (2013) Russko-angliyskoe voenno-ekonomicheskoe sotrudnichestvo v gody Pervoy mirovoy voyny [Russian-English Military-Economic Cooperation During the First World War]. In: *Velikaya voyna 1914–1918: Al'manakh Ros. assotsiatsii istorikov Pervoy mirovoy voyny* [The Great War of 1914–1918: Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War]. Is. 3. Moscow: MBA, Kvadriga. pp. 49–54.
9. Emelin, A.Yu. (2007) Nauchno-tekhnicheskie aspekty vzaimodeystviya russkogo i britanskogo flotov. 1914–1917 gg. [Scientific and Technical Aspects of the Interaction of the Russian and British Fleets. 1914–1917]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 7. pp. 44–46.
10. Bazhanov, D.A. (2007) *Shchit Petrograda: Sluzhebnye budni baltiyskikh drednoutov v 1914–1917 gg.* [The Shield of Petrograd: The Official Everyday Life of the Baltic Dreadnoughts in 1914–1917]. St. Petersburg: Herzen University.
11. Bazhanov, D.A. (2016) [English and Russian Fleets Through the Eyes of Russian Representatives at the Grand Fleet (1915–1917)]. *Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya* [Petersburg Military-Historical Readings]. Proceedings of the Inter-University Conference. St. Peterburg. 20 March 2015. St. Petersburg: Herzen University. pp. 95–100. (In Russian).
12. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 755. List 1. File 6.
13. Likharev, D.V. (1993) *Era admirala Fishera. Politicheskaya biografiya reformatora britanskogo flota* [The Era of Admiral Fisher. Political Biography of the Reformer of the British Navy]. Vladivostok: Far Eastern State University.
14. Kozlov, D.Yu. (2012) *Narushenie morskikh kommunikatsiy po opytu deystviy Rossiyskogo flota v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917)* [Disruption of Maritime Communications Based on the Experience of the Operations of the Russian Fleet in the First World War (1914–1917)]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.
15. Kozlov, D.Yu. (2014) *Vo glave deystvuyushchego flota: sistema upravleniya morskimi silami Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [At the Head of the Current Fleet: A System for Controlling the Naval Forces of Russia on the Eve of and During the First World War]. Moscow: Nobel' Press.
16. Simonenko, V. (1996) Dlya strategicheskogo upravleniya flotom (k 90-letiyu sozdaniya Morskogo general'nogo shtaba) [For the Strategic Management of the Fleet (On the 90th Anniversary of the Establishment of the Naval General Staff)]. *Morskoy sbornik*. 4. pp. 85–87.
17. Fedorov, V.M. (2008) *Voenno-morskaya razvedka: istoriya i sovremennost'* [Naval Intelligence: History and Modernity]. Moscow: Oruzhie i tekhnologii.
18. Ketlinskiy, K.F. (1914) *Morskaya sila Anglii* [The Naval Power of England]. St. Petersburg: Tip. Mor. m-va.
19. Shevel', A.A. (2016) *Anglo-russkie voenno-diplomaticheskie otnosheniya v sisteme Antanty v 1907–1917 gg.* [Anglo-Russian Military-Diplomatic Relations in the Entente in 1907–1917]. History Cand. Diss. Bryansk.
20. Zav'yalov, I.V. (2010) Rossiyskie morskie agenty o podvodnom korablestroenii za rubezhom v kanun Pervoy mirovoy voyny [Russian Marine Agents on Underwater Shipbuilding Abroad on the Eve of the First World War]. *Gangut*. 58. pp. 61–80.
21. Schoultz, C.G. Von. (2000) *S angliyskim flotom v mirovuyu voynu* [With the British Battle Fleet]. [Online] Available from: https://coollib.com/b/301621/read. (Accessed: 20.03.2018).
22. Mal'tseva, N.K. (2010) *Voyna i blokada* [War and Blockade]. St. Petersburg: ITMO University.
23. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 755. List 1. File 1.
24. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 755. List 1. File 4.
25. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 755. List 1. File 5.
26. Kozlov, D.Yu. & Emelin, A.Yu. (2014) Voenno-morskoe sotrudnichestvo Rossii i stran Antanty nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [Naval Cooperation Between Russia and the Entente Countries on the Eve and During the First World War]. In: Pavlov, A.Yu. (ed.) *Rossiya v strategii Pervoy mirovoy voyny: v 2 kn.* [Russia in the Strategy of the First World War: In 2 Books]. Book 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 265–302
27. Volkov, S.V. (2004) *Ofitsery flota i morskogo vedomstva: Opyt martirologa* [Fleet and Maritime Officers: Martyrology Experience]. Moscow: Russkiy put'.
28. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 755. List 1. File 2.
29. Nazarenko, K.B. (2010) *Flot, revolyutsiya i vlast' v Rossii: 1917–1921* [Fleet, Revolution and Power in Russia: 1917–1921]. St. Petersburg: Kvadriga, Russkaya panorama.

Received: 05 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 112–119. DOI: 10.17223/15617793/450/14

УДК 94(470)"1960/1990"

В.Н. Казьмин, М.В. Казьмина

ИНАКОМЫСЛИЕ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ (СЕРЕДИНА 1950-х–НАЧАЛО 1990-х гг.)

Анализируется процесс формирования инакомыслия в советском обществе в середине 50-х – начале 90-х гг. XX в. Рассматриваются содержание, характерные черты и особенности протестного мировоззрения советских граждан в периоды оттепели, консервации советской системы (застоя) и перестройки. Доказывается, что изменение политической системы и государственного устройства страны в значительной степени было следствием борьбы различных мировоззренческих позиций. Формулируются основные выводы и уроки для современного общества.

Ключевые слова: инакомыслие; этапы; судебные процессы; противостояние; синтез мировоззрений.

По мере развития современной российской государственности все более актуальной становится проблема извлечения уроков из прошедших периодов истории. Особенно это касается советского периода, который включает в себя различные содержательные моменты отношений государства к обществу, человеку. Прошлое нельзя изменить, его стоит лишь изучать для понимания настоящего и определения перспектив будущего.

Характер отношений государства и человека, как свидетельствует исторический опыт, зависит не только от государственного устройства и от общественно-экономических отношений, но и исторически сложившего менталитета народа, нации. Авторы поддерживают тезис о том, что российский менталитет складывался в процессе поиска правды и справедливого устройства общества. Это приводило к различным формам протестных действий, которые часто носили радикальный характер. Особенно ярко это проявилось в событиях революции 1917 г. и гражданской войны. В условиях оттепели, застоя, перестройки также формировались свои противоречия и формы их разрешения в различных протестных действиях граждан.

Цель данной статьи – рассмотреть процесс формирования инакомыслия, его содержание и отличительные особенности на разных этапах советского общества. В статье выделены три этапа проявления инакомыслия, имевшие свои специфические черты и характеристики. Их рамки совпадают со временем оттепели, застоя и перестройки. Советское общество на протяжении своего становления и развития никогда не было идеологически единым и однородным. Особенно это проявлялось в условиях ослабления контроля со стороны власти за обществом и гражданами. Примером тому является время середины 1950-х – начала 1960-х гг., получившее название «оттепель».

В этот период начинается процесс ограниченной демократизации, который способствует появлению инакомыслия в стране. Главным его источником являлась художественная литература. Именно она оказывала значительное воздействие на граждан, формируя протестное мировоззрение и действия. Однако в рамках этого периода мировоззренческие взгляды в основном не выходили за рамки господствовавшей идеологии марксизма-ленинизма. Это утверждают и многие будущие участники протестных действий [1. С. 95]. Естественно, что центры протестного мировоззрения и действий формировались в Москве и Ленинграде, других крупных городах. Именно там были широкие возможности для получения информации, концентрировались научные, культурные и учебные заведения.

В Москве начало оформляться диссидентство с его базовыми первоначальными принципами: уважение к закону, отказ от насилия, стремление к гласности, личная ответственность за судьбу страны [2. С. 246]. Важным фактором, способствовавшим формированию инакомыслия, стали решения XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина и репрессивную политику.

Конечно, влияние сталинской эпохи оказало существенное воздействие на мировоззрение советских граждан. Известный томский историк Ю.В. Куперт вспоминал: «Воспитанные профессионально и идейно еще при жизни Сталина, мы не могли не нести в себе издержек духовного развития, характерных для того времени. Разумеется, все мы считали себя марксистами ленинского толка, и общественные явления оценивали с этих позиций… Разоблачение культа личности было не просто потрясением, но и призывом к действию» [3. С. 28–29]. Однако активные действия людей, посчитавших, что возможны реальные перемены, привели к трагическим последствиям. Примером этого может служить судьба выдающего ученого, одного из основоположников системных исследований в области философии и методологии в нашей стране, Э.Г. Юдина.

Э.Г. Юдин родился в 1930 г. Высшее образование получил в Московском юридическом институте, затем учился в аспирантуре по специальности «философия». В 1952 г. он вступил в КПСС, со временем стал заведующим отделом студенческой молодежи Московского городского комитета комсомола. В январе 1955 г. Э.Г. Юдин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. В 1956 г. по собственному желанию уехал работать на периферию в Томский пединститут на должность ассистента кафедры философии марксизма-ленинизма. В ноябре 1956 г. он выступил на выборном партийном собрании пединститута с критикой партбюро и затронул ряд вопросов: об улучшении информирования рядовых членов партии о работе вышестоящих органов, о внутренней жизни страны и о событиях в Венгрии [3. С. 5–6].

Это выступление привело к травле и гонению молодого преподавателя, которого в дальнейшем обвинили в заговоре против власти, отстранили от работы и привлекли к судебной ответственности. 22 марта 1957 г. Томский областной суд приговорил его к 10 годам лишения свободы за антисоветскую агитацию и пропаганду «без поражения прав» [4. С. 218]. Пострадали и другие молодые преподаватели Томского пединститута, поддержавшие взгляды Э. Г. Юдина или высказывавшие собственные суждения на предмет событий в мире и стране [Там же. С. 231–236].

О том, что закончился период хрущевской оттепели и начался период «томских заморозков», говорят и события, которые происходили в одном из ведущих научных центров Сибири – Томском государственном университете. В декабре 1956 г. там был проведен диспут среди студентов на тему «Как ты понимаешь роль и место комсомола в твоей жизни?». Ведущим диспута был ассистент кафедры общей физики физического факультета, заместитель секретаря комитета комсомола университета А.Э. Конторович. На диспуте с критическими замечаниями по поводу роли комсомола и политики власти выступили несколько студентов, в том числе студент геологического факультета Г.Ф. Швейник.

В организации провокационных выступлений был обвинен ведущий диспута А.Э. Конторович. Он был исключен из партии и уволен из университета. В дальнейшем А.Э. Конторович стал выдающимся ученым, академиком РАН, создателем и директором Института геологии нефти и газа СО РАН [Там же. С. 19–25]. Судьба студента Г.В. Швейника оказалась более трагичной. Он был обвинен в антисоветской агитации и пропаганде и по решению областного суда приговорен к 5 годам лишения свободы [Там же. С. 229].

Подобные примеры можно привести и по другим городам РСФСР. Аресты и репрессии отмечались в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске. Противоречия оттепели особенно ярко проявлялись в закрытом письме ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». В довольно объемном документе говорилось о бдительности советских граждан и своевременном пресечении преступных антисоветских действий и взглядов [5. С. 208–214]. Репрессии начали набирать обороты. За период оттепели по статьям антисоветской агитации и пропаганды Уголовного кодекса РСФСР только за 1956–1960 гг. было осуждено 4 676 человек. Пик приходился на 1957–1958 гг. За два года было осуждено 3 380 человек (или 72%. Подсчеты в процентах – авторов) [6. С. 36]. Неожиданным фактом для власти стала доля рабочих, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду. Она составила в 1957 г. почти 50% от общего числа осужденных [Там же. С. 39].

На основе анализа материалов судов и прокуратуры периода оттепели можно сделать вывод, что инакомыслие было характерно для одиночек (более 90% осужденных). Больше половины осужденных (свыше 60%) оказались в заключении просто за высказывание по тем или иным событиям в стране или в мире, за критику власти [6. С. 41]. То есть наказание было за образ мысли или недовольство внутренней и внешней политикой.

Власть упустила шанс осуществить мировоззренческий плюрализм в рамках существовавшей политической системы, развивая его прежде всего в первичных партийных организациях. Однако даже на этот шаг партийное руководство не пошло. Оно практически способствовало тому, что инакомыслие начало функционировать в разных формах вне рамок закона и системы в нелегальных или полулегальных формах, противопоставляя себя официальной идеологии.

Протестное мировоззрение стало оформляться по тем направлениям, на которые были наложены запреты для свободного обсуждения не только внутри общества, но и внутри партии, особенно в ее низовых ячейках. Исторический шанс трансформации советского общества был упущен. Власть и часть общества (диссиденты) пошли разными дорогами.

Следующий фактор идеологической «заморозки» имел внешний аспект. Он связан с последствиями решений XX съезда КПСС в отношении мирового социалистического лагеря. Осенью 1956 г. в ряде стран социализма возникли кризисные явления. Так, в Польше руководство партии заявило, что культ личности является государственной системой, а не случайным эпизодом в деятельности советского государства. В Венгрии произошло вооруженное восстание. Руководство Венгрии заявило о выходе из Варшавского договора, независимости страны, мировоззренческом плюрализме. В ноябре на территорию Венгрии были введены советские войска.

Силовое подавление венгерского восстания повлияло на мировоззрение некоторой части советских граждан, особенно студенческой молодежи, получавшей информацию их зарубежных источников. Об этом говорит будущий диссидент А. Амальрик, который напишет статьи «Просуществует ли СССР до 1984 г.» и «Идеология в советском обществе», сыгравшие важную роль в формировании инакомыслия [7. С. 642, 675].

На рубеже окончания оттепели и прихода к власти Л.И. Брежнева начали оформляться нелегальные, полулегальные, неформальные кружки и организации со своими ценностными и мировоззренческими ориентирами протестного характера. Инакомыслие вступило в новый качественный период. Выступления одиночек, критиковавших руководство страны, недостатки внутренней и внешней политики в основном с позиций социализма, марксистско-ленинской идеологии, уходят на второй план.

На первый план выходят объединения разной мировоззренческой направленности. Можно классифицировать возникновение более десяти течений инакомыслия в СССР. Среди них наиболее значимыми являлись: религиозные (4 организации), национальные (7 организаций), правозащитные организации [8. С. 177–178].

Представители религиозного и националистического инакомыслия действовали, как правило, вне рамок советского законодательства. За это, например,

были арестованы и осуждены 20 украинских националистов [6. С. 47]. В середине 1960-х гг. оформилось правозащитное движение, заявившее, что будет действовать легально на основе закрепленных в Конституции СССР прав человека. Важным фактором формирования инакомыслия в форме правозащитных действий брежневской эпохи была частичная реабилитация Сталина, свертывание его критики. Часть творческой интеллигенции не приняла «просталинской» корректировки идеологии и ушла в оппозицию. Таким образом, правозащитники создали определенную и очень влиятельную социальную базу для своей деятельности.

Оппозиционность части интеллигенции, ее поддержка правозащитников, проявилась уже в ходе первых судебных процессов брежневского периода над поэтом И. Бродским, и особенно над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем. Их подвергли критике за публикацию произведений за границей и предъявили обвинение по статье 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление советской власти» [9. С. 43]. Группа интеллигенции и московского студенчества отнеслась к суду над А. Синявским и Ю. Даниэлем как к посягательству на права человека и советскую Конституцию.

5 декабря 1965 г. (в день принятия Конституции СССР 1936 г.) на Пушкинской площади в Москве состоялся митинг под лозунгами гласности суда и уважения Конституции СССР. Формой протеста являлись и письма в защиту подсудимых. В органы власти было направлено несколько десятков писем с подписями видных представителей творческой интеллигенции [10. С. 18–19].

Таким образом, по сравнению с хрущевской оттепелью, власть получила организованное общественное сопротивление по защите конституционных прав граждан. Это заставило ее изменить способы и методы борьбы с инакомыслием. В сентябре 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Уголовный кодекс была внесена статья 190-1, по которой предполагалось лишение свободы до трех лет за «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй…» [11. С. 1038].

Отличие от предыдущего времени в борьбе с инакомыслием состояло в том, что вводилось понятие «систематическое распространение ложных измышлений», а не простые «обывательские разговоры». В дальнейшем в практику органов безопасности вошел термин «профилактика». С целью профилактики гражданин вызывался в органы для объявления предостережения от противоправных действий. Если впоследствии человек совершал преступление, то протокол о сделанном предупреждении приобщается к уголовному делу [12. Л. 3–4.]. Во второй половине 1960-х гг. КГБ СССР активизировал свою и агентурную работу. Только в 1967 г. было завербовано 24 952 новых агентов (15% от всей агентуры), что в «…два раза превысило количество выявленных инакомыслящих» [6. С. 47].

В 1970-х гг. начали оформляться мировоззренческие оппозиционные течения со своими лидерами. Власть в стране и зарубежные средства массовой информации заговорили о формировании политической оппозиции в СССР на базе недовольства проводимой политикой. Наибольшую опасность для правящего режима представляли А. Солженицын, А. Сахаров, Жорес и Рой Медведевы и др. [13. Л. 46]. Они поразному понимали содержание, способы и пути изменения советского общества. Общей для них являлась оценка положения в стране, которое расценивалось как кризисное, и понимание необходимости перемен. Остановимся на базовых положениях их идей и программных требований.

А.И. Солженицын, на наш взгляд, – представитель своеобразного мировоззренческого течения. Его сторонников называли «русскими националистами», «неославянофилами», «возрожденцами», последователями «христианской идеологии» [7. С. 660–661]. Недовольство позицией А.И. Солженицына у правящей элиты появилось давно, и связано оно с публикацией его первых произведений. Однако особую опасность он стал представлять с начала 1970-х гг. Именно его с этого времени считали в КГБ СССР и на Западе лидером инакомыслящих. В западной прессе А.И. Солженицына называли «главным политическим борцом», «путеводной звездой либеральных сил в советской литературе» [13. Л. 63]. Присуждение А.И. Солженицыну Нобелевской премии по литературе, а потом издание произведения «Архипелаг Гулаг» заставляет КГБ и идеологические структуры отслеживать каждый его шаг в стране и характер публикаций за рубежом.

Представители данного течения предполагали возродить русскую государственность, культуру, менталитет на основе возврата к православию, дореволюционным традициям и образцам. Помимо А.И. Солженицына подобные взгляды распространял самиздатовский журнал «Вече». В нем, например, содержалась статья В. Осипова «Обращение к нации», где говорилось о необходимости формирования национального самосознания русского народа [Там же. Л. 85].

В последующих своих публицистических трудах А.И. Солженицын разработал довольно четкую программу действий: отказ от поддержки марксизма как единственной официальной идеологии; укрепление семьи, развитие образования, свобода религиозного просвещения; освобождение политзаключенных; сохранение партии, но с усилением роли Советов и др. [14. С. 146–181]. Судьба А.И. Солженицына решилась в феврале 1974 г., когда он был арестован, лишен советского гражданства и выслан за рубеж [15. С. 91]. В современной России позиция Солженицына будет востребована, что показывает чествование его 100-летнего юбилея в декабре 2018 г., открытие памятника в Москве.

В 1970-е и 1980-е гг. все большей поддержкой пользовалась идея формирования правового государства, защиты прав человека. В концентрированном виде она оформилась в трудах и взглядах А.Д. Сахарова («доктрина Сахарова»). Указанная доктрина ба-

зировалась на необходимости соблюдения прав человека, закрепленных в советской Конституции 1936 г. [16. С. 432]. Этот парадокс объяснялся возможностью пропагандировать свои взгляды легально, опираясь именно на статьи Конституции СССР.

Трансформация и политизация данного правозащитного течения происходили постепенно. Вначале выдвигалось требование соблюдения прав человека, а потом была предпринята попытка с помощью структур западных государств контролировать ход их выполнения, опираясь на решения Хельсинского совещания 1975 г. Это сразу обострит отношение власти к позиции А.Д. Сахарова и его сторонникам.

Далее, по мере знакомства с идеями западных либералов, в основу этого мировоззренческого направления были положены идеи общечеловеческого прогресса, первичность человеческой личности, гуманизм. Предполагалась постепенная трансформация советской системы в демократическое, плюралистическое общество западного типа, с предоставлением значительной свободы частной инициативе. Таким образом, А.Д. Сахаров прошел свой идеологический эволюционный путь от сторонника теории конвергенции к классическим либерально-демократическим ценностям. С января 1980 по 1986 г., уже находясь в ссылке в Горьком, А.Д. Сахаров написал ряд статей, где доминировали глобальные проблемы современного мира, отношения между СССР и США как ведущих мировых держав [17. С. 227].

Самостоятельным течением инакомыслия следует назвать сторонников развития демократии внутри социалистической системы и КПСС – «модернизированный марксизм». Его последователи призывали вернуться к ленинскому пониманию демократии. Ярким представителем этого направления был московский историк Р. Медведев. Он и другие сторонники считали, что демократия проявляется в существовании внутрипартийной оппозиции.

Это течение признавало советскую систему по своей сущности социалистической. Представители данного направления магистральным путем развития страны считали демократию, которая ограничена в стране, поэтому социализм не построен в своих развитых формах. Под влиянием таких взглядов длительное время находился и А.Д. Сахаров. Он, совместно с Р. Медведевым и В. Турчиным, в 1970 г. обратился к советскому руководству с письмом, призывая демократизировать советскую систему [18. С. 159]. Сторонники данного направления критиковали моральное разложение руководства государства и отсутствие внутри КПСС творческой мысли, свободы [19. С. 98–99]. В 70-е и 80-е гг. XX в. в силу разных причин многие представители этого течения уйдут к «западникам».

Необходимо отметить, что каналов для распространения своих взглядов у инакомыслящих было чрезвычайно мало: «самиздат», который издавался в России, и «тамиздат», ввозившийся из-за границы.

Главное управление по охране государственных тайн и печати при Совете Министров СССР (ГЛАВЛИТ) информировало ЦК КПСС, что в 1971 г. оно проконтролировало 4,9 млн изданий периодики и конфисковало 768 тыс. экземпляров иностранных изданий с антисоветскими материалами (в 1970 г. – 588 тыс.). Зарубежная печать пишет о расширении политической оппозиции в СССР [13. Л. 44, 51]. Среди «самиздата» следует выделить бюллетень «Хроника текущих событий» и издававшийся за рубежом журнал «Вести из СССР». Однако распространение их было затруднено в связи с контролем органов безопасности и запрещением подобной литературы в законодательном плане. Несмотря на запрет и опасность, эти издания и литература идеологов протестных действий доставлялись в регионы, в том числе и в научные центры Западной Сибири.

В целом период брежневского застоя в плане мировоззренческого противостояния закончился полным разгромом инакомыслия. Однако это была «пиррова победа». Проблемы и противоречия не только в обществе, но и внутри правящей партии оказались нерешенными, загнанными вглубь. Это пришлось признать после смерти Л.И. Брежнева бывшему Председателю КГБ СССР и новому Генеральному Секретарю ЦК КПСС Ю.В. Андропову.

В 1983 г. Ю.В. Андропов публикует статью «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», где пишет о необходимости трезвой оценки советского общества, выявлении и решении существующих в нем проблем на основе марксистско-ленинской идеологии, концепции развитого социализма [20. С. 25–31]. Между тем упомянутая концепция вызывала критическое отношение к ней даже у части у партийных идеологов и обществоведов.

Призыв к творчеству в рамках жесткой идеологической установки и догматизма политической системы не мог привести к новым прорывным идеям. Марксизм-ленинизм постепенно утрачивал способность своего внутреннего развития, свой мобилизационный потенциал. С ним происходило то, что происходит с любой правящей идеологией. Став господствующей, она со временем становится средством сохранения власти правящей элиты. Жизнь по-своему разрешила вопросы, поставленные Ю.В. Андроповым. После его смерти в 1984 г. произошла окончательная консервация идеологической и политической системы в стране. В принципе никто не связывал радикальных шагов идеологического характера и с приходом к власти нового, молодого Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

С подавлением инакомыслия в начале 1980-х гг. КПСС и КГБ СССР полностью контролировали политическую ситуацию в Советском Союзе. Известный русский философ А. Зиновьев отмечал, что в начале перестройки можно говорить о «социальной оппозиции из интеллектуалов, критически относящихся к советской действительности и самому М.С. Горбачёву» [21. С. 477].

По мере заявлений М.С. Горбачева о развитии демократии в стране, гласности все острее становилась проблема отношения к инакомыслию. В начале перестройки просьбы об освобождении диссидентов последствий не имели. Однако с 1986 г., в том числе под давлением западной общественности и правительств, начался процесс освобождения инакомыслящих из мест лишения свободы.

По мнению руководства КГБ СССР, этот процесс должен был осуществляться постепенно. В первую очередь предполагалось освобождать тех, кто не относился враждебно к проводимой политике или раскаялся в содеянном. Ситуация с находящимися в заключении диссидентами осложнилась в связи со смертью в тюрьме после продолжительной голодовки известного правозащитника А. Марченко. Это событие вызвало большой резонанс за рубежом и в СССР [22. С. 292].

Процесс освобождения инакомыслящих завершился в 1988 г. К этому времени было освобождено более двух тысяч «узников совести». Компания амнистии была следствием выполнения обещания руководства Советского Союза иностранным государствам. Таким образом, бывшие диссиденты получили возможность участвовать в политической и общественной жизни страны [8. С. 197].

В 1989 г. А. Сахаров был избран народным депутатом. В. Новодворская создала антисоветскую партию «Демократический Союз» с филиалами в регионах, в том числе в Западной Сибири. Многие диссиденты были избраны депутатами Верховного Совета РСФСР. Отмена 4 марта 1990 г. 6-й статьи Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС в политической системе советского общества стала сигналом для массового возрождения оппозиционных КПСС организаций, в том числе политических партий.

В 1989 и 1990 гг. были отменены и статьи в Уголовном кодексе о преследовании за антисоветскую деятельность и пропаганду. В КГБ СССР и его отделениях в регионах упразднялись отделы по борьбе с идеологическими диверсиями противника. Вместо них создавалось управление по защите советского конституционного строя, главными задачами которого были содействие перестроечным процессам, развитию демократии и гласности.

С конца 1986 г. начинается процесс оформления разнообразных неформальных организаций («неодиссидентство) не только в столице, но и на региональном уровне. Примером может служить деятельность созданного в 1987 г. клуба содействия перестройке в Томском государственном университете («Союз содействия революционной перестройке»). Цель организации – принятие активного участия в выборных кампаниях, создание общества «Мемориал», помощь политзаключенным, защита прав человека.

Так, по инициативе членов организации началась борьба за восстановление на работе В. Фаста, уволенного из ТГУ по «томскому делу» в 1982 г. Члены Союза собирают средства для оказания помощи находившемуся в ссылке с января 1988 г. в селе Березовка Парабельского района Томской области украинскому националисту Л.Г. Лукьяненко, переведенному сюда из Пермского политического лагеря [23. Л. 23–24].

Со второй половины 1980-х гг. идейный кризис на всех уровнях происходит и внутри КПСС. Особо следует отметить мировоззренческую эволюцию высшего руководства КПСС. Перестройка, которая, по программным заявлениям М.С. Горбачева, должна была способствовать раскрытию потенциала социализма, завершилась крахом советской идеологии и государственности. В 1991 г. М.С. Горбачев признался, что никакой четкой программы действий у него не было. Вот что он пишет: «…мы нашли, наконец, целостную концепцию движения вперед. Суть ее – в триаде взаимосвязанных основных направлений, которые только и могут привести к целям перестройки. Это: реформирование государства; реформирование экономики; выход страны на мировой рынок и через него и политику нового мышления – в общее русло мировой цивилизации» [24. С. 66–67].

Но даже его соратник по перестройке А. Яковлев понимал, что реализовывать данные цели было некому. По его мнению, на рубеже 1990-х гг. прежняя идеология была разрушена. «Под вопрос было поставлено все: целесообразность социалистического выбора; научная состоятельность марксистской доктрины; правомерность идеологии в целом» [25. С. 234]. Главный идеолог КПСС периода перестройки А. Яковлев определил основные направления ухода от прошлого – департизация, демилитаризация, денационализация, деиндустриализация, демонополизация, деанархизация. Все это должно было способствовать уходу от практики социализма в СССР, которая, по мнению А.Н. Яковлева, «обернулась нищенством, подавлением личности, инквизицией, геноцидом» [Там же. С. 281].

Некоторые прежние пропагандисты марксизма и на региональном уровне стали отрицать его научность и идеи, переходить на новые либерально-демократические постулаты. Однако главный удар по нему был нанесен организационно оформившимися антикоммунистическими организациями и партиями. Причем многие из них открыто заявили о своей антикоммунистической направленности. Особо резкой критикой социалистической системы и ее идеологии отличались такие организации, как «Демократический Союз», «Демократическая Россия», оформившие в национальные движения «народные фронты» России, Прибалтийских стран, Украины и др. Антикоммунистические организации появились и на региональном уровне. В Томске к концу 1989 г. действовали разнообразные неформальные общественно-политические структуры и объединения – партии, движения, клубы. В ноябре 1989 г. они объединились в Томское народное движение (ТНД), ключевыми целями которого были смена государственного строя и вытеснение коммунистической партии, ее идеологии с политической сцены [26. Л. 8–9].

В это сложное и противоречивое время немногие представители гуманитарных и общественных наук говорили об объективном и научном подходе к истории советского периода, доктрине марксизма-ленинизма. В их научных трудах формулировались положения об альтернативности истории, дополнении марксизма идеями общечеловеческих ценностей, синтеза методологических подходов. В этом ключе рассуждали выдающиеся историки в области методологии М. Гефтер, И.Д. Ковальченко, Б.Г. Могильницкий. Томский историк Б.Г. Могильницкий, считая марксизм

величайшим достижением, отмечал, что в условиях современности необходимо его сочетание с другими доктринами (М. Вебера, школы «Анналов» и др.). По его мнению, такое взаимодействие составляет основу современной цивилизации, укрепляет социокультурный потенциал общества [27. С. 167]. Полный отказ от марксистско-ленинской теории, достижений советского строя означал и разрыв единства и целостности исторического процесса в российской государственности, доктринальных связей единства ее этапов.

Разгром прежних мировоззренческих ценностей способствовал внедрению новых идейных ценностей, которые в основном соответствовали набору идей разных течений диссидентов 1950–1970-х гг., прежде всего либеральных. Скорость внедрения новых мировоззренческих ценностей не способствовала разрешению существовавших проблем, а, наоборот, усугубляла их. Последующая после перестройки практика политической жизни доказала, что внедрение новых либерально-демократических ценностей не привело к благополучию и процветанию граждан страны, а способствовало кризисам и потрясениям, из которых пришлось выходить с большими жертвами. Реальная жизнь в очередной раз доказала, что нет универсальных ответов на вопросы, возникающие в связи с быстро изменяющимися процессами современного мира на основе одной мировоззренческой доктрины. Следует согласиться с мнением Б.Г. Могильницкого, что должно быть «…ясное понимание органической связи времен и вытекающей отсюда социальной значимости истории, создающей научный образ человеческого прошлого» [Там же].

Таким образом, революционный переворот в мировоззренческой битве периода перестройки носил противоречивый характер. С одной стороны, гласность, свобода идей и творчества, возможность самореализации, создание новых общественно-политических организаций и их мировоззренческая конкуренция. С другой – идейный раскол общества, распад государства, который разделил страну на сторонников новых ценностей и защитников социалистического выбора. Окончательное противостояние сил произошло 19–22 августа 1991 г. (путч). Эти события резко изменили соотношение политических сил. Оппозиция, ранее критиковавшая КПСС за монополию на власть, непримиримость к инакомыслию, сама стала проявлять нетерпимость к ослабевшему противнику.

После августа 1991 г. антикоммунизм стал государственной идеологией. 6 ноября 1991 г. Указом Президента РФ Б. Ельцина деятельность КПСС и Компартии РСФСР была запрещена. Они обвинялись в антинародной и антиконституционной деятельности, разжигании национальной розни, нарушении прав и свобод человека [28]. Имущество партии изымалось и передавалось в собственность государства. Лишались коммунисты и возможности пропагандировать, пусть на определенный срок, свои идеи через средства массовой информации. Пропаганда социалистических идей становилось инакомыслием. Теперь уже социалистической идеологии предстояло доказывать свою востребованность и жизнеспособность в конкурентной борьбе с другими доктринами.

Таким образом, инакомыслие в середине 1950-х – начале 1990-х гг. прошло три этапа в своем содержательном развитии. Первый этап – это выступления одиночек, поверивших в демократизацию страны и свободу слова, объявленных в период хрущевской оттепели. На втором этапе брежневского застоя произошло не только формирование мировоззренческих течений оппозиционного характера, но и частично их организационное оформление, в том числе и в форме легальной защиты прав человека. Однако в начале 1980-х гг. всякое проявление инакомыслия подавлялось репрессивными методами. Третий этап, связан со временем перестройки, предполагавшей реформирование страны на основе политики демократизации и гласности. В этих рамках произошел крах господствующей марксистско-ленинской идеологии, развал коммунистической партии и государства. Эволюция инакомыслия на данном этапе завершилась оформлением новых политических сил.

С началом 1990-х гг. находившиеся в оппозиции КПСС общественно-политические организации, придя к власти в Российской Федерации, праздновали свою идеологическую победу. В истории страны произошел очередной мировоззренческий переворот. Теперь марксистско-ленинская идеология в лице прежней правящей партии была запрещена и начала испытывать те же проблемы, что и ее когда-то преследуемые противники.

Главный исторический урок из событий середины 1950–1990-х гг. состоит в понимании, что в современном мире глобальных интересов, геополитического противостояния, быстро меняющихся условий жизни общества и человека не может быть монопольных мировоззренческих концепций. Решение современных проблем может осуществляться лишь на основе синтеза, модернизации и конкуренции идеологий, политических доктрин. Важно, чтобы мировоззренческая конкурентная борьба не выходила за рамки нравственных норм и установленных в государстве законов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л., Годберг П. Поколение оттепели. М., 2006. 95 с.
2. Вессье С. За вашу и нашу свободу. Диссидентское движение в России. М., 2015. 592 с.
3. Юдин Б.Г. Эрик Григорьевич Юдин. М. : РОССПЭН, 2010. 399 с.
4. Томские заморозки хрущевской оттепели (сборник документов и материалов). Томск, 2010. 302 с.
5. Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 2. Февраль 1956 – начало 1980-х гг. М., 2003. 958 с.
6. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М., 2005. 430 с.
7. Погружение в трясину / сост. Т.А. Ноткина. М., 1991. 704 с.
8. Гаврилова А.В., Гаврилов С.О. История правозащитной деятельности. Кемерово, 2017. 302 с.
9. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953–1991 гг.). Ч. 2. Казань,1995. 304 с.

10. Терц А. Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1990. 526 с.
11. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 38. С. 1038.
12. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. ПЕР. 25. Д. 41.
13. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 98.
14. Солженицын А.И. На возврате дыхания. М., 2004. 627 с.
15. Источник (приложение к журналу Родина). 1993. № 3. С. 91.
16. Хоскинг Д. История Советского Союза.1917–1991. М., 1995. 511 с.
17. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991. 336 с.
18. Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 159.
19. Казьмин В.Н. Идейно-политическая борьба в регионах России. 1971–1991 гг. (на примере Западной Сибири). Кемерово, 2009. 280 с.
20. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1983. 350 с.
21. Зиновьев А.Н. Коммунизм как реальность. М., 1994. 495 с.
22. Литвинова Ф. Очерки прошедших лет. М., 2008. 292 с.
23. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 5825. Оп. 1. Д. 38.
24. Горбачев М.С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991. 96 с.
25. Яковлев А.Н. Горькая чаша Ярославль, 1994. 461 с.
26. ЦДНИТО. Ф. 5825. Оп. 1. Д. 3.
27. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Томск, 2003. Вып. 2. 176 с.
28. Наша газета (Союз трудящихся Кузбасса). 1991. 8 ноября.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 февраля 2019 г.

Dissent in the Soviet Society: Stages of Formation and Development (From the Mid-1950s to the Early 1990s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 112–119.
DOI: 10.17223/15617793/450/14

Vladimir N. Kazmin, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vladkaz231@yandex.ru
Margarita V. Kazmina, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Rita-KMV@yandex.ru

Keywords: dissent; stages; trials; opposition; synthesis of outlooks.

The article analyses the formation of dissent in the Soviet society in the mid-1950s – early 1990s. It aims to reveal the content, characteristic features and specificity of the protest outlook of the Soviet citizens during the Khrushchev Thaw, the Era of Stagnation and the Perestroika. The sources for writing the article are archival documents of the central and regional authorities, materials and memoirs of dissidents, scientific literature. The authors note that different ideological views were formed during the mentioned periods. During the Khrushchev Thaw, with a liberalisation of the political climate, dissent was shown in performances of individuals who believed in the democratisation of the country and freedom of speech, including in the ruling Communist Party. However, this phenomenon did not last long; it was stopped by a criminal law. Court cases in Tomsk Oblast show this tendency at the regional level. According to the authors, the Era of Stagnation was the time of the final conservation of the ideology of Marxism-Leninism. The promotion of the concept of developed socialism, which had nothing to do with real life, began. Part of the Soviet citizens, especially the scientific intellectuals, made attempts to create structures and organisations for protection of the national, religious, political, and economic rights. The formation of various worldview currents infringing on the interests of the ruling party and the authorities began. The result of the opposition was a complete defeat of all organisational structures of dissent in regions at the beginning of the 1980s. According to the authors, with the declaration of the perestorika policy, there formed an essentially new situation in society. The country's democratisation, publicity, freedom of speech promoted the emergence of many informal organisations of various worldview orientations. Various ideologies competed on how to modernise the state system of the country. The result of this competition was the overthrow of the ruling Communist Party and the coming to power of the new political forces which proclaimed the ideas of liberal economy and a constitutional state. Their methods of fight against ideological opponents in the early 1990s were similar to those of the communist party. In the conclusion of article, the authors argue that the solution of the most difficult external and internal problems, the guarantee of a certain stability and prospects for the country's further development are possible only by synthesising various worldview concepts that account for the needs of society and the state, by respecting the balance of interests of different social groups.

REFERENCES

1. Alekseeva, L. & Godberg, P. (2006) *Pokolenie ottepeli* [The Generation of the Thaw]. Moscow: Izdatel'skiy dom: I.V. Zakharov.
2. Vaessie, C. (2015) *Za vashu i nashu svobodu. Dissidentskoe dvizhenie v Rossii* [For Your and Our Freedom. The Dissident Movement in Russia]. Translated from French. Moscow: NLO.
3. Yudin, B.G. (2010) *Erik Grigor'evich Yudin*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
4. Pril', L.N. (ed.) (2010) *Tomskie zamorozki khrushchevskoy ottepeli (sbornik dokumentov i materialov)* [Tomsk Frosts of the Khrushchev Thaw (Collection of Documents and Materials)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Yakovlev, A.N. (ed.) (2003) *Reabilitatsiya. Kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy* [Rehabilitation. How It Was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and Other Materials]. Vol. 2. Moscow: Materik.
6. Kozlov, V.A. & Mironenko, S.V. (eds) (2005) *Kramola. Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953–1982 gg. Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo suda i Prokuratury SSSR* [Sedition. Dissent in the USSR Under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1982 Declassified Documents of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of the USSR]. Moscow: Materik.
7. Notkina, T.A. (1991) *Pogruzhenie v tryasinu* [Immersion in the Quagmire]. Moscow: Progress.
8. Gavrilova, A.V. & Gavrilov, S.O. (2017) *Istoriya pravozashchitnoy deyatel'nosti* [History of Human Rights Activities]. Kemerovo: Kemerovo State University.
9. Zakharov, N.S. & Malkov, V.P. (eds) (1995) *Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1953–1991 gg.)* [A Collection of Documents on the History of the Criminal Laws of the USSR and the RSFSR (1953–1991)]. Pt. 2. Kazan: Kazan State University.
10. Terts, A. (1990) *Tsena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Sinyavskogo i Danielya* [Price of Metaphor, or the Crime and Punishment of Sinyavsky and Daniel]. Moscow: Kniga.
11. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR.* (1966) 38. p. 1038.
12. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 25. File 41. (In Russian).
13. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 63. File 98. (In Russian).
14. Solzhenitsyn, A.I. (2004) *Na vozvrate dykhaniya* [As Breathing and Consciousness Return]. Moscow: Vagrius.

15. *Istochnik* (Supplement to *Rodina*). (1993) 3. p. 91.
16. Hosking, J. (1995) *Istoriya Sovetskogo Soyuza. 1917–1991* [History of the Soviet Union. 1917–1991]. Translated from English. Moscow: Vagrius.
17. Sakharov, A.D. (1991) *Trevoga i nadezhda* [Anxiety and Hope]. Moscow: Inter-Verso.
18. *Izvestiya TsK KPSS*. (1990) 11. p. 159.
19. Kaz'min, V.N. (2009) *Ideyno-politicheskaya bor'ba v regionakh Rossii. 1971–1991 gg. (na primere Zapadnoy Sibiri)* [The Ideological and Political Struggle in the Regions of Russia. 1971–1991 (On the Example of Western Siberia)]. Kemerovo: INT.
20. Andropov, Yu.V. (1983) *Izbrannye rechi i stat'i* [Selected Speeches and Articles]. Moscow: Politizdat.
21. Zinov'ev, A.N. (1994) *Kommunizm kak real'nost'* [Communism as a Reality]. Moscow: Tsentrpoligraf.
22. Litvinova, F. (2008) *Ocherki proshedshikh let* [Essays on Past Years]. Moscow: Zven'ya.
23. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 5825. List 1. File 38. (In Russian).
24. Gorbachev, M.S. (1991) *Avgustovskiy putch. Prichiny i sledstviya* [August Putsch. Causes and Effects]. Moscow: Novosti.
25. Yakovlev, A.N. (1994) *Gor'kaya chasha* [A Bitter Cup]. Yaroslavl: Verkh.-Volzh. kn. izd-vo.
26. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 5825. List 1. File 3.
27. Mogil'nitskiy, B.G. (2003) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka* [The History of the Historical Thought of the Twentieth Century]. Is. 2. Tomsk: Tomsk State University.
28. *Nasha gazeta* (Soyuz trudyashchikhsya Kuzbassa). (1991) 8 November.

Received: 24 February 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 120–126. DOI: 10.17223/15617793/450/15

УДК 94(47)08(571.5)

Т.А. Кискидосова

БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ МИНУСИНСКА)

На основе метрических книг двух православных церквей рассматриваются демографические процессы в Минусинске во второй половине XIX в. Исследованы сезонность рождений, венчаний и смертей, половозрастные показатели смертности, общая демографическая динамика. Отмечено, что для горожан была характерна традиционная модель демографического поведения. На протяжении изучаемого периода сохранялись колебания рождаемости и смертности. Увеличение смертности наблюдалось в большей степени в зимние и летние месяцы.

Ключевые слова: историческая демография; город; Минусинск; православные; брачность; рождаемость; смертность.

В современной сибирской историографии города являются объектом специального демографического изучения. В трудах А.Р. Ивонина, В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова, Д.Е. Сарафанова, М.В. Винник, В.Н. Владимирова, В.В. Плодуновой, И.Г. Силиной и других рассмотрены демографические процессы, происходившие в сибирских городах в дореволюционный период [1–7]. Историко-демографические исследования развиваются на основе комплексного использования разных видов источников. Авторы используют как первичные материалы, так и агрегированную информацию.

Среди источников исторической демографии особое место занимают материалы массового церковного учета населения, включающие в себя набор документов, где ведущую роль играют метрические книги, клировые ведомости и исповедные росписи (ведомости), формировавшиеся в рамках церковной документации. Введение в научный оборот церковных источников позволяет рассмотреть различные аспекты народонаселения определенного региона. В метрических книгах содержится детальный анализ демографической информации, начиная с акта рождения, бракосочетания и смерти.

Документы о народонаселении церковного происхождения, с одной стороны, являются ценным источником в изучении демографических процессов, с другой стороны, существует ряд проблем, связанный с достоверностью и точностью данных документов. В работе с метрическими книгами существуют такие недостатки, как нерегулярность и неточность данных, отсутствие некоторых сведений, небрежность и невнимательность в заполнении граф, а также плохая сохранность источника. Исследователи отмечали, что агрегированные данные церковного учета дают возможность приблизительно оценить основные демографические показатели режима воспроизводства населения: брачность, общую и специальную рождаемость, общую и возрастную смертность, возрастную структуру и т.д. Как справедливо заметил Б.Н. Миронов, неточность церковного учета обязательно следует принимать в расчет, но это не должно останавливать исследователей, так как совершенно точных данных вообще нет [8. С. 46].

Во второй половине XIX в. из всех городов Енисейской губернии Минусинск являлся одним из мононациональных городов с преобладающей долей русского населения. Среди всех конфессиональных групп доминировала группа православных. В 1863 г. православные составляли 94,9% от всего населения Минусинска. К 1890 г. удельный вес этой конфессиональной группы снизился до 86,3% [9. С. 40]. Метрические книги Минусинска велись по тому же принципу, что и в других российских городах. Структура ведения метрических книг была общей для всех. Как правило, они состояли из трех основных частей: «О рождении», «О бракосочетании» и «Об умерших». Создание базы данных позволит изучить соотношение возраста женихов и невест, сезонное распределение браков и крещений, возрастные особенности смертности и ряд других вопросов. В конце сведений каждой церкви подводились итоги, т.е. составлялись специальные таблицы, в которых подсчитывалось общее количество рожденных детей мужского и женского пола в течение года, при этом учитывалось число законнорожденных и незаконнорожденных. Таблицы учитывали количество браков и супружеских пар, а также общее количество умерших мужчин и женщин. Отдельно была представлена таблица, в которой расписывались по возрастным группам и полу умершие, фиксировались причины смерти. Составленные таблицы являлись своеобразным подведением итогов.

Для проведения историко-демографического анализа источником стали хранящиеся в Минусинском городском архиве (МУ МГА) метрические книги прихожан Спасского собора за 1857–1898 гг. (Ф. 12) и Троицкой церкви – за 1875–1898 гг. (Ф. 59). Спасский собор и Троицкая церковь находились в ведении Енисейской духовной консистории. Метрические книги двух церквей были лишь частично использованы в научных работах исследователей. В основном они вызывают интерес у краеведов и отдельных лиц, которые составляют родословные.

Обработка метрик начинается с так называемого агрегативного анализа, который включает распределение крещений (рождений), похорон (смертных случаев) и венчаний (заключенных браков) по месяцам, по годам, а в сельской местности – по времени сбора урожая (июль – август). На основе данных о численности населения прихода вычисляются рождаемость, смертность и брачность населения. Таким образом, первоначальную характеристику демографических

показателей прихода можно получить при агрегативной обработке первичных материалов [10. С. 88].

Интерес представляет вопрос о сезонности браков в сибирских городах. В табл. 1 приведены сведения о распределении браков по месяцам среди православных жителей Минусинска в 1874–1898 гг. (на основе метрических книг Спасского собора и Троицкой церкви). В разные годы (1874, 1889, 1890 и 1898) распределение браков по месяцам в относительном отношении было приблизительно одинаковым. Например, наибольшее количество браков православных минусинцев приходилось на зимний (январь-февраль), весенний (апрель-май), летний (июль) и осенний (ноябрь) периоды. Основная масса венчаний была в январе, в этом месяце доля браков составила: в 1874 г. – 37,1%, в 1889 г. – 34,7%, в 1890 г. – 40,8% в 1898 г. – 29,4%. Наименьший удельный вес заключенных браков приходился на летний период: июнь (1874 г. – 2,9%, 1889 г. – 2,8%, 1890 г. – 0, 1898 г. – 1,2%) и август (1874 г. – 0, 1889 г. – 2,8%, 1890 г. – 1,3%, 1898 г. – 2,4%). Браки не заключались в марте и декабре (исключение в 1890 г. – 3 венчания в марте по данным Спасского собора).

Помесячные колебания в количестве заключенных браков были связаны с религиозными и экономическими факторами. В периоды великих постов (Великого, Рождественского, Петрова и Успенского), дней масленицы (неделя перед Великим постом), пасхальных дней, в кануны и в самые дни церковных праздников, а также накануне среды, пятницы и воскресенья в течение всего года православной церковью запрещались венчания. Аграрные циклы также играли значительную роль в сезонности браков. После сбора урожая и окончания сельскохозяйственных работ начинался период проведения свадеб в осенний период, в декабре в связи с постом и Рождеством заключение браков замирало и резко активизировалось в январе и феврале [11. С. 169]. В Восточной Сибири осенних свадеб было немного, что связано с хозяйственно-бытовыми причинами. В это время деятельность населения была связана с поставками на прииски, охотничьим промыслом в тайге, рубкой и перевозкой дров и т.д. [7. С. 133]. В Минусинске в осеннее время удельный вес свадеб до ноября был невысок.

Исследователи заметили, что в осенний период вновь начинался всплеск свадеб в городах, в деревнях апогей браков наступал в зимний период. Занятия горожан отличались от хозяйственной деятельности крестьян. Сельским жителям было удобнее проводить в зимний период свадьбы по ряду хозяйственно-бытовых причин, таким, например, как окончание продажи продукции крестьянского хозяйства, возвращение с тайги с охотных промыслов мужского населения, приход в семью работницы к новому сезону [2. С. 73]. Нельзя не отметить и тот факт, что согласно народным традициям лучшее время для зачатия ребенка приходится на зимний период (январь–февраль). Дети, рожденные в осеннее время, были физически наиболее развиты. В то же время дети, зачатые в период осенних свадеб и рожденные весной и летом, были наиболее слабыми. В соответствии с церковным календарем наиболее многочисленные зимние свадьбы (и зачатия) должны были приводить к всплеску рождаемости в осенние месяцы, осенние свадьбы – к увеличению рождаемости весной – летом, что в реальности не всегда наблюдалось (но подъемы рождаемости встречались и в начале года). Церковные запреты в регулировании рождаемости соблюдались не всегда. Тем не менее сезонность зачатий / рождений во многом зависела от сезонности вступления в брак, что, в свою очередь, определялось православными канонами.

Интерес представляет вопрос о сезонности зачатий и рождений. Рассмотрим годовой цикл рождений православного населения Минусинска в 1889–1892 гг. на основе метрических книг (см. табл. 2). Исходя из представленных сведений и подсчета, можно сделать вывод о том, что на протяжении четырех лет в городе наблюдалась сезонность рождений. Наивысший пик рождений приходился на июнь (в среднем за 4 года было 9,9%), июль (9,2%) и декабрь (8,9%). Следовательно, наибольшее количество рождений в июне-июле и декабре свидетельствовало о том, что дети, рожденные в эти месяца, были зачаты в сентябре-октябре и марте. Также за четырехлетний период отмечались в среднем высокие показатели рождений в сентябре (8,4%), зачатие происходило в декабре, т.е. во время постных дней. Исследователи заметили, что строгий пост и половое воздержание соблюдались деревенскими жителями. Горожане менее строго воздерживались от половой жизни во время поста [2. С. 81]. Наименьшая доля рождений у православных минусинцев приходилась на январь (в среднем за 4 года – 6,0%), рожденные в этом месяце были зачаты в апреле.

В табл. 3 приведены сведения и подсчет о возрастно-половой смертности в Минусинске в 1875 и 1898 гг. Показатели смертности, как и рождаемости, зависели от возрастно-половой структуры населения. Основная доля смертности приходилась на младенческий возраст (от рождения до года) или на возрастную группу «менее года». По данным Спасского собора, в 1857 г. в Минусинске число всех умерших достигло 161 чел., в том числе 96 чел. относились к возрастной группе до 1 года.

Таким образом, доля умерших младенцев составила 59,6%. В последующие годы младенческая смертность продолжала оставаться высокой. В 1875 г. удельный вес умерших младенцев составил 50,9%, в 1890 г. – 42,9%, в 1898 г. – 44,6%. Подобные показатели летальности младенцев были характерны для многих российских городов того времени. В стране господствовал традиционный тип смертности [12. С. 133–134]. Большая младенческая смертность являлась результатом острой нехватки медицинских работников. В рассматриваемый период Минусинск не отличался от других сибирских городов. Например, в Барнауле в 1870 г. доля умерших младенцев составила 47,5%, в 1882 г. – 49,4% [13].

Причинами высокой смертности возрастной группы «от 0 до 1 года» были неумелый уход за детьми, неправильное кормление, антигигиенические обряды, непосильный труд во время беременности, плохое питание и недостаток медицинской помощи. Повы-

шенные показатели детской смертности связаны еще и с низким культурным уровнем матерей. Особенно много умирало младенцев в первые месяцы жизни, когда слабый организм на первом году жизни сталкивался с неблагоприятными условиями жизни, не выдерживал и погибал. Младенцы и дети погибали от таких болезней, как «родимец», «понос», рвота, корь, коклюш, оспа и золотуха. Среди частых причин смерти грудничков указывалось «слаборождение» младенцев [14. Ф. 797. Оп. 72. Д. 391. Л. 133]. Священнослужители, не имея медицинского образования, записывали в метрических книгах народные названия заболеваний.

В возрастной группе «от 0 до 1 года» смертность мальчиков превышала смертность девочек. В 1875 г. в данной возрастной группе удельный вес умерших мальчиков составил 58,1%, тогда как девочек – 41,9%; в 1898 г. – 54,6% и 45,4% соответственно. Во всех других возрастных группах число умерших мужчин превышало число умерших женщин.

Сезонное распределение смертности минусинских прихожан во второй половине XIX в. отражено в табл. 4. В результате подсчета было выявлено, что показатели летальности чаще всего наблюдались в зимние и летние месяцы, иногда осенью. Пики смертности прихожан приходились преимущественно на декабрь-февраль, июнь-август (табл. 4). Распределение смертей по временам года во многом зависело от показателей детской смертности. Большинство детей умирало в младенческом возрасте от «родимца». В 1898 г. (по данным Спасского собора) в январе 10 из 34 смертей происходили из-за родимца, в феврале – 9 из 32, в декабре – 14 из 23 [15. Ф. 12. Оп. 2. Д. 16. Л. 288 об.]. Череда разных острых инфекционных заболеваний часто способствовала летальному исходу среди детей. В 1880 г. в Минусинске в зимнее время началась эпидемия дифтерита, ставшая причиной высокой детской смертности. Вслед за дифтеритом весной последовала дизентерия. От этого заболевания скончалось несколько десятков детей [16. 24 мая]. В 1881 г. весной, а затем осенью вновь вспыхнула эпидемия дифтерита. В этом году ежедневно хоронили по 5–6 детей и подростков, умерших от данного заболевания. Волна детских смертей была остановлена только в начале 1882 г. [17. 3 января]. Минусинцы заметили, что «ни одна осень, ни одна весна не проходят без громадных жертв – смертности» [16. 24 мая].

В летнее время причинами смерти становились инфекционные желудочно-кишечные заболевания. В 1898 г., по данным Спасского собора, в июле из 38 умерших 20 чел. умерло от «поноса», в августе из 28 – 13 соответственно. Причинами смерти могли быть сезонные простудные и инфекционные заболевания (скарлатина, корь, дизентерия и др.) [15. Ф. 12. Оп. 2. Д. 16. Л. 288 об.].

Некачественная питьевая вода провоцировала желудочно-кишечные заболевания. Свалки мусора могли располагаться недалеко от водоемов, а порой горожане загрязняли реки, протекавшие в черте города. В 1893 г. енисейский губернатор Л.К. Теляковский посетил Минусинск и обратил внимание на антисанитарное состояние базарной площади. Смесь навоза, нечистот и снега стекала по канавам с площади в Енисей. Река сильно загрязнялась нечистотами, а минусинцы пользовались в быту такой водой [18. 18 апреля].

На протяжении всего рассматриваемого периода в Минусинске была постоянная нехватка медицинского персонала. Городская больница, содержавшаяся за счет приказа общественного призрения, была тесна и неудобна. В 1880 г. больница располагала 35 кроватями. Предполагалось сделать пристройку к больничному зданию, что позволило бы вместить еще 10 кроватей [14. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 309. Л. 22]. Некоторые подвижки в местном здравоохранении стали происходить к концу XIX в., когда во многих сибирских городах были мероприятия по улучшению санитарного состояния. В 1895 г. в Минусинске открылась амбулатория для бедных горожан. Инициатором создания подобной амбулатории стал прибывший из Красноярска врач И.Е. Козлов. Он был назначен заведующим лечебницей, его помощницей стала фельдшер К.Ф. Девятова. Лечебницу разместили в здании, где ранее находилась мещанская управа. Появление подобного медицинского заведения способствовало существенному снижению знахарства в городе [19. 14 апреля]. В среднем врач ежедневно принимал по 20–30 больных [19. 10 июля]. Однако проблемы нехватки врачей и оказания квалифицированной медицинской помощи оставались актуальными повсеместно.

На основе метрических книг были проанализированы показатели рождаемости и смертности православного населения Минусинска в определенные годы (табл. 5). В среднем в отдельные годы (1857, 1875, 1889, 1898) на 100 мальчиков рождалось 99,3 девочек. В отдельные годы женская рождаемость была выше мужской. На 100 рожденных мальчиков в 1875 г. родилось 102 девочки, в 1889 г. – 101. Мужская смертность значительно превышала женскую (на 100 умерших мужчин – 75,4 умерших женщин). Согласно подсчетам (табл. 5), соотношению рожденных по полу в Минусинске, в определенные годы второй половины XIX в. девочек рождалось меньше, чем мальчиков.

Результаты табл. 5 показали, что в рассматриваемый период наблюдался положительный демографический баланс мужчин. Средний показатель составил 78,5 умерших мужчин на 100 родившихся мальчиков. Однако смертность православного мужского населения в определенные годы превышала рождаемость. На 100 родившихся мальчиков в 1875 г. было 114,4 умерших мужчин, в 1889 г. – 100,5. Среди женщин также наблюдался положительный демографический баланс. Средняя цифра составила 76,5 на 100 новорожденных девочек. В целом рождаемость несколько превышала смертность (на 100 родившихся приходилось 88,9 умерших).

Изучение соотношения умерших по полу показало, что на протяжении второй половины XIX в. смертность среди женщин в отдельные годы (1857, 1875, 1889 и 1898) была ниже, чем среди мужчин. Среднее арифметическое за 1857–1898 гг. (75,3 умерших женщин на

100 умерших мужчин) свидетельствует о большей смертности мужского населения, чем женского. Однако эти данные относительны, в некоторые годы смертность женщин значительно превышала смертность мужчин. Например, в 1890 г. на 100 умерших мужчин приходилось 140,0 умерших женщин [16. Ф. 12. Оп. 2, 12. Л. 263–278. Ф. 59. Оп. 2. Д. 160–194].

Таким образом, исходя из материалов метрических книг двух православных церквей г. Минусинска второй половины XIX в., рассмотрены демографические процессы. Для большинства горожан была свойственна единая модель демографического поведения. В городе господствовала посезонная ориентация при заключении браков. Посезонное распределение смертей показало, что пик летальности приходился на зиму и лето. На протяжении всего изучаемого времени в городе сохранялся высокий уровень смертности. Особенно высокой была детская смертность, что было обусловлено плохим состоянием медицины, антисанитарной обстановкой, частыми эпидемиями и низким культурным уровнем развития населения. На протяжении всего рассматриваемого периода наблюдались колебания рождаемости и смертности. В целом демографический баланс оставался положительным.

Таблица 1

Распределение браков по сезонам среди православных жителей Минусинска в 1874–1898 гг.

Месяц	1874 г.		1889 г.		1890 г.		1898 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Январь	13	37,1	25	34,7	31	40,8	25	29,4
Февраль	–	–	13	18,1	9	11,8	17	20,0
Март	–	–	–	–	3	3,9	–	–
Апрель	3	8,6	5	6,9	9	11,8	3	3,5
Май	2	5,7	8	11,1	6	7,9	8	9,4
Июнь	1	2,9	2	2,8	–	–	1	1,2
Июль	2	5,7	5	6,9	5	6,6	9	10,6
Август	–	–	2	2,8	1	1,3	2	2,4
Сентябрь	2	5,7	–	–	4	5,3	3	3,5
Октябрь	2	5,7	5	6,9	4	5,3	5	5,9
Ноябрь	10	28,6	7	9,8	4	5,3	12	14,1
Декабрь	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	35	100	72	100	76	100	85	100

Источники: МУ МГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 2. Л. 169–178, Д. 12. Л. 85–103, 242–258; Ф. 59. Оп. 2. Д. 3. Л. 57–60, Л. 150–158, Д. 16. Л. 267–287.

Таблица 2

Годовой цикл рождений православного населения в Минусинске в 1889–1892 гг.

Месяц	1889 г.		1890 г.		1891 г.		1892 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Январь	18	4,4	24	5,5	41	8,2	30	5,8
Февраль	29	7,0	34	7,8	44	8,7	50	9,6
Март	40	9,7	27	6,2	28	5,5	57	11,0
Апрель	36	8,7	42	9,6	39	7,7	36	6,9
Май	25	6,1	42	9,6	49	9,7	48	9,2
Июнь	34	8,2	49	11,1	53	10,5	50	9,6
Июль	46	11,1	44	10,0	28	5,5	52	10,0
Август	35	8,5	23	5,3	42	8,4	49	9,4
Сентябрь	38	9,2	37	8,4	50	9,9	32	6,2
Октябрь	40	9,7	43	0,9	40	7,9	32	6,2
Ноябрь	40	9,7	39	8,9	36	7,1	37	7,1
Декабрь	32	7,7	34	7,8	55	10,9	47	9,0
Итого	413	100	438	100	505	100	520	100

Источники: МУ МГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 12. Л. 2 об. – 81, 169–249; Ф. 59. Оп. 2. Д. 3. Л. 99–148.

Таблица 3

Возрастно-половая смертность православного населения Минусинска во второй половине XIX в.

Возрастные группы (лет)	1875 г.			1898 г.		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
От 0 до 1	75	54	129	101	84	185
От 1 до 5	15	15	30	32	30	62
От 5 до 10	5	–	5	14	3	17
От 10 до 20	6	8	14	5	5	10
От 20 до 30	12	7	19	9	12	21
От 30 до 40	13	11	24	14	14	28
От 40 до 50	11	8	19	11	6	17
От 50 до 60	14	2	16	20	5	25
От 60 до 70	10	6	16	13	8	21
От 70 и старше	12	7	19	21	8	29
Всего	173	118	291	240	175	415

Источники: МУ МГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 3. Л. 181, Д. 16. Л. 348; 198; Д. 12. Л. 42; Ф. 59. Оп. 2. Д. 1. Л. 50.

Таблица 4

Сезонное распределение смертности православного населения во второй половине XIX в.

Месяц	1874 г.		1889 г.		1898 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Январь	56	14,2	47	11,2	26	6,4
Февраль	70	17,8	44	10,5	44	10,9
Март	27	6,9	35	8,4	30	7,4
Апрель	23	5,9	39	9,3	33	8,1
Май	26	6,6	31	7,4	29	7,2
Июнь	38	9,7	28	6,7	40	9,9
Июль	33	8,3	40	9,5	39	9,6
Август	32	8,1	44	10,5	52	12,8
Сентябрь	31	7,9	23	5,5	31	7,7
Октябрь	14	3,6	28	6,7	21	5,2
Ноябрь	14	3,6	31	7,4	30	7,4
Декабрь	29	7,4	29	6,9	30	7,4
Итого	393	100	419	100	405	100

Источники: МУ МГА Ф. 12. Оп. 2. Д. 2. Л. 207–302, Д. 12. Л. 107–125, Д. 16. Л. 288 об. 348; Ф. 59. Оп. 2. Д. 3. Л. 2–50, Д. 7. Л. 191–227.

Таблица 5

Демографические процессы в Минусинске в 1857–1898 гг.

Годы	1857	1875	1889	1898
На 100 мальчиков рождалось девочек	97,3	102,0	101,0	97,0
На 100 мужчин умирало женщин	64,4	66,9	96,4	73,9
На 100 родившихся мальчиков приходилось умерших мужчин	89,4	114,4	100,5	99,7
На 100 родившихся девочек приходилось умерших женщин	59,1	75,0	95,9	75,9
На 100 родившихся умирало всего	74,4	94,8	98,2	88,0

Источники: МУ МГА Ф. 12. Оп. 2. Д. 1. Л. 68, Д. 3. Л. 186, Д. 12. Л. 126; Ф. 59. Оп. 2. Д. 1. Л. 50, Д. 3. Л. 198, Д. 16. Л. 348.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивонин А.Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул : Изд-во АГУ, 2000. 337 с.
2. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I: Население. Экономика. Барнаул : Изд-во АГУ, 2003. 360 с.

3. Гончаров Ю.М. Брачность, рождаемость, смертность в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. Барнаул : Изд-во АГУ, 2003. С. 3–27.
4. Сарафанов Д.Е. Материалы церковно-приходского учета населения как источник для изучения численности и демографического развития населения Барнаула : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 27 с.
5. Винник М.В. Метрические книги как источник для изучения социально-профессиональной структуры населения города Барнаула в последней трети XIX в. // Проблемы народонаселения в зеркале истории. М. : МАКС Пресс, 2010. С. 80–87.
6. Владимиров В.Н., Плодунова В.В., Силина И.Г. Метрические книги как источник по истории народонаселения Алтайского края // Компьютер и историческая демография. Барнаул : Изд-во АГУ, 2000. С. 137–165.
7. Зверев В.А. Семейный демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул : НП «Азбука», 2001. С. 127–145.
8. Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул : Изд-во АГУ, 2007. С. 32–47.
9. Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан : Бригантина; Журналист, 2012. 312 с.
10. Палли Х. Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. 1982. № 1. С. 87–93.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. I. 583 с.
12. Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край …»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск : НГПУ, 1999. С. 130–153.
13. Сарафанов Д.Е. Смертность населения в Барнауле в XIX веке. URL: http: //www. Demoscope.ru/weekly/2007/0301/analit03.php
14. Российский государственный исторический архив.
15. Минусинский городской архив.
16. Сибирь. 1881.
17. Сибирская газета. 1882.
18. Енисейский справочный листок. 1893.
19. Енисей. 1896.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 августа 2019 г.

Marriage, Birth and Death Rates of the Orthodox Population in a Siberian Town in the Second Half of the 19th Century (Based on Materials of Church Registers of Orthodox Churches in Minusinsk)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 120–126.
DOI: 10.17223/15617793/450/15

Tatyana A. Kiskidosova, Khakas Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: tak_74@mail.ru

Keywords: Siberia; town; Minusinsk; church registers; marriage rate; birth rate; death rate.

The article is devoted to the study of demographic processes in a Siberian town in the second half of the 19th century on the material of church registers (of two Orthodox churches: the Trinity Church and the Saviour's Cathedral) in Minusinsk. During the period under consideration, Minusinsk was one of the mono-national towns of Siberia with a predominant share of the Russian population. The aim of the article is to analyse the seasonality of births, weddings and deaths, age and sex mortality rates and the general demographic dynamics in the town. Each metric book consists of three thematic sections and contains valuable data on marriage, birth and death. The aggregative processing of primary materials allowed the author to make a primary description of the demographic indicators of the parish. On the basis of data on the population of the parish, the birth, death and marriage rates have been calculated. The greatest number of Minusinsk citizens' marriages falls on winter (January–February), summer (July) and autumn (October–November) periods. Agrarian cycles also played a significant role in the seasonality of marriages. After harvesting and the end of agricultural work, the period of weddings started in autumn. In December, there were much fewer marriages due to the fasting and Christmas, but their number increased sharply in January and February. The seasonality of conceiving and birth is of interest. The highest number of births in June–July and December shows that children, born in these months, were conceived in September–October and in March. The article also analyses the distribution of causes of death in Minusinsk. The distribution of mortality by age groups shows the highest mortality rate during the period of infancy (one year old and younger). The highest number of deaths was in spring (May), summer (June–August) and autumn (October). The article has five tables that summarise the research. Thus, the aggregated analysis of the church registers makes it possible to study many questions of the demographic development of a Siberian town in the epoch of modernisation. Throughout the study period, the town maintained a high mortality rate. The infant mortality rate was especially high due to the poor state of medicine, the unsanitary situation, frequent epidemics and the low cultural level of the population. Townspeople had a traditional model of demographic behaviour. Weddings followed a seasonal logic. The demographic balance in the town remained positive.

REFERENCES

1. Ivonin, A.R. (2000) *Zapadnosibirskiy gorod v posledney chetverti XVIII – 60-kh gg. XIX v. (Opyt istoriko-demograficheskogo issledovaniya)* [A West Siberian City in the Last Quarter of the 18th Century to the 1860s (Experience in Historical and Demographic Research)]. Barnaul: Altai State University.
2. Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (2003) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Pt. 1. Barnaul: Altai State University.
3. Goncharov, Yu.M. (2003) Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v gorodakh Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Marriage, Fertility, Mortality in the Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: Goncharov, Yu.M. & Soboleva, T.N. (eds) *Naselenie, upravlenie, ekonomika, kul'turnaya zhizn' Sibiri XVII – nachala XX v.* [Population, Management, Economics, Cultural Life of Siberia in the 17th — Early 20th Centuries]. Barnaul: Altai State University. pp. 3–27.
4. Sarafanov, D.E. (2006) *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniya kak istochnik dlya izucheniya chislennosti i demograficheskogo razvitiya naseleniya Barnaula* [Materials of Church Parish Registration of the Population as a Source for Studying the Number and Demographic Development of the Population of Barnaul]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
5. Vinnik, M.V. (2010) Metricheskie knigi kak istochnik dlya izucheniya sotsial'no-professional'noy struktury naseleniya goroda Barnaula v posledney treti XIX v. [Metric Books as a Source for Studying the Socio-Professional Structure of the Population of Barnaul in the Last Third of

the 19th Century]. In: Elizarov, V.V. & Troitskaya, I.A. (eds) *Problemy narodonaseleniya v zerkale istorii* [Population Problems in the Mirror of History]. Moscow: MAKS Press. pp. 80–87.
6. Vladimirov, V.N., Plodunova, V.V. & Silina, I.G. (2000) Metricheskie knigi kak istochnik po istorii narodonaseleniya Altayskogo kraya [Metric Books as a Source on the History of Population of Altai Krai]. In: Vladimirov, V.N. (ed.) *Komp'yuter i istoricheskaya demografiya* [Computer and Historical Demography]. Barnaul: Altai State University. pp. 137–165.
7. Zverev, V.A. (2001) Semeynyy demograficheskiy kalendar': godovoy tsikl svadeb, rozhdeniy i smertey v seleniyakh Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Family Demographic Calendar: The Annual Cycle of Weddings, Births and Deaths in the Villages of Siberia (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In: Goncharov, Yu.N. (ed.) *Sem'ya v rakurse sotsial'nogo znaniya* [Family in the Perspective of Social Knowledge]. Barnaul: NP "Azbuka". pp. 127–145.
8. Mironov, B.N. (2007) Ispovednyy i metricheskiy uchet v imperskoy Rossii [Confessional and Metric Accounting in Imperial Russia]. In: Vladimirov, V.N. (ed.) *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniya kak istoriko-demograficheskiy istochnik* [Materials of Church and Parish Registration of the Population as a Historical and Demographic Source]. Barnaul: Altai State University. pp. 32–47.
9. Kiskidosova, T.A. (2012) *Povsednevnaya zhizn' gorozhan Eniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Everyday Life of the Citizens of the Yenisei Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Abakan: Brigantina; Zhurnalist.
10. Palli, Kh. (1982) Metodika ispol'zovaniya metrik v istoriko-demograficheskikh issledovaniyakh [Methods of Using Metrics in Historical and Demographic Studies]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 87–93.
11. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachala KhKh vv.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [The Social History of Russia During the Empire (18th – Early 20th Centuries): The Genesis of the Individual, a Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
12. Zverev, V.A. (1999) Vosproizvodstvo sibirskogo naseleniya na nachal'nom etape demograficheskogo perekhoda v Rossii [Reproduction of the Siberian Population at the Initial Stage of the Demographic Transition in Russia]. In: Zverev, V.A. (ed.) *"Sibir' – moy kray ...": problemy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya* ["Siberia Is My Land . . .": Problems of Regional History and Historical Education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 130–153.
13. Sarafanov, D.E. (2007) *Smertnost' naseleniya v Barnaule v XIX veke* [Mortality in Barnaul in the 19th Century]. [Online] Available from: http: //www. Demoscope.ru/weekly/2007/0301/analit03.php
14. Russian State Historical Archive. (In Russian).
15. Minusinsk City Archive.
16. *Sibir'*. (1881).
17. *Sibirskaya gazeta*. (1882).
18. *Eniseyskiy spravochnyy listok*. (1893).
19. *Enisey*. (1896).

Received: 07 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 127–135. DOI: 10.17223/15617793/450/16

УДК 910.27/.4 : 061.62(470.1)«19/…»

М.М. Кочедыкова

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ А.В. ЖУРАВСКОГО В ПЕЧОРСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX в.

На основе архивных и опубликованных источников показана история изучения Печорского края А.В. Журавским в 1902–1914 гг. Описаны результаты экспедиций, физико-географических исследований, съемочно-топографических работ Зоологической станции и Печорской естественноисторической станции Императорской Академии наук. Сделаны выводы о значимости А.В. Журавского как исследователя Печорского севера, составившего первые планы и схемы Большеземельской тундры, нанесшего на карту открытую им гряду Адак-Тальбей.

Ключевые слова: Большеземельская тундра; Печорская естественноисторическая станция Императорской Академии наук в Усть-Цильме; картография.

Среди исследователей начала XX в. особое место занимает естествоиспытатель, неутомимый путешественник, посвятивший свою жизнь изучению Печорского края Европейского Севера России, Андрей Владимирович Журавский (1882–1914). Ученик и последователь директора Геологического музея Императорской Санкт-Петербургской академии наук академика Ф.Н. Чернышева, А.В. Журавский организовал первые научные учреждения Академии наук (АН) на Европейском Севере России: «Усть-Цилемскую зоологическую станцию, находящуюся под покровительством императорской Академии наук» (1905 г.) и «Печорскую естественноисторическую станцию императорской Академии наук в Усть-Цильме» (1906 г.). Под его руководством собраны уникальные гербарии и коллекции по геологии, зоологии и этнографии.

Имя А.В. Журавского достаточно известно на Европейском Севере. Однако роль А.В. Журавского в развитии знаний по физической географии почти не отражена в литературе. Чаще всего его заслуги в развитии знаний о Печорском крае ограничивают результатами его экспедиции 1909 г. [1]. В.И. Силин рассматривает деятельность Журавского в русле регионального естествознания как часть географического краеведения, пытается показать, как менялось понимание науки в зависимости от развития региональных естественно-научных исследований, впервые привлекает научно-популярные статьи о Журавском на коми языке [2]. В Полярной энциклопедии кратко обращено внимание на географические занятия Журавского [3].

Между тем существует значительное количество источников по этой проблеме – документы центральных и местных архивов, историко-мемориального музея его имени в с. Усть-Цильма Республики Коми, публикации, ставшие библиографической редкостью. Все это свидетельствует о пристальном изучении А.В. Журавским физико-географических и топографических особенностей Печорского края, позволяет поставить задачу выяснения роли А.В. Журавского в развитии знаний по физической географии Печорского края. Предметом данной статьи избрана научная и научно-организационная деятельность А.В. Журавского в области географии и картографии. Методологической основой исследования являются такие общенаучные методы, как анализ, синтез, описание и историко-генетический принцип. Необходимо сказать, какой смысл А.В. Журавский вкладывал в понятие «Печорский край». Он считал «…единственными логичными и научными рамками для исследования фауны и флоры» Печорского края «естественные границы края, т.е. линию, соединяющую водоразделы данного бассейна, а отнюдь не его административные границы». Поэтому под Печорским краем он понимал не Печорский уезд и не часть Архангельской губернии. Он так характеризовал особенности изучаемого региона: «Печорский край, имея на относительно ограниченной площади комплект характернейших орогидрографических комбинаций и географических зон, является, между тем, ближайшим к столице типом приполярно-континентальной области, систематическое изучение которой легче рационально поставить и осуществить».

Первые экспедиции в Печорский край

После окончания первого курса Петербургского университета весной 1902 г. А.В. Журавский, увлеченный рассказами профессора Ф.Н. Чернышева о севере, уехал в старинное село Усть-Цильма Архангельской губернии (ныне Республика Коми). Отсюда он совершал ознакомительно-туристические поездки по рекам Цильма, Пижма и их притокам до Тиманского хребта. Маршруты этих поездок вначале определялись интересами Чернышева, затем самого Журавского. На преодоление маршрутов уходило значительно больше времени, чем предполагалось. Неоднократно путешествия были сопряжены с риском для жизни.

Страстного любителя природы потрясло обилие и разнообразие растительного и животного мира: «В 1902 году я впервые посетил Печорский край. Тут меня поразил грандиозный контраст между воспитанным в нас представлением о крайнем Севере и, в особенности, о так называемых тундрах и тем, что представляет собой этот крайний север и тундры в реальной действительности» [4]. «Поражали совершенно непривычным характером <…> чрезвычайно холмистый рельеф, почти полное отсутствие болот, роскошная цветковая флора, совершенно не болотная энтомо фауна» [5. Л. 5].

Несмотря на то что поездка была ознакомительной и юноша «больше наблюдал, чем истреблял», результаты оказались значительными. «Птиц было убито около полутысячи, но уцелела едва ли сотня. Насекомых собрано очень мало (около 80 видов жуков). Не-

сколько богаче планктон и фитопатология. Млекопитающих мало. По ихтиологии – две рыбины. Флористическая коллекция совершенно полная, не уступает ей палеонтологическая – 12 пудов. Везу полтаза мамонта». О своих впечатлениях от поездки по Печорскому краю А. Журавский оживленно рассказывал преподавателям, выступал на заседаниях научных собраний. Внимание со стороны столичных научных сообществ определило дальнейшую жизнь юноши. Одним из важных направлений научной деятельности А.В. Журавского стали экспедиции, которые он проводил ежегодно в 1902–1914 гг. Они носили комплексный характер, были направлены на изучение географии, геологии, топографии, климата, флоры и фауны Печорского края. Отныне научная, организаторская и экспедиционная деятельность Журавского была тесно связана с Печорским краем.

В июле 1903 г. Андрей вновь отправился на Печору. Часть расходов возместил университет, но Журавский провел экспедицию на свои средства, как и первую. Во время исследований были выявлены ошибки в топографии местности. Журавский писал: «…я узнал, что весной река Юшина соединяется со всеми озерами <…> и образует с ними непрерывный поток». Впоследствии, проезжая на оленях от этого озера по направлению к Печоре и следя за чередующимися открытыми и заросшими протоками, факт он проверил. «И таковы, по уверениям туземцев, многие так называемые “реки” Большой земли, берущие начало одновременно в нескольких озерах и являющиеся судоходными весной (т.е. в июне) и пересыхая летом. На карту Вилькицкого и Варнэка нанесена р. Бородатая, от которой в августе 1903 г. не осталось даже и низовьев» [6].

В 1904 г. по заданию и при «материальной и моральной» поддержке Императорского Русского географического общества (РГО) (200 руб.), Минералогического общества (400 руб.), отдела зоологии Общества естествоиспытателей при Петербургском университете (125 руб.) и Зоологического музея Санкт-Петербургской АН состоялась новая поездка. РГО снабдило инструментами (ртутный барометр, три анероида, кипрегель). Другие приборы предоставила АН. Экспедиция отправилась для исследования центра Большеземельской тундры, по которой протекает р. Адзьва и расположены Вашуткины озера, для нанесения их на карту. Организатор привлек в состав экспедиции студентов университета А.А. Григорьева, Д.Д. Руднева и студента Института путей сообщения М.Н. Шпарберга. На месте наняли трех рабочих из сел Ижма и Мохча, не раз бывавших в тундре. Усть-Цилемский исправник предоставил большой крытый карбас, в котором совершали путешествие по рекам и озерам, и снабдил всех членов экспедиции малицами.

Руководитель экспедиции изучал геологию, ландшафт пройденного пути, производил ботанические и этнографические сборы. М.Н. Шпарберг – гидрологические измерения (промеры глубин рек и озер, определял расход воды и др.). А.А. Григорьев препарировал позвоночных животных, вел статистические опросы местного населения. Д.Д. Руднев готовил гербарии, вел метеорологические измерения, маршрутную съемку и нивелировку местности, чертил маршрутные карты, фотографировал. В результате Д.Д. Руднев и А. Журавский описали бассейн реки Адзьва с главнейшими ее притоками протяженностью 365 верст; Большеземельский водораздел и хребет. Впервые были изучены направление хребта, впоследствии получившего имя гряды Чернышева, и Вашуткины озера. Был сделан важный вывод, что озера составляют полный круг и являются звеньями единой водной системы. Всего «экспедицией своими средствами (бичевой, парусом и шестами) пройдено по ненаселенным районам 1 113 верст» [7].

Во время экспедиции была проведена съемка всего пути, найден ценный материал по геологии, фауне и флоре Большеземельской тундры, собраны обширные ботанические, зоологические и минералогические коллекции, найдены выходы бурых углей, открыт новый горный хребет Адак-Тальбей, отрог Урала Адак – это горы в тех местах, где р. Уса пересекает гряду Чернышева, Тальбей – северо-восточное продолжение Адака. Особенно значительными для географического изучения Большеземельской тундры оказались картографические работы. Как позже писал геолог Н.А. Кулик, академик Ф.Н. Чернышев, «ознакомившись с собранными А.В. Журавским материалами, пришел к убеждению, что в области между Уральскими горами и нижним течением р. Печоры находится особая полоса дислоцированных пород, образующая кряж, имеющий простирание, параллельное Уральскому хребту в его части от горы Сабля до хребта Пай-Хой. Закономерность в характере тектоники севера Европейской России, установленная ак. Чернышевым, новый аргумент в свою пользу в факте открытия описанного кряжа». Так как открытая гряда не имела еще определенного имени, А.В. Журавский, Д.Д. Руднев и Н.А. Кулик в 1904 г. предложили назвать ее в честь Ф.Н. Чернышева.

О результатах поездки А. Журавский доложил на заседании Петербургского общества естествоиспытателей. За проведенное комплексное исследование Большеземельской тундры всем участникам экспедиции РГО присудило почетные малые серебряные медали с изображением Северного полушария Земли. 15 декабря 1908 г. Журавскому отправили извещение вице-председатель ИРГО П.П. Семенова-Тянь-Шанского об избрании членом общества [8].

Экспедиции 1903–1904 гг. вначале проходили по инициативе студента Журавского, затем поездки стали поддерживать Академия наук и научные общества. Обширные и разнообразные собранные коллекции позволяли ученым приблизиться к фундаментальным выводам в геологии, зоологии, ботанике. Проявленный интерес к неизученному региону, понимание, какие данные уместно собирать, амбиции юноши, который мечтал стать ученым, побудили Журавского хлопотать о создании на Печоре подразделения АН.

Физико-географические исследования Зоологической станции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук

В марте 1905 г. опубликованы предварительные правила станции, которая стала называться «Усть-Цилемская зоологическая станция, находящаяся под

покровительством императорской Академии наук» [9. Л. 11–20].

Согласно опубликованным по распоряжению АН в марте 1905 г. предварительным правилам «Усть-Цилемской зоологической станции», в станции предполагалось пять отделов, в том числе географический. Главная задача отделов: «пополнение коллекций» соответствующих музеев АН. Одним из способов решения поставленных задач были экспедиции. Деятельность станции характеризуется такими формами, как полевая работа, собирательство, камеральная обработка собранных материалов, оформление планов, чертежей и карт, анализ собранного материала [10].

Под эгидой нового подразделения АН при содействии РГО с мая по октябрь 1905 г. состоялась «генеральная Большеземельская экспедиция». А.В. Журавскому и М.Н. Шпарбергу РГО предоставило снаряжение, измерительные приборы (по два анероида и термометра, гипсотермометр, геодезический инструмент буссоль и горный компас), оплатило билеты и выдало разрешение на перевозку груза [11]. АН выделила 100 руб.

Экспедиция проплыла по Вологодской Печоре (реки Соплес и Воя), добралась до о. Матвеев в Ледовитом океане и через всю Большую землю прошла от острова Варандея, отделенного узким мелководным проливом, до Усы. «Нам довелось, – писал руководитель, – пройти всю Большую землю от океана до лесов на оленях со скоростью 3 версты в сутки с непрерывным исследованием <…>. Я обследовал реку Пижму, Сибиряковский тракт, гору Сабля Северного Урала и Вологодскую Печору до реки Вои, всего сделав 9 000 верст с мая по октябрь» [12].

Необходимо было выполнить «связь съемкой горы» и истоков одноименной реки Хальмеръю с побережьем Ледовитого океана, а именно с Медынским За́воротом: «Задания мои были исключительно геологические и заключались в сборе материалов из десяти пунктов, обследованных в 1889 г. Тиманской экспедицией Ф.Н. Чернышева. Как предел исследований мне была указана коса Щелья, находящаяся в 125 верстах вверх по Пижме». Исследователь обратил внимание на то, что два года назад «река прорыла себе новое русло, по которому течет с громадной быстротой» [13].

В результате экспедиции были подтверждены прогнозы академика Ф.Н. Чернышева о том, что здесь следует искать нефть и каменный уголь, обнаружены выходы минеральных источников, составлена первая топографическая карта восточной части Большеземельской тундры. В музеи АН переданы богатейшие коллекции разных видов насекомых, гербарии, образцы минералов и горных пород.

Изучая берега Ледовитого океана, А.В. Журавский выяснил физико-географические условия на большом протяжении берега моря и Хайпудырской губы, Полярного Урала; составил физико-географический очерк горы Сабля, где дал собственное определение понятий «северность» и «гористость».

По итогам этой экспедиции А.В. Журавский был отмечен высшей почетной (вне порядка постепенности) наградой РГО – Большой золотой медалью им. Н.М. Пржевальского. Представляя Журавского к награждению, академик Ф.Н. Чернышев отметил, что Журавский привез первые данные, заставившие поиному взглянуть на топографию и облик Большеземельской тундры.

Во время экспедиций 1904–1905 гг. были определены границы распространения лиственницы, торфяной тундры; описаны ландшафты; на р. Хоседа выявлены «сплошные леса (рощи) низкорослой обыкновенной березы (корявые кусты)»; ареалы «высокорослой» ели. В восьми верстах ниже горы Тальбей путешественники обнаружили «большой остров елового леса, раскинувшегося по высокому холму», за которым располагались «одиночные группы высокоствольных» деревьев (от 1 и до 10). Здесь «переходная, безозерная тундра кончается. Начинаются озерки, хотя очень небольшие и редкие. Область тундры полустепная».

Газета «Архангельские губернские ведомости» писала, что «отчеты музеев императорской Академии наук Зоологического, Геологического и Антропологии и этнографии объявляют материалы Журавского представляющими “выдающийся”, “исключительный” интерес. Отчет императорского РГО (торжественное заседание 1 марта 1906 г.) называет заслуги Журавского, как исследователя Севера “громадными”» [14].

Физико-географические исследования Зоологической станции Петербургской АН заключались в экспедиционном изучении неизвестной части Печорского края, строгой добросовестной фиксации маршрутов, что позволило связать известные географические данные об этом районе с побережьем Ледовитого океана. Были определены границы лесной растительности, подтверждены научные прогнозы наличия нефтяных залежей, собраны большие коллекции по геологии и флоре. За относительно небольшой отрезок времени выполнена большая работа и сделан существенный вклад в развитие знаний по физической географии.

Экспедиции Печорской естественноисторической станции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук

Заведующий Зоологической станцией Журавский стремился расширить сферу деятельности и разработал проект нового учреждения в Усть-Цильме «для всестороннего изучения Печорско-Мезенского края и соприкасающихся районов в биогеографическом отношении и для пополнения коллекций Зоологического, Ботанического, Геологического и Этнографического музеев Императорской академии наук» [15]. Он считал, что почву для организации новой станции подготовили экспедиции.

Устав Печорской естественноисторической станции Императорской АН в Усть-Цильме утвержден АН 3 июня 1908 г., но начало ее деятельности относится к середине 1906 г. «Печорская естественноисторическая станция – первое биогеографическое учреждение в России, имеющее целью всестороннее исследование и изучение области, ограничиваемой не административными (уездными или губернскими) границами, а границами естественными, природными», – писал Журавский.

Сфера деятельности Печорской станции распространялась на восточные части Архангельской, Вологодской, Пермской и западную часть Тобольской губерний, т.е. охватывала бассейны Печоры, Мезени с притоками, Северной Двины и нижнее течение Оби, всю площадь полярных тундр от Канина до Оби. Были созданы отделения станции в нескольких селах Усть-Цилемского уезда. Сотрудники небольшой станции и привлеченные помощники осуществили несколько крупных поездок по Печорскому краю.

Во время экспедиции конца 1906 г. в долинах рек Уса и Воркута обнаружили залежи угля, битуминозных известняков, указывающих на наличие нефти, месторождения аметистов, дымчатого топаза, горного хрусталя, агатов. Коллекции едва помещались на десяти возах. По сведениям «Архангельских губернских ведомостей», в 1906 г. Журавский состоял сотрудником-исследователем Геологического, Ботанического, Зоологического и Археологического музеев Императорской АН.

Результативной в научном плане была экспедиция 1907 г., осуществленная при содействии РГО и Петербургского минералогического общества. На этот раз следовали «по самому большому из притоков реки Усы – по реке Колве», фактически повторив маршрут 70-летней давности ботаника А.И. Шренка. Журавский проследил, произошли ли за этот период изменения «в сфере распределения и распространения предельной древесной растительности». При сравнении с наблюдениями А.И. Шренка он увидел островки древесных растений, зачатки елового леса, зафиксировал до 40 видов растений, выделил два типа лугов Северного Приуралья. В бассейне р. Колва в 309 и 440 верстах от ее устья сотрудники станции обнаружили стоянку неолитического человека.

Во время экспедиции провели маршрутную съемку на протяжении 475 верст и нанесли ее на схему движения. Публикация о маршруте представляет собой таблицу, в которой указаны номера остановок, даты, румбы, расстояния в верстах ниже или выше по течению, количество верст от устья Колвы, азимуты каждой остановки и на каком берегу реки они были сделаны.

В 1908 г. Журавского больше интересовали вопросы экономического характера. По приглашению архангельского вице-губернатора А.Ф. Шидловского, Журавский участвовал в совещаниях по выработке проекта нового регулярного пароходного сообщения по всей р. Печора и ее главным притокам Усе и Ижме [16]. Было организовано путешествие в низовья Печоры [17]. Путешественники останавливались в окрестностях сел Куя, Усть-Кожва, Колва, Усть-Цильма в низовьях Печоры и поселений вдоль рек Уса, Пижма, Ижма и Цильма.

В статье «Приполярная Россия. Нефть в бассейне Печоры» Андрей Владимирович писал, что Ухтинский нефтеносный бассейн в перспективе может служить для России крупным подспорьем в добыче этого важнейшего топливного сырья. По его мнению, необходимо своевременно построить не только железную дорогу по направлению Архангельск – Усть-Цильма – Обдорск, но и провести постоянные грунтовые дороги между важнейшими населенными пунктами Печорского края [18].

В том же году А.В. Журавский стал членом особого совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела России при ученом комитете Главного управления землеустройства и земледелия. Во время своего выступления на совещании он продемонстрировал карту распространения лесов, цветковых растений, насекомых и диаграммы распространения овощных культур Печорского края. Журавского избрали секретарем комиссии по выработке принципов разделения России на физико-географические зоны страны, на заседаниях которой он отстоял необходимость организации в первую очередь районных станций в Архангельской губернии.

Журавский так характеризовал к этому времени свои заслуги в области физической географии: «К числу более общих и доступных общей оценке материалов, добытых экспедициями Печорской станции, относятся следующие…: I. Нанесение (впервые) на карты рек Адзьвы (365 в[ерст]), Колвы (475 в[ерст]), Большой Сыни (260 в[ерст]), Малой Сыни (120 в[ерст]) и района от берега Ледовитого океана, по западному побережью Хайпудырской губы, до Вашуткиных озер, включительно; 2. Открытие и установление общего простирания хребта Адак-Тальбей, протяжением около 500 верст, с детальным исследованием (палеонтологическим) ряда его сечений (Пым-Ва-Шор. Бурундук-Кось, Адзьва-Тальбей, Щебень-ю, Красный камень, верховья Большой Сыни)».

В 1909 г. Журавский предложил провести «детальное правительственное исследование ископаемых богатств западного склона Северного Урала от г. Тэпож-Из до Карского моря». Предложение поддержали. Средства выделили Главное управление землеустройства и земледелия и Петербургское минералогическое общество. Маршрут пролегал по бассейну рек Косью, Уса и Печора. Крупное научное мероприятие включало несколько отрядов, маршруты каждого подробно охарактеризованы в специальной статье [19].

Главный отряд (А.В. Журавский, Д.Д. Руднев, А.И. Кондаков, М.Н. Богданов, Г.И. Пучнин и практиканты П.Г. Попов и Е.А. Манзадей) шел по рекам Косью и Кожим – Торговая. Второй отряд (топографы Д.Я. Назаров и М.Н. Донской) шел по р. Косью до Вангыра. Третий, главным деятелем которого был Н.Н. Мамадышский, шел по р. Уса. Основная научная задача этого отряда заключалась в статистических исследованиях. Четвертый отряд (Л.В. Хорев, Г.М. Шкапкин, А.И. Колыбин, П.С. Козлов-Жеребин) двигался по р. Сыня. Пятый отряд (Н.А. Кулик, Э.И. Бурштейн, Б.И. и В.И. Николаевские) двигался по реке Адзьва и ее притокам. Шестой отряд по рекам М. Сыня и Шарь-Ю вел горный инженер М.М. Кругловский с целью геологических изысканий. Седьмой отряд под руководством А.И. Мохнатых вел наблюдения по нижнему течению р. Кожва. Восьмой двигался по нижнему течению Печоры вдоль р. Юшина. Девятый отряд учитывал размеры урожаев по Печоре от д. Оранец до с. Бугаево и двигался по р. Ижма до Ухты. Это была самая крупная экспедиция под руководством А.В. Журавского. Были сфотографированы

и нанесены на географическую карту «предгорья вновь обследованной части Урала» [20].

В 1910 г надежды на продолжение экспедиционных исследований не оправдались, так как средства не выделили. В письме члену Государственной Думы Н.Л. Скалозубову 10 января 1910 г. А.В. Журавский подчеркивал, что многие начинания и проекты Департамента государственных имуществ «немыслимы, как и детальное, не рекогносцировочное, почвенное изучение за полным отсутствием каких-либо карт для рек огромного Печорского бассейна» [21]. Тем не менее геологический отряд удалось отправить. Н.А. Кулик, по инициативе Ф.Н. Чернышева, на средства Минералогического общества выяснял геологическое строение восточной части тундры на р. Роговая и в предгорьях Северного Урала по рекам Кожим – Торовей. «В бассейне р. Адзьвы работал при моем участии, – писал Н.А. Кулик, – отряд Северо-Печорской экспедиции Главного управления земледелия и землеустройства». Н.А. Кулик выполнил описание маршрута, отметил расстояния, пройденные по каждой реке (в верстах), перечислил номера стоянок, даты и географические названия. Не удалось дать никаких пояснений, но сделан очень важный для науки вывод, что вся Адзьва лежит за Полярным кругом.

В 1911–1914 гг. руководитель станции в большей степени занимался организационной деятельностью, обработкой полученных ранее данных и публикацией научных исследований.

К началу XX в. территория Печорского бассейна была изучена не равноценно: лучше были исследованы южные районы. Для экспедиций Журавского была выбрана территория Большеземельской тундры. Особенностью предыдущих экспедиций являлся единственно возможный способ передвижения – по крупным рекам. Журавскому же предстояло (и он это осуществил) обследовать многочисленные притоки Печоры, зачастую не судоходные или труднопроходимые (Уса, Колва и их притоки). Во время экспедиций были впервые определены протяженности многих рек региона.

Принципы собирательской деятельности экспедиций под руководством Журавского заключались в том, что они проводились по хорошо разработанным научным планам, охватывали новые районы исследований, были комплексными, следовали лучшим традициям первичного оформления экспонатов (составление этикеток с точным указанием времени, места, условия сбора, характеристики окружающего ландшафта и др.). В академических музеях обработкой собранных в ходе экспедиций материалов занимались выдающиеся ученые того времени.

Ежегодные экспедиции по Печорскому краю находили отражение в отчетах Зоологического музея АН и Геологического музея РГО, в самостоятельных статьях А.В. Журавского и его соратников о маршрутах экспедиций на страницах «Ежегодника Зоологического музея». Обнародование экспедиционных маршрутов являлось важной частью научных знаний, недаром из Зоологического музея АН просили список станций Печорского края за 1906–1908 г., где останавливались экспедиции, так как редколлегия планировала опубликовать такой перечень [22. Л. 18].

Кроме прикладного описания маршрутов, Журавскому принадлежат и аналитические статьи. От характеристики Печорского края автор переходил к проблемам развития науки биологической географии. Он считал, что именно биогеография сотрудничает «с науками, стремящимися к разрешению высших проблем будущего человечества». «Поставить биологическую географию на путь всестороннего и систематического исследования, а не случайного коллектирования [коллекционирования] случайных материалов, нам, безусловно, пора», – писал он. Это необходимо для увязывания опытных результатов, для «удовлетворения обыденных национальных потребностей». Но важнее всего связать естественно-исторические причины и условия с определенными результатами. Без умения устанавливать такую связь «не может быть рациональным, сознательным и уверенным национальное хозяйство». Но его аналитические статьи не всегда соответствовали устоявшимся взглядам на всемирную физическую географию. Эти работы подвергались справедливой критике, что повлияло и на позиции Журавского. Во всяком случае, в 1915 г. уже после его кончины опубликована статья, в которой многое было исправлено и уточнено [23].

Современники высоко оценивали деятельность А.В. Журавского. Один из корреспондентов в 1909 г. писал ему: «Вы буквально открыли вновь Печорский край и выявили интереснейшую аномалию Печорского климата по сравнению со средней частью губернии и тем внесли огромный вклад в науку вообще и климатологию в особенности, да сверх того внесли множество новых корректив в другие отрасли естественных наук» [24. Л. 10].

Съемочно-топографические работы экспедиций в 1903–1910 гг.

А.В. Журавский придавал большое внимание картографированию обследуемой территории. Участники поездок стремились получить нужную информацию даже из черновых картографических заметок [25].

Готовясь к экспедициям для исследования Большеземельской тундры, Журавский тщательно изучал имеющиеся географические карты. К сожалению, они были составлены лет за 20 до его экспедиций. Оценивая состояние карт исследуемой территории, он отмечал их неудовлетворительность, указывал на несоответствие действительности. Огромная территория Большеземельской тундры оставалась практически белым пятном. Топографические работы в этом регионе с 1820-х гг. носили эпизодический характер. Об этом красноречиво говорил Н.А. Кулик: «Все сведения, которые имелись до сих пор о северо-востоке Европейской России, доставлены теми немногими экспедициями, которые снаряжались в эту область за последнюю половину прошлого столетия. Отсутствие удобных путей сообщения и незначительная населенность этих окраин заставляли путешественников невольно повторять большую часть маршрутов своих предшественников, результатом чего и явилось почти полное отсутствие сведений об орографии и геологическом строении огромных площадей, лежавших в

стороне от единственных естественных путей сообщения рек Усы и Печоры. К числу областей, наименее затронутых исследователями по указанным причинам, относится Большеземельская тундра, или Большая земля, как ее часто называют». До конца 1880-х гг. достоверные данные имелись лишь о северной и южной окраинах Тимана. «Белым пятном» оставалось огромное пространство между р. Ухтой и Тиманским Камнем (более 100 тыс. кв. км.). Из всех рек Тимана нельзя было назвать «ни одной, которая была бы нанесена сколько-нибудь удовлетворительно».

Ко времени, когда Журавский впервые отправился в экспедицию в 1902 г., существовала только топографическая карта Южного Тимана, снятая в трехверстном масштабе геологической экспедицией Ф.Н. Чернышева в 1889 г., от 61° с. ш. до Баренцева моря к востоку от Чешской губы, т.е. территории свыше 170 тыс. кв. км. На ней точно были нанесены реки Ижма, Вычегда, Ухта, Цильма, Мылва, Печорская и Мезенская Пижмы, по которым проводили границу между северной и южной частями Тимана. Карта Ф.Н. Чернышева считалась лучшей. Однако, как указывал профессор В.Д. Соколов, на ней многие реки были «нанесены по глазомерным съемкам, а некоторые даже лишь по расспросным данным. Насколько велики недочеты в указанном отношении можно судить по тому, что на Тимане не установлена даже точная граница между Архангельской и Вологодской губерниями. Нечего и говорить, что отсутствие точной карты и неразграниченность названных губерний угрожают породить массу недоразумений и судебных процессов, особенно, в том случае, если на Тимане будет найдена промышленная нефть» [26].

Немалыми погрешностями страдала и карта Печорского края, составленная в 1902–1903 гг. Д.И. Иловайским. По словам Ф.Н. Чернышева, карта требовала серьезных исправлений. «Она была полна курьезов:… реки, принимающие в себя ряд притоков, сами никуда не впадали. Топографы Главного штаба к рекам Севера применили прием изображения рек, текущих в пустынях: те, очень часто имея верховья, не имеют устья». Для нужд ухтинских «столбопромышленников» имевшаяся карта Главного штаба в масштабе 10 верст в одном английском дюйме также имела очень отдаленное сходство с местностью.

В таких обстоятельствах материалы Журавского для составления карты представляли большой интерес. Одним из подтверждений профессиональной заинтересованности Журавского в картографировании изучаемой территории является упоминание карт и чертежей в списке фотографий Печорского края и Большеземельской тундры за 1904–1905 гг. В этом списке указана и одна из первых карт Вашуткиных озер [27].

Во время экспедиций их участники проводили топографические съемки. В 1903 г. Д.Д. Руднев чертил карту северо-западной части Большеземельской тундры, рек Печора и Уса. Во время экспедиции 1907 г. выполнена съемка на протяжении 475 верст; в 1909 г. – инструментальная съемка на протяжении свыше 600 верст и маршрутно-буссольная свыше 300 верст.

В 1907 г. А.В. Журавский писал, что «картографические материалы с характеристиками плеса реки и станций по двойной линии исследования и съемки в 951 версту представлены академику Ф.Н. Чернышеву» [28].

Основными результатами экспедиций 1904–1909 гг. по Большеземельской тундре явились съемка бассейна реки Адзьвы и Вашуткиных озер, открытие выходов хребта Адак-Тальбей и нанесение их на карту. Выяснилось, что «река Адзьва (Хырмор) оказалась длиною вместо полагавшихся по картам 120 верст, 36 верст. Ее истоки – Вашуткины озера были сняты инструментально (кипрегелем); проведена барометрическая нивелировка и, притом не с помощью одних анероидов, но и впервые открытым ртутным барометром <…>. Все открытия подтверждены документами – стереоскопическими фотографическими снимками, все пункты, места нахождений чего бы то ни было точно нанесены на карты 3 в. масштаба и признаны осуществившими свои задачи».

Приборы, инструменты для съемок во время экспедиций в основном были предоставлены РГО и АН. Путешественники тщательно сверяли данные более ранних карт со своими наблюдениями и вносили в них изменения. Подробные и тщательные описания маршрутов позволяли последующим путешественникам делать необходимые исправления. Карты были составлены от руки, потом их выполняли профессиональные картографы.

Открытый Журавским хребет Адак-Тальбей впервые был нанесен на карту размером 25×34 см. под названием «Предварительная схема простирания хребта Адак-Тальбей по данным с 1904 по 1908-й год». Схема является приложением к отчету Журавского «Результаты исследований Приполярного Запечорья в 1907–1908 гг.». На ней нанесены хребет Адак-Тальбей, кряж Сабля, их высокие точки (горы: Лунь Сабля (Южная Сабля), Вой-Сабля (Северная Сабля), Абак, Тёла-Из и др.); крупные реки Большеземельской тундры и их притоки (Уса, Малая и Большая Сыня, Колва, Адзьва). Звездочками показаны экспедиции по годам, но отсутствуют параллели и меридианы, не указан масштаб. Схема снабжена следующим примечанием: «По показаниям некоторых туземцев хребет Адак-Тальбей от речки Заостровки дает отрог, ведущий по реке Косье. Экспедиция 1909 г. имеет в виду постараться выяснить, отрог ли это или новый самостоятельный хребет, с Адак-Тальбеем не сливающийся. Ширина хребта – гораздо большая, чем то показано на схеме». Внизу схемы дана библиографическая ссылка: «Известия» ИРГО 1909 г. Т. XLV. К отчету А.В. Журавского» [29].

На карте А.В. Журавского, как отмечают многие современные исследователи, впервые были нанесены западный склон Уральских гор и вся открытая им лесистая гряда, названная «Адак-Тальбей».

Выводы

Андрей Владимирович Журавский проводил комплексное всестороннее исследование природных ресурсов Европейского Севера России с 1902 по 1914 г.

Область его исследований была обширной, интересы отличались разнообразием: геология, география, картография, ботаника и другие науки. В области геологии Журавский представил большое количество палеонтологического материала, который позволил академику Чернышеву сделать выводы об особенностях геологического строения Европейского Севера России. Президент АН СССР академик А.П. Карпинский в 1919 г. при характеристике Русской геологической платформы не раз ссылался на данные Журавского и упоминал, что их позитивно использовал Чернышев. Журавский одним из первых увидел выходы каменного угля в тундре, месторождения нескольких минералов, необходимых для строительных целей.

В исследовании Печорского края у Журавского преобладала тенденция к изучению географии и биогеографии. Существенными были исследования в области географии. А.В. Журавский выявил взаимосвязь растительного мира с почвенным составом и вышел на понятие биогеография. Изучение географии растений фактически являлось отражением ландшафтоведения, которое Журавский рассматривал как сообщество растений. Журавский уделял большое значение изучению рельефа региона (бассейны рек и высотная характеристика).

В области картографии А.В. Журавскому и его сподвижникам Д.Д. Рудневу и М.Н. Шпарбергу принадлежат первые опубликованные планы и схемы Большеземельской тундры и нанесение на карты открытой гряды Адак-Тальбей, которые отражают современные карты.

В области ботаники еще в первых экспедициях он обнаружил множество цветковых и семенных растений, был впечатлен богатством луговой растительности. Составление гербариев преследовало цель глубже и разностороннее охарактеризовать растительную природу региона и прийти к выводам в области биогеографии. Изучая растительный мир, Журавский пришел к выводу, что он неразрывно связан с почвенными условиями. Отрицая наличие болотистой тундры, он протестовал и против характеристики тундры как пустоши.

Таким образом, разнообразная экспедиционная и собирательская деятельность позволяет охарактеризовать А.В. Журавского как исследователя Печорского севера. Заслугой Журавского является впервые проведенное углубленное изучение природы северной части Коми края. А.В. Журавский «открыл» для России Печорский край с его огромными богатствами, собрал уникальный многообразный материал, который позволял провести интересные сопоставления, сделать перспективные выводы.

Выражаю благодарность в подготовке статьи кандидату исторических наук Е.Н. Коноваловой, доктору исторических наук Л.П. Рощевской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Н.П., Ястребов Е.В. По рекам бассейна Усы и открытие кряжа Чернышева (Северо-Печорская экспедиция Главного управления землеустройства и земледелия) // Как были открыты Уральские горы (Очерки по истории открытия и изучения природы Урала). Свердловск, 1990. С. 142–145.
2. Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 1997. Ч. 2. С. 63.
3. Арктика – мой дом. М. : Северные просторы, 2001. С. 215–216.
4. Журавский А. Тундры // Голос Севера. 1907. № 197.
5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 340. Оп. 1. Д. 56.
6. Журавский А. О западе Большой Земли. Топографической облик и фауна тундры. Результаты путешествия летом 1903 года // Труды Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей. Отделение зоологии и физиологии. СПб., 1904. Т. XXV, вып. 2. С. 78.
7. Журавский А. Маршрут Большеземельской экспедиции. 1904 и 1905 гг. // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. 1906. СПб., 1907. С. XXIX.
8. НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 84.
9. НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 100.
10. Кочедыкова М.М., Рощевская Л.П. Зоологическая станция Императорской Академии наук в с. Усть-Цильма Архангельской губернии // Клио. 2016. № 114. С. 101–108.
11. НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 45.
12. Журавский А. Указатель станций по реке Колве (притоку Усы; Большеземельская тундра) 1907 год // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. СПб., 1909. Т. XIV, № 1–2. С. XIII–XVI.
13. Журавский А. Вести из Большеземельской экспедиции (из письма А.В. Журавского к секретарю общества). С. Усть-Цильма. 5 июля 1905 г // Известия Императорского Русского географического общества. 1905. Т. XLI, вып. 4. С. 798–799.
14. По Северу. Ч. 2 // Архангельские губернские ведомости. 1909. № 245.
15. Журавский А. Печорская естественноисторическая станция при Императорской Академии наук. Ее задачи и история ее возникновения. Архангельск, 1908. С. 18.
16. Журавский А. Маршрут экспедиции в июне 1908 года по рекам Большая и Малая Сыня и на вершины горы «Сабля-Вой-Из» (предварительный) // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. СПб., 1909. Т. XIV, № 1–2. С. IX–XIII.
17. Журавский А. Печорские Альпы и река Сыня. Предварительные данные VI Большеземельской экспедиции за 1908 год // Архангельские губернские ведомости. 1908. № 160.
18. Журавский А. Приполярная Россия. Нефть в бассейне Печоры // Архангельские губернские ведомости. 1908. № 263.
19. Журавский А. Маршруты Северо-Печорской экспедиции Главного управления землеустройства и земледелия. 1909 г. // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. 1909. СПб., 1910. Т. XV. С. V–VIII.
20. Еще о северной Печорской экспедиции А.В. Журавского // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 11. С. 56.
21. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И147. Оп. 1. Д. 56. Л. 12.
22. НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 47.
23. Журавский А. Полярные окраины в новом освещении. Новые биогеографические формулы и проблемы // Известия Императорского Русского географического общества. 1915. Т. 51, вып. 4. С. 237–245.
24. НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 42.
25. Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А. Журавского. НВ-4493.
26. Соколов В.Д. Тиманская нефть. М., 1910. С. 4.
27. НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 25. Л. 11–13.

28. Журавский А. Маршрут экспедиции 1907 года по реке Колве. Указатель станций (Большеземельская тундра) // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. СПб., 1909. Т. XIV, № 1–2. С. VII–IX, XIII–XVI.
29. Журавский А. Результаты исследований «Приполярного» Запечорья в 1907–1908 годах // Известия Императорского Русского географического общества. 1909. Т. 46. С. 197–232.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 сентября 2019 г.

Studies in Physics and Geography Supervised by Andrey Zhuravsky in the Pechora Region in the Early 20th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 127–135.
DOI: 10.17223/15617793/450/16

Mariya M. Kochedykova, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: masha_k90@mail.ru

Keywords: cartography; Bolshezemelskaya tundra; Pechora Natural History Station of Imperial Academy of Sciences in Ust-Tsilma.

The article focuses on the study of the physical geography of Russia's European North by Andrey Zhuravsky (1882–1914) in 1902-1914. The aim of the article is to clarify the role of Zhuravsky, the founder of the first scientific institutions in the European North of Russia, in the development of knowledge in the physical geography of the Pechora region (the territory of the modern Komi Republic) based on unpublished archival documents and published sources. The sources were found in the archives of Syktyvkar, Tobolsk, in the A.V. Zhuravsky Historical and Memorial Museum in Ust-Tsilma. Zhuravsky's publications in *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya imperatorskoy Akademii nauk* [Annual Reports of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences], *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Russian Geographical Society], *Trudy imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo obshchestva estestvoispytateley* [Proceedings of the Imperial St. Petersburg Society of Naturalists], *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North], *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Sheets] were also used. The methodological basis of the study is analysis, synthesis, description, and a historical genetic approach. The activities of the Zoological Station and the Pechora Natural Historical Station of the Imperial Academy of Sciences in Ust-Tsilma in the study of the physical geography of the region, the results of expeditions, scientific and organisational work in the field of geography are shown. The stations studied the relief of the region (river basins and altitudes), revealed the relationship of the plant world with the soil composition. Zhuravsky proceeded from the characteristics of the Pechora region to the problems of the development of the biological geography science. The study of the geography of the tundra flora, in fact, was a reflection of landscape science. In the field of cartography, Zhuravsky first conducted topographical surveys, made plans and charts of the Bolshezemelskaya tundra, and mapped the Adak-Talbey range which he had discovered. It is concluded that, as a result of a systematic research of the Bolshezemelskaya tundra, Zhuravsky was first to profoundly study the nature of the northern part of the Komi region, to expand geographical data, and to specify the significance of the vast territory of the North and the Arctic. Zhuravsky "discovered" the Pechora region for Russia, collected unique diverse material that made it possible to carry out interesting comparisons and draw promising conclusions.

REFERENCES

1. Arkhipova, N.P. & Yastrebov, E.V. (1990) *Kak byli otkryty Ural'skie gory (Ocherki po istorii otkrytiya i izucheniya prirody Urala)* [How the Ural Mountains Were Discovered (Essays on the History of the Discovery and Study of the Nature of the Urals)]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 142–145.
2. Silin, V.I. (1997) *Ocherki po istorii geograficheskikh issledovaniy na territorii Komi kraya* [Essays on the History of Geographical Research in the Komi Region]. Is. 2. Syktyvkar: [s.n.].
3. Magidovich, V.I. (ed.) (2001) *Arktika – moy dom* [The Arctic Is My Home]. Moscow: Severnye prostory. pp. 215–216.
4.. Zhuravskiy, A. (1907) Tundry [Tundras]. *Golos Severa*. 197.
5. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund 340. List 1. File 56. (In Russian).
6. Zhuravskiy, A. (1904) O zapade Bol'shoy Zemli. Topograficheskoy oblik i fauna tundry. Rezul'taty puteshestviya letom 1903 goda [On the West of the Bolshaya Zemlya. Topography and Fauna of the Tundra. The Results of a Trip in the Summer of 1903]. *Trudy Imperatorskogo S.-Peterburgskogo obshchestva estestvoispytateley. Otdelenie zoologii i fiziologii*. XXV (2).
7. Zhuravskiy, A. (1906) Marshrut Bol'shezemel'skoy ekspeditsii. 1904 i 1905 gg. [The Route of the Bolshaya Zemlya Expedition. 1904 and 1905]. In: *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoy Akademii nauk. 1906* [Yearbook of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences. 1906]. St. Petersburg: Tip. Imperat. Akad. nauk.
8. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund 340. List 1. File 84. (In Russian).
9. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund 340. List 1. File 100. (In Russian).
10. Kochedykova, M.M. & Roshchevskaya, L.P. (2016) Zoological Station of the Imperial Academy of Sciences in Ust-Tsilma village of the Arkhangelsk province. *Klio*. 114. pp. 101–108. (In Russian).
11. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund 340. List 1. File 45. (In Russian).
12. Zhuravskiy, A. (1909) Ukazatel' stantsiy po reke Kolve (pritoku Usy; Bol'shezemel'skaya tundra). 1907 god [Index of Stations Along the Kolva River (Tributary of the Usa; Bolshezemelskaya Tundra). 1907]. In: *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoy Akademii nauk* [Yearbook of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 14, Is. 1–2. St. Petersburg: Tip. Imperat. Akad. nauk. pp. XIII–XVI.
13. Zhuravskiy, A. (1905) Vesti iz Bol'shezemel'skoy ekspeditsii (iz pis'ma A.V. Zhuravskogo k sekretaryu obshchestva). S. Ust'-Tsil'ma. 5 iyulya 1905 g. [News From the Bolshaya Zemlya Expedition (From a Letter of A.V. Zhuravsky to the Secretary of the Society). Ust-Tsilma Station. July 5, 1905]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. XLI (4). pp. 798–799.
14. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*. (1909) Po Severu [In the North]. Pt. 2. 245.
15. Zhuravskiy, A. (1908) *Pechorskaya estestvennoistoricheskaya stantsiya pri Imperatorskoy Akademii nauk. Ee zadachi i istoriya ee vozniknoveniya* [The Pechora Natural History Station at the Imperial Academy of Sciences. Its Tasks and the History of Its Establishment]. Arkhangelsk: [s.n.].
16. Zhuravskiy, A. (1909) Marshrut ekspeditsii v iyune 1908 goda po rekam Bol'shaya i Malaya Synya i na vershiny gory "Sablya-Voy-Iz" (predvaritel'nyy) [The (Preliminary) Route of the Expedition Along the Rivers Bolshaya and Malaya Sinya and to the Top of the Mountain Sablya in June 1908]. In: *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoy Akademii nauk* [Yearbook of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 14, Is. 1–2. St. Petersburg: Tip. Imperat. Akad. nauk. pp. IX–XIII.
17. Zhuravskiy, A. (1908) Pechorskie Al'py i reka Synya. Predvaritel'nye dannye VI Bol'shezemel'skoy ekspeditsii za 1908 god [The Pechora Alps and the Synya River. Preliminary Data From the VI Bolshaya Zemlya Expedition for 1908]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti.* 160.

18. Zhuravskiy, A. (1908) Pripolyarnaya Rossiya. Neft' v basseyne Pechory [Subpolar Russia. Oil in the Pechora Basin]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*. 263.
19. Zhuravskiy, A. (1909) Marshruty Severo-Pechorskoy ekspeditsii Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya. 1909 g. [Routes of the North Pechora Expedition of the Main Directorate of Land Management and Agriculture. 1909]. In: *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoy Akademii nauk* [Yearbook of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 15. St. Petersburg: Tip. Imperat. Akad. Nauk. pp. V–VIII.
20. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. (1909) Eshche o severnoy Pechorskoy ekspeditsii A.V. Zhuravskogo [More on the Northern Pechora Expedition of A.V. Zhuravsky]. 11. p. 56.
21. State Archive in Tobolsk. Fund I147. List 1. File 56. Page 12.
22. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund 340. List 1. File 47. (In Russian).
23. Zhuravskiy, A. (1915) Polyarnye okrainy v novom osveshchenii. Novye biogeograficheskie formuly i problemy [Polar Borderlands in a New Light. New Biogeographic Formulas and Problems]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 51 (4). pp. 237–245.
24. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund 340. List 1. File 42. (In Russian).
25. Ust-Tsilma Historical-Memorial Museum of A. Zhuravsky. NV-4493. (In Russian).
26. Sokolov, V.D. (1910) *Timanskaya neft'* [Timan Oil]. Moscow: Tip. B. Vasil'eva.
27. National Archive of the Komi Republic (NARK). Fund 340. List 1. File 25. Pages 11–13. (In Russian).
28. Zhuravskiy, A. (1909) Marshrut ekspeditsii 1907 goda po reke Kolve. Ukazatel' stantsiy (Bol'shezemel'skaya tundra) [The Route of the 1907 Expedition Along the Kolva River. Index of Stations (Bolshezemelskaya Tundra)]. In: *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoy Akademii nauk* [Yearbook of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 14, Is. 1–2. St. Petersburg: Tip. Imperat. Akad. nauk. pp. VII–IX, XIII–XVI.
29. Zhuravskiy, A. (1909) Rezul'taty issledovaniy "Pripolyarnogo" Zapechor'ya v 1907–1908 godakh [Research Results of the "Subpolar" Trans-Pechora Region in 1907–1908]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva.* 46. pp. 197–232.

Received: 30 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 136–146. DOI: 10.17223/15617793/450/17

УДК 94; 327

А.С. Куклина

АНАЛИЗ ДИСКРЕТНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ИСПАНИИ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Анализируется негативное влияние дипломатических позиций Европейского союза по отношению к Российской Федерации на примере Испании. Геополитические, историографические, стратегические и экономические взаимоотношения королевства Испания и России, исследованные в данной статье, позволяют выделить ключевые аспекты будущих партнерских отношений государств. Рассматриваются внутриполитические проблемы королевства и влияние испанской общественности на взаимосвязи с Россией.

Ключевые слова: Испания; российско-испанские взаимоотношения; внешняя политика; Европейский союз; кризис.

Современная Испания претерпела серьезные реформы, приняв демократическую систему, опирающуюся на организованные партии сильного гражданского общества. Кредитный кризис не мешает королевству сопоставлять себя с наиболее экономически развитыми странами мира. Все континенты мира работают с испанскими многонациональными компаниями (Abengoa, Repsol, BBVA, Santander Bank, Zara). Испания принимает активное участие в глобальных экономических форумах – Всемирный экономический форум, «Большая двадцатка», ОЭСР. Традиционно Испания поддерживает устойчивые национальные интересы не только в Европе, но и в Средиземноморье, странах Латинской Америки в Соединенных Штатах Америки [1. P. 2].

Взаимоотношения Испании и России никогда не носили стратегического характера. На многолетние нейтральные отношения стран не повлияли как войны Турции и Российского государства, так и конфликты Испании с США и колониями в Южной Америки. Современная Россия поддерживала Испанию в вопросах территориальной целостности государств, Испания не касалась вопросов непризнанных государств бывшего СССР.

Актуальность предложенной исследовательской работы лежит в определении испанского вектора российской внешней политики, который позволит сбалансировать негативность общего дипломатического фона международных отношений к Российской Федерации.

Контрсанкции России существенно повлияли на политическое поведение испанских избирателей (особенно связанных со сферой агробизнеса). Испания постоянно придерживается довольно сдержанной позиции относительно санкций против РФ. Россия же, как и Испания, являясь форпостом между Европой и Азией, всегда поддерживала геополитические амбиции королевства.

История испано-российских отношений в данном исследовании анализировалась по трудам О.В. Волосюк [2. С. 6]. Советско-испанские связи до восстановления дипотношений с их определяющей стратегией времен республики и Франко рассматривались по монографии испанского исследователя М. Гарридо [3. P. 291].

Современные внешнеполитические взаимоотношения между Российской Федерацией и Испанией, точки соприкосновения в текущей общеполитической обстановке рассматривались по трудам испанского исследователя и дипломата М. Камара «Отношения между Испанией и Российской Федерацией» [4. P. 62]. Экономическое развитие двух стран в свете модернизационного контекста отражает в своих трудах П.П. Яковлев [5. С. 56]. Качественно новый уровень внешнеполитической экспертизы отразила Н.Е. Аникеева в своей монографии «Внешняя политика Испании в конце XX – начале XXI в.» [6. С. 43].

Политика современного министерства иностранных дел Испании, ее отношение с макрорегионами мира рассмотрена в фундаментальной монографии американских ученых Д. Гарсия и Р. Пардо «Современная внешняя политика Испании». Анализ статистической и экономической ситуации торговых отношений Испании и России представляет испанский экономист А. Санчес [7. P. 61].

Современность двусторонних отношений культурной дипломатии Испании и РФ по деятельности института Сервантеса в России показана в работах Н.М. Боголюбовой и Ю.Н. Николаевой [8. С. 93]. Обзор испанской прессы о работе российской дипломатии отражен в труде Д.А. Чечкина [9. С. 64].

Несмотря на всестороннюю исследованность тематики, включая диссертационные изыскания Н.Е. Аникеевой с комплексной оценкой основных направлений внешней политики с 1975 по 2004 г. [10. С. 211], Э. Каналеса [11. С. 113] и Р.В. Асеева [12. С. 128] с анализом торгово-экономических связей, Д.В. Юркова [13. С. 93], представившего исследование о культурных связях России и Испании, нет общего прогнозирующего фактора развития будущности отношений.

Анализ политического, исторического и экономического аспектов двусторонних отношений представляет собой исторически важную и малоизученную сторону современных связей России со странами Иберийского полуострова. Но политики РФ придают немаловажное значение налаживанию исторически определенных дружественных отношений России с испаноговорящим миром. Среди основных исследовательских и образовательных центров, уделяющих существенное внимание изучению Испании, следует, безусловно, выделить Институт Латинской Америки (ИЛА РАН), МГИМО (университет), Российский университет дружбы народов и Высшую

школу экономики, расположенные в Москве. Все три университета предлагают магистерские программы по региональным исследованиям, истории, политологии и (или) международным отношениям. ИЛА проводит регулярный набор аспирантов по профильным историческим, политическим и экономическим наукам.

Политико-дипломатические и экономические российско-испанские отношения в свете последней мировой геополитики и историографии являются объектом данных изысканий – тематика весьма значимая для прогнозирования работы внешнеполитических деятелей.

Предмет исследования – стратегическое партнерство Испании и России в свете позитивного исторического опыта взаимоотношений.

Цель работы – на базе анализа современного состояния и прогноза испано-российских отношений получить ответ на вопрос о выстраивании будущих стратегических партнерских отношений России и Испании. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

– Определение основных этапов испано-российских отношений.

– Анализ исторического становления испано-российских отношений.

– Выявление определяющих факторов формирования двусторонних отношений.

– Нахождение потенциальных точек соприкосновения для укрепления взаимодействия будущего.

– Изучение характера торгово-экономических взаимоотношений между странами.

– Оценка роли российско-испанских связей на потепление отношений с Европейским союзом.

Исследование хронологически охватывает рамки с начала 2000 г. по сегодняшний день. Но основа строится на период с 2009 г. (год подписания декларации о стратегическом партнерстве между Россией и Испанией [14. С. 1]) по июнь 2017 г. (сообщение председателем Европейского совета Дональдом Туском о продлении санкций против России на очередные шесть месяцев [15. С. 1]). В свете рассмотрения стратегии построения взаимоотношений между странами данные годы рассматриваются весьма кстати в современной политической динамике. Выход за временные рамки исследования осуществлен с целью определения клиодинамических тенденций исторических процессов.

Географические рамки изысканий сфокусированы на России и Испании, плотно соприкасающихся с наднациональным образованием – Европейским союзом, странами «Восточного партнерства».

Научная новизна исследований заключена в попытке провести корреляционную зависимость двусторонних отношений Испании и России. От большинства известных исследований данная работа отличается глубоким историческим анализом экономических связей двух стран, определяющем реальную взаимовыгодную связь, обусловленную полным отсутствием геополитических претензий. Историческая характеристика двусторонних взаимоотношений Королевства Испания и России в свете традиционных позиций стран дает понимание появления ковариационных моментов в текущем развитии современного внешнеполитического процесса. Таким образом, может быть предложена модель успешного взаимодействия двух стран, позиционирующая себя на исторически сложенных традициях взаимного нейтралитета и успешной торгово-коммерческой деятельности.

А выводом работы можно рассмотреть предложение по созданию особого декларативного союза стран, стоящих на границах Европы, позволяющего исключать некоторые виды внешнеполитических санкций, мешающих проведению исторически дружественной и нейтральной внешнеполитической коалиции экономически-культурного содружества Испании и Российской Федерации.

Детерминант исторической характеристики взаимоотношения стран Испании и России, традиции взаимопомощи без непрошенного вмешательства во внутриполитические, внешнеполитические, социально-экономические процессы, позволяет получить модель успешного взаимодействия двух государств на обычаях взаимного нейтралитета и успешной торгово-коммерческой деятельности.

Методическая основа работы опирается на исследовательские методы case study, дискус-анализа. Данный выбор обусловлен на возможном интерпретационном подходе анализа личных наблюдений автора при присутствии во время знаковых событий в обеих странах и общении с социумом.

Теории реализма и неореализма помогли понять влияние внешних факторов и геополитических интересов на политические взгляды России и Испании в отношении друг друга. Структурный реализм Кеннета Уолтца [16. P. 138] и Джона Миршаймера [17. P. 11] определили системные условия необходимости объединения двух стран с целью противостояния диктата Европейского союза.

Неореализм позволил дать подробный анализ стратегических расчетов российских и испанских политиков. Институциональные рамки, созданные между Испанией и Россией, определили неолиберальный институционализм как теоретический подход взаимодействия. Предложенный подход Роберта Кеохейна и Джозефа Найема [18. P. 733] позволит задушить анархию и установить взаимовыгодное сотрудничество, определив правила межгосударственного взаимодействия.

В своей исследовательской работе автор приводит возможные сценарии развития событий, делает вклад в диверсификацию теоретической базы истории международных отношений и мировой политики, акцентируя внимание на экономическом базисе взаимоотношений Испании и России. Практическая значимость работы заключается в создании объективной модели становления и развития двусторонних отношений Испании и России.

В качестве **основных положений** изысканий можно определить:

1. Контакты России и Испании в XVI–XVIII вв. носили по большей части эпизодический характер, обусловленный географической удаленностью стран друг от друга, отсутствием конфликтного поля и

минимальными династическими связями. Именно подобный характер отношений может являться одной из причин формирования нейтрально-положительного формата политики стран друг к другу.

2. Признание Александром I кадисской конституции в 1812 г. является ключевым событием русско-испанских отношений в XIX в. Великолукским договором русский самодержец придал легитимности испанской партизанской борьбе за независимость от Наполеона, что стало ключевым моментом формирования позитивного отношения Испании и испанцев к России.

3. Взаимный нейтралитет России и Испании, начавшийся с неучастия последней в Крымской войне и ознаменовавшийся невмешательством России в конфликты Испании с США, представил собой устоявшийся формат двусторонних отношений. Нейтралитет Испании в Первой мировой войне поддержал сформировавшийся тип отношений, Испания выступала гуманитарным посредником и неоднократно проявляла инициативы по помощи российским военнопленным и перемещенным лицам.

4. Советско-испанские отношения (до 1939 г.) носили новый, идеологизированный характер. Советский Союз оказывал республике разнообразную помощь в ходе Гражданской войны и до нее, что впоследствии привело к формированию образа Советской России как классического врага нового режима Ф. Франко и заблокировало дипломатические контакты вплоть до начала демократизации испанского режима. СССР ассоциировался у правительства Франко с собственными идеологическими противниками и представлял собой угрозу фашистскому авторитарному строю. Тем не менее участие советских специалистов в гражданской войне на стороне республики оказало позитивный эффект в годы восстановления отношений с Испанией после демонтажа фашистской системы.

5. Торгово-экономические отношения двух стран с 1991 г. носили позитивный, но точечный и нестабильный характер. Дефицит торгового баланса Испании в отношениях с Россией говорит о продолжении отношения Испании к нашей стране как далекому и не самому важному партнеру. Тем не менее поступательная дипломатическая работа, направленная на упрощение таможенного режима и другие меры благоприятствования взаимному экономическому сотрудничеству, дали позитивный результат и обеспечили поступательный рост взаимных инвестиций.

6. Последствия «великой рецессии» и война санкций между ЕС и России оказали негативное влияние на двусторонние отношения. Испания не желала усиления санкционного режима, так как агропромышленный сектор страны продолжает нести существенные убытки. Испания будет предпринимать мероприятия по развитию двусторонних отношений, несмотря на негативную внешнеполитическую обстановку.

7. Выход взаимных отношений на стратегический уровень в 2009 г. представляет собой закономерный результат продолжительного сотрудничества двух стран; отсутствие конфликтного потенциала и многолетний взаимный нейтралитет, слабый интерес к внутренним проблемам обоих государств обусловили возможность подписания декларации о стратегическом партнерстве.

8. Стратегическое партнерство Испании и России носит долгосрочный и перспективный характер. Несмотря на режим санкций, обе страны готовы искать пути взаимодействия для продвижения собственной повестки.

Наиболее современный этап развития двусторонних отношений – первая декада XXI в.

Отношения России и Испании в данный период попадают на второй мандат Хосе Марии Аснар (2000–2004) и почти два полных периода президентства Хосе Сапатеро (2004–2011). А также с двумя сроками правления Владимира Путина (2000–2008) и Дмитрия Медведева (2008–2012). Данный период можно охарактеризовать как стабильный этап в развитии двусторонних отношений.

В качестве индикатора политического климата в отношениях России и Испании рассматривается частота взаимных политических визитов высокого уровня. Взаимные визиты высокопоставленных лиц России и Испании этого времени носят регулярный характер. Поездки – короля, принца Астурийского, председателя правительства и министра иностранных дел со стороны Испании и Президента, премьер министра и министра иностранных дел со стороны России – имели небольшой количественный перевес в пользу Испании. Характерной чертой данных визитов является также их сокращение накануне выборов в государствах, что легко объясняется неопределенностью, связанной с потенциальными результатами предстоящего голосования.

Важное место в развитии отношений двух стран занимают личные встречи короля Испании с российскими лидерами, в частности с В.В. Путиным. Личные контакты позволили монарху выступить в роли медиатора в некоторых ситуациях. Так, согласно некоторым источникам, монарх сыграл свою роль в ситуации, когда нефтяная компания Лукойл продемонстрировала свой интерес в приобретении акций компании Репсол [19. P. 2].

Важной чертой развития отношений между двумя странами на данный период является активное обоюдное стремление к двустороннему сотрудничеству. С одной стороны, данный феномен может объясняться стремлением обоих государств преодолеть годы взаимного недоверия и игнорирования и выстроить новые взаимовыгодные отношения, которые перерастут рамки отношений политических, коснутся также экономической сферы и сферы безопасности и могут выйти за рамки двустороннего сотрудничества, охватив сферу отношений России с Европейским союзом. В то же время данному феномену можно найти другое объяснение, которое при этом не будет противоречить предыдущему, – это географический фактор. Так, отсутствие в истории двух государств конфликтов, обусловленных политическими интересами на базе географического соседства (как в случаях конфликтов России с Польшей), во многом позволило российскими и испанским высокопоставленным лицам выстраивать взаимовыгодное сотрудничество, не оглядываясь на исторические предубеждения.

В то же время испанское общество демонстрирует нейтральное отношение к России, а отношения двух государств не являются основным интересом испанского электората. Данное утверждение в еще большей степени справедливо в отношении электората российского. Этот факт предоставляет политикам двух государств широкое поле для маневра, позволяя не опираться на идеологические аспекты в процессе электоральных кампаний.

Российско-испанские отношение в первом десятилетии XXI в. можно разделить на 3 этапа, связанных со сменой правительства в двух государствах.

Первый этап. Хосе Мария Аснар – Владимир Владимирович Путин (2000–2004)

В период с 2000 по 2004 г., с Аснаром и Путиным во главе Испании и России, основными точками соприкосновения двух государств можно назвать следующие события: теракт 9/11 в США, вторжение США в Афганистан, а позднее в Ирак. Данные события заметным образом повлияли на сближение России со странами Западной Европы, в том числе Испанией. Позитивным последствием происходящих событий является стимулирование взаимовыгодного сотрудничества между Испанией и Россией не только в рамках борьбы с терроризмом, но и по другим вопросам безопасности, например организованной преступности.

Кроме того, Россия вместе с Испанией поддержала свержение режима «Талибана» в Афганистане. И даже последующие разногласия между двумя странами на почве развития войны в Ираке не повлияли на сотрудничество в других областях.

Негативным фактором является несоответствие в уровне политического влияния Испании и России. В данном ключе Москва представляет собой игрока, меньше заинтересованного в двустороннем сотрудничестве с Испанией, если это сотрудничество не принесет потенциальной выгоды, которую Россия не сможет получить от взаимодействия с другими странами Западной Европы. Таким образом, ориентация испанского правительства в сторону Вашингтона представляла особый интерес для России, где Испания выступила бы как посредник в российско-американском диалоге.

Второй этап. Родригес Сапатеро – Владимир Владимирович Путин (2004–2008)

Вступление Сапатеро на должность премьер-министра Испании не стало толчком к изменению приоритетов во внешней политики страны и ее переориентированию в сторону России. Напротив, социалистическое правительство поместило Европейский союз и стран – членов организации (в первую очередь Францию и Германию) на первое место в списке приоритетных партнеров Испании. Такой подход, однако, не противоречил позиции России.

Стратегия Сапатеро по «возвращению в Европу» включает Испанию в группу стран – членов ЕС и потенциальных партнеров России. В данный список на тот момент уже входят Франция и Германия как стратегические партнеры страны. Сюда же можно включить Италию с тесными контактами между Сильвио Берлускони и В.В. Путиным. В данном контексте Испания имеет определенный потенциал, осознавая, что не сможет иметь столь же важного стратегического значения для Москвы, как Берлин или Париж. Таким образом, более низкий политический вес Испании по сравнению с более крупными европейскими державами так или иначе не позволит стране сыграть более существенную роль в определении политической стратегии ЕС по отношению к России. С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что данный процесс носит и субъективный характер, демонстрирующий инертность испанского правительства. Так, испанские власти продолжают действовать в традиционных для страны зонах: Европа, Магриб – Ближний Восток и Латинская Америка. Постсоветское пространство до сих пор остается вне интересов испанских политиков, которые не намерены преодолеть многолетнюю инертность и развивать отношения с новыми партнерами.

Третий этап. Родригес Сапатеро – Дмитрий Анатольевич Медведев (2008–2012)

С приходом к власти Дмитрий Медведев начинает так называемый период оттепели в отношениях России и ЕС. В то же время Евросоюз стремится восстановить потерянное доверие в отношениях России и стран ЕС, стараясь прибегать к мирным урегулированиям конфликтов посредством двустороннего диалога. Так, данный подход позволил в короткие сроки и с минимальными последствиями урегулировать кризис, возникший в результате русско-грузинской войны в августе 2008 г.

На данном этапе Испания занимает более активную позицию в восстановлении отношений между Россией и ЕС. В марте 2009 г. в рамках визита Д. Медведева в Испанию было подписано Соглашение о стратегическом партнерстве [20. P. 1], которое сделало Испанию четвертой страной среди государств Европейского союза (после Германии, Франции и Италии), занимающей особую роль в отношениях с Россией. Предложенные в Соглашении инициативы охватывают широкие сферы: от политических вопросов по проблемам, представляющим общий интерес до сотрудничества в сфере образования и культуры (см. табл. 1).

К тому же, Испания председательствовала в ЕС в первой половине 2010 г. и обозначила укрепление отношений с Россией в качестве приоритетного направления. Так, Сапатеро отметил, что стабильность ЕС во многом зависит от отношений с Россией. В целом основными направлениями сотрудничества ЕС и России на данном этапе стали: пересмотр визового сотрудничества, участие России в некоторых программах Восточного партнерства, энергетическое сотрудничество, поддержка России в рамках вступления в ВТО, сотрудничество по вопросам борьбы с терроризмом [21. P. 1].

Таблица 1

Основные положения Соглашения о стратегическом партнерстве между Россией и Испанией (2009)

Направление сотрудничества	Действия по взаимному сотрудничеству
1. Внешняя политика	– взаимный обмен информацией, координация более широких совместных инициатив; – ежегодные консультации между министрами иностранных дел; – переговоры по поводу заключения нового соглашения о сотрудничестве
2. Безопасность и правосудие	– взаимодействие между министрами обороны; – соглашение о транзите испанского оборудования и военных по территории России в Афганистан; – борьба с терроризмом; – борьба за нераспространение оружия массового уничтожения; – борьба с организованной преступностью; – борьба с незаконным оборотом наркотиков
3. Экономика и торговля	– развитие торговли; – развитие туризма (Программа совместных действий) ; – развитие взаимных инвестиций; – обмен экономической информацией; – взаимодействие между предприятиями и торговыми палатами; – сотрудничество в сфере инфраструктуры (включая Протокол о железнодорожных перевозках) ; – энергетическое сотрудничество: нефтепродукты, природный газ, уголь и возобновляемые источники энергии (Меморандум о взаимопонимании) ; – сотрудничество в области ядерной энергии; – содействие во вступлении России в ВТО (вступила в 2012 г.)
4. Культура и общество	– сотрудничество между университетами, научными и исследовательскими центрами; – содействие академической и научной мобильности; – содействие изучению русского и испанского языков; – содействие сотрудничеству НКО и правительственных агентств; – взаимодействие СМИ; – защита интеллектуальной собственности; – Испано-российский форум О диалоге в гражданском обществе; – содействие взаимоупрощению визового режима

Основной целью России было развитие сотрудничества с ЕС в технологической сфере в рамках совместных проектов, таких как разработка альтернативных источников энергии и повышение энергоэффективности, с максимальным сокращением затрат в связи с развернувшимся экономическим кризисом. Ответом ЕС, в свою очередь, была ориентация на политическую и экономическую модернизацию, дальнейшую демократизацию России, борьбу с коррупцией и вовлечение общества в политические процессы.

Важно уделить отдельное внимание вопросам отношений между двумя странами в сфере обеспечения безопасности. Как отмечалось ранее, данные отношения базируются на отсутствии восприятия друг друга как потенциальной угрозы. В то же время существует общая точка соприкосновения в виде борьбы с терроризмом и организованной преступностью, которая дала толчок более плотному взаимодействию между органами прокуратуры, полициями и спецслужбами.

Тем не менее данные отношения имеют свои слабые стороны. Так, Прокурор Верховного суда, специализирующийся на расследованиях преступлений организованной преступности в бывшем СССР (как стало известно после утечки ряда секретных данных через канал Викиликс), отметил значительный объем данного рода преступлений на территории страны и заявил о связи российских правоохранительных органов с организованными преступными группировками, что усложняет процесс расследования преступлений, совершенных российскими гражданами на территории Испании. Другой проблемной точкой, в этот раз уже в глазах России, является тот факт, что испанские СМИ используют термин «русская мафия» для обозначения преступных групп из любой части Восточной Европы и постсоветского пространства, ухудшая тем самым образ россиян, проживающих на территории Испании.

Что касается международной безопасности, в эти годы между Россией и Испанией было достигнуто Соглашение по разрешению транзита испанских военных через территорию России в Афганистан. Тем не менее особых успехов в других направлениях достигнуто не было, но причина здесь кроется в том, что многие международные вопросы решаются в рамках сотрудничества России и НАТО и других международных организаций, т.е. выходят за пределы двусторонних испано-российских отношений.

Вмешательство западной коалиции, включая Испанию, в конфликт в Ливии продемонстрировал как потенциал, так и ограниченность стратегического сотрудничество между Россией и Испанией. Это был первый конфликт международной важности со времен войны в Ираке, в которой Россия и Испания заняли противоположные позиции. Тем не менее это не оказало негативного воздействия на развитие отношений между двумя странами: прагматизм, направленный на избежание конфликтов, способных навредить взаимовыгодному сотрудничеству, постепенно стал традиционным трендом.

В данный отрезок времени одним из основных мотивов по укреплению сотрудничества между Россией и Испанией был мотив экономический, особенно в контексте развернувшегося экономического кризиса. Общепризнанным является тот факт, что интенсивность торговых отношений значительно ниже отно-

шений политических между двумя странами, и данное препятствие требует скорейшего преодоления. На сегодняшний день обмен имеет отрицательное торговое сальдо (табл. 2). Импортируются главным образом сырьевые товары, в то время как основу экспорта составляют продукты технической деятельности, такие как автомобили, а также продовольственные товары (табл. 3).

Таблица 2

Объем испано-российской торговли (миллионы евро)
Расчеты основаны на материалах, опубликованных на портале МИД Испании

Торговый баланс	2007	2008	2009	2010
Импорт	7 892,71	7 531,95	4 587,22	6 125,52
Экспорт	2 085,93	2 835,63	1 477,43	1 994,97
Сальдо	–5 806,78	–4.696,32	–3 109,79	–4.130,55
Уровень охвата	26,40	37,60	32,20	32,50
Динамика импорта*	7,49	–4,57	–39,10	33,53
Динамика экспорта*	38,17	35,94	–27,90	35,03

* Динамика относительно предыдущего года

Таблица 3

Распределение торговли по секторам (2010)
Расчеты основаны на материалах, опубликованных на портале МИД Испании

Основные импортируемые продукты	*Сумма*	*% от общего объема*
Ископаемые виды топлива, нефтепродукты	5 343,84	87,20
Выплавка металлов, чугуна и стали	371,10	6,00
Никель	132,21	2,10
Синтетический каучук	48,80	0,70
Удобрения	40,39	0,60
Алюминий	21,58	0,30
Общая сумма продуктов	5 957,92	96,90
Общий объем импорта	6 125,52	100,0

Основные экспортируемые продукты	*Сумма*	*% от общего объема*
Котлы, механические устройства	252,69	12,60
Транспортные средства, тракторы	247,76	12,40
Мясо и субпродукты	132,92	6,60
Съедобные фрукты, цитрусовые	116,00	5,80
Плитка и тротуарная плитка	102,56	5,60
Электротехническое оборудование	91,49	4,50
Общая сумма продуктов	943,42	47,50
Общий объем экспорта	1 994,97	100,0

В утвержденной так называемой Декларации партнерских связей в целях модернизации в 2010 г. были выделены следующие аспекты экономического сотрудничества между ЕС и Россией:

– расширение возможностей для инвестиций, торговли и двусторонних экономических отношений;

– приближение стандартов и технических регламентов, а также защита интеллектуальной собственности;

– улучшение транспортной инфраструктуры;

– содействие развитию устойчивой экономики, энергоэффективности и борьба с изменением климата;

– укрепление сотрудничества в области научных исследований, разработок и инноваций, в том числе в сфере космических технологий;

– снижение негативных социальных последствий экономической реструктуризации;

– обеспечение эффективного функционирования судебной системы и борьба с коррупцией;

В ходе своего председательства в ЕС Испания также инициировала обсуждение вопроса по упрощению визового режима между Россией и странами Европы. Устранение формального барьера между странами позволило бы увеличить бизнес-контакты, обмен между странами и еще больше развить туризм.

Одним из основных аспектов отсутствия глубоких отношений между Россией и Испанией является незакрепившееся в обоих обществах общественное мнение по отношению к своим зарубежным братьям. Так, если в россияне видят привлекательным испанский язык и испанскую культуру, испанский язык активно изучается в российских вузах и школах, нельзя сказать, что этот интерес является обоюдным: в Испании практически не изучается русский язык и российская культура в целом не представляет какого-либо интереса для испанского населения. С целью устранить данные пробелы 2011 г. был объявлен годом Испании в России, который имеет свой аналог – год России в Испании. Основным направлением данного проекта является организация всевозможных фестивалей, культурных выставок, но включает также и деловые обмены.

Отношения России и Испании в контексте украинского кризиса 2014 г.

Отношения между Россией и Испанией во втором десятилетии XXI в. неизбежно вращаются вокруг крымского кризиса, развернувшегося весной 2014 г., основным итогом которого стало введение экономических санкций, но который повлиял и на все другие

сферы сотрудничества Росси с ЕС в целом и с Испанией в частности, осложнив и политическое, и экономическое, и культурное взаимодействие.

После произошедшего конфликта отношения между Евросоюзом и Россией оказались в самой напряженной точке за всю историю взаимодействия [22. P. 5]. Москва пыталась помешать ужесточению санкций против России, введенных Европейским союзом в ответ на присоединение Крымского полуострова к территории страны, попыткой разрушить единодушие стран – членов ЕС по данному вопросу.

Испания, в свою очередь, демонстрировала глубокую симпатию по отношению к Москве (наряду с Венгрией, Италией, Грецией и Болгарией) и выступила одной из немного стран, которые высказывали открытое недовольство осложнением отношений с Россией. Данная позиция Испании вызвала недоумение и раздражение в европейском обществе, а также среди стран-соседей Российской Федерации. Испанская позиция выглядела как колебание между желанием продолжать налаженный с Россией диалог и боязнью выглядеть воинственно настроенным партнером, стремящимся внести раскол в единую позицию ЕС.

Внушительное расстояние между двумя странами и отсутствие действительно весомых в стратегическом плане точек соприкосновения, о которых мы говорили ранее, сыграли ключевую роль в формировании позиции Испании по данному конфликту. Так, к примеру, Россия является одним из основных поставщиков сырой нефти в Испанию (14% от общего объема в 2013 г.), но список других импортеров сырья очень широк, и в то же время российский природный газ не используется Испанией в принципе.

Политические и дипломатические отношения представляются на первый взгляд достаточно тесными, но в то же время они не выходят за рамки официальной государственной риторики и не включают в себя взаимодействия по серьезным стратегическим вопросам. Так, и Министерство иностранных дел Испании, и испанское бизнес-сообщество разделяют мнение, что Россия никак не способствует входу испанских представителей на российский рынок и не предоставляет никакой политической поддержки.

Двусторонние экономические отношения, будучи вполне перспективными в некоторых сферах, также не выглядят достаточно крепкими. Тем не менее эти отношения занимают привилегированное место в испанской повестке, продолжая политическую стратегию председателя правительства Испании Мариано Рахоя, первое место в которой выделено экономической и коммерческой деятельности Испании в рамках внешней политики. Первоначально санкции ЕС против России наибольшее воздействие оказывали на сельскохозяйственный сектор Испании. Тем не менее расширение санкций и их ужесточение могло в перспективе сказаться и на других отраслях, в частности энергетическом секторе, секторе транспортном. Отдельную озабоченность проблемой демонстрировало испанское бизнес-сообщество, которое пугали потенциальные негативные последствия ужесточения санкций, способных разрушить столь кропотливо вырабатываемое бизнес-партнерство между двумя странами. В данном контексте аналитики видели потенциал в возможном блокировании Испанией ужесточения санкций, которые самым жестоким образом могли бы отразиться на экономическом партнерстве с Россией.

Очевидным является непосредственное влияние санкций на экономическое взаимодействие России и Испании, в связи с чем данный аспект следует рассмотреть отдельно.

По предварительным оценкам, российские контрсанкции должны принести ЕС ущерб в размере 550 миллионов евро в год.

Как отмечалось ранее, в течение первого десятилетия XXI в. испанский экспорт в Россию постепенно возрастал, достигнув 2,84 млрд евро – своего максимума в 2008 г. Впоследствии из-за кризиса экспорт сильно сократился, но вновь вырос, к 2012 г. составив 2,95 млрд евро.

Таким образом, чтобы проанализировать влияние санкций на объем торговли между двумя странами, следует рассмотреть показатели 2014 г., сравнив их с предыдущими показателями. Самым ярким примером выглядит снижение поставок мяса, которые уже к 2013 г. сократились вдвое, в сравнении с предыдущими годами, а к 2014 г. были практически ликвидированы, достигнув рекордно низкой отметки в 9,2 млн евро. Стоит отметить, что данный спад в поставках связан в первую очередь с ограничениями в экспорте в Россию из Испании ряда мясных и рыбных продуктов, связанных с их потенциальной угрозой здоровью.

В случае с экспортом продуктов растительного происхождения, которые также оказались под влиянием контрсанкций, значительное снижение поставок наблюдается уже с 2012 г. Тем не менее в данном случае сложно увидеть прямое воздействие санкций. Так, опустившись до 48,4 млн евро в 2012 г., объем экспорта увеличился до 61 млн евро в 2014. В то же время, если взять к рассмотрению лето 2014 г., когда стал заметным эффект введения контрсанкций, снижение объемов экспорта является очевидным.

Инвестиционные потоки под воздействием кризиса

Российские капиталовложения в Испанию являются незначительными. Составив 31,5 млн евро в 2008–2010 гг., они выросли до 114,2 млн в 2012–2013 гг. Среди секторов, привлекающих наибольший объем инвестиций: недвижимость, отели, общественное питание. Также немаловажными являются коммерческая деятельность, связанная с продажей автомобилей. Таким образом, основные инвестиции России в Испанию непосредственно связаны с россиянами, временно или постоянно пребывающими на ее территории. В начале 2010-х гг. россияне представляли вторую по многочисленности группу покупателей недвижимости в Испании, уступая лишь англичанам. Естественно, что введенные санкции оказали значительное воздействие на данную сферу сотрудничества между Испанией и Россией.

В свою очередь, испанские капиталовложения превышали вложения России, но также не представляли большого объема. В период с 2008 по 2010 г. они

составили 528,4 млн евро, но снизились до 218,2 млн евро в последующие три года. Испанские капиталовложения сконцентрированы вокруг металлообрабатывающей промышленности, изготовления и продажи транспортных средств. В первые годы 2010-х значительные инвестиции были сделаны в химическом секторе. В данной связи очевидно, что экономические санкции оказали не столь значительное воздействие на испанские инвестиции в России.

Российско-испанское корпоративное сотрудничество

Наиболее плотное сотрудничество между Россией и Испанией осуществляется в энергетическом секторе, который попал под европейские антироссийские санкции. В данном контексте основной является деятельность испанской нефтегазовой компании Репсол, которая пошла на российский рынок в 2006 г. В 2011 г. компания подписала соглашение с Alliance Oil Company по созданию совместного предприятия AROG по разведке и добычи нефти. На 2013 г. Repsol имела в своем распоряжении 27 блоков, из которых 13 были вовлечены в разведку, а 14 – в разработку нефти. В 2013 г. компания производила 14 600 баррелей в день, увеличив производство до 17 640 к середине 2014 г.

Компания Técnicas Reunidas, в свою очередь, также активно укрепилась на российском рынке. В 2006 г. она внесла значительный вклад в работы по реконструкции нефтеперерабатывающего завода в Хабаровске. В 2013 г. компания выиграла контракт стоимостью в 1,1 млрд долларов по разработке проекта строительства нефтеперерабатывающего завода в Волгограде. Очевидно, что так или иначе антироссийские санкции непосредственным образом затронули деятельность и так немногочисленных на российском рынке испанских компаний.

Политический аспект взаимоотношений

В своем официальном дискурсе Испания заявляет о своем стратегическом партнерстве с Россией. Рамочным документом в данной связи является Соглашение о стратегическом партнерстве, подписанное в марте 2009 г. премьер-министром Испании Хосе Сапатеро и президентом России Дмитрием Медведевым. Данное соглашение было подкреплено организацией года испанской культуры в России и российской культуры в Испании в 2015 г. Данные инициативы направлены не демонстрацию и поддержку тесных и гармоничных отношений между Москвой и Мадридом. Тем не менее следует помнить, что данные отношения не имеют под собой исторически сложившегося основания и стратегии, а также демонстрируют очевидную неравнозначность в уровне важности, придаваемой данному сотрудничеству с той и другой стороны. В глазах Москвы Испания – потенциальный союзник в рамках развития стратегии отношений с ЕС в целом и не представляет какой бы то ни было стратегической ценности как отдельный партнер.

Исторически Испания не демонстрировала особого интереса к странам восточной Европы, проявляя при этом определенную настороженность к растущему взаимодействию между Европой Западной и Восточной. Она опасалась, что такое развитие отношений снизит интерес ЕС к странам Южной Европы, сократив, как следствие, финансовую помощь южным странам сообщества. В общем и целом Мадрид, как и его европейские партнеры, в своем развитии отношений со странами Восточной Европы фокусируется на отношениях с Россией. Гармония в политических отношениях между Россией и Испанией была продемонстрирована в период крымского кризиса, в защите Испанией позиции России по Крыму. Мадрид заявил, что Россия имеет на Украине «законный интерес» и что «российский интерес» должен быть принят во внимание при попытке урегулировать украинский конфликт, спонсируемый ЕС.

Такое близкое сотрудничество России с Испанией в период конфликта вызвало озабоченность со стороны испанских евроатлантических партнеров. Примечательным примером явилась встреча в Мадриде между министрами иностранных дел России и Испании С. Лавровым и Гарсией-Маргальо 5 марта 2014 г. в период эскалации конфликта на Крымском полуострове. В совместной пресс-конференции испанский министр иностранных дел подчеркнул «необходимость уважения закона» (подразумевая признание целостности украинской территории), в то же время отметив, что «нынешние трудности начались тогда, когда президент Янукович решил не подписывать соглашение с ЕС, документ, который был ошибочно принят за альтернативу Евразийского экономического сообщества, который был подписан Россией и другими странами».

С позиции Испании в стратегии отношений с Россией Крым является основной проблемой. Но в то же время испанская позиция формируется под влиянием ее внутренних интересов: способствовать международному содействию урегулирования конфликтов в Каталонии и стране Басков. Гарсия-Маргальо перед референдумом в Крыму в марте 2014 г. заявил, что параллель между Каталонией и Крымом носит «абсолютный характер», и отметил, что «референдум, который противоречит внутренней конституции по определению нарушает международное право и не может иметь легальный статус. Территория, которая отчуждается с такими грубыми нарушениями, не может быть признана международным сообществом».

Данное противоречивое отношение Испании к крымской проблеме не помешало ей несколько раз обратиться с призывами к ЕС по возобновлению диалога с Россией. Предложение Испании предполагает необходимость найти легальное решение проблемы. По словам Гарсии-Маргальо, «нам следует использовать творческий подход к решению проблемы, чтобы найти решение, по итогам которого обе стороны могли сохранить свое лицо».

Интересным аспектом введения антироссийских санкций является то, что они по-настоящему «взбудоражили» индифферентное до этого испанское общественное мнение по отношению к России. Народная партия, Социалистическая партия, Конвергенция и союз и их представители в Европарламенте разделили наиболее критическую позицию ЕС по отношению к интервенции России на Украину. Однако Объединен-

ные левые и Podemos приняли российскую позицию в конфликте, особенно ссылаясь на фашистскую хунту в Киеве и антифашистскую природу войны на Донбассе.

Таким образом, можно отметить противоречивость и нестабильность отношений между Россией и Испанией, которые получили новый виток развития в связи с развернувшимися кризисами начала XXI в.: сначала кризисом экономическим, а затем политическим, разразившимся на фоне аннексии Крыма Российской Федерацией. Данные аспекты в очередной раз серьезно ослабили и так некрепкое сотрудничество между двумя странами. Но в то же время развитие событий последних лет внушает немало оптимизма. Во-первых, даже в процессе развития конфликта в ходе украинского кризиса между Россией и Испанией оставалось немало точек соприкосновения, на которые не повлияло политическое напряжение и введенные антироссийские санкции. Во-вторых, на сегодняшний день, когда санкции пребывают в силе уже в течение трех лет, сотрудничество между двумя странами продолжает набирать обороты, затрагивая разные сферы взаимодействия: экономическую (бизнес-партнерства, увеличение товарооборота), политическую (общие взгляды на ряд современных политических процессов) и культурную (организация культурных и научных обменов, совместных культурных проектов).

Заключение

1. Несмотря на незначительную долю оборота между странами в общем торговом балансе, обе стороны высоко оценивают возможные перспективы роста товарооборота. Обе страны систематически предпринимали усилия для облегчения перемещения капитала, товаров, граждан и финансов через границы. Высокая стоимость нефти стимулировала высокую активность россиян на испанском рынке недвижимости. Тем не менее воссоединение Крыма с Россией и вооруженный конфликт на востоке Украины привели к введению санкций против РФ.

2. Экономический кризис 2014–2017 гг. вкупе с введенными против России санкциями вызвал негативные последствия во внешнеэкономических отношениях РФ: не стала исключением и Испания. Снизился объем инвестиций, сократилось число туристов. Ответные (контр-) санкции России против Европейского союза больно ударили по агробизнесу, который являлся крупным поставщиком фруктов, овощей и мяса на территорию РФ. Испанские аналитики отмечают, что тот факт, что продуктовое эмбарго не затронуло вино и оливковое масло, говорит о позитивном сигнале РФ странам южной Европы, являющимся крупнейшими поставщиками подобной продукции в Россию.

Исследуя периодизацию развития отношений между двумя странами, можно видеть, что сотрудничество идет по спирали, а это говорит о чередовании периодов подъема спадами в качестве взаимодействия. Тем не менее, если обратить внимание на три последних этапа, можно заметить, что торгово-экономические отношения и принцип невмешательства (т.е. нейтралитета) в дела второго государства остается незыблемым даже в условиях существенных изменений внутри- и внешнеполитического ландшафта. Данное наблюдение позволяет нам подтвердить гипотезу о приоритете экономических связей (с учетом исторического аспекта взаимоотношений) в формировании успешных стратегических отношений.

Исходя из проанализированного материала, можно сделать вывод, что российско-испанские отношения сохранят свой стратегический характер и в дальнейшем. Успех российской внешнеполитической линии на европейском континенте зависит от рационального применения модели отношений с отдельными странами Европейского союза. Испанский опыт позволяет заявить об успешности последовательного развития модели взаимодействия в рамках исторически утвердившегося типа сотрудничества, основанного на взаимном нейтралитете и торговых связях.

Теоретизируя результат настоящего исследования, можно предложить следующую двустороннюю модель успешного взаимодействия со странами ЕС:

– Интенсификация торгово-экономического взаимодействия в рамках действующего санкционного режима.

– Акцент на успешном историческом опыте взаимодействия.

– Соблюдение нейтралитета в вопросах, не затрагивающих национальные интересы Российской Федерации.

– Последовательность и предсказуемость в проведении внешнеполитической линии.

Построение и имплементация новой модели двусторонних отношений в условиях действующего санкционного режима представляется непростой задачей. Трудно отбросить и негативный исторический бэкграунд в отношениях с рядом европейских стран. В то же время само определение национальных интересов в российских условиях не всегда является предсказуемым для зарубежных партнеров, что также может усложнить использование модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Garcia D., Pardo R. Contemporary Spanish Foreign Policy New York. Routledge, 2014.
2. Волосюк О.В. Испания и российская дипломатия в XVIII веке. М. : Из-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.
3. Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Murcia. 2006.
4. Camara M. Las relaciones entre España y la FederaciónRusa //Anuario internacional CIDOB. 2015.
5. Яковлев П.П. Испания: посткризисная модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10.
6. Аникеева Н.Е. Внешняя политика Испании в конце XX – начале XXI в. М. : МГИМО-Университет, 2016.
7. Sanchez A. Tendencias recientes en el comercio de Rusia con España // Boletín Económico de Información Comercial Española. 2012. № 3032. P. 55–63.
8. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.Н. Культурные центры во внешней политике современных государств. Роль Института Сервантеса в развитии российско-испанских связей // Латинская Америка. 2012. № 3.

9. Чечкин Д.А. Российская внешняя политика в зеркале испанской дипломатии и прессы // Латинская Америка. 2011. № 11.
10. Аникеева Н.Е. Основные направления внешней политики Испании (1976–2004 гг.) : дис. … д-ра ист. наук. М., 2009.
11. Каналес Э. Развитие торгово-экономических отношений Испании с Россией: современное состояние, ключевые проблемы и перспективы : дис … канд. экон. наук. М., 2011.
12. Асеев Р.В. Торгово-экономические отношения между Россией и Испанией на современном этапе: возможности дальнейшего развития и основные проблемы : дис. … канд. экон. наук. М., 2006.
13. Юрков Д.В. Российско-испанские культурные связи (конец 1970-х – начало XXI в.) : дис. … канд. ист. наук. М., 2010.
14. Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания // Сайт Президента РФ «Kremlin.ru». URL: http://www.kremlin.ru/supplement/163
15. Евросоюз договорился продлить санкции против России // РБК. 22.06.2017. URL: http://www.rbc.ru/politics/22/06/2017/594c07209a794740a77ad594
16. Kenneth Waltz. Theory of International Politics. London :, Addison-Wesley, 1979.
17. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York : Norton, 2001.
18. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. Boulder : Westview. 1989.
19. Edurne M. El Rey llamó hasta seisveces a Zapatero para interveniren favor de Lukoil // Портал «El Confidencial». URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2008-11-26/el-rey-llamo-hasta-seis-veces-a-zapatero-para-intervenir-en-favor-de-lukoil_208043/ (дата обращения: 20.07.2017).
20. Declaración de AsociaciónEstratégica entre el Reino de España y la Federación de Rusia, 3 de marzo de 2009. URL: http://www.lamoncloa.gob.es/Documents/46d9-3123-declaraciondeasociacionestrategica.pdf
21. Véase Morales Hernández, Javier: «Las relaciones UE-Rusiadurante la presidencia Española» enMarquina, Antonio (ed.): La política exterior de seguridad y defensacomún de la Unión Europea II: resultados de la presidenciaespañola. 2010. UNISCI Papers nº 36. Madrid, UNISCI.
22. Sánchez A., De Pedro N. Spain and the European Union-Russia Conflict: the Impact of the Sanctions. CIDOB. 2015.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 июня 2019 г.

An Analysis of the Discreteness of Political and Historical Relations Between Russia and Spain in the New Millennium

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 136–146.
DOI: 10.17223/15617793/450/17

Alla S. Kuklina, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: siakuk@rambler.ru

Keywords: Spain; Russian-Spanish relations; foreign policy; European Union; crisis.

The article analyses the discreteness of Russian-Spanish cooperation and how the political events of the beginning of the 21st century influenced it. The new inconsistencies and instabilities in the relations between the two countries, which have emerged since 2014, are considered in detail. The main aim of the research work is the actualisation of the Spanish vector of the Russian foreign policy at the present stage. The possibility of the development of a mutual friendly position of Russia and Spain will help balance the negativity of the general diplomatic background of relations between the European Union and the Russian Federation. On the basis of historical comparative studies and methods of historical periodisation, the external signs of the occurrence of chronological periods of political rapprochement between Russia and Spain are examined. As a rule, periods of active Spanish-Russian interaction are associated with the development of economic ties. The study of the works of Russian Hispanists, such as N.F. Mikheeva, N.E. Anikeeva, O.V. Volosyuk, testifies that, for many years, Spain has considered partnership with Russia in order to jointly confront third countries. The article provides a historical retrospective of the strategic and economic relations between Russia and Spain during the Khrushchev Thaw period, when the European Union sought to restore the lost confidence in relations between Russia and the EU countries. The signing of the Strategic Partnership Agreement by Russia and Spain in 2009 and the rapid growth of visa, economic, energy, scientific, and cultural cooperation took place during the period from 2007 to 2011. The relations between Russia and Spain in the second decade of the 21st century inevitably revolve around the Crimean crisis that took place in the spring of 2014. The main outcome of the crisis was the imposition of economic sanctions, which significantly complicated the political and economic interaction. The expansion and toughening of sanctions, in addition to the agrarian and tourism sectors, have significantly affected the energy and transport sectors. The Spanish business community, which is frightened by the negative consequences of tougher sanctions, actively demonstrates concern about this problem in the press. The Russian counter-sanctions caused damage to the EU in the amount of 550 million euros per year. Spanish Foreign Minister José Manuel García-Margallo estimated Spain's losses from export restrictions more than once. The conclusion of the work is a proposal to create a special declarative union of the countries located on the borders of Europe, which could exclude some types of foreign policy sanctions preventing the implementation of the historically friendly neutral foreign policy and the creation of an economic and cultural cooperation between Spain and the Russian Federation.

REFERENCES

1. Garcia, D. & Pardo, R. (2014) *Contemporary Spanish Foreign Policy*. New York: Routledge.
2. Volosyuk, O.V. (1997) *Ispaniya i rossiyskaya diplomatiya v XVIII veke* [Spain and Russian Diplomacy in the 18th Century]. Moscow: RUDN.
3. Garrido Caballero, M. (2006) *Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX*. Murcia: Universidad de Murcia.
4. Camara, M. (2015) Las relaciones entre España y la Federación Rusa. *Anuario internacional CIDOB*.
5. Yakovlev, P.P. (2015) Spain: Post-Crisis Development Model. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 10. (In Russian).
6. Anikeeva, N.E. (2016) *Vneshnyaya politika Ispanii v kontse XX – nachale XXI v.* [Foreign Policy of Spain in the Late 20th – Early 21st Centuries]. Moscow: MGIMO-Universitet.
7. Sanchez, A. (2012) Tendencias recientes en el comercio de Rusia con España. *Boletín Económico de Información Comercial Española*. 3032. pp. 55–63.
8. Bogolyubova, N.M. & Nikolaeva, Yu.N. (2012) Kul'turnye tsentry vo vneshney politike sovremennykh gosudarstv. Rol' Instituta Servantesa v razvitii rossiysko-ispanskikh svyazey [Cultural Centres in the Foreign Policy of Modern States. the Role of the Cervantes Institute in the Development of Russian-Spanish Relations]. *Latinskaya Amerika*. 3.
9. Chechkin, D.A. (2011) Rossiyskaya vneshnyaya politika v zerkale ispanskoy diplomatii i pressy [Russian Foreign Policy in the Mirror of Spanish Diplomacy and Press]. *Latinskaya Amerika*. 11.
10. Anikeeva, N.E. (2009) *Osnovnye napravleniya vneshney politiki Ispanii (1976–2004 gg.)* [The Main Directions of the Foreign Policy of Spain (1976–2004)]. History Dr. Diss. Moscow.

11. Kanales, E. (2011) *Razvitie torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy Ispanii s Rossiey: sovremennoe sostoyanie, klyuchevye problemy i perspektivy* [The Development of Trade and Economic Relations of Spain With Russia: Current Status, Key Problems and Prospects]. Economics Cand. Diss. Moscow.
12. Aseev, R.V. (2006) *Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya mezhdu Rossiey i Ispaniey na sovremennom etape: vozmozhnosti dal'neyshego razvitiya i osnovnye problemy* [Trade and Economic Relations Between Russia and Spain at the Present Stage: Opportunities for Further Development and Main Problems]. Economics Cand. Diss. Moscow.
13. Yurkov, D.V. (2010) *Rossiysko-ispanskie kul'turnye svyazi (konets 1970-kh – nachalo XXI v.)* [Russian-Spanish Cultural Ties (Late 1970s – Early 21st Century)]. History Cand. Diss. Moscow.
14. Kremlin.ru. (2009) *Deklaratsiya o strategicheskom partnerstve mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Korolevstvom Ispaniya* [Declaration on Strategic Partnership Between the Russian Federation and the Kingdom of Spain]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/supplement/163
15. RBK. (2017) *Evrosoyuz dogovorilsya prodlit' sanktsii protiv Rossii* [The European Union Agreed to Extend Sanctions Against Russia]. 22 June. [Online] Available from: http://www.rbc.ru/politics/22/06/2017/ 594c07209a794740a77ad594.
16. Waltz, K. (1979) *Theory of International Politics*. London: Addison-Wesley.
17. Mearsheimer, J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: Norton.
18. Keohane, R. & Nye, J. (1989) *Power and Interdependence*. Boulder: Westview.
19. Edurne, M. (2008) *El Rey llamó hasta seisveces a Zapatero para interveniren favor de Lukoil*. [Online] Available from: https://www.elconfidencial.com/espana/2008-11-26/el-rey-llamo-hasta-seis-veces-a-zapatero-para-intervenir-en-favor-de-lukoil_208043/. (Accessed: 20.07.2017).
20. Lamoncloa.gob.es. (2009) *Declaración de Asociación Estratégica entre el Reino de España y la Federación de Rusia, 3 de marzo de 2009.* [Online] Available from: http://www.lamoncloa.gob.es/Documents/46d9-3123-declaraciondeasociacionestrategica.pdf.
21. Véase Morales Hernández, J. (2010) Las relaciones UE-Rusiadurante la presidencia Española. In: Marquina, A. (ed.) *La política exterior de seguridad y defensacomún de la Unión Europea II: resultados de la presidenciaespañola*. UNISCI Papers nº 36. Madrid, UNISCI.
22. Sánchez, A. & De Pedro, N. (2015) *Spain and the European Union-Russia Conflict: the Impact of the Sanctions*. CIDOB.

Received: 18 June 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 147–153. DOI: 10.17223/15617793/450/18

УДК 796.9

Н.С. Леонтьева, Л.С. Леонтьева, Н.Ю. Мельникова, М.В. Коренева

ФРАНЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОЛИМПИЙСКОМ СПОРТЕ: ОСОБЕННОСТИ, ПОКАЗАТЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ИГРАХ ОЛИМПИАД И ОЛИМПИЙСКИХ ЗИМНИХ ИГРАХ

Исследование посвящено особенностям возникновения и развития олимпийского движения во Франции. Проанализированы особенности развития олимпийского спорта, а также показатели и результаты выступления французских спортсменов на Олимпийских играх (летних и зимних): виды спорта, количество участников Олимпийских игр, количество завоёванных наград, место по количеству выигранных медалей.

Ключевые слова: олимпийское движение; спорт; Олимпийские игры; спортсмены Франции; показатели и результаты; количество участников; итоги выступлений; количество медалей.

23 июня международное олимпийское сообщество праздновало важную юбилейную дату – 125-летие основания Международного олимпийского комитета и возрождения Олимпийских игр. Франция – государство, где олимпийский спорт является наиболее популярным и развитым, поскольку эта страна, наряду с такими странами, как Великобритания, Германия, Россия, стоит у истоков современного международного олимпийского движения, основоположником которого является француз Пьер де Фреди барон Кубертен. В том числе, в дань памяти и уважения этому выдающемуся общественному и спортивному деятелю в 2024 г. Игры XXXIII Олимпиады вновь состоятся во французской столице [1].

Изучение олимпийского опыта Франции в международном спортивном движении, а также анализ динамики основных показателей участия представителей этой страны на Олимпийских играх представляют интерес с точки зрения науки и образовательной практики физкультурно-спортивной сферы посредством расширения эмпирической составляющей историко-спортивных дисциплин [2]. Источниковую базу исследования составили учебники и учебные пособия по истории физической культуры и олимпийскому образованию, справочные и статистические данные, касающиеся основных показателей Игр Олимпиад и Олимпийских зимних игр в исследуемый период, а также материалы официальных сайтов международных организаций в области олимпийского движения.

Целью настоящего исследования является историко-педагогический анализ основных показателей развития олимпийского движения во Франции в контексте Игр XXXIII Олимпиады в Париже (2024 г.). В соответствии с целью были сформулированы следующие задачи:

1. Проследить место Франции в международном олимпийском движении и провести анализ динамики основных показателей и результатов выступления представителей Франции на Играх Олимпиад.
2. Проанализировать динамику показателей и результатов выступления представителей Франции на Олимпийских зимних играх.
3. Провести сравнительный анализ основных показателей и результатов выступления представителей Франции на Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх.

Научная проблема обусловлена противоречиями, связанными с необходимостью расширения источниковой базы с учетом приоритета исторических наук, а именно всесторонних знаний по истории отрасли, в рамках оптимизации учебного процесса обучающихся в физкультурно-спортивном вузе и отсутствием аналитических данных и всесторонних системных исследований, связанных с динамикой участия ведущих стран мира, в частности Франции, в самых крупных комплексных спортивных соревнованиях – Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх. Результаты проведенного исследования позволят пополнить эмпирические данные по профильной дисциплине для обучающихся физкультурно-спортивных вузах «История физической культуры» и ряду смежных исторических и социогуманитарных дисциплин.

Истоки современного олимпийского движения относятся к концу XIX в., когда выдающийся французский деятель Пьер де Кубертен выдвинул идею о проведении Олимпийских игр наподобие Древнегреческих агонов. Его публичные выступления получили широкую поддержку ученых, педагогов и общественных деятелей разных стран мира, в том числе представителей Российской империи [1, 3].

В июне 1894 г. по инициативе Кубертена был созван I Международный атлетический конгресс (I Олимпийский конгресс), итоги которого стали историческими для международного спорта: был учрежден Международный олимпийский комитет (МОК), избран президент и первый состав МОК, утверждена Олимпийская хартия, принято решение о проведении современных Олимпийских игр. В том же 1894 г. был создан Олимпийский комитет Франции [3].

Игры I Олимпиады было принято провести в греческой столице Афинах в 1896 г. А спустя четыре года во французской столице состоялись Игры II Олимпиады, по результатам которой наибольшее количество медалей завоевала команда Франции [3, 4].

Начиная с 1896 г. спортсмены этой страны являются бессменными участниками всех Игр Олимпиад. Единственный раз в олимпийской истории, когда представители Франции не смогли принять полноценное участие в летних Играх, это 1904 г., поскольку Игры III Олимпиады проходили на американском континенте, в городе Сент-Луис [1, 3].

История Олимпийских зимних игр начинается с 1924 г., когда по случаю проведения Игр VIII Олимпиады в Париже, во французском городе-курорте Шамони было решено провести «Зимнюю спортивную неделю по случаю Игр VIII Олимпиады». Спустя год им был присвоен статус I Олимпийских зимних игр. Представители Франции являются участниками всех Олимпийских зимних игр, начиная с 1924 г. [5].

Французские города не раз становились столицами Олимпийских игр. В Париже состоялись Игры II Олимпиады (1900 г.) и Игры VIII Олимпиады (1924 г.). Важным в контексте данного исследования является и то, что Париж также станет местом проведения Игр XXXIII Олимпиады (2024 г.), в этом году олимпийское сообщество будет праздновать юбилейную дату – 130-летие исторического Конгресса, который по инициативе П. де Кубертена состоялся в Парижской Сорбонне, и положил начало истории современного олимпийского движения и проведения современных Олимпийских игр [6].

Немаловажным является и то, что во Франции трижды прошли Олимпийские зимние игры: I Олимпийские зимние игры состоялись во французском городе Шамони в 1924 г., спустя сорок четыре года зимние Игры вновь вернулись во Францию – X Олимпийские зимние игры прошли в городе Гренобль в 1968 г., а в 1992 г. в Альбервилле состоялись XVI Олимпийские зимние игры [7].

Важным является отметить, что в городах Франции также были проведены крупные мировые и европейские первенства по футболу – наиболее популярному виду спорта в мире: в 1938 и 1998 гг. состоялись чемпионаты мира; в 1960, 1984 и 2016 гг. – чемпионаты Европы [1, 8].

Наиболее успешные летние олимпийские виды спорта, которые имеют наибольшую популярность во Франции, это велосипедный спорт, гандбол, дзюдо, теннис, тяжелая атлетика, фехтование, футбол. Среди зимних видов спорта, наиболее популярных среди французов, можно отметить горнолыжный спорт и фигурное катание [3]. Как было отмечено выше, представители Франции принимают участие практически во всех Олимпийских играх с момента их возникновения. Количество французских участников и динамика данного показателя в Играх Олимпиад с 1896 г. по 2016 г. представлены на рис. 1 и 2.

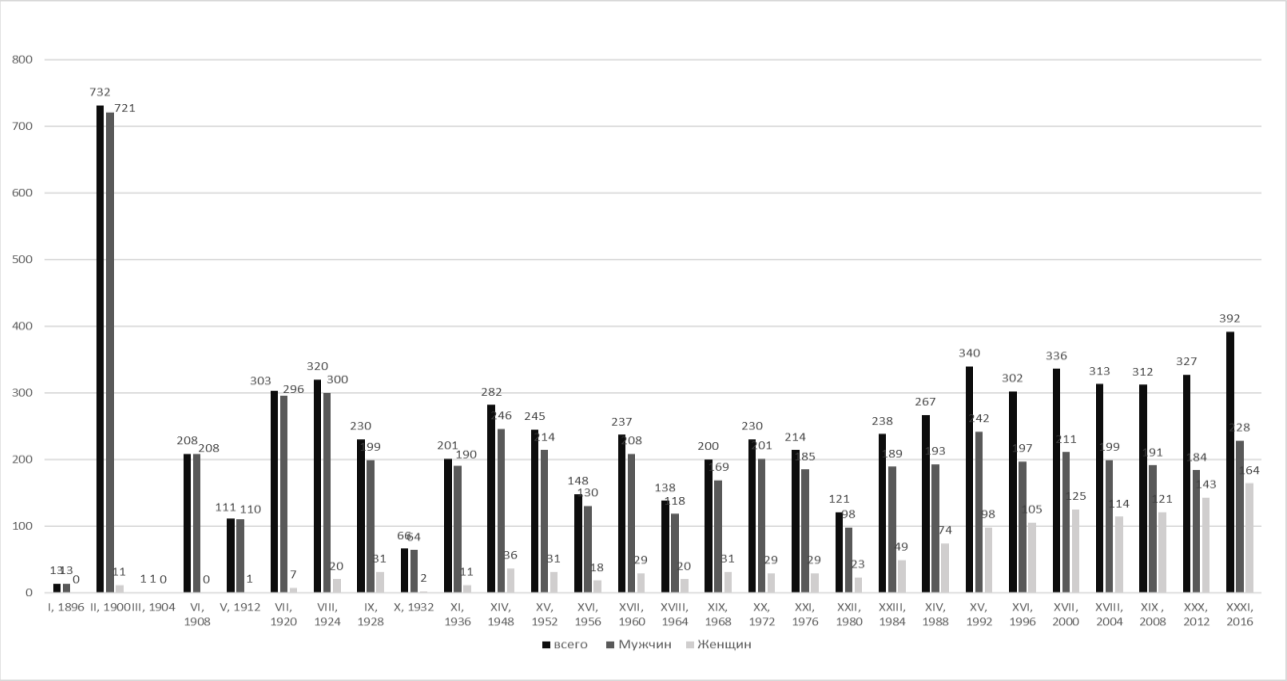

Рис. 1. Количество участников – представителей Франции на Играх Олимпиад (1896–2016 гг.)

Как видно из представленных рис. 1 и 2, наибольшее количество участников – представителей Франции в Играх Олимпиад – 732 человека, в том числе 721 мужчина и 11 женщин приняли участие на Играх II Олимпиады в Париже в 1900 г. Это является абсолютным рекордном, который почти в два раза превышает данный показатель на Играх XXXI Олимпиады в Рио-де-Жанейро в 2016 г. как по общему количеству участников, так и по количеству участников-мужчин [6, 9].

Резкое снижение показателя на Играх 1904 г. был связан с тем, что Игры впервые проходили на американском континенте, материальные и технические условия соответствующего исторического периода не позволили многим европейским странам направить на Игры 1904 г. полноценные команды. Эти страны Франция в том числе были представлены лишь одним спортсменом [1, 7].

Проведенный сбор и анализ полученных данных позволил констатировать, что показатель количества женщин, участвующих в летних Играх от Парижа до Рио-де-Жанейро (женщины дебютировали на летних Играх в 1900 г.) имеет стабильную положительную динамику. Если на Играх 1900 г. выступали 11 французских спортсменок, то на Играх 2016 г. состязались 164 француженки, что почти в 15 раз превышает первоначальный показатель [7, 9].

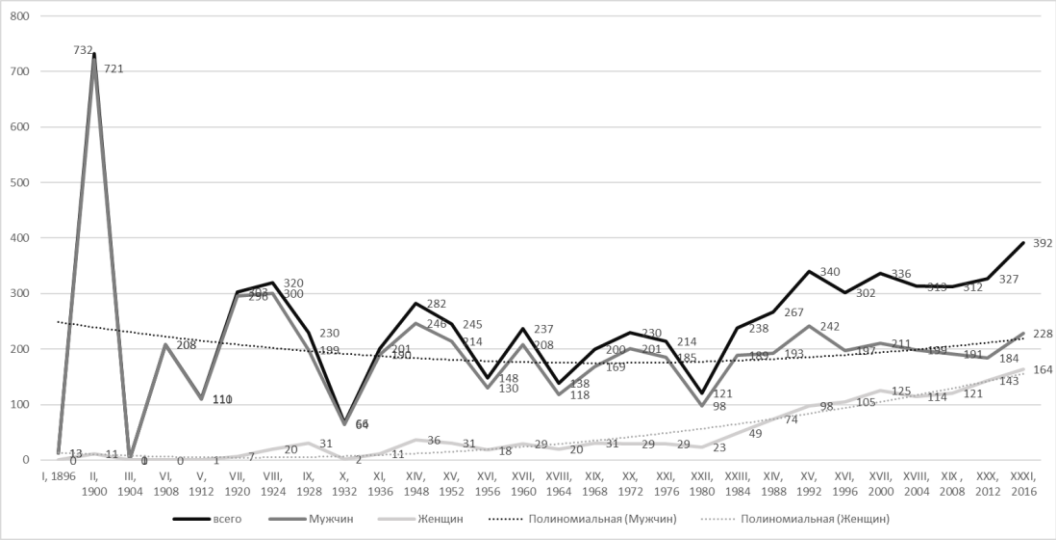

Рис. 2. Динамика участия спортсменов из Франции на Играх Олимпиад (1896–2016 гг.)

Показатель количества мужчин, участвующих в летних Играх от Афин до Рио-де-Жанейро, имеет преимущественно стабильную положительную динамику, однако наблюдаются неоднократные снижения и варьирования данного показателя. Это связано, в том числе, с тем, что количество видов спорта, в которых принимали участие спортсмены Франции, менялось [10].

Как было отмечено выше, представители Франции принимают участие во всех Олимпийских зимних играх с момента старта их проведения в 1924 г. во французском городе Шамони. Количество французских спортсменов, принявших участие в Олимпийских зимних играх с 1924 г. по настоящее время и динамика данного показателя представлены на рис. 3 и 4.

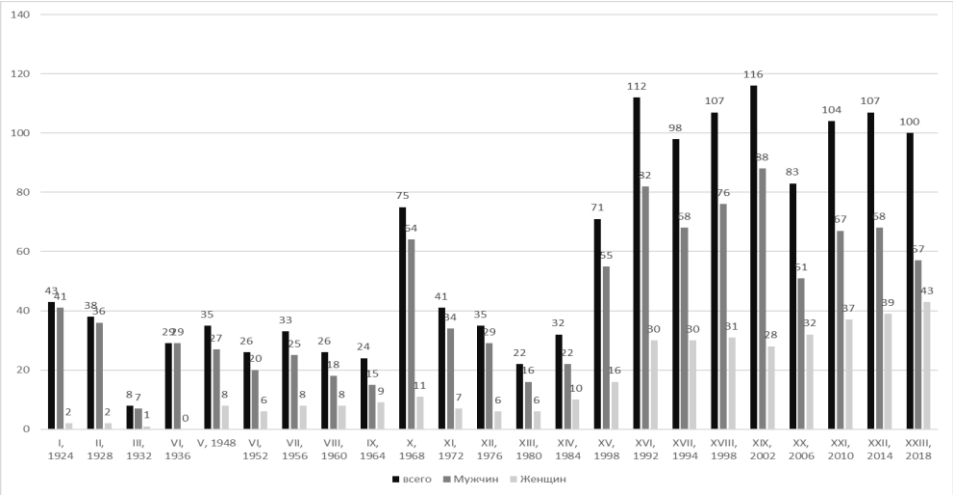

Рис. 3. Количество участников – представителей Франции на Олимпийских зимних играх (1924–2018 гг.)

Как видно на рис. 3 и 4, наибольшее количество участников – представителей Франции приняли участие в Олимпийских зимних играх 2002 г. – 116 человек, в том числе 88 мужчин и 28 женщин. Существенное увеличение количества французских спортсменов объективно наблюдается на «домашних» Играх.

На зимних Играх в Шамони количество представителей Франции составляло почти 50% от общего числа участников, на Играх в Гренобле количество французских спортсменов увеличилось по сравнению с предыдущими Играми более чем в три раза – если на Играх в Инсбруке 1964 г. их было 24, то на «домашних» Играх 1968 г. их насчитывалось уже 75, в том числе 11 женщин.

Проведенный сбор и анализ статистических данных позволили констатировать, что показатель количества мужчин, участвующих в зимних Играх от Шамони до Пхенчхана, в целом имеет стабильную положительную динамику, однако наблюдаются неоднократные снижения и варьирования данного показателя. Это также связано преимущественно с изменением количества видов спорта, в которых принимали участие спортсмены Франции. В частности, на Играх 1936 г. французские представители приняли участие в шести видах программы в четырех видах спорта, на Играх 1948 – в 15 номерах в семи видах спорта, а спустя еще четыре года, на Играх 1952 г., французы приняли участие в 15 номерах, но уже в пяти видах спорта [11, 12].

Показатель количества женщин, участвующих в Олимпийских зимних играх от Шамони до Пхенчхана, имеет ярко выраженную положительную динамику. Если на I зимних Играх приняли участие всего 2 француженки, то на Играх 2018 г. за олимпийские награды боролись уже 43 женщины – представительницы Франции, что более чем в 20 раз превышает показатель 1924 г. [11].

Основные показатели и результаты выступлений представителей Франции на Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх представлены в табл. 1.

Данные представленной таблицы свидетельствуют о том, что по результатам Игр Олимпиад спортсмены Франции наилучшим образом выступили на Играх 1900 г., завоевав 107 медалей, в том числе 28 золотых, 42 серебряных и 37 бронзовых.

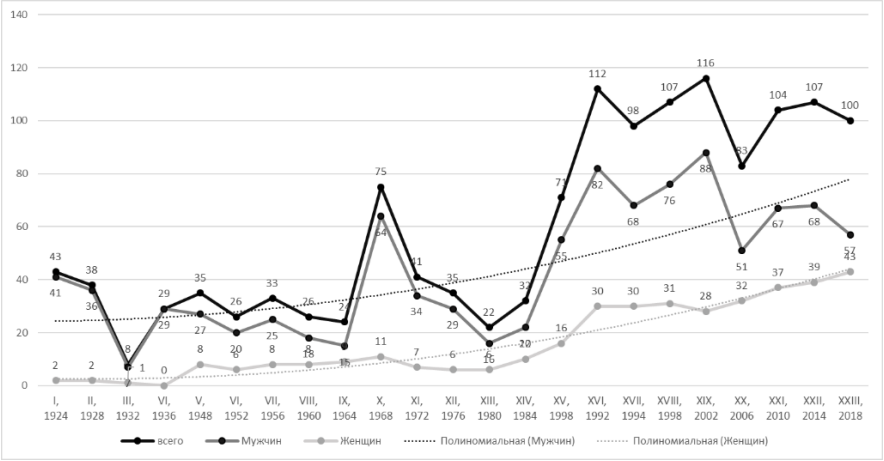

Рис. 3. Динамика участия спортсменов из Франции на Олимпийских зимних играх (1924–2018 гг.)

Таблица 1

Результаты выступлений представителей Франции на Играх Олимпиад (1896–2016 гг.) и Олимпийских зимних играх (1924–2018 гг.)

№ летних Игр, Год/место по КЗМ*	Спорт/ дисциплина	Медали				№ зимних Игр, год/место по КЗМ*	Спорт / дисциплина	Медали			
		всего	зол.	сер.	брон.			всего	зол.	сер.	брон.
I, 1896/4	6/18	11	5	4	2	–	–	–	–	–	–
II, 1900/1	19/89	107	28	42	37	–	–	–	–	–	–
III, 1904/13	1/2	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–
VI, 1908/4	13/55	19	5	5	9	–	–	–	–	–	–
V, 1912/5	12/61	14	7	4	3	–	–	–	–	–	–
VII, 1920/8	23/112	41	9	19	13	–	–	–	–	–	–
VIII, 1924/3	20/123	38	13	15	10	I, 1924/9	9/16	3	–	–	3
IX, 1928/7	17/104	21	6	10	5	II, 1928/5	8/13	1	1	–	–
X, 1932/3	13/54	19	10	5	4	III, 1932/7	3/3	1	1	–	–
XI, 1936/5	19/100	19	7	6	6	VI, 1936/10	4/6	1	–	–	1
XIV, 1948/3	20/126	29	10	6	13	V, 1948/5	7/15	5	2	1	2
XV, 1952/7	19/131	18	6	6	6	VI, 1952/12	5/15	1	–	–	1
XVI, 1956/11	17/100	14	4	4	6	VII, 1956/–	6/17	–	–	–	–
XVII, 1960/25	20/119	5	0	2	3	VIII, 1960/10	6/21	3	1	–	2
XVIII, 1964/21	15/89	15	1	8	6	IX, 1964/5	5/18	7	3	4	–
XIX, 1968/6	17/107	15	7	3	5	X, 1968/3	10/31	9	4	3	2
XX, 1972/17	19/133	13	2	4	7	XI, 1972/16	9/24	3	–	1	2
XXI, 1976/15	19/129	9	2	3	4	XII, 1976/16	8/20	1	–	–	1
XXII, 1980/8	14/89	14	6	5	3	XIII, 1980/17	6/16	1	–	–	1
XXIII, 1984/12	22/139	28	5	7	16	XIV, 1984/13	7/24	3	–	1	2
XIV, 1988/9	24/167	16	6	4	6	XV, 1998/11	9/36	2	1	–	1
XV, 1992/9	26/196	29	8	5	16	XVI, 1992/7	12/49	9	3	5	1
XVI, 1996/5	26/183	37	15	7	15	XVII, 1994/17	10/45	5	–	1	4
XVII, 2000/6	28/196	38	13	14	11	XVIII, 1998/13	12/47	8	2	1	5
XVIII, 2004/7	28/193	33	11	9	13	XIX, 2002/6	15/54	11	4	5	3
XIX , 2008/10	26/205	41	7	16	18	XX, 2006/11	10/55	9	3	2	4
XXX, 2012/7	29/188	35	11	11	13	XXI, 2010/12	13/63	11	2	3	6
XXXI, 2016/7	32/202	42	10	18	14	XXII, 2014/10	12/69	15	4	4	7
XXXII, 2020	–	–	–	–	–	XXIII, 2018/9	11/68	15	5	4	6

*Количество завоеванных медалей

Это, прежде всего, обусловлено тем, что на «домашних» Играх приняло участие рекордное количество французских атлетов – 732, что составило почти 75% от общего числа участников. Общая динамика результатов выступления в целом свидетельствует о стабильности выступления спортсменов Франции на Играх Олимпиад. Кроме Игр 1900 г., успешными можно считать также результаты Игр 1920, 1924, 1948, 1984, 1992–2016 гг., что свидетельствует о высокой степени спортивной конкурентоспособности представителей Франции. Данные свидетельствуют также о наличии некоторых спадов по результатам летних Игр. Французские спортсмены не смогли успешно выступить на Играх 1904, 1960, 1964 и 1976 гг. Низкие показатели связаны не только с небольшим представительством этой страны в Играх Олимпиад разных лет, но и с неудачными выступлениями в некоторых видах олимпийской программы. В частности, учитывая, что в 1904 г. на Играх в Сент-Луис принимал участие всего один спортсмен – Альберт Коррэй, он выиграл серебряную медаль в марафонском забеге. А на Играх в Риме в 1960 г., когда в олимпийских состязаниях принимали участие более 200 французских спортсменов в 20 видах спорта, ими было завоевано всего 5 медалей, что можно считать очевидной неудачей [3, 13].

Анализ статистических показателей, отражающих результаты выступления представителей Франции на Олимпийских зимних играх, позволил сделать вывод о том, что несмотря на редкие неудачи, в частности на зимних Играх 1956 г., когда французы не сумели завоевать ни одной награды, в целом выступления спортсменов этой страны можно считать вполне результативными. Наибольший успех команде Франции сопутствовал на зимних Играх 1968, 1992 («домашние» Игры), а также на Играх с 1998 по 2018 г. – здесь наблюдаются стабильно успешные результаты. Наименее результативными для французских атлетов являются Игры 1952, 1976 и 1980 гг., когда, несмотря на внушительное представительство, было завоевано лишьпо одной медали [14].

Сравнительный анализ результатов выступления представителей Франции на Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх (место по количеству завоеванных наград) представлен на рис. 5.

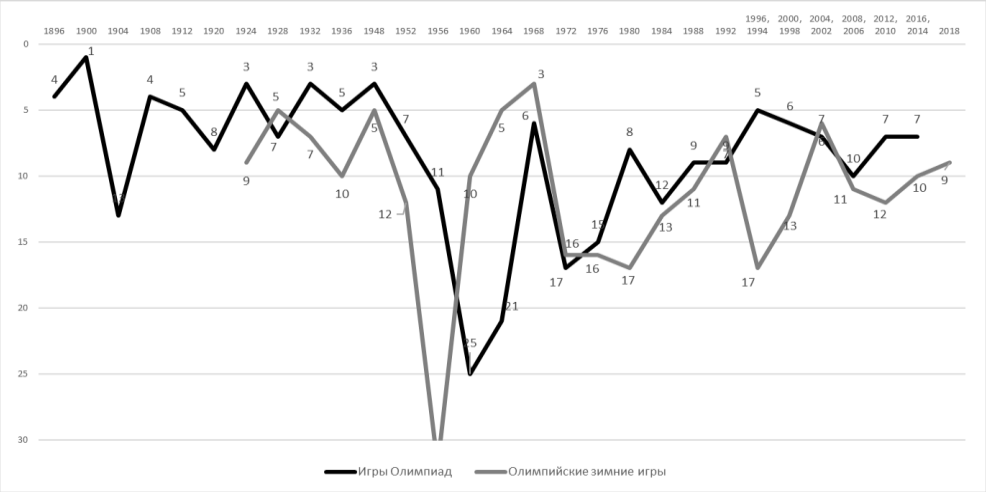

Рис. 5. Итоги выступления французских спортсменов на Олимпийских играх (место по количеству завоеванных наград)

Как видно на рис. 5, по результатам Игр Олимпиад сборная Франции двадцать один раз входила в десятку лидеров по количеству выигранных медалей, и трижды не смогла войти в число пятнадцати сильнейших команд. Результаты Олимпийских зимних игр свидетельствуют о том, что в десятку сильнейших стран Франция вошла на одиннадцати Играх из двадцати трех прошедших, и лишь однажды не сумела завоевать ни одной олимпийской награды.

Важным следует отметить, что французские спортсмены ни разу не были уличены в принятии запрещенных Всемирным антидопинговым агентством (ВАДА) веществ и не были лишены ни одной олимпийской награды [7, 11].

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать выводы об успешном развитии олимпийского спорта во Франции и относительно стабильном участии спортсменов этой страны на Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх. Города Франции становились столицами летних и зимних Игр, а также крупных мировых и европейских первенств. По результатам Игр Олимпиад сборная Франции двадцать один раз входила в десятку лидеров по количеству выигранных медалей; результаты Олимпийских зимних игр свидетельствуют о том, что в десятку сильнейших стран Франция вошла на одиннадцати Играх из двадцати трех прошедших. Наибольшее количество участников – представителей Франции приняли участие в Олимпийских зимних играх 2002 г. – 116 человек, в том числе 88 мужчин и 28 женщин. Существенное увеличение количества французских спортсменов объективно наблюдается на «домашних» Играх.

Наибольшее количество наград спортсмены Франции завоевывали на «домашних» Играх, как летних, так и зимних. Учитывая очевидную тенденцию, можно отметить перспективу успешного участия на «домашних» Играх 2024 г., а также лидерские позиции по

количеству завоеванных наград. Общая динамика результатов выступления в целом свидетельствует о стабильности выступления спортсменов Франции на Играх Олимпиад. Кроме Игр 1900 г., успешными можно считать также результаты Игр 1920, 1924, 1948, 1984, 1992–2016 гг., что свидетельствует о высокой степени спортивной конкурентоспособности Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В. История физической культуры и спорта : учеб. / под ред. проф. Н.Ю. Мельниковой. 2-е изд. с изм. и доп. М. : Спорт, 2017. 432 с.
2. Леонтьева Н.С., Леонтьева Л.С., Коренева М.В., Мельникова Н.Ю. Структура и содержание спецкурсов в рамках реализации олимпийского образования // Методологические проблемы педагогики физической культуры. 2019. С. 260–266.
3. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Леонтьева Н.С. и др. Летние Олимпийские игры: иллюстрированная история. 1896–2012. М. : Книги WAM, 2012. 120 с.
4. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Никифорова А.Ю., Леонтьева Л.С. и др. История физической культуры: наука, учебная дисциплина и историография // Научно-педагогические школы в сфере спорта и физического воспитания : Материалы I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. РГУФКСМиТ. 2016. С. 327–334.
5. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Леонтьева Н.С. и др.Олимпийские зимние игры: иллюстрированная история. 1924–2014. М. : Книги WAM, 2014. 114 с.
6. Все о спорте: Справочник. Франция. URL http://sport-history.ru/books/item/f00/s00/z0000023/st027.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
7. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Леонтьева Н.С. Олимпийское образование : учеб. пособие для студентов РГУФКСМиТ. М., 2012. 120 с.
8. Иванов К.А., Леонтьева Н.С. Динамика результатов выступлений сборных команд СССР и России на чемпионатах Мира и Играх Олимпиад по футболу // Сборник трудов студентов и молодых ученых ФГБОУ ВПО «РГУФКСМиТ» материалы научных конференций студентов и молодых ученых. М., 2014. С. 115–120.
9. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Леонтьева Н.С. Игры XXXI Олимпиады в Рио: география расширяется // Физкультура, спорт, здоровье : сб. ст. Всерос. с междунар. участием очно-заочной науч.-практ. конф. М., 2016. С. 347–351.
10. Международный олимпийский комитет. Олимпийские игры. URL: https://www.olympic.org/olympic-games (дата обращения: 11.06.2019)
11. Олимпийские игры. Страны. Франция. URL: https://olympteka.ru/olymp/country/profile/fra.html (дата обращения: 11.06.2019).
12. Леонтьева Н.С., Леонтьева Л.С., Коренева М.В. XXIII Олимпийские зимние игры в Пхенчхане 2018 года: особенности и итоги выступления спортсменов Российской Федерации // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 4 (158). С. 185–190.
13. Леонтьева Н.С., Леонтьева Л.С., Коренева М.В., Махинова М.В. Олимпийское образование как составляющая профессиональной подготовки обучающихся в вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2 (41). С. 66–75.
14. Олимпийский комитет Франции. URL https://www.olympic.org/fr/france (дата обращения: 13.06.2019).

Статья представлена научной редакцией «История» 18 июня 2019 г.

France in the International Olympic Sports: Features, Indicators and Performance Results at the Summer and Winter Olympics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 147–153.
DOI: 10.17223/15617793/450/18

Nadezhda S. Leontyeva, Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation) E-mail: nadejda_14071977@mail.ru
Lubov S. Leontyeva, Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation). E-mail: luba_leontieva@mail.ru
Nataliya Yu. Melnikova, Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation). E-mail: ya.melnikova64@yandex.ru
Maria V. Koreneva, Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: maria_koreneva@list.ru

Keywords: Olympic Movement; sports; Olympic Games; French athletes; indicators and results; number of participants; performance results; number of medals.

The aim of this study is a comprehensive analysis of the development features of the Olympic Movement in France and the results of French athletes' performance at the Summer (1896–2016) and Winter (1924–2018) Olympics. The following research methods have been used: the study and systematisation of the sources, analytical methods (contrast, comparison, etc.), inductive and deductive methods. The present research was conducted in the framework of the study of the development features of the sport and Olympic movement in the countries and regions of the world. The results of the study will be included in the appropriate section of such disciplines as the History of Physical Education, Countries of the World in International Sport, and others. As a result of the analysis and systematisation of the sources, Figures 1 to 4 have been created, with numbers of French participants at the Summer (1896 and on) and Winter (1924 and on) Olympics. The largest number of participants from France in the Summer Olympics (732 people, including 721 men and 11 women) took part in the Games of the II Olympiad of 1900 in Paris. This was an absolute record, which is almost twice larger than the one at the Games of the XXXI Olympiad of 2016 in Rio de Janeiro, both in the total number of participants and in the number of male participants. The largest number of French participants took part in the Winter Olympic Games of 2002 (116 people, including 88 men and 28 women). The significant increase in the number of French athletes is objectively observed at the country's home Games. In order to reach the aim of the research, Table 1 has been created, which shows the main performance indicators and results of French participants in the Summer and Winter Olympics: sports, disciplines and the number of medals. Table 1 and Figure 5 show the rating of the French team by the number of medals won at the Summer and Winter Olympics in the period under study. According to the authors, the overall dynamics of the performance results in general indicates the stability of French athletes' performance at the Games of the Olympiad. Along with the Games of 1900, the results of the Games of 1920, 1924, 1948, 1984, 1992–2016 can also be considered as successful, which proves the high level of sports competitiveness of French athletes. According to the results of the Games of the Olympiad, the French national team was among the top ten countries by the number of won medals twenty one times and failed to be among the fifteen best teams only three times. The results of the Olympic Winter Games indicate that France entered the top ten strongest countries at eleven Games out of twenty three and failed to win any Olympic awards only once.

REFERENCES

1. Mel'nikova, N.Yu. & Treskin, A.V. (2017) *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [The History of Physical Culture and Sports]. 2nd ed. Moscow: Sport.
2. Leont'eva, N.S. et al. (2019) [The Structure and Content of Special Courses in the Framework of the Implementation of Olympic Education]. *Metodologicheskie problemy pedagogiki fizicheskoy kul'tury* [Methodological Problems of Physical Education Pedagogy]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism. pp. 260–266. (In Russian).
3. Mel'nikova, N.Yu. et al. (2012) Letnie Olimpiyskie igry: illyustrirovannaya istoriya. 1896–2012 [Summer Olympics: An Illustrated History. 1896–2012]. Moscow: Knigi WAM.
4. Mel'nikova, N.Yu. et al. (2016) Istoriya fizicheskoy kul'tury: nauka, uchebnaya distsiplina i istoriografiya [History of Physical Culture: Science, Academic Discipline and Historiography]. *Nauchno-pedagogicheskie shkoly v sfere sporta i fizicheskogo vospitaniya* [Scientific and Pedagogical Schools in the Field of Sports and Physical Education]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism. pp. 327–334. (In Russian).
5. Mel'nikova, N.Yu. et al. (2014) *Olimpiyskie zimnie igry: illyustrirovannaya istoriya. 1924–2014* [Winter Olympics: An Illustrated History. 1924–2014]. Moscow: Knigi WAM.
6. Sport-history.ru. (n.d.) *Vse o sporte: Spravochnik. Frantsiya* [All About Sports: A Guide. France]. [Online] Available from http://sport-history.ru/books/item/f00/s00/z0000023/st027.shtml. (Accessed: 10.06.2019).
7. Mel'nikova, N.Yu., Treskin, A.V. & Leont'eva, N.S. (2012) *Olimpiyskoe obrazovanie* [Olympic Education]. Moscow: Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism.
8. Ivanov, K.A. & Leont'eva, N.S. (2014) Dinamika rezul'tatov vystupleniy sbornykh komand SSSR i Rossii na chempionatakh Mira i Igrakh Olimpiad po futbolu [Dynamics of the Results of the Performances of the National Teams of the USSR and Russia at the World Championships and Summer Olympic Games in Football]. In: *Sbornik trudov studentov i molodykh uchenykh FGBOU VPO "RGUFKSMiT": materialy nauchnykh konferentsiy studentov i molodykh uchenykh* [Proceedings of Students and Young Scholars of the Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism: Materials of Conferences of Students and Young Scholars]. Moscow: Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism. pp. 115–120.
9. Mel'nikova, N.Yu., Treskin, A.V. & Leont'eva, N.S. (2016) Igry XXXI Olimpiady v Rio: geografiya rasshiryaetsya [Games of the XXXI Olympics in Rio]. *Fizkul'tura, sport, zdorov'e* [Physical Education, Sports, Health]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism. pp. 347–351. (In Russian).
10. Olympic.org. (n.d.) *Olympic Games*. [Online] Available from: https://www.olympic.org/olympic-games. (Accessed: 11.06.2019).
11. Olympteka. (n.d.) *Olimpiyskie igry. Strany. Frantsiya* [The Olympic Games. Countries. France]. [Online] Available from: https://olympteka.ru/olymp/country/profile/fra.html. (Accessed: 11.06.2019).
12. Leont'eva, N.S., Leont'eva, L.S. & Koreneva, M.V. (2018) XXIII Olympic Winter Games in Pyeongchang of 2018: Special Aspects and Results of the Russian Federation Athletes. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (158). pp. 185–190. (In Russian).
13. Leont'eva, N.S. et al. (2019) Olympic Education as a Component of Professional Training of University Students. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2 (41). pp. 66–75. (In Russian).
14. *French National Olympic and Sports Committee.* [Online] Available from https://www.olympic.org/fr/france. (Accessed: 13.06.2019).

Received: 18 June 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 154–161. DOI: 10.17223/15617793/450/19

УДК 39: 28

Р.М. Мустафина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БЫТОВАНИЯ ИСЛАМА И РЕЛИКТОВ ДОИСЛАМСКИХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ У КАЗАХОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан в рамках научного проекта «Ислам в Казахстане: традиции и современные тенденции» № 0115РК01240.

Рассмотрены современные процессы в этноконфессиональной и этнокультурной жизни населения сел и городов разного административного статуса в новых социально-экономических условиях в Казахстане. Показана деятельность Духовного управления мусульман, мечетей и религиозных образовательных учреждений у казахов, реально бытующие компоненты традиционно-бытовой культуры, мусульманские общины, формы взаимодействия мечетей с этнической средой, влияние на молодежь идей радикального ислама.

Ключевые слова: ислам; мечеть; медресе; Духовное управление мусульман; обряд; обычай.

В статье на основе новых этнографических материалов предпринята попытка воссоздать достоверную картину современной религиозной жизни, деятельности культовых учреждений и исламских учебных заведений у казахов. Полевые этнографические исследования проводились в среде сельского и городского населения с целью сбора этнографических данных о реально бытующих («живых») отдельных структурных компонентах традиционно-бытовой культуры, в частности религиозной, и их функционировании как определенной системы.

Проблемы, связанные с исламом, получили освещение в обширной литературе. Еще османский историк XVI в. Сейфи Челеби в своем труде «Хроника» о народах Центральной Азии отмечал, что казахи «придерживаются толка Имама Изама (Абу Ханифы)» [1. С. 96]. Традиции ислама, сложившиеся в этом регионе, показывают, насколько глубоко ислам ханафитского мазхаба (одна из четырех религиозно-правовых школ) оказался взаимосвязан с традиционными обычаями и обрядами, которые существовали здесь уже несколько тысячелетий до прихода арабов-мусульман.

В исследованиях рассматриваются исламская культура, процветавшая в великих центрах центральноазиатской цивилизации, в которой ханафитский ислам бытовал в тесной взаимосвязи с традиционными обычаями и обрядами [2. P. 261], а также ислам в Центральной Азии, сформировавшийся в советский период в результате разрушения исламских институтов и изоляции мусульман от исламского мира [3]. Большое внимание уделяется вопросам этнической идентичности мусульман Средней Азии, местному пониманию «исламской чистоты», реликтам доисламских практик [4]. Разрабатываются проблемы, связанные с идеей исламского фундаментализма об универсальной религиозной идентификации, оторванной от любой специфической культуры [5. P. 25].

В литературе получили освещение культурно-цивилизационные, политические и экономические процессы в Центральной Азии [6]. Арабо-мусульманским организациям в Казахстане посвящена статья Д. Вильковски [7]. Рассматриваются историко-культурные традиции ислама народов Евразии [8].

О религиозной жизни народов Центральной Евразии говорится в сборнике материалов международной конференции, посвященный памяти известного этнолога В.Н. Басилова [9]. Широкий круг вопросов, связанных с формами взаимодействия и взаимовлияния ислама и этнической культуры, получил освещение в сборнике статей «Ислам и народная культура» [10].

Одной из значительных работ, посвященных культовым учреждениям в Казахстане в досоветский период, остается исследование Н. Сабитова [11]. Обширный фактологический материал о мечетях и мусульманских образовательных организациях собран, систематизирован и проанализирован в книге Т. Тажибаева [12]. Роль и значение мечетей и служителей исламского культа в религиозной сфере казахов в советский период нашли отражение в архивных материалах, выявленных И. Самигулиным [13]. Характеристика мечети как народного клуба дана А. Мецом в его исследовании «Мусульманский Ренессанс» [14. С. 314]. Высказывалось, мнение, что одним из прототипов мусульманского высшего учебного заведения – медресе, являлись буддийские монастыри [15. С. 185]. Отдельные сведения о культовых учреждениях в Казахстане приводятся в книге «Ислам в советском Казахстане» [16. С. 158–159]. Религия как часть социальных изменений в восприятии населения Казахстана рассматривается в статье А. Султангалиевой [17]. Мнение автора, что «ислам стал пониматься как один из символов этнокультурного возрождения казахов и новой национальной государственности с «казахским ядром» [Там же. С. 84], является спорным, так как «бурное возрождение ислама», начавшееся еще в середине 80-х гг., было не чем иным, как легализацией ислама в обществе. Некорректным также представляется утверждение автора, что ислам понимался как символ национальной государственности, поскольку Казахстан является светским государством.

В книге «Ислам и реликты доисламских мировоззренческих традиций казахов» предпринята попытка на основе полевых этнографических материалов представить картину религиозной жизни казахов в прошлом и в первые десятилетия суверенного Казахстана [18]. Значительный интерес являет обширное исследование

С.Е. Ажигали о мемориально-культовой архитектуре кочевников Арало-Каспия [19]. Мечети Северного Приаралья в конце XIX – начале XX в. по материалам археологических и этнографических исследований рассматриваются в статье Р.А. Бекназарова [20].

Проблемам современного терроризма и распространения религиозного экстремизма в Центральной Азии посвящено коллективное исследование «Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии» [21]. В исследовании К.И. Полякова подчеркивается, что деятельность экстремистских организаций в Центральной Азии обеспечивается финансовой, организационной и информационной поддержкой зарубежных организаций, заинтересованных в создании и укреплении своих идеологических, политических и экономических позиций [22. С. 9]. В работе А. Избаирова анализируется деятельность основных экстремистских структур в Казахстане [23]. Наряду с другими течениями автор рассматривает деятельность ультрарадикального исламистского направления «ат-Такфир Уаль-Хиджра», особенностью которого является опровержение всех существующих общественно-политических порядков и этнокультурных традиций путем выдвижения ими положения такфира (огульного обвинения мусульман в неверии) [Там же. С. 150]. Исследователями рассматриваются вопросы взаимоотношений государства и религиозных объединений [24]. Взаимосвязь религии и традиций нашла отражение в работах казахстанских служителей исламского культа [25]. В частности, в книге «Религия и традиции» отмечается, что все мусульманские народы имеют этнические, национальные и языковые особенности. Только религия – едина для них, так как основана на Коране и хадисах [25. С. 10]. Также обращается внимание на недостаточную образованность определенной части молодежи, что явилось причиной появления среди них лиц, «которые отвергают накопленные в течение веков ценности, культурное наследие, даже историю…» своего народа [Там же. С. 11].

Несмотря на разноплановую обширную литературу, систематического и всестороннего этнологического исследования заявленной проблемы, основанного на конкретных этнографических материалах, отражающих постоянные изменения, трансформации и обновления в этноконфессиональной сфере общества и в частности в сфере культовых учреждений, до сих пор не предпринималось. Недостаток фактических материалов, отражающих современное состояние культовых учреждений, а также аналитических разработок, в основе которых лежали бы многочисленные полевые материалы, собранные среди населения широкого круга сел и городов разного административного значения, не позволяет представить картину современной религиозной жизни в ее конкретных проявлениях и динамике. Практических разработок, специальных этнографических исследований мечети и других культовых учреждений в контексте народной культуры немного [21–23]. Между тем мечети являются центрами религиозной жизни в стране, и в последние два десятилетия именно с ними связаны сложные этноконфессиональные и этнокультурные процессы в обществе.

Были использованы методы полевых этнографических исследований, методы включенного научного наблюдения, этнографического опроса, интервьюирования, сравнительно-сопоставительного анализа, прогностический метод, дискурс-анализ, качественный и количественный анализ. Качественный (квалитативный) анализ предполагает углубленный интерпретирующий анализ полученных данных и является одним из главных этнологических методов, способствующих концептуальным разработкам заявленных проблем, в частности анализа общего и особенного в религиозной жизни населения разных регионов страны. Количественный (квантитативный) анализ позволяет с большей долей объективности провести анализ многочисленных данных этнографического исследования населения широкого круга сел и городов, определить новые тенденции и изменения в этноконфессиональной и этнокультурной сферах казахов в новых социально-экономических условиях, представить достоверную картину религиозной жизни в современный период.

Результаты показали, что в настоящее время, по сравнению с предшествующими годами, в исследуемых регионах не наблюдается строительного бума культовых учреждений (мечетей, медресе). Тем не менее в Казахстане повсеместно продолжается возведение новых мечетей за счет фондов, меценатов, местных предпринимателей, пожертвования прихожан (например, в Астане, Алматы, Караганде, Кокшетау, Шымкенте, Туркестане, Жарканте и во многих других городах и селах).

Новые мечети построены в лучших традициях исламской культовой архитектуры, впитавшей элементы национальной культуры, от архитектурного дизайна до таких деталей, как внутреннее декоративное оформление, украшение, каллиграфия, витражи, освещение и т.д. Некоторые мечети располагают несколькими молитвенными залами, музеями, библиотеками, новейшим техническим оснащением. В современных мечетях предусмотрены залы (столовые) для ритуальных трапез: в Карагандинской, например, имеется два зала, в мечети Машhур Жусип в Павлодаре – три зала. Новую Алматинскую мечеть Байкен отличает наличие подземной парковки на 2 500 мест, которая в дни религиозных праздников служит дополнительным молитвенным залом.

В некоторых населенных пунктах мечетей нет, но есть молельные помещения (намаз-хана). В населенных пунктах, в которых нет мечети или намаз-хана, верующие на пятничную молитву (жума намаз) ездят в соседние аулы.

Ежевечернее разговение (ауыз ашар) во время месяца поста (ораза) проводится в залах для ритуальных трапез современных городских и сельских мечетей, а также в специализированных кафе. В летнее время для этих целей на территории многих мечетей устанавливаются юрты. Ритуальные обеды проводятся на пожертвования местных меценатов, состоятельных жителей и простых прихожан. Во многих селах организаторами ауыз ашар являются выпускники местных школ или местные жители, достигшие определенного возраста мөшел жас (12-летний жизненный цикл).

В настоящее время мусульманский свадебный обряд (неке құю) в мечетях проводит не только молодежь), но и люди старшего поколения. Среди них есть семейные пары, которые, прожив много лет в зарегистрированном ЗАГСом (государственным органом) браке, на склоне лет совершают и религиозный обряд бракосочетания.

Мечети осуществляют широкую благотворительную деятельность. Они оказывают материальную помощь представителям социально-уязвимых слоев населения, людям с ограниченными возможностями, независимо от их национальной и конфессиональной принадлежности.

Мечеть посещают не только постоянные прихожане, но и многие местные жители, чтобы сделать пожертвование (садака), прочитать молитву в память об ушедших близких, а также молодые люди, чтобы определиться с выбором жизненного пути, получить совет и поддержку в сложные периоды жизни. В последние годы местные жители проводят в залах для ритуальных трапез при мечетях и поминальные обеды (дуга).

Некоторые мечети являются своеобразным «народным клубом», где обмениваются новостями, инициируются благотворительные акции, популяризируется национальная культура (например, в селах Мангистауской области).

В последние годы особенно многолюдной мечеть становится в ночь предзнаменований Қадыр түні. Считается, что грехи верующих, которые проведут эту ночь в молитвах с верой и надеждой, будут прощены. Там же проводятся викторины для взрослых и школьников на знание истории ислама и исламского вероучения. Подобные мероприятия призваны пропагандировать традиционный ислам у казахов, а также оградить детей от влияния идей радикального ислама. Победители награждаются грамотами.

Мечеть совместно с местными государственными и общественными организациями на средства предпринимателей, следуя традициям ханафитского ислама, ежегодно проводит Маулид – День рождения Пророка Мухаммада. Как известно, салафиты отрицают Маулид, рассматривая его как проявление многобожия (ширк). Между тем он на протяжении веков проводится в мечетях Центральной Азии. В наши дни в целях религиозного просвещения местного населения о жизни и деятельности Пророка Мухаммада Маулид проводится в местных домах культуры. Наряду с чтением Корана, проповедью, показом видеороликов о жизни и праведных поступках Пророка Мухаммада, исполняются песни религиозного содержания в музыкальном сопровождении на казахских народных инструментах, представляются постановочные номера на темы религиозного экстремизма. Проведение Маулида в домах культуры связано с большой вместимостью актовых залов и возможностью использования разных технических средств и художественных форм. Но есть и другая важная причина. Показ в мечетях спектаклей, музыкальных и постановочных номеров, концертов не допускается.

Исследование показало, что сегодня мечеть в Казахстане является не только местом исполнения культа, но и, в определенной степени, центром общественной жизни, отражающим социальные, этнокультурные и образовательные процессы.

В городах и крупных населенных пунктах, где есть мечети, религиозная активность выше, по сравнению с небольшими селениями, в которых их нет. Активная религиозная деятельность наблюдается, в частности, в мечетях Южного и Западного Казахстана. Были выявлены мечети, в которых, из-за ограниченного количества прихожан, религиозная жизнь не отличается активностью, например, мечети в селах Явленка, Пресновка (Северо-Казахстанская обл.).

В наши дни наблюдается повышение уровня религиозной образованности служителей исламского культа, активизируется их просветительская деятельность. Одной из новых тенденций является наличие у них не только религиозного, но и светского образования.

В настоящее время практически все служители культа являются выпускниками казахстанских и центрально-азиатских учебных заведений. Они регулярно проходят курсы повышения квалификации в Исламском институте повышения квалификации имамов Республики Казахстан при ДУМК (Духовном управлении мусульман Казахстана) в Алматы. Эти изменения положительно повлияли на атмосферу в религиозной сфере общества.

В последние годы все усилия Духовного управления мусульман Казахстана направлены на повышение авторитета служителей исламского культа. С этой целью создаются группы известных высококвалифицированных теологов и богословов Центральной Азии для выступлений с лекциями, проведения бесед и разъяснений положений ханафитского ислама среди молодых прихожан казахстанских мечетей. Служители призывает молодых верующих обращаться со всеми вопросами об исламе, его вероучении и практике к имамам традиционной мечети, а не к проповедникам радикального ислама в интернете. Многие казахстанские мечети в просветительских целях широко используют интернет-ресурсы.

Приметой времени является «День открытых дверей», проводимый мечетью два раза в месяц. В эти дни служители культа отвечают на все вопросы местных жителей, связанные с исламской идеологией и практикой.

Служители ведут разъяснительную работу с молодыми прихожанами, учащимися школ, средних и высших учебных заведений, с представителями разных социальных слоев о традициях ислама в Центральной Азии, опасности распространения идей экстремистской направленности и вовлечения молодежи в террористические организации.

В населенных пунктах, где нет мечетей, есть зарегистрированные Духовным управлением мусульман Казахстана (ДУМК) служители культа. Наряду с ними религиозной деятельностью занимаются и незарегистрированные, но признанные местным населением муллы (молда). Они, как правило, проводят все обряды, требующие немедленного исполнения. Так, например, еще совсем недавно в одном из казахстанских городов, несмотря на наличие мечети, религиоз-

ной деятельностью занимались незарегистрированные муллы. Как выяснилось, у каждого рода были свои «родовые» муллы, которые и выполняли все надлежащие обряды. По словам главного имама городской мечети, «местные жители обращались в мечеть, как в похоронное бюро: только с просьбой предоставить носилки для обряда погребения». Но со временем, благодаря авторитету главного имама местной мечети, ситуация стала меняться. Население обращается в мечеть с просьбой совершить обряды погребения, прочитать необходимые молитвы, оказать финансовую помощь, а для одиноких людей совершить весь обряд погребения. Более того, незарегистрированные родовые муллы были зарегистрированы. В настоящее время они сотрудничают с мечетью, совершают религиозные обряды в семьях независимо от их родовой принадлежности.

Новые тенденции появляются и во взаимодействии государства и религии в образовательной сфере. Так, в настоящее время ряд казахстанских медресе приравнены к государственным колледжам и находятся в ведении Министерства образования и науки Республики Казахстан. Это открывает широкие возможности для реализации молодежью своих профессиональных планов, не ограниченных только религиозной сферой, и способствует укреплению единства общества в условиях современного инновационного развития государства и модернизации общественного сознания. Из восьми исламских учебных заведений четыре медресе получили такое право.

Главной целью казахстанских медресе является подготовка кадров в местных традициях ислама ханафитского мазхаба и предупреждение распространения идей радикального ислама. Срок обучения – два года десять месяцев. В учебной программе 60% составляют религиозные дисциплины, 40% – специальные. В их число входят общеобразовательные дисциплины: история Казахстана, казахский язык, английский язык. Всего учебная программа включает 38 учебных дисциплин. Ежегодный набор учащихся составляет 70 человек в возрасте 17–24 лет. Выпускники таких медресе могут поступать сразу на второй курс в Университет Нур-Мубарак в г. Алматы. Преподаватели (устаздар) – выпускники казахстанских учебных заведений, Университета Нур-Мубарак, казахстанские теологи, а также приглашенные зарубежные богословы.

При мечетях действуют также образовательные курсы (Сауат ашу) для представителей разных социальных и возрастных групп населения: мужчин и женщин, детей и пенсионеров. Учащиеся в соответствии с учебной программой, утвержденной ДУМК, знакомятся с основами исламского вероучения, арабским языком (алфавитом), религиозной практикой (правилами совершения намаза и других обрядов). Желающие занимаются углубленным изучением ислама.

Летние лагеря для школьников, которые действуют в дни месяца поста Рамазан при многих мечетях, призваны организовать досуг детей, познакомить их с основами религиозных знаний и практики. Дети изучают Коран, арабский алфавит, хадисы, шариат, учатся читать Коран. В свободное время они играют в спортивные, познавательные и развлекательные игры. Большое внимание уделяется воспитанию патриотизма, правилам поведения в обществе. Все познавательные и воспитательные мероприятия направлены на то, чтобы оградить детей от влияния идей радикального ислама. В исследованных регионах действуют турецкие пансионаты для детей-сирот и детей из социально неблагополучных семей.

В последние годы наблюдается тенденция активного взаимодействия мечетей с местной этнической средой. Повсеместно мечетями проводятся мероприятия по реализации программы «Религия и традиция», инициированная Духовным управлением мусульман Казахстана. Программа призвана пропагандировать традиции ислама ханафитского мазхаба в Казахстане, который на протяжении веков взаимодействовал с местной этнической культурой казахов.

Так, в дни больших религиозных праздников мусульманские общины организуют для местного населения викторины по истории ислама в Центральной Азии, концерты, демонстрирующие традиции народного музыкального искусства казахов, а также благотворительные обеды, угощения и подарки для местных жителей; для детей устанавливают батуты, раздают угощения (мороженое, сахарная вата); населению предоставляется бесплатный проезд на местном общественном транспорте.

Повсеместно проводятся спортивные соревнования по национальным видам спорта, призванные пропагандировать здоровый образ жизни: перетягивание каната (арқан-тарту), логическая настольная игра (тоғыз кумалак), казахская борьба (қазақ күресі), игра в асыки (асық ату), поднятие теленка (бұзау көтеру), поднятие гирь, а также мини-футбол, баскетбол, волейбол.

Во многих городах и особенно в сельской местности возрождается обряд жарапазан (жарамазан) – исполнение хвалебных песенок-импровизаций в период поста. В г. Арал, например, по инициативе мечети в дни ораза, на местных ярмарках дети в казахской национальной одежде исполняют куплеты, восхваляющие местных жителей, соблюдающих пост. Обряд жарапазан дети исполняют и во время ауыз ашар, восхваляя ее организаторов. Обряд жарамазан наблюдался автором и в г. Шымкент: куплеты звучали для работников столовой, а также в с. Шаян: куплеты распевали учащиеся местного медресе.

В отличие от прошлых лет, верующих старшего возраста, следующих исламским предписаниям, сравнительно немного, но они принимают активное участие в мероприятиях, организуемых мечетями, – во многих сельских мечетях они дежурят в будние и выходные дни. В мечети с. Кишкенеколь (Северо-Казахстанская область) они не только читают намаз, но и просто общаются за партией игры в шахматы. Для желающих познакомиться с основами исламского вероучения и практики предназначены тексты молитв на казахском языке, правила совершения намаза и других обрядов, также они посещают курсы при мечетях.

Заметную группу верующих составляют люди среднего возраста, которые в той или иной степени

следуют мусульманским предписаниям, в их числе много женщин. Значительная часть верующих – молодежь. Молодое поколение верующих отличается религиозной образованностью. Можно утверждать, что в наши дни лишь часть казахского населения выполняет предписания ислама в полном объеме. В то же время растет число казахов, соблюдающих предписания ислама «частично», т.е. соблюдают пост (ораза), участвуют в пятничном (жума) намазе.

Проведенное исследование выявило некоторый рост религиозности в молодежной среде. Прежде всего это относится к социально уязвимой группе молодежи, а также к людям, находящемся в поисках своего жизненного пути. И среди них немало девушек. На большие праздничные и пятничные службы собирается большое количество верующих, как в городах, так и в сельской местности, однако не все из них религиозно образованы. Многие верующие во время службы повторяют текст молитв и действия за имамом.

Заметную группу прихожан составляют верующие салафитского направления, особенно в городах и крупных населенных пунктах. Известны случаи перехода салафитов на путь ханафитского ислама. В целом атмосфера в местных общинах характеризуется как толерантная.

Представителей радикального ислама часто именуют ваххабитами. Но они называют себя сторонниками салафии (возрата к истокам) или сторонниками «чистого ислама». Они стремятся к обновлению ислама на основе Корана и сунны. Особенно негативно сторонники «чистого ислама» относятся к суфизму, который имел широкое распространение у народов Центральной Азии. Они убеждены, что наличие шейха или устаза (наставника) в качестве посредника между Богом и человеком противоречит фундаментальным основам мусульманской веры. Они отвергают почитание «святых мест» (зиярат), а также выступают за сокращенный ритуал поминовения усопших и считают, что время четырех классических суннитских мазхабов (религиозно-правовых школ) прошло и в наши дни возможен общий подход к толкованию Корана и сунны в рамках единого мазхаба [26. С. 215–229].

Как известно, ваххабитами в научной и публицистической литературе было принято считать последователей религиозно-политического течения в суннитском исламе, возникшего в середине XVIII в. на основе учения Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба. Сторонники этого направления проповедовали: строжайшее соблюдение принципов единобожия (таухид); отказ от поклонения людям, которых считают по тем или иным причинам «выдающимися», «наделенными Аллахом особыми способностями», «святыми» (вали), способными совершать чудеса (карамат); отказ от поклонения могилам или другим «сакральным» памятникам; очищение ислама от поздних еретических нововведений (бид' а) [27. С. 188–189].

Эти идеи, в начале 1990 гг. проникнув в Казахстан, получили распространение в среде молодежи, что привело к конфронтации между верующими, следующими местным традициям ханафитского ислама, и сторонниками привнесенных извне идей радикального ислама. Едва наметившаяся в последние годы линия разлома между прихожанами – последователями ислама ханафитского мазхаба и салафитамия, чуть было не разделила мечети на «наши» и «не наши».

В настоящее время Духовным управлением мусульман Казахстана разработана программа по противодействию религиозному радикализму. Она включает юридический запрет радикальных течений; повышение авторитета религиозных деятелей, богословов (их проповеди размещены на сайтах в интернете); просветительскую работу в общеобразовательных учреждениях, в молодежной среде; так, под влияние радикалов попадают молодые люди, не знакомые с основами исламского вероучения; пропаганду истории ислама и исламской культуры в Центральной Азии.

Исследование выявило формы бытования, особенности традиции почитания святынь и семейной обрядовой культуры казахов в современный период. Как в прошлом, так и в наши дни традиция почитания святынь является самой выразительной сферой религиозной жизни населения страны, в которой особенно ярко проявляются новые тенденции. Круг почитаемых святынь широк и разнообразен. В него входят святые, заимствованные из коранической традиции, связанные с эпохой распространения ислама на территории Казахстана; святые-суфии; святые-родоначальники родов и племен; святые-культурные герои; святые-покровители профессиональных занятий; святые – исторические лица; святые – представители местной аристократии; святые-народные герои, выдающиеся борцы за независимость страны; святые-покровители местностей; святые, олицетворяющие силы природы.

Во всех регионах страны реставрируются, преображаются древние сакральные памятники историко-культурного наследия и объекты природного ландшафта, выявляются и обустраиваются новые святыни.

Необходимо отметить, что в последние годы значительно возросло число святынь, связанных с историей распространения ислама на территории Казахстана, почитанием предков и национальных героев. Отмечается высокая активность мусульманских святынь в Южном Казахстане, прежде всего историко-культурных комплексов Ходжа Ахмада Ясави, Арыстан Баба в Туркестане, а также святынь в Западном Казахстане – «Бекет-Ата» и «Шопан-Ата» (Мангыстауская область). Практически повсеместно в Казахстане возводятся памятники, связанные с выдающимися воинами-батырами. С историей новой столицы г. Астана связан историко-культурный комплекс Каракерей Кабанбай-батыр (Акмолинская область). Широкой известностью пользуется мавзолей Кульсары батыра в Северо-Казахстанской области. Известно, что он был талантливым дипломатом. Казахи еще при жизни называли его святым (аулие). Народная молва наделила его способностями предсказывать и исцелять от различных недугов. Мемориальный комплекс Карасай и Агынтай батыров (Северо-Казахстанская область) расположен на возвышенности в соответствии с традициями древних царских захоронений, в центре древнего некрополя, где было обнаружено много захоронений. Отсюда открывается панорама бескрайнего живописного степного ландшафта. Ме-

мориал, выполненный в форме воинских шлемов и многочисленных предметов воинского снаряжения, очень скоро стал объектом паломничества многочисленных туристов и верующих. К памятнику приходят и путешественники, и просто путники, чтобы заручиться поддержкой святых перед дальней дорогой. Широкой известностью пользуются историко-мемориальные комплексы воинов Кобланды батыр, Есет батыр в Актюбинской области, Байбакты Ата в Атырауской области. Национальным культурным героем является первый шаман, создатель кобыза и покровитель музыкантов знаменитый Коркут-Ата. Историко-культурный комплекс, посвященный его памяти, находится в Кызылординской области.

Традиции почитания святынь в наши дни приобретают особое значение в контексте духовного обновления и природоохранного прагматизма, восходящего к традиционному мировоззрению казахов – идеи гармонии человека и природы. В традиционной культуре казахов сакрализация окружающего пространства являлась одним из адаптационных механизмов, позволявших народу выживать в сложных природно-климатических условиях. И в наши дни сеть святых мест, мазаров, заповедных гор и урочищ создает «экологический каркас» традиционной системы жизнеобеспечения. Их сохранение имеет принципиальное значение для поддержания экологического равновесия на значительных территориях страны в условиях индустриально-инновационного развития Казахстана и реализации государственной программы духовного обновления.

В наши дни число святынь постоянно растет. Несмотря на новые тенденции в этой сфере, обряд почитания святынь во многом сохраняет свои вековые традиции. Новые этнографические материалы показали, что семейная обрядовая культура казахов исследованных регионов представлена в широком спектре повседневной жизни и отличается некоторой локальной спецификой. Многие обычаи и обряды у казахов, как и у других народов, претерпели значительную трансформацию, утратили свой первоначальный смысл, наполнились новым содержанием.

Между тем и в наши дни в народной среде отмечено широкое бытование элементов доисламских мировоззренческих традиций и практик. Они продолжают играть важную роль в обрядах и обычаях, связанных с жизненным циклом (свадьбой, рождением, смертью), а также в обряде почитания святых. Это, прежде всего, реликтовые формы поклонения огню домашнего очага, почитания предков: обряды очищения огнем «аластау», возжигания огня в светильниках, возлияния масла в огонь «отқа май құю» и др. Сегодня они рассматриваются как народные традиции (салт, дәстүр), не противоречащие исламу. Попрежнему в народной среде широко бытует обряд вознесения запаха (жарение лепешек), который под влиянием ислама получил новую трактовку, не связанную с архаичными представлениями о кормлении духов предков. В наши дни этот обряд рассматривается как благотворительная раздача лепешек неимущим, нуждающимся.

Проведенное исследование позволило на основе новых этнографических материалов показать, по возможности, достоверную картину современной религиозной жизни казахов в ее «живых» (реально бытующих) проявлениях и новых тенденциях. В ходе полевых этнографических исследований последних лет были выявлены формы бытования ислама, а также реликтов доисламских мировоззренческих традиций и практик. Также была выявлена роль мечети и религиозных образовательных учреждений в жизни местного населения, показана деятельность служителей исламского культа и их роль в пропаганде этнокультурных традиций и противодействии влиянию на молодежь идей радикального ислама; представлены формы взаимодействия мечетей с этнической средой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. М. : Наука, 1968. Т. V. С. 19–192.
2. Vitaly V. Naumkin. Radical Islam in Central Asia. Between Pen and Rifle. 2005 [published in the United States of America by Rowman and Littlefield publishers, Inc.]. 285 p.
3. Adeeb Khalid. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Berkely; Los Angeles : University of California Press, 2007. 241 p.
4. Bruce Privratsky, Muslim Turkestan: Kazakh Religion and Collective Memory, Richmond : Curzon, 2000. xxi, 321.
5. Oliver Roy. Globalized Islam. The Search for a New Ummah. Columbia University Press. New York, in association with the Centre d' Etude et de Recherches Internationales, Paris, 2004. 349 p.
6. Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М. : Крафт+Москва, 2012. 552 с.
7. Вильковски Д. Арабо-мусульманские организации в Казахстане: к вопросу о внешнем воздействии на исламское обновление // Исламский фактор в истории и современности. М. : Восточная литература РАН, 2011. С. 496–512.
8. Иордан М.В., Кузеева Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 516 с.
9. Религиозная жизнь народов Центральной Евразии. М., 2012. 336.
10. Ислам и народная культура. М., 1998. 260 с.
11. Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов (Историко-педагогический очерк). Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1950. 44 с.
12. Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата : Казгосполитиздат, 1962. 507 с.
13. Султангалиева А. Ислам в Казахстане: история, этничность и общество. Алматы, 1998.
14. Мец А. Мусульманский ренессанс. М. : ВиМ, 1996. 544 с.
15. Литвинский Б.А. Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // Азия – диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 153–194.
16. Мухтарова Г.Д. Ислам в Казахстане. Актобе, 2007. 310 с.
17. Султангалиева А. Социальный портрет современного казахстанского общества : сборник статей. Астана; Алматы, 2005. С. 77–104.
18. Мустафина Р.М. Ислам и реликты доисламских мировоззренческих традиций у казахов. Астана, 2010. 260 с.
19. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Ғылым, 2002. 654 с.
20. Бекназаров Р.А. Место мечетей с минаретами в распространении ислама в Северном Приаралье: на казахских материалах конца XIX – начала XX вв. // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 3. С. 26–35.

21. Косиченко А.Г., Ашимбаев М.С., Султанов Б.К., Шоманов А.Э., Бегалиев Н.К., Нурмухамедов Б.Ж. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. Алматы, 2002. 213 с.
22. Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. М. : ИВ РАН, 2014. 136 с.
23. Избаиров А.К. Деятельность нетрадиционных исламистских организаций и течений в Казахстане // Мемлекеттік қызметкерлер мен дәстүрлі дін өкілдерінің «Діннің қоғамдық саяси өмірдегі рөлі мен орны» бідіктілігін арттыру курстарының дәрістер жинағы (мамыр, 2013 жыл). Астана, 2013. 112б.
24. Джалилов Г. Ислам и общество в современном Казахстане. Процесс исламизации населения степей: основные этапы и особенности // Исламский фактор в истории и современности. М. : Восточная литература РАН, 2011. С. 486–495.
25. Религии и традиции / сост. С. Ибадуллаев. Алматы, 2014. 205 с.
26. Михаил Рощин. Ислам в Чечне // Ислам в Европе и в России / сост. и отв. ред. Е.Б. Деминцева. М. : Издательский дом Марджани, 2009. С. 215–229.
27. Энвер Кисриев. Идеологический смысл и социальное содержание исламских течений тарикатизма и ваххабизма в Дагестане // Ислам в Европе и в России / сост. и отв. ред. Е.Б. Деминцева. М. : Издательский дом Марджани, 2009. С. 182–199.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 апреля 2019 г.

Some Aspects of Islam and Relics of Pre-Islamic Worldview Traditions Among the Kazakhs (Based on the Field Ethnographic Data)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 154–161.
DOI: 10.17223/15617793/450/19

Raushan M. Mustafina, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: raushan.mustafina@inbox.ru

Keywords: Islam; mosque; madrasa; Muslim Spiritual Administration; rite; custom.

The aim of the study is the modern processes in the ethno-confessional and ethno-cultural life of the population of villages and cities of different administrative status in the new socioeconomic conditions in Kazakhstan. The study uses methods of field ethnographic research, participant observation, ethnographic survey, interviewing, comparative analysis, discourse analysis, and a prognostic method. Religious institutions and religious schools have been examined. The results of the study show that in the present period, compared to previous years, there is no construction boom in the sphere of religious institutions (mosques, madrasas) in the studied regions. In Kazakhstan, construction of new mosques continues at the expense of foundations, patrons of art, local entrepreneurs, donations of parishioners. New trends in the religious sphere have been revealed: new mosques are built in the traditions of Islamic religious architecture, which absorbed elements of ethnic culture. Modern mosques have halls (canteens) for ritual meals: the Karaganda mosque, for example, has two halls; the Mashhur Zhusip mosque in Pavlodar has three halls. The new Almaty mosque Baiken has an underground parking for 2,500 lots, which on days of religious holidays serves as an additional prayer hall. The author comes to the conclusion that, in recent years, there has been a tendency of active interaction of mosques with the local ethnic environment. Everywhere, mosques hold events for the implementation of the Religion and Tradition programme initiated by the Spiritual Board of Muslims of Kazakhstan. The programme is designed to promote the traditions of Islam of the Hanafi madhhab in Kazakhstan, which for centuries has interacted with the local ethnic culture of the Kazakhs. Forms of interaction between the state and religion in the educational sphere have been identified. At present, a number of Kazakhstan madrasas are equated to state colleges and are under the jurisdiction of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. One of the new trends is the presence of modern Islamic ministers of not only religious education, but also of secular one. Currently, the Spiritual Board of the Muslims of Kazakhstan has developed a programme to counter religious radicalism. It includes the legal prohibition of radical movements; educational work in educational institutions, the promotion of the history of Islam and Islamic culture in Central Asia.

REFERENCES

1. Bartol'd, V.V. (1968) *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. Moscow: Nauka. pp. 19–192.
2. Vitaly, V. (2005) *Naumkin. Radical Islam in Central Asia. Between Pen and Rifle*. Rowman and Littlefield Publishers, Inc.
3. Adeeb Khalid. (2007) *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia*. Berkely; Los Angeles: University of California Press.
4. Privratsky, B. (2000) *Muslim Turkestan: Kazakh Religion and Collective Memory*. Richmond: Curzon.
5. Roy, O. (2004) *Globalized Islam. The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press; Paris: Centre d' Etude et de Recherches Internationales.
6. Belokrenitskiy, V.Ya. & Ul'chenko, N.Yu. (2012) *Musul'manskoe prostranstvo po perimetru granits Kavkaza i Tsentral'noy Azii* [Muslim Space Along the Perimeter of the Borders of the Caucasus and Central Asia]. Moscow: Kraft+Moskva.
7. Vil'kovski, D. (2011) Arabo-musul'manskie organizatsii v Kazakhstane: k voprosu o vneshnem vozdeystvii na islamskoe obnovlenie [Arab-Muslim Organisations in Kazakhstan: On the Issue of the External Impact on the Islamic Renewal]. In: Belokrenitsky, V.Ya., Zaitsev, I.V. & Ulchenko, N.Yu. (eds) *Islamskiy faktor v istorii i sovremennosti* [Islamic Factor in History and Modern World]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. pp. 496–512.
8. Iordan, M.V., Kuzeeva, R.G. & Chervonnaya, S.M. (2011) *Islam in Eurasia* [Islam in Eurasia]. Moscow: Progress-Traditsiya.
9. Kharitonova, V.I. (ed.) (2012) *Religioznaya zhizn' narodov Tsentral'noy Evrazii* [Religious Life of the Peoples of Central Eurasia]. Moscow: IEA RAS.
10. Basilov, V.N. & Lozhasnova, B.R. (1998) *Islam i narodnaya kul'tura* [Islam and Folk Culture]. Moscow: IEA RAS.
11. Sabitov, N. (1950) *Mekteby i medrese u kazakhov (Istoriko-pedagogicheskiy ocherk)* [Mektebs and Madrasas Among Kazakhs (A Historical and Pedagogical Essay)]. Alma-Ata: KazSSR AS.
12. Tazhibaev, T.T. (1962) *Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroy polovine KhIKh veka* [Education and Schools of Kazakhstan in the Second Half of the Nineteenth Century]. Alma-Ata: Kazgospolitizdat.
13. Sultangalieva, A. (1998) *Islam v Kazakhstane: istoriya, etnichnost' i obshchestvo* [Islam in Kazakhstan: History, Ethnicity and Society]. Almaty: KISI pri Prezidente RK.
14. Mets, A. (1996) *Musul'manskiy renessans* [Muslim Renaissance]. Moscow: ViM.
15. Litvinskiy, B.A. (1996) Indiyskiy faktor v tsivilizatsii Tsentral'noy Azii [The Indian Factor in the Civilisation of Central Asia]. In: *Aziya – dialog tsivilizatsiy* [Asia: Dialogue of Civilisations]. St. Petersburg: Giperion. pp. 153–194.
16. Mukhtarova, G.D. (2007) *Islam v Kazakhstane* [Islam in Kazakhstan]. Aktobe: [s.n.].
17. Sultangalieva, A. (ed.) (2005) *Sotsial'nyy portret sovremennogo kazakhstanskogo obshchestva* [A Social Portrait of Modern Kazakhstani Society]. Astana; Almaty: [s.n.]. pp. 77–104.

18. Mustafina, R.M. (2010) *Islam i relikty doislamskikh mirovozzrencheskikh traditsiy u kazakhov* [Islam and Relics of Pre-Islamic Worldview Traditions Among the Kazakhs]. Astana: [s.n.].
19. Azhigali, S.E. (2002) *Arkhitektura kochevnikov. Fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona)* [The Architecture of the Nomads. The Phenomenon of the History and Culture of Eurasia (Monuments of the Aral-Caspian Region)]. Almaty: Gylym.
20. Beknazarov, R.A. (2013) Role of Mosques in Islam Expansion in North Aral Sea Region: Based on Kazakh Materials (End of XIX Century–Beginning of XX Century). *Sovremennye problemy servisa i turizma – Service & Tourism: Current Challenges*. 3. pp. 26–35. (In Russian).
21. Kosichenko, A.G. et al. (2002) *Sovremennyy terrorizm: vzglyad iz Tsentral'noy Azii* [Modern Terrorism: A View From Central Asia]. Almaty: Dayk-Press.
22. Polyakov, K.I. (2014) *Islamskiy ekstremizm v Tsentral'noy Azii* [Islamic Extremism in Central Asia]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.
23. Izbairov, A.K. (2013) Deyatel'nost' netraditsionnykh islamistskikh organizatsiy i techeniy v Kazakhstane [Activities of Non-Traditional Islamic Organisations and Movements in Kazakhstan]. In: *Dinnıń qoǵamdyq saıası ómirdegi róli men orny* [The Role and Place of Religion in Social Political Life]. Proceedings of Courses on Advanced Training of Civil Servants and Representatives of Traditional Religions. May, 2013. Astana: [s.n.].
24. Dzhalilov, G. (2011) Islam i obshchestvo v sovremennom Kazakhstane. Protsess islamizatsii naseleniya stepey: osnovnye etapy i osobennosti [Islam and Society in Modern Kazakhstan. the Islamisation of the Population of the Steppes: The Main Stages and Features]. In: Belokrenitsky, V.Ya., Zaitsev, I.V. & Ulchenko, N.Yu. (eds) *Islamskiy faktor v istorii i sovremennosti* [Islamic Factor in History and Modern World]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. pp. 486–495.
25. Ibadullaev, S. (2014) *Religii i traditsii* [Religions and Traditions]. Almaty: Bainur print.
26. Roshchin, M. (2009) Islam v Chechne [Islam in Chechnya]. In: Demintseva, E.B. (ed.) *Islam v Evrope i v Rossii* [Islam in Europe and in Russia]. Moscow: Izdatel'skiy dom Mardzhani. pp. 215–229.
27. Kisriev, E. (2009) Ideologicheskiy smysl i sotsial'noe soderzhanie islamskikh techeniy tarikatizma i vakhkhabizma v Dagestane [The Ideological Meaning and Social Content of the Islamic Currents of Tariqatism and Wahhabism in Dagestan]. In: Demintseva, E.B. (ed.) *Islam v Evrope i v Rossii* [Islam in Europe and in Russia]. Moscow: Izdatel'skiy dom Mardzhani. pp. 182–199.

Received: 16 April 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 162–169. DOI: 10.17223/15617793/450/20

УДК 94(470)«1998»

И.С. Соловенко, А.А. Рожков

КУЛЬМИНАЦИЯ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЕРОВ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Рассматриваются основные причины, ход и результаты всероссийской акции протеста шахтеров России в мае 1998 г., которая стала кульминацией их борьбы во время перехода к рыночным отношениям. Делается вывод о том, что отказаться от крайних форм отстаивания трудовых прав и интересов рабочих угольной промышленности вынудили низкая результативность противостояния, высокие экономические издержки и неоднозначность общественного мнения.

Ключевые слова: Россия, рыночные отношения, шахтеры, кульминация, «рельсовые войны».

На май 1998 г. приходится кульминация протестного движения шахтеров России, которая выразилась во множестве массовых и радикальных акций протеста. Однако центральное место в этом явлении, безусловно, занимают всероссийские «рельсовые войны» – блокады важнейших железнодорожных магистралей. Основным мотивом резонансных акций протеста были долговременные задержки по выплате зарплаты, которые в угольной промышленности порой достигали 10 и более месяцев. Весной 1998 г. объем не выплаченной на шахтах и разрезах зарплаты достиг своего пика за все время рыночных преобразований (рис. 1).

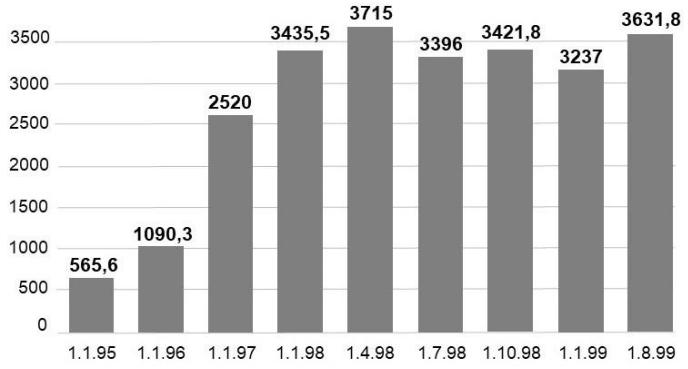

Рис. 1. Динамика задолженности по выплате заработной платы работникам угольной промышленности, млн руб. (в масштабе цен 1998 г.) [1]

При этом львиная доля неплатежей приходилась на потребителей шахтерской продукции (рис. 2). Однако Правительство РФ не выработало на тот момент эффективного механизма решения данной проблемы, поэтому недовольство рабочих было направлено в его сторону, в том числе и по инерции забастовочного движения предыдущих лет. Еще быстрее возрастало недовольство Президентом страны – Б. Ельциным, который весной 1998 г. сменил состав Правительства, но фундаментальные социально-экономические проблемы шахтеров по-прежнему не решались.

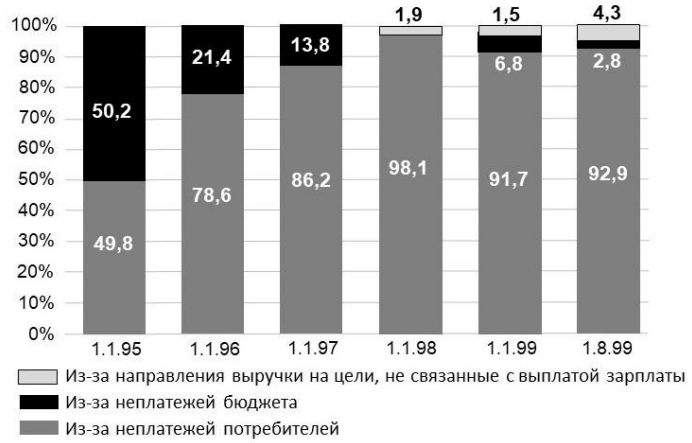

Рис. 2. Структура задолженности по выплате заработной платы, % [1]

Всероссийские «рельсовые войны» стали во многом «неожиданными» для Правительства РФ, в том числе и потому что распространялись по весьма привычному сценарию – локально и стихийно. Инициаторами были горняки приполярного города Инта (Печорский угольный бассейн), так как проблемы с

задолженностью по зарплате имели здесь наиболее острый характер. Началом активной борьбы стали события 5-го мая, когда рабочие шахты «Интинская» блокировали в своем кабинете генерального директора компании «Интауголь» В. Шахтина. Это событие имело широкий резонанс в городе. К стихийной акции протеста вскоре присоединились их товарищи с шахты «Восточная» [2]. Руководство компании оказалось неспособным самостоятельно решить проблему «систематической невыплаты заработной платы в полном объеме» [3. Л. 22], поэтому горняки перешли к более радикальным мерам – перекрыли Северную железнодорожную магистраль, соединявшую Москву с Воркутой. 7 мая более 200 рабочих интинских шахт и горно-обогатительных фабрик вышли на рельсы. Они дали согласие покинуть железную дорогу только после гарантий федерального Правительства по скорейшему финансированию долгов, накопленных по заработной плате. При этом горняки предупредили о том, что в случае невыполнения достигнутых договоренностей, они вновь блокируют железную дорогу [4].

Правительство РФ так и не выполнило свои обещания по возврату долгов шахтерам Инты. Это спровоцировало масштабные протестные действия трудящихся города. 13 мая горняки совместно с медицинскими работниками и учителями перекрыли железнодорожную магистраль Москва – Воркута – Лабытнанги, таким образом заблокировав весь регион угледобычи в Республике Коми. Протестующих собралось в несколько раз больше, чем во время перекрытия данной дороги 7 мая. Вскоре численность интинцев, участвовавших в «рельсовой войне», составила 2 тыс. человек [5. С. 66].

Тем не менее, федеральное правительство пренебрегало прямыми контактами с рабочими и не желало идти на какие-либо уступки. Это подталкивало горняков Печорского угольного бассейна к более решительным действиям. 19 мая свою солидарность с интинцами проявили шахтеры Воркуты, несмотря на нависшую над ними опасность навсегда потерять основных потребителей угля [6]. Они отправили в Инту для участия в блокаде Северной железной дороги группу из 50 человек, которую возглавил местный председатель Росуглепрофа Ю. Вишневский [7]. Данный факт, а также распространение транспортных блокад в других углепромышленных территориях добавили уверенности интинским пикетчикам в противостоянии с властью. Блокируя Воркуту, участники «рельсовой войны» использовали единственный мощный рычаг, способный заставить Правительство РФ выполнить их требования, так как отопительный сезон в стране закончился, и спрос на интинские энергетические угли резко уменьшился.

Начиная с конца 1980-х гг. результаты любой всероссийской акции протеста шахтеров серьезно зависели от позиции рабочих Кузбасса. В мае 1998 г. их поддержка товарищей из Инты была особенно впечатляющей. Уже 13 мая (в день перекрытия Северной железной дороги) активизировалось протестное движение шахтеров г. Анжеро-Судженска. Они оперативно перенесли свой забастовочный штаб к железнодорожной линии Транссиба [8]. Через два дня анжеросудженские горняки перекрыли эту важную магистраль. К их акции протеста подключились медики, учителя, работники культуры и другие трудящиеся города. На рельсы Транссиба вышли не менее 1 тыс. человек. Центральное место в требованиях протестующих заняли политические лозунги, среди которых выделялись отставка Президента Б. Ельцина и национализация угольной промышленности [9]. Старания федерального центра перевести недовольство горняков в сторону «неумелых директоров» терпели крах. В результате железнодорожные составы были вынуждены следовать по обходному маршруту.

Акции протеста горняков стали динамично распространяться по всей стране. 16 мая «рельсовая война» вспыхнула в Восточной Сибири. В тот день инвалидами труда Артёмовского рудника и рабочими Тейского рудоуправления на несколько часов была перекрыта абаканская ветвь Красноярской железной дороги [10]. Через четыре дня акция повторилась, но ненадолго. Хотя блокада железной дороги в Восточной Сибири была не столь массовой и продолжительной, как в других регионах, она, несомненно, имела широкий общественный резонанс.

Вскоре волнения охватили и горняков российского Донбасса. 18 мая сотни рабочих и инвалидов-регрессников с шахт «Юбилейная», «Аютинская» и «Майская» устроили пикетирование административного здания ОАО «Ростовуголь». Однако никто из руководства к собравшимся не вышел. Горняки, возмущенные таким отношением, перекрыли движение по Северо-Кавказской железной дороге в районе станции Шахтная. В результате были блокированы более 300 грузовых и 280 пассажирских поездов. Шахтинцев поддержали рабочие и регрессники ближайших городов – Красного Сулина, Новошахтинска и Гуково, приславшие своих представителей. В течение дня здесь собралось не менее 3 тыс. протестующих [11. С. 4]. В итоге появился еще один мощный очаг социальной напряженности в стране.

Время с 20 по 22 мая явилось пиковым в ходе всероссийских «рельсовых войн». Это было связано с тем, что, во-первых, было блокировано движение поездов по самым важным транспортным магистралям страны; во-вторых, возросла оппозиционная деятельность Независимого профсоюза горняков России [7]; в-третьих, протестное движение шахтеров приобрело вполне предсказуемую цепную реакцию.

Рабочие угольной промышленности все чаще показывали готовность к сотрудничеству и коллективным действиям с любыми оппозиционными силами. В течение нескольких дней вся Россия была охвачена их массовыми и масштабными акциями протеста, к которым часто примыкали трудящиеся других отраслей промышленности и бюджетных организаций. В то время радикальные формы борьбы многими гражданами страны воспринимались как допустимые и «относительно эффективные» [13]. Все-таки самые масштабные и резонансные акции протеста трудящихся происходили в углепромышленных территориях.

Палаточный лагерь горняков вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали
в районе г. Анжеро-Судженска [12]

Весьма острые протестные события происходили в Кузбассе. 20 мая серьезную поддержку Анжеро-Судженску продемонстрировали города Киселёвск, Прокопьевск и Юрга. Южную ветку Кузбасского отделения Западно-Сибирской железной дороги совместно блокировали сотни прокопьевских горняков, медиков и коммунальщиков [14]. В результате было перекрыто «Большое сибирское кольцо» – железные дороги, которые по кругу пронизывают Кузбасс, в том числе и часть Транссиба. Таким образом, прервалось железнодорожное сообщение не только по территории края, но и всей России. В наиболее уязвимом положении оказалась Томская область, которую фактически отрезали от мира с запада и востока. Последствия данной блокады являлись наиболее тяжелыми для производств, которые нуждались в постоянном подвозе и отправке грузов.

21 мая всероссийские «рельсовые войны» в Кузбассе поддержали горняки Киселёвска. Они преодолели милицейское оцепление и блокировали участок Терентьевской железной дороги, по которой шли грузовые поезда [15]. Таким образом, все железнодорожные грузоперевозки в Прокопьевско-Киселёвском угольном районе были абсолютно прекращены. Всего во всероссийской акции протеста были задействованы 13 тыс. горняков девяти шахт Кузбасса [16]. В связи с блокадой Транссибирской магистрали на территории Западной Сибири было приостановлено движение свыше 350 грузовых и почти 300 пассажирских составов. Ежесуточные потери от простоя поездов составляли более 1,5 млн руб. [17. С. 241]. Ситуация обострилась после того, как 22 мая перекрыли движение по железной дороге горняки Междуреченска. В итоге железнодорожные перевозки в Кемеровской области были полностью парализованы.

Усугублялась ситуация и в Ростовской области. Здесь 20 мая объездной участок возле г. Шахты, который все-таки использовался железнодорожниками с первых дней всероссийской акции протеста, также был блокирован [18]. В итоге железнодорожная магистраль, связывающая юг с центром страны, была полностью перекрыта.

Блокады важных транспортных магистралей, а также другие массовые и радикальные акции протеста рабочих угольной промышленности продолжали распространяться по всей стране. Расширялся перечень как экономических, так и политических лозунгов горняков, среди которых центральное место по-прежнему занимала отставка Президента Б. Ельцина. Власть полностью не контролировала ситуацию, что подтверждали даже представители главы государства.

Перекрытие железнодорожной магистрали в районе г. Шахты [19]

По мнению С. Ястржембского (пресс-секретарь Президента РФ), 22–23 мая всероссийские «рельсовые войны» напрямую угрожали национальной безопасности страны [20. С. 1]. В этот критический момент Б. Ельцин в своем радиообращении призвал россиян отказаться от блокад важнейших железнодорожных магистралей. Также он заявил о скором принятии мер по наведению порядка в угольной промышленности страны [21]. Часть шахтеров поверила Президенту России, другие – не понимали, что делать дальше, так как общенародной поддержки «рельсовые войны» все-таки не получили.

Всероссийская акция протеста слабела, хотя главные лозунги шахтеров так и не были реализованы. Основные причины этого заключались в следующем. Во-первых, руководители территориальных профсоюзов боялись взять на себя задачу по координации всероссийской акции протеста [22. Л. 26]. Во-вторых, неуверенные действия самих участников «рельсовых войн». Шахтеры не стали выразителями экономических и политических надежд рабочих других отраслей, а также трудящихся бюджетных организаций, как это было в 1989 г., когда начиналось забастовочное движение. С одной стороны, они призывали Б. Ельцина к отставке, с другой – требовали быстрого погашения задолженности по зарплате и предоставления многообразной финансовой помощи все тем же Президентом России. Всем была очевидна неуверенность пикетчиков в своих политических намерениях, готовность отказаться от требования отставки Президента Б. Ельцина в пользу погашения долгов по зарплате. В-третьих, участие шахтеров в «рельсовых войнах» было неоднозначным. География противостояния показывает, что наиболее энергичные действия в акциях протеста наблюдались в Республике Коми, Кемеровской и Ростовской областях, где была высокая концентрация рабочих угольной промышленности. Разными способами поддерживали протестное движение рабочие Южного Урала, Приморья и Сахалина. Фактически только моральной поддержкой всероссийской акции протеста ограничились шахтеры Поволжья, Подмосковья, Хакасии и других углепромышленных районов. В-четвертых, представители органов власти и управления по-новому выстраивали взаимоотношения с протестующими: более очевидными с их стороны стали политический диалог, материальная помощь, борьба с экономическими преступлениями и другие весьма эффективные меры решения социально-экономических проблем трудящихся.

Неуверенные действия горняков явились сигналом как для представителей власти, так и общественно-политическим силам, которые проявляли солидарность с пикетчиками. Федеральное Правительство строило свою стратегию противодействия всероссийской акции протеста так, чтобы шахтеры были изолированы друг от друга. В то же время, как никогда ранее, решался главный вопрос недовольных рабочих – погашение задолженности по заработной плате.

После более чем пяти суток блокады первой была разблокирована Северо-Кавказская железная дорога. Попытки известных российских оппозиционеров, прибывших из Москвы в «горячую точку», – В. Анпилова и Л. Рохлина убедить рабочих не уходить с рельсов и таким образом «сломать политический режим» [23] оказались безуспешными. Председателю Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов, вице-премьеру Б. Немцову удалось быстро убедить шахтеров в бесполезности «рельсовой войны». С его стороны было гарантировано, что в скором времени рабочим выплатят три месячных фонда оплаты труда. Заверения Б. Немцова подтверждались начавшейся выплатой долгов по зарплате на всех предприятиях компаний «Ростовуголь» и «Гуковуголь» [11. С. 4]. Уязвимым местом блокады Северо-Кавказской железной дороги в отличие от других важных магистралей было то, что через Ростов-на-Дону проходили многие автотрассы. Нельзя не учитывать и отсутствие исторической традиции солидарности шахтеров Дона, неприятие ими экстремизма, страх перед правовыми последствиями блокад транспортных коммуникаций, а также уверенность в бесполезности коллективных акций протеста [24. С. 9–15].

Быстрый и успешный результат действий Б. Немцова показал, что с шахтерами возможен компромисс на основе обещаний финансово-экономического характера. Таким образом, своими уступками рабочие Ростовской области разделили шахтерское сообщество России пополам. После чего политические требования пикетчиков динамично превращались в формальность для всех сторон, участвовавших в конфликте. Шахтеры стали чаще «торговаться» с вла-

стью, требовать новых материальных уступок в обмен на прекращение борьбы. Во всех документах согласительных комиссий, работавших в Печорском угольном бассейне и Кузбассе, наибольшая часть требований имела экономический характер. Только небольшая группа горняков, прежде всего в Инте, сохраняла непримиримую позицию.

24 мая был «открыт» Транссиб. Огромную работу по разблокированию данной магистрали провели губернатор Кемеровской области А. Тулеев и вице-премьер Правительства РФ О. Сысуев. Ключевым фактором отказа от транспортных блокад в регионе, так же как и в Ростовской области, стало начавшееся погашение долгов по зарплате.

Выступление А. Тулеева и О. Сысуева перед шахтерами г. Анжеро-Судженска [11]

Весьма сложно переговорный процесс шел в Печорском угольном бассейне. Северная железная дорога не имела такого большого стратегического значения для страны, как, например, Северо-Кавказская, тем более Транссиб. Предприятия страны не испытывали дефицита угля. Поэтому федеральное правительство не торопилось с принятием кардинальных мер по разблокированию данной магистрали. Максимум, на что была согласна правительственная комиссия во главе с министром экономики Я. Уринсоном, – это реализация дополнительных мер по стабилизации социально-экономического положения в Печорском угольном бассейне. Горнякам пришлось согласиться с этим предложением, так как они физически и морально устали от двухнедельного противостояния. Протестующие находились в условиях дефицита рабочей солидарности, огромных экономических потерь и сильнейшего информационного прессинга. Учитывая данную ситуацию, Независимый профсоюз горняков России обратился к шахтерам с предложением по использованию альтернативной формы борьбы – это организация всероссийского пикета перед Домом Правительства России. Шахтеры Печорского угольного бассейна приняли это предложение, 25 мая блокада Северной железной дороги была снята.

Таким образом, всероссийские «рельсовые войны» закончились. В условиях большой, неравномерно развитой экономики и транспортной системы «поднять народ» на протест, используя блокады железнодорожных путей, явилось для горняков непосильной задачей. К основным причинам, не позволившим до конца реализовать политические лозунги участников транспортных блокад, отнесем следующие: 1) отсутствие единства в выступлениях шахтеров и всех, кто их поддерживал; 2) слабая подготовка и организация протестных акций; 3) пассивные методы борьбы рабочих наиболее благополучных предприятий, а также высококвалифицированных специалистов; 4) отсутствие реального содействия угледобытчикам со стороны противостоявших Президенту РФ политических сил; 5) международная солидарность с шахтерами России была эпизодической и малозаметной; 6) непоследовательность протестного поведения горняков, тем более их лидеров; 7) периферийный характер борьбы участников транспортной блокады; 8) отраслевая ограниченность выступлений рабочих угольной промышленности; 9) серьезное сокращение количества шахтеров (с 1993 по 1998 гг. почти в два раза).

Относительные успехи борьбы оказали деморализующие последствия на их политическое поведение. Горняки утратили уверенность в возможности реализации далеко идущих целей и задач, а использование незаконных форм борьбы не принесло однозначно положительных результатов. На всероссийском уровне не оказалось ни сил, ни лидеров, спо-

собных выбрать оптимальные методы борьбы, отстаивать их до победного конца. Не в пользу радикальных форм борьбы развивалось и общественное мнение. В целом протестное движение горняков вступило в полосу кризиса.

Выделим позитивные и негативные последствия этой мощной акции протеста. Наибольшее значение для шахтеров имели такие важные факты и явления, как борьба с коррупцией, выполнение тарифного соглашения, нормализация системы взаиморасчетов, снижение тарифов на железнодорожные перевозки, упорядочение налогообложения, проведение аудиторских проверок хозяйственной деятельности шахт и разрезов, наращивание капиталовложений в угледобывающую отрасль, индексация заработной платы, повышение тарифов оплаты труда, выполнение Правительством РФ обязательств по социальной защите горняков и членов их семей, а также по выполнению программ местного развития в углепромышленных городах и поселках и др.

Мы согласны с мнением И. Климова и Л. Гордона [25, 26], что всероссийские «рельсовые войны» явились единственно эффективным средством принудить власти и работодателей находить пути выхода из кризиса невыплаты зарплаты. Всем углепромышленным городам и поселкам, вне зависимости от степени их участия в протестном движении, была оказана оперативная финансовая помощь. Правоохранительные органы, прежде всего прокуратура, активизировали действия по возвращению «кровно заработанных». Блокады важнейших железнодорожных магистралей явились для шахтеров одним из факторов сохранения их статуса, зарплаты и рабочих мест. Все это способствовало замедлению темпов высвобождения персонала и росту производительности труда в угольной отрасли [27. С. 1052].

В действительности блокады железных дорог были для протестующих средством установить диалог с властью. Представители органов власти стали энергично заниматься решением проблем угольной промышленности: повысились темпы проведения рыночных преобразований, ускорилась приватизация угледобывающих предприятий, программа реструктуризации отрасли стала еще более социально ориентированной, много внимания уделялось декриминализации отрасли и др. *Благодаря использованию широкого спектра финансовых и политических мер, Б. Ельцин быстро снизил градус недовольства трудящихся, сохранил пост Президента страны и стал менять взгляды на взаимоотношения с оппозицией.*

Всероссийская акция протеста горняков России сопровождалась и значительным перечнем негативных последствий. Самым очевидным из них являлось динамичное снижение объемов угледобычи в период «рельсовых войн» наряду с влиянием традиционного сезонного фактора. Инерция снижения угледобычи продолжилась и в последующие летние месяцы этого года (рис. 3). От крайних форм борьбы пострадали угледобывающие предприятия, которые в действительности никогда не останавливали работу. Так, например, известная не только в России, но и за рубежом шахта «Распадская» оказалась на грани банкротства, так как не было возможности своевременного вывоза добытого угля.

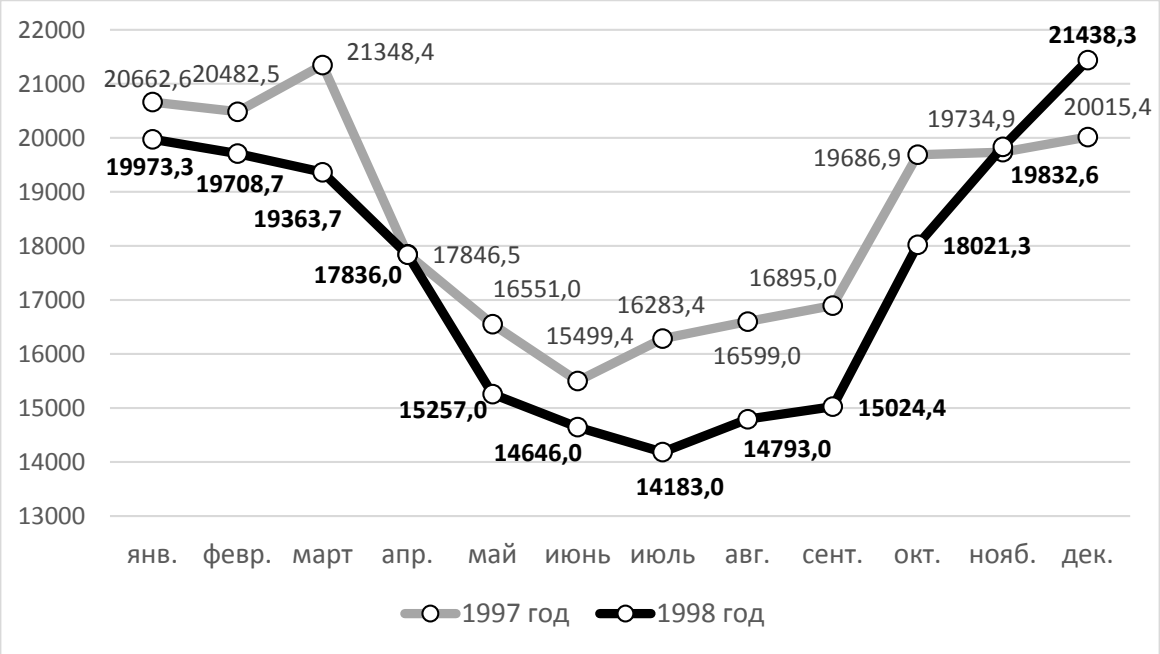

Рис. 3. Динамика добычи угля на предприятиях угольной промышленности России по месяцам в течение 1997–1998 гг., тыс. т [1]

Продолжительная борьба рабочих привела к ощутимым экономическим потерям не только в сфере угольной промышленности, но и во многих других отраслях народного хозяйства, прежде всего соб-

ственных регионов. Серьезную уязвимость ощутили металлурги, которые были вынуждены действовать адекватно. Руководство металлургических компаний стало менять свои экономические ориентиры в сторону стабильно работавших угледобывающих производств, а также пошли по пути организации горно-металлургических холдингов с собственной ресурсной угольной базой. Сильнее других от ответных действий металлургов пострадала компания «Воркутауголь». Ее прямые потери составили 133,3 млн рублей. К тому же она потеряла двух стратегически важных в плане притока «живых» денег потребителей коксующегося угля: Московский коксогазовый завод и Новолипецкий металлургический комбинат [28, 29].

«Рельсовые войны» отрицательно сказались на макроэкономических показателях страны. Они стали одной из причин того, что летом 1998 г. снизилась инвестиционная привлекательность российских предприятий для зарубежных компаний и т.д. Ими был нанесен серьезный удар по экономическому потенциалу и международному престижу российских железных дорог. Немаловажно и то, что Правительство РФ компенсировало многомиллионный ущерб за счет сокращения расходов на все тех же горняков. Важно и то, что был сорван график финансирования технических работ по ликвидации убыточных шахт (разрезов) и по социальной защите высвобождаемых работников.

Таким образом, итоги кульминации протестного движения шахтеров России во время перехода к рыночным отношениям являлись неоднозначными. Органы власти и управления пошли на уступки, но в большей мере они имели социально-экономическое содержание. Низкая результативность противостояния, высокие экономические издержки и неоднозначность общественного мнения заставили рабочих угольной промышленности отказаться от такой радикальной формы отстаивания трудовых прав и интересов, как «рельсовая война». Об этом свидетельствует и неудачная попытка кузбасских шахтеров реанимировать данную форму протеста во всероссийском масштабе, предпринятая в июле 1998 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Текущий архив АО «Росинформуголь».
2. Нарыв // Искра (Инта). 1998. 7 мая.
3. Протокол № 6 Правления АО «Интауголь», г. Инта, 06 мая 1998 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2591.
4. На угольном фронте // Искра. 1998. 9 мая.
5. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов). М., 2004. 132 с.
6. Металлурги бьют тревогу и требуют гарантий // Заполярье (Воркута). 1998. 22 мая.
7. Ильясова Г. Рельсовая война продолжается // Заполярье. 1998. 20 мая.
8. Леонидова Т. Голодовка прекращена // Наш город (Анжеро-Судженск). 1998. 30 января.
9. Прянишникова Т. От забоя – на площадь, с площади – на рельсы // Наш город. 1998. 16 мая.
10. Инвалиды сели на рельсы // Красноярский рабочий (Красноярск). 1998. 19 мая.
11. Горбанева С. Борис Немцов в Шахтах: взгляд из 1998-го… // Пласт (Ростов-на-Дону). 2015. 15 марта.
12. Текущий архив Городского краеведческого музея г. Анжеро-Судженска.
13. Кертман Г.Л. На повестке дня – социальные потрясения? URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/o837501 (дата обращения: 13.02.2015).
14. Фомичева Т. Большое кольцо замкнулось // Кузбасс. 1998. 21 мая.
15. Георгиев В. Перекрыли последнюю артерию // Шахтерская правда (Прокопьевск). 1998. 23 мая.
16. Май 1998 год // Горняцкая солидарность (Новокузнецк). 1998. 26 июня.
17. Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово, 2005. 428 с.
18. Смысленко О. Пассажиры на Лихой уже хлебнули лиха… // Вечерний Ростов (Ростов-на-Дону). 1998. 21 мая.
19. Официальный сайт MiningWiki – свободная шахтерская энциклопедия. URL: https://miningwiki.ru/wiki/Галерея:Шахтерские_забастовки (дата обращения: 23.10.2018).
20. Огурцов В. Чуда не будет, но деньги можно найти // Российская газета. 1998. 26 мая.
21. Горбунов В. Шахтеры наступили на горло правительственной песне // Контакт (Междуреченск). 1998. 26 мая.
22. Постановление пленума Кемеровского обкома КПРФ «О политической и социально-экономической ситуации в России, Кузбассе и задачах партийной организации», г. Кемерово, 30 мая 1998 г. // Государственный архив Кемеровской области. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 75.
23. Гиренко Ю. Эту «рельсовую войну» проиграла вся Россия // Вечерний Ростов. 1998. 25 мая.
24. Дегтярев А., Жигунов Л. Политическая идентичность шахтеров Восточного Донбасса: перспективы рабочего движения в России // Власть. 2000. № 12.
25. Климов И.А. Шахтеры в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции? // Мир России. 1999. Т. VIII, № 3. С. 133–152.
26. Гордон Л.А. Крутой пласт: Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен. М., 1999. 352 с.
27. Шепелева Н.А., Огнев С.П. Оптимизация численности персонала в условиях реструктуризации угольной промышленности России на основе модельного подхода // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16, № 7. URL: http://journals.creativeconomy.ru/index.php/rp/article/view/178/ (дата обращения: 30.01.2017).
28. Давыдов В. Главное – сохранить темпы и объемы угледобычи // Заполярье. 1998. 10 июня.
29. Давыдов В. Не будет угля – не будет ничего // Заполярье. 1998. 8 июля.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 ноября 2018 г.

The Culmination of the Miners' Protest Movement in Russia During the Transition to Market Relations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 162–169.
DOI: 10.17223/15617793/450/20

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, Tomsk Polytechnic University Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru
Anatoliy A. Rozhkov, Coal Marketing Research Institute (Moscow, Russian Federation); National University of Science and Technology "MISiS" (Moscow, Russian Federation). E-mail: aarozhkov@mail.ru

Keywords: Russia; market relations; miners; climax; "rail wars".

The topic of the research is the culmination of the miners' protest movement in Russia, which falls on May 1998. The central place in this phenomenon belonged to the all-Russian "rail wars" when the most important railways were blocked. Their main motive was multi-month delays in wage payments. The authors draw attention to the fact that the all-Russian protest swept all coal industrial areas of the country. However, the main events took place in the leading coal basins: the Pechora coal basin (where they blocked the Northern Railway), Kuzbass (where they blocked the Trans-Siberian Railway), the Russian Donbass (where they blocked the North Caucasus Railway). The protesters' main demands focused around political slogans, among which stood out the resignation of Russian President Boris Yeltsin and the nationalisation of the coal industry. The analysis of the sources and literature leads to the following important conclusions. Transport blockades over several days (from May 13 to May 21) became very popular among Russians. The peak point was 22–23 May, when the All-Russian "rail wars" directly threatened the country's national security. Therefore, the President and the Government of Russia established a dialogue with the protesters. People in the coal industrial areas of the country began to receive money to pay off wage arrears. This made it possible to reduce tensions in the coal mining regions and to divert miners from political slogans. Ambiguous was the attitude of Russians to the radical forms of struggle. In the conditions of a large, unevenly developed economy and transport system, "raising the people" to protest using "rail wars" turned out to be an overwhelming task for the miners. Coal industry enterprises suffered large losses from transport blockades. This led to a rapid decline in the miners' protest movement in Russia. The authors come to the conclusion that the results of the culmination of the miners' protest movement in Russia during the transition to market relations were mixed. The authorities and administrations made concessions, but to a greater extent they were of a socio-economic nature. The low effectiveness of the confrontation, the high economic costs and the ambiguity of public opinion forced the coal industry workers to abandon such a radical form of upholding labour rights and interests as the "rail war". This is evidenced by the unsuccessful attempt of the Kuzbass miners to reanimate this form of protest at an all-Russian scale undertaken in July 1998.

REFERENCES

1. Current Archive of JSC Rosinformugol. (In Russian).
2. *Iskra* (Inta). (1998) Naryv [A Sore]. 7 May.
3. National Archives of the Komi Republic. Fund R-1659. List 1. File 2591. *Protokol № 6 Pravleniya AO "Intaugol'", g. Inta, 06 maya 1998 g*. [Protocol No. 6 of the Management Board of Intaugol JSC, Inta, 06 May 1998].
4. *Iskra*. (1998) Na ugol'nom fronte [At the Coal Front]. 9 May.
5. Yasin, E.G. et al. (eds) (2004) *Den' shakhtera (restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti glazami uchastnikov i zhurnalistov)* [Miner's Day (Restructuring of the Coal Industry Through the Eyes of Participants and Journalists)]. Moscow: [s.n.].
6. *Zapolyar'e* (Vorkuta). (1998) Metallurgi b'yut trevogu i trebuyut garantiy [Metallurgists Sound the Alarm and Demand Guarantees]. 22 May.
7. Il'yasova, G. (1998) Rel'sovaya voyna prodolzhaetsya [Rail War Continues]. *Zapolyar'e*. 20 May.
8. Leonidova, T. (1998) Golodovka prekrashchena [Hunger Strike Discontinued]. *Nash gorod* (Anzhero-Sudzhensk). 30 January.
9. Pryanishnikova, T. (1998) Ot zaboya – na ploshchad', s ploshchadi – na rel'sy [From the Bottom to the Square, From the Square to the Rails]. *Nash gorod.* 16 May.
10. Krasnoyarskiy rabochiy (Krasnoyarsk). (1998) Invalidy seli na rel'sy [Disabled People Sat Down on the Rails]. 19 May.
11. Gorbaneva, S. (2015) Boris Nemtsov v Shakhtakh: vzglyad iz 1998-go… [Boris Nemtsov in the Mines: A View From 1998 . . .]. *Plast* (Rostov-on-Don). 15 March.
12. Current Archive of the Anzhero-Sudzhensk City Museum of Local Lore. (In Russian).
13. Kertman, G.L. (1998) *Na povestke dnya – sotsial'nye potryaseniya?* [Are Social Upheavals on the Agenda?]. [Online] Available from: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/o837501. (Accessed: 13.02.2015).
14. Fomicheva, T. (1998) Bol'shoe kol'tso zamknulos' [The Big Ring Is Closed]. *Kuzbass*. 21 May.
15. Georgiev, V. (1998) Perekryli poslednyuyu arteriyu [Blocked the Last Artery]. *Shakhterskaya pravda* (Prokopyevsk). 23 May.
16. *Gornyatskaya solidarnost'* (Novokuznetsk). (1998) May 1998 god [The May of 1998]. 26 June.
17. D'yakov, Yu.I. (ed.) (2005) *Ugol'nyy Kuzbass: stranitsy istorii* [Coal Kuzbass: Pages of History]. Kemerovo: Adm. Kem. obl.
18. Smyslenko, O. (1998) Passazhiry na Likhoy uzhe khlebnuli likha… [Passengers on Likhaya Have Already Had Enough]. *Vecherniy Rostov* (Rostov-on-Don). 21 May.
19. MiningWiki. (n.d.) *Miners' Strikes.* [Online] Available from: https://miningwiki.ru/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%8F:%D0%A8%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B8. (Accessed: 23.10.2018). (In Russian).
20. Ogurtsov, V. (1998) Chuda ne budet, no den'gi mozhno nayti [No Miracle, but Money Can Be Found]. *Rossiyskaya gazeta*. 26 May.
21. Gorbunov, V. (1998) Shakhtery nastupili na gorlo pravitel'stvennoy pesne [Miners Stepped on the Throat of a Government Song]. *Kontakt* (Mezhdurechensk). 26 May.
22. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund 1311. List 1. File 75. *Postanovlenie plenuma Kemerovskogo obkoma KPRF "O politicheskoy i sotsial'no-ekonomicheskoy situatsii v Rossii, Kuzbasse i zadachakh partiynoy organizatsii", g. Kemerovo, 30 maya 1998 g*. [Resolution of the Plenum of the Kemerovo Regional Committee of the Communist Party "On the Political and Socio-Economic Situation in Russia, Kuzbass and the Tasks of the Party Organisation", Kemerovo, May 30, 1998].
23. Girenko, Yu. (1998) Etu "rel'sovuyu voynu" proigrala vsya Rossiya [All of Russia Lost This "Rail War"]. *Vecherniy Rostov*. 25 May.
24. Degtyarev, A. & Zhigunov, L. (2000) Politicheskaya identichnost' shakhterov Vostochnogo Donbassa: perspektivy rabochego dvizheniya v Rossii [Political Identity of the Miners of the East Donbass: Prospects for the Labour Movement in Russia]. *Vlast'*. 12.
25. Klimov, I.A. (1999) Shakhtery v "rel'sovoy voyne": sub"ekt sotsial'nogo deystviya ili ob"ekt manipulyatsii? [Miners in the Rail War: The Agent of Social Action or the Object of Manipulation?]. *Mir Rossii*. VIII (3). pp. 133–152.
26. Gordon, L.A. (1999) *Krutoy plast: Shakhterskaya zhizn' na fone restrukturizatsii otrasli i obshcherossiyskikh peremen* [A Steep Layer: Miner Life Amid Restructuring of the Industry and Nationwide Changes]. Moscow: Reformugol'.
27. Shepeleva, N.A. & Ognev, S.P. (2015) Optimization of the Number of Personnel in the Conditions of Restructuring of the Russian Coal Industry on the Basis of Model Approach. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*. 16 (7). [Online] Available from: http://journals.creativeconomy.ru/index.php/rp/ article/view/178/. (Accessed: 30.01.2017). (In Russian). DOI: 10.18334/rp.16.7.178
28. Davydov, V. (1998) Glavnoe – sokhranit' tempy i ob"emy ugledobychi [The Main Thing Is to Maintain the Pace and Volume of Coal Mining]. *Zapolyar'e*. 10 June.
29. Davydov, V. (1998) Ne budet uglya – ne budet nichego [There Is No Coal—There Is Nothing]. *Zapolyar'e*. 8 July.

Received: 03 November 2018

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 170–176. DOI: 10.17223/15617793/450/21

УДК [930:94(430)]:101.1

О.Э. Терехов, О.Н. Терехова

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И НЕМЕЦКИЙ ИСТОРИЗМ

Рассматривается проблема соотношения категорий культурно-исторической и политической концепции Освальда Шпенглера с основными методологическими и политическими принципами немецкого историзма. На примере анализа основных идей «Заката Европы» утверждается, что Шпенглер при всем его формальном антиакадемизме оставался в русле традиций немецкого историзма. Делается вывод о том, что культурно-историческая концепция Шпенглера по существу является попыткой пересмотра базовых принципов немецкого историзма в условиях его кризиса как на теоретическом, так и идейно-политическом уровне.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер; «Закат Европы»; немецкий историзм.

В 1918 г. исполнялось столетие со дня выхода первого тома «Заката Европы» Освальда Шпенглера (1880–1936). Нельзя не согласиться с мнением Б.Г. Могильницкого, который писал о том, что книга О. Шпенглера является духовным символом своего времени [1. С. 131]. «Закат Европы» положил начало становления современной цивилизационной теории в западной исторической мысли и исторической науке новейшего времени. Книга Шпенглера стала важным фактором, повлиявшим на изменение исторического сознания Запада. Последующие поколения историков, культурологов, философов неоднократно возвращались к идеям Шпенглера, которые он изложил в «Закате Европы».

Новизна, оригинальность, нарочитая антиакадемичность философии истории «Заката Европы» с момента своего появления вызвала серьезную, и со временем расширяющуюся дискуссию о методологических, идейных принципах построения культурно-исторической концепции, предложенной Шпенглером. Остроту дискуссии характеризовал сам Шпенглер, которой под градом обвинений в заимствованиях, аллюзиях, да и просто в плагиате, был вынужден отвечать своим критикам. По этому поводу Шпенглер писал своему издателю Оскару Веку о том, что ему пришлось «ознакомиться с полусотней предшественников, среди них наиболее известны – Лампрехт, Дильтей и Бергсон. Количество их тем временем должно было перевалить за сотню. Если бы я захотел прочитать хотя бы половину, то и сегодня не закончил бы работу... сегодня вообще невозможно высказать что-нибудь такое, что не было бы затронуто в посмертных сочинениях Ницше» [2. S. 60]. В многочисленных переизданиях первого тома «Заката Европы» Шпенглер постоянно отмечал, что его главными учителями являются Гёте и Ницше.

Однако, несмотря на «методологический анархизм» и парадоксальность, истоки философско-исторических воззрений автора «Заката Европы» находились в русле мощной эпистемологической и социокультурной традиции немецкого историзма, которая долгое время определяла историческое сознание представителей германской культуры в целом. Более того, Шпенглер, сам, очевидно, не желая того, предпринял попытку трансформации базовых теоретико-методологических и идейных принципов немецкого историзма в условиях его кризиса начала XX столетия.

Историзм как тип мировоззрения и исследовательская практика формируется в германской культурной традиции на рубеже XVIII–XIX вв. как реакция на идеи Просвещения и Великой Французской буржуазной революции. Второй составной частью историзма становится движение романтизма с его обостренным чувством истории. Один из ведущих представителей немецкого историзма Фридрих Мейнеке, характеризуя его сущность, писал: «Историзм прежде всего не что иное, как применение к исторической жизни новых жизненных принципов, обретенных в ходе великого немецкого движения от Лейбница до смерти Гёте» [3. С. 6]. Другой видный теоретик и практик немецкого историзма Эрнст Трёльч связывал возникновение этого феномена с коренной историзацией знания и мышления, последовавших после натурализма и догматизма Просвещения и Великой Французской буржуазной революции [4. С. 16–17]. Мейнеке и Трёльч подчеркивали общеевропейский характер историзма, особо выделяя его немецкий вариант. Среди представителей германской интеллектуальной мысли значительных вклад в формирование принципов немецкого историзма внесли: философы Гердер, Гегель, Гумбольдт, историк Л. фон Ранке, юристы германской исторической школы права.

Отличительными чертами немецкого историзма, который был представлен достаточным разнообразием школ и концепций, являются: «признание качественного своеобразия истории по сравнению с природой» [5. С. 220] и «качественное отличие методов познания природы и истории, зависимость человека от нравственного миропорядка истории, который он не в силах изменить, и идея провиденциализма» [Там же], в онтологическом плане акцент на значимости индивидуального и неповторимого в деятельности субъектов и коллективных общностей в истории, повышенный интерес к ценностной значимости уникальных феноменов, возникающих в автономных культурно-исторических мирах. Важнейшую роль играла идея развития в ее различных интерпретациях: от диалектики Гегеля до приближенных к позитивизму натуралистических ее трактовок. Характерной чертой немецкого историзма также стала тесная связь между историей и философией, которая породила

специфическую форму философии истории в ее германском интеллектуальном варианте.

И, конечно же, говоря о немецком историзме как особом типе мировоззрения, нельзя не забывать его идейно-политическую составляющую. Именно немецкой гуманитарной мысли принадлежит приоритет создания культа государства в истории, причем в его консервативно-националистической форме. Следует заметить, что консерватизм, как онтологический и гносеологический, идейно-мировоззренческий принцип, был той чертой, которая заметно отличала немецких интеллектуалов от их европейских коллег. «В отличие от Западной Европы, в Германии преобладающее влияние в общественном самосознании приобрела консервативная политическая традиция, опирающаяся на две основные идеи – национализм и историзм» [6. С. 123]. Долгая борьба за создание единого национального государства придала истории в Германии статус идеологического императива.

Под кризисом историзма необходимо понимать разрушение традиционного образа истории, который сформировался в XIX столетии [1]. Особенно эти тенденции проявились в годы Первой мировой войны и в дальнейшим в межвоенный период и охватили всю историческую и философско-историческую мысль Европы. В Германии кризис историзма переживался прежде всего на идейно-политическом уровне. Теоретико-методологические проблемы исторической науки трогали историков меньше. Немецкие историки, подсознательно понимая необходимость каких-то изменений на уровне методологии, тем не менее предпочитали находиться в русле старых «обкатанных» традиций. Труд Э. Трёльча 1922 г. «Историзм и его проблемы» составлял в этом отношении исключение. «Закат Европы», который разрушал устоявшиеся академические каноны, является знаковой книгой эпохи кризиса историзма и в то же время примером продолжения традиций немецкого историзма на новом уровне теоретического осмысления.

В отечественной гуманитарной мысли различные аспекты культурно-исторической концепции Шпенглера неоднократно освещались в контексте различных идейных и теоретико-методологических интерпретаций: от христианско-либерально гуманистических до ортодоксально марксистских и с позиций методологического плюрализма [1, 7, 8]. Основной акцент в отечественной шпенглериане был сделан на выявление философских, философско-исторических, культурологических, социокультурных и т.д. аспектов его культурно-исторической концепции. Рассмотрение культурно-исторической концепции Шпенглера с точки зрения ее соотношения с теоретико-методологическими и идейно-мировоззренческими принципами немецкого историзма в отечественной гуманитаристике, за редким исключением [9–11], фактически не предпринималось.

Между тем шпенглеровская версия всемирной истории, культуры и цивилизации, которую нужно воспринимать не сколько как сугубо научное моделирование и прогнозирование процесса развития человеческих сообществ, но, скорее, как некую экзистенциальную программу поиска системы ценностей, идеалов и целей для ответов на актуальные вопросы исторического бытия человека фаустовской культуры, особенно немцев с их эсхатологическими, консервативно-романтическими и реваншистскими настроениями, порожденными итогами Первой мировой войны, была явной рецепцией немецкого историзма, причем в его самом радикальном эпистемологическом варианте.

Характерно, что для современников Шпенглера различных философских и идейных направлений, истоки его философско-исторических воззрений не вызывали сомнения. Так, знаменитый немецкий социолог и видный представитель философии жизни (философского направления, к которому относят и Шпенглера) Георг Зиммель считал, что «Закат Европы» в германской философской мысли мог быть оценен как «наиболее значительная философия истории со времен Гегеля» [2. S. 114]. Даже такой строгий приверженец идей немецкого историзма как Э. Трёльч, несмотря на свое скептическое отношение к «Закату Европы» как «к сфере изящной литературы» [4. С. 506], признавал за Шпенглером место в немецкой интеллектуальной традиции [Там же. С. 9]. Один из основоположников философской антропологии Макс Шелер однозначно причислял Шпенглера к традиции немецкого историзма, ведущей свое начало от философии истории Гегеля [12. S. 33–34].

В основе философско-исторической концепции «Заката Европы» лежала идея культурно-исторического цикла в сочетании с принципом замкнутости локальных культур. В духе немецкого историзма Шпенглер разделяет методы познания истории и природы. «Средство для познания мертвых форм – математический закон. Средство для познания живых форм – аналогия» [13. С. 129]. Главным теоретико-методологическим принципом культурно-исторической концепции Шпенглера стала идея выделения мира-как-истории и мира-как-природы. Природа есть нечто ставшее, история – становящееся [Там же. С. 250]. «Природа и история различаются между собой как подлинная и мнимая критика – критика, понятая противоположность жизненному опыту», – пишет он [14. С. 24].

Согласно Шпенглеру, важнейшими признаками мира-как-истории и мира-как-природы являются направление и протяженность, на основании которых «историческое и природное впечатления о мире отличаются друг от друга» [13. С. 256]. Шпенглер иллюстрирует это различие на примере трактовки слова «даль». В категориях мира-как-истории оно означает проекцию будущего. В категориях мира-как-природы – обыкновенную пространственную дистанцию [Там же]. Таким образом, в основе культурно-исторической концепции Шпенглера находится не пространственно-временное измерение окружающей действительности, а органический, временной поток жизни, в котором не существуют и, соответственно, не действуют природные законы. С присущей ему афористичностью Шпенглер следующим образом описывает это различие: «Существует познание природы и знание людей. Существует научный опыт и опыт жизни» [Там же. С. 257].

Он вводит жесткую дихотомию различия гештальта (образа) и закона. Историю, как любое культурное образование, следует, по мнению Шпенглера, созерцать только через гештальты, в которых отражены различные духовные образования. В данном контексте Шпенглер выступает последователем традиции интуитивно-душевного вживания и переживания исторического бытия, ведущей свое начало в немецком историзме от В. Дильтея. «Познание природы может стать делом воспитания, знатоком истории рождаются [13. С. 259]. Характерно отношение Шпенглера ко времени как философско-исторической категории. По словам С.С. Аверинцева, время для Шпенглера как представителя философии жизни не являлось коррелятом пространства либо мыслительной категорией, оно было тождественно самой жизни [15. С. 191]. Время выступает в философии истории Шпенглера и как онтологическая категория, и как темпоральная единица исторического процесса.

Историк в методологии исторического познания Шпенглера превращается в медиума, способного интуитивно проникать в прошлое и будущее, чувствовать настоящее. Сами по себе исторические факты не имеют значение. Главное – жизнь и душа, стоящие за ними, вот их-то историк и должен почувствовать. Сравнительно историческое описание гештальтов культур мировой истории (морфология всемирной истории) и есть методика исследовательской работы Шпенглера. Рационалистический и систематический способ познания истории полностью исчерпал себя. Остается лишь одна возможность проникнуть в суть исторического процесса – интуитивное вживание в гештальты духовных образований (культур) мировой истории. Антипозитивизм и антисциентизм, которые были всегда присущи германской исторической мысли, достигли в культурно-исторической концепции Шпенглера имманентно радикальной стадии в своем развитии. В своем стремлении к душевному сопереживанию истории Шпенглер полностью отверг рационально-понятийные методы ее познания, придав историческому процессу линию жестко заданного фатума.

Убежденность Шпенглера в необратимости хода всемирной истории возвращает нас к проблеме провиденциализма в немецком историзме, которая выступает у Шпенглера под понятием «судьба». «Кто вообще в силах понять, в какой мере душа может названа идеей существования, тому откроется также как близка ей и родственна достоверность судьбы...» [13. С. 272]. Историческое время – это судьба. «Собственное, судьба, время суть слова векселя», – утверждает Шпенглер [Там же. С. 277]. «Судьба» является одним из основополагающих понятий в методологической и в целом культурно-исторической и политической концепции Шпенглера. В идее судьбы, согласно Шпенглеру, лежит центр тяжести противопоставления мира-как-истории миру-как-природе. История в понимании Шпенглера и есть судьба, «настоящая история отягчена судьбой, но лишена законов» [Там же. С. 274]. Провиденциализма философско-исторического мышления Шпенглера заключается в его буквально божественном преклонении перед некой мистической исторической судьбой, которую можно почувствовать, но нельзя вычислить. Фатализм исторической судьбы также определяет преднамеренную заданность культурно-исторического цикла жизни высоких культур, обреченных на прохождение определенного исторического цикла. Основываясь на своей концепции локальных культурно-исторических типов, Шпенглер считал, что каждая культура имеет свое время, свою судьбу, свой прасимвол. Судьба, становится исторической субстанцией и определяет логику исторического процесса.

Шпенглер отверг единство всемирно-исторического процесса и деление истории на Древний мир, Средневековье, Новое время. Он уподобил ритм исторического развития биологическому природному ритму. В основе философско-исторической концепции «Заката Европы» лежит идея культурно-исторического цикла в сочетании с принципом замкнутости локальных культур. Средством постижения событийной структуры исторического процесса, по Шпенглеру, является морфология всемирной истории. Подобный подход к истории, с одной стороны, отрицающий поиск закономерностей исторического бытия, с другой – сводящий само это бытие к сугубо биологическому выражению, вызвал с момента появления культурно-исторической концепции Шпенглера острые научные дискуссии относительно его правомерности и методологической функциональности. В контексте ретроспективы этих дискуссий необходимо отметить, что Шпенглер фактически на новом уровне теоретико-методологической рефлексии использовал две важнейшие идеи немецкого историзма: идею развития и идею индивидуального исторического феномена.

Согласно Шпенглеру, каждой культуре, как и подобает живому организму, развивающемуся во времени и пространстве, определен свой жизненный срок, который зависит от ее внутренних витальных сил. Культура обладает собственной идеей судьбы. Каждая культура есть осуществление гештальта уникальной души. Каждая культура подчинена жесткому циклу исторического развития, который Шпенглер определил примерным временным сроком в 1 000 лет. Каждая культура проходит в своем развитии стадии рождения, расцвета и гибели. Каждая культура обладает суммой присущих только ей особенностей, которые выражаются в философии, искусстве, науке, экономике, политике и т.д. Культуры замкнуты и не проницаемы друг для друга. Носитель одной культуры не может до конца понять другую, чуждую ему культуру. Всего, по мнению Шпенглера, в истории человечества существовало восемь таких локальных культур: египетская, вавилонская, китайская, греко-римская (аполлоновская), византийско-арабская (магическая), майя, индийская, культура майя и западная (фаустовская). Каждой культуре присущ индивидуальный способ познания и видения не только мира-как-истории, но и мира-как-природы и, соответственно, понимания и чувствования исторического времени.

Характерна оценка Шпенглером роли и места человека в этом потоке культурно-исторических циклов. «Исторический человек» – это человек, пребывающий на пути осуществления культуры. До рождения культуры и после гибели культуры он неисторичен, как и

народ, который он представляет [13. С. 52]. Когда цивилизация оформляется до своего окончательного состояния и завершается живое развитие культуры, исторический человек исчерпывает возможности своего существования. Понятие «цивилизация» – квинтэссенция культурно-исторической концепции Шпенглера, ради которой, собственно говоря, и создавался весь философско-исторический и социально-философский каркас концепции «Заката Европы», «ибо у каждой культуры – по словам Шпенглера – есть своя собственная цивилизация» [Там же. С. 163]. Цивилизация – это конечная стадия культуры, ее постепенное разложение и смерть. «Цивилизация – неизбежная судьба культуры» – констатирует Шпенглер [Там же].

Идея о цивилизации как о конце культуры выводит нас на одну из ключевых проблем западноевропейской философско-исторической мысли – проблему «конца истории». Современный отечественный исследователь И. В. Дёмин пишет о том, что в классической философии истории идея «конца истории» как завершения события всемирной истории лежит в основании метафизической или спекулятивной философии истории в любой из ее вариаций (христианской, гегелевской, марксистской). В силу этого классическая философия истории приобретает телеологический и даже эсхатологический характер. Классическая философия истории сущностно есть повествование (точнее, метаповествование) о смысле и цели истории и, следовательно, о конце истории [16. С. 41]. Несмотря на то, что Шпенглер отходит от присущего западному историческому сознанию традиционного теологического временного измерения истории, помещая христианство в три культурных ареала: античный, магический и фаустовский, его культурно-историческая концепция целиком телеологична и эстахологична, он, в конечном итоге, признает, что фаустовская картина всемирной истории была подготовлена христианским летоисчислением [14. С. 29].

Говоря о цивилизации как заключительной стадии существования культуры, Шпенглер превращается из пророка истории в политического мыслителя. В основе культурно-исторической концепции Шпенглера находилась одна из центральных идей немецкой гуманитарной мысли – идея борьбы цивилизации и культуры, трактуемая им в духе традиции консервативной критики цивилизации. Согласно Шпенглеру, западноевропейская культура с эпохи Наполеона вступила в стадию цивилизации. Он считал, что все последующие события европейской истории XIX – начала XX в. лишь подтверждали его вывод о близящемся «Закате Европы». В этой связи необходимо отметить консервативную политическую составляющую философии истории Шпенглера, в которой политический контекст немецкого историзма также нашел свое продолжение. Шпенглера по праву причисляют к ведущим идеологам немецкого консерватизма XX столетия.

Шпенглер принадлежит к ведущим представителям «консервативной революции» в Веймарской республике, феномена, который имел преимущественно ярко выраженный интеллектуальный и идеологический характер. «Консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера, что делало ее идеологемы родственными национал-социализму. В истории «консервативной революции» фигура Освальда Шпенглера является одной из ключевых для понимания метафизической и идейной сущности немецкого «революционного консерватизма» эпохи Веймарской республики. В его трудах отразились тектонические сдвиги в идеологии немецкого консерватизма на переломе эпох германской истории, пережившей за короткое время кайзеровский рейх, Веймарскую республику, Третий рейх. Шпенглер, следуя традиции консервативной критики цивилизации, утверждал, что переход к цивилизации в политическом отношении есть переход от сословного порядка к современному массовому обществу, парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия стала формой распада сословного порядка, сторонником которого являлся Шпенглер.

Шпенглер считал, что старогерманские и старопрусские традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены. Традиции уступили место индивидуализму классов, слоев, индивидуумов. Как и консерваторы XIX в., Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. По его мнению, как последователя Ницше, госу дарство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой-либо божественной санкции.

Политический подтекст культурно-исторической концепции Шпенглера не остался не замеченным исследователями. Герман Люббе отмечал значительное воздействие идей Шпенглера на немецкую публику, особенно на правоконсервативный лагерь. Это воздействие в конечном итоге было направлено против системы парламентской демократии Веймарской республики [17. S. VIII]. Историк Хорст Мёллер писал: «В своих сочинениях после первой мировой войны Шпенглер связал философско-историческую критику современности с предчувствием нового века».

Детлеф Фелькен констатировал обусловленность политических взглядов Шпенглера от его философии истории. По мнению американского исследователя творчества Шпенглера Джона Фарренкопфа, «Закат Европы» следует рассматривать не только как новаторскую книгу по философии истории, но и как труд, призванный дать немецкой элите рекомендации по искусству управления государством. Шпенглер, по мысли Фарренкопфа, попытался соединить три великие немецкие интеллектуальные традиции: философию истории, культурпессимизм, “Realpolitik”. «Философия мировой истории Шпенглера изначально была черновиком для того, чтобы подготовить инновационные формы немецкой «Realpolitik» [19. S. 72].

В центре философии политики Шпенглера находилось его понимание государства, критика либерализма и демократии, теория цезаризма. Шпенглер, анализируя политическую историю, вновь вернулся к противопоставлению цивилизации и культуры через оценку роли в истории социальных сословий, кото-

рые, по его мнению, являются отображением метафизического момента в истории. Шпенглер в основу исторического развития, космического течения жизни ставит политику. «Политика в высшем смысле – это жизнь, и жизнь – это политика», – пишет он [14. С. 354].

Шпенглер обращается к оценке места и роли государства в истории. «Всемирная история – история государств», – утверждал он [Там же. С. 385]. Особенность консервативного понимания государства у Шпенглера состоит в его морфологическом подходе, в стремлении рассматривать государство в исторической динамике. Государство для Шпенглера является естественной формой исторического существования народа. Особенности государства определялись особенностями народа и культуры, в соответствии с этим государство понималось им как национальный органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась общей. Проблема стабильности государства – это вопрос о его внутреннем авторитете, который зависел не от конституции, а от работы правительства и авторитета вождя. Создателями и носителями культуры в истории, по Шпенглеру, выступают дворянство и духовенство. Таким образом, истинным порождением культуры и, соответственно, подлинным государством могло быть, по мнению Шпенглера, только сословное государство.

Категория «государство» особенно в его национальном исполнении являлась составной частью теории и практики немецкого историзма. Нация воспринималась как первооснова исторического развития, а за национальным государством признавалась высшая историческая и политическая ценность. Повышенный интерес представителей немецкого историзма к роли государства в истории был обусловлен как объективными политическими условиями создания германского национального государства, так и логикой развития самого немецкого историзма, делавшего акцент на изучение исторических индивидуальностей.

В понимании либерализма и демократии Шпенглер исходил из постулатов философско-исторической концепции «Заката Европы» о переходе культуры в цивилизацию. По мере наступления цивилизации общество делится на две группы. Одна стремится сохранить веками наработанные исторические традиции, другая – разрушить их. С наступлением цивилизации и приходом буржуазии к политической власти авторитет государства начинает падать. На место традиционного представления о государстве приходят партикулярные интересы, материальные ценности и власть денег. Наступает эпоха ненавистной Шпенглеру демократии с ее парламентаризмом и господством партийных интересов, коррупцией и манипуляцией общественным сознанием. Демократия – верный признак и начало упадка и гибели культуры.

Шпенглер, при всей внешней «революционности» философии истории «Заката Европы», целиком находился в русле политической концепции немецкого историзма с его культом нации и государства, трактуемым в консервативном и националистическом духе. Второй том «Заката Европы» и политическая публицистика Шпенглера яркий тому пример. Американский историк и политолог Джеффри Херф, автор известной концепции «реакционного модернизма», под которым он понимает идейно-политические течения «консервативной революции», национал-социализма и подобные им, отмечает, что политические идеи Шпенглера находились на границе между прусскими консерваторами, опиравшимися на промышленность, юнкеров, армию и бюрократию, и послевоенными консервативными революционерами [20. P. 11]. Один из ведущих отечественных исследователей «консервативной революции» Александр Михайловский полагает, что «воззрения Шпенглера характеризует диссонанс между ориентацией на традиционные ценности и пониманием невозможности их реального осуществления. Он ввел в критику эпохи новую позицию, не сводимую ни к чисто революционному, ни к чисто реакционному, ни к чисто прагматистскому умонастроению сохранения либерального статус-кво» [21. С. 64].

В своей культурно-исторической концепции Шпенглер вышел за рамки всех традиционных представлений об истории и одновременно органически их синтезировал. Он разрушил прогрессистский образ истории XIX столетия, но вернулся к тому же прогрессизму в форме «героического пессимизма» человека западной цивилизации. Он решительно отверг естественно-научный подход объяснения истории, но уподобил ритм исторического развития биологическому ритму. Он обрушился с резкой критикой на европоцентризм, но во многом остался на европоцентристских позициях как представитель единственной, согласно его представлениям, существующей в мире западной культуры. Он весьма снисходительно отзывался о состоянии современной ему исторической науки, но в то же время довел до логического завершения принципы немецкого историзма, расширив принцип индивидуализации исторических явлений до размеров гигантского культурно-исторического типа, который виртуозно описывал в ницшеанско-дильтеевском духе. В своей политической доктрине Шпенглер выступил как один из основоположников идеологии «консервативной революции» в Веймарской республике, которая стала значительным этапом в эволюции немецкого консерватизма и национализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века : курс. Вып. I. Кризис историзма. Томск, 2001.
2. Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München: Beck, 1988.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / пер. с нем. М., 2004.
4. Трёльч Э. Историзм и его проблемы / пер. с нем. М., 1994.
5. Смоленский Н.И. Принцип историзма в национально-политической историографии Германии XIX в. // Средние века. 1978. Вып. 42. С. 21–239.
6. Женин И. Между идеей и идеологией: политизация академического сообщества Германии в первой трети XX века // Философско-литературный журнал Логос. 2013. № 1 (91). С. 122–143.

7. Освальд Шпенглер и «Закат Европы». 2-е изд. М., 2000.
8. Асмус В.Ф. Маркс и буржуазный историзм // Избранные философские труды. М., 1971. Т. 2.
9. Патрушев А.И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 122–144.
10. Афанасьев В.В. Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения. М., 2009. С. 223–526.
11. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемеровский государственный университет. Кемерово : Кемеровск. Гос. ун-т, 2011.
12. Agard O. Chancen des Aufstiegs und des Niedergangs Max Schelers Spengler-Kritik // Spengler ohne Ende. Ein Rezeptionsphänomen im internationalen Kontext. Gilbert Merlio Daniel Meyer (Hrsg.) Frankfurt am Main, 2014. S. 33–44.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем. К.А. Свасьяна. М., 1993.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. И.И. Маханькова. М., 1998.
15. Аверинцев С.С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии : Ежегодник Философского общества СССР, 1991. М., 1991. С. 183–203.
16. Дёмин И.В. Философия истории в постметафизическом контексте. Самара, 2015.
17. Lübbe H. Vorwort // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. VII–XI.
18. Möller H. Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. 49–73.
19. Farrenkopf J. Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien, 1994. S. 45–73.
20. Herf J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge, 2003.
21. Михайловский А.В. Философия техники Ханса Фрайера // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 62–72.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 декабря 2018 г.

Oswald Spengler and German Historicism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 170–176.
DOI: 10.17223/15617793/450/21
Oleg E. Terekhov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terehov1968@mail.ru
Oksana N. Terekhova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terehov1968@mail.ru
Keywords: Oswald Spengler; *The Decline of the West*; German historicism.

The aim of the article is to consider the problem of the correlation between the categories of Oswald Spengler's cultural-historical and political conception with the basic methodological and political principles of German historicism. The sources of the study are Spengler's works. As a research method, a comparative historical method is used, which makes it possible to consider Spengler's cultural, historical and political concepts in the context of German historicism. The past century, since the publication of the first volume of *The Decline of the West*, showed an unabated interest in Spengler's intellectual heritage, which is based on the fact that the author is rightfully considered to be the ancestor of the civilisational concept in the study of history. Despite the fact that Spengler criticised the preceding humanitarian tradition, his theoretical-methodological and political views were completely in line with German historicism. The latter was a form of special ideological, theoretical, methodological and political state of German humanitarian thought, which considered history from a certain angle as the existence of autonomous, individual, unique phenomena differing from natural entities in cognitive methods, and having a dialectical development. Despite the fact that Spengler criticised the traditional academic historical science, he remained within the framework of the basic principles of German historicism. In an effort to destroy the progressive image of the 19th-century history, he returned to this image in the form of "heroic pessimism" of a man of Western civilisation. He separated natural and historical being into world-as-nature and world-as-history, rejected a natural science approach in explaining history, and, at the same time, while mocking the principle of dialectics, he still likened the rhythm of historical development to a biological natural rhythm. The authors come to the conclusion that, not accepting Eurocentrism, according to his ideas, as a representative of Western culture the only one remaining in history, Spengler largely remained on Eurocentric positions. The author of *The Decline of the West* brought to a logical conclusion the principle of individualisation of historical phenomena, expanding it to the size of a giant cultural-historical type, which he masterfully described in the style of German historicism. In the political doctrine, Spengler spoke as an apologist for the national state, based on estate-corporate principles. Despite the fact that *The Decline of the West* and other Spengler's works formally go beyond the framework of German historicism, his cultural-historical and political concept was an attempt to revise its basic ideological and theoretical-methodological values and principles in the conditions of the crisis of historicism.

REFERENCES

1. Mogil'nitskiy, B.G. (2001) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka: kurs* [The History of the Historical Thought of the 20th Century: A Course]. Is. I. Tomsk: Tomsk State University.
2. Felken, D. (1988) *Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur*. München: Beck.
3. Meinecke, F. (2004) *Vozniknovenie istorizma* [Historism: The Rise of a New Historical Outlook]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN.
4. Troeltsch, E. (1994) *Istorizm i ego problemy* [Historicism and Its Problems]. Translated from German by M.I. Levin, S.D. Skazkin. Moscow: Yurist.
5. Smolenskiy, N.I. (1978) Printsip istorizma v natsional'no-politicheskoy istoriografii Germanii XIX v. [The Principle of Historicism in the National Political Historiography of Germany in the 19th Century]. *Srednie veka*. 42. pp. 21–239.
6. Zhenin, I. (2013) Between Idea and Ideology: the Politicization of Germany's Academic Community in the First Third of the 2oth Century. *Logos*. 1 (91). pp. 122–143. (In Russian).
7. Berdyaev, N.A. et al. (2000) *Osval'd Shpengler i "Zakat Evropy"* [Oswald Spengler and The Decline of the West]. 2nd ed. Moscow: Vuzovskaya kniga.
8. Asmus, V.F. (1971) *Izbrannye filosofskie trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow: Moscow State University.
9. Patrushev, A.I. (1995) Miry i mify Osval'da Shpenglera (1880–1936) [Worlds and Myths of Oswald Spengler (1880–1936)]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3. pp. 122–144.
10. Afanas'ev, V.V. (2009) Liberal'noe i konservativnoe [The Liberal and the Conservative]. In: Spengler, O. *Politicheskie proizvedeniya* [Political Works]. Translated from German by V.V. Afanas'ev. Moscow: Kanon+. pp. 223–526.

11. Terekhov, O.E. (2011) *Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy interpretatsii* [The Phenomenon of "Conservative Revolution" in the Historiography of Germany: Basic Concepts and Problems of Interpretation]. Kemerovo: Kemerovo State University.
12. Agard, O. (2014) Chancen des Aufstiegs und des Niedergangs Max Schelers Spengler-Kritik. In: Merlio, G. & Meyer, D. (eds) *Spengler ohne Ende. Ein Rezeptionsphänomen im internationalen Kontext*. Frankfurt am Main: Lang-Edition. pp. 33–44.
13. Shpengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West]. Translated from German by K.A. Svas'yan. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
14. Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West]. Translated from German by I.I. Makhan'kov. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
15. Averintsev, S.S. (1991) "Morfologiya kul'tury" Osval'da Shpenglera ["The Decline: The Morphology of Culture" by Oswald Spengler]. In: *Novye idei v filosofii: Ezhegodnik Filosofskogo obshchestva SSSR, 1991* [New Ideas in Philosophy: Yearbook of the Philosophical Society of the USSR, 1991]. Moscow: Nauka. pp. 183–203.
16. Demin, I.V. (2015) *Filosofiya istorii v postmetafizicheskom kontekste* [The Philosophy of History in a Post-Metaphysical Context]. Samara: Samara Academy for the Humanities.
17. Lübbe, H. (1980) Vorwort. In: Ludz, Ch. von. (ed.) *Spengler heute*. München: Beck. pp. VII–XI.
18. Möller, H. (1980) Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik. In: Ludz, Ch. von. (ed.) *Spengler heute*. München: Beck. pp. 49–73.
19. Farrenkopf, J. (1994) Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst. In: Demandt, A von & Farrenkopf, J. (eds) *Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz*. Köln, Weimer, Wien: Böhlau. pp. 45–73.
20. Herf, J. (2003) *Reactionary Modernism. Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge: Cambridge UP.
21. Mikhaylovskiy, A.V. (2011) Filosofiya tekhniki Khansa Frayera [Hans Fryer's Philosophy of Technology]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 3. pp. 62–72.

Received: 10 December 2018

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 449. С. 177–184. DOI: 10.17223/15617793/449/22

УДК 72.025.4

И.Н. Титаренко

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассматривается проблема сохранения культурного наследия исторических поселений в РФ и анализируется исторический опыт СССР в этой сфере. Выявляются правовые и экономические проблемы в сохранении наследия. Делается вывод о необходимости создания условий для сохранения исторического облика этих населенных пунктов, включая разработку и утверждение границ исторического поселения, внедрение кластерного подхода к их развитию, создание механизма финансирования сохранения объектов культурного наследия.

Ключевые слова: исторические поселения; культурное наследие; памятники истории и культуры; граница исторического поселения; исторический облик.

В последние годы особую актуальность в нашей стране приобрел вопрос сохранения культурного наследия исторических поселений. Показательна в этом плане состоявшаяся 17 января 2018 г. встреча Президента РФ В.В. Путина с участниками проходившего в Коломне Форума малых городов и исторических поселений, на которой президент назвал такие населенные пункты важной составляющей нашей жизни, местом сосредоточения отечественной истории и культуры, отметив, что в современных условиях они могут стать большими центрами – «большими с точки зрения туризма, развития искусства, экономики, культуры, науки» [1]. Примечательным фактом является и то, что за последние несколько лет тема сохранения культурного наследия исторических поселений стала активно обсуждаться в научной литературе, примером чему являются работы А.П. Кудрявцева [2], В.Р. Коргиуса [3], Ю.Р. Гореловой [4], О.В. Галковой [5], В.В. Глазунова [6]. С завидной регулярностью проводятся научные конференции и форумы, в числе которых – ежегодно проводимая Министерством культуры Российской Федерации Всероссийская конференция «Сохранение и возрождение малых исторических городов и сельских поселений: проблемы и перспективы» (25–27 мая 2016 г., Рязань – Касимов; 19–21 октября 2017 г., Тула), международная научно-практическая конференция «Культурное наследие в XXI веке: сохранение, использование, популяризация» (3–7 апреля 2017 г., Казань), международная научная конференция «Сохранение культурного наследия. Исследования и реставрация» (1–3 декабря 2016 г., Санкт-Петербург), межрегиональная научно-практическая конференция «Русский Север-2017. Опыт изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия» (23–26 февраля 2017 г., Тотьма), научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие как потенциал развития туристско-рекреационной сферы» (17–18 апреля 2017 г., Казань), семинар «Сохранение историко-культурного потенциала Томской области» (18 августа 2017 г., Томск) и др.

Подобная актуализация вопроса вовсе неслучайна, и причин тому несколько. Прежде всего, нужно отметить, что исторические города с их самобытной культурой являются важной составляющей национального культурного наследия и их развитие приобретает особую значимость для сохранения самоидентичности россиян в условиях глобализирующегося мира. При этом отличие исторических поселений состоит отнюдь не только в том, что на их территории размещаются охраняемые объекты культурного наследия федерального, регионального или местного значения, но также и в том, что в них в подавляющем большинстве случаев складывается особое отношение к культурной традиции и ее материальным проявлениям, особый менталитет жителей с характерным осознанием самобытности поселения и его важной роли в развитии отечественных истории и культуры. Представляется, что ярким проявлением этого особого менталитета являются те усилия, которые прикладывают многие города (Углич, Муром, Великий Новгород) к возврату утраченного после 2010 г. статуса исторического поселения при полном понимании отсутствия каких-либо серьезных, закрепленных на законодательном уровне экономических преференций от такого статуса.

Еще одной причиной актуализации проблемы сохранения исторических поселений является объективная ситуация, связанная с необходимостью поиска новых путей экономического развития. В малых городах и исторических поселениях сегодня проживает порядка 50% населения России, но многие из них, обладая огромным трудовым ресурсом и богатым культурным наследием, продолжают оставаться инвестиционно непривлекательными при том, что во всем мире развитие индустрии туризма и рынка сопутствующих услуг является важнейшей базой местной экономики, поскольку более 35% общего мирового объема туризма приходится именно на долю культурного туризма. В качестве примера уместно вспомнить здесь опыт небольшого британского городка Стратфорд-на-Эйвоне (Stratford-upon-Avon), считающегося родиной Шекспира, доходы от туристического бизнеса в котором составляют ежегодно порядка 631 млн фунтов стерлингов и не только обеспечивают в полном объеме расходы муниципалитета, но и составляют основу экономики всего графства Уорикшир [7]. Однако говорить серьезно о развитии в качестве туристского центра любого исторического поселения невозможно без соответствующих усилий по сохранению тех объектов, которые, собственно, и обеспечивают туристическую привлекательность поселения, а иногда и страны в целом.

Не продолжая длинный перечень причин, обусловивших актуализацию темы о культурном наследии в России, остановимся еще на одной – неудовлетворительном состоянии подавляющего большинства объектов культурного наследия, что не может не вызывать озабоченность как общественников, так и государственных структур [8. С. 7]. По данным Министерства культуры РФ, в нашей стране насчитывается более 172 тысяч объектов культурного наследия, в том числе 102,5 тыс. объектов федерального значения. В общем массиве объектов культурного наследия федерального значения доля тех объектов, которые находятся в удовлетворительном состоянии, не превышает 39%. Ежегодно происходит безвозвратная утрата нескольких десятков объектов данной категории. С объектами культурного наследия регионального значения ситуация еще сложнее: «Поскольку состояние объектов культурного наследия регионального значения значительно хуже, то ежегодно увеличивается число региональных памятников в руинированном или неудовлетворительном состоянии» [9]. В настоящее время достаточно часто в центре внимания градозащитников и средств массовой информации оказываются серьезные конфликты вокруг охранных зон исторических объектов, разрушение памятников или варварское обращение с ними. Вот лишь несколько сообщений из новостных лет различных российских средств массовой информации и интернет-сайтов за май текущего года: в Калининграде 28 мая обрушилась часть фасада здания Кройц-аптеки – объекта культурного наследия регионального значения, 28 мая в Челябинске в результате ремонтных работ изуродован фасад Часового завода – объекта культурного наследия регионального значения, 25 мая в Ростове-на-Дону снесен памятник архитектуры – Доходный дом О.С. Павленковой, 29 мая в центре Екатеринбурга горело отнесенное к объектам культурного наследия регионального значения здание Уральского лесотехнического университета, 28 мая произошел пожар в являющейся объектом культурного наследия федерального значения усадьбе Орловых-Денисовых в Санкт-Петербурге, 18 мая в Тюмени горело здание исторического памятника – железнодорожной станции Тура [10]. И это лишь небольшая доля сообщений об утратах, вандализме, халатности. Подобные факты свидетельствуют об актуальности вопросов, связанных с культурным наследием и требуют глубокого анализа ситуации, нацеленного на выявление причин, обусловливающих современные проблемы исторических поселений и сложности в сохранении их культурного наследия.

Обращаясь к такому анализу, уместно начать с проблем правового характера. Прежде всего, нужно отметить, что в настоящее время важнейшим документом в области охраны культурного наследия является Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В нем были закреплены обязательства государства по учету и охране памятников, определению их границ и охранных зон, осуществлено разделение всех памятников истории и культуры на собственно памятники, ансамбли и достопримечательные места, определены функции и предмет государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и охраной объектов культурного наследия, установлен порядок формирования и ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия [11]. Принятие этого закона было значимым шагом в охране памятников истории и культуры, развивая закрепленную в ст. 44 Конституции РФ обязанность каждого гражданина заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также право каждого на доступ к культурным ценностям. В статьях 59–60 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» был определен статус исторического поселения и обозначены особенности ведения градостроительной, хозяйственной и иной деятельности в таком поселении. Основанием и условием учета данных особенностей является включение поселения в официально утвержденный перечень исторических поселений. И вот здесь начинается проблема, непосредственно связанная с перечнем, который был утвержден совместным Приказом Министерства культуры Российской Федерации, Министерства регионального развития Российской Федерации от 29 июля 2010 г. № 418/339 г. Москва «Об утверждении перечня исторических поселений» [12].

На текущий момент в нем находится всего 44 исторических поселения при том, что реально исторических городов на территории Российской Федерации насчитывается несколько сотен. Лишенными статуса исторического поселения оказались Великий Новгород, Псков, Тверь, Муром, Углич, Тула, Можайск, Ржев, Вологда, Нижний Новгород, Переяславль-Залесский, Сергиев Посад, Казань и многие другие российские города. На этот вопиющий факт неоднократно указывали представители научного сообщества и общественности [2. С. 8; 8. С. 7; 13. С. 65–66]. Однако существенных изменений перечень до настоящего времени не претерпел. Более того, на уже упомянутой встрече Президента РФ В.В. Путина с участниками Форума малых городов и исторических поселений министр культуры РФ В.Р. Мединский, отвечая на вопросы Президента РФ, так выразил свое отношение к перечню исторических поселений: «Исторические поселения – это виртуальный список... Был список в РСФСР принятый, который ни к чему не вел вообще – штук 180. Потом, лет 10 назад, совместным приказом Минкультуры, Минстроя и кого-то еще список был сокращен до 41-го, потом расширен до 44-х, с включением туда Севастополя и еще ряда городов. Список этот тоже ни к чему не ведет и не дает никаких ни обязательств, ни преференций» [1]. Тем не менее министр отметил, что планируется расширить перечень до 100 исторических поселений. Вдумываясь в эти слова В.Р. Мединского, невольно вспоминаешь другое высказывание: «Прошлое не безупречно, но упрекать его бессмысленно, а вот изучать необходимо» [14. С. 9].

И это высказывание верно вдвойне применительно к сохранению культурного наследия в нашей стране, поскольку она одной из первых стала создавать правовую базу по охране исторических поселений. В частности, после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 г., когда вопрос о сохранении уцелевшего наследия стал крайне важным, был издан приказ Комитета по делам архитектуры при Совете министров СССР «Об охране исторических городов и составлении их опорных планов» [3. С. 30], утвердивший первый перечень из 20 исторических городов, в которых имелось значительное количество памятников архитектуры. Несколько позднее Советом министров было издано постановление от 14.10.1948 № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», в котором была поставлена задача учета, сохранения и реставрации памятников культуры, а также разработки необходимой для этого нормативной базы. Во исполнение данного постановления 08.04.1949 г. Комитет по делам архитектуры своим приказом утвердил «Инструкцию о порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятников архитектуры, состоящих под государственной охраной». В этом документе были определены механизм выявления и учета памятников архитектуры, условия их эксплуатации и производства реставрационных работ, что сыграло положительную роль в реставрации архитектурного наследия. Кроме того, в нем было введено понятие группового памятника архитектуры, к которым были отнесены города, населенные пункты или их части (район, площадь, улица), сохранившие историческую планировку или значительное количество историко-художественных зданий и сооружений [Там же. С. 31]. В приложении к приказу был утвержден перечень городов, имеющих общесоюзное значение ввиду большого числа сохранившихся в них памятников. Этот список за небольшим исключением повторил перечень 1946 года, включив Москву, Ленинград, Новгород, Псков, Ростов Великий, Ярославль, Владимир, Суздаль, Смоленск, Дербент, Киев, Чернигов, Львов, Тбилиси, Мцхет, Самарканд, Бухару, Вильнюс, Таллин.

Разработка нормативной правовой базы охраны культурного наследия стала важным фактором в сохранении и восстановлении историко-культурного наследия СССР. Огромный объем реставрационных и восстановительных работ был выполнен в Ленинграде (Зимний дворец, Эрмитаж, Русский музей, Адмиралтейство, Александро-Невская лавра и др.), Петродворце (дворцово-парковый ансамбль), Пушкине (Екатерининский и Александровский дворцы и парки). В 1949 г. в Новгороде был восстановлены Софийский собор, Вечевая башня, церковь Спаса Преображения, церковь Петра и Павла и др. На острове Кижи в период 1948–1958 гг. был создан уникальный заповедник русского деревянного зодчества. Велись большие реставрационные работы в Москве (Кремль, Крутицкое подворье, церковь Покрова в Филях, храм Василия Блаженного и др.), Ярославле, Казани, Астрахани, Ростове. «Это было не только воссоздание художественного облика отдельных шедевров национального зодчества, а комплексное восстановление городов на продуманной градостроительной основе, где органично сочетались памятники архитектуры и новая застройка» [15. С. 441–442]. Характерно, что именно в этот период была начата дискуссия о том, следует ли оставлять памятники архитектуры в плотном окружении или «расчищать» их от окружающей застройки, в ходе которой сложилась позиция в отношении необходимости руководствоваться сложившейся исторической градостроительной ситуацией в каждом конкретном случае. Как отмечал в 1946 г. автор проекта восстановления г. Калинин архитектор Н.Д. Колли, «важнейшей задачей при восстановлении наших городов является бережное и любовное отношение к исторически сложившемуся облику города, использование в проекте восстановления наиболее положительных и прогрессивных элементов старой планировки и архитектуры и органическое включение их в новый облик городов» [16] (цит. по: Архитектурный портал Totalarch.com. URL: http://theory.totalarch.com/node/182 (дата обращения: 01.06.2018).

Важным этапом в деле сохранения наследия исторических городов стал период с конца 60-х по конец 70-х гг., когда у научной общественности и в обществе в целом повысилось внимание к памятникам истории и культуры, ставшее реакцией на шаблонность застройки советских городов и техницизм. В это время пересмотру подвергся перечень исторических городов. В Постановлении Государственного комитета Совета министров РСФСР по делам строительства и коллегии Министерства культуры РСФСР от 31.07.1970 № 36 «Об утверждении списка городов и других населенных мест РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющие археологическою и историческую ценность» содержался перечень уже из 115 исторических поселений, включая 110 городов. На территории этих городов располагались архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, древний культурный слой земли, природные ландшафты. Значимым и осмысленным шагом являлось выделение в понятии исторического поселения в качестве смыслообразующего фактора именно архитектурно-градо-строительного наследия, имеющего историческую значимость, а не просто памятников истории и культуры.

Вскоре был принят Закон СССР от 29.10.1976 г. № 4692-IX «Об охране и использовании памятников истории и культуры», устанавливающий в статье 19 различные зоны охраны памятников – охранная зона, зона регулируемой застройки, зона охраняемого природного ландшафта, в пределах которых запрещалось без разрешения соответствующих государственных органов проведение производственных работ. 15 декабря 1978 г. был принят аналогичный закон РСФСР, содержащий определение такого важного понятия, как «памятник истории и культуры». В течение последующих нескольких лет были разработаны и приняты акты Совета министров СССР и Совета министров РСФСР, направленные на реализацию норм и

требований вышеуказанных законов. В 80-е гг. был подписан и ратифицирован ряд важных международных документов. Среди них – Конвенция ЮНЕСКО 1972 г. «Об охране всемирного культурного и природного наследия».

Результатом большой работы по уточнению и расширению списка исторических поселений стало утверждение постановлениями Коллегии Министерства культуры РСФСР от 19.02.1990 № 12, Коллегии Государственного комитета РСФСР по делам строительства от 28.02.1990 № 12, Президиума Центрального совета ВООПИК от 16.02.1990 № 12 (162) «Об утверждении нового списка исторических населенных мест РСФСР» самого обширного перечня исторических поселений, включавшего в себя 426 городов, 54 поселка городского типа и 56 сел. Список городов, конечно, не был безупречен, равно как и принципы его формирования, однако исследователи отмечали целесообразность его сохранения: «Допуская возможность изменения состава городов страны… мы все же придерживаемся мнения о целесообразности в настоящий момент… сохранения в основном того состава исторических городов, который сложился в результате длительного поэтапного отбора (1946–1949, 1970, 1990)… Помимо всего прочего, это будет проявлением искомой сейчас во всем устойчивости, в данном случае – в применении к составу и содержанию культурного наследия, к которому мы относим исторические города» [3. С. 81]. Однако состав городов был не просто изменен, но, как уже указывалось выше, сокращен более чем в 10 раз, что привело к негативным последствиям, создав возможность утраты исторической застройки и ландшафтов в потерявших статус поселениях, что нередко характеризуется как «крупное отступление с занимаемых Россией позиций в охране национального культурного наследия» [13. С. 66].

Кроме не учитывающего исторический опыт нашей страны существенного сокращения перечня исторических поселений имеются и другие правовые проблемы. Так, следует указать, например, на то, что законодательство об исторических поселениях таково, что расширение их перечня становится практически неразрешимой задачей. «Порядок включения населенного пункта в перечень исторических поселений федерального значения, утверждения его предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в указанных границах», утвержденный приказом Министерства культуры РФ от 12.07.2016 № 1604, устанавливает те органы, которые могут обратиться в Минкультуры с предложением о включении населенного пункта в список исторических поселений. Это органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, общественные объединения в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Само же Министерство культуры РФ в перечень таких органов по каким-то причинам не включено. Порядком установлена необходимость разработать и приложить к предложению о внесении населенного пункта в перечень исторических поселений ряд документов, включая проект границ территории исторического поселения, проект требований к градостроительным регламентам в границах исторического поселения, историко-культурный опорный план исторического поселения и др. [17]. Очевидно, что разработка подавляющего большинства данных документов является весьма затратной, и выполнить ее необходимо за счет инициатора лишь для того, чтобы подать предложение в Минкультуры. Это снижает возможности перечисленных выше органов по обращению с предложением о включении населенного пункта в перечень исторических поселений. Общественные же организации подобными финансовыми ресурсами вообще не обладают. Есть и еще один аспект этой проблемы: местные и региональные власти, заинтересованные в экономическом развитии, инвестициях, увеличении темпов жилищного строительства, подобную работу по подготовке документации проводить не торопятся, поскольку она может привести к установлению особого контроля и охранных режимов [18].

Еще одной проблемой правового характера является то, что градостроительная политика и развитие культуры не входит в состав необходимых компонентов социально-экономического планирования на местном и региональном уровнях [2. С. 7], тогда как вне такого планирования невозможно решать проблемы исторических городов. Более того, как отмечает руководитель ассоциации «Русская провинция» С.Е. Рыбаков, исторические поселения – это уникальная категория поселений, и для каждого города должен быть разработан индивидуальный комплексный план развития [1]. Разработка такого плана – чрезвычайно сложная и к тому же межведомственная задача, поскольку планирование работ по благоустройству – прерогатива Минстроя, развитие промышленности, туризма, торговли, народных художественных промыслов – Министерства промышленности и торговли, выработка механизмов и оценка потенциала – Минэкономразвития.

Имеются и другие правовые проблемы. Нормы законодательства, касающиеся изменения параметров объектов культурного наследия при производстве работ по их сохранению, являются недостаточно проработанными, что препятствует восстановлению утраченных частей таких объектов, а также их использованию. Законодательно не проработан экономический механизм, способствующий охране, сохранению и развитию памятников архитектуры и исторической среды, привлечению к этому серьезных инвестиционных ресурсов. Статус объекта культуры федерального значения или объекта культуры регионального значения в правовом плане не предполагает обязанности федерального или регионального бюджета соответственно по финансированию сохранения такого объекта.

Помимо чисто правовых трудностей, на ситуацию в исторических поселениях оказывает влияние и множество финансово-экономических факторов. В первую очередь, речь идет о недостаточности материальных ресурсов у самих исторических поселений для сохранения историко-культурного наследия. Это вполне объяснимо: значительное число памятников

истории и культуры в таких населенных пунктах (например, в историческом поселении г. Таганрог располагается 11 объектов культурного наследия федерального и еще 193 объекта культурного наследия регионального значения) требует и значительных средств на их содержание, а принципы бюджетной политики, а значит, и формирования доходной части местного бюджета, остаются теми же, что и в любом другом муниципалитете. Причины такой ситуации также кроются в несовершенстве нормативно-правовой базы, регламентирующей статус исторических поселений. При включении населенного пункта в перечень исторических поселений не определяются какие-либо социально-экономические условия, направленные на сохранение и развитие наследия этого поселения, а также на создание особых условий ведения на его территории хозяйственной деятельности, способствующих сохранению объектов культурного наследия. Необходимость таких преференций давно назрела, что побудило Министерство культуры РФ еще в 2016 г. заявить о начале разработки системы экономических льгот для исторических поселений, придания таким поселениям особого экономического статуса, возможно, и по аналогии с особыми экономическими зонами [19]. Однако до официального утверждения каких-либо преференций пока не дошло, хотя создание реального экономического основания для статуса исторического поселения могло бы изменить к лучшему ситуацию охраны исторической застройки. Об этом говорил на упомянутой выше встрече Президента РФ В.В. Путина с участниками форума малых городов и исторических поселений глава администрации г. Азов В.В. Ращупкин, указывая на целесообразность придания историческим территориям особого статуса (по аналогии с моногородами), который был бы не только задекларирован, но давал бы определенные преференции и возможности, инструменты для саморазвития [1]. Пока же средств местных и региональных бюджетов не хватает не только для сохранения исторического облика или многочисленных в исторических поселениях объектов культурного наследия, но и для элементарного благоустройства территории. Вследствие этого с особым вниманием должны распределяться средства программы по благоустройству городских пространств «Комфортная городская среда», которые существенно превышают суммы, направляемые на сохранение собственно объектов культурного наследия, и составляют порядка 25 млрд в год (для сравнения: на реставрацию объектов культурного наследия в рамках ФЦП «Культура России» в 2017 г. было выделено порядка 8 млрд руб, а в 2018 г. – 7 млрд руб). Конечно, в рамках программы «Комфортная городская среда» не будет и не может быть решен вопрос о сохранении градостроительного облика исторических поселений и имеющихся в них памятников истории и культуры, поскольку она ориентирована на простое благоустройство внутридворовых территорий многоквартирных домов и общественных пространств, однако задуматься о ее расширении ничто не мешает. В частности, по мнению главы городского поселения Старицы С.Б. Калиткиной, следовало бы учесть, что большинство объектов городской среды в малых городах и исторических поселениях находятся «в посадах и исторических зонах, окружены зданиями, строениями, являющимися памятниками историко-культурного наследия и требующими проведения реставрационных работ», этого необходимо дополнение действующей программы разделом по реставрации объектов культурного наследия [1].

Реставрация объектов культурного наследия в исторических поселениях – это чрезвычайно объемная по финансовым расходам задача. Федеральных средств, выделяемых на эти цели в размере 7–8 млрд руб., недостаточно для поддержания более чем 172 тысяч объектов культурного наследия федерального значения, не говоря уже о 69 тысячах объектов регионального и местного значения, а также 80 тысячах археологических объектов. А. Голубева, начальник отдела реставрации объектов культурного наследия Департамента инвестиций и имущества Минкультуры РФ, отмечает, что ежегодно поступает заявок для включения в ФЦП «Культура России» реставрационных работ на 40–50 млрд руб., при том что реальная возможность финансирования программы в несколько раз меньше. Кроме того, ежегодно большой объем средств уходит на переходящие объекты, и, следовательно, остается возможность включить в программу не более 50 новых объектов [20. С. 14]. Для местных и региональных бюджетов реставрационные работы не по силам ввиду высокой стоимости последних, а возможности частного инвестирования ограничены по причине большой стоимости не только самих реставрационных работ, но и разработки проектно-сметной документации на них, а также длительности процессов ее согласования.

Задачу повышения инвестиционной привлекательности исторических поселений нужно решать поэтапно. Во-первых, для таких поселений требуется разработка и утверждение с соблюдением всех необходимых процедур границы исторического поселения, которая, согласно п. 8 ст. 59 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», может не совпадать с границей населенного пункта. Утверждение таких границ дает возможность населенным пунктам, с одной стороны, беспрепятственно развивать строительство в тех зонах, которые не включены в границы исторического поселения, а значит, создает дополнительные стимулы для инвестиций. С другой же стороны, граница исторического поселения с особыми градостроительными регламентами создает препятствия застройке территории объектов культурного наследия, обеспечивая тем самым их сохранность. Однако проводимая Министерством культуры РФ на основании Постановления Правительства РФ от 28.11.2013 № 1095 «Об утверждении требований к определению границ территории исторического поселения» работа по формированию таких границ ведется явно недостаточными темпами. Так, по информации министра культуры В.Р. Мединского, за период 2015–2018 гг. были разработаны 19 соответствующих проектов границ, при этом 13 из них находятся сейчас в стадии

доработки [1]. Во-вторых, необходимо развитие практики государственно-частного и муниципально-частного партнерства в комплексном благоустройстве территорий с вовлечением в него памятников истории и культуры, в реставрации и дальнейшем использовании объектов культурного наследия. Огромный опыт такой работы накоплен в зарубежных странах, для подавляющего большинства которых свойствен комплексный подход к сохранению и использованию объектов культурного наследия, а также развитая нормативная база, регламентирующая отношения между собственниками исторического наследия и государством с учетом современной социально-экономической ситуации [21. С. 47–48]. Этот опыт показывает, что не стоит опасаться прав частной собственности и частного владения на охраняемые объекты. Напротив, следует активно привлекать бизнес путем введения системы льгот, успешно зарекомендовавшей себя в других странах. Например, во Франции владельцы памятников истории могут рассчитывать на компенсацию понесенных затрат по содержанию и эксплуатации памятников, которая предоставляется путем снижения подоходного налога, а размер такого снижения напрямую зависит от решения собственника предоставить свободный доступ на объект [6. С. 175]. Первые шаги в направлении создания системы сотрудничества государства, муниципальных образований и бизнеса в деле охраны культурного наследия уже сделаны, в том числе в рамках реализуемой в ряде регионов программы «Памятник за 1 рубль», предполагающей долгосрочную аренду ветхих объектов культурного наследия с годовой арендной платой в размере 1 рубль при условии принятия арендатором обязательств по их восстановлению. К примеру, в Томске начала работать программа «Деревянный дом за рубль», и уже переданы в аренду сроком на 49 лет 10 расселенных деревянных зданий. И все же радикальных позитивных сдвигов в этом направлении пока не произошло, поскольку не получила развития система льготного налогообложения в отношении инвесторов, не были приняты нормативные правовые акты, регламентирующие работу трастовых организаций, доказавших свою успешность во многих зарубежных странах [13. С. 82].

Несмотря на большое число перечисленных проблем, пока рано говорить о совсем уж катастрофической ситуации в охране наследия исторических поселений. Прежде всего, вследствие того, что многие из этих проблем осознаны на самых различных уровнях – от государства и научного сообщества до общественности и градозащитников-одиночек. В течение ряда последних лет реализованы интересные проекты по сохранению облика исторических поселений и находящихся в них объектов культурного наследия. В числе успешных назовем лишь некоторые: благоустройство нескольких городских зон в г. Тихвин Ленинградской области и восстановление объекта культурного наследия «Тихвинский гидроузел»; опыт частно-государственного партнерства в Коломне Московской области и создание взаимосвязи музейного квартала, творческих индустрий и туристской инфраструктуры; реализация муниципальной программы развития туризма в Азове с реставрацией здания музея и капитальным ремонтом многих исторических зданий; воссоздание 130-го исторического квартала в г. Иркутск; реставрация объектов деревянного зодчества в г. Томск в рамках утвержденной Постановлением администрации от 30.08.2013 № 972 муниципальной программы «Сохранение деревянного зодчества г. Томска на 2014–2018 гг.»; проведенные в 2017–2018 гг. реставрационные работы на объектах культурного наследия федерального значения, связанных с именем А.П. Чехова, в Таганроге и др. Экспертами и научным сообществом постоянно и системно вырабатываются предложения по совершенствованию законодательства и стабилизации ситуации с сохранением объектов культурного наследия.

Сегодня крайне необходимы расширение перечня исторических поселений, включение их как комплексных памятников в разряд объектов культурного наследия, ускорение процессов разработки и утверждения границ исторических поселений, выработка по каждому историческому поселению комплекса мер, направленных на сохранение их исторических особенностей и градостроительного облика, создание благоприятных условий для привлечения частных инвестиций, в том числе и путем развития государственно-частного и муниципально-частного партнерства, внедрение кластерного подхода к развитию территорий исторических поселений, выработка системы эффективной финансовой поддержки планов развития и сохранения исторических поселений, разработка системы государственной оценки эффективности деятельности регионов по сохранению объектов культурного наследия, а также осуществление ряда других предложений научного и экспертного сообщества. Представляется, что важнейшими задачами в этом длинном списке являются работа по утверждению границ исторических поселений и выработка системы эффективной финансовой поддержки мероприятий по сохранению их исторического облика.

Ряд из перечисленных предложений, конечно, далеко не всех, был учтен в утвержденной в октябре 2017 г. Министерством культуры РФ «Концепции по развитию исторических поселений, поддержке и популяризации культурных и туристских возможностей, развитию экономики культурного наследия на период до 2030 года» [22]. Пока это не более, чем определение направления развития, но начало положено, и при объединении усилий государства, муниципальных образований, бизнеса, общественности эта концепция может послужить реальному изменению ситуации в исторических поселениях России, заложив основу для перехода от ситуативного решения частных вопросов охраны культурного наследия к интегральной оценке перспектив и реального потенциала развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Встреча с участниками Форума малых городов и исторических поселений // Официальный сайт Президента РФ Kremlin.ru. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56661 (дата обращения: 01.05.2018).
2. Кудрявцев А.П. Стратегия сохранения и развития исторического наследия РФ. Перечень проблем и направление решения // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 1. С. 5–16.
3. Крогиус В.Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 312 с.
4. Горелова Ю.Р. Актуализация культурного наследия как значимая задача культурной политики // Журнал Института наследия. 2016. № 4 (7). Сетевое научное рецензируемое издание. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualiztsiya-kulturnogo-naslediya-kak-znachimaya-zadacha-kulturnoy-politiki (дата обращения: 01.05.2018).
5. Галкова О.В. Методология и концепции охраны российского культурного наследия // Философия социальных коммуникаций. 2012. № 1. С. 10–22.
6. Глазунов В.В. Из зарубежного опыта охраны культурного наследия исторических городов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 174–177.
7. Tourism in South Warwickshire // Официальный сайт окружного муниципального совета Stratford-on-Avon (Stratford-on-Avon District Council). URL: https://www.stratford.gov.uk/business-investment/tourism.cfm (дата обращения: 01.06.2018).
8. Синицына О.Н. Проекты сохранения и возрождения исторических городов: опыт регионов России // Исторические города: сохранение и развитие : материалы науч.-практ. конф. (26 июня 2013 г., г. Санкт-Петербург) // Официальный сайт Союза реставраторов Санкт-Петербурга. URL: http://srspb.ru/attach/374.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
9. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_194820/ (дата обращения: 01.06.2018).
10. СМИ о наследии: 19 мая – 1 июня 2018 года // Сайт «Хранители наследия». URL: http://hraniteli-nasledia.com/o-nas/sayt-khraniteli-naslediya (дата обращения: 01.06.2018).
11. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 01.06.2018).
12. Приказ Министерства культуры Российской Федерации, Министерства регионального развития Российской Федерации от 29 июля 2010 г. № 418/339 г. Москва «Об утверждении перечня исторических поселений» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105069/ (дата обращения: 01.06.2018).
13. Глазунов В.В. Исторические города в структуре культурного наследия Волгоградской области : дис. … канд. ист. наук. Волгоград: ВолгГМУ, 2017. 271 с.
14. Горький М. Доклад о советской литературе на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. // Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М. : Художественная литература, 1934. 718 с. С. 5–19.
15. Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 12. Кн. 1: Архитектура СССР / под ред. Н.В. Баранова (отв. ред.), Н.П. Былинкина, А.В. Иконникова, Л.И. Кирилловой, Г.М. Орлова, Б.Р. Рубаненко, Ю.Ю. Савицкого, И.Е. Рожина, Ю.С. Яралова. Л.; М. : Стройиздат, 1975. 755 с.
16. Колли Н.Д. Архитектурные вопросы восстановления Калинина // Архитектура СССР. 1946. № 2.
17. Приказ Министерства культуры РФ от 12.07.2016 № 1604 «Об утверждении Порядка включения населенного пункта в перечень исторических поселений федерального значения, утверждения его предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в указанных границах» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_ doc_LAW_202865/ (дата обращения: 01.06.2018).
18. Соседов Е.В. В России больше нет и может уже не быть исторических поселений!? // Сайт «Потомки героев Отечества 1812 года». URL: http://www.potomki-1812.ru/2014/06/v-rossii-bolshe-net-i-mozhet-uzhe-ne-byt-istoricheskix-poselenij/ (дата обращения: 03.06.2018).
19. Владимир Путин: «Решить задачу сохранения исторической идентичности» // Сайт «Хранители наследия». URL: http://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie-rossii/vladimir-putin-reshit-zadachu-sokhraneniya-istoricheskoy-identichnosti/ (дата обращения: 04.06.2018).
20. Голубева А. На объект нужно 200–300 миллионов. А где их сразу взять? // Охраняется государством. 2018. № 3. С. 14–17.
21. Литвинова О.Г. Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко-культурного наследия в конце XX – начале XXI века // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2010. № 4. С. 46–62.
22. Концепция по развитию исторических поселений, поддержке и популяризации культурных и туристских возможностей, развитию экономики культурного наследия на период до 2030 года // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_282149/ (дата обращения: 01.06.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 27 сентября 2018 г.

Cultural Heritage Preservation in Historical Settlements in Russia: History and Modern Problems

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 177–184.
DOI: 10.17223/15617793/449/22

Inna N. Titarenko, South Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: innatag@mail.ru; intitarenko@sfedu.ru

Keywords: historical settlement; cultural heritage; historical and cultural monuments; border of historical settlement; historical appearance.

The article is devoted to the investigation of the cultural heritage preservation in historical settlements in Russia. The author compares the modern situation with the USSR's experience of the preservation of historical and cultural monuments, analyses the rules of law regulating some questions of the protection of cultural and architectural heritage in historical settlements. The reduction of the number of historical settlements in 2010 is of particular interest. The author uses comparative analysis to investigate the problems concerning this reduction in detail. The list of historical settlements approved in 2010 includes 44 Russian cities. It is shorter than the list approved in 1990, which included about 500 historical settlements. For example, the list of 2010 does not include Veliky Novgorod, Pskov, Tver, Murom, Uglich, Tula, Mozhaisk, Rzhev, Vologda, Nizhny Novgorod, Sergiyev Posad, Kazan, etc. The author draws a conclusion concerning the possible consequences of such reduction. Among these consequences, there is a possibility of loss of historical building and landscapes, damage of objects of cultural heritage, etc. That is the reason why the existing list demands revision. In addition, the rules of law regulating an application for the status of a historical settlement demand change. The author also analyses other legal and economic problems connected with cultural heritage preservation in historical cities. Among them are the shortage of financial resources for the support of historical settlements, the imperfection of the system of privileges for the investors restoring objects of cultural heritage, the difficulty of establishing the borders of historical settlements, the lack of comprehensive plans of historical settlements' development, the insufficiency of budgetary appropriations for cultural heritage restoration, etc.

The article formulates a number of suggestions for the improvement of the work aimed at preservation of cultural heritage in historical settlements. To preserve cultural heritage, it is necessary to accelerate the establishment of borders of historical settlements, to introduce a cluster approach to their development, to create a funding mechanism for projects of cultural heritage preservation, to develop a system of privileges and preferences for private investors, to establish an order of the state assessment of the regional and local efforts directed to cultural heritage preservation, etc. The author considers the establishment of historical settlement borders and development of an effective financial support system for maintaining cultural heritage as the main aims of the modern cultural policy.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2018) *Vstrecha s uchastnikami Foruma malykh gorodov i istoricheskikh poseleniy* [Meeting with Participants in the Forum of Small Cities and Historical Settlements]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/56661. (Accessed: 01.05.2018).
2. Kudryavtsev, A.P. (2016) The Strategy for Conservation and Development of the Historical Heritage of the Russian Federation. Thelist of Issues and the Direction of Solutions. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. 1. pp. 5–16. (In Russian).
3. Krogius, V.R. (2009) *Istoricheskie goroda Rossii kak fenomen ee kul'turnogo naslediya* [Historical Cities of Russia as a Phenomenon of Its Cultural Heritage]. Moscow: Progress-Traditsiya.
4. Gorelova, Yu.R. (2016) Actualization of Cultural Heritage as a Significant Task of Cultural Policy. *Zhurnal Instituta naslediya – The Heritage Institute Journal*. 4 (7). [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualiztsiya-kulturnogo-naslediya-kak-znachimaya-zadacha-kulturnoy-politiki. (Accessed: 01.05.2018). (In Russian).
5. Galkova, O.V. (2012) Methodology and Concepts of Protection of the Russian Cultural Heritage: Historiography of the Problem. *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsiy – Philosophy of Social Communications*. 1. pp. 10–22. (In Russian).
6. Glazunov, V.V. (2015) Iz zarubezhnogo opyta okhrany kul'turnogo naslediya istoricheskikh gorodov [From Foreign Experience in Protecting the Cultural Heritage of Historical Cities]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity*. 1. pp. 174–177.
7. Stratford-on-Avon District Council. (n.d.) *Tourism in South Warwickshire*. [Online] Available from: https://www.stratford.gov.uk/business-investment/tourism.cfm. (Accessed: 01.06.2018).
8. Sinitsyna, O.N. (2013) [Projects of Preservation and Revival of Historical Cities: The Experience of the Regions of Russia]. *Istoricheskie goroda: sokhranenie i razvitie* [Historical Cities: Conservation and Development]. Proceedings of the Conference. St. Petersburg. 26 June 2013. [Online] Available from: http://srspb.ru/attach/374.pdf. (Accessed: 15.05.2018). (In Russian).
9. Konsul'tantPlyus. (2018) *Order of the Government of the Russian Federation No. 326-R of 29 February 2016 (As Amended on 30 March 2018) "On the Approval of the Strategy of the State Cultural Policy for the Period Until 2030"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_194820/. (Accessed: 01.06.2018). (In Russian).
10. Hraniteli nasledia. (2018) *SMI o nasledii: 19 maya – 1 iyunya 2018 goda* [Media About Heritage: 19 May – 1 June 2018]. [Online] Available from: http://hraniteli-nasledia.com/o-nas/sayt-khraniteli-naslediya. (Accessed: 01.06.2018).
11. Konsul'tantPlyus. (2002) *Federal Law No. 73-FZ of 25 June 2002 "On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/. (Accessed: 01.06.2018). (In Russian).
12. Konsul'tantPlyus. (2010) *Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Ministry of Regional Development of the Russian Federation No. 418/339 of 29 July 2010, Moscow, "On Approval of the List of Historical Settlements"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105069/. (Accessed: 01.06.2018). (In Russian).
13. Glazunov, V.V. (2017) *Istoricheskie goroda v strukture kul'turnogo naslediya Volgogradskoy oblasti* [Historical Cities in the Structure of the Cultural Heritage of Volgograd Oblast]. History Cand. Diss. Volgograd.
14. Gor'kiy, M. (1934) Doklad o sovetskoy literature na Pervom vsesoyuznom s"ezde sovetskikh pisateley 17 avgusta 1934 g. [Report on Soviet Literature at the First All-Union Congress of Soviet Writers on August 17, 1934]. In: *Pervyy vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley: Stenograficheskiy otchet* [The First All-Union Congress of Soviet Writers: Verbatim Report]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–19.
15. Baranov, N.V. (ed.) (1975) *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t.* [The General History of Architecture: In 12 Vols]. Vol. 12. Book. 1. Leningrad; Moscow: Stroyizdat.
16. Kolli, N.D. (1946) Arkhitekturnye voprosy vosstanovleniya Kalinina [Architectural Issues of the Restoration of Kalinin]. *Arkhitektura SSSR*. 2.
17. Konsul'tantPlyus. (2016) *Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation No. 1604 of 12 July 2016 "On Approval of the Procedure for Including a Settlement in the List of Historical Settlements of Federal Significance, Approval of Its Subject of Protection, Territory Boundaries and Requirements for Urban Planning Regulations Within These Boundaries"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_202865/. (Accessed: 01.06.2018). (In Russian).
18. Sosedov, E.V. (2014) *V Rossii bol'she net i mozhet uzhe ne byt' istoricheskikh poseleniy!?* [Russia Has or May Have No More Historical Settlements!?]. [Online] Available from: http://www.potomki-1812.ru/2014/06/v-rossii-bolshe-net-i-mozhet-uzhe-ne-byt-istoricheskix-poselenij/. (Accessed: 03.06.2018).
19. Hraniteli nasledia. (2018) *Vladimir Putin: "Reshit' zadachu sokhraneniya istoricheskoy identichnosti"* [Vladimir Putin: "To Solve the Problem of Preserving Historical Identity"]. [Online] Available from: http://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie-rossii/vladimir-putin-reshit-zadachu-sokhraneniya-istoricheskoy-identichnosti/. (Accessed: 04.06.2018).
20. Golubeva, A. (2018) Na ob"ekt nuzhno 200–300 millionov. A gde ikh srazu vzyat'? [he Object Needs 200-300 Million. and Where to Get The Money Right Away?]. *Okhranyaetsya gosudarstvom*. 3. pp. 14–17.
21. Litvinova, O.G. (2010) Zarubezhnyy i otechestvennyy opyt sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya v kontse XX – nachale XXI veka [Foreign and Domestic Experience of Preserving Historical and Cultural Heritage at the End of the 20th – Beginning of the 21st Centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 4. pp. 46–62.
22. Konsul'tantPlyus. (2017) *The Concept for the Development of Historical Settlements, Support and Popularisation of Cultural and Tourist Opportunities, the Development of the Economy of Cultural Heritage for the Period up to 2030*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282149/. (Accessed: 01.06.2018). (In Russian).

Received: 27 September 2018

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 185–190. DOI: 10.17223/15617793/450/23

УДК 069

Е.А. Церковникова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МУЗЕЯ И МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА НА ЧУКОТКЕ В 1930–1950-е гг.

Рассматривается история взаимодействия музея и местного сообщества в период создания первого музея на Чукотке. Анализируются особенности сотрудничества специалистов музея с коренным населением в 1930–1950-е гг. На основе архивных материалов раскрываются особенности работы музея и участия коренных жителей в его мероприятиях, когда в сложный период для Чукотки музей как новая в регионе форма сохранения памятников истории и культуры стал центром сбора ценных знаний.

Ключевые слова: отечественная культурная традиция; музейная потребность; коренные народы Севера; советская эпоха; археологические экспедиции; Чукотка.

Последние десятилетия региональные музеи целенаправленно взаимодействуют с местными сообществом, стараются привлечь посетителей и расширить аудиторию. В крупных музеях стратегию музейной деятельности разрабатывают специалисты по музейному менеджменту и маркетингу. Для прогнозирования спроса на музейные мероприятия музеи проводят социологические исследования по изучению целевых групп. Музейные социологи изучают потребности посетителей в получении историко-культурной информации и о восприятии ими экспозиционного материала. Результаты таких исследований дают представление о реальных предпочтениях аудитории и позволяют музеям планировать свою деятельность и привлекать музейных посетителей. В отдельных, особенно удаленных от центра регионах, коммуникация музея с местными сообществами и другими категориями посетителей имеет свои особенности и уже длительную историю.

Свою специфику имеют местные сообщества представителей традиционных культур северных народов. Посетители музея – представители традиционных культур по-особому воспринимают музейную информацию о культуре своего этноса. Эта особенность восприятия связана с тем, что у многих народов традиции ещё живы и процесс изготовления, сохранения традиционных предметов применяется в повседневной жизни. Представители старшего поколения коренных народов Севера являются хранителями традиционных знаний и даже могут выступать консультантами или экспертами по этнографическим вопросам. Их разъяснение значения этнографического предмета раскрывает тонкости традиционной культуры северных народов. Пожилые северяне являются также свидетелями межэтнических интеграций и различных форм диалога культур в советский период. Молодое поколение коренных народов иначе воспринимает культуру своих предков, так как многие традиционные знания утрачены. Музей в такой ситуации способен сыграть связующую роль между поколениями.

Цель статьи – раскрыть историю взаимодействия музея и местного сообщества на Чукотке. Для решения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: проанализировать источники по истории создания первого музея на Чукотке, описать особенности диалога культур в период первых музейных археологических экспедиций. Объектом исследования является сфера взаимодействия музея и местного сообщества Чукотки в 1930–1950-е гг. Объект включает в себя профессиональное и повседневное общение музейных сотрудников с коренным населением Чукотки.

Традиционная культура северных народов, проживающих на Чукотке, подробно раскрыта в работах исследователей В.Г. Богораза [1], В.И. Иохельсона [2], В.В. Леонтьева [3]. Исследователи установили, что автохтонное население Севера осуществляло производство, сбор и хранение бытовых и иных предметов одежды, орудий труда по сформированным веками законам и традициям. В связи с дефицитом материала – сырья и ручными технологиями изготовления утилитарных вещей практиковалось бережное их использование и хранение. Культовые предметы: личные охранители, обереги, предметы для совершения обряда, семейные охранители, наделялись охранительными свойствами, хранились и передавались следующему поколению. Кроме того, развивалась духовная культура или нематериальные знания, которые приобретались опытным путем и также передавались из поколения в поколение.

Коллективная монография «История Чукотки с древнейших времен до наших дней», опубликованная в 1989 г., раскрывает историю Чукотки, начиная с каменного века до конца 1980-х гг. [4]. В данной работе освещена история древнего заселения северных территорий человеком, формирование северных этносов, период открытия и освоение территории Чукотки российским государством. Особое внимание уделено советскому строительству на Чукотке, задачи и пути его достижении, освещается деятельность культурно-просветительных учреждений и участие в их работе коренного населения. Упоминается о создании в Анадыре музея и сборе первой коллекции [4. С. 179]. Однако вопросы, касающиеся диалога культур в советский период, рассматриваются с позиции идеологии тех времен.

Исследователи И.С. Вдовин [5], Г.С. Дьячкова [6] также обращаются к осмыслению этносоциальных процессов чукотского этноса. В их работах раскрыты взаимоотношения разных народов на Чукотке, которые строились на взаимовыгодных условиях. Север-

ные народы перенимали друг у друга способы жизнедеятельности в тундровых и приморских условиях, а пришлое население опыт коренных народов в способах выживания в условиях Севера.

Коллекции, собранные археологами, историками, этнографами и сотрудниками музеев Москвы [7], Ленинграда [8], Магадана [9] в советский период становятся базой для изучения традиционной культуры северных народов и остаются востребованными для современных исследователей. Работы исследователей дают сведения об информантах – коренных жителях, помогавших собирать материал по темам исследования.

История музейного дела в советский период анализируется в работах историков и музееведов страны [10, 11]. Этнографической науке в музее посвящены исследования Т.В. Станюкович [12]. Анализ специфики деятельности музеев, возникших в первые годы социалистических преобразований на Крайнем Севере, проведен Л.А. Чуриловой [13]. Автор подробно рассматривает деятельность музеев на материалах народностей Севера Средней Сибири. Вывод автора о том, что «музей в автономных округах попрежнему находится в центре диалога культур, активно пытаясь привлечь внимание к утраченным ценностям традиционной культуры северных народов», в настоящее время актуален для музеев Чукотки [Там же. С. 7]. Культурно - исторический анализ развития музейного дела на Чукотке проведен в исследовании И.И. Романовой [14]. В данной работе проанализирована история сбор коллекций на Чукотке для центральных, дальневосточных и зарубежных музеев, организация и история деятельности Чукотского окружного краеведческого музея до 1970-х гг. В исследовании так же подробно освещается создание районных музеев, проводится анализ деятельности окружного музея за период с 2001 по 2006 г. В работе автора встречаются сведения о взаимодействии музея и местного населения, но они касаются современного периода.

Ко времени становления советской власти на Чукотке происходили события, постепенно менявшие жизнь аборигенов Севера. События советского времени стали новым этапом и в развитии музеев страны. В 1930 г., после Первого Всероссийского музейного съезда, деятельность музеев была направлена на участие в культурной революции и отражение успехов социалистического строительства государства. На Чукотке в этот год произошли два важных события. Был образован Чукотский национальный округ с окружным центром в поселке Анадырь. И здесь же создается первый государственный музей. Одновременно в регионе разворачивается крупное строительство, появляются промышленные предприятия, создаются учреждения образования и культуры. Комитет Севера создает политико-просветительные учреждения (культурные базы) с целью оказания помощи в экономической и культурной жизни «малым народам» [15. С. 87]. Культбазы считались своеобразными центрами в отдаленных местах региона, где размещались медицинские, культурно-просветительные, ветеринарные пункты. На культбазах работали и краеведы, которые вели научно-исследовательскую деятельность по изучению истории и культуры кочевых народов [15. С. 120]. Музей развивался своим путем и нарабатывал совершенно новый опыт коммуникации, особое место в которой занимал диалог культур, в том числе в области совместного познания традиционных культур северных народов.

Реконструкция истории первого государственного музея на Чукотке в данной статье проведена с помощью исследования источников, хранящихся в Государственном архиве Чукотского автономного округа [16]. Архивные материалы позволили проанализировать информацию о деятельности музея за исследуемый период, понять условия жизни и работы его руководителей. Статистика посещения музея представлена в документах, к сожалению, фрагментарно, так как документация, видимо, терялась или велась недобросовестно в связи с частой сменой руководителей. Переписка музея с разными учреждениями показывает общее направление работы всех музеев страны в советское время. Проанализированы документы, касающиеся деятельности руководителей музея, так или иначе связанной с посетителями. Воспоминания родных руководителей музея, найденные в периодической печати и в интернете, позволили выявить их профессиональный подход в общении с окружающими и настроение того времени. Источники позволили также проанализировать роль музея в проведении археологических разведывательных экспедиций в 1950-е гг. В сохранившихся дневниковых записях участников экспедиций содержатся сведения о формах общения с коренными жителями во время профессиональной деятельности и в повседневных ситуациях. Ниже подробнее рассмотрены некоторые данные, полученные из материалов архива.

Как отмечалось выше, Чукотский национальный округ с окружным центром в поселке Анадырь был образован в 1930 г. [17. С. 5]. Однако в 1923 г. Чукотка уже принимала участие во Всероссийской сельскохозяйственной выставке, организованной в г. Москве. Предметы не успели доставить ко дню проведения мероприятия и их выставили в школе г. Петропавловск-Камчатский. Выставка «экспонатов Чукотско-Анадырского края была устроена 26 октября 1923 г. в школе и продолжалась два дня. Пятьдесят экспонатов по зоологии, геологии, этнографии края вошли в состав коллекции естественного кабинета» [18. С. 27]. В 1934 г. в Ленинграде организуется выставка Академии наук и публикуется «Краткий путеводитель к выставке «Чукотское общество» [19].

На Чукотке после Первого общероссийского музейного съезда организовали Бюро краеведения [20]. Постановлением Оргкомитета Бюро краеведения от 14.11.1931 г. было предложено действующим в округе организациям внести средства на развитие музея. Были направлены письма о сборе средств для будущего музея в Акционерное Камчатское общество, в Морагенство, в Анадырский кооператив [16. Д. 2. Л. 1–3]. Строительной организации было заказано «десять шкафов, застекленные с трех сторон с внутренними четырьмя полками, и небольшой шкаф 1,0 × 0,7 × 0,8 м» [Там же. Л. 4].

В первые годы музей, по-видимому, редко посещали. В поселке Анадырь на момент создания музея насчитывалось 74 хозяйства [20]. Под музей отвели маленький домик, построенный «из обломков выброшенной на берег шхуны» [21. С. 3]. Основой первого музейного собрания стала коллекция образцов животных и птиц, которые были добыты на территории Чукотки и изготовлены А.К. Седько. 25 июля 1935 г. он был принят на должность заведующего музеем по договору на два года [16. Д. 2. Л. 7]. В документах имеются некоторые записи, характеризующие условия работы музея. Питание в то время в Анадыре было по карточкам. Сохранились продовольственные карточки на имя А.К. Седько и работника музея Тенкеу [Там же. Д. 3 Л. 10–11]. Есть записки о выделении спирта музеем для нужд различных организаций, в том числе и для лабораторий школы [Там же. Д. 2. Л. 59–61].

С 1938 г. начался сбор предметов косторезного искусства и ботанических образцов. В это время директором музея был искусствовед А.А. Васильев. Он работал в музее всего год. Из воспоминаний его дочери известно, что А.А. Васильеву было 30 лет, а жене 24 года, когда они приехали вместе на Чукотку. Для молодых это было романтическое путешествие. А.А. Васильев много работал и принимал участие в разных мероприятиях, фотографировал. За время его работы в музее сохранились некоторые документы [Там же. Л. 53–55]. В них содержится переписка по вопросам конкурсов по декоративно-прикладному искусству, имеется информация о приглашении его на сбор гербария для музея.

А.А. Васильев писал картины с северной тематикой, которые, возможно, сохранились в зарубежных музеях. Одна из его картин под названием «Из тундры», написанная в 1939 г., передает настроения того времени в п. Анадырь. По воспоминаниям дочери А.А. Васильева, он хотел рассказать «о людях, еще не приобщенных к новой жизни, но уже интересующихся ею. В экзотических одеждах, уставшие от лишений и недоедания, но наслышанные о светлой, еще неизведанной жизни, прибыли они с окраин Чукотки “присмотреться”, “прицениться”. А.А. Васильев достаточно тонко дает характеристику разным настроениям персонажей: это мечтательность расположенной слева на картине женщины, доброжелательное удивление находящегося в центре парня, пожилой чукчи» [22]. В 1939 г. супруги Васильевы с двухмесячной дочерью вернулись в Москву.

С конца 1930 – начала 1940-х гг. музеем производился сбор этнографических предметов. Сотрудником Чукотского окружного краеведческого музея Р.М. Рагтытваль зафиксированы сведения об этом в карточке научного описания музейного предмета «Подвеска» (ЧОКМ – 1875). В описании указано, что во время переезда музея в новое здание «в сарае старого музея хранилась часть фондов... среди них кухлянка шамана, приобретенная музеем в конце 1930 – начале 1940-х гг. в Чукотском районе» [23]. Музей переезжал в новое здание в 1969 г.; к тому времени собранные предметы этнографии, хранившиеся в сарае, были утрачены.

Музей открывался в любое время по просьбе посетителей. Руководству музея приходилось отстаивать режим работы музея в пользу посетителей. Об этом свидетельствует письмо-телеграмма заведующему культпросвет работы по Хабаровскому краю Л. Волковичу от директора музея Кругликовой [16. Д. 1. Л. 193]. В телеграмме она сообщает о том, что музей не может изменить график работы, в связи с тем, что «у нас большинство посетителей приезжих». Музей открыт «ежедневно кроме понедельника с 10 до 19». При изменении расписания «посетителей будет совсем мало, при этом для коренных жителей Чукотки и населения поселка музей открывается в любое время, в виду чего нет надобности в изменении графика работы» [Там же. Л. 193].

В повседневной жизни коренные жители называли места проживания по-своему, на родном языке. Например, «Анадырь» как поселок в бытовой речи до 1919 г. не звучал вообще. Был пост Ново-Мариинск, но и его местные жители называли по-разному. Жители села Марково, например, если ехали в Ново-Мариинск, говорили: «Еду на устье, был на устье», коренные жители тундры и побережья называли поселок Анадырь – Въен. Поэтому и музей, местные жители называли по-своему – «дом, в котором можно все увидеть» [21. С. 3]. В этом наблюдается особое восприятие коренным населением музея как нового места, представляющего важную и значимую для них информацию.

Фонды музея пополнялись медленно и стихийно, но к 1951 г. его собрание уже состояло из 703 предметов. Постоянными сотрудниками музея, как это часто бывает в небольших учреждениях культуры, были директор и уборщица.

В 1953–1955 гг. Чукотский окружной краеведческий музей стал проводить археологические раскопки. В этот период директором работал В.В. Нарышкин. Он обследовал древнее поселение на р. Канчалан. Однако он не был профессиональным археологом, и эти «любительские» раскопки скорее нанесли урон, чем пользу. Директор музея также беспокоился о сохранности экспонатов. Им были направлены письма в разные ведомственные учреждения с просьбами в решении хозяйственных проблем музея. Так, были направлены документы об установлении платы за посещения музея. Музею требовались деньги в связи с тем, что «большинство экспонатов отдела природы пришли в негодность и требуют замены, так как они простояли в экспозиции музея 15–20 лет» [16. Д. 2. Л. 121].

В июне 1955 г. в Чукотский окружной краеведческий музей приехал работать кандидат исторических наук Н.Н. Диков. К тому времени он имел опыт участия в археологических экспедициях под руководством известных ученых Б.Б. Пиотровского, А.П. Окладникова, М.Е. Массона. С 1956 по 1960 г. Н.Н. Диков ежегодно организовывал и проводил археологические экспедиции музея. Первоначально перед экспедицией стояла задача найти максимальное количество следов древней культуры, определить этническую принадлежность древних народов. Разведывательные экспедиции 1956–1958 гг. проводились

во внутриконтинентальной части Чукотки и районах морского побережья. Археологом были исследованы крупные реки, озера, древние поселения, стоянки и могильники на побережье Чукотского полуострова. Предварительные отчеты этих экспедиций публиковались в «Записках Чукотского краеведческого музея», издание которого было начато благодаря инициативе директора музея. Вклад Н.Н. Дикова известен мировому научному сообществу, и он по достоинству оценен исследователями [24. С. 5–33].

В полевых дневниках директор музея Н.Н. Диков отмечает особенности проведения археологических разведок на Чукотке, приводит описания поселений, событий, дает информацию о сборе археологических предметов. Большой интерес представляют сообщения, полученные им от коренных жителей, заметки по взаимодействию исследователя с жителями по вопросам сохранения памятников древней культуры. Для проведения экспедиций привлекались проводники – коренные жители, которые знали тундру, местность, море и реки. Директору музея рассказывали легенды, делились знаниями и мнениями. Его всегда гостеприимно встречали, предлагали ночлег в традиционном жилье. Слушали его рассказы с интересом.

Во время одной из экспедиций Н.Н. Диков встретился с пожилым чуванцем И.Г. Собольковым, жившем на реке Анадырь с 1910 г. И.Г. Собольков подтвердил данные о древнем поселении на берегу реки Анадырь. Чуванец рассказал археологу о другой древней стоянке на левом берегу реки Майн. Н.Н. Диков так охарактеризовал пожилого информанта: «Иван Гаврилович, истинный патриарх этого рыбачьего, отрезанного от большого мира крохотного посёлочка, был хранителем всех местных преданий» [21. С. 13]. В одной из дневниковых записей он отмечает: «Вчера вечером провел в яранге беседу по истории Чукотки. Рассказывал, что люди на Земле появились сотни лет назад и что были они сперва почти как звери. У всех это вызвало удивление. Говорил я, что Чукотка была заселена людьми уже несколько тысяч лет назад, и что прежде жилось им очень плохо: они не имели домашних оленей и занимались только охотой и рыбной ловлей [25. С. 141]». Он так же рассказывал о ближайших перспективах советского государства по освоению Земли и космоса. Его беседы вызывали большой интерес у жителей стойбища. С собой у Н.Н. Диков всегда были книги или фотографии, он показывал эти материалы коренным жителям. В этот раз он показал обитателям стойбища книгу «Труды Института этнографии» (том XXXV, 1957 г.) с картинками и фотоснимками из чукотского быта [Там же. С. 142].

В селах жители приносили Н.Н. Дикову археологические находки, особенно дети [Там же. С. 144]. В селе Нунямо директор музея познакомился с мальчиком, в настоящее время пенсионер М.А. Зеленский. Он передал ему археологическую коллекцию, которую сам собрал на местах древних поселений [Там же. С. 146]. На мероприятии в Музейном центре «Наследие Чукотки» (г. Анадырь) М.А. Зеленский рассказал об этом случае, представил фотографию, сделанную Н.Н. Диковым, и добавил, что в дальнейшем археолог приглашал его на раскопки в свои экспедиции [26].

Так, в полевых условиях проходило общение директора музея и коренных жителей Чукотки, которых он старался привлечь к пониманию значимости их культуры, к сохранению памятников истории и культуры. Сам он все больше проникался к коренным жителям и к необходимым в суровых условиях жизненным правилам. «Сидя в байдаре, я все размышляю об этом удивительном народе. Все шокирующие нас обычаи чукчей, вернее, бытовые привычки, о которых со смаком любят писать многие, не хуже многих наших привычек и хороши тем, что вполне естественны, а иногда просто необходимы. Суровая жизнь вынуждает одеваться чукчей в шкуры. Некоторым это кажется диким, но поживешь в тундре и убедишься, что только такая одежда спасет человека от ужасного холода, и сам залезешь в шкуры. Это лучшая одежда на Севере. На морском побережье и в континентальных районах чукчи живут оседло и вполне благоустроенно» [25. С. 138]. Внимательность и уважение директора музея к традиционной культуре северных народов способствовали обмену культурными навыками и опытом между приезжим населением и местными жителями.

По музейным формам, которые составляли основную информацию о статистике посетителей в музее, можно проследить движение посетителей. В 1953 г. Чукотский краеведческий музей посетило 5 190 человек [16. Д. 2. Л. 122]. Увеличение количества посетителей, при небольшой численности населения поселка Анадырь, объясняется тем, что посетителями являлась молодежь, обучающаяся в педучилище, в школе колхозных кадров, служащие различных организаций, приезжающие в командировки.

В результате проведенного исследования можно констатировать, что 1930–1950-е гг. стали важным этапом не только в становлении первого на Чукотке государственного музея, но и в культурной роли музейной работы в этом регионе. Для местного сообщества музей стал новой организационной формой сохранения предметов истории, культуры и реальности. За короткий период музей пополнился уникальными предметами истории и культуры коренных народов Севера. Этому способствовали активная позиция директоров музея и их профессиональная деятельность. Коренное население, участвовавшее в музейных археологических экспедициях, вносило вклад в поисках древних культур. Многие археологические стоянки были открыты благодаря знаниям коренных жителей. Взаимоотношения музейных сотрудников и местного сообщества наполняли опыт представителей традиционных культур новыми идеями и расширяли их кругозор. Музейные сотрудники из числа северных этносов пришли работать в музей и стали этнографами, которые уже с научной точностью описывали предметы традиционной культуры, ставили экспозиции. Все это способствовало развитию первого и единственного государственного музея на Чукотке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богораз В. Г. Чукчи: Материальная культура / отв. ред. И.С. Вдовин. 2-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 264 с.
2. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Иванова-Унаровой. г. Новосибирск : Наука, 2005. 675 с.
3. Леонтьев В.В. По земле древних кереков. Записки этнографа. г. Магадан : Книж. изд-во, 1976. 231 с.
4. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под рук. и общ. науч. ред. Н.Н. Дикова. М. : Мысль, 1989. 492 с.
5. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л. : Наука, 1965. 404 с.
6. Дьячкова Г.С. Этнокультурные процессы у чукчей в XX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011. 171 с.
7. Чукотское и эскимосское искусство XIX–XX вв. (из собрания музея). Каталог / авт.-сост. А.К. Фисина. М. : Родник, 1995. 126 с.
8. Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник. М.; Л. : Наука, 1957. Вып. 2. С. 264–326.
9. Широков Ю.А. Чукотская-эскимосская резная кость в Магаданском областном краеведческом музее // Краеведческие записки / редкол.: А.В. Беляева (отв. ред.) и др. Магадан : Книж. изд-во, 1977. Вып. XI. С. 82–95.
10. Музейное дело России / под ред. М.Е. Каулен. (отв. ред.), И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М. : Изд-во «ВК», 2006. 614 с.
11. Рубан Н.И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920–1930-е гг.). Хабаровск : Хабаров. краевой краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2002. 215 с.
12. Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музей. Л. : Наука, 1978. 288 с.
13. Чурилова Л.А. Роль музея в сохранении и развитии культуры народностей Севера (1917–1980-е гг.) (На материалах народностей Севера Средней Сибири) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1991. 14 с.
14. Романова И.И. Развитие музейного дела на Чукотке (культурно-исторический анализ) : дис. … канд. культурологии. СПб., 2008. 188 с.
15. Нефедова С.П. Культурное строительство на Чукотке (1917–1958 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. г. Магадан : Книж. изд-во, 1971. 160 с.
16. Государственный архив Чукотского автономного округа. Ф. Р-208.
17. Краткий справочник по фондам Государственного архива Чукотского автономного округа / Отдел по делам архивов Аппарата Губернатора и Правительства Чукотского АО. г. Анадырь : «Крайний Север», 2005. 104 с.
18. Володарская Е.Е. Возникновение и становление Камчатского областного краеведческого музея (1911–1934) // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. г. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. 228 с.
19. Краткий путеводитель по выставке «Чукотское общество». / сост. проф. В.Г. Богораз-Тан. г. Л. : Издательство Академии наук СССР, 1934. 24 с.
20. Рига И.Г. 70 лет окружному музею, а так же о первом препараторе и собирателе // Крайний Север. Анадырь : Изд-во «Крайний Север», 2005. 29 июля. № 29. С. 15.
21. Диков Н.Н. По следам древних костров. Археологи идут по Чукотке. г. Магадан : Книж. изд-во, 1960. 106 с.
22. Воспоминания Н.А. Васильевой. URL: http://www.na-vasilieva.ru/vasilev_aleksej_aleksandrovich_posle_ucheby_pered_moldaviej_monografija_vasilevoj_n_a/ (дата обращения: 21.05.2018 г.).
23. Церковникова Е.А. Из опыта составления каталога одежды коренных народов Севера (на примере фондовых коллекций Музейного Центра «Наследие Чукотки» // VII Конгресс этнографов и антропологов России : докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В.А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Мордовия. Саранск, 2007. С. 420.
24. Диковские чтения : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 276 с.
25. Диков Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тысяч лет истории. г. Магадан : Книж. изд-во, 1969. 256 с.
26. Полевые материалы автора. Запись М.А. Зеленского от 15.05.2018 г. г. Анадырь.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 мая 2019 г.

Interaction of the Museum and the Local Community in Chukotka in the 1930s–1950s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 185–190.
DOI: 10.17223/15617793/450/23

Ekaterina A. Tserkovnikova, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute of Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (Magadan, Russian Federation). E-mail: etserkovnikova1@yandex.ru

Keywords: national cultural tradition; need for museum; indigenous people of North; Soviet period; archaeological expeditions; Chukotka.

The aim of this article is to present and analyse interactions between museum specialists and the indigenous people of Chukotka in the 1930s–1950s. To achieve this aim, the article solves the following problems: analyses history sources of creating the first museum in Chukotka and describes the features of the interaction of cultures during the first museum's archaeological expeditions. The history of museum work shows how a new environment created the need for the preservation of the traditional culture of the northern peoples. This case study allows re-evaluating directions of museum work at present. In this article, the history of the first museum in Chukotka was reconstructed based on the sources from the State Archive of Chukotka Autonomous Okrug. Archive materials allowed analysing the information about museum activities throughout the mentioned period and learning about the life and work of its founders. Unfortunately, visitor statistics are only represented partially in the archive materials, due to the loss of documents or a negligent maintenance of the archives under the changing management. Correspondence of the museum with other museums in the country reveals the general direction of all the museums in the Soviet Union at the time. Memoirs of the relatives of museum workers, which the author had found in the press or on the internet, allowed assessing workers' professional attitude towards interacting with other people and provide an understanding of the social atmosphere of the time. The sources also allowed analysing the role of the museum in archaeological expeditions in the 1950s. The preserved diary notes of the expedition members contain information about the kind of communication with the indigenous peoples during professional and daily situations. Collaboration of the representatives of different cultures, education and generations formed the indigenous peoples' special attitude towards collecting and preserving of cultural artifacts. The author concludes that museums became a new form of preserving cultural heritage in the region, and became the centre of collecting knowledge about the ancient history of the humankind, the nature of the region and the traditional culture of the indigenous peoples. Communication of the museum with local communities and other categories of visitors has its peculiarities and a long history. Currently, the older generations of the indigenous peoples of the North are the keepers of traditional knowledge, and can act as consultants or experts in ethnographic issues in the museum.

REFERENCES

1. Bogoraz, V.G. (2011) *Chukchi: Material'naya kul'tura* [The Chukchi: Material Culture]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
2. Jochelson, W. (2005) *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [The Yukaghir and Yukaghirized Tungus]. Translated from English by V.Kh. Ivanov, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka.
3. Leont'ev, V.V. (1976) *Po zemle drevnikh kerekov. Zapiski etnografa* [On the Land of Ancient Kereks. Notes of an Ethnographer]. Magadan: Knizh. izd-vo.
4. Dikov, N.N. (ed.) (1989) *Istoriya Chukotki s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Chukotka From Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Mysl'.
5. Vdovin, I.S. (1965) Ocherki istorii i etnografii chukchey [Essays on the History and Ethnography of the Chukchi]. Moscow; Leningrad: Nauka.
6. D'yachkova, G.S. (2011) *Etnokul'turnye protsessy u chukchey v XX v.* [Ethnocultural Processes in the Chukchi in the 20th Century]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
7. Fisina, A.K. (1995) *Chukotskoe i eskimosskoe iskusstvo XIX–XX vv. (iz sobraniya muzeya). Katalog* [The Chukchi and the Eskimo Art of the 19th – 20th Centuries (From the Museum Collection). A Catalogue]. Moscow: Rodnik.
8. Kuznetsova, V.G. (1957) Materialy po prazdnikam i obryadam amguemskikh olennykh chukchey [Materials on Holidays and Ceremonies of the Amguema Deer Chukchi]. In: *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Is. 2. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 264–326.
9. Shirokov, Yu.A. (1977) Chukotskaya-eskimosskaya reznaya kost' v Magadanskom oblastnom kraevedcheskom muzee [The Chukchi-Eskimo Carved Bone in the Magadan Regional Museum of Local Lore]. In: Belyaeva, A.V. et al. (eds) *Kraevedcheskie zapiski* [Local Lore Notes]. Is. 11. Magadan: Knizh. izd-vo. pp. 82–95.
10. Kaulen, M.E. (ed.) (2006) *Muzeynoe delo Rossii* [Museum Studies in Russia]. Moscow: Izd-vo "VK".
11. Ruban, N.I. (2002) *Sovetskaya vlast' i muzeynoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke Rossii (1920–1930-e gg.)* [Soviet Power and Museum Construction in the Far East of Russia (1920–1930s)]. Khabarovsk: Khabarov. kraevoy kraeved. muzey im. N.I. Grodekova.
12. Stanyukovich, T.V. (1978) *Etnograficheskaya nauka i muzey* [Ethnographic Science and Museum]. Leningrad: Nauka.
13. Churilova, L.A. (1991) *Rol' muzeya v sokhranenii i razvitii kul'tury narodnostey Severa (1917–1980-e gg.) (Na materialakh narodnostey Severa Sredney Sibiri)* [The Role of the Museum in the Preservation and Development of the Culture of the Peoples of the North (1917–1980s) (Based on the Materials of the Peoples of the North of Central Siberia)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
14. Romanova, I.I. (2008) *Razvitie muzeynogo dela na Chukotke (kul'turno-istoricheskiy analiz)* [The Development of Museum Work in Chukotka (A Cultural-Historical Analysis)]. Culture Studies Cand. Diss. St. Petersburg.
15. Nefedova, S.P. (1971) Kul'turnoe stroitel'stvo na Chukotke (1917–1958 gg.) [Cultural Construction in Chukotka (1917–1958)]. In: Krushanov, A.I. & Ezhov, V.A. (eds) *Iz istorii promyshlennogo i kul'turnogo stroitel'stva Chukotki* [From the History of Industrial and Cultural Construction of Chukotka]. Magadan: Knizh. izd-vo.
16. State Archive of Chukotka Autonomous Okrug. Fund R-208. (In Russian).
17. Department for Archives of the Office of the Governor and Government of Chukotka Autonomous Okrug. (2005) *Kratkiy spravochnik po fondam Gosudarstvennogo arkhiva Chukotskogo avtonomnogo okruga* [A Short Reference to the Funds of the State Archive of Chukotka Autonomous Okrug]. Anadyr: "Krayniy Sever".
18. Volodarskaya, E.E. (2002) Vozniknovenie i stanovlenie Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (1911–1934) [The Emergence and Formation of the Kamchatka Regional Museum of Local Lore (1911–1934)]. *Kraevedcheskie zapiski Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 12.
19. Bogoraz-Tan, V.G. (1934) *Kratkiy putevoditel' po vystavke "Chukotskoe obshchestvo*" [A Short Guide to the Exhibition "Chukchi Society"]. Leningrad: USSR AS.
20. Riga, I.G. (2005) 70 let okruzhnomu muzeyu, a tak zhe o pervom preparatore i sobiratele [70 Years to the District Museum, and on the First Preparator and Collector]. *Krayniy Sever*. 29 July. 29. p. 15.
21. Dikov, N.N. (1960) *Po sledam drevnikh kostrov. Arkheologi idut po Chukotke* [Following the Trails of Ancient Bonfires. Archaeologists Are Walking Around Chukotka]. Magadan: Knizh. izd-vo.
22. Vasil'eva, N.A. (n.d.) *Vospominaniya N.A. Vasil'evoy* [Memoirs of N.A. Vasilyeva]. [Online] Available from: http://www.na-vasilieva.ru/vasilev_aleksej_aleksandrovich_posle_ucheby_pered_moldaviej_monografija_vasilevoj_n_a/. (Accessed: 21.05.2018 g.).
23. Tserkovnikova, E.A. (2007) [From the Experience of Compiling a Catalogue of Clothing of the Indigenous Peoples of the North (On the Example of Stock Collections of the Museum Centre "Heritage of Chukotka"]. *VII Kongress etnografov i antropologov Rossii* [VII Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia]. Proceedings. Saransk. 9–14 July 2007. Saransk: [s.n.]. p. 420. (In Russian).
24. North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. (2001) *Dikovskie chteniya* [Dikov Readings]. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 75th Anniversary of N.N. Dikov, a RAS Member. Magadan: North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
25. Dikov, N.N. (1969) *Drevnie kostry Kamchatki i Chukotki. 15 tysyach let istorii* [Ancient Bonfires of Kamchatka and Chukotka. 15 Thousand Years of History]. Magadan: Knizh. izd-vo.
26. Tserkovnikova, E.A. (2018) *Field Materials. Record of M.A. Zelensky made on 15 May 2018.* Anadyr. (In Russian).

Received: 29 May 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 191–205. DOI: 10.17223/15617793/450/24

ПРАВО

УДК 342.565.2; 342.33; 342.156; 342.41

Г.А. Василевич, И.Ю. Остапович

ОСОБЕННОСТИ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ, КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА БЕЛАРУСИ И КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕТА КАЗАХСТАНА

Раскрываются особенности нормотворческой активности органов конституционного контроля России, Беларуси и Казахстана. В результате анализа авторами сделаны выводы о достоинствах и недостатках предварительного и последующего конституционного контроля, его влияния на правовую систему путем выявления конституционных условий, в которых могут реализовываться юридические процедуры. Показано, что корректирование правовых позиций специализированных органов конституционного контроля России, Беларуси и Казахстана соответствует мировому опыту.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; Конституция Республики Беларусь; Конституция Республики Казахстан; специализированные органы конституционного контроля.

В практику Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ или Конституционный Суд РФ) вошло упоминание о правовой доктрине и отдельных ее направлениях (причем это реализуется как в толковании доктринальных положений непосредственно в решениях, так и в особых мнениях судей Конституционного Суда, не имеющих нормативного характера) [1]. В постановлениях Конституционного Суда РФ указывается связь доктрины и основанной на ней юридической практики [2], а в теоретических исследованиях обращается внимание на возможность применения категории «правовая доктрина» ко всей совокупности решений Конституционного Суда РФ [3. С. 6]. Среди выработанных в Республике Беларусь и Республике Казахстан доктринальных позиций можно отметить оценку нормотворческой активности как способа повышения правового качества принятых законопроектов или как гарантию защиты от выхода принятых законов за рамки конституционных положений [4. С. 97–103; 5]. Юридическая сила решений и их общеобязательность в том, что законопроект, признанный не соответствующим конституции, не может приобрести, по общему правилу, статус закона [6. С. 66–71; 7. С. 101–102]. Не оспаривая указанные тезисы, следует обратить внимание, что в решениях специализированных органов конституционного контроля выделяется научно-доктринальный аспект, ориентированный как на законодательный, так и на другие нормотворческие процессы.

В отличие от России, где предварительный конституционный контроль распространяется только в отношении нератифицированных международных договоров и вопросов, выносимых на референдум, в Беларуси и Казахстане он установлен в отношении как нератифицированных международных договоров, так и других законов, принимаемых парламентом. Таким образом, полномочия, свойственные Конституционному Суду Беларуси и Конституционному Совету Казахстана в сфере проверки ординарных законов, рассматриваются как особенность нормотворческой активности. Несмотря на сказанное, в практике Конституционного Суда Беларуси сочетаются элементы и нормотворческой активности, и самостоятельного нормотворчества, что будет рассмотрено ниже.

Особенность нормотворческой активности специализированных органов конституционного контроля Республики Беларусь и Республики Казахстан при их участии в законодательном процессе – их включенность в законодательную процедуру, за которую в целом отвечает высший представительный орган, осуществляющий законодательную власть (в Беларуси состоит из Палаты представителей и Совета Республики, в Казахстане – из Сената и Мажилиса).

Предварительный конституционный контроль – это, по сути, особый элемент законодательной процедуры. Наряду с этим Конституционный Суд Беларуси, как и Конституционный Совет Казахстана, не подчиняется законотворческому процессу и самостоятелен. Но все равно специализированные органы учитывают, что они встроены в законодательный процесс, например, сокращаются сроки рассмотрения. Конституционный Совет Казахстана выносит свои решения в течение месяца со дня поступления обращения. Этот срок по требованию Президента сокращается до 10 дней, если вопрос не терпит отлагательства. Во Франции, как известно, Конституционный Совет также выносит свое решение в месячный срок. Однако этот срок сокращается до восьми дней по требованию правительства, если оно заявляет, что вопрос не терпит отсрочки.

В Республике Беларусь дела о проверке конституционности законов, принятых Парламентом, в порядке обязательного предварительного контроля рассматриваются в срок не более пяти дней со дня поступления закона в Конституционный Суд (ст. 93 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О Конституционном судопроизводстве»). В связи с тем что в Беларуси предусмотрен тотальный предварительный контроль, в отношении всех проектов закона проводится досудебная подготовительная работа перед рассмотрением дела в судебном заседании. Основание для ее начала – принятие проекта закона Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении. Если рассмотрение проекта закона объявлено срочным либо проект

закона принимается в одном чтении, подготовительная работа начинается с момента включения проекта закона в повестку дня сессии Палаты представителей Национального собрания (ст. 99).

Далее Конституционный Суд Беларуси, как и Конституционный Совет Казахстана, *в порядке предварительного контроля вынужден рассматривать закон в целом – уже принятый, но не подписанный*. Это лишает их возможности вдаваться в детали, которые возникают в процессе правоприменения. Специализированные органы конституционного контроля могут только теоретически представить возможные проблемы рассматриваемой нормы на практике.

Другим аспектом их участия в законодательном процессе является корректировка рассматриваемого закона в случае, если выявлена его неконституционность. Также в Беларуси Конституционный Суд выработал интересную практику: в рамках предварительного контроля он выявляет и указывает в своих решениях на определенные недостатки, но при этом признает закон не противоречащим Конституции. Так, например, при оценке конституционности Закона «Об охране труда» Конституционный Суд отмечает, что законодателем не полностью соблюден принцип правовой определенности. При проведении освидетельствования работающего при наличии достаточных оснований предполагать о его нахождении в состоянии опьянения применяется критерий оценочного характера, который зависит от субъективного усмотрения должностного лица работодателя, принимающего решение о проведении данного освидетельствования. На практике работающий может отказаться от прохождения данного освидетельствования, однако в Законе не регламентируется, как действовать работодателю в случае такого отказа.

С учетом выявленного конституционно-правового смысла Конституционный Суд обратил внимание правоприменителей на следующее. Работодатель может провести освидетельствование работающего на предмет его нахождения в состоянии опьянения – в случае отказа работника от проведения освидетельствования работодателем либо невозможности надлежащего проведения освидетельствования – в организации здравоохранения, иной организации, осуществляющей в установленном порядке медицинскую деятельность. Таким образом, отмеченные правовые позиции являются неотъемлемой частью принятого закона и распространяются как на правоприменителя, так и на законодателя.

Также Конституционный Суд Беларуси отметил, что выявленная неопределенность не влияет на общий вывод о направленности положений Закона на эффективное регулирование общественных отношений в области охраны труда и реализацию установленного Конституцией права граждан на здоровые и безопасные условия труда, поэтому соответствует Конституции по содержанию норм, форме акта и порядку принятия Закона [8]. Таким образом, реализуя полномочия конституционного контроля через предварительную проверку, Конституционный Суд Беларуси сочетает нормотворческую активность и самостоятельное (как прямое, так и опосредованное) нормотворчество.

В Казахстане предварительный контроль чаще всего проводился по инициативе главы государства, что, несомненно, свидетельствует об активном выполнении им своей функции как гаранта незыблемости Конституции. Кроме того, с просьбой о такой проверке обращались Премьер-министр (четыре обращения), Председатель Сената (одно обращение), совместное обращение председателей палат Парламента РК (одно обращение), группа депутатов палат Парламента (четыре обращения) [9].

Следующие аспекты предварительного контроля – особенности нормотворческой активности. Во-первых, он позволяет оперативно предупреждать нарушения конституционной законности, способствуя стабильности законодательства. Во-вторых, сохраняет престиж высшего законодательного органа страны, устраняя проблему отмены множества подзаконных актов. В-третьих, дает возможность Президенту, а также Премьер-министру как субъектам обращения пресекать всякие попытки Парламента перераспределить полномочия между ветвями власти. Вместе с тем незначительное число обращений, рассмотренных Конституционным Советом, показывает, что его потенциал как специализированного органа, призванного обеспечить верховенство Конституции на всей территории Республики, используется недостаточно. Казахстанские ученые указывают на низкое качество законов и обширную практику их частых изменений и дополнений на самых различных уровнях, объясняя эту ситуацию следующим:

– во-первых, законодательные акты Республики Казахстан разрабатывались и принимались по вопросам, которые ранее не были предметом законодательного регулирования и издавались для сфер иных нормативных актов;

– во-вторых, законами впервые вводились новые правовые принципы и решения, связанные с вопросами органов государственной власти, собственности, труда, малого и среднего бизнеса и др. [10. С. 23; 11. С. 4].

Для сравнения: во Франции все органические законы до их промульгации должны быть представлены на заключение Конституционного Совета [12. P. 437–440]. Что же касается обычных законов, то они могут быть переданы до промульгации в Совет не только Президентом республики, Премьер-министром, председателями Национального собрания и Сената, но и 60 депутатами или 60 сенаторами. Многие французские исследователи отмечают, что предоставление права обращения в Конституционный Совет Франции членам палат парламента вызвало значительную активизацию деятельности Конституционного Совета [13. P. 991; 14. P. 1007; 15. С. 65]. Так, известный юрист М. Дюверже подчеркивает, что в результате меньшинство Национального собрания или Сената получило возможность обжаловать любой закон, принятый большинством. В связи с тем что оппозиция активно использует предоставленное ей реформой право обращения в этих целях в Конституционный Совет, надзор за конституционностью законов занимает с 1974 г. наиболее существенное место в его деятельности [16. С. 88]. На рассмотрение Конституционного Совета Франции помимо органических законов пере-

даются наиболее важные. Если закон объявляется неконституционным, он не может быть ни обнародован, ни введен в действие. Следует отметить, что обычный закон, принятый парламентом, может быть объявлен неконституционным не только вследствие его несоответствия Конституции, но также по причине расхождения с органическим законом [16. С. 89].

В то же время практика деятельности Конституционного Совета Франции показала, что предварительного контроля недостаточно, необходим также последующий конституционный контроль. Его отсутствие или неполнота уменьшают силу решений Конституционного Совета, поскольку содержащиеся в законах неконституционные положения не проходят последующий контроль и не признаются неправовыми [17. С. 186].

Члены Конституционного Совета Казахстана также считают, что помимо предварительного конституционного контроля Совет должен быть наделен правом последующей проверки конституционности законов [18. С. 189]. Мировая практика специализированных органов, которые наделены правом предварительного конституционного контроля, свидетельствует, что наибольшую эффективность может обеспечивать его сочетание с последующим конституционным контролем. В марте 2017 г. Глава Республики Казахстан как основной гарант незыблемости Конституции был наделен правом обращения в Конституционный Совет по вопросам проверки конституционности законов, вступивших в силу.

Следующая особенность нормотворческой активности – факультативный предварительный конституционный контроль (Казахстан) и тотальный предварительный конституционный контроль в отношении всех принимаемых законов Парламентом (Беларусь).

Отмеченная особенность, как показывает практика, позволяет Конституционному Совету Казахстана в случае признания принятого закона не соответствующим Конституции Республики возвращать его на доработку в Парламент для устранения выявленных несоответствий. В деятельности Конституционного Совета Казахстана существовал ряд прецедентов, когда законы, признанные не соответствующими Конституции Казахстана и, соответственно, возвращенные в Парламент, депутатами не рассматривались, т.е. их просто «хоронили». Так, например, в январе 2011 г. в результате обращения Президента Казахстана в Конституционный Совет был проверен на соответствие положениям Конституции Закон «О внесении изменения и дополнения в Конституцию Республики Казахстан», который предусматривал возможность продления республиканским референдумом полномочий действующего Главы государства. Нормативным постановлением Конституционного Совета проверяемый закон был признан не соответствующим Конституции Казахстана [19].

Конституционный Совет указал на возможный дисбаланс государственных и общественных институтов, который мог бы возникнуть при внесении в Конституцию Казахстана такого порядка продления полномочий Главы государства. Нормативность и общеобязательность указанного решения не могут быть оспорены в соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан. До настоящего времени депутаты Парламента к этому вопросу не обращались.

Самым активным участником обращений в Конституционный Совет для инициирования предварительной проверки закона выступает президент. Так, 16 обращений из 26 инициировались Главой государства. 16 законов, конституционность которых проверялась по запросам Президента Казахстана, были признаны не соответствующими Конституции. Отмеченное позволяет сделать вывод о том, что Конституционный Совет гармонизирует взаимоотношения президента с законодательной властью и помогает ему избежать накладывания прямого вето на закон. В случае, если Конституционный Совет признает закон не соответствующим Конституции, он подлежит пересмотру. Если главой государства накладывается прямое вето, оно может быть преодолено квалифицированным большинством депутатов Парламента. Таким образом, используя дополнительный правовой механизм, Президент Республики выступает гарантом незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Практика Конституционного Совета Казахстана подтверждает его существенную роль в недопущении ограничения системы действующего права от неконституционных норм. Его решения способствуют дальнейшей реализации правовых идей и принципов Конституции Казахстана, которые должны воплощаться в законодательных, организационных и других мерах. Анализируя полномочия в сфере нормотворческой активности, ученые обращают внимание на то обстоятельство, что в распоряжении парламента нет правовых средств обеспечения введения в действие спорного закона [20. С. 17.].

В Беларуси подобных прецедентов признания не соответствующими Конституции законов в порядке предварительного конституционного контроля в практике Конституционного Суда не отмечено. Так, за период 2008–2019 гг. Конституционным Судом Беларуси в порядке обязательного предварительного конституционного контроля было проверено более 600 законов, вступивших в силу в 2014 г. – 55 законов, в 2015 г. – 50, в 2016 г. – 53, в 2017 г. – 31, в 2018 г. – 40 законов [21]. Все они были признаны соответствующими Конституции Беларуси. Такая практика, по мнению авторов, имеет двойственную природу: с одной стороны, она связана с отсутствием четкого законодательно урегулированного механизма реализации решений в случае признания рассматриваемого закона Конституционным Судом Беларуси не соответствующим Конституции республики. С другой стороны, Конституционный Суд выносит решения о соответствии Конституции положений законов и тем самым осуществляет констатацию презумпции конституционности закона – это, в свою очередь, характеризует Суд как орган, активно использующий принцип разумной сдержанности.

При этом, как уже отмечалось, Конституционный Суд Беларуси выработал оригинальную практику – в своих решениях при стопроцентной конституционности законов он отмечает необходимость повышения

их качества и правовой определенности, а также обращает внимание на регулярное выявление правовых коллизий. Далее акцентирует внимание на том, что отмеченные вопросы требуют дальнейшей проработки рассмотренного закона, о чем ежегодно указывается в посланиях о состоянии конституционной законности. При этом формируются правовые позиции, касающиеся особенности правоприменения рассмотренных законов, которые являются неотъемлемой частью данного закона. Отмеченную особенность, по мнению авторов, следует отнести к самостоятельному прямому конституционно-контрольному нормотворчеству.

Нормотворческая активность считается важнейшей конституционной задачей и обязанностью всех государственных органов и должностных лиц, которая успешно решается сформировавшимися правовыми институтами [22. С. 11]. Нормативность и общеобязательность решений Конституционного Суда (Совета) не подлежат сомнению в силу прямого указания законодательства о нормативных правовых актах исследуемых стран.

Анализ практики нормотворческой активности органов конституционного контроля Республики Беларусь и Республики Казахстан позволяет выявить ряд правовых позиций о нормативности вынесенных решений. Так, например, Конституционный Суд Республики Беларусь в итоговом решении в порядке предварительного контроля пришел к выводу о том, что его заключения и решения являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат; действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими государственными органами, иными организациями, должностными лицами. Конституционный Суд дает оценку позиции законодателя или иного нормотворческого органа, признавая нормативный правовой акт или его отдельные нормы соответствующими (не соответствующими) Конституции. В связи с этим значение заключений и решений Конституционного Суда Беларуси определяется не только конституционно-правовым статусом данного органа, его независимым положением, но и принципом верховенства права [23]. Отметим существенное расхождение этой позиции с положениями Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве». Так, ст. 85 указанного Закона устанавливает, что решение Конституционного Суда о несоответствии закона Конституции, принятое в порядке обязательного предварительного контроля, *может являться основанием для возвращения Президентом* ***Республики Беларусь*** *закона с возражениями либо подписания им закона с возражениями на его отдельные положения*. Таким образом, с одной стороны, Закон Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» императивно не устанавливает обязанность Парламента по доработке закона в случае признания его неконституционным, но делегирует право такого решения Главе государства. С другой стороны, Конституционный Суд – исходя из своего конституционного положения и статуса выносимых решений – усиливает их правовую природу собственными правовыми позициями. Следовательно, Конституционный Суд, реализуя нормотворческую активность в законодательном процессе, усиливает нормативность решений собственными правовыми позициями.

Имеющийся опыт осуществления предварительного контроля в Республике Беларусь и Республике Казахстан позволяет выявить резерв некоторых направлений совершенствования российского законодательства в этой части. Следует отметить, что еще в период становления действующего российского законодательства о конституционном контроле именно эта его разновидность активно обсуждалась.

Так, предлагалось наделить Конституционный Суд РФ полномочиями по осуществлению предварительного конституционного контроля актов, вносящих изменения в Конституцию РФ [24. С. 6–12; 25 С. 129]. Возможность предварительного конституционного контроля решительно отрицалась как выходящая за рамки полномочий Конституционного Суда РФ [26. С. 92]. Кроме того, обосновывалась необходимость предварительного конституционного контроля положений законов, не введенных в действие, при условии, что сам закон уже введен в действие [27. С. 78–79], либо проектов не только законов, но и иных нормативных правовых актов [28. С. 406–408]. Вносились предложения об учреждении особого внесудебного органа, наделенного исключительными полномочиями по осуществлению конституционного контроля [29. С. 39–47].

Как видно, актуальность вносимых предложений сохраняется в течение длительного времени. При этом следует безоговорочно согласиться с позицией, в соответствии с которой предварительный конституционный контроль может осуществляться в отношении норм, не одобренных на референдуме [30. С. 311]. Обоснованным представляется тезис о возможности проверки конституционности поправок в тексте Конституции [31. С. 65].

В связи с изложенным нормотворческая активность Конституционного Суда РФ может проявляться в случае предоставления ему права проведения консультаций в отношении проектов законов до их передачи на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – по тексту Государственная Дума ФС РФ). Во-первых, это позволит конструктивно использовать накопившийся объем правовых позиций в законотворческой деятельности. Во-вторых, будет минимизирована вероятность сугубо формального исполнения решений, постановленных в процессе конституционно-контрольного нормотворчества [32]. Такая процедура позволит Правительству РФ согласовывать с Конституционным Судом проект закона до внесения его в Государственную Думу ФС РФ.

Таким образом, возможность консультации по проектам законов до утверждения их окончательного текста субъектом законодательной инициативы и до внесения в парламент представляется резервом. Такая консультация позволит не только не допускать включение в систему права неконституционных норм, но и повысит концептуальное исполнение уже постановленных решений, а также поможет избежать «связы-

вания» Конституционного Суда РФ с текстовым содержанием будущего закона. Кроме того, подобная консультация минимизирует возможность ограничения прав и свобод граждан, интересов организаций федеральными законами, устанавливающими ответственность либо криминализирующими деяния.

Так, например, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 апреля 2014 г. № 10-П признал не соответствующим Конституции РФ наличие слишком высокого минимального порога административного штрафа и тем самым конституционализировал дифференцированное определение вида или размера наказания [33]. Кроме того, в Постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П он обратил внимание на то, что федеральный законодатель, исходя из возможности ограничения прав и свобод, должен руководствоваться принципом соразмерности (пропорциональности) и разумности таких ограничений, а также соблюдать баланс конституционно защищаемых ценностей. Поэтому, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, он обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии [34].

В современный период в научной доктрине большое внимание уделяется тому, что Конституционный Суд РФ должен сам решать вопросы, связанные с проблемами исполнения собственных решений. Вместе с тем представляется, что претворение в жизнь решений Конституционного Суда РФ является обязанностью всех органов государственной власти. В связи с этим предлагается в соответствующих правовых отделах органов государственной власти проводить конституционно-правовую экспертизу проектов законов. В этой связи усматривается резерв в сфере проведения такой экспертизы проектов законов, например, правовым управлением Аппарата Государственной Думы ФС РФ. На региональном уровне возможно организовать проведение подобных конституционных экспертиз при правовом отделе высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Отмеченное не только будет способствовать соответствующей реализации решений Конституционного Суда РФ, но и позволит эффективнее претворять в жизнь решения конституционных (уставных) судов в субъектах [35].

Координационным органом может выступить «Совет по развитию конституционализма при Президенте Российской Федерации» [36], который два раза в год будет проводить совместные мероприятия с представителями правовых отделов при органах государственной власти. На заседаниях Совета будут обсуждаться дискуссионные вопросы, а также осуществляться поиск компромиссных решений. Это будет способствовать реализации ст. 80 (ч. 2) Конституции РФ. В случае возникновения вопросов на основании ст. 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Совет по развитию конституционализма при Президенте РФ будет обращаться в Конституционный Суд РФ с ходатайством об официальном разъяснении решений.

Рассматривая особенность нормотворческой активности, следует уделить внимание *партисипаторному (участвующему) сегменту*. Так, например, в партисипаторном нормотворчестве Конституционного Суда РФ можно увидеть тенденцию к установлению взаимосвязи национального законодательства, конституционных положений, общепризнанных принципов и норм международного права. Структурируя мотивировочную часть решения, Конституционный Суд РФ задает границы его нормативности и формулирует объем обязательств законодателя и пределы использования решения правоприменителем. Например, признав невозможным исполнение решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «“ЮКОС” против России» в Постановлении от 19 января 2017 г. № 1-П, Конституционный Суд РФ защитил бюджетную систему, предписав ни при каких обстоятельствах, даже в порядке доброй воли, не производить выплаты из доходной и расходной частей бюджета. Соответственно, пределы возможного проявления доброй воли могут быть связаны только с деятельностью органов исполнительной власти, уполномоченных на выявление имущества ликвидированных юридических лиц (подразделения ФССП России). Для этого в Постановлении был проведен комплексный анализ положений национального законодательства и норм международного права, что позволило избежать существенных расходов из федерального бюджета.

Далее элементы партисипаторного нормотворчества в практике Конституционного Суда РФ в сфере избирательных прав позволяют совершенствовать избирательный процесс. Например, в Постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П Конституционный Суд РФ указал, что конституционной природой избирательных прав предопределяется обязанность государства создавать условия, которые обеспечивали бы адекватную реализацию гражданами права на участие в управлении делами государства [37]. Непосредственно в Конституции РФ установлено, что не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Достаточно интересным в данном контексте представляется и следующее обстоятельство. Европейский суд по правам человека в Постановлении от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» признал, что непосредственно эти положения российской Конституции (а не запрет избираться лицам, ранее осужденным за совершение тяжких и особо тяжких преступлений и отбывших наказание) входят в противоречие со ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В связи с этим необходимо урегулировать данную коллизию путем политического процесса либо путем дачи официального толкования Конституции. В отношении этого решения судьей Конституционного Суда РФ С.Д. Князевым было сформулировано особое мнение, в котором указывалось, что ЕСПЧ в данном случае не учитывает внутригосударственную иерархию правовых норм и прямое действие российской Конституции [38. С. 512]. Кроме того, конкуренция правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ привела к наделению последнего новыми полномочиями и раз-

витию нормотворческой активности Конституционного Суда.

Анализируя запреты на занятие должностей, установленные в связи с наличием судимости для разных категорий лиц, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что все они, за исключением запрета быть избранным, являются законодательно обоснованными, связанными с особой правовой природой совершенного преступления или занимаемой должности.

В резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ оспариваемая норма, во-первых, признана соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой может применяться для занятия такими лицами выборных публичных должностей после отбытия ими наказания. Во-вторых, она признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой ей установлено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений. Таким образом, орган конституционного контроля выявил неконституционность возложенных на граждан правоограничений.

В практике Конституционного Суда Республики Беларусь принято обращаться к общепризнанным принципам и нормам международного права, интерпретируя их с учетом национально-культурных особенностей вынесенных решений в порядке партисипаторного нормотворчества. При этом минимизируется гипотетический дисбаланс, выражающийся в следующем примере. В белорусской юридической науке отмечается, что выполнение предписаний Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) будет содействовать становлению в Республике Беларусь демократического правового государства [39. С. 112–129]. Поэтому в практике Конституционного Суда положения ЕКПЧ применяются с национальной окраской и с учетом государственной специфики, что способствует их более эффективной реализации [40]. Фактически Конституционный Суд формулирует собственное конституционно-правовое понимание международных норм и единые доктринально-конституционные начала своих решений. Конституция Республики Беларусь устанавливает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, но при этом Республика Беларусь не ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, поэтому деятельность органа конституционного контроля строится на расширительном толковании конституционных положений об общепризнанных принципах и нормах международного права.

Вместе с тем существует практика принятых в порядке предварительного конституционного контроля решений, которая, с одной стороны, устанавливает стопроцентную конституционность принимаемых законов. С другой стороны, Суд, признавая законы соответствующими Конституции Беларуси, в своих решениях указывает на необходимость их совершенствования, что заставляет некоторых белорусских ученых сомневаться в эффективности обязательного предварительного контроля [41. С. 6–18]. Их сомнение подкрепляет практика рассмотрения жалоб на нарушение прав и свобод человека международными органами. Так, в 1997–2019 гг. на рассмотрении Комитета по правам человека ООН находилось более 130 индивидуальных сообщений, поступивших от граждан Республики Беларусь [42]. Вынесенные решения касались основных прав и свобод человека: свободы выражения своего мнения (дела № 780 / 1997, № 921 / 2000, № 1553 / 2007), права избирать и быть избранным (дела № 814 / 1998, № 927 / 2000), свободы ассоциаций (дела № 1039 / 2001, № 1296 / 2004), права на жизнь, свободы от пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (дела № 886 / 1999, № 887 / 1999), свободы мысли, совести и религии (дело № 1207 / 2003), права быть судимым без неоправданной задержки (дело № 1178 / 2003). По утверждению заявителей, обращения международных организаций, включая решения Комитета по правам человека ООН, игнорируются Белорусским государством [43. С. 5–15]. Верховный комиссар ООН по правам человека, представители ЕС и правозащитные организации (Human Rights Watch, Amnesty International) неоднократно делали заявления о нарушениях прав человека в Республике Беларусь [44].

Как справедливо отмечает председатель Конституционного Суда Беларуси в отставке Г.А. Василевич, «права и свободы человека в Беларуси не всегда соответствуют европейскому пониманию, тем не менее, в нашем государстве формируется собственная с учетом национально-культурной идентичности концепция прав» [45. С. 3–11]. О том, что общеевропейский тип правопонимания общечеловеческих ценностей отличается от американского, говорят и отечественные юристы [46. С. 171–190].

В Казахстане в практике Конституционного Совета, как и в деятельности Конституционного Суда РФ и Конституционного Суда Беларуси, активно используется опыт обращения к международным правовым актам [47. С. 84–89]. В отличие от России и Беларуси, в Казахстане законодательно закрепленные полномочия у Конституционного Совета в сфере признания конституционности решений межгосударственных органов отсутствуют. При этом на основании официального толкования Конституции Казахстана Конституционный Совет вывел такую возможность, а именно право признания решений межгосударственных образований, нарушающих суверенитет Республики, а также ущемляющих права человека, неконституционными [48].

В целом справедливым представляется утверждение о том, что в странах молодой демократии не все критерии, определяющие процесс демократизации общественных отношений, оказываются приемлемыми [49. С. 5].

Следующий критерий партисипаторного нормотворчества – проверка нормативных правовых актов органов исполнительной власти и актов самой мощной политической фигуры – президента.

В Казахстане, например, речь идет о конституционности законов, издаваемых Главой государства на основе делегирования Парламентом законодательных полномочий, и указов, имеющих силу закона, по-

скольку юридическая сила таких законов равна юридической силе законов, принятых Парламентом. Вместе с тем казахстанскими учеными высказывались предложения о необходимости закрепить в Конституции положение об обязательной передаче таких законов (до их официальной публикации), равно как и указов, имеющих силу закона, в Конституционный Совет для проверки их конституционности [50. С. 92–94; 51. С. 32; 52. С. 33]. Ничем не ограниченный институт делегированного законодательства ставил Парламент в подчиненное положение перед президентом в своей основной функции – законотворческой. Отсутствие контроля за вышеназванными актами является, на наш взгляд, серьезным недостатком. Подобные ограничения представлялись в казахстанских политико-правовых реалиях неоправданными. Эффективность конституционного контроля связывалась с необходимостью ограничения не только законодательной ветви власти, но и исполнительной. Это тем более актуально в условиях устоявшейся тенденции усиления исполнительной власти и расширения их нормотворчества.

Характерно, что члены Конституционного Совета, как показало проведенное автором анкетирование, также полагали, что предварительный контроль в отношении законов, принимаемых президентом в порядке делегированного законодательства, а также в отношении указов президента, имеющих силу закона, необходим. Такое право принадлежало президенту (издание указов, имеющих силу закона, в том числе конституционного закона, а также право делегированного законодательства) до марта 2017 г.

В Беларуси схожая ситуация с актами главы государства. Теоретически Конституционный Суд вправе их рассматривать, но на практике таких случаев нет. Так, например, в связи с поступлением в Конституционный Суд Беларуси электронных обращений граждан о проверке конституционности Декрета Президента от 2 апреля 2015 г. № 3 «О предупреждении социального иждивенчества», а также о возбуждении производства по делу об исключении коллизий в правовом регулировании секретариат Конституционного Суда сообщает следующее [53]. Во-первых, возбуждение Конституционным Судом производства по делу о проверке конституционности Декрета и дача заключения о его соответствии Конституции возможны только в случае внесения соответствующего предложения уполномоченным органом. Во-вторых, в результате изучения вопросов, поставленных в обращениях, в соответствии со ст. 158 Закона «О конституционном судопроизводстве» и п. 49 и 51 Регламента Конституционного Суда пробелов, коллизий и правовой неопределенности, имеющих конституционно-правовое значение и являющихся основанием для возбуждения Конституционным Судом производства по делу, не выявлено. В-третьих, гражданам рекомендовано ознакомиться с решениями Конституционного Суда, в которых оценивалась конституционность в части отнесения сбора на финансирование государственных расходов, введенного Декретом. В частности, Конституционный Суд пришел к выводу, что такое правовое регулирование основывается на положениях ст. 56 и 133 Конституции и направлено на исполнение обязанности платить законно установленные налоги, пошлины и иные платежи [54].

В Российской Федерации акты Главы государства не обладают таким статусом, как в Казахстане и Беларуси. Особую роль в правовой характеристике указов Президента сыграл Конституционный Суд, при этом его активность проявлялась в 90-х гг. прошлого века. Конституционный Суд предложил собственные трактовки основных характеристик актов Президента РФ: не являющиеся нормативными [55], нормативные [56] и акты, регулирующие общественные отношения, которые требуют законодательного решения [57]. Д.Ю. Скуратов отмечает, «норма статьи 90 Конституции РФ прямо не предписывает того, что акты Президента не только не должны противоречить федеральному законодательству, но и издаются на основе и во исполнение его, что естественно порождает и теоретические споры» [58. С. 141]. При этом одни авторы относят акты Главы государства к числу нормативных [59], другие утверждают, что данные акты нельзя рассматривать как подзаконные в чистом виде, поскольку, будучи гарантом Конституции РФ (ч. 2 ст. 80), Президент вправе осуществлять нормативное регулирование не только на основании закона, но и в его отсутствие. «В условиях отсутствия закона указы Президента, восполняющие законодательные пробелы, являются настоятельной необходимостью» [60. С. 33].

Далее рассмотрим аспект партисипаторного нормотворчества при реализации полномочий в сфере проверки нормативных актов органов исполнительной власти специализированными органами конституционного контроля трех исследуемых стран.

В настоящее время в Казахстане постановления Кабинета министров, нормативные акты министерств, государственных комитетов и ведомств могут стать объектом только последующего конституционного контроля при наличии двух условий: если они связаны с конкретным применением и если они нарушают конституционные права и свободы граждан. Но акты исполнительной власти могут гипотетически нарушить не только конституционные права человека. Например, они могут ущемить статус политических партий. Однако в данном случае такой акт нельзя оспорить в Конституционном Совете. Для реализации решений Конституционного Совета постановлением Правительства Казахстана утвержден Комплексный план мероприятий по приведению системы действующего права в соответствие с нормами Конституции РК [61], который предусматривает меры, направленные на исполнение рекомендаций Конституционного Совета, изложенных в его постановлениях и ежегодных посланиях.

В России, как отмечает С.М. Казанцев, Конституционный Суд постепенно формирует и уточняет правовые позиции о постановлениях Правительства Российской Федерации, которые подлежат проверке только в случаях делегированного законодательства и не проверяются в случаях издания правительственных актов в порядке первичного регулирования [62. С. 5]. В частности, если Конституционный Суд усматривает отсутствие нормативной связи между законом и нор-

мативным актом Правительства РФ в тех случаях, когда постановление Правительства принято во исполнение указа Президента РФ, а не федерального закона, то он признает такую жалобу недопустимой [63].

В Беларуси Конституционный Суд на основании поступающих обращений государственных органов, иных организаций, а также граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, содержащих информацию о наличии в нормативных правовых актах пробелов, коллизий и правовой неопределенности, вносит предложения в нормотворческие органы по их устранению в правовом регулировании, которые своевременно реализуются Советом министров Республики Беларусь. Основанием для возбуждения производства по таким делам является ч. 1 ст. 158 Закона «О конституционном судопроизводстве» [64].

При всей важности формулируемых Конституционным Судом Беларуси правовых позиций по делам в сфере выявления правовых пробелов отметим некоторые особенности. Вносимые предложения не содержат сроков исполнения. Не выявляется конституционно-правовой смысл рассматриваемых положений, который мог бы учитываться судами, и отсутствуют рекомендации, обязательные для использования в судебной практике. В актах Конституционного Суда Беларуси, выносимых по результатам рассмотрения обращений граждан, не создается условий для пересмотра дела заявителя. В этой связи некоторые исследователи полагают, что эти акты могут не обладать нормативностью вообще (за исключением заключений Конституционного Суда Беларуси) [65. С. 115–126].

Исходя из изложенного, хотелось бы отметить следующее. Решения, принимаемые специализированными органами конституционного контроля трех исследуемых стран, в рамках нормотворческой активности и партисипаторности, с точки зрения нормотворческого потенциала, не отличаются от решений, принимаемых в рамках самостоятельного нормотворчества. Наряду с этим конституционно-контрольная деятельность в рамках предварительного контроля – это часть законодательной процедуры, за которую ответствен Парламент. При этом обозначенная специфика в исследуемом контексте не носит принципиального характера. Она определяет особенности процедуры – сокращенные сроки рассмотрения законов или обязанность специализированных органов конституционного контроля рассматривать в целом этот закон, уже принятый, но не подписанный. Указанная специфика лишает как Конституционный Суд Беларуси, так и Конституционный Совет Казахстана возможности «упираться» в детали, которые порождаются при правоприменении. Они могут только теоретически представить особенности рассматриваемой нормы в практической работе.

Есть положительный аспект участия в этой сфере – Конституционный Суд Беларуси, как и Конституционный Совет Казахстана, в случае выявления неконституционности сразу ставит задачи перед законодательным органом. Они запускают дополнительно еще и законодательный процесс в корректировке действующего законодательства.

В Беларуси Конституционный Суд выработал интересную практику: в рамках предварительного контроля он выявляет и указывает в своих решениях на определенные недостатки, дает казуальное толкование для правоприменителя и при этом признает закон не противоречащим Конституции. Отмеченные правовые позиции являются неотъемлемой частью принятого закона и распространяются на правоприменителя. При этом законодатель в будущем должен привести рассмотренный Конституционным Судом закон в соответствие с его правовой позицией. Таким образом, реализуя полномочия в области конституционного контроля в порядке предварительной проверки, Конституционный Суд Беларуси сочетает самостоятельное (как прямое, так и опосредованное) нормотворчество и нормотворческую активность.

С точки зрения юридической природы решение, принятое в порядке предварительного контроля, образует эквивалентную нормативность, как и в рамках последующего контроля. Нормативное правило поведения, появившееся в рамках предварительного контроля, по закону, который еще не начал работать, – это правовая позиция о конституционности / неконституционности закона. Правовая позиция, созданная в рамках предварительного контроля, пополняет общую базу правовых позиций специализированных органов конституционного контроля и оказывает влияние на дальнейшую работу если и не применительно к этому закону, то применительно к этому же типу правового регулирования, которое может осуществляться другими актами. Соответственно, при выборе такой модели правового регулирования необходимо учитывать особенность именно той правовой позиции, которая высказана на этой стадии.

С одной стороны, как отмечает А.Н. Кокотов, эта позиция в будущем даже «мешает» специализированным органам конституционного контроля, осуществляющим предварительный конституционный контроль, поскольку лишает возможности увидеть своеобразие нормы в правоприменительной практике, и поэтому на будущее они в определенной степени связаны уже высказанной позицией. С другой стороны, в случае изменения фактических обстоятельств специализированные органы конституционного контроля могут скорректировать свое решение.

Например, в Конституционный Совет Франции обращение в порядке последующего контроля не может быть передано, если «были ранее признаны соответствующими Конституции в мотивировочной или резолютивной части решения Конституционного Совета, за исключением случаев изменения обстоятельств» [66]. Данного рода изменения могут касаться как правовых норм, так и фактических обстоятельств [67. С. 118].

В Беларуси, как отмечает Председатель Конституционного Суда П.П. Миклашевич, в отношении законов, которые признаны соответствующими Конституции в порядке предварительного контроля, «… Конституционный Суд Беларуси не лишен права проверки этих законов и в порядке последующего контроля» [68].

В Казахстане в подобных ситуациях обращаются в Конституционный Совет для дополнительного разъяснения решения. Так, по обращению Центральной избирательной комиссии, Конституционный Совет в дополнительном постановлении об истолковании своего предыдущего решения, в котором рассматривался закон, признанный соответствующим Конституции в порядке предварительного контроля, отметил следующее: «*В Конституции Республики Казахстан прямо не утверждается* (здесь и далее курсив наш. – *Г.В., И.О.)*... В постановлении Конституционного Совета от 9 апреля 2004 г. № 5 *также не содержится такого положения.* Вместе с тем, как отмечается в пункте 4 нормативного постановления Конституционного Совета от 18 апреля 2007 г. № 4 [69], при реализации прямого действия нормы Конституции *следует учитывать положение соответствующего закона или иного нормативного правового акта*. Поэтому анализ и оценка норм Конституции и постановления Конституционного Совета от 9 апреля 2004 г. № 5 в совокупности с нормами Закона… и иных законодательных актов показывают, что *государство может и должно определять порядок*…» [70].

Таким образом, в дополнительном постановлении Конституционный Совет вывел новое правило, которое отсутствовало в толкуемом постановлении, и это подтверждает возможность корректировки в будущем несмотря на принятые решения в порядке предварительного конституционного контроля.

Во французской практике конструкция пересмотра правовых позиций не просто признана, но и детально разработана. Например, в решении от 3 декабря 2009 г. Конституционный Совет уточнил, что может быть принято во внимание изменение применимых норм и обстоятельств права и факта [71. P. 213], воспроизведя деление, разработанное в практике Государственного Совета [72]. В то же время в его собственной практике понятие «изменение обстоятельств» пока употреблялось только в отношении изменения норм или решений Конституционного Совета, т.е. обстоятельств права.

Подобное изменение обстоятельств может происходить и в практике среди специализированных органов, не обладающих правом предварительного контроля. Так, например, Конституционный Суд РФ, как и Федеральный Конституционный Суд ФРГ, не связан жесткими рамками ранее принятых правовых позиций [73. С. 3–9]. В Германии механизм отхода от ранее сформулированных правовых позиций закреплен в Законе «О Федеральном Конституционном Суде Германии», а также в § 48 Регламента ФКС ФРГ. Отмеченное обусловлено тем, что изменение жизненных реалий может приводить и к отступлению от ранее сформулированных правовых позиций. При этом их корректировка не означает отмены уже принятого решения и не приводит к пересмотру в целом практики Конституционного Суда. Его решение сохраняет юридическую силу и не подлежит пересмотру, остается в силе и сформулированная в нем правовая позиция. Конституционный Суд может вернуться к ней в будущем, когда она будет соответствовать новым жизненным реалиям.

Аналогичный механизм отхода от ранее сформулированных правовых позиций Конституционного Суда РФ содержался в ст. 73 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в редакции, действовавшей до принятия Федерального конституционного закона от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации“» [74]). Так, проверяя конституционность положений Таможенного кодекса РФ (о допустимости внесудебной конфискации имущества), палата Конституционного Суда в 1997 г. вынесла Постановление [75], в котором *признала соответствующими Конституции проверяемые нормы*. Спустя год, 11 марта 1998 г., Пленум Конституционного Суда в Постановлении по делу о проверке конституционности ст. 266 Таможенного кодекса *признал соответствующие законоположения неконституционными* исходя из того, что конфискация имущества может иметь место только в судебном порядке [76]. Отход от ранее выраженных правовых позиций имел место и при проверке конституционности законоположений о приватизации жилья [77].

Кроме того, в практике Конституционного Суда имелись случаи, когда первоначальное решение формировалось в Пленуме Конституционного Суда РФ, а затем собственные позиции пересматривались. Так, в Постановлении от 21 декабря 2005 г. № 13-П Конституционный Суд РФ указал: «Поскольку положения Конституции России проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования, притом в развивающемся социально-историческом контексте, правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом России в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции России применительно к проверявшемуся нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, *могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования*» [78]. Таким образом, несмотря на отсутствие в законе механизма пересмотра собственных позиций, Конституционный Суд РФ своей практикой самостоятельно вывел такую форму и активно ее применяет в настоящее время.

Верховный Суд США, рассматривая закон Маккарена-Вуда о внутренней безопасности, принятый Конгрессом 23 сентября 1950 г., *признал его конституционным*, несмотря на то что «закон Маккарена-Вуда нарушал первую поправку Конституции США», о чем указывал в своем «особом мнении» член Верховного суда США Х. Блейк, голосовавший против признания этого закона конституционным. Спустя какое-то время, в ноябре 1965 г., Верховный суд США принял абсолютно противоположное решение и *признал положения закона Маккарена-Вуда неконституционными* [79]. Отход от ранее принятых правовых позиций допускает и Европейский суд по правам человека.

Таким образом, корректирование (уточнение и изменение) правовых позиций трех исследуемых стран соответствует мировой практике. В то же время в национальном законодательстве России, Республики Беларусь и Республики Казахстан отсутствуют критерии права пересмотра собственных позиций ввиду «изменения обстоятельств», а также детальный механизм такого пересмотра. Специализированные органы конституционного контроля России, Беларуси и Казахстана *оставляют за собой право решать*, когда и *при каких обстоятельствах будут пересмотрены правовые позиции*. Это *подтверждает особую роль конституционно-контрольного нормотворчества* [80. С. 112–122; 81. С. 219–231] и специфику нормотворческой активности.

Анализ нормотворческой активности органов конституционного контроля Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, ежегодные послания о состоянии конституционной законности создают условия для совершенствования законодательства и успешно реализуются в Республике Беларусь и Республике Казахстан. С учетом унификации имеющегося опыта правовая регламентация направления посланий Конституционным Судом России о состоянии конституционной законности в рамках специального производства выглядит целесообразной.

Во-вторых, факультативный предварительный конституционный контроль по обращению уполномоченных субъектов в Казахстане, как и тотальный предварительный конституционный контроль в отношении всех принимаемых законов Парламентом в Беларуси, позволяет специализированным органам конституционного контроля указанных стран участвовать в законодательном процессе.

Вместе с тем потенциал нормотворческой активности органов конституционного контроля в законодательном процессе заметно уступает возможностям их самостоятельного нормотворчества, поскольку отсутствует правоприменительная практика и, соответственно, возможная или гипотетическая правовая неопределенность рассматриваемых законов. В России нормотворческая активность в законодательном процессе проявляется только при проверке международных договоров до их ратификации. Выявлено фактическое, но неофициальное предоставление Конституционным Судом отзывов на проекты законов, поступающие из Государственной Думы ФС РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 года № 3-П (особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 20.07.2019).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 года № 6-П // Российская газета. 2015. 13 апр.
3. Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина Конституционного Суда РФ: общетеоретический аспект : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. С. 6.
4. Бержанин А.А. Конституционный контроль в Республике Беларусь: понятие, практика применения // Проблемы управления. 2008. № 3. С. 97–103.
5. Рогов И.И. Тезисы выступления на II Всемирной конференции по конституционному правосудию «Разделение властей и независимость конституционных судов и эквивалентных органов». URL: http://www.venice.coe.int/wccj/Rio/Papers/KAZ_Rogov_RUS.pdf (дата обращения: 05.06.2019).
6. Абыласимов М.Н. Юридическая природа актов Конституционного Совета Республики Казахстан // Вестник КарГУ. Сер. Право. 2013. № 1. С. 66–71.
7. Масловская Т.С. Компетенция специализированных органов конституционного контроля: Республика Беларусь и зарубежный опыт // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции : сб. материалов научн.-практ. конф. Минск : Веды, 2008. С. 101–102.
8. Решение Конституционного Суда Беларуси от 5 июля 2013 года № Р-839/2013 // Конституционный Суд Беларуси. URL: http://kc.gov.by/main.aspx?guid=31413 (дата обращения: 05.07.2019).
9. Официальный сайт Конституционного Совета Казахстана. Раздел «Статистическая и аналитическая информация» // Конституционный Совет Казахстана. URL: http://ksrk.gov.kz/rus/statanalitinfo/statistika/ (дата обращения: 05.07.2019).
10. Хитрин Ю. Соблюдение Конституции – гражданский долг каждого // Фемида. 2001. № 12. С. 23.
11. Туякбай Ж.А. Интервью с Председателем Мажилиса Парламента Казахстана // Юрист. Алматы. 2001. № 4. С. 4.
12. Debbasch Ch., Bourdon J., Pontier J.-M., Ricci J.-Cl. Droit Constitutionnel et institutions p. lotiques. P., 1983. P. 437–440.
13. Philip L. Bilan et effets de ia saisine du Conseil constitutionnel // Revue francaisedesciencepolitique. 1984. Aout-octobre. P. 991.
14. Favoreu L. Le Conseil constitutionnel et l'alternance // Revue francaisedesciencepolitique. 1984. Aout-octobre. P. 1007.
15. Гена И. Конституционное правосудие во Франции: итоги и перспективы // Конституционное правосудие на рубеже веков. М. : Норма, 2002. С. 65.
16. Керимов А.Д. Конституционный Совет Франции // Проблемы буржуазной государственности и политико-правовая идеология. М., 1990. С. 88.
17. Шампель Дэпла В. Проблема юридической силы и применение решений Конституционного Совета Франции // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : сб. докладов. М., 1999. С. 186.
18. Хитрин Ю. Конституционный Совет РК: особенности статуса и пути повышения эффективности его деятельности // Конституционное правосудие. 2002. № 1 (15). С. 189.
19. Нормативное постановление Конституционного Совета РК от 31 янв. 2011 года № 2 // Казахстанская правда. 2011. 1 фев.
20. Елеупова А.А. Осуществление конституционного контроля Конституционным Советом Республики Казахстан : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 17.
21. Послание Конституционного Суда Беларуси от 14 марта 2019 года // Конституционный Суд Беларуси. URL: http://www.kc.gov.by/ (дата обращения: 05.07.2019).
22. Гулякевич А.В. Контроль за конституционностью нормативных правовых актов в Республике Беларусь : дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2010. С. 11.
23. Решение Конституционного Суда РБ от 26 дек. 2013 г. № Р-878/2013 // Конституционный Суд РБ. URL: http://kc.gov.by/main.aspx?guid=33553 (дата обращения: 05.07.2019).
24. Брежнев О.В. Судебный контроль при пересмотре Конституции Российской Федерации и внесении в нее поправок: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 4. С. 6–12.
25. Витрук Н.В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 129.
26. Протокол совещания судей Конституционного Суда РФ 23 нояб. 1994 г. // Митюков М.А. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде России: некоторые политико-правовые дискуссии при разработке и принятии (1993–1994 гг.). М. : LAP, 2012. С. 92.

27. Нуянзин А.Н. Проверка конституционности законов Российской Федерации о поправках к конституции РФ // Конституционные чтения : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : СГЮА, 2001. Вып. 2. С. 78–79.
28. Несмеянова С.Э. К вопросу о возможности расширения предварительного контроля в деятельности Конституционного Суда РФ // Конституционный контроль : материалы междунар. конф. М. : Проспект, 2012. С. 406–408.
29. Дмитриев Ю.А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. 1999. № 6. С. 39–47.
30. Барнашов А.М., Митюков М.А. Очерки конституционного правосудия : сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики. Томск : Изд-во ТомГУ, 1999. С. 311.
31. Митюков М.А. Конституционные суды на постсоветском пространстве: сравнительное исследование законодательства и судебной практики. М. : МОНФ, 1999. С. 65.
32. Госдума игнорирует Конституционный Суд. Минюст подсчитал неисполненные решения КС // Коммерсант. URL: http://kommersant.ru/doc/2857260 (дата обращения: 05.07.2019).
33. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апр. 2014 года № 10-П // Российская газета. 2014. 18 апр.
34. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февр. 2017 года № 2-П // Российская газета. 2017. 15 фев.
35. Помощь в формировании и кадровом обеспечении окажет существующая в настоящий период межрегиональная ассоциация конституционалистов, члены которой проживают практически во всех субъектах Российской Федерации и поэтому смогут успешно справляться с подобной задачей как в регионах, так и на уровне федеральных органов государственной власти. URL: http://constitutionalist.ru (дата обращения: 20.07.2019).
36. Указанный Совет возможно создать на основании Указа Президента РФ «О Совете по развитию конституционализма при Президенте Российской Федерации». Подобный орган существует в Казахстане и способствует эффективной реализации решений Конституционного Совета (Совет по правовой политике при Президенте Республики Казахстан) // Официальный сайт Президента РК. URL: http://www.akorda.kz/ru/executive_office/presidential_councils/sovet-po-pravovoi-politike (дата обращения: 20.07.2019).
37. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 окт. 2013 года № 20-П // Российская газета. 2013. 16 окт.
38. Князев С.Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 512.
39. Василевич Г.А. Конституция – основа национальной правовой системы. Минск : Право и экономика, 2010. С. 112–129.
40. Решение Конституционного Суда РБ от 22 янв. 2001 года № Р-105/2001 // Конституционный Суд РБ. URL: http://www.kc.gov.by/ / (дата обращения: 20.07.2019).
41. Ульяшина Е.В. Универсальные стандарты прав человека и некоторые вопросы их реализации в Республике Беларусь // Вестник прав человека. 2010. № 1. С. 6–18.
42. The United Nation Human Rights Treaties. URL: http://www.bayefsky.com/complain/ccpr_outcomechart.php (дата обращения: 01.10.2019).
43. Вашкевич А.Е. Конституционно-правовой институт обращения в международные органы для защиты прав и свобод личности // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. / редкол.: Е.В. Бабкина, А.Е. Вашкевич (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2011. С. 5–15.
44. ЕС призвал Белоруссию ввести мораторий на смертную казнь // Интерфакс. URL: http://www.interfax.ru/world/401527 (дата обращения: 13.10.2019).
45. Василевич Г.А. Деятельность Конституционного Суда Беларуси по защите прав и свобод граждан // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 5. С. 3–11.
46. Лукьянова Е.А. О верховенстве права и российской внешней политике // Политическая концептология. 2016. № 1. С. 171–190.
47. Кембаев Ж.М. Действие международных договоров в Республике Казахстан // Право и государство. 2013. № 3. С. 84–89.
48. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 нояб. 2009 года № 6 // СПС Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz/ (дата обращения: 31.03.2019).
49. Клишас А.А., Еремян В.В. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование. М. : Международные отношения, 2015. С. 5.
50. Галямова Д.И. Институт конституционного контроля в политической системе: мировой опыт и Казахстан : дис. … канд. полит. наук. Алматы, 2000. С. 92–94.
51. Караев А.А. К вопросу о совершенствовании конституционно-контрольной системы Республики Казахстан // Право и государство : научный журнал КазГЮА. 2000. № 3. С. 32.
52. Котов А. Толкование Конституции и формирование прецедентного конституционного права // Конституционное правосудие. 2003. № 3 (21). С. 33.
53. О рассмотрении обращений граждан // Конституционный Суд Беларуси. URL: http://www.kc.gov.by/ (дата обращения: 31.03.2019).
54. Решение Конституционного Суда Беларуси от 28 дек. 2015 года № Р-1017/2015 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: www.pravo.by (дата обращения: 31.03.2019).
55. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 1995 года № 28-О // Конституционный Суд РФ : Постановления. Определения. 1992–1996. М., 1997.
56. Определение Конституционного Суда РФ от 15 нояб. 2007 года № 814-О-О (документ официально не был опубликован) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 20.08.2019).
57. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апр. 1996 года № 11-П // СЗ РФ. 06.05.1996. № 19. Ст. 2320.
58. Скуратов Д.Ю. Отдельные проблемы участия Президента РФ в правотворческом процессе / ред. С.А. Авакьян. М. : Юристъ, 2007. С. 141.
59. Колесников Е.В. Источники российского конституционного права. Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 1998. 196 с.
60. Абрамова А.И., Желялетдинова З.С., Митрофанов Ю.А., Мицкевич А.В. и др. Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Спарк, 1998. С. 33.
61. Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 апр. 2008 года № 355 // СПС Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz (дата обращения: 31.03.2019).
62. Казанцев С.М. Проверка подзаконных нормативных правовых актов Конституционным Судом РФ // Журнал конституционного правосудия. М. : Юрист, 2015. № 1 (43). С. 5.
63. Определение Конституционного Суда РФ от 20 дек. 2005 года № 499-О // СПС КонсультантПлюс. URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 20.08.2019).
64. Послание Конституционного Суда Беларуси «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2016 году» // Конституционный Суд Беларуси. URL: http://kc.gov.by/main.aspx?guid=27975 (дата обращения: 31.03.2019).
65. Пугачев А.Н. Заключения Конституционного Суда в системе законодательства Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. 2011. № 5. С. 115–126.
66. Ст. 23-2 Ордонанса, вводящего органический закон «О Конституционном Совете». URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/fondements-textuels/ordonnance-n-58-1067-du-7-novembre-1958-portant-loi-organique-sur-le-conseil-constitutionnel (дата обращения: 31.03.2019).
67. Кокотова М.А. Проверка конституционности законов по обращениям граждан органами конституционного контроля Франции и Российской Федерации : сравнительно-правовое исследование : дис… канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С.118.

68. Миклашевич П.П. Развитие форм конституционного контроля в современных условиях Выступление на симпозиуме «Развитие форм конституционного контроля в современных условиях» 30 июня 2016 года, Минск // Конституционный Суд РБ. URL: http://kc.gov.by/main.aspx?guid=25215 (дата обращения: 20.07.2019).
69. Нормативное Постановление Конституционного Совета РК от 18 апр. 2007 года № 4 // Казахстанская правда. 2007. № 65 (25310). 3 мая.
70. Дополнительное постановление Конституционного Совета от 6 янв. 2012 года № 1. URL: http://www.constcouncil.kz/rus/resheniya/?cid=10&rid=733 (дата обращения: 31.04.2019).
71. Décision № 2009-595 DC du 3 décembre 2009 // JORF du 11 décembre. 2009. P. 213.
72. Décision No. 2009-595 DC du 3 décembre 2009. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/decisions/2009595dc/compresse_2009595dc.pdf
73. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–9.
74. Российская газета. 2010. 10 нояб.
75. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 1997 года № 8-П // СЗ РФ. 26.05.1997. № 21. Ст. 2542.
76. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 марта 1998 года № 8-П // СЗ РФ. 23.03.1998. № 12. Ст. 1458.
77. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 нояб. 1998 года № 25-П // СЗ РФ. 09.11.1998. № 45. Ст. 5603.
78. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 дек. 2005 года № 13-П // СЗ РФ. 16.01.2006. № 3. Ст. 336.
79. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М. : Юристъ. 2002. 592 с.
80. Остапович И.Ю. Нормативность решений Конституционного Суда Российской Федерации: методы ее рождения, объективные и субъективные границы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 112–122.
81. Саликов М.С., Либанова С.Э., Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219–231.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 сентября 2019 г.

Features of the Rule-Making Activity of the Constitutional Court of Russia, the Constitutional Court of Belarus and the Constitutional Council of Kazakhstan

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 191–205.
DOI: 10.17223/15617793/450/24

Grigory A. Vasilevich, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: gregory_1@tut.by
Igor Yu. Ostapovich, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation); Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ostapovich7@mail.ru

Keywords: Constitution of Russian Federation; Constitution of Republic of Belarus; Constitution of Republic of Kazakhstan; specialised bodies of constitutional review.

The article discusses the features of the rule-making activity of the constitutional review bodies of Russia, Belarus and Kazakhstan. The authors investigated the law and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Republic of Belarus and the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan. The main research methods were formal legal (used to study texts of the laws of the three countries) and comparative legal (used to determine the general and the specific). The functional method was applied to study the main directions of the constitutional review bodies' activities. The authors identified the advantages and disadvantages of the rule-making activity and its influence on the legal system by identifying the constitutional conditions, in which any given legal procedures may be implemented. In the study, the authors found that the rule-making activity is manifested in the activities of the constitutional review bodies under study when they implement their powers. In particular, preliminary constitutional review is, in fact, a special element of the legislative procedure. In the preliminary review, the Constitutional Court of Belarus and the Constitutional Council of Kazakhstan are forced to consider the law as a whole: already passed, but not signed. Despite the fact that the constitutional review bodies are independent and not subject to the legislative process, they are part of the legislative process, which is generally consistent with the National Parliament. The Constitutional Court (Council) takes into account that it is part of the legislative process; thus, for example, the time of consideration is reduced. In Belarus, the case of verifying the constitutionality of laws adopted by Parliament, in the order of obligatory preliminary review, is considered in no more than five days from the date the Constitutional Court receives the law. In Kazakhstan, this time, at the request of the President, is reduced to ten days. It is established that, in case of unconstitutionality, the Constitutional Court of Belarus, as well as the Constitutional Council of Kazakhstan, allots a task to the legislative bodies right away. They additionally start the legislative procedure to amend the existing laws. The article explains the scientific, constitutional, political, and legal significance of the rule-making activity and the participatory rule-making of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Republic of Belarus, and the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan. The authors conclude that the correcting (amending) of the legal positions of the constitutional review bodies of the three countries under study is consistent with international practice. At the same time, in the national legislation of Russia, Belarus and Kazakhstan, there are no criteria of the right to revise their own positions because of "change of circumstances", as well as a detailed mechanism of such a review. Specialised bodies of constitutional review in Russia, Belarus and Kazakhstan reserve the right to decide when and under what circumstances the legal positions will be revised.

REFERENCES

1. Garant.ru. (2003) *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of March 19, 2003 (Special Opinion of the Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation N.V. Vitruk)*. Garant: informatsionno-pravovoy portal. [Online] Available from: http://www.garant.ru/. (Accessed: 20.07.2019). (In Russian).
2. *Rossiyskaya gazeta.* (2015) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 31 marta 2015 goda № 6-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of March 31, 2015]. 13 April.
3. Lyubitenko, D.Yu. (2011) *Pravovaya doktrina Konstitutsionnogo Suda RF: obshcheteoreticheskiy aspekt* [Legal Doctrine of the Constitutional Court of the Russian Federation: A Theoretical Aspect]. Law Cand. Diss. Volgograd.
4. Berzhanin, A.A. (2008) Konstitutsionnyy kontrol' v Respublike Belarus': ponyatie, praktika primeneniya [Constitutional Review in the Republic of Belarus: Concept, Practice of Application]. *Problemy upravleniya*. 3. pp. 97–103.
5. Rogov, I.I. (2011) *Tezisy vystupleniya na II Vsemirnoy konferentsii po konstitutsionnomu pravosudiyu "Razdelenie vlastey i nezavisimost' konstitutsionnykh sudov i ekvivalentnykh organov"* [Theses of the Speech at the II World Conference on Constitutional Justice "Separation of Powers

and Independence of Constitutional Courts and Equivalent Bodies"]. [Online] Available from: http://www.venice.coe.int/wccj/Rio/Papers/KAZ_Rogov_RUS.pdf. (Accessed: 05.06.2019).
6. Abylasimov, M.N. (2013) The Legal Nature of Acts of the Constitutional Council of Republic Kazakhstan. *Vestnik KarGU. Ser. Pravo*. 1. pp. 66–71. (In Russian).
7. Maslovskaya, T.S. (2008) [The Competence of Specialised Bodies of Constitutional Review: The Republic of Belarus and Foreign Experience]. *Belorusskaya gosudarstvennost' i razvitie natsional'noy pravovoy sistemy: ot Statuta 1588 goda do sovremennoy Konstitutsii* [Belarusian Statehood and the Development of the National Legal System: From the Statute of 1588 to the Modern Constitution]. Proceedings of the Conference. Minsk: Vedy. pp. 101–102. (In Russian).
8. Constitutional Court of Belarus. (2013) *Reshenie Konstitutsionnogo Suda Belarusi ot 5 iyulya 2013 goda № R-839/2013* [Decision of the Constitutional Court of Belarus No. R-839/2013 of July 5, 2013]. [Online] Available from: http://kc.gov.by/main.aspx?guid=31413. (Accessed: 05.07.2019).
9. Constitutional Council of Kazakhstan. (2019) *Razdel "Statisticheskaya i analiticheskaya informatsiya"* [Section "Statistical and Analytical Information"]. [Online] Available from: http://ksrk.gov.kz/rus/statanalitinfo/statistika/. (Accessed: 05.07.2019).
10. Khitrin, Yu. (2001) Soblyudenie Konstitutsii – grazhdanskiy dolg kazhdogo [Compliance With the Constitution Is the Civic Duty of Everyone]. *Femida*. 12.
11. Tuyakbay, Zh.A. (2001) Interv'yu s Predsedatelem Mazhilisa Parlamenta Kazakhstana [Interview With the Chairman of the Mazhilis of the Parliament of Kazakhstan]. *Yurist*. Almaty. 4.
12. Debbasch, Ch. et al. (1983) *Droit Constitutionnel et institutions politiques*. Paris: Economica. pp. 437–440.
13. Philip, L. (1984) Bilan et effets de ia saisine du Conseil constitutionnel, *Revue francaise de science politique.* Aout–octobre.
14. Favoreu, L. (1984) Le Conseil constitutionnel et l'alternance. *Revue francaise de science politique*. Aout–octobre.
15. Gena, I. (2002) [Constitutional Justice in France: Results and Prospects]. *Konstitutsionnoe pravosudie na rubezhe vekov* [Constitutional Justice at the Turn of the Century]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Norma. (In Russian).
16. Kerimov, A.D. (1990) Konstitutsionnyy Sovet Frantsii [Constitutional Council of France]. In: Ur'yas, U.P. (ed.) *Problemy burzhuaznoy gosudarstvennosti i politiko-pravovaya ideologiya* [Problems of Bourgeois Statehood and a Political and Legal Ideology]. Moscow: Nauka.
17. Champel-Dapla, V. (1999) Problema yuridicheskoy sily i primenenie resheniy Konstitutsionnogo Soveta Frantsii [The Problem of Legal Force and the Enforcement of the Decisions of the Constitutional Council of France]. In: Shablinskiy, G.I. (ed.) *Konstitutsionnoe pravosudie v postkommunisticheskikh stranakh* [Constitutional Justice in Post-Communist Countries]. Moscow: MONF.
18. Khitrin, Yu. (2002) Konstitutsionnyy Sovet RK: osobennosti statusa i puti povysheniya effektivnosti ego deyatel'nosti [Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan: Features of Status and Ways to Increase the Effectiveness of Its Activities]. *Konstitutsionnoe pravosudie.* 1 (15). pp. 189.
19. *Kazakhstanskaya pravda*. (2011) Normativnoe postanovlenie Konstitutsionnogo Soveta RK ot 31 yanv. 2011 goda № 2 [Normative Resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan No. 2 of January 31, 2011]. 1 February.
20. Eleupova, A.A. (2006) *Osushchestvlenie konstitutsionnogo kontrolya Konstitutsionnym Sovetom Respubliki Kazakhstan* [The Exercise of Constitutional Review by the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
21. Constitutional Court of the Republic of Belarus. (2019) *Poslanie Konstitutsionnogo Suda Belarusi ot 14 marta 2019 goda* [Message of the Constitutional Court of Belarus of March 14, 2019]. [Online] Available from: http://www.kc.gov.by/. (Accessed: 05.07.2019).
22. Gulyakevich, A.V. (2010) *Kontrol' za konstitutsionnost'yu normativnykh pravovykh aktov v Respublike Belarus'* [Control Over the Constitutionality of Normative Legal Acts in the Republic of Belarus]. Law Cand. Diss. Minsk.
23. Constitutional Court of the Republic of Belarus. (2013) *Reshenie Konstitutsionnogo Suda RB ot 26 dek. 2013 g. № R-878/2013* [Decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus No. R-878/2013 of December 26, 2013]. [Online] Available from: http://kc.gov.by/main.aspx?guid=33553. (Accessed: 05.07.2019).
24. Brezhnev, O.V. (2009) Sudebnyy kontrol' pri peresmotre Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i vnesenii v nee popravok: problemy pravovogo regulirovaniya [Judicial Control During the Revision of the Constitution of the Russian Federation and Amendments to It: Problems of Legal Regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 4. pp. 6–12.
25. Vitruk, N.V. (2011) Aktual'nye problemy modernizatsii konstitutsionnogo pravosudiya v Rossii [Topical Issues of Modernisation of Constitutional Justice in Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 10.
26. Mityukov, M.A. (2012) Protokol soveshchaniya sudey Konstitutsionnogo Suda RF 23 noyab. 1994 g.[Protocol of the Meeting of Judges of the Constitutional Court of the Russian Federation on 23 November 1994]. In: *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon o Konstitutsionnom Sude Rossii: nekotorye politiko-pravovye diskussii pri razrabotke i prinyatii (1993–1994 gg.)* [Federal Constitutional Law on the Constitutional Court of Russia: Some Political and Legal Discussions in the Development and Adoption (1993–1994)]. Moscow: LAP.
27. Nuyanzin, A.N. (2001) Proverka konstitutsionnosti zakonov Rossiyskoy Federatsii o popravkakh k konstitutsii RF [Verification of the Constitutionality of Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation]. In: *Konstitutsionnye chteniya* [Constitutional Readings]. Is. 2. Saratov: SGYuA. pp. 78–79.
28. Nesmeyanova, S.E. (2012) K voprosu o vozmozhnosti rasshireniya predvaritel'nogo kontrolya v deyatel'nosti Konstitutsionnogo Suda RF [On the Possibility of Expanding Preliminary Control in the Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Konstitutsionnyy kontrol'* [Constitutional Review]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Prospekt. pp. 406–408. (In Russian).
29. Dmitriev, Yu.A. (1999) Zashchita konstitutsionnykh prav grazhdan v ugolovnoy i konstitutsionnoy yustitsii [Protection of Constitutional Rights of Citizens in Criminal and Constitutional Justice]. *Gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 39–47.
30. Barnashov, A.M. & Mityukov, M.A. (1999) *Ocherki konstitutsionnogo pravosudiya: sravnitel'no-pravovoe issledovanie zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki* [Essays on Constitutional Justice: A Comparative Legal Study of Legislation and Judicial Practice]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Mityukov, M.A. (1999) *Konstitutsionnye sudy na postsovetskom prostranstve: sravnitel'noe issledovanie zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki* [Constitutional Courts in the Post-Soviet Space: A Comparative Study of Legislation and Judicial Practice]. Moscow: MONF.
32. *Kommersant*. (2015) Gosduma ignoriruet Konstitutsionnyy Sud [The State Duma Ignores the Constitutional Court]. 213. [Online] Available from: http://kommersant.ru/doc/2857260. (Accessed: 05.07.2019).
33. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 8 apr. 2014 goda № 10-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 10-P of April 8, 2014]. 18 April.
34. *Rossiyskaya gazeta*. (2017) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 10 fevr. 2017 goda № 2-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P of February 10, 2017]. 15 February.
35. *Mezhregional'naya assotsiatsiya konstitutsionalistov* [Interregional Association of Constitutionalists]. [Online] Available from: http://constitutionalist.ru. (Accessed: 20.07.2019).
36. Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan. (2002) *Polozhenie o Sovete po pravovoy politike pri Prezidente Respubliki Kazakhstan* [Regulation on the Legal Policy Council under the President of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: http://www.akorda.kz/ru/executive_office/presidential_councils/sovet-po-pravovoi-politike. (Accessed: 20.07.2019).
37. *Rossiyskaya gazeta*. (2013) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 10 okt. 2013 goda № 20-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of October 10, 2013]. 16 OCtober.

38. Knyazev, S.D. (2013) The Constitutional Court in the Legal System of the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*.12. (In Russian).
39. Vasilevich, G.A. (2010) *Konstitutsiya – osnova natsional'noy pravovoy sistemy* [The Constitution Is the Foundation of the National Legal System]. Minsk: Pravo i ekonomika. pp. 112–129.
40. Constitutional Court of the Republic of Belarus. (2001) *Reshenie Konstitutsionnogo Suda RB ot 22 yanv. 2001 goda № R-105/2001* [Ruling of the Constitutional Court of the Republic of Belarus No. R-105/2001 of January 22, 2001]. [Online] Available from: http://www.kc.gov.by/. (Accessed: 20.07.2019).
41. Ul'yashina, E.V. (2010) Universal'nye standarty prav cheloveka i nekotorye voprosy ikh realizatsii v Respublike Belarus' [Universal Standards of Human Rights and Some Issues of Their Implementation in the Republic of Belarus]. *Vestnik prav cheloveka.* 1. pp. 6–18.
42. *The United Nation Human Rights Treaties*. [Online] Available from: http://www.bayefsky.com/complain/ccpr_outcomechart.php. (Accessed: 01.10.2019).
43. Vashkevich, A.E. (2011) Konstitutsionno-pravovoy institut obrashcheniya v mezhdunarodnye organy dlya zashchity prav i svobod lichnosti [Constitutional and Legal Institution of Appeal to International Bodies for the Protection of Individual Rights and Freedoms]. In: Babkina, E.V. et al. (eds) *Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava* [Topical Issues of International Public and Private International Law]. Minsk: Belarusian State University. pp. 5–15.
44. Interfaks. (2014) *ES prizval Belorussiyu vvesti moratoriy na smertnuyu kazn'* [The EU Urged Belarus to Introduce a Moratorium on the Death Penalty]. [Online] Available from: http://www.interfax.ru/world/401527. (Accessed: 13.10.2019).
45. Vasilevich, G.A. (1998) Deyatel'nost' Konstitutsionnogo Suda Belarusi po zashchite prav i svobod grazhdan [The Activities of the Constitutional Court of Belarus to Protect the Rights and Freedoms of Citizens]. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. 5. pp. 3–11.
46. Luk'yanova, E.A. (2016) On the Supremacy of Law and on the Russian Foreign Policy. *Politicheskaya kontseptologiya – Political Conceptology*. 1. pp. 171–190. (In Russian).
47. Kembaev, Zh.M. (2013) International Treaties Realisation in the Republic of Kazakhstan. *Pravo i gosudarstvo – Law and State*. 3. pp. 84–89. (In Russian).
48. Online.zakon.kz. (2009) *Normativnoe postanovlenie Konstitutsionnogo Soveta Respubliki Kazakhstan ot 5 noyab. 2009 goda № 6* [Normative Ruling of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan No. 6 of November 5, 2009]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/. (Accessed: 31.03.2019).
49. Klishas, A.A. & Eremyan, V.V. (2015) *Konstitutsionnyy kontrol' i konstitutsionnoe pravosudie zarubezhnykh stran: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Constitutional Control and Constitutional Justice of Foreign Countries: A Comparative Legal Research]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
50. Galyamova, D.I. (2000) *Institut konstitutsionnogo kontrolya v politicheskoy sisteme: mirovoy opyt i Kazakhstan* [The Institution of Constitutional Review in the Political System: World Experience and Kazakhstan]. Political Science Cand. Diss. Almaty.
51. Karaev, A.A. (2000) K voprosu o sovershenstvovanii konstitutsionno-kontrol'noy sistemy Respubliki Kazakhstan [On Improving the Constitutional Review System of the Republic of Kazakhstan]. *Pravo i gosudarstvo – Law and State*. 3
52. Kotov, A. (2003) Tolkovanie Konstitutsii i formirovanie pretsedentnogo konstitutsionnogo prava [Interpretation of the Constitution and the Formation of Case Law in Constitutional Law]. *Konstitutsionnoe pravosudie*. 3 (21).
53. Constitutional Court of the Republic of Belarus. (n.d.) *O rassmotrenii obrashcheniy grazhdan* [On the Consideration of Citizens' Applications]. [Online] Available from: http://www.kc.gov.by/. (Accessed: 31.03.2019).
54. Pravo.by. (2015) *Reshenie Konstitutsionnogo Suda Belarusi ot 28 dek. 2015 goda № R-1017/2015* [Decision of the Constitutional Court of Belarus No. R-1017/2015 of December 28, 2015]. [Online] Available from: www.pravo.by. (Accessed: 31.03.2019).
55. Morshchagova, T.G. (ed.) (1997) Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 9 iyunya 1995 goda № 28-O [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 28-O of June 9, 1995]. In: *Konstitutsionnyy Sud RF: Postanovleniya. Opredeleniya. 1992–1996* [Constitutional Court of the Russian Federation: Decisions. Determinations. 1992–1996]. Moscow: Novyy Yurist.
56. Konsul'tantPlyus. (2007) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 814-o-o of November 15, 2007 (Not Officially Published).* [Online] Available from: http://base.consultant.ru/. (Accessed: 20.08.2019). (In Russian).
57. Russian Federation. (1996) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 30 apr. 1996 goda № 11-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P of April 30, 1996]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 06 May. 19. Art. 2320.
58. Skuratov, D.Yu. (2007) *Otdel'nye problemy uchastiya Prezidenta RF v pravotvorcheskom protsesse* [Some Problems of the Participation of the President of the Russian Federation in the Law-Making Process]. Moscow: Yurist".
59. Kolesnikov, E.V. (1998) *Istochniki rossiyskogo konstitutsionnogo prava* [Sources of Russian Constitutional Law]. Saratov: Saratov State Law Academy.
60. Abramova, A.I. et al. (1998) *Zakon: sozdanie i tolkovanie* [Law: Creation and Interpretation]. Moscow: Spark.
61. Online.zakon.kz. (2008) *Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 16 apr. 2008 goda № 355* [Ruling of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 355 of April 16, 2008]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz. (Accessed: 31.03.2019).
62. Kazantsev, S.M. (2015) Constitutionality Control of Subordinate Normative Legal Acts by the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 1 (43). pp. 1–6. (In Russian).
63. Konsul'tantPlyus. (2005) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 499-O of December 20, 2005*. [Online] Available from: http://base.consultant.ru/. (Accessed: 20.08.2019). (In Russian).
64. Constitutional Court of the Republic of Belarus. (2016) *Poslanie Konstitutsionnogo Suda Belarusi "O sostoyanii konstitutsionnoy zakonnosti v Respublike Belarus' v 2016 godu"* [Message of the Constitutional Court of Belarus "On the State of Constitutional Legality in the Republic of Belarus in 2016"]. [Online] Available from: http://kc.gov.by/main.aspx?guid=27975. (Accessed: 31.03.2019).
65. Pugachev, A.N. (2011) Decisions Made by the Constitutional Court in the Legislative System of the Republic of Belarus. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of PSU*. 5. pp. 115–126. (In Russian).
66. Conseil-constitutionnel.fr. (1958) *Ordonnance n° 58-1067 du 7 novembre 1958 portant loi organique sur le Conseil constitutionnel. Article 23-2*. [Online] Available from: https://www.conseil-constitutionnel.fr/fondements-textuels/ordonnance-n-58-1067-du-7-novembre-1958-portant-loi-organique-sur-le-conseil-constitutionnel. (Accessed: 31.03.2019).
67. Kokotova, M.A. (2015) *Proverka konstitutsionnosti zakonov po obrashcheniyam grazhdan organami konstitutsionnogo kontrolya Frantsii i Rossiyskoy Federatsii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Verification of the Constitutionality of Laws on Citizens' Applications by the Constitutional Reivew Bodies of France and the Russian Federation: A Comparative Legal Study]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
68. Miklashevich, P.P. (2016) *Razvitie form konstitutsionnogo kontrolya v sovremennykh usloviyakh* [Development of Forms of Constitutional Review in Modern Conditions]. [Online] Available from: http://kc.gov.by/main.aspx?guid=25215. (Accessed: 20.07.2019).
69. *Kazakhstanskaya pravda*. (2007) *Normativnoe Postanovlenie Konstitutsionnogo Soveta RK ot 18 apr. 2007 goda № 4* [Normative Ruling of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan No. 4 of April 18, 2007]. 65 (25310). 3 May.
70. Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan. (2012) *Dopolnitel'noe postanovlenie Konstitutsionnogo Soveta ot 6 yanv. 2012 goda № 1* [Additional Ruling of the Constitutional Council No. 1 of January 6, 2012]. [Online] Available from: http://www.constcouncil.kz/rus/resheniya/?cid=10&rid=733. (Accessed: 31.04.2019).
71. *Journal Officiel de la République Française*. (2009) Décision No. 2009-595 DC du 3 décembre 2009. 11 décembre. p. 213.

72. Conseil-constitutionnel.fr. (2009) *Décision No. 2009-595 DC du 3 décembre 2009*. [Online] Available from: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/decisions/2009595dc/compresse_2009595dc.pdf. (Accessed: 05.06.2014).
73. Zor'kin, V.D. (2004) Pretsedentnyy kharakter resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [The Case-Law Nature of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 12. pp. 3–9.
74. *Rossiyskaya gazeta*. (2010) 10 November.
75. Russian Federation. (1997) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20 maya 1997 goda № 8-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of May 20, 1997]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 26 May. 21. Art. 2542.
76. Russian Federation. (1998) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 marta 1998 goda № 8-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of March 11, 1998]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 23 March. 12. Art. 1458.
77. Russian Federation. (1998) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 3 noyab. 1998 goda № 25-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P of November 3, 1998]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 09 November. 45. Art. 5603.
78. Russian Federation. (2006) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21 dek. 2005 goda № 13-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of December 21, 2005]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 16 January. 3. Art. 336.
79. Chernilovskiy, Z.M. (2002) *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava* [General History of State and Law]. Moscow: Yurist'.
80. Ostapovich, I.Yu. (2019) Normalization of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Methods of Its Emergence, Objective and Subjective Purviews. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.*31. pp. 112–122. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/31/10
81. Salikov, M.S., Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2019) Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 219–231. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/30

Received: 05 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 206–217. DOI: 10.17223/15617793/450/25

УДК 342.4

И.А. Кравец

УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ (РОССИЙСКИЙ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

Рассматриваются концептуальные основы юридического и учредительного конституционализма, проблема перманентной конституции и конституционной модернизации, соотношение права нации на принятие и изменение конституции в воззрениях Э. Ваттеля, влияние нормативизма Г. Кельзена и децизионизма К. Шмитта на современное понимание учредительной власти, перспективы формирования учредительного конституционализма в условиях информационного общества и электронного государства.

Ключевые слова: основные законы; юридический конституционализм; учредительный конституционализм; конституирующая власть; телеократическая и номократическая функция; перманентная конституция; естественно-правовой конституционализм; Ваттель; децизионизм; Шмитт; нормативизм; Кельзен.

> The constitution-making power is the political will, whose power or authority is capable of making the concrete, comprehensive decision over the type and form of its own political existence.
>
> *Carl Schmitt. Constitutional theory*

Конституции как новации и юридический конституционализм

В современных отечественных исследованиях в области конституционной юриспруденции механизмы обеспечения стабильности конституции признаются приоритетными в постсоветских государствах, хотя этот «трудно преодолимый барьер» может препятствовать конституционным новациям для формирования подлинно демократических государств или содействовать появлению «неконституционных страхов политических элит потерять власть» [1. С. 28]. В других работах уделяется внимание практическим потребностям использования учредительной власти в Российском государстве и обществе; по мнению В.В. Комаровой, существует связь между учредительной властью и гражданским обществом, поэтому перед Россией открывается новый шанс: «Граждане могут установить над государством подлинный контроль» [2. С. 13, 19].

Нужна ли была бы конституирующая (учредительная) власть, если бы в Новое время не появились писаные кодифицированные (и некодифицированные) конституции с их стремлением закрепить результаты реализации власти политического и правового самоопределения народа (политической нации)? Конституции и различные формы учредительной власти имеют непростые взаимоотношения как в условиях современного конституционализма, так и в связи с процессами интеграции и глобализации. За более чем двухвековую историю учредительная власть стала «ключевой концепцией современной конституционной традиции» [3. P. 657], которая сталкивается с серьезными трудностями в перспективе адаптации к проблемам глобализированного мира. По мнению исследователей, учредительная власть в постнациональном правопорядке сталкивается с неблагоприятными институциональными и социальными условиями, поэтому такой порядок следует именовать как «постконституционный» [3. P. 657].

Конституции современности соединяют преобладающую кодифицированную писаную форму и принципы, нормы или особые целевые предписания, которые предназначены для государства, его органов, общества и его институтов, граждан и их объединений. Конституции стремятся отражать новации в правовой, политической и социальной системах, которые взаимосвязаны структурно-функционально и содействуют процессу адаптации конституции и права к развивающимся общественным отношениям. Характер *новизны современных конституций* признается в исследованиях; однако ученые по-разному видят содержательные элементы и формы такой новизны. Одни ученые считают, что сущность конституционализма в основном описывается как подчинение политической власти закону, однако этого недостаточно для характеристики конституционализма [4. P. 1–2]. Действительное подчинение политики закону существовало задолго до появления современных конституций. Подобные законы назывались фундаментальными, а не конституцией. Слово «конституция» хотя и существовало, но имело другой смысл: фактическое состояние политического образования в зависимости от его географического положения, экономики, структуры власти, ее законов. Как отмечает Дитер Гримм, в этом смысле это был «описательный, а не предписывающий термин». Фундаментальные законы регулировали политическую публичную власть, в то время как термин «конституция» в его латинском написании использовался для названия отдельных актов Императора в Священной римской империи. Например, Constitutio Criminalis Carolina 1532 г. (сокращенно С.С.С. или Каролина) – это акт, который вошел в историю как Уголовно-судебное уложение «Священной

Римской империи германской нации» (опубликовано в 1533 г.), содержал в своем названии термин «constitutio», хотя касался уголовного права и уголовного судопроизводства [5. С. 571–572]. Текст документа «Каролина», название которого происходит от имени Карла V Габсбурга, подтверждал общеимперский характер закона и имел в качестве источников более ранние правовые акты [6]. В основу данного акта было положено Бамбергское уложение, которое в латинском написании также содержало слово «constitutio» (Constitutio Criminalis Bambergensis или Lex bambergensis); оно было составлено в 1507 г. бароном Иоганном фон Шварценбергом по поручению князя-епископа Бамбергского Георга III Шенк фон Лимпурга [7. P. 24]. На основе Бамбергского уложения было создано Бранденбургское уголовно-судебное уложение 1516 г., которое стало важнейшими источниками Каролины [8. С. 58]. Хотя Каролина имела огромное значение для унификации уголовного права и уголовного процесса в общеимперском масштабе, однако ее нормы были субсидиарны по отношению к местному и обычному праву. В отношении термина «конституция» следует отметить, что он приобрел современное значение (в качестве писаного общенационального акта по отношению к политическим органам власти) отнюдь не в Священной Римской империи, а только в эпоху Французской и Американской революций последней четверти XVIII в.

Идея *основных (фундаментальных) законов* и идея *конституции* (как писаного акта) были соединены в одно понятие, образовав новую парадигму мышления как в отношении политического устройства государства, так и в отношении правового порядка и правовой системы страны. Фундаментальные законы обычно имели договорную основу, и в этом заключался определенный поиск для обоснования согласия между правителями и управляемыми. Как правило, такие законы были продуктом соглашений между правителем и привилегированными классами общества. Как таковые они предполагали право правителя на правление и ограничивали его в определенных аспектах. Они были действительны только среди сторон договора, а не вообще. Идея политического согласия между правителями и управляемыми в условиях демократии переродилась в идею правления народа, посредством народа и для народа, когда активно применяются различные политические и юридические процедуры достижения согласия по наиболее важным общегосударственным, региональным или местным вопросам.

Теория естественного права занималась формированием систематических представлений о законном правлении и построении правительства. Начиная с вымышленного состояния природы, когда все индивиды по определению были равны и свободны, теории естественного права обычно настаивали на согласии населения в качестве основы легитимности политического правления и защите естественных прав как цели политического образования. Они носили нормативный характер, но не имели качества позитивного права. С одной стороны, они были философией и противоречили существующему закону и правопорядку. С другой стороны, они формировали критерии для определения легитимности существующих политик [4. P. 2]. Законность политического правления определялась степенью согласия управляемых. В рамках традиции естественного права не возникла парадигма современной конституции. Из числа авторов теории естественного права наиболее близко подошел к современной парадигме конституции Эмер де Ваттель. Философия естественного права в понимании Э. Ваттеля выдвигала требования к публичной власти и ее организации; к выбору нацией конституции и ее соблюдению; к условиям, при которых нация имеет право изменить конституцию. Таким образом, в философии естественного права зародилась и философия современного конституционализма, хотя теория писаной конституции разработана не была. Сущностные черты понимания конституции Э. Ваттелем заключались в следующем [9. С. 50–52].

Первое. Каждое политическое общество устанавливает публичную власть для распоряжения общественными делами. Эта власть в своем существе принадлежит самому обществу в целом, а не отдельным его носителям. Публичная власть может осуществляться различными способами по выбору самого общества: «каждому обществу принадлежит выбор того именно способа, который ему лучше всего подходит».

Второе. Э. Ваттель писал, что «основные положения, определяющие способ, каким должна осуществляться публичная власть, представляют собою то, что образует конституцию государства. В конституции указаны та форма, в которой нация действует в качестве политического целого, каким образом и кем именно народ должен управляться, каковы права и обязанности правящих. Как сторонник естественного права Э. Ваттель видел существо конституции в установлении порядка, «в котором нация ставит перед собою цель сообща трудиться для достижения благ, ради которых учреждено политическое общество».

Третье. Конституция определяет степень совершенства самого государства, а также «его способность выполнить цели общества». По мнению философа, «главная задача нации, образующей общество в политическом смысле, ее первая и важнейшая обязанность по отношению к себе самой состоит в том, чтобы избрать конституцию, возможно лучшую и наиболее подходящую к данным обстоятельствам». Следовательно, образ конституции как свободно избранной нацией являлся краеугольным камнем философии естественно-правового конституционализма. Сделанный нацией выбор конституции определяет ее будущее. Тем самым нация «закладывает основы своего самосохранения, своей безопасности, своего совершенствования и своего счастья» [9. С. 51].

Четвертое. Э. Ваттель видел глубокое различие между *политическими* и *гражданскими* законами, он выделял в политических законах *основные законы*, которые составляют *конституцию*. Он писал: «Законы, которые были созданы прямо для общественного блага, суть политические законы; а в этой категории те законы, которые касаются самого организма и существа общества, формы правительства, способа, которым должна осуществляться публичная власть,

одним словом, законы, совокупность которых составляет конституцию государства, являются основными законами». При этом он был сторонником поддержания через право культурного разнообразия. По его мнению, конституции и законы различных государств не есть общий слепок философских доктрин; они «неизбежно должны отличаться друг от друга в зависимости от характера народов и других обстоятельств».

Пятое. Конституции должны устанавливать ясно и недвусмысленно как для тех, кому будет доверено осуществление верховной власти, так и в отношении граждан «в равной степени» их обязанности и их права. Он оправданно считал, что данные вопрос относится к государственному праву и политике.

Шестое. В конституции и законах государства Э. Ваттель видел основу общественного спокойствия, считал их «самой прочной опорой политической власти и залогом свободы для граждан». Выдвигал он и требования по их соблюдению, хотя современных юридических и судебных инструментов для этого не предлагал. Он отмечал, что «конституция представляет собою пустой призрак, и лучшие законы являются бесполезными, если их не соблюдают как священные» [9. С. 52]. Конституция рассматривалась как светский аналог священного писания; вместе с тем в его рассуждениях не хватало юридического прагматизма, соединения высоких философских принципов организации и осуществления публичной власти и реальных юридических процедур их реализации и обеспечения. Его труд не давал ответа на вопрос, каким образом нация должна «неослабно следить за тем, чтобы заставить равным образом чтить законы и тех, кто правит, и народ, который должен им повиноваться». Использовал он и понятие «вероломное превышение власти» для характеристики тяжелого преступления, совершенного лицами, облеченными властью. Таким вероломным превышением власти он считал *нападение на конституцию государства, нарушение его законов* со стороны лиц, облеченных властью. По мнению Э. Ваттеля, нация должна подобные нарушения «постоянно пресекать это со всею строгостью и бдительностью, как того требует важность дела». Предостерегал он не только от прямых нападок на конституцию и законы («редко можно видеть прямые нападки»), но и видел особую опасность для конституции в медленном ее извращении, предостерегая от «нападок глухих и медленных».

Седьмое. Как философ Э. Ваттель обладал мышлением, характерным для современных представителей науки конституционного дизайна, конституционного проектирования, считая, что нация «вправе сама сформулировать свою конституцию, поддерживать ее, усовершенствовать и по своей воле регулировать все, что касается правительства, без законной помехи с чьей-либо стороны». Предназначение правительства он видел в служении общему благу («устанавливается только для нации, для ее безопасности и счастья»). Другое право нации – это *право изменить свою конституцию*, которое он выводил из другого права нации «сменить руководителей, которые злоупотребляют своей властью». Право сменить свою конституцию может быть реализовано волей большинства голосов нации; это право принадлежит нации, а не отдельным правителям. Э. Ваттель различал *конституирующую* власть и *законодательную* власть, «законодатели черпают свою власть из самой конституции». Для законодателей основные законы должны быть священны, «если только нация прямо не дала им власть менять и эти законы, ибо конституция государства должна быть устойчива». Устойчивость конституции Э. Ваттель связывал не с прозаической потребностью иметь стабильный правопорядок, а с правом нации оказывать воздействие на правителей вплоть до реализации права на изменение конституции. Он отмечал, что «поскольку нация сначала устанавливает конституцию, а затем доверяет законодательную власть некоторым лицам, постольку основные законы исключены из сферы их полномочий».

Восьмое. Проблему *реализации права нации на изменение конституции* он рассматривал в категориях *политической целесообразности,* не предлагая принципы неизменности конституции (нерушимые положения), высказывая опасения в отношении неосмотрительных изменений. В вопросах изменения конституции «нация должна быть очень осмотрительной»; она «никогда не должна склоняться к новшествам, если только это не вызвано чрезвычайными обстоятельствами или необходимостью» [9. С. 54]. Все споры, которые возникают относительно управления или прав различных властей, участвующих в управлении, по мнению философа, если использовать современный язык, – предмет юрисдикции всей нации в соответствии со своей политической конституцией, а не отдельных правителей («лишь самой нации принадлежит право рассматривать эти споры»).

Естественно-правовой конституционализм Э. Ваттеля заслуживает пристального внимания современных исследователей, так как он питается важными *консенсуальными* началами в вопросах формирования и реализации *конституирующей* власти, ее соотношения с законодательной и иными властями и компетенционными возможностями правителей. *Конституционализм естественного права* в этом случае апеллирует к согласию нации как в отношении принятия новой конституции, так и в деле реализации права на изменение конституции. В *конституционном лексиконе* философа и юриста право на изменение конституции понимается предельно широко – как право на частичное изменение конституции и как право на смену старой конституции и принятие новой. В дальнейшем учение о конституции стало проводить более детальное различие (с периода Американской и Французской революций XVIII столетия) в понимании пересмотра конституции и принятия конституционных поправок.

Взгляд на *новизну современных конституций*, по мнению других исследователей, заключается в том, что они постепенно становятся важным системообразующим каркасом социальной системы общества и одновременно выполняют как «телеократическую», так и «номократическую» функцию, выходя за пределы нормативных предписаний, связанных с требованиями к публичной политической власти. Телеокра-

тия в современном государстве опирается на телеологический конституционализм, который формирует цели и ценности, принципы и нормы для конституционного развития государства и общества, связывающие государственные органы и задающие для них основные направления деятельности с требованием верификации через демократические процедуры участия и политическое вовлечение народа в процессы конституционного волеобразования и волеизъявления [10. С. 206–207].

Современные конституции как социальное явление – продукт революционных изменений в традиционном порядке управления, но в то же время и результат реформаторских устремлений. Появление *парадигмы писаной конституции* (в конце XVIII в. в английских колониях в Северной Америке и во Франции), основанной на принципах естественного права и требований, выросших из социального конфликта и революционных преобразований, повлияло на формирование самого *сердца конституционного права* – учения о конституции как регулятора общественных отношений и правовой, политической и социальной системы в целом. По мнению исследователей, эти революции отличались от многих потрясений и восстаний, имевших место в истории, тем, что они не ограничивались заменой одного правителя другим. Революционеры сформировали конституционное мышление; они составили план законного правления, основанный на идеях, выработанных в естественном праве, и наделили его юридической силой, прежде чем призывать к власти определенных лиц. Как пишет Дитер Гримм, не содержание конституции было новым, а превращение ее из философии в закон [4. P. 2]. После революций конституционного характера политическое правление считалось законным только в том случае, если оно осуществлялось на основании и в рамках этих правил. Именно этот свод правил отныне именовался конституцией. Таким образом, современный смысл конституции заключается в том, что она обозначает не то, что есть, а то, что должно быть. Однако ее современный смысл этим не исчерпывается; конституция закрепляет и достигнутый уровень развития и применения правовых и политических принципов, и конституционные цели и ценности развития общества и государства, которые могут относиться как к текущей правовой политике, так и к перспективам преобразования и развития правового и политического порядка.

Следовательно, можно отметить значение *парадигмы современной писаной конституции* как основы *юридического конституционализма*. Юридический конституционализм в отличие от политического конституционализма в своих истоках ориентировался на поддержание верховенства писаной конституции над издаваемыми законами и иными правовыми актами, имея значение нормативной концепции [11. С. 55–56].

Юридический конституционализм включает следующие элементы, появившиеся в значительной степени под влиянием концепции писаной конституции с учетом как революционных, так и реформаторских устремлений.

1. Юридической основой конституционализма является современная писаная конституция как система правовых норм, которая устанавливает требования к организации публичной власти, а не описывает эмпирическим путем состояние государства, общества или различных субъектов; также конституция – не философская, а правовая система, точнее, ее важнейшая часть, хотя и может быть представлена, если следовать взглядам Никласа Лумана, как социальная система общества.

2. Целью конституции является не только регулирование создания и осуществления публичной политической власти. Конституции в современном смысле закрепляют и актуализируют в новых условиях конституционные цели развития народов и их ценности, облекаемые в правовую форму и разделяемые обществом. В отличие от основных законов старого порядка (в европейских государствах), они представляют собой право управлять и право создавать новый правопорядок; они не ограничиваются простым изменением порядка управления.

3. Регулирующий эффект современных конституций становится *всеобъемлющим*, он охватывает правовые, политические, экономические, социальные и духовные отношения. Публичная политическая власть по-прежнему находится в эпицентре конституции, однако сама система конституции стремится систематизировать и последовательно определить структуру правопорядка и формы взаимодействия публичной власти и с гражданами и обществом.

4. Конституция, выступая основным источником для конституционного права, одновременно выполняет свою функцию и в отношении правовой системы в целом, обладая приоритетом по отношению к другим законам и отраслям права. Действительность правовых актов (законов и иных актов) в различных отраслях права, а не только конституционного права зависит от их совместимости с нормами конституции, от их *конституционной валидности*.

5. *К*онституция как система принципов и норм, которая устанавливает и регулирует государственное правление, а также выступающая в качестве главного источника конституционного права, исходит не от правительства, а предшествует публичной власти и имеет источник легитимности в народе. Следовательно, преобладающей и оправданной формой конституционной легитимации публичной власти является народный суверенитет. Как пишет Дитер Гримм, любая форма легитимации, кроме народного суверенитета, может поставить под угрозу верховенство конституции [4. P. 2]. Вместе с тем данные характеристики юридического конституционализма являются важным достижением научной конституционной теории и практики современной демократии в ее различных проявлениях. Можно сказать, что в современном мире существует множество форм конституционализма, в которых данные достижения не имеют полной реализации. Следует ли их обязательно признавать «несовершенными формами конституционализма»? На наш взгляд, современные формы конституционализма следует оценивать как по их стремлению к совершенствованию и достижению правовых и социальных

успехов, так и по эффективности создавать и реализовывать конституционно-правовые гарантии в отношении прав и свобод, социального благополучия граждан, способности охватывать многообразие социальных интересов и учитывать их в территориальном развитии и в деятельности органов публичной власти.

Поклонение «конституционализму» является одним из устойчивых и, вероятно, оправданных тщеславий либерально-демократической теории. Хотя конституционализм не имеет вечных гарантий, в правовом и политическом времени. Борьба за личные свободы и за бегство от произвольного политического правления были одной из заметных черт истории Западной Европы и Америки с XVI в. Основополагающие принципы конституционализма – ограниченное правление и верховенство права (правительства существуют только для того, чтобы служить определенным целям и должным образом функционировать только в соответствии с определенными правилами) стали оперативными идеалами этой борьбы [12. P. 1].

Обращаясь к термину «конституционализм», следует учитывать многообразие прилагательных, которые характеризуют это понятие, расширяя не только сферы его применения, но и порождая эффект мега-парадигмы [13]. Конституционализм часто хвалят как противоядие от тирании, по мнению Г. Уолкера [14. P. 154]. Однако конституционализм не всегда может быть принят вместе с либерализмом как либеральный конституционализм; это не означает, что не могут быть приняты и развиваться в условиях культурных различий иные формы конституционализма. Ограниченное распространение либерального конституционализма, его невостребованность в современной России не означает, что появляются стимулы отказаться от конституционализма как такового. Подобный отказ может приводить к более пагубным последствиям для государств, в которых конституционная демократия только пускает корни в неподготовленную для этого почву, «оставляя общественный порядок новых государств во власти многих пугающих импульсов, не пользуясь конституционными препятствиями для этих импульсов» [14. P. 155].

Конституционализм не может сам по себе оправдывать существование перманентной конституции, опираясь на политическую мысль о «вечном» потенциале конституционных норм. В естественно-правовом конституционализме Э. Ваттеля есть ключевое философское суждение о том, что и конституция, и учрежденная ею публичная власть питаются из одного источника, из согласия нации на управление со стороны правителей, из политической конвенции нации в отношении вопроса о том, нужна ли ей (а не правителям) новая конституция или возможные изменения в ней.

Учредительный конституционализм как источник правового, политического и социального порядка

Конституирующая (или учредительная) власть – самое мощное, хотя и редко используемое оружие в арсенале современного демократического конституционализма. Учреждая конституцию и вместе с ней политический и правовой порядок, формы учредительной власти только в остаточном виде (в виде «юридического осадка») остаются пребывать в тексте конституции в «затененном» пространстве в качестве «уснувших» и «потенциально опасных» полномочий.

Конституция и учредительная власть находятся во взаимозависимом состоянии, особенно в случаях, когда долголетие конституции усмиряет учредительные полномочия, дает им возможность проявлять себя, не меняя конституцию. Как писал Морис Дюверже, это конституция, которая получает свою власть от учредительной власти, а не учредительная власть, которая получает свою власть от конституции [15. P. 78]. Однако это утверждение оправданно только частично.

Более того, оно с *онтологической* и *генеративной* точки зрения оказывается весьма ограниченным и препятствующим конструктивному диалогу и креативному развитию конституционного правопорядка. Формы проявления учредительной власти и их влияние на конструктивное развитие конституционного правопорядка связывают воедино долголетие конституции и генеративность правопорядка. Не всегда очевидно, что следует разграничивать *первичную* и *производную (вторичную)* учредительную власть как власть, конституирующую конституционный правопорядок. *Первичная* учредительная власть создает конституцию, которая как основной закон получает свою власть и легитимность от учредительной власти; *вторичная* учредительная власть (как власть частичной ревизии конституции) предусматривается действующей конституцией и получает свою власть от конституции, хотя и обладает полномочиями по внесению поправок или иному изменению действующей конституции. В каждом конституционном правопорядке существует определенная проблема согласования возможностей и адекватного соотношения первичной и вторичной учредительной власти.

Первичная учредительная власть обладает наиболее существенными генеративными полномочиями; она способна генерировать новый конституционный правопорядок и обеспечивать преобразование или воспроизводство в новых формах архитектуры современного демократического конституционного государства. Обращение к первичной учредительной власти – это всегда результат неэффективного осуществления вторичной учредительной власти.

Является ли долголетие конституции само по себе достаточным свидетельством об ее успехе? Очевидно, что только в контексте таких показателей, как стабильность правовой системы и политического режима мы не сможем с уверенностью предвидеть будущее такой конституции и основанного на ней политического режима и правовой системы. Конституция СССР 1977 г. и политический режим Советского партократического государства рухнули не в 1991 г., если понимать долголетие конституции как непременный атрибут конституционного и правового успеха. Последняя советская конституция Союза ССР – наилучший долгожитель из всех советских конституций, однако именно при ней был достигнут финал правового и политического развития, который не могли предвидеть даже самые одаренные советские уче-

ные-государствоведы. *Предвидение* и *прогностическая* функция – слабая и до сих пор не вполне отрефлексированная сторона советского государствоведения и государственного права как научной правовой доктрины. *Перманентная* конституция или однократное *увековечение* однотипного конституционализма – несомненно утопическая в значительной степени идея как с прагматической, так и причинно-следственной точки зрения. С прагматической точки зрения внутренние и внешние факторы влияния должны быть достаточно сбалансированы, чтобы иметь внутренний *конституционно-правовой стержень* развития и механизм адаптации новаций под влиянием различных факторов на сохранение устойчивости конституционно-политической и правовой системы. Сохранение *устойчивости* и работа *механизма адаптации новаций* в условиях современной демократии не может игнорировать факт и способы вовлечения граждан и широких социальных слоев общества в процесс конституционного волеобразования и волеизъявления. Именно в поздний период Советского государства наблюдался чрезвычайный правовой и политический дефицит использования юридических механизмов вовлечения граждан в процессы конституционного развития и строительства. *Каузальные* (причинно-следственные) связи – важный источник для понимания причин появления определенного типа конституций и конституционализма и следствий его угасания и вырождения. Если существует определенная констелляция причин появления советских конституций и советского конституционализма, то, как можно предположить, такие причины не будут существовать вечно и их прекращение запускает механизм вырождения и краха определенного типа конституций и конституционализма. *Конституционные каузальные* связи требуют постоянной идентификации факторов вовлечения для понимания пределов и возможностей развития определенного типа конституционализма. Через факторы устойчивости конституционно-правового порядка, механизмы адаптации правовых и политических новаций, конституционные каузальные связи мы приходим к пониманию особого типа *учредительного конституционализма* и *конституирующей публичной власти*, которые в значительной степени определяют как временной диапазон учреждаемого конституционализма, так и его способность к трансформации политико-правовыми средствами.

Современный конституционализм распространяется в политических и правовых системах различных народов, имея разнообразные формы влияния на процессы осуществления государственной власти, защиты прав и свобод, обеспечения конституционных ценностей. Конституция как продукт установления способа политического управления среди различных государств должна учитывать многообразие факторов, поддерживающих множество статусов лиц и органов, территориальное развитие и культурное, религиозное, этническое различие. Ричард Альберт (Университет Техаса в Остине) утверждает, что любое конституционное сообщество состоит из людей, которые различаются по языку, религии, национальности, географии, идентичности или какой-то иной отличительной чертой. Это с одной стороны. С другой стороны, любое данное конституционное сообщество также состоит из победителей и проигравших, действующих и претендентов, а также правителей и управляемых, для которых новая конституция может представлять собой победоносное завоевание или позорное поражение. По его мнению, задача современного конституционализма состоит в том, чтобы примирить эти многочисленные народы и их интересы, хотя и не для того, чтобы создать единый народ среди всех, а для того, чтобы найти конструктивные и значимые способы, позволяющие всем процветать в рамках господства права [16. P. 20].

Конституционализм в современном многообразном мире соперничает с иными системами правового порядка и государственного управления в вопросах эффективности и генетической способности поддерживать многообразие, устойчивость и продуктивность в согласовании разнообразных интересов, ценностей и ожиданий [17]. Важным представляется знание и учет различий между двумя исходными целями конституционализма как нормативного правопорядка. В концепции телеологического конституционализма матрица целей конституционного развития задает значимые для всего сообщества направления, которые обеспечивают поступательное (не революционное, не спиралеобразное) развертывание в правовой, политической и шире – социальной реальности ожидания, ценности и интересы [10]. Телеология в конституционализме предполагает осмысление возможностей развертывания исходных целей развития.

Первый подход видит исходный пункт *телеологического конституционализма* в учреждении демократического и конституционного правопорядка вновь принимаемой конституцией, которая создает нормативные основы такого правопорядка и устанавливает юридические формы реализации учредительной власти через полную или частичную ревизию конституционных норм, одновременно ограничивая способы политического вовлечения в процедуру конституционной модернизации страны граждан, их объединений, органов публичной власти. В этом случае *учредительный конституционализм* стремится к правовому и социальному воспроизводству через реализацию конституционных целей и ценностей, заложенных в конституцию страны. Важно, чтобы *учредительный* и *телеологический* конституционализм не приходили в правовое и политическое столкновение, которое чревато как конституционным кризисом и реформаторскими устремлениями выхода из него, так и конституционной революцией, которая разрывает правовую преемственность и может приводить к государственному перевороту и последующему принятию новой конституции.

Второй подход в качестве исходного пункта телеологического конституционализма рассматривает проведение *учредительных выборов* с одновременным *учреждением новой конституции*. *Одновременность* установления конституционных целей развития государства и общества, с одной стороны, и создание новой (обновляемой) системы органов публичной власти на основе вводимой в действие кон-

ституции – уникальная возможность соединять элементы учредительного и телеологического конституционализма. Констелляция политических и правовых факторов в учредительном и телеологическом конституционализме позволяет реализовывать программу привлечения различных политических сил (в том числе оппозиционных) в процесс конституционного строительства. Невозможно исключить в этом случае конституционные кризисы, однако их предупреждение и преодоление связаны не только со стабильностью политического и конституционного режима правления. Эффект использования элементов учредительного и телеологического конституционализма со временем может приобретать характер *конституционного торможения*, когда органы публичной власти не обеспечивают необходимые *конституционно-правовые новации* в правовом порядке страны, а юридические формы политического вовлечения граждан не предусматривают эффективных способов воздействия на конституционную модернизацию государства и общества.

В 1993 г. в России был использован второй подход для создания нового конституционного правопорядка. Причем проведение учредительных выборов с голосованием на референдуме по проекту Конституции РФ 12 декабря 1993 г. осуществлялось в условиях конституционной революции и с нарушением установленного ранее порядка принятия конституции (как это предусматривала Конституция РФ 1992 г. издания – акт, возникший в результате значительного количества поправок в Конституцию РСФСР 1978 г.).

Демократическое самоопределение народа – это источник происхождения современного конституционного права и легитимированной посредством демократических процедур конституции. В понимании учредительной власти имеет значение взгляд К. Шмитта о классическом различии между учредительной (конституирующей) властью как решением и учредительной (конституирующей) властью как нормой. Сформулированная философом концепция децизионизма оказала значительное влияние на развитие доктрины конституирующей власти и учения о конституции за пределами юридического позитивизма. По мнению К. Шмитта, конституирующая власть – это политическая воля, чья власть или авторитет способны принимать конкретное, всеобъемлющее решение о типе и форме своего политического существования [18. P. 125; 19. S. 75–76]. Решение, как следует из его взглядов, определяет существование политического единства в целом. Действительность любого дополнительного конституционного правила вытекает из решений этой воли. Качественное отличие решения (как такового) от конституционных норм, которые законодательно закреплены на их основе, заключается в следующем.

Первое, на что обращает внимание К. Шмитт, Конституция не основана на норме, справедливость которой была бы источником ее действительности. Конституция основана на политическом решении относительно типа и формы ее собственного существа, которое вытекает из ее политической сущности. В отличие от какой-либо зависимости от нормативной или абстрактной справедливости, слово «воля» обозначает, по существу, экзистенциальный характер этого основания действительности. Учредительная власть, по мнению К. Шмитта, – это политическая воля, точнее, конкретное политическое существо. Независимо от вопроса о том, является ли закон вообще командой или пропорциональным, можно сказать, что конституция должна быть решением, и каждый акт власти, принимающей конституцию, обязательно должен быть командой.

Второе соображение. По своему содержанию конституционный закон является стимулирующим законодательством конституционной воли. Всеобъемлющее решение, содержащееся в этом, будет в полной мере обеспечивать предпосылку и основу конституционного закона. Если в «конституцию» вписаны дополнительные индивидуальные нормы, это имеет только техническое юридическое значение защиты от внесения поправок с помощью квалифицированных процедур внесения поправок. *Третье соображение* касается вопроса о том, может ли принятие конституции исчерпать или поглотить полномочия по выработке конституции? По мнению К. Шмитта, конституционная власть не расходуется и не устраняется, потому что она была использована один раз. Политическое решение, которое, по сути, означает конституцию, не может иметь взаимного влияния на его субъект и исключать его политическое существование. Эта политическая воля остается рядом и над конституцией. Следовательно, любой подлинный конституционный конфликт, который включает в себя основы всеобъемлющего политического решения, может быть решен только по воле самой конституционной власти. Кроме того, каждый пробел в конституции, в отличие от отсутствия ясности с точки зрения конституционного права и разногласий в деталях, заполняется только актом конституционной власти. Каждый непредвиденный случай имеет основополагающее политическое решение.

Четвертое соображение заключается в утверждении того, что конституирующая власть является единой и неделимой. Это не координирующая, дополнительная власть (законодательная, исполнительная, судебная) наряду с другими «полномочиями», которые отличаются друг от друга. Конституирующая власть – это всеобъемлющая основа всех других «полномочий» и «разделения полномочий». По мнению К. Шмитта, в результате смешения конституции и конституционного права возникла еще одна путаница в создании учредительной власти с компетенцией для пересмотра конституционного права, путаница, которая часто приводит к размещению этой юрисдикции наряду с другими «властями» как «конституанты».

Децизионизм К. Шмитта как политическая идея может преобладать в конституционном и правовом пространстве страны, в которой политический суверен олицетворен в качестве доминанты в системе органов государственной власти. В качестве концепции учредительной власти децизионизм не может быть оставлен в политическом одиночестве; эту концепцию дополняют юридический позитивизм Г. Кельзена с

основной нормой, неизменной и дающей основу для правопорядка, и естественно-правовой конституционализм Э. Ваттеля, который конституирующую власть выводит из согласия нации и ее права на принятие и смену конституции. Российский конституционный ландшафт испытывает серьезные напряжения от результатов влияния концепта децизионизма К. Шмитта; устойчивый интерес в научных и широких общественных кругах к идее перманентной конституции с вечно нерастраченным потенциалом конституционных норм создает предпосылки для исповедования светской веры в основную норму как неизменную для социальных и политических успехов государства. Политические и юридические формы вовлечения граждан в *конституционный народный мониторинг* возможных поправок и изменений Конституции РФ пока остаются скорее естественно-правовым пожеланием к публичной власти, которая, как следует из современной практики, осваивает с трудом советский опыт всенародного обсуждения (проектов конституций, поправок) и современные формы информационного и цифрового конституционализма. Использование последних является не только способом выражать доверие к гражданам в условиях информационного общества, но и формировать новые юридические механизмы конституционного волеобразования народа и его выражения в отношении важнейших конституционных вопросов развития государства и общества.

Проблема учредительной власти в современной демократии заключается в том, что, с одной стороны, власть конституировать правопорядок (создавать новый или существенно обновлять существующий) активно внедряется в процесс возникновения демократического правопорядка и демократического государства, имеющего свои конституционные основания; с другой стороны, учредительные полномочия в условиях информационного общества должны иметь новые средства идентификации, выявления конституционной воли народа и юридические механизмы конституционного мониторинга. Источником власти признается народ – это конституционная максима является непрекращающейся темой политической и правовой дискуссии. Тема о происхождении власти (притом в ее конституционной форме) существует в современной конституционной мысли, начиная с американской и французской революций конца XVIII в. и заканчивая потрясениями Арабской весны в 2011 г. По мнению профессора Мартина Лафлина, задающегося вопросом: «как это смутное демократическое убеждение выражается в конституционной мысли?», – ответ заключается в том, что оно «снабжено концепцией учредительной власти» [20. P. 218]. Современная концепция учредительной власти не может останавливаться на констатации народного характера конституции как конечного пункта реализации учредительных полномочий и народного суверенитета.

Для понимания природы учредительной власти важным оказывается источник ее происхождения и формы прав, которые она порождает, но не всегда гарантирует. Карл Фридрих связал идентификацию учредительной власти с «правом на революцию» [21. P. 132]. Революционный характер учредительной власти не всегда является традиционным пониманием конституанты в рамках конституционной теории. Хотя представители современной социальной мысли, как Антонио Негри, опираясь на свои собственные сочинения, считают, что «учредительная власть – в отличие от учрежденной, конституированной власти – обозначает революционное событие, исключение из правового порядка, в котором ex nihilo выражается новый политический порядок»; в качестве примеров часто приводятся революции в США и во Франции [22; 23. P. 32].

Другое направление формирует представление об учредительной власти во взаимодействии с доктриной общественного договора. Именно общественный договор как исходный пункт конституционного правотворчества и проецируемый на будущее вид социально-политического компромисса создает необходимые основания для появления юридических форм реализации учредительной власти. Конституционное волеобразование в классическом либерализме питается социально-политическим источником в виде общественного договора, который требует конституционных форм выражения и закрепления в перспективе эволюционного и прогрессивного развития конституции.

Классический либерализм был склонен подчеркивать юридическую преемственность, законность и постепенные политические изменения. Даже в версиях общественного договора, за исключением Джона Локка, фокус либерализма был в большей степени сфокусирован на вымышленном естественном государстве и на представлении о первоначальном договоре между равными и свободными людьми, а не на реальных политических разрывах, правовых нововведениях и новых институциональных началах. Фактически идея общественного договора преимущественно использовалась для объяснения политического обязательства, для оправдания послушания, для описания консенсуальной основы власти и, в некоторых случаях, для законного сопротивления, а не для объяснения этих исторических моментов подлинного разрыва и трансформации. На более позднем этапе классический марксизм пытался восполнить этот пробел, ссылаясь на неизбежную возможность пролетарской революции, но его исторический детерминизм и экономический материализм заставили марксизм уделять больше внимания долгосрочным социальным и экономическим трансформациям, чем политическим, юридическим, институциональным и культурным изменениям, которые воспринимались как простые эпифеноменальные эффекты более глубоких структурных изменений, происходящих в сфере материального производства общества [24. P. 1–16].

Концепция учредительной власти стала важной проблемой для политических и правовых теоретиков в 1990-х гг. из-за распространения новых конституций в эпоху после окончания холодной войны, которая вызвала возврат к проблематичным источникам новых политических режимов. Актуализировалось обсуждение форм и границ учредительной власти и в России в период подготовки и принятия Конституции

РФ 1993 г., когда была использована форма общероссийского референдума для принятия Конституции после ее обсуждения и доработки президентского проекта на Конституционном совещании. Работа Конституционного совещания – пример деятельности квазиучредительного, невыборного органа, который демонстрировал неприемлемость для России обращения к юридическим процедурам по формированию учредительного собрания с конституирующей властью. Современная ситуация в России с проблемой поиска конституционных форм учредительной власти имеет сильные наследственные корни, старые проблемы в новом обличье. Президентский источник проекта конституции, победный характер самой Конституции, принятой 12 декабря 1993 г., стремление превратить новый основной закон страны в перманентную конституцию (как антитеза господствовавшей долгое время в советский период идеологемы перманентной революции) создают констелляцию своеобразных культурно-исторических и государственно-правовых явлений, препятствующих развитию современных форм учредительной власти в условиях информационного общества и электронного государства (электронного правления).

Ученые-конституционалисты отмечают, что в настоящее время в демократической конституционной теории недостаточно внимания уделяется понятию учредительной власти и связывают это с издержками конституционализма, основанного на юридическом позитивизме Г. Кельзена. Ренато Кристи видит именно во влиянии Ганса Кельзена («по всей вероятности») основную причину этого затруднения [25. P. 352]. Согласно Г. Кельзену, юридический позитивизм не может рассматривать основную норму (Grundnorm) как волю или решение конкретного субъекта. В то время как К. Шмитт считал именно политическую волю источником учредительной власти. Г. Кельзен распространял постулаты юридического позитивизма на понимание учредительной власти. Учредительная власть для него – это фикция, простая «мысль», которая позволяет юристу логически обосновать действительность нормативной (юридической) системы.

Следующие позиции ученого являются наиболее важными в понимании учредительной власти. *Первая позиция* говорит о том, основанием действительности нормативного порядка является *основная норма*. Для Г. Кельзена «основная норма – это общий источник действительности всех норм, принадлежащих к одному порядку, их общее основание действительности» [26. С. 242]. Основная норма – наивысшая в правопорядке. Действительность наивысшей нормы не может выводиться из какой-то более высокой нормы, и уже больше не может возникать вопроса об основании ее действительности. Следовательно, если связывать основную норму с *юридическим конституционализмом* и с *системой действующей конституции*, то правопорядок оказывается юридическим заложником основной нормы, которая уже не может быть верифицирована – в категориях действительности, а в концепции конституционализма в категориях конституционности.

Вторая позиция. Г. Кельзен выделяет статический и динамический принципы нормативной системы и правопорядка, которые работают в границах существующей системы. Основная норма, по мнению ученого, определяет фактический состав правотворчества, так что ее можно назвать конституцией в смысле правовой логики, в отличие от конституции в смысле позитивного права. Таким образом, основная норма – это исходный пункт процедуры создания позитивного права; акт создания конституции необходимо истолковывать как фактический состав. Субъекты конституционного правотворчества, в понимании Г. Кельзена («индивид или собрание индивидов, создавшее конституцию, на которой основывается правопорядок»), рассматриваются им в качестве нормоустанавливающей власти [26. С. 247]. Инстанция, создающая конституцию в юридическом позитивизме Г. Кельзена, рассматривается «как высшая власть»; «не может считаться, что создавать конституцию она уполномочена нормой, установленной какой-то еще более высокой инстанцией».

Третья позиция. В отношении основания деятельности конституции Г. Кельзен допускал возможность нескольких случаев: 1) обретение действительности конституции на основании обнаружения более старой конституции: действительность существующей конституции в этом случае выводится из правил, установленных ее предшественницей, по которым была создана новая конституция («в соответствии с предписаниями предыдущей конституции в процессе ее правомерного изменения»); 2) свою действительность конституция обретает революционным путем в нарушение прежней конституции; она не основана на прежнем государственном правопорядке [Там же. С. 248–249].

Четвертая позиция. Для Г. Кельзена *учредительная власть* – не более чем *концептуальный миф*, обосновывающий действительность основной нормы (Grundnorm). Политическая основа демократического процесса, стоящего у истоков конституирующей власти, не входит в круг оснований действительности конституции. Естественно-правовой конституционализм Э. Ваттеля давал нации право на принятие новой конституции или право на ее изменение (замену), юридический позитивизм Г. Кельзена скорее подыскивал надлежащую юридическую основу для незыблемости существующего правопорядка вне контекста демократического процесса.

Влияние Г. Кельзена сохраняется в значительной степени до сих пор на понимание границ действительности конституции в связи с ограниченным видением источников учредительной власти. Исследователь Андреас Каливас рассматривает как «скандал», что учредительная власть не получила «ни признания, которого оно заслуживает в современной конституционной юриспруденции, ни своего надлежащего места в нашем политическом словаре» [27. P. 230]. По его мнению, эта сдержанность со стороны демократических теоретиков происходит из-за того, что они воспринимают как внутреннюю связь, которую это понятие имеет с суверенитетом, а именно с абсолютизмом произвольного командования и подчиненного послушания.

Учредительная власть – это порождающая, производительная и нормотворческая сила людей, их способность создавать новые конституционные формы и определять новый политический и правовой режим. Это также их трансгрессивная способность изменять или отменять существующий режим и устанавливать новый на его месте. Теория учредительной власти становится важной в ранней современности, когда ставится под сомнение божественное право монархов и является основным источником законной власти и авторитета власти [28. P. 596]. Политическое сообщество нуждается не в божественном, а в конвенциональном и гуманитарном оправдании происхождения власти. В этом отношении под *учредительной властью* следует понимать *самоустанавливающуюся власть народа* по организации своего коллективного политического существования в современной конституционной форме, какой является преимущественно писаная кодифицированная конституция.

В исследованиях ставится проблема формирования цифровой конституции и цифровых конституционных прав в России и современном мире [29. С. 76–77]. Тотальность цифрового и информационного пространства завораживает представителей науки конституционного права. В условиях современного информационного общества и электронного государства (электронного правления) следует обращать внимание на разработку новых юридических средств выявления действительности конституции, создавать политические и юридические механизмы конституционного волеобразования и волеизъявления народа, адекватные технологическим возможностям и основанные на цифровых правах и цифровом конституционализме. Конвенциональные и гуманитарные основания учредительной власти требуют новых юридических форм выражения в контексте развития информационных технологий и опыта внедрения в отдельных странах конституционного краудсорсинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шустров Д.Г. Механизмы обеспечения стабильности конституции в постсоветских государствах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 20–29.
2. Комарова В.В. Учредительная власть и формы ее реализации // Современное общество и право. 2011. № 1. С. 13–19.
3. Krisch N. Pouvoir constituant and pouvoir irritant in the postnational order // International Journal of Constitutional Law. 2016. Vol. 14, № 3. P. 657–679. DOI:10.1093/icon/mow039
4. Grimm Dieter. Constitutionalism: Past – Present – Future // Nomos. 2018. № 2. P. 1–12.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. XIVa: Карданахи – Керо. С. 571–572.
6. Abegg, Julius Friedrich Heinrich; Göbler, Justinus. Constitutio criminalis Carolina: ... et Rami Nemasis Carulina. Heidelberga: Mohr, 1837.
7. Roeck B. Criminal Procedure in the Holy Roman Empire in Early Modern Times // IAHCCJ Bulletin. 1993. № 18, Poursuites Pénales / Prosecution. P. 21–40.
8. Лысенко О.Л. Каролина 1532 г. – памятник права средневековой Германии: цивилизационный подход к изучению // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2014. № 5. С. 52–74.
9. Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М. : Госюриздат, 1960. 719 с.
10. Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контекст) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202–215. DOI: 10.17223/15617793/439/28
11. Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. М. : Норма; ИНФРА-М, 2016. 656 с.
12. Schochet, Gordon J. Introduction: Constitutionalism, Liberalism, and the Study of Politics // Nomos. 1979. Vol. 20, Constitutionalism. P. 1–15.
13. Кравец И.А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. 2018. № 12. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013207690002199-0
14. Walker, Graham. The Idea of Nonliberal Constitutionalism // Nomos. 1997. Vol. 39, Ethnicity and Group Rights. P. 154–184.
15. Duverger, Maurice. Contribution à l'étude de la légitimité des gouvernements de faits // Revue du droit public et de la science politique en France et a l'etranger. 1945. Vol. 51, № 61. P. 73–100.
16. Albert R. Foreword // Constitutionalism in a Plural World / eds by Catarina Santos Botelho, Luis Heleno Terrinha, Pedro Coutinho. Universidade Catolica Editora, Porto, 2018. P. 20–21. (270 p.)
17. Constitutionalism in a Plural World / eds by Catarina Santos Botelho, Luis Heleno Terrinha, Pedro Coutinho. Universidade Catolica Editora, Porto, 2018. 270 p.
18. Schmitt C. Constitutional Theory. Translated by Jeffrey Seitzer. Durham : Duke University Press, 2008. xix + 468 p.
19. Schmitt C. Verfassungslehre. Berlin: Duncker und Humblot, 1928. xviii, 404 p.
20. Loughlin M. The Concept of Constituent Power // European Journal of Political Theory. 2014. Vol. 13 (2). P. 218–237.
21. Friedrich C.J. Constitutional Government and Democracy: Theory and Practice in Europe and America. Boston : Ginn and Company, 1950. xvi, 688 p.
22. Negri Antonio. Insurgencies. Constituent Power and the Modern State. Minneapolis. London : University of Minnesota Press, 1999.
23. Hardt M., Negri A. Assembly. Oxford University Press, 2017. 369 p.
24. Kalyvas A. Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, Hannah Arendt. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 326 p. DOI:10.1017/CBO9780511755842.001
25. Cristi R. Schmitt on Constituent Power and the Monarchical Principle // Constellations. 2011. Vol. 18, № 3. P. 352–364.
26. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб. : Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
27. Kalyvas A. Popular Sovereignty, Democracy and Constituent Power // Constellations. 2005. Vol. 12, № 2. P. 223–244. DOI:10.1111/j.1351-0487.2005.00413.x
28. Muldoon J. Arendt's Revolutionary Constitutionalism: Between Constituent Power and Constitutional Form // Constellations. 2016. Vol. 23, is. 4. P. 596–607. DOI:10.1111/1467-8675.12179
29. Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88, № 12. С. 1075–1082.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 сентября 2019 г.

Constituent Power and Constitutional Modernisation in Modern Constitutionalism (Russian, Comparative, and International Aspects)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 206–217.
DOI: 10.17223/15617793/450/25

Igor A. Kravets, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

Keywords: fundamental laws; legal constitutionalism; constituent constitutionalism; constituent power; teleocratic and nomocratic function; permanent constitution; natural constitutionalism; Wattel; decisionism; Schmitt; normativism; Kelsen.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Research Project No. 18-011-00761 A.

The article considers the conceptual foundations of legal and constituent constitutionalism, the problem of permanent constitution and constitutional modernisation, the multiplicity of the term "constitutionalism" and the dynamic capabilities of the constitution, the relationship of the nation's right to adopt and change the constitution in Emer Vattel's views, social foundations and forms of constituent power, the influence of Hans Kelsen's normativism and Carl Schmitt's decisionism for the modern understanding of constituent power, prospects for the formation of a constituent constitutionalism in the conditions of an information society and e-government. The author explores the conceptual significance of the basic laws and the modern constitution as legal phenomena, their difference in constitutional and historical jurisprudence, the substantive characteristics of legal constitutionalism based on the model of a written, codified constitution widespread on the legal map of the world. The author discusses the scientific views of Vattel as a representative of the school of natural rights to the constitution and public authority, the differences between the constituent and legislative powers, the role of the nation's right to adopt a constitution and the right to change it. This article substantiates the scientific and political-legal significance of Schmitt's decisionism. The author believes that the Russian constitutional landscape is under a serious strain from the results of the influence of Schmitt's concept of decisionism. Political and legal forms of involving citizens in the constitutional popular monitoring of possible amendments and changes to the Constitution of the Russian Federation remain unclaimed by constitutional science and practice. The article examines Kelsen's views on the understanding of the constituent power and the basic norm. Constitutional scholars note that, at present, the democratic constitutional theory does not pay enough attention to the concept of constituent power and attribute this to the costs of the influence of Kelsen's legal positivism. The article uses the methods of discursive and comparative legal analysis, the method of constitutional hermeneutics, specific historical and formal legal methods of analysis. The article identifies the problems of regulation and implementation of constituent power in Russian constitutionalism. Conclusions are made: in the conditions of the modern information society and the e-state, attention should be paid to the development of new legal means for identifying the validity of the constitution, creating political and legal mechanisms of constitutional will and the will of the people that are adequate to technological possibilities and based on digital rights and digital constitutionalism.

REFERENCES

1. Shustrov, D.G. (2018) Mechanisms of Ensuring Stability of the Constitution in Post-Soviet States. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 4. pp. 20–29. (In Russian).
2. Komarova, V.V. (2011) The Constituent Power and Forms of Its Realization. *Sovremennoe obshchestvo i pravo*. 1. pp. 13–19. (In Russian).
3. Krisch, N. (2016) Pouvoir constituant and pouvoir irritant in the postnational order. *International Journal of Constitutional Law.* 14 (3). pp. 657–679. DOI: 10.1093/icon/mow039
4. Grimm, D. (2018) Constitutionalism: Past – Present – Future. *Nomos*. 2. pp. 1–12.
5. Brockhaus,F.A. & Efron, I.A. (1895) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XIVa. St. Petersburg: Tipo-Litografiya I. A. Efrona. pp. 571–572.
6. Abegg, J.F.H. & Göbler, J. (1837) *Constitutio criminalis Carolina: . . . et Rami Nemasis Carulina*. Heidelberga: Mohr.
7. Roeck, B. (1993) Criminal Procedure in the Holy Roman Empire in Early Modern Times. *IAHCCJ Bulletin.* 18. pp. 21–40.
8. Lysenko, O.L. (2014) Carolina in 1532—A Monument of Medieval German Law (Civilizational Approach to the Study). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo*. 5. pp. 52–74. (In Russian).
9. Vattel, E. (1960) *Pravo narodov ili printsipy estestvennogo prava, primenyaemye k povedeniyu i delam natsiy i suverenov* [The Law of Peoples or the Principles of Natural Law Applicable to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns]. Moscow: Gosyurizdat.
10. Kravets, I.A. (2019) Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 439. pp. 202–215. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/439/28
11. Alekeev, S.S. (ed.) (2016) *Prava cheloveka: entsiklopedicheskiy slovar'* [Human Rights: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Norma; INFRA-M.
12. Schochet, G.J. (1979) Introduction: Constitutionalism, Liberalism, and the Study of Politics. *Nomos*. 20. pp. 1–15.
13. Kravets, I.A. (2018) Constitution and Values of the Constitutionalism as a Mega-Paradigm. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 12. pp. 44–55. (In Russian). DOI: 10.31857/S013207690002199-0
14. Walker, G. (1997) The Idea of Nonliberal Constitutionalism. *Nomos*. 39. pp. 154–184.
15. Duverger, M. (1945) Contribution à l'étude de la légitimité des gouvernements de faits. *Revue du droit public et de la science politique en France et a l'etranger*. 51 (61). pp. 73–100.
16. Albert, R. (2018) Foreword. In: Botelho, C.S., Terrinha, L.H. & Coutinho, P. (eds) *Constitutionalism in a Plural World.*, Porto: Universidade Catolica Editora. pp. 20–21.
17. Botelho, C.S., Terrinha, L.H. & Coutinho, P. (eds) (2018) *Constitutionalism in a Plural World.*, Porto: Universidade Catolica Editora.
18. Schmitt, C. (2008) *Constitutional Theory*. Translated by Jeffrey Seitzer. Durham: Duke University Press.
19. Schmitt, C. (1928) *Verfassungslehre*. Berlin: Duncker und Humblot.
20. Loughlin, M. (2014) The Concept of Constituent Power. *European Journal of Political Theory.* 13 (2). pp. 218–237.
21. Friedrich, C.J. (1950) *Constitutional Government and Democracy: Theory and Practice in Europe and America.* Boston: Ginn and Company.
22. Negri, A. (1999) *Insurgencies. Constituent Power and the Modern State*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
23. Hardt, M. & Negri, A. (2017) *Assembly*. Oxford University Press.
24. Kalyvas, A. (2008) *Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, Hannah Arendt.* Cambridge: Cambridge University Press. DOI:10.1017/CBO9780511755842.001
25. Cristi, R. (2011) Schmitt on Constituent Power and the Monarchical Principle. *Constellations*. 18 (3). pp. 352–364.
26. Kelsen, H. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Pure Doctrine of Law]. 2nd ed. TFG by M.V. Antonov and S.V. Lezov. St. Petersburg: Izdatel'skiy Dom "Alef-Press".

27. Kalyvas, A. (2005) Popular Sovereignty, Democracy and Constituent Power. *Constellations*. 12 (2). pp. 223–244. DOI:10.1111/j.1351-0487.2005.00413.x
28. Muldoon, J. (2016) Arendt's Revolutionary Constitutionalism: Between Constituent Power and Constitutional Form. *Constellations*. 23 (4). pp. 596–607. DOI:10.1111/1467-8675.12179
29. Shakhray, S.M. (2018) Digital Constitution. Fundamental Rights and Personal Freedoms in Total Information Society. *Vestnik RAN*. 88 (12). pp. 1075–1082. (In Russian). DOI: 10.31857/S086958730003185-1

Received: 05 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 218–225. DOI: 10.17223/15617793/450/26

УДК 341.1/8

А.В. Кукушкина

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Рассматривается новая концепция экологической безопасности, которая предполагает изменение традиционных подходов к охране окружающей среды. Данное исследование было проведено на основе изучения российских и международных актов, а также отечественной и зарубежной доктрины. Автор считает, что сформировавшийся к сегодняшнему моменту режим международной правовой защиты окружающей среды от различных видов ущерба хоть и охватывает многие ее сферы, но развитие правового регулирования существенно отстает от общественных потребностей.

Ключевые слова: международное право; экологическая безопасность; вооруженные конфликты; ЮНЕП; охрана окружающей среды.

Деградация окружающей среды, ее разрушение и загрязнение начинают осознаваться человечеством, результатом чего становится расширение экологического движения во многих странах мира.

Увеличивается количество факторов, отрицательно влияющих на среду обитания и жизнедеятельность человека. В настоящее время число токсичных химических веществ, используемых в мире, равно 600 тыс., и к ним ежегодно добавляется еще около 3 тыс. Каждый год в атмосферу выбрасывается примерно 145 млн т двуокиси серы, 250 млн т пыли, 70 млн куб. м газа, около 1 млн т соединений свинца, десятки тысяч тонн фтористых и хлористых соединений [1. P. 72].

Все больше страны мира начинают понимать, что их безопасность находится под угрозой в результате экологических кризисов в других странах. Такие опасные явления, как изменение и разрушение среды обитания, исчезновение биологических видов и утрата биологического разнообразия, разрушение озонового слоя и климатические изменения носят, безусловно, трансграничный характер.

Основным вызовом и угрозой экологической безопасности Российской Федерации, носящими глобальный характер, является изменение климата в результате увеличения в атмосфере концентраций парниковых и озоноразрушающих газов [2. С. 104].

Отметим также, что в 1990-е гг. сбросы различных загрязняющих веществ в РФ были существенно сокращены, что явилось большим вкладом в смягчение остроты многих глобальных экологических проблем. В 1991–2015 гг. Россия стала мировым лидером по объему кумулятивного снижения выбросов парниковых газов и в значительной степени компенсировала прирост выбросов в других регионах мира [Там же. С. 35].

Президентом РФ В.В. Путиным в выступлении на юбилейной, 70-й сессии ГА ООН было внесено предложение о необходимости качественно новых подходов для обеспечения гармонии отношений человека и окружающей среды. «Речь должна идти о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят ущерб окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволяют восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой. Это действительно вызов планетарного масштаба» [3].

Такой же характер носят и последствия представляющей угрозу для окружающей среды военной деятельности, осуществляемой в той или иной части земного шара.

Одна из крайних форм разрушения окружающей среды, известная также как экоцид, наблюдалась в ходе войны в Персидском заливе. Ущерб может быть нанесен как в результате непосредственного применения оружия, так и побочного воздействия на окружающую среду. Даже после прекращения огня в районе, где велись боевые действия, в течение длительного времени остается большое количество опасных отходов, включая неразорвавшиеся боеприпасы.

До сих пор ущерб, наносимый окружающей среде в ходе войны, в основном ограничивался районом боевых действий. Косвенные последствия, особенно для сельского хозяйства и лесов, нередко проявляются в более обширных районах, например, это последствия преднамеренного разрушения окружающей среды, как наводнения, вызванные разрушением дамб и плотин, дефолиация лесов с помощью химических веществ во Вьетнаме или загрязнение воздуха дымом горящих нефтяных скважин, наблюдавшиеся в Кувейте. Для преодоления последствий могут потребоваться десятилетия и даже столетия.

Военная деятельность оказывает воздействие на окружающую среду и в мирное время. Под ней понимаются производство и испытание оружия, боевая подготовка и военные учения, создание военных баз и объектов, поддержание состояния боевой готовности, а также различного рода несчастные случаи и аварии. Снятие с вооружения и уничтожение оружия и военной техники, осуществляемые как во исполнение соглашений в области разоружения, так и по другим причинам, также ведут к возникновению экологических проблем.

Новой концепцией, которая предлагает изменение традиционных подходов к охране окружающей среды, стала экологическая безопасность.

Экологическая безопасность предлагает более плодотворную базу для сотрудничества и обеспечения нормальной жизни народов, чем национальная военная безопасность, поскольку концепция экологической безопасности и позитивна, и всеобъемлюща [4. С. 1–2]. В то время как военная безопасность основана на конкуренции и наращивании военной мощи от-

дельных стран за счет других наций, экологическая безопасность не может быть достигнута в одностороннем порядке – такого рода безопасность требует и обеспечивает более стабильные и объединяющие отношения между странами.

На протяжении более чем 30 лет со времени проведения первой международной конференции по окружающей человека среде, состоявшейся в Стокгольме под эгидой Организации Объединенных Наций, росло осознание характера и масштаба экологических проблем. В результате последующих конференций углубилось понимание конкретных аспектов. Такие комиссии, как Комиссия Брунтланд убедительно показала, что решение экологических проблем планеты Земля – это общая задача человечества. С созданием программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (далее – ЮНЕП) экологические вопросы стали неотъемлемым аспектом работы всей системы ООН.

Деятельность ЮНЕП в области экологической безопасности направлена на изучение последствий применения современных обычных вооружений и исследование того, в какой степени региональное сотрудничество по охране окружающей среды является мерой укрепления доверия в целях упрочения международной безопасности [5. С. 2].

Включенная вначале в качестве одного из элементов во всеобъемлющую систему международной безопасности, экологическая безопасность постепенно становится одним из самых значимых слагаемых этой системы. Близость вопросов военной и экологической безопасности находит свое отражение в эволюции самого понятия безопасности, которое с начала 80-х гг. стало во все большей мере отождествляться не столько с национальной военной безопасностью, сколько с множественностью причин, угрожающих безопасности, и с взаимозависимостью государств [6. Р. 2].

Учеными предлагаются следующие определения понятия экологической безопасности.

По мнению А.С. Тимошенко, «экологическая безопасность как устойчивое состояние глобального характера представляет собой сложное политико-правовое единство, систему отдельных, но взаимосвязанных элементов» [7. С. 87].

Е.А. Нестеренко считает, что «экологическая безопасность – это безопасность всех жизненно важных для человечества экологических компонентов нашей планеты, и поддержание надлежащего природного равновесия между ними» [8. С. 252].

А.С. Шишко отмечает, что «экологическая безопасность представляет собой комплекс правовых, организационных и материальных гарантий защиты окружающей среды каждого государства от вредоносного воздействия, источники которого расположены за пределами данного государства» [9. С. 4].

Точка зрения Ф.Г. Мышко состоит в том, что «экологическая безопасность включает элементы личной и общественной безопасности, а саму экологическую или социально-экономическую безопасность можно рассматривать как часть общественной безопасности, являющейся частью национальной безопасности Российской Федерации» [9. С. 49].

Е.С. Молодцова считает, что «экологическая безопасность – это состояние защищенности человека, которое зависит от условий окружающей природной среды, определяемых как естественными процессами, так и воздействием человека» [11. С. 11].

Точка зрения Э.Р. Черняховского, состоит в том, что «экологическая безопасность – это состояние защищенности каждого отдельного лица, общества, государства и окружающей среды от чрезмерной экологической опасности; сохранение и результат обеспечения защиты жизненно важных интересов личности, общества, государства и окружающей среды от негативных воздействий антропогенного и природного характера, важная составная часть безопасности государства» [12. С. 11]. Проект совместной резолюции Украины и Чехословакии, внесенный ими на 42-й и 43-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, говорит об экологической безопасности как «связанной с обеспечением устойчивого развития всех стран в безопасных экологических условиях» [13]. В отчете Совета управляющих ЮНЕП о работе его первой специальной сессии говорится: «Экологическая безопасность подразумевает рациональное и устойчивое развитие экологических ресурсов на благо нынешнего и будущего поколений» [14].

Представляется, что в настоящее время преждевременно говорить о комплексе правовых, организационных и материальных гарантий, поскольку вопросы экологической безопасности практически весьма мало разработаны как во внутригосударственном, так и в международном праве. Так, например, в законе РФ об охране окружающей природной среды 1992 г. констатировалось, что «настоящий закон призван способствовать… обеспечению экологической безопасности на территории Российской Федерации». Но оставалось совершенно неясным, что следует понимать под экологической безопасностью – не приводилось определение самого понятия. В новом Федеральном законе РФ «Об охране окружающей среды» 2002 г. экологическая безопасность понимается как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий.

Пока поставлена только проблема разработки вопросов экологической безопасности в теоретическом плане, и существующая нормативная база является очень разрозненной, фрагментарной, регулирующей лишь отдельные аспекты экологической безопасности.

Наиболее обоснованными нам представляются точки зрения А.С. Тимошенко и Е.А. Нестеренко как отражающие основные правовые аспекты экологической безопасности.

Таким образом, по нашему мнению, экологическую безопасность можно определить как сложную взаимосвязанную и взаимозависимую систему международных экологических норм, направленных на обеспечение безопасности всех жизненно важных для человечества экологических компонентов планеты, а также на сохранение и поддержание существующего

естественного природного баланса между ними. Концепция экологической безопасности призвана содействовать устойчивому и безопасному развитию для всех государств и созданию благоприятных условий для жизни каждого народа и каждого человека [15. С. 22–23], отметил В.Ф. Петровский на пресс-конференции «За международную экологическую безопасность». Было предложено приступить к разработке комплексной конвенции, содержащей как нормы экологического поведения государств, так и основные направления сотрудничества, и подчеркнуто, что природоохранительные меры должны сопутствовать разоружению в одном ряду с контролем и открытостью.

Современное международное право включает систему норм особого рода – основных принципов. Под основными принципами понимаются исторически обусловленные, основополагающие общепринятые нормы, выражающие главное содержание международного права, его характерные черты и обладающие высшей, императивной юридической силой [16].

Международно-правовое регулирование защиты окружающей среды базируется на общепризнанных принципах и нормах международного права, закрепленных в Уставе ООН и играющих главную роль в этом процессе, а также на специальных (отраслевых) принципах, развивающих и конкретизирующих эти принципы применительно к конкретным взаимоотношениям государств по различным вопросам охраны окружающей среды [8. С. 253].

Впервые на международном уровне начальные подходы к решению экологических проблем были определены Стокгольмской декларацией принципов 1972 г. [17. С. 682–687; 18. С. 31–43]. Так, в 26-м принципе говорится: «Человек и окружающая его среда должны быть избавлены от последствий применения ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Государства должны стремиться к скорейшему достижению договоренности в соответствующих международных органах о ликвидации и полном уничтожении таких видов оружия. Не обладая обязательной юридической силой, декларация, вместе с тем имеет нормотворческое значение. Установленные в ней принципы о взаимном непричинении экологического ущерба, защите морской среды от загрязнения, предотвращения всемирного ядерного конфликта и ряд других получили дальнейшее широкое подтверждение и развитие в международно-правовой практике государств по защите окружающей среды, а также в фундаментальных международно-правовых актах, в том числе в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Международное право призвано закрепить единообразные принципы и нормы экологически целесообразного поведения государств, которые в свою очередь должны быть имплементированы в национальное законодательство. При этом следует использовать весь накопленный позитивный опыт международного сотрудничества в данной области, который был закреплен в ряде международно-правовых документов, создающих основу для формирования концепции международной экологической безопасности. Среди них – Договор об Антарктике 1959 г., Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г., Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 г., Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г., Стокгольмская декларация по окружающей среде 1972 г., Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г., Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 г. и Монреальский протокол к ней 1987 г., Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г.

Важные концептуальные положения, имеющие непосредственное отношение к экологической безопасности и сотрудничеству государств в этой области, содержатся в таких одобренных Генеральной Ассамблеей ООН документах, как «Всемирная хартия природы», Доклад Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию (МКОСР) «Наше общее будущее», «Экологическая перспектива на период до 2000 г. и далее», резолюция об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущих поколений. Также это итоговый документ конференции «Рио плюс 20» 2012 г., называющийся «Будущее, которого мы хотим» [19], документ, представленный рабочей группой ГА ООН по ЦУР [20], итоговый документ ООН, посвященный достижению Целей развития тысячелетия (ЦРТ) [21], обновленная «Повестка дня в области устойчивого развития в период до 2030 года» [22].

В настоящее время принято более 120 нормативных актов в сфере охраны окружающей среды, они значительно отличаются по своей основе и юридической силе, субъектам и сфере действия и т.д. В комплексном виде принципиальные основы международного права окружающей среды не сформулированы и могут быть выявлены при анализе большого числа природоохранительных и иных договоров, деклараций и других актов нормообразующего характера.

Скажем вкратце об основополагающих документах, принятых в России. Это Концепция перехода РФ к устойчивому развитию 1996 г. и проект документа «Стратегия устойчивого развития Российской Федерации» [23. С. 6]; Экологическая доктрина РФ, одобренная распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 225р.; Климатическая доктрина Российской Федерации, утверждена распоряжением Президента Российской Федерации от 17.12.2009 № 861 – рп; Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом РФ 30 апреля 2012 г.; Концепция государственной поли-

тики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 20.04.2014 № 259; Стратегия национальной безопасности РФ на период до 2020 г., утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, а также Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г., утверждена Указом Президента Российской Федерации 19.04.2017 № 176.

Последний документ говорит о том, что целями государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности в России являются сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики, ликвидация накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

Обостряющиеся мировые проблемы окружающей среды и необходимость устранить пробелы в международном праве окружающей среды поставили мировое сообщество перед настоятельной необходимостью формирования своего рода «экологического правового пространства» основополагающими принципами и развивающими их нормами, критериями и стандартами. Решение этой задачи предполагает наряду с укреплением существующей природоохранной правовой базы выработать единый универсальный правовой документ в области защиты окружающей среды. Он стал бы одним из важнейших составляющих экологической безопасности.

О необходимости заключения универсальной конвенции говорят как российские, так и зарубежные ученые. Так, американский эколог Л. Браун отмечает, что 70-е гг. ознаменовались серией национальных законов, касающихся проблем окружающей среды, а следующие десятилетия вполне могут ознаменоваться сопоставимыми инициативами на международном уровне [24. P. 17].

На необходимость «подготовить под эгидой Организации Объединенных Наций всеобщую декларацию об охране окружающей среды и долговременном развитии, а затем и конвенцию, и повысить действенность процедур предотвращения и урегулирования споров по вопросам охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов» [25. С. 32] указывают эксперты МКОСР. По их оценкам, такая декларация или хартия явились бы основой, «на которой впоследствии можно было бы разработать конвенцию, излагающую суверенные права и взаимные обязанности всех государств в области охраны окружающей среды и устойчивого развития. В такой хартии следует изложить новые нормы государственного и межгосударственного поведения, необходимого для сохранения средств к существованию и жизни на планете, в том числе основные нормы заблаговременного уведомления и консультаций и оценки деятельности, которая может оказать воздействие на соседние государства или глобальное общее достояние» [25. С. 296]. В докладе Комиссии говорится, что, хотя ряд таких норм уже присутствует в некоторых двусторонних и региональных договорах, отсутствие более широкого соглашения о таких основных нормах межгосударственного поведения подрывает суверенитет и экономический потенциал развития каждого государства в отдельности и всего международного сообщества.

Наши ученые в области права окружающей среды считают, что кодификация природоохранительных норм – как обычных, так и договорных – в универсальной конвенции всеобъемлющего характера придаст им характер общепринятых норм, которые будут учитывать все государства независимо от их участия в конвенции [26. С. 100], высказываются в пользу возможности подготовить «универсальную конвенцию об устойчивом экологическом развитии» [27. С. 292] с учетом рекомендаций доклада Комиссии Брунтланд, деклараций Стокгольма, Найроби и Рио-де-Жанейро, предыдущих конвенций и резолюций ООН.

Существует две точки зрения относительно предмета регулирования. О.С. Колбасов считал, что предметом кодификации должен стать весь нормативный материал, действующий в сфере международного права, кодекс поведения, «который бы олицетворял целую отрасль международного энвайронментального права» [28. С. 173–174].

А.С. Тимошенко говорит о том, что на международном уровне практически невозможно разработать один всеобъемлющий акт, который охватывал бы все аспекты природопользования и поэтому усилия необходимо сосредоточить на «кодификации прежде всего основополагающих принципов международно-правовой охраны окружающей среды, придания им общепризнанного и общеобязательного характера, их формирования в том виде, который исключал бы их разноречивое толкование» [26. С. 107]. Аналогичной точки зрения придерживается В.А. Василенко [29. С. 73].

По нашему мнению, более реалистичной представляется вторая позиция, и усилия международного сообщества должны быть сосредоточены на прогрессивном развитии и кодификации основополагающих принципов.

Ученые считают, что под влиянием социального и научно-технического прогресса формируется комплексный принцип международного права – принцип экологической безопасности [30. С. 49].

На формирование принципа экологической безопасности оказывают влияние как основные принципы международного права, так и специальные принципы различных отраслей международного права. Из основных принципов – это в первую очередь принцип разоружения. Из него, как отмечал С.А. Малинин [31. С. 21], вытекает и обязанность государств добиваться заключения международных договоров в области разоружения (как частичного, так и более радикального характера) и добросовестно выполнять уже принятые на себя обязательства по вступившим в силу международным соглашениям. Принцип разоружения играет решающую роль в механизме международно-правового регулирования охраны экологического равновесия нашей планеты прежде всего потому, что в международном праве есть целый ряд установлений в области ограничения гонки вооружений, разоруже-

ния, имеющих непосредственное отношение к глобальной экологической проблеме.

Также Н.А. Соколова отмечает: «Принцип разоружения – это новый принцип международного права, который тесно связан с обеспечением охраны окружающей среды. Накопление оружия ведет к негативным экологическим последствиям, однако и процесс разоружения вызывает определенные международные проблемы охраны окружающей среды, связанные, прежде всего, с ее загрязнением» [32. С. 98].

В качестве примера влияния специальных принципов можно указать на принципы непричинения ущерба территории других государств, охраны и рационального использования живых ресурсов моря и др. [33, 34].

Экологическая безопасность отражает прежде всего глобальный и чрезвычайно острый характер международных проблем в области защиты окружающей среды, включая региональные проблемы с глобальными последствиями [8. С. 254].

Первичными элементами этого принципа можно считать основные обязательства государств по сохранению мира и международной безопасности, разоружению и прекращению гонки вооружений, включая прекращение испытаний ядерного оружия, запрещению военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду и климат; безопасного развития ядерной энергетики; недопустимости нанесения ущерба окружающей среде за пределами действия национальной юрисдикции или контроля; по предотвращению и ограничению трансграничного загрязнения атмосферы, морской среды, международных пресноводных бассейнов. Урегулирование деятельности государств, связанное с защитой окружающей среды, на основании принципа обеспечения экологической безопасности предполагает обязательное укрепление и совершенствование других соответствующих принципов и норм.

Становление этого принципа в качестве одного из принципов международного права окружающей среды – не только результат современного общественного развития, взаимосвязанности охраны окружающей среды и других глобальных проблем современности, но и итог выработки государствами значительного числа конкретных норм в данной сфере межгосударственных отношений. Обязательства государств по охране природных экосистем от загрязнения закреплены в ряде действующих многосторонних договоров как в области сохранения мира, международной безопасности и разоружения, так и в других областях межгосударственного сотрудничества.

Международные договоры играют главную роль в международно-правовой защите окружающей среды. В качестве правовых средств обеспечения экологической безопасности выступают как универсальные договоры, так и соглашения регионального типа, например, Договор об Антарктике 1959 г., Конвенция о сохранении морских живых ресурсов и сотрудничеству в Европе 1975 г. Значение подобных актов выходит за рамки одного региона и имеет, как указывает В.Я. Суворова, универсальный эффект [35. С. 93].

Принцип экологической безопасности из всего комплекса вопросов охраны окружающей среды выделяет главное: недопущение экоспазма как условие выживаемости человечества. Этот принцип устанавливает прямую связь между охраной окружающей среды и международной безопасностью [30. С. 49]. Эта взаимосвязь получила подтверждение в соответствующих резолюциях 41-й и 42-й сессий Генеральной Ассамблеи ООН. При этом защита и улучшение охраны окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов тесно увязываются с обеспечением всех аспектов международной безопасности, в том числе с разоружением, в первую очередь ядерным.

Так, в резолюции 42/93 о всеобъемлющей системе международного мира и безопасности, принятой 7 декабря 1987 г., Генеральная Ассамблея придала новое направление концепции международного мира и безопасности. В п. 10 констатируется: «Сотрудничество в экологической сфере должно стать неотъемлемым элементом всеобъемлющей системы международной безопасности, которую так давно выдвигала ЮНЕП и которая состоит в том, что нерешенные экологические проблемы легко могут перерасти в международную напряженность и конфликты» [36. С. 305].

В 1989 г. концепция экологической безопасности получила дополнительное признание, о чем свидетельствует тот факт, что на международных форумах, включая Совет управляющих ЮНЕП и Генеральную Ассамблею ООН, она стала предметом широкого обсуждения. В концепции отражается озабоченность общей безопасностью, поскольку она связана с экологической деградацией как причиной и следствием конфликтов. Экологическая деградация, особенно в странах третьего мира, нередко ведет к обострению конфликтов, возникших по другим причинам. В связи с этим сотрудничество в области охраны окружающей среды важно не только само по себе – хорошо налаженное, оно может служить средством смягчения враждебных проявлений, укрепления доверия и содействия урегулированию конфликтных ситуаций [36].

Юридическое содержание принципа экологической безопасности состоит в обязанности государств осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы исключить, в интересах ее обеспечения, усиливающееся воздействие экологических стрессов на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях. Международная экологическая безопасность предполагает такое состояние международных отношений, при котором обеспечиваются сохранение, рациональное использование, воспроизводство и повышение качества окружающей среды. Любая деятельность должна осуществляться таким образом, чтобы исключить нанесение ущерба не только другим государствам, но и всему международному сообществу в целом. Можно полагать, что эти обязательства государств представляют собой обязательства erga omnes.

Теоретической частью, практически неразработанной, является проблема определения и применения неотложных и необходимых принудительных мер не только в экстремальных экологических ситуациях. В этой

связи подлежит тщательному обсуждению сущность принципа экологической безопасности, выявление целесообразности и правомерности применения в соответствии со специально выработанными международными процедурами принудительных мер (санкций) против государства-нару-шителя. Эти вопросы на межправительственном уровне пока не рассматриваются.

Постановка экологической безопасности в качестве главной конечной цели всего процесса защиты окружающей среды выдвигает и соответствующие новые подходы к его осуществлению. В международно-правовом плане основные задачи сводятся, прежде всего, к следующему:

1) признание и соблюдение существующих международно-правовых принципов и норм всеми членами международного сообщества;

2) прогрессивное расширение международно-правовой нормативной основы в области защиты окружающей среды путем ускорения процесса формирования принципов и норм в этом направлении (в частности одного из кардинальных – принципа ответственности государств за ущерб окружающей среде);

3) придание новым принципам и нормам более жесткого характера, а отражающим их обязательствам государств – четкой формы выражения;

4) присоединение к основным международно-правовым актам в области защиты окружающей среды и ратификация этих документов;

5) распространение эффективного договорного регулирования на все области деятельности государств, затрагивающей экологический баланс;

6) обеспечение адекватных механизмов строгого соблюдения действующих международных договоров на национальном уровне;

7) создание системы международного контроля за выполнением государствами обязательств по международным договорам в области защиты окружающей среды.

Сформировавшийся к настоящему времени режим международно-правовой защиты окружающей среды от различных видов ущерба охватывает многие ее сферы. Однако развитие правового регулирования (как международного, так и национального) отстает от тех потребностей, которые диктуются высокими темпами развития научно-технического прогресса и его воздействием на окружающую среду.

Сложности с разработкой нормативных актов по экологической безопасности состоят в том, что они должны касаться ситуации, в которой при воздействии экологической опасности всегда можно достаточно четко определить основные пострадавшие стороны, но весьма трудно подсчитать ущерб (особенно в долгосрочном плане). Иногда трудно найти конкретного субъекта (государство), к которому можно применить соответствующие санкции [37. С. 8–10].

Важно постоянное совершенствование международного права окружающей среды, включая вопросы пользования общими или уникальными природными богатствами, территориями и ресурсами, сохранения биологического разнообразия на планете. Предстоит выработать эффективные, основанные на консенсусе международные процедуры и механизмы, которые бы обеспечивали рациональное использование экологических ресурсов.

Также нужно отметить, что в течение длительного периода времени Российская Федерация, являющаяся правопреемницей СССР, активно участвует в международном сотрудничестве по соблюдению международно-правовых договоров и экологических программ. Вместе с тем она зачастую недостаточно представлена в комитетах и других органах, созданных на основе соглашений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Drengson A.R. Beyond environmental crisis: From technocrat to planetary person. N.Y. etc.: Lang, 1989.
2. Доклад об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений. М., 2016. С. 104.
3. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании юбилейной 70-й сессии ГА ООН. Нью-Йорк, 28 сентября 2015 года. URL: http://www. kremlin.ru/events/president/news/50385 (дата обращения: 03.04.2019).
4. Выживем вместе // Журнал о российско-американских отношениях. 1992. Т. 1, № 2.
5. Информационный материал по экологической безопасности // Тридцать лет с ЮНЕП – итоги и перспективы : международная конференция: Центр международных проектов. М., 2002.
6. Boardman R. Ecological security, the Oceans and Common Security // Pacem in Maribus XVII. Moscow, June 1982.
7. Тимошенко А.С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект // Советское государство и право. 1989. № 1.
8. Нестеренко Е.А. Защита окружающей среды и экологическая безопасность // Всеобъемлющая международная безопасность. М., 1990.
9. Шишко А.А. Предупреждение трансграничного загрязнения (международно-правовые проблемы). Киев : Наукова думка, 1990.
10. Мышко Ф.Г. Экологическая безопасность. М. : Закон и право, 2003.
11. Молодцова Е.С. Охрана окружающей среды и международное регулирование мирной ядерной деятельности. М. : Изд. фирма «А.В. Туров», 2000.
12. Черняховский Э.Р. Управление экологической безопасностью : учеб.-практ. пособие. М. : Альфа-Пресс, 2007.
13. Doc. ООН A/C 2142/L. 34, 1987, October 30. URL: https://www.un.org/ru/ga/42/docs/42res.shtml (дата обращения: 03.04.2019).
14. Материалы ЮНЕП. Среднесрочный план программы ООН по окружающей среде на период 1990–1995 гг. Подпрограмма 10. Мир, безопасность и окружающая среда. URL: https://www.un.org/ru/ga/unep/ (дата обращения: 03.04.2019).
15. Петровский В.Ф. Прочно держаться за правовые поручни // Вестник МИД СССР. 1988. № 17.
16. Курс международного права / под ред. Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. М. : Наука, 1989. Т. 2.
17. Декларация принципов Стокгольмской конференции 1972 г. // Действующее международное право. М. : МНИМП, 1997. Т. 3.
18. Колбасов О.С. Международно-правовая охрана окружающей среды. М., 1982.
19. Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции ООН. Рио-де-Жанейро. 2012. URL: http://www.uncsd 2012.org/ (дата обращения: 03.04.2019).
20. Framing Sustainable Development Goals, Targets and Indicators. Prepared by the SDSN secretariat. 2014.
21. Millennium Development Goals Report 2015. UN, N.Y., 2015.
22. Итоговый документ саммита ООН по принятию Повестки дня в области развития на период после 2015 года: Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения: 03.04.2019).

23. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Экологические приоритеты для России / под ред. Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева. М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017.
24. Lester R. Braun. State of the World 1990. N.Y., 1989.
25. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М., 1989.
26. Тимошенко А.С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. М., 1986.
27. Вавилов А.М. Экологические последствия гонки вооружений. М. : Международные отношения, 1988.
28. Колбасов О.С. Экология: политика – право. М. : Наука, 1976.
29. Василенко В.А. Экологическая безопасность как элемент всеобъемлющей системы международной безопасности // Советская дипломатия в борьбе за мир и международную безопасность: от Декрета о мире к всеобъемлющей системе международной безопасности : материалы междунар. науч. конф. 9–10 апреля 1987 г. М. : Дипломат. акад., 1987.
30. Кириленко В.П. Принцип экологической безопасности в современном международном праве // Правоведение. 1989. № 3.
31. Малинин С.А. Победа советского народа в Великой Отечественной войне и международное право // Правоведение. 1985. № 2.
32. Соколова Н.А. Теоретические проблемы международного права окружающей среды. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002.
33. Клименко Б.М. Государственная территория (вопросы теории и практики международного права). М. : Междунар. отношения, 1973.
34. Иванченко Н.С. Рациональное использование живых ресурсов моря. Международно-правовые вопросы. М. : Пищевая промышленность, 1975.
35. Суворова В.Я. Локальные нормы международного права // Правоведение. 1973. № 6.
36. Ежегодный доклад директора-исполнителя // Программа ООН по окружающей среде. Найроби : ЮНЕП, 1992.
37. Перелёт Р.А. Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Зеленый мир. 1992. № 7–8.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 октября 2019 г.

International Legal Aspects of Environmental Security at the Present Stage

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 218–225.
DOI: 10.17223/15617793/450/26

Anna V. Kukushkina, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: kukushkina-anneta-90@mail.ru

Keywords: international law; environmental security; armed conflict; UNEP; environmental protection.

The main aim of the work is to consider environmental security problems and develop proposals for the further development of regulations in this area. The study is based on theoretical and empirical material. The following international legal acts were used: the Antarctic Treaty of 1959, the Treaty Banning Nuclear Weapon Tests in the Atmosphere, in Outer Space and Under Water in 1963, the Stockholm Declaration on the Environment of 1972, etc. The methodological basis for the study was the dialectical, historical legal and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the definition of the concept of environmental security, the identification of norms and principles of international law in the field of environmental protection. The use of historical legal and formal legal methods helped to identify the stages of development of norms in the field of environmental security in domestic and international law. As a result, the author came to the conclusion that the continuous improvement of international environmental law, including the use of common or unique natural resources, territories and resources, the preservation of biological diversity in the world by participants in international relations, is important. Effective, consensus-based international procedures and mechanisms that would ensure the rational use of the planet's ecological resources are to be developed. The legal regime of international protection of the environment against various types of damage that has now been established covers many of its areas. But the formation of legal regulation, both international and domestic, lags behind the needs that are dictated by the rapid pace of development of scientific and technological progress and its impact on the environment. Difficulties with the adoption of environmental safety regulations are that they have to deal with a situation in which, under the influence of environmental hazards, it is always possible to clearly identify the main affected parties, but it is difficult to calculate the damage (especially in the long term). Sometimes it can be difficult to find a specific entity (state) to which appropriate sanctions can be applied. For a long period of time, the Russian Federation, which is the successor of the USSR, has been actively participating in international cooperation in compliance with international legal treaties and environmental programs. At the same time, it is often underrepresented in committees and other bodies established on the basis of the treaties.

REFERENCES

1. Drengson, A.R. (1989) *Beyond Environmental Crisis: From Technocrat to Planetary Person*. NY etc.: Lang.
2. Ecoline.ru. (2016) *Doklad ob ekologicheskom razvitii Rossiyskoy Federatsii v interesakh budushchikh pokoleniy* [Report on the Environmental Development of the Russian Federation in the Interests of Future Generations]. [Online] Available from: http://ecoline.ru/report-on-the-ecological-development-of-the-russian-federation-in-the-interests-of-future-generations/.
3. kremlin.ru. (2015) *Vystuplenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V.V. Putina na plenarnom zasedanii yubileynoy 70-y sessii GA OON. N'yu-York, 28 sentyabrya 2015 goda* [Speech by President of the Russian Federation V.V. Putin at the Plenary Meeting of the Jubilee 70th Session of the UN General Assembly. New York, September 28, 2015]. [Online] Available from: http://www. kremlin.ru/events/president/news/50385. (Accessed: 03.04.2019).
4. *Zhurnal o rossiysko-amerikanskikh otnosheniyakh.* (1992) Vyzhivem vmeste [Will Survive Together]. 1 (2).
5. Centre for International Projects. (2002) [Information on Environmental Security]. *Tridtsat' let s YuNEP – itogi i perspektivy* [Thirty Years With UNEP: Results and Prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Centre for International Projects. (In Russian).
6. Boardman, R. (1982) Ecological Security, the Oceans and Common Security. *Pacem in Maribus XVII*. June. Moscow.
7. Timoshenko, A.S. (1989) Global'naya ekologicheskaya bezopasnost' – mezhdunarodno-pravovoy aspekt [Global Environmental Security: An International Legal Aspect]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1.
8. Nesterenko, E.A. (1990) Zashchita okruzhayushchey sredy i ekologicheskaya bezopasnost' [Environmental Protection and Ecological Security]. In: Agaev, E.T. et al. *Vseob"emlyushchaya mezhdunarodnaya bezopasnost'* [A Comprehensive International Security]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
9. Shishko, A.A. (1990) *Preduprezhdenie transgranichnogo zagryazneniya (mezhdunarodno-pravovye problemy)* [Prevention of Transboundary Pollution (International Legal Problems)]. Kiev: Naukova dumka.
10. Myshko, F.G. (2003) *Ekologicheskaya bezopasnost'* [Environmental Security]. Moscow: Zakon i pravo.
11. Molodtsova, E.S. (2000) *Okhrana okruzhayushchey sredy i mezhdunarodnoe regulirovanie mirnoy yadernoy deyatel'nosti* [Environmental Protection and International Regulation of Peaceful Nuclear Activities]. Moscow: Izd. firma "A.V. Turov".

12. Chernyakhovskiy, E.R. (2007) *Upravlenie ekologicheskoy bezopasnost'yu* [Environmental Security Management]. Moscow: Al'fa-Press.
13. UN. (1987) Document A/C 2142/L. 34. October 30. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/ga/42/docs/42res.shtml. (Accessed: 03.04.2019).
14. UNEP. (c. 1990) *Srednesrochnyy plan programmy OON po okruzhayushchey srede na period 1990–1995 gg. Podprogramma 10. Mir, bezopasnost' i okruzhayushchaya sreda* [United Nations Environment Program Medium Term Plan for 1990–1995. Subprogramme 10. Peace, Security and the Environment]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/ga/unep/. (Accessed: 03.04.2019).
15. Petrovskiy, V.F. (1988) Prochno derzhat'sya za pravovye poruchni [Clinging Firmly to Legal Handrails]. *Vestnik MID SSSR*. 17.
16. Ignatenko, G.V. et al. (eds) (1989) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [A Course of International Law]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
17. Kolosov, Yu.M. & Krivchikova, E.S. (eds) (1997) Deklaratsiya printsipov Stokgol'mskoy konferentsii 1972 g. [Declaration of Principles of the Stockholm Conference of 1972]. In: *Deystvuyushchee mezhdunarodnoe pravo* [Current International Law]. Moscow: MNIMP.
18. Kolbasov, O.S. (1982) *Mezhdunarodno-pravovaya okhrana okruzhayushchey sredy* [International Legal Environmental Protection]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
19. UNCSD. (2012) *Budushchee, kotorogo my khotim* [The Future We Want]. [Online] Available from: https://www.uncsd2012.org/. (Accessed: 03.04.2019).
20. SDSN Secretariat. (2014) *Framing Sustainable Development Goals, Targets and Indicators*. [Online] Available from: https://irp-cdn.multiscreensite.com/be6d1d56/files/uploaded/141120-Framing-Goals-Targets-and-Indicators.pdf.
21. UN. (2015) *Millennium Development Goals Report 2015*. NY: UN.
22. UN. (2015) *Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustoychivogo razvitiya na period do 2030 goda* [Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1. (Accessed: 03.04.2019).
23. Grigor'ev, L.M. & Bobylev, S.N. (eds) (2017) *Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiyskoy Federatsii. Ekologicheskie prioritety dlya Rossii* [Report on Human Development in the Russian Federation. Environmental Priorities for Russia]. Moscow: Analiticheskiy tsentr pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii.
24. Braun, L.R. (1989) *State of the World 1990*. N.Y.: OUP.
25. World Commission on Environment and Development. (1989) *Nashe obshchee budushchee. Doklad Mezhdunarodnoy komissii po okruzhayushchey srede i razvitiyu* [Our Common Future. Report of the International Commission on Environment and Development]. Translated from English. Moscow: [s.n.].
26. Timoshenko, A.S. (1986) *Formirovanie i razvitie mezhdunarodnogo prava okruzhayushchey sredy* [Formation and Development of International Environmental Law]. Moscow: Nauka.
27. Vavilov, A.M. (1988) *Ekologicheskie posledstviya gonki vooruzheniy* [Environmental Consequences of the Arms Race]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
28. Kolbasov, O.S. (1976) *Ekologiya: politika – pravo* [Ecology: Politics – Law]. Moscow: Nauka.
29. Vasilenko, V.A. (1987) [Environmental Security as an Element of a Comprehensive System of International Security]. *Sovetskaya diplomatiya v bor'be za mir i mezhdunarodnuyu bezopasnost': ot Dekreta o mire k vseob"emlyushchey sisteme mezhdunarodnoy bezopasnosti* [Soviet Diplomacy in the Struggle for Peace and International Security: From the Decree on Peace to a Comprehensive System of International Security]. Proceedings of the International Conference. 9–10 April 1987. Moscow: Diplomat. akad. (In Russian).
30. Kirilenko, V.P. (1989) Printsip ekologicheskoy bezopasnosti v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Principle of Environmental Security in Modern International Law]. *Pravovedenie*. 3.
31. Malinin, S.A. (1985) Pobeda sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne i mezhdunarodnoe pravo [The Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War and International Law]. *Pravovedenie*. 2.
32. Sokolova, N.A. (2002) *Teoreticheskie problemy mezhdunarodnogo prava okruzhayushchey sredy* [Theoretical Problems of International Environmental Law]. Irkutsk: Irkutsk State University.
33. Klimenko, B.M. (1973) *Gosudarstvennaya territoriya (voprosy teorii i praktiki mezhdunarodnogo prava)* [State Territory (Issues of Theory and Practice of International Law)]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
34. Ivanchenko, N.S. (1975) *Ratsional'noe ispol'zovanie zhivykh resursov morya. Mezhdunarodno-pravovye voprosy* [Rational Use of Living Resources of the Sea. International Legal Issues]. Moscow: Pishchevaya promyshlennost'.
35. Suvorova, V.Ya. (1973) Lokal'nye normy mezhdunarodnogo prava [Local Norms of International Law]. *Pravovedenie*. 6.
36. UNEP. (1992) *Ezhegodnyy doklad direktora-ispolnitelya* [Annual Report of the Executive Director]. Nairobi: UNEP.
37. Perelet, R.A. (1992) Ekologicheskaya bezopasnost' i ustoychivoe razvitie [Ecological Security and Sustainable Developmen]. *Zelenyy mir*. 7–8.

Received: 01 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 226–233. DOI: 10.17223/15617793/450/27

УДК: 343.122

О.А. Малышева

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРПЕВШИМ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Анализируется практика возмещения вреда, осуществляемая на различных стадиях уголовного судопроизводства. Констатируются неблагоприятные для потерпевшего ее результаты и перспективы. Обосновывается необходимость возложения на судей процессуальной обязанности принять меры для обеспечения возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением. С учетом правовой позиции ЕСПЧ, КС РФ, ВС РФ вносятся предложения по расширению правовых гарантий своевременного и полного возмещения потерпевшим рассматриваемого вреда.

Ключевые слова: потерпевший; возмещение вреда; следователь; ЕСПЧ; обвиняемый; судья; судебный пристав; осужденный.

Принимая во внимание публичный характер уголовного судопроизводства, нельзя не признать того факта, что законодатель все больше внимания уделяет правам, законным интересам участников уголовного процесса. Так, закрепление права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного ему преступлением, (ч. 3 ст. 42 УПК РФ) повлекло, в целях обеспечения осуществления им такого права, закрепление в уголовно-процессуальном законе соответствующей правовой гарантии. В частности, в 2013 г. федеральным законом № 432-ФЗ на следователя, дознавателя была возложена процессуальная обязанность устанавливать соразмерное причиненному вреду имущество подозреваемого, обвиняемого и накладывать на него арест (ст. 160.1 УПК РФ).

Следует признать, что презюмирование первостепенности защиты законных интересов потерпевших (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) в достаточной степени не нашло реализации в правоприменительной деятельности, осуществляемой в сфере уголовного судопроизводства. Кардинально ситуация с обеспечением полного и своевременного возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, не изменилась после разъяснений Верховным Судом РФ порядка применения уголовно-процессуального законодательства в части защиты законных интересов рассматриваемого участника уголовного процесса, данных им 29 июня 2010 г. в Постановлении Пленума № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», позже после принятия Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

Анализ практики позволяет заключить, что наиболее часто требования о возмещении вреда, причиненного преступлением, облекаются в форму гражданского иска, на что также обратила внимание Е.В. Смирнова [1], в случае причинения совершенным преступлением морального вреда последний может быть возмещен в форме имущественной компенсации (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). На основании ч. 2 ст. 44, ч. 2 ст. 393, ч. 2 ст. 394 УПК РФ следует заключить, что возмещение указанного вреда должно обеспечиваться органами предварительного расследования в ходе досудебного уголовного производства, судами – на стадии судебного разбирательства, судебными приставами-исполнителями и учреждениями, органами уголовно-исполнительной системы – на стадии исполнения приговора.

Согласно официальным статистическим данным [2] доля возмещения в досудебном производстве по уголовным делам ущерба за последние пять лет остается невысокой (табл. 1), несмотря на возложение на следователей, дознавателей указанной выше процессуальной обязанности и в целях ее исполнения и систематическую реализацию лицом, осуществляющим предварительное расследование, действий по изъятию денег, ценностей у подозреваемых, обвиняемых, а также на добровольное возмещение ущерба лицом, которому вменяется причинение вреда совершенным им преступлением.

Таблица 1

Динамика возмещения ущерба, причиненного преступлениями

Размер ущерба / Год	Размер ущерба, установленного в досудебном производстве, млрд руб.	Размер возмещенного в досудебном производстве ущерба, млрд руб.	Доля возмещенного в досудебном производстве ущерба от установленного следователем, дознавателем ущерба, %
2014	73 905	26 816	36,3
2015	157 095	57 038	36,3
2016	259 503	31 043	12,8
2017	237 847	33 339	14,0
2018	164 957	46 012	27,9

Низкие статистические показатели, характеризующие долю возмещенного ущерба в досудебном производстве, объясняются действием ряда факторов как объективного, так и субъективного характера. К первой группе факторов следует отнести отсутствие у потерпевшего процессуальной возможности реализо-

вывать свои права ввиду правовой неурегулированности процессуальной обязанности дознавателя, следователя одновременно с вынесением постановления о признании лица потерпевшим уведомить это лицо о наделении его соответствующим уголовно-процессуальным статусом с разъяснением ему прав, обязанности и ответственности; отсутствие у потерпевшего, за редким исключением, права привлекать в качестве представителя адвоката за счет средств федерального бюджета независимо от возраста потерпевшего и категории преступления, совершенного в отношении него; существующая система оценки деятельности органов предварительного расследования, коррелирующая эффективность процессуальной деятельности органов внутренних дел, расследующих порядка 80% уголовных дел о преступлениях, с количеством уголовных дел, направленных в суд; отсутствие законодательного регулирования порядка наложения ареста на имущество обвиняемого, стоимость которого превышает размер установленного вреда и которое является единственным для целей обеспечения возмещения вреда потерпевшему, и др. Среди второй группы факторов необходимо указать низкую процессуальную активность потерпевшего, гражданского истца; недостаточно высокий уровень правосознания указанных участников уголовного судопроизводства и др., что ранее автором более подробно освещалось в научных публикациях [3, 4].

Схожей с приведенной является результативность практики[1] возмещения ущерба в ходе рассмотрения уголовных дел судами, что обусловлено следующими причинами. Согласно позиции законодателя по поступившему уголовному делу судья должен выяснить, приняты ли меры в досудебном производстве по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением (ч. 5 ст. 228 УПК РФ). Исполнение данного законодательного установления закономерно влечет появление ряда вопросов. Первый: каковы пределы процессуальных полномочий судьи при установлении факта непринятия следователем, дознавателем мер по обеспечению возмещения вреда? Второй: какие должен процессуальные действия выполнить и процессуальные решения принять судья при установлении им недостаточности принятых в досудебном производстве мер для обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда? В унифицированной форме уголовно-процессуальный закон не определяет содержание таких пределов, не закрепляет конкретизированный перечень указанных действий и решений.

Более того, исходя из правового анализа норм, закрепленных ст. 227–231 УПК РФ, регулирующих общий порядок подготовки к судебному заседанию, можно заключить, что непринятие указанных мер не препятствует назначению судебного заседания, поскольку такое обстоятельство не является основанием проведения предварительного слушания (ст. 229 УПК РФ). Последнее ухудшает положение потерпевшего в части обеспечения его имущественного интереса. Неприменимо в рассматриваемой процессуальной ситуации и правило о направлении уголовного дела по подсудности, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 227, ст. 34 УПК РФ. Вполне обоснованно можно констатировать, что наделение судьи представленным полномочием – выяснить приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда – в отсутствие правовых гарантий осуществления этого полномочия судьей в интересах потерпевшего снижает вероятность возмещения вреда потерпевшему в судебном производстве по уголовному делу. В частности, судья не обладает полномочием по собственной инициативе принять решение о наложении ареста на имущество обвиняемого. Для обеспечения требований по гражданскому иску уголовно-процессуальным законом допускается только продление судьей по собственной инициативе срока ареста, наложенного в досудебном производстве на имущество лица, не являющегося обвиняемым (ч. 3 ст. 176 УПК РФ).

Противоположная ситуация складывается при установлении нарушений прав и законных интересов обвиняемого, например, при неверной квалификации преступного деяния, вменяемого ему, в случае несвоевременного вручения обвиняемому копии обвинительного заключения, акта, постановления и др. – судебное разбирательство по такому уголовному делу не назначается. В этом случае отмечается приоритет процессуального положения обвиняемого, вследствие чего неверно было бы утверждать, что суд не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты и тем самым не нарушает один из основополагающий принципов уголовного судопроизводства – состязательность сторон (ч. 3 ст. 15 УПК РФ).

Наряду с изложенным следует уточнить, что непринятие мер по обеспечению возмещения вреда (при наличии необходимости в этом процессуальном действии) не влечет возвращение уголовного дела прокурору согласно ст. 237 УПК РФ. Полагаем, что российский законодатель неслучайно не включил такое основание, поскольку ст. 230 УПК РФ содержит уголовно-процессуальную норму, позволяющую исправить негативную ситуацию с обеспечением возмещения вреда, сложившуюся в досудебном производстве, в ходе подготовки уголовного дела к судебному разбирательству. Верность мнения автора подтверждается правовой позицией Верховного Суда РФ, выраженной им в Постановлении Пленума от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству», согласно которой судья вправе принять решение о применении мер по обеспечению гражданского иска (абз. 2 п. 6). По данному поводу Верховный Суд РФ уточняет со ссылкой на п. 5 ч. 1 ст. 228, ч. 2 ст. 230 УПК РФ, что реализация такого права судьей возможна при заявлении потерпевшим, его представителем соответствующего ходатайства. Указанная позиция Верховного Суда РФ ориентирует потерпевшего на необходимость проявления им большей процессуальной активности, не полагаясь в этой части на действия прокурора. Исключение составляют ситуации, когда ущерб причиняется государству. В последнем случае правоприменительная деятельность организуется в соответствии с положениями совместного приказа правоохранительных и иных государственных органов от 29 марта 2016 г. № 182/189/155/243/33/129/800/220/105, уточняющего

пределы и порядок их взаимодействия в досудебном уголовном судопроизводстве в части обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлениями государству.

С учетом изложенного следует констатировать отсутствие процессуальных гарантий обеспечения законного интереса потерпевшего в части гражданского иска при поступлении уголовного дела в суд. Ни законодательное установление (ч. 2 ст. 230 УПК РФ), ни приведенная правовая позиция Верховного Суда РФ не нацеливают судью на обязательность принятия мер в анализируемой ситуации. Судья наделен правом принятия обозначенных мер, осуществление которого полностью зависит от его же усмотрения. Поскольку «красной нитью» для современного российского уголовного процесса выступает обеспечение разумного срока производства по уголовному делу, то, как показало изучение мнения судей в 2015–2019 гг. в различных субъектах Российской Федерации, в целях его соблюдения они не реализуют свое право на принятие мер по обеспечению возмещения вреда, поскольку это приведет к затягиванию судебного разбирательства. Другой причиной неосуществления судьями анализируемого процессуального права выступает, как они считают, отсутствие субъекта, который бы выполнял действия, аналогичные тем, которые выполняет следователь, дознаватель в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением: направление соответствующих запросов в организации и должностным лицам, истребование документов и предметов, позволяющих уточнить характер и размер причиненного вреда, установление места нахождения имущества, денежных средств, на которые следует наложить арест в целях исполнения приговора в части гражданского иска и др. Более подробно осуществление следователем, дознавателем процессуальных действий в целях обеспечения возмещения вреда раскрыто другими авторами [5, 6].

Несостоятельность приведенных позиций судей подтверждается рядом обстоятельств. Первоначально уточним, что судья, руководствуясь ч. 2 ст. 230 УПК РФ, в случае удовлетворения ходатайства потерпевшего, его представителя о принятии мер по обеспечению возмещения вреда должен вынести постановление, исполнение которого возлагается на судебного пристава-исполнителя (ч. 3 ст. 230 УПК РФ). Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» в качестве одной из задач деятельности указанных должностных лиц устанавливает осуществление ими принудительного исполнения судебных актов (ст. 1 Закона), а Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ уточняет условия и порядок такого исполнения судебных актов (ст. 1 Закона). Более того, Федеральным законом № 229-2007 г. судебный акт определен как самостоятельный вид исполнительного документа, направляемого судебному приставу-исполнителю для исполнения (пп. 6 п. 1 ст. 12 Закона). Системный анализ приведенных правовых норм позволяет заключить, что конкретные меры, определенные судьей для обеспечения возмещения вреда, обязан исполнить судебный пристав-исполнитель.

Законодатель наделил последнего широким кругом правомочий, достаточным для исполнения рассматриваемого судебного решения: получать необходимую информацию, объяснения, справки; проводить проверку ведения финансовых документов работодателем в части перечисления им средств по исполнительным листам; давать физическим и юридическим лицам в установленном законом порядке поручения по вопросам совершения исполнительных действий; входить в помещения и хранилища должника и осуществлять их осмотр; арестовывать, изымать, реализовывать арестованное имущество в целях погашения требований финансового характера к должнику; налагать арест на денежные средства должника, находящиеся во вкладах, на счетах в банках, и др. (ч. 2 ст. 12 ФЗ № 118-1997 г.).

В законе закреплены и весомые правовые гарантии осуществления судебным приставом-исполнителем указанных полномочий: законные требования судебного пристава-исполнителя обязательны для физических и юридических лиц, независимо от организационно-правовых форм последних (ст. 6 ФЗ № 229-2007 г.). Дополнительной правовой гарантией надлежащего осуществления судебным приставом-исполнителем своих прав выступает закрепление в уголовном законе правовой нормы, устанавливающей уголовную ответственность за воспрепятствование исполнению иного судебного решения (кроме исполнительного листа, акта других органов, предусмотренных законом) должностным лицом или служащим как государственной, так и негосударственной организации, учреждения (ст. 315 УПК РФ). Допустимость применения данной уголовно-правовой нормы в отношении субъекта, который воспрепятствует исполнению судебным приставом-исполнителем постановления судьи в части, касающейся гражданского иска, по уголовному делу, подтвердил Конституционный Суд РФ. В своем Определении от 29 января 2019 г. № 33-О такого рода постановления Суд признал в качестве судебных решений по уголовному делу, хотя и промежуточных (абз. 4 п. 2 описательно-мотивировочной части Определения).

Немалозначимым полномочием судебного пристава-исполнителя для надлежащего исполнения рассматриваемого постановления судьи является предусмотренная законом возможность получения им содействия других правоохранительных (органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности и др.) и иных государственных органов (ст. 12 ФЗ № 118-1997 г.).

Таким образом, с полным основанием можно утверждать о том, что судебный пристав-исполнитель обладает необходимыми правовыми средствами, не меньшими в сравнении со следователем, дознавателем, осуществляющим производство по уголовному делу, позволяющими судье на этапе подготовки уголовного дела к судебному разбирательству обеспечить законный интерес потерпевшего в части гражданского иска. Но даже при наличии необходимого правового механизма, как показывают результаты изучения процессуальной деятельности судей, осуществляемой в порядке ч. 2 ст. 230 УПК РФ, анализа

судебной статистики, характеризующей размер вреда, возмещенного в судебном производстве, судьи не пользуются правом принять меры обеспечительного характера в защиту имущественного интереса потерпевшего, гарантированного закона.

В обоснование своей позиции судьи приводят разную аргументацию: «отсутствуют процессуальные полномочия для осуществления права, предусмотренного ч. 2 ст. 230 УПК РФ», «при вынесении постановления в порядке ст. 230 УПК РФ будет усматриваться заинтересованность судьи в угоду интересам потерпевшего, чего не разрешает делать уголовно-процессуальный закон», «не ясно, как приставы будут исполнять постановление судьи о принятии мер для обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением», «не указан в законе перечень мер, которые может принять судья», «потерпевшие не заявляют ходатайство о принятии мер в целях обеспечения возмещения вреда, а по собственной инициативе судья постановление, предусмотренное ч. 2 ст. 230 УПК РФ, не может вынести», «вопрос о наложении ареста на имущество судья может решить только на основе материала, собранного на следствии. В отсутствии такого материала или недостаточности таких сведений такой арест на имущество невозможно наложить» и т.п. Между тем Верховный Суд РФ еще более десяти лет назад признал необходимость принятия судьей рассматриваемых мер, если они не были приняты до поступления уголовного дела в суд, несмотря на наличие ходатайства потерпевшего об этом. В частности, вынося надзорное определение от 14 января 2008 г. № 69-ДО7-26, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не согласилась с решением президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югра от 10 августа 2007 г., в котором данный суд наряду с другим указывал, что положение о том, что меры по обеспечению гражданского иска должны приниматься в судебной стадии (включая этап подготовки к судебному разбирательству) рассмотрения уголовного дела не основаны на положениях уголовно-процессуального закона. Как следствие, указанное постановление президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югра было отменено, а дело было направлено на новое судебное рассмотрение.

Одновременно следует указать, что Верховный Суд РФ не придерживается единой позиции по рассматриваемому вопросу. Позже, в 2009 г. он высказал противоположное мнение по этому вопросу. В Постановлении Пленума от 22 декабря 2009 г. № 28 Верховный Суд РФ разъяснил условия осуществления именно права судьи принять меры по обеспечению гражданского иска (абз. 2 п. 6 Постановления). Отмеченная непоследовательность Верховного Суда РФ в формулировании своей правовой позиции относительно роли судей в обеспечении возмещения вреда потерпевшим ведет к формированию разнородной практики, что ухудшает перспективы в рассматриваемой области.

Осмелимся утверждать, что в большей части приведенные выше аргументы судей являются необоснованными ввиду того, что системный анализ действующего законодательства позволяет найти ответ на вопрос о том, какие должен процессуальные действия выполнить и процессуальные решения принять судья в конкретной процессуальной ситуации при поступлении к нему уголовного дела в случае неустановления принятия мер следователем, дознавателем в досудебном производстве для обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. Вместе с тем следует признать тот факт, что законодательство в этой части требует совершенствования в целях устранения сомнений и неясностей, возникающих и у судей, и у иных участников судебного производства, что осложняет правоприменительную деятельность, препятствует достижению назначения уголовного судопроизводства, определенного п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ. В указанных целях необходимо, во-первых, ст. 42 УПК РФ дополнить уголовно-процессуальной нормой, закрепляющей право потерпевшего на заявление ходатайства перед следователем, дознавателем, судом о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением. Вносимое предложение позволит уточнить перечень прав потерпевшего и тем самым расширить процессуальные гарантии защиты его законных интересов.

Во-вторых, поскольку право судьи на принятие мер для обеспечения возмещения вреда ч. 2 ст. 230 УПК РФ безгранично расширяет его усмотрение, следствием чего выступает бездействие судьи при поступлении в суд уголовного дела в части исследования обстоятельства о том, в каком объеме обвиняемым возмещен вред потерпевшему, то необходимо анализируемое процессуальное право судьи преобразовать в его процессуальную обязанность. Одновременно целесообразно в ч. 2 ст. 230 УПК РФ конкретизировать перечень мер, которые судья может принять с учетом особенностей характера и размера вреда, причиненного преступлением, уголовное дело о котором поступило в суд.

Наряду с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства требуется решение и организационно-правовых проблем. Среди них активизация реализации органами государственной и местной власти существующих программ, одним из направлений которых является повышение уровня правосознания лиц, потерпевших от преступлений. Последним необходимо выработать позицию о том, что правосудие по уголовному делу в разумный срок может быть достигнуто при условии, что потерпевший будет проявлять процессуальную активность, а не полагаться полностью на следователя, дознавателя, прокурора в отстаивании его интересов в уголовном судопроизводстве. Потерпевший должен понимать, что многие процессуальные действия и процессуальные решения осуществляются главным образом по ходатайству лиц, пострадавших от преступлений.

Наряду с изложенным улучшению практики возмещения вреда, причиненного преступлениями, способствовало бы изменение системы оценки деятельности судов. Необходимо включить в нее, по аналогии с системой оценки деятельности органов предварительного следствия и дознания системы МВД России, показатель, характеризующий размер ущерба, возмещенного в ходе судебного разбирательства по

уголовному делу. Последнее в свою очередь активизировало бы судей на осуществление своих полномочий в части обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями.

Ради справедливости следует признать тот факт, что акцентирование судами внимания на обозначенную проблему приведет в большинстве случаев к увеличению срока производства по уголовному делу, в определенной степени – в ущерб интересам обвиняемого, особенно если в отношении него избрана наиболее строгая мера пресечения – заключение под стражу. Но нельзя не заметить, что справедливость судебного разбирательства предусматривает обеспечение интересов не только обвиняемого (недопущение затягивания производства по уголовному делу), но и потерпевшего (обеспечение полного и своевременного возмещения вреда). Поэтому на суд возлагается непростая процессуальная задача – поиск оптимальных процессуальных средств для обеспечения интересов разных сторон уголовного судопроизводства.

В данной связи научный и практический интерес для решения рассматриваемой проблемы представляет тот факт, что суды нередко для обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства признают гражданский иск по уголовному делу и предлагают потерпевшему предъявить требования (взыскать) к осужденному в порядке гражданского судопроизводства. Анализ судебной практики в этой части показывает, что перспектива на возмещение причиненного преступлением вреда для потерпевшего становится еще более отдаленной, менее вероятной.

Принимая во внимание изложенное, приходим к убеждению, что если бы в российском законодательстве и правоприменении, осуществляемом органами предварительного расследования и судами, в большей степени реализовывались бы Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (85) 11 от 28 июня 1985 г. «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» о том, что восстановление нарушенных прав потерпевшего, в том числе и в части возмещения ему вреда, причиненного преступлением, составляет цель правосудия [7], то размер ущерба, подлежащий взысканию на стадии исполнения приговора, был существенно меньшим, что представляется важным ввиду дальнейшей бесперспективности его возмещения осужденными. На низкую эффективность механизма взыскания вреда, причиненного преступлениями, указывают и Р.Г. Хасаншина, Н.Г. Муратова [8].

В развитие указанного обратим внимание на то обстоятельство, что согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ размер ущерба, подлежащий взысканию на стадии исполнения приговора, в 2012 г. в 2,2 раза превышал размер ущерба, который был возмещен в досудебном и судебном производствах; в 2013 г. данный показатель составил 1,3 раза, в 2014 г. – вновь 2,2 раза, в 2015 г. он вырос почти вдвое и составил 4,6 раза, в 2016 г. – 3,0, в 2017 г. – 2,9 раза, в 2018 г. – 2,7 [9].

Анализ судебной статистики свидетельствует о том, что на протяжении последних семи лет (2012–2018 гг.) порядка 30% виновным в совершении преступления назначалось наказание в виде лишения свободы (табл. 2) [10]. Как правило, указанными лицами совершаются преступления, влекущие наиболее тяжкий по характеру и размеру вред. С учетом указанного целесообразно обратить внимание, каким образом обеспечивается возмещение вреда потерпевшим при исполнении наказания в виде лишения свободы в целях определения оптимальных направлений совершенствования рассматриваемой практики.

Таблица 2

Соотношение количества осужденных

Кол-во / **Год**	Общее количество осужденных	Количество осужденных к лишению свободы / доля от общего числа осужденных, %	Количество условно осужденных к лишению свободы / доля от общего числа осужденных, %	Количество осужденных к иному наиболее часто назначаемому наказанию /доля от общего числа осужденных, %
2012	760 112	218 539 / 28,8	224 075 / 29,5	117 565 / 15,5 (штраф)
2013	748 917	217 313 / 29,0	204 661 / 27,3	119 033/ 15,9 (штраф)
2014	736 860	218 691 / 29,7	202 452 / 27,5	116 002 / 15,7 (штраф)
2015	662 247	220 501/ 33,3	172942 / 26,1	89 432 / 13,5 (штраф)
2016	750 063	214 900 / 28,7	188 603 / 25,1	145 369 / 19,3 (обяз. работы)
2017	715 726	208 285 / 29,1	180 351 / 25,2	131 488 / 18,4 (обяз. работы)
2018	674 033	197 189 / 29,3	172 766 / 25,6	118 088 /17,5 (обяз. работы)

Следует констатировать, что неблагоприятные перспективы возмещения вреда потерпевшим при исполнении наказания в виде лишения свободы обусловлены рядом факторов. Первое. Отсутствие эффективного взаимодействия между ФССП России и ФСИН России несмотря на принятие указанными правоохранительными органами Соглашения от 13.07.2010 № 10/1-2394/12/01-5 «О взаимодействии Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы судебных приставов», определяющего цель, уточняющего порядок, пределы реализации полномочий региональных органов ФСИН России и ФССП России при осуществлении обозначенного взаимодействия. Главная цель такого взаимодействия – обеспечение более высокого размера возмещения вреда, причиненного преступлениями. В пенитенциарной практике такое взаимодействие сводится фактически к первоочередному (при условии функционирования производства в исправительном учреждении) трудоустройству осужденных к лишению свобо-

ды для получения ими дохода, часть которого можно перечислить в счет погашения исковых требований по гражданскому иску.

Второе. Отмечается отсутствие у осужденных к лишению свободы мотивации к своевременному и в максимальном объеме погашению исковых требований. Современное законодательство исключает возможность принудить осужденного-должника к возмещению вреда, причиненного совершенным им преступлением. Полагаем, не во всех случаях это оправданно. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что, во-первых, проблема трудоустройства всех трудоспособных осужденных в местах лишения свободы продолжает оставаться актуальной по причине отсутствия достаточного количества рабочих мест; во-вторых, Верховный Суд РФ, принимая Постановление Пленума от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», допустил возможность условно-досрочного освобождения осужденного при частичном возмещении вреда без акцента на размер (долю) такого возмещения. Главное – суд должен быть убежден в том, что осужденный не уклоняется от возмещения вреда (п. 7 Постановления).

В данной связи для совершенствования практики возмещения вреда, причиненного преступлениями, научный интерес представляет мнение опрошенных нами в 2015–2017 гг. 142 сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в ряде субъектов Российской Федерации. По мнению трети опрошенных, необходимо установить запрет на условно-досрочное освобождение осужденного при неполном возмещении ущерба (28% респондентов). При этом около 60% опрошенных сотрудников считают допустимым принудительное привлечение осужденных к труду при наличии к ним исковых требований. Но в условиях отсутствия во всех исправительных учреждениях эффективно действующего производства, а там, где оно есть, осужденные получают низкую заработную плату, проблемы решить не удастся.

В таких условиях обеспечение возмещения вреда потерпевшим может быть достигнуто во многих случаях наделением учреждений и органов уголовно-исполнительной системы правом наложения ареста на денежные средства, находящиеся на лицевых счетах осужденного, источниками пополнения которых является не только, а в отдельных случаях и не столько, заработная плата, но перечисления от родственников и близких лиц осужденного.

В контексте изложенного практический интерес представляется правовая позиция ЕСПЧ, согласно которой стадию исполнения приговора как этап исполнения судебного решения не следует отделять от судебного разбирательства. При этом Суд, вынося решение 7 мая 2002 г. «Бурдов против Российской Федерации» (жалоба № 59498/00), косвенно подтвердил наличие фактов длительного неисполнения решений российских судов об удовлетворении исковых требований [11]. Рассматривая указанная жалобу, ЕСПЧ констатировал, что толкование п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод распространяется не только на процессуальную деятельность по рассмотрению судом дела, но и на исполнение решения, принятого судом. Указанную позицию ЕСПЧ вновь подтвердил, приняв второе решение (Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. «Бурдов против Российской Федерации № 2», жалоба № 33509/40) по тому же предмету жалобы – длительность неисполнения решения суда [12].

Приведенное мнение ЕСПЧ нацеливает российского правоприменителя на необходимость обеспечения исполнения вступившего в законную силу решения суда, не допуская волокиты. При этом проблемы организационно-правового характера (отсутствие рабочих мест, низкая заработная плата и т.п.) не могут приниматься во внимание при обосновании длительности исполнения обвинительного приговора в части гражданского иска.

Таким образом, перспективы возмещения вреда потерпевшим в разумный срок и в полном объеме в современный период сложно признать благоприятными. На изменение этой ситуации нацелены обозначенные в данной работе предложения, аргументированные с точки зрения теории, практики, законодательного регулирования в целях их реализации в российском уголовном судопроизводстве.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Изучение практики осуществлялось автором в 2015–2019 гг. в различных субъектах Российской Федерации (Краснодарский край, г. Москва, Воронежская, Рязанская, Самарская, Челябинская области). Выводы исследования базируются на результатах изучения материалов уголовных дел о преступлениях, по которым потерпевшим заявлен гражданский иск, опроса судей, рассматривающих уголовные дела в первой инстанции, анкетирования сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, исполняющих уголовное наказание, анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, ГИАЦ МВД России, Генеральной прокуратуры РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнова Е.В. Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 126–132.
2. Сведения о следственной работе и дознания органов внутренних дел. Форма 1-Е. Раздел 18. М. : ГИАЦ МВД России, 2012–2018 гг.
3. Малышева О.А. Процессуальные гарантии возмещения потерпевшему имущественного вреда // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. 23–24 апреля 2015 г. : в 2 ч. М. : Академия управления МВД России, 2015. Ч. 2. С. 27–31.
4. Малышева О.А. К вопросу о целесообразности применения института примирения сторон органами предварительного расследования // Российский следователь. 2019. № 7. С. 20–24.

5. Булатов В.А. Обеспечение следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей : учеб. пособие / под общ. ред. Н.И. Кулагина. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Волгоград. академия МВД России, 2002. 72 с.
6. Иванов Д.А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М. : МосУ МВД России, 2018. 63 с.
7. Рекомендации Комитета Министров Совета Европы № R (85) 11 от 28 июня 1985 года «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М. : Спарк, 1998. С. 114–116.
8. Хасаншина Р.Г., Муратова Н.Г. Проблемы совершенствования компенсационных механизмов защиты прав потерпевших от преступлений в свете общепризнанных норм и принципов международного права // Вестник Удмуртского университета. 2014. Т. 24, вып. 4. С. 190–196.
9. Статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012–2018 гг. Форма 4. Раздел 1. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 24.06.2019 г.).
10. Статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012–2018 гг. Форма 4. Раздел 3. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 14.07.2019 г.).
11. Постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 года «Бурдов против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2002. № 5 // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 года «Бурдов против Российской Федерации № 2» // Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 сентября 2019 г.

Prospects of Compensation for the Harm Caused to Victims by a Crime

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 226–233.
DOI: 10.17223/15617793/450/27

Olga A. Malysheva, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: moa_0510@mail.ru

Keywords: victim; compensation for harm; investigator; ECHR; defendant; judge; bailiff; convicted.

The topic of the research is the effectiveness of the constitutional right of a person to compensation for the harm caused by a crime. In Russian law enforcement practice, compensation to victims for harm is low (27%), and this compensation is provided for mainly by the preliminary investigation bodies. Judges do nothing in this situation; the institution executing the guilty verdict is not able to provide the convict's paying off of the remaining share of such a compensation. The article solves the following tasks: updates reasons of the low share of compensation for harm to victims; establishes procedural conditions for the execution of the judge's decision on measures to ensure reparation to the victim; proves the necessity of transformation of judge's procedural right to the procedural duty of taking measures for ensuring compensation for the harm caused by the crime; shows the necessity of granting more rights to institutions executing punishment in the form of deprivation of liberty in order to provide compensation to the victim. The research uses general scientific methods of cognition: formal logical, statistical, comparative legal, scientific forecasting, analysis, as well as specific scientific methods: conversation, external observation, questioning, expert evaluation method. The conclusions of the study the author conducted in 2015–2019 in different subjects of the Russian Federation (Krasnodar Krai, Moscow, Voronezh, Ryazan, Samara, Chelyabinsk Oblast) are based on the results of the study of materials of criminal cases of crimes in which victims filed civil suits, interviews with victims, interviews with judges considering criminal cases in the first instance, questioning of employees of institutions executing criminal penalties. The conclusions are as following. (1) Compensation to victims for the harm caused by crimes in reasonable time and in the fullest extent in the modern period is unpromising. (2) The correction of the erroneous position of the victim on the admissibility of their procedural inaction in deciding on compensation for the harm caused by the crime will be facilitated by the consolidation, in the form of an independent legal norm, of the victim's right to petition the investigator, the inquirer, the court to take measures to ensure compensation for the harm caused by the crime. (3) Imposition of the procedural obligation to take measures to ensure compensation for harm to the victim in the criminal case received by the court on the judge will expand the procedural guarantees of the right of the victim to compensation for harm. (4) Improvement of the prospects of victims for compensation for harm caused by crimes will grant penitentiary institutions the right to seize funds from the personal accounts of the convicted.

REFERENCES

1. Smirnova, E.V (2014). Problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem, v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [Problems of Compensation for Harm Caused by a Crime in the Criminal Proceedings of Russia]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 4 (31). pp. 126–132.
2. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2012–2018) *Svedeniya o sledstvennoy rabote i doznaniya organov vnutrennikh del. Forma 1-E. Razdel 18* [Information About the Investigative Work and the Inquiry of the Internal Affairs Bodies. Form 1-E. Section 18]. Moscow: GIATs MVD Rossii.
3. Malysheva, O.A. (2015) [Procedural Guarantees of Compensation for Property Damage to the Victim]. *Organizatsiya deyatel'nosti organov rassledovaniya prestupleniy: upravlencheskie, pravovye i kriminalisticheskie aspekty* [Organisation of Activities of Crime Investigation Bodies: Managerial, Legal and Forensic Aspects]. Proceedings of the International Conference. 23–24 April 2015. In 2 Parts. Pt. 2. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 27–31. (In Russian).
4. Malysheva, O.A. (2019) On the Issue of Suitability of Using the Institution of Conciliation of Parties by the Preliminary Investigation Authorities. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 7. pp. 20–24. (In Russian).
5. Bulatov, V.A. (2002) *Obespechenie sledovatelem prav, zakonnykh interesov i bezopasnosti poterpevshikh i svideteley* [Ensuring the Rights, Legitimate Interests and Safety of Victims and Witnesses by the Investigator]. 2nd ed. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
6. Ivanov, D.A. (2018) *Dosudebnyy poryadok vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem: teoreticheskie i pravovye osnovy, problemy pravoprimeneniya* [Pre-Trial Procedure for Compensation for Harm Caused by Crime: Theoretical and Legal Foundations, Enforcement Problems]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
7. Moskal'kova, T.N. et al. (eds) (1998) *Sbornik dokumentov Soveta Evropy v oblasti zashchity prav cheloveka i bor'by s prestupnost'yu* [Collection of Documents of the Council of Europe in the Field of Human Rights and the Fight Against Crime]. Moscow: Spark. pp. 114–116.

8. Khasanshina, R.G. & Muratova, N.G. (2014) Problems of Improving the Compensation Mechanisms of Victim Rights Protection in the Light of Generally Recognized Norms and Rules of International Law *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*. 24 (4). pp. 190–196. (In Russian).
9. Cdep.ru. (2018) *Statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2012–2018 gg. Forma 4. Razdel 1* [Statistical Information on the Activities of Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for 2012–2018. Form 4. Section 1]. [Online] Available from: www.cdep.ru. (Accessed: 24.06.2019).
10. Cdep.ru. (2018) *Statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2012–2018 gg. Forma 4. Razdel 3* [Statistical Information on the Activities of Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for 2012–2018. Form 4. Section 3]. [Online] Available from: www.cdep.ru. (Accessed: 14.07.2019).
11. *Byulleten' Evropeyskogo cuda po pravam cheloveka.* (2002) Postanovlenie ESPCh ot 7 maya 2002 goda "Burdov protiv Rossiyskoy Federatsii" [The ECHR Judgment in the case of "Burdov v. Russian Federation" of May 7, 2002]. 5.
12. *Rossiyskaya khronika Evropeyskogo Suda*. (2009) Postanovlenie ESPCh ot 15 yanvarya 2009 goda "Burdov protiv Rossiyskoy Federatsii № 2" [The ECHR Judgment in the case of "Burdov v. Russian Federation No. 2" of January 15, 2009]. 4.

Received: 29 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/450/28

УДК 342.726

Д.В. Сенникова

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ГРАЖДАН С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена проблемам деятельности избирательных комиссий субъектов в сфере обеспечения активного избирательного права граждан с инвалидностью в контексте реализации норм Конвенции о правах инвалидов в России. В работе сделана попытка определить пути развития характеризуемого института посредством трансформации норм избирательного права, совершенствования системы межсекторного взаимодействия органов публичной власти и некоммерческих организаций, выявления наилучших практик оказания помощи маломобильным категориям избирателей в субъектах РФ.

Ключевые слова: активное избирательное право; обеспечение избирательных прав граждан с инвалидностью.

Система организации и проведения выборов, установленная Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ № 67-ФЗ), обеспечивает реализацию избирательных прав для всех категорий граждан. При этом особое внимание уделяется осуществлению активного избирательного права гражданами с инвалидностью, которые в силу хронических заболеваний могут испытывать затруднения при посещении избирательного участка или при ознакомлении с информационными материалами и содержанием бюллетеней.

Проблемный характер участия названной категории электората в избирательном процессе инициирует исследовательский интерес и позволяет рассматривать институт выборов в новом свете. Так, введение специальных норм, посвященных избирателям с инвалидностью, указывает на «гуманизацию» [2. С. 52] характеризуемого демократического института, а стремление привлечь к голосованию маломобильных групп избирателей дает право рассматривать голосование и иные избирательные действия как средство социальной реабилитации [3. С. 25].

Наконец, выборы в Российской Федерации – это базовый институт непосредственной демократии, который гарантирует минимальное участие граждан в политическом процессе. Невозможность обеспечить реализацию активного избирательного права всех его обладателей ставит под вопрос осуществление иных форм непосредственного народовластия гражданами с инвалидностью, особенно на муниципальном уровне, отличающемся многообразием демократических институтов.

Следовательно, интеграция граждан с инвалидностью в избирательный процесс способствует развитию представительных отношений и реализации форм непосредственной демократии [4. С. 67].

В Российской Федерации как в правовом государстве результаты законотворчества соизмеряются с опытом международного сообщества. Так, изменения, посвященные специфике правового положения избирателей с инвалидностью, внесенные в ФЗ № 67-ФЗ в 2011 г., были обусловлены ратификацией Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. [5].

В этой связи следует обратить внимание на некоторые рекомендации о порядке работы с гражданами, имеющими инвалидность [6], разработанные организацией Инклюзивная Европа при поддержке Совета Европы на основе наиболее успешного практического опыта европейских государств.

1. Принцип доступности информации об избирательном процессе должен быть отражен в национальном законодательстве.

2. Голосование должно быть достаточно гибким, чтобы удовлетворить потребности людей с ограниченными возможностями здоровья.

3. Необходимо повышение осведомленности избирательных комиссий, политиков и партийных организаций о важности голосования всего населения в целом с уделением особого внимания лицам с инвалидностью.

4. Необходимо привлечение некоммерческих организаций к работе с гражданами, имеющими ограниченные возможности здоровья.

Данные положения, безусловно, носят прогрессивный характер и могут быть соотнесены с нормами избирательного права России и опытом их применения в отношении избирателей с инвалидностью.

В настоящее время помимо ФЗ № 67-ФЗ, регулирующего порядок обеспечения избирательных прав граждан с ограниченными возможностями здоровья, соответствующие правоотношения в России также регламентируются методическими рекомендациями ЦИК РФ [7]

В этой связи векторы развития избирательного права в контексте характеризуемой категории избирателей необходимо определять и с учетом указанных рекомендаций, некоторые нормы которых можно назвать дискуссионными.

В целом современное избирательное законодательство предусматривает специальный порядок информирования и голосования граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Так, в соответствии с нормами ФЗ № 67-ФЗ информирование избирателей с инвалидностью по зрению производится в соответствии с законом посредством размещения в участковых избирательных комиссиях (УИК) в период каждой избирательной кампании «информационных материалов с увеличенным шрифтом и (или) с применением рельефно-точечного шрифта Брайля» [1]. Названные информационные материалы изготавливаются в обязательном порядке, однако их количество не всегда соответствует числу избирательных участков.

Если в 2018 г. на выборах губернатора Новосибирской области [8] плакаты с информацией о кандидатах с увеличенным шрифтом размещались в каждом помещении для голосования, то в период избирательной кампании по выборам Губернатора Тюменской области [9] материалы, выполненные крупным шрифтом и (или) с применением рельефно-точечного шрифта Брайля, размещались только на семидесяти избирательных участках.

Таким образом, характер осуществления информирования серьезно отличается в зависимости от того, какое решение будет принято на местах избирательными комиссиями.

При этом для принятия последнего необходимо обладать сведениями о количестве и месте жительства избирателей, имеющих инвалидность по зрению, которыми комиссия не располагает.

В этой связи следует отметить, что спецификой института обеспечения активного избирательного права граждан с инвалидностью является межсекторное взаимодействие избирательных комиссий с различными публично-властными субъектами и субъектами гражданского общества (органами, осуществляющими социальную защиту населения, общественными объединений и иными организациями). Работа по оказанию помощи избирателям с инвалидностью объективно не может проводиться комиссиями самостоятельно из-за недостатка информационных и материальных ресурсов.

Между тем существующий порядок правового регулирования этого взаимодействия не позволяет в должной мере решить даже простые задачи информирования.

Так, в соответствии с п. 16.1 ст. 20 ФЗ № 67-ФЗ Пенсионный фонд РФ направляет в избирательные комиссии субъектов сведения о количестве инвалидов, проживающих на территории муниципальных образований в пределах соответствующего региона, с указанием групп инвалидности и видов стойких расстройств функций организма.

Указанная норма по своему существу является декларативной [10. С. 11]: несмотря на наличие вполне конкретного предписания, которое регулярно исполняется Пенсионным фондом РФ и его подразделениями, обобщенные статистические показатели не дают представления о том, на каких избирательных участках проживают инвалиды по зрению, слуху и передвигающиеся на колясках, что препятствует адекватной подготовке соответствующих помещений для голосования.

При этом большинство избирательных комиссий сталкиваются с проблемой получения информации такого характера, потому что ни один орган не уполномочен законом на ее предоставление, хотя подобной информацией располагают сразу несколько государственных структур, в частности учреждения медико-социальной экспертизы, отделения Пенсионного фонда РФ и др.

Установления, подобные норме п. 16.1 ст. 20 ФЗ № 67-ФЗ, являются проявлением правового популизма, которые создают лишь видимость регламентации общественных отношений и препятствуют разработке и принятию более эффективных правовых норм, позволяющих оказывать адресную помощь маломобильным категориям граждан.

Причина сложившейся системы предоставления сведений видится в неготовности указанных уполномоченных органов осуществлять более затратную по времени обработку персональных данных, препятствующую их разглашению.

Другой проблемой обеспечения активного избирательного права маломобильных групп граждан, прежде всего, лиц, передвигающихся на колясках, является отсутствие безбарьерной среды на территории избирательных участков, что также предполагает использование межсекторного взаимодействия.

Поскольку избирательные комиссии, организующие выборы, не могут ставить перед собой задачу оборудования зданий специальными средствами (пандусами, перилами, подъемниками, лифтами и пр.), каждую избирательную кампанию они направляют в уполномоченные исполнительные органы сведения о помещениях для голосования, которые не содержат элементов доступной среды. Кроме того, избирательные комиссии могут также прилагать усилия по организации помещений для голосования на первых этажах зданий, – эти данные являются практически единственными показателями доступной среды, о которых они отчитываются перед широкой общественностью в своих информационных ресурсах.

Повсеместное оборудование участковых и иных избирательных комиссий требует значительных бюджетных затрат, поэтому требование по созданию универсального дизайна в основном распространяется на вновь возводимые здания и вновь формируемую инфраструктуру, остальные объекты в соответствии с Конвенцией о правах инвалидов должны быть подвергнуты разумному приспособлению [11. С. 11].

В этой связи необходимо отметить, что избирательное законодательство предоставляет возможность гражданам с инвалидностью голосовать вне помещения для голосования. Однако и названный порядок имеет ряд существенных недостатков.

Во-первых, такой порядок невозможен при досрочном голосовании, которое происходит исключительно в участковых, территориальных или окружных избирательных комиссиях. Представляется, что в ФЗ № 67-ФЗ необходимо внести изменения, в соответствии с которыми у избирателей с инвалидностью появится право голосовать досрочно вне помещения для голосования. Бытующее в обществе представление об инвалидах-колясочниках как о людях, не склонных к активному образу жизни, не означает, что представители указанной категории не могут уехать в день голосования из населенного пункта в целях лечения, отдыха или в деловую поездку.

Во-вторых, голосование вне помещения УИК может быть обусловлено не столько желанием маломобильных категорий граждан находиться дома в силу плохого самочувствия, сколько отсутствием элементов безбарьерной среды, вследствие чего они не могут добраться до помещения для голосования. Подобные причинно-следственные связи указывают на дискриминационный характер правоприменения, препят-

ствующего реализации избирателями с инвалидностью своего права наравне с остальными гражданами.

В-третьих, хотя характеризуемый порядок проведения голосования имеет те же самые черты, что и голосование в избирательной комиссии: членов УИК сопровождают наблюдатели, избиратель помещает бюллетень в переносной ящик для голосования, – соблюдение принципа тайны голосования в условиях небольшой жилой площади является достаточно проблематичным, такой порядок также может лишить избирателя возможности выбора лица, имеющего права оказать помощь при заполнении бюллетеня, что подтверждается материалами судебной практики [12].

Каким образом можно разрешить столь противоречивую проблему? С одной стороны, повсеместно обеспечить доступную среду в ближайшей перспективе не представляется возможным, с другой стороны, вынужденное голосование «на дому» граждан с инвалидностью является нарушением их права.

Стратегия решения видится в трансформации избирательного права в соответствии с нуждами различных категорий избирателей, и тенденции такого процесса имеют место с учетом формирования института голосования по месту нахождения.

Характеризуя названный институт, заместитель председателя ЦИК России Левичев Н.В. пояснил, что «за 45 дней до выборов *(избирателю)* можно спокойно выбрать… избирательный участок… на котором действительно удалось создать наиболее комфортные условия для людей, имеющих ограничения по состоянию здоровья» [13]. Хотя технология «мобильного избирателя» в основном адресована лицам, не проживающим по месту регистрации [14. С. 4], использовать ее в целях обеспечения избирательных прав граждан с инвалидностью для голосования на другом избирательном участке в помещении УИК, обладающем элементами безбарьерной среды, представляется приемлемой альтернативой голосованию «на дому».

Решение иного характера видится в изменении подхода к толкованию нормы о голосовании вне помещения УИК, которая обычно трактуется ограничительно как голосование в жилом помещении избирателя, между тем грамматическое (буквальное) толкование предполагает возможность реализации активного избирательного права не только в жилом помещении избирателя, но и в ином помещении или месте, где возможно создать необходимые условия для заполнения избирательного бюллетеня в соответствии с законом.

Позитивный опыт такого голосования имел место в некоторых субъектах, в частности в Томской области.

Так, в 2013 г. на выборах мэра города Томска маломобильная группа граждан обратилась с заявлением о проведении голосования за пределами УИК, но не на дому, а в помещении их общественной организации, которое было оборудовано пандусами и перилами. Недостатком данного порядка является его непривычность и некоторое неудобство для УИК, членам которых приходилось добираться до указанной организации из разных частей города. Между тем многие из избирателей отметили, что такой способ голосования является для них наиболее удобным [15. С. 113].

Межсекторное взаимодействие также проявляется при работе избирательных комиссий с общественными организациями инвалидов и волонтерами.

Являясь институтами гражданского общества, организации, представляющие интересы инвалидов, нацелены на выражение позиции своей целевой категории граждан при взаимодействии с различными властными и общественными субъектами.

Так, в составе рабочих групп избирательных комиссий субъектов Сибирского федерального округа, помимо представителей Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования, специализированных библиотек и органов социальной защиты населения, значатся представители региональных подразделений Всероссийского общества инвалидов, Всероссийского ордена Трудового Красного Знамени, общества слепых и Всероссийского общества глухих.

В некоторых субъектах соответствующие рабочие группы в качестве основной цели своей деятельности рассматривают именно взаимодействие с общественными организациями инвалидов, что также отражается в их наименованиях (Алтайский край, Республика Хакасия и пр.).

Как бы не назывались соответствующие структурные подразделения избирательных комиссий субъектов, организации, представляющие интересы граждан с инвалидностью, играют заметную роль во взаимодействии с характеризуемой целевой группой, которая выражается в двух основных направлениях:

1. Содействие распространению информации о порядке голосования и кандидатах в среде граждан с инвалидностью.

2. Передача в избирательные комиссии информации о необходимости оказания адресной помощи членам соответствующей общественной организации или иным избирателям с инвалидностью и о проблемах, связанных с ее получением.

Показательным является также включение в состав рабочих групп избирательных комиссий Кемеровской области, Красноярского края, Новосибирской области, Республики Алтай представителей волонтерских организаций, действующих в пределах субъектов.

В этой связи следует отметить, что Рекомендации ЦИК РФ, изданные в 2018 г., о мерах по обеспечению избирательных прав граждан с инвалидностью, содержат значительное количество норм, посвященных участию волонтеров в осуществлении избирательного процесса.

Однако содержание некоторых норм, касающихся вовлечения добровольцев в оказание помощи избирателям, представляется несколько спорным.

В частности, в соответствии с обозначенными рекомендациями «волонтер должен выяснить, нуждается ли избиратель с инвалидностью в помощи, в том числе в сопровождении. При согласии избирателя следует организовать помощь при входе и выходе из здания, в котором находится помещение для голосования» [6].

Из приведенного предписания не вполне понятно, какую помощь может оказать волонтер гражданину с инвалидностью, особенно передвигающемуся на коляске, кроме простого сопровождения.

С нашей позиции оказание помощи в перемещении граждан, использующих коляски, требует значительных физических сил и специальных знаний, в этой связи неумелые действия добровольцев могут навредить здоровью избирателя. К тому же при наличии доступной среды помощь волонтера будет излишней, а при ее отсутствии – станет крайне сомнительной альтернативой.

Представляется, что поддержка, которую оказывают добровольцы, не имеющие специальной подготовки непосредственно в помещении для голосования, может быть связана либо с помощью при заполнении избирательного бюллетеня, либо с содействием при ознакомлении со специальными информационными материалами, что в целом соответствует указаниям методических рекомендаций.

Добровольцы могут также привлекаться для оказания помощи в сборе информации о степени доступности помещений для голосования и количестве проголосовавших избирателей из числа маломобильных категорий граждан. Последняя задача представляется особенно актуальной [16. С. 106], поскольку члены УИК не всегда способны сосредоточиться на таких подсчетах в силу высокой степени загруженности или могут оказаться не вполне объективными в оценке работы комиссии.

В целом сбор данных о возможностях реализации избирательных прав граждан с инвалидностью можно назвать одним из приоритетных направлений деятельности избирательных комиссий в рамках характеризуемого направления, так как при отсутствии объективной информации о различных факторах, влияющих на осуществление активного избирательного права на равных началах со всеми гражданами, невозможно спланировать программу действий в интересах соответствующей категории электората.

При этом информация о проблемах маломобильных категорий граждан и о важности их участия в избирательном процессе должна доводиться не только до членов избирательных комиссий в рамках обучения, приуроченного ко дню голосования, но и до сведения широкого круга избирателей.

Избавление от вредных стереотипов о людях с инвалидностью и формирование толерантного отношения к маломобильным категориям граждан следует рассматривать в качестве перспективного направления в развитии электорально-правовой культуры современного избирателя, в контексте данного тезиса участие добровольцев в избирательном процессе можно расценивать как способ ее повышения.

Упомянутые негативные явления со стороны социума провоцируют абсентеизм в среде граждан с инвалидностью, впрочем, как и недоверие к политическим институтам, функционирование которых не может в достаточной степени повысить качество жизни, в частности создать полноценную безбарьерную среду [17. С. 216].

Американские и европейские исследователи, проанализировав электоральную активность граждан, обнаружили, «что явка избирателей была ниже среди людей с ограниченными возможностями здоровья, чем у людей без инвалидности, и в большей степени среди тех, кто был старше, беднее или со значительными нарушениями подвижности» [18. P. 2].

В этой связи обеспечению активного избирательного права граждан с инвалидностью следует уделять должное внимание. Между тем имеются системные объективные и субъективные факторы, снижающие эффективность подобной работы.

Так, спецификой современного избирательного процесса является значительное количество приоритетных проектов, связанных с повышением качества организации и проведения выборов (использование автоматизированных систем в процессах голосования и установления его итогов, средств видеонаблюдения, создание методических центров, деятельность проекта «мобильный избиратель», общественное наблюдение), к тому же сам порядок обеспечения избирательных прав граждан с ограниченными возможностями здоровья постепенно дополняется новыми рекомендациями и предписаниями.

В условиях подобной мультизадачности качество обеспечения избирательных прав граждан с инвалидностью во многом зависит от места их проживания и деятельности избирательных комиссий субъектов. В финансово благополучных регионах и крупных городах имеется больше возможностей для введения новых элементов универсального дизайна, имеющих прогрессивный характер, а также больше ресурсов (человеческих и финансовых) для оказания помощи гражданам, имеющим инвалидность, и ведения статистики достижений. Если сравнить информационные материалы, в том числе постановления комиссии о помощи гражданам с инвалидностью, представленные на сайте Избирательной комиссии Новосибирской области, с показателями иных комиссий субъектов Сибирского федерального округа, можно прийти к выводу о том, что в Новосибирской области несоизмеримо больше возможностей для участия маломобильных граждан в различных избирательных действиях, чем в иных субъектах характеризуемого федерального округа, и убедиться, насколько фактическая реализация прав зависит от места проживания гражданина, финансовых возможностей и стараний отдельно взятой избирательной комиссии.

Между тем не только деятельность избирательных комиссий значима для решения проблемы привлечения в избирательный процесс граждан с инвалидностью. К большому сожалению, в научных и научно-практических публикациях лишь вскользь затрагивается вопрос участия избирательных объединений и кандидатов в содействии реализации активного избирательного права маломобильным категориям граждан [3. С. 21]. В основном акцент сделан на изготовлении агитации, пригодной для граждан с инвалидностями по слуху и зрению, а также на введении квот для включения в список избирательного объединения определенного количества граждан с инвалидностью.

Рекомендации Центральной избирательной комиссии РФ также указывают только на приспособление агитационных материалов под способности восприятия избирателей.

С нашей позиции, представляется правильным приглашать на заседания рабочих групп представителей партийных организаций как субъектов, являющихся «основными поставщиками кандидатов на выборах» [19. С. 20], для адекватного восприятия проблем маломобильных групп граждан при осуществлении ими различных избирательных действий. Повышение электоральной активности данной категории избирателей, как и всего электората в целом, в большей степени является сферой ответственности политических партий и кандидатов как субъектов, участвующих в отношениях народного представительства, для которых очевидно необходим информационный обмен с гражданами.

Принятие Конвенции ООН о правах инвалидов повлекло за собой замену концепции благотворительной и медицинской помощи гражданам с инвалидностью на концепцию, связанную с признанием и защитой их прав, в том числе права избирать и быть избранными, что в должной степени отразилось в конституционном праве России [11. С. 11].

В настоящее время обеспечение избирательных прав граждан с инвалидностью приобрело характер самостоятельного правового института, состоящего из норм Федеральных законов о выборах, постановлений Центральной избирательной комиссии РФ и Федеральных законов, посвященных правовому положению граждан с инвалидностью.

Между тем опыт его применения указывает на ряд существенных проблем, обусловленных как недостатком правовой регламентации, так и негативными социальными практиками.

Объективные факторы, препятствующие реализации на равных началах избирательных прав граждан с инвалидностью (отсутствие безбарьерной среды, значительное количества приоритетных проектов в деятельности избирательных комиссий, наличие декларативных норм), осложняются снижением доверия к политической системе и социальной изоляцией инвалидов.

Ключевым аспектом решения проблем, связанных с обеспечением избирательных прав граждан с инвалидностью, является эффективное межсекторное взаимодействие, основанное на достаточной правовой регламентации. Правильное распределения властных полномочий обусловливают достойные «уровень жизни населения страны, его быт, обустройство территории государства» [20. С. 53], что в равной степени справедливо и для организации избирательного процесса.

Существующая система отношений между Пенсионным фондом РФ и избирательными комиссиями не способна обеспечить даже необходимый объем информации о числе и категориях избирателей, проживающих в пределах избирательных участков.

Определенное участие в процессе обеспечения избирательных прав граждан с инвалидностью принимают общественные организации, представляющие интересы соответствующей категории избирателей, однако только их усилиями невозможно охватить всех граждан с инвалидностью.

Другой важной проблемой является правовое регулирование, не позволяющее маломобильным категориям избирателей получить адресную помощь или выбрать оборудованное необходимым образом место для голосования. В конечном итоге, из-за отсутствия доступной среды их активное избирательное право реализуется «на дому», что только усугубляет социальную изоляцию и потому является дискриминирующей практикой.

Таким образом, существующая правовая основа обеспечения избирательных прав граждан с инвалидностью нуждается в дополнительной регламентации в части межсектороного взаимодействия с распространением наилучших примеров деятельности избирательных комиссий субъектов, а также отказом от использования подходов в правоприменении, ущемляющих права граждан с инвалидностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Российская газета. 2002. № 106.
2. Садовникова Г.Д. Избирательное законодательство в Российской Федерации: этапы становления и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 45–53.
3. Морозова О.С. Государственная политика по обеспечению избирательных прав лиц с ограниченными возможностями // Выборы: теория и практика. 2016. № 1. С. 20–25.
4. Мотлохов Е.В. Особенности реализации избирательных прав граждан с ограниченными возможностями здоровья // Право и государство: теория и практика. 2015. № 5 (125). С. 64–67.
5. Конвенция о правах инвалидов (Нью-Йорк, 13 декабря 2006 г.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 6. Ст. 468.
6. Good Practices for Accessible Elections in Europe. Брюссель, 2011. URL: https://inclusion-europe.eu/wp-content/uploads/2015/04/Good_Practices_EN.pdf (дата обращения: 19.07.2019).
7. О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации: Постановление ЦИК России от 20.06.2018 № 164/1338-7 // Вестник ЦИК России. 2018. № 12.
8. Постановление Избирательной комиссии Новосибирской области от 08.06.2018 № 201/1561-5. Официальный сайт Избирательной комиссии Новосибирской области. Новосибирск, 2018. URL: http://novosibirsk.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2202/29476/ (дата обращения: 20.01.2019).
9. Решение Избирательной комиссии Тюменской области от 23.08.2018 № 59/299-6. Официальный сайт Избирательной комиссии Тюменской области. Тюмень, 2018. URL: http://www.tyumen.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2018/Reshenie_59_299_6.pdf/ (дата обращения: 20.01.2019).
10. Баранов А.В. Учредительные нормы права: их юридическая природа, место и роль в системе российского права // Современное право. 2016. № 12. С. 10–15.
11. Руководство по наблюдению и поддержке участия в выборах лиц с инвалидностью / БДИПЧ ОБСЕ. 2018. 100 с.

12. Определение Верховного Суда РФ от 16 марта 2010 г. № 45-В10-3 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru, свободный из локальной сети Научной библиотеки Томского государственного университета.
13. ЦИК России продолжает работу по созданию благоприятных условий для голосования инвалидов. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ. М., 2017. URL: http://cikrf.ru/news/cec/23259/ (дата обращения: 21.07.2019).
14. Юсубов Э.С. «Мобильный избиратель» как новая гарантия активного избирательного права // Избирательное право. 2018. № 2. С. 2–7.
15. Юбилейный сборник электоральной статистики Томской городской муниципальной избирательной комиссии по итогам выборов Мэра Города Томска 13 октября 2013 года / под ред. Т.А. Арбузовой. Томск : Д-Принт, 2013. С. 115.
16. Мармилова Е.П. Пути совершенствования государственной политики в отношении избирательных прав лиц с ограниченнными возможностями здоровья // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3. С. 105–109.
17. Ткач А.С. Динамика и анализ причин абсентеизма в России с начала 1990-х годов // Вестник Костромского университета. 2019. Т. 25, № 1. С. 213–217.
18. Priestley M. The Political Participation of Disabled People in Europe: Rights, Accessibility and Activism // Electoral Studies. 2016. Vol. 42. P. 1–9.
19. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Выборы как конструкт политического мышления российской власти // Выборы 10.10.10 – традиции и новации в региональном электоральном процессе : материалы Всерос. науч. конф. / под ред. А.И. Щербинина. Томск : Курсив, 2010. С. 16–20.
20. Ведяшкин С.В., Илюшин А.В. Разграничение полномочий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 53–62.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 октября 2019 г.

Problems of Ensuring Active Electoral Rights of Citizens with Disabilities in the Constituent Entities of the Russian Federation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 234–240.
DOI: 10.17223/15617793/450/28
Daria V. Sennikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: daria.sennikova88@gmail.com
Keywords: active electoral rights; ensuring electoral rights of citizens with disabilities.

The aim of the article is to conduct a study of the institution of ensuring active electoral rights of citizens with disabilities in order to identify ways of its development through the transformation of legal norms, improving the system of intersectoral interaction and identifying best practices to assist the limited mobility category of voters in the constituent entities of the Russian Federation. The stated aim was achieved by solving the following interrelated tasks: problems of law enforcement were revealed when informing voters with disabilities, as well as when exercising their right to vote in the premises of the precinct electoral commission on a par with other voters; the best practices of electoral commissions and other entities that contribute to the execution of electoral rights of citizens with disabilities were identified (executive authorities, volunteer organisations and non-profit organisations representing the interests of persons with disabilities); the main vectors of development of the institution of ensuring the electoral right of citizens with disabilities were determined. In the writing of this article, the following methods were used: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, analogy, and modelling. As a result of the study, the following results were obtained. (1) Ensuring the electoral rights of citizens with disabilities in the Russian Federation is a comprehensive legal institution consisting of the rules of electoral law and the rules governing the legal status of persons with disabilities. In view of this, the increase in electoral activity of this category of voters is largely due to the achievements in the field of the organisation of a barrier-free environment and a decrease in their social isolation. (2) The key aspect of ensuring the active electoral rights of citizens with disabilities is the intersectoral interaction of electoral commissions with government bodies (local authorities) and civil society actors. Thus, the executive authorities have organisational legal, financial and information resources for the formation of an accessible environment of socially significant facilities, and non-profit organisations provide targeted assistance to voters with disabilities in the exercising of their right to vote. (3) The discriminatory practice of exercising the norms of Article 66 of the Federal Law No. 67-FZ in the absence of a barrier-free environment makes it necessary to bring the establishment of electoral legislation in accordance with the needs of various categories of voters to ensure their ability to vote in the premises of precinct electoral commissions on a par with other voters.

REFERENCES

1. *Rossiyskaya gazeta*. (2002) Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ [On the Basic Guarantees of Voting Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation: Federal Law No. 67-FZ of 12.06.2002]. 106.
2. Sadovnikova, G.D. (2015) Izbiratel'noe zakonodatel'stvo v Rossiyskoy Federatsii: etapy stanovleniya i tendentsii razvitiya [Electoral Laws in the Russian Federation: Stages of Formation and Development Trends]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 1 (50). pp. 45–53.
3. Morozova, O.S. (2016) Gosudarstvennaya politika po obespecheniyu izbiratel'nykh prav lits s ogranichennymi vozmozhnostyami [State Policy to Ensure the Electoral Rights of People With Disabilities]. *Vybory: teoriya i praktika*. 1. pp. 20–25.
4. Motlokhov, E.V. (2015) Osobennosti realizatsii izbiratel'nykh prav grazhdan s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Features of the Implementation of the Electoral Rights of Citizens With Disabilities]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice*. 5 (125). pp. 64–67.
5. Russian Federation. (2013) Konventsiya o pravakh invalidov (N'yu-York, 13 dekabrya 2006 g.) [Convention on the Rights of Persons With Disabilities (New York, December 13, 2006)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 6. Art. 468.
6. EU. (2011) *Good Practices for Accessible Elections in Europe*. [Online] Available from: https://inclusion-europe.eu/wp-content/uploads/2015/04/Good_Practices_EN.pdf. (Accessed: 19.07.2019).
7. *Vestnik TsIK Rossii*. (2018) O Rekomendatsiyakh po obespecheniyu izbiratel'nykh prav grazhdan Rossiyskoy Federatsii, yavlyayushchikhsya invalidami, pri provedenii vyborov v Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie TsIK Rossii ot 20.06.2018 № 164/1338-7 [On the Recommendations on Ensuring the Electoral Rights of RF Citizens with Disabilities During Elections in the Russian Federation: Resolution of the CEC of Russia No. 164/1338-7 of 20.06.2018]. 12.
8. Electoral Commission of Novosibirsk Oblast. (2018) *Postanovlenie Izbiratel'noy komissii Novosibirskoy oblasti ot 08.06.2018 № 201/1561-5* [Resolution of the Electoral Commission of Novosibirsk Oblast No. 201/1561-5 of 06.06.2018]. [Online] Available from: http://novosibirsk.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2202/29476/. (Accessed: 20.01.2019).

9. Electoral Commission of Novosibirsk Oblast. (2018) *Reshenie Izbiratel'noy komissii Tyumenskoy oblasti ot 23.08.2018 № 59/299-6. Ofitsial'nyy sayt Izbiratel'noy komissii Tyumenskoy oblasti* [Decision of the Electoral Commission of Tyumen Oblast No. 59/299-6 of 23.08.2018]. [Online] Available from: http://www.tyumen.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2018/Reshenie_59_299_6.pdf/. (Accessed: 20.01.2019).
10. Baranov, A.V. (2016) Uchreditel'nye normy prava: ikh yuridicheskaya priroda, mesto i rol' v sisteme rossiyskogo prava [Constituent Norms of Law: Their Legal Nature, Place and Role in the System of Russian Law]. *Sovremennoe pravo*. 12. pp. 10–15.
11. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. (2018) *Rukovodstvo po nablyudeniyu i podderzhke uchastiya v vyborakh lits s invalidnost'yu* [Guidelines for Monitoring and Supporting the Participation in the Election of Persons With Disabilities]. [Online] Available from: https://www.osce.org/ru/odihr/elections/370936.
12. Konsul'tantPlyus. (2010) *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-V10-3 of March 16, 2010.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru. (In Russian).
13. Cikrf.ru. (2017) *TsIK Rossii prodolzhaet rabotu po sozdaniyu blagopriyatnykh usloviy dlya golosovaniya invalidov* [The CEC of Russia Continues to Work on Creating Favourable Conditions for Voting by Persons With Disabilities]. [Online] Available from: http://cikrf.ru/news/cec/23259/. (Accessed: 21.07.2019).
14. Yusubov, E.S. (2018) "Mobile Voter" as a New Guarantee of the Active Electoral Right. *Izbiratel'noe pravo.* 2. pp. 2–7. (In Russian).
15. Arbuzova, T.A. (ed.) (2013) *Yubileynyy sbornik elektoral'noy statistiki Tomskoy gorodskoy munitsipal'noy izbiratel'noy komissii po itogam vyborov Mera Goroda Tomska 13 oktyabrya 2013 goda* [The Jubilee Collection of Electoral Statistics of the Tomsk City Municipal Electoral Commission Based on the Results of the Election of the Mayor of Tomsk on October 13, 2013]. Tomsk: D-Print.
16. Marmilova, E.P. (2017) The Ways of Improving State Policy on Electoral Rights of Citizens With Disabilities in the Russian Federation. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 3. pp. 105–109. (In Russian).
17. Tkach, A.S. (2019) Dynamics and Analysis of the Causes of Absenteeism in Russia Since the Early 1990s. *Vestnik Kostromskogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 25 (1). pp. 213–217. (In Russian).
18. Priestley, M. (2016) The Political Participation of Disabled People in Europe: Rights, Accessibility and Activism. *Electoral Studies.* 42. pp. 1–9.
19. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2010) [Elections as a Construct of Political Thinking of the Russian Authorities]. *Vybory 10.10.10 – traditsii i novatsii v regional'nom elektoral'nom protsesse* [Elections 10.10.10: Traditions and Innovations in the Regional Electoral Procedure]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tomsk: Kursiv. pp. 16–20. (In Russian).
20. Vedyashkin, S.V. & Ilyushin, A.V. (2019) Delineation of Powers Between Federal Executive Authorities and Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 31. pp. 53–62. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/31/5

Received: 14 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 241–245. DOI: 10.17223/15617793/450/29

УДК 341.01

С.Е. Смирных

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Исследуются вопросы международных аспектов обеспечения прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах. Рассмотрены теоретические аспекты имплементации норм международного права о правах наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах. Делается вывод о целесообразности принятия в рамках Организации Объединенных Наций Конвенции «О гарантиях прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах».
Ключевые слова: защита прав наиболее уязвимых групп населения; непризнанные государства; международное право.

Исследование вопросов гарантий прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах представляется целесообразным начать с рассмотрения определения понятия непризнанных государств. В связи с этим следует согласиться с утверждением о том, что одним из неисследованных явлений современной международной жизни конца XX в. являются непризнанные государства, которые имеют все формальные характеристики государств, но не признаны международным сообществом в качестве субъектов международного права [1. С. 21–25].

Представляется возможным согласиться с утверждением о том, что существование непризнанных государств может расцениваться как помеха международным отношениям, в связи с тем что в них происходит «отмывание» доходов, полученных преступным путем и базой для контрабанды, пособничестве терроризму. При этом мировое сообщество терпимо относится к существованию непризнанных государств [2. С. 89].

В теоретической правовой литературе по международному праву закреплены различные определения понятия признания в международном праве. Как отмечал Г.И. Тункин, институт признания государств представляет собой совокупность международно-правовых норм, которая регулирует отношения, связанные с выходом на международную арену новых субъектов международного права [3. С. 90].

Г.В. Игнатенко указывал на то, что признание представляет собой юридический акт, посредством которого одни государства констатируют международную правосубъектность других государств и выражают готовность поддерживать с ними отношения в соответствии с принципами и нормами международного права [4. С. 90].

Признание в международном праве представляет собой односторонние добровольные акты государств, посредством которых они фиксируют возникновение или существование новых государств в качестве субъектов международного права или возникновение и существование образовавшейся неконституционным путем эффективной власти, представляющей государства в качестве субъектов международного права [5. С. 113].

При этом необходимо иметь в виду, что исторически сложились две теории признания – декларативная и конститутивная. Декларативная теория исходит из того, что государства являются субъектами международного права с момента их возникновения. Призвание не наделяет государства международной правосубъектностью, а лишь констатирует ее. Конститутивная теория основана на утверждении о том, что возникновение государств связано с получением признания со стороны других государств [6. С. 56].

Следует отметить, что признание государств представляет собой институт международного права, состоящий преимущественно из сложившихся международных обычаев. При этом признание государств представляется возможным определить как политико-правовые акты, отражающие их собственные интересы, с помощью которых официально подтверждается отношение к возникновению новых государств, а также намерение вступить с ними в официальные международные отношения как с субъектами международного права [7. С. 143].

При этом следует иметь в виду, что институт признания не кодифицирован [8. С. 62]. Процессы глобализации обострили необходимость прогрессивного развития международно-правового института признания. Недостаточная определенность в международной теории «признания» государств ведет к постоянно умножающемуся числу непризнанных государств и поощряет противоправные действия сепаратистов [9. С. 85].

Следует иметь в виду, что на политической карте мира существует около 120 непризнанных государств, возникших на территориях почти 60 стран [10]. Среди них наиболее известными являются Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика, Нагорно-Карабахская Республика и др.

Многие непризнанные государства на постсоветском пространстве образовались в результате прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик. В связи с этим вызывает интерес рассмотрение некоторых теоретических вопросов гарантий прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах.

Международное право в области прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах закрепляет обязательные для исполнения положения. Становясь участниками международных договоров, государства принимают на себя обязательства и ответственность обеспечивать права наиболее уязвимых групп населения.

В результате ратификации международных договоров по правам наиболее уязвимых групп населения страны принимают на себя обязательства привести свое внутреннее законодательство и правоприменительную практику в соответствие с требованиями и нормами, установленными договорами. Таким образом, национальное законодательство должно предоставлять наиболее уязвимым группам населения защиту прав, гарантируемую нормами международного права.

Если национальные судебные органы не обеспечивают должной правовой оценки нарушения прав наиболее уязвимых групп населения на региональном и международном уровнях, то возможно обращение с индивидуальными жалобами или заявлениями. Таким образом, должно достигаться положение, при котором нормы международного права в области прав наиболее уязвимых групп населения действительно соблюдаются, реализуются и обеспечиваются на практике.

Следует иметь в виду, что соблюдение международных стандартов в области прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах представляет собой одно из основных направлений деятельности Организации Объединенных Наций.

Механизмы контроля прав наиболее уязвимых групп населения Организации Объединенных Наций являются существенной гарантией прав наиболее уязвимых групп населения. Деятельность судебных органов в системе Организации Объединенных Наций, таких как Международный уголовный суд и специализированные международные трибуналы, учрежденные Советом Безопасности, например, для бывшей Югославии и для Руанды, направлена на обеспечение торжества правосудия в случаях грубейших нарушений прав наиболее уязвимых групп населения.

Важную роль в деле поощрения и защиты прав наиболее уязвимых групп населения в международном праве играет Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, которое оказывает поддержку Совету по правам человека, комитетам экспертов, занимающимся мониторингом выполнения международных договоров по правам наиболее уязвимых групп населения.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека призвано взаимодействовать как с правительствами, так и с другими партнерами в лице национальных правозащитных учреждений с целью обеспечения соблюдения всех прав человека в полном объеме [11].

Другим важным органом в системе Организации Объединенных Наций, который должен следить за надлежащим осуществлением и защитой прав наиболее уязвимых групп населения в международном праве, является Совет по правам человека.

Следует согласиться с утверждением о том, что образование на постсоветском пространстве в результате распада Союза Советских Социалистических Республик новых государств является политико-правовой реальностью [12. С. 5].

Необходимо иметь в виду, что гарантии прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах оказывают глубокое влияние на развитие международного права. В рамках традиционного международного права только государства и в ряде случаев международные организации могли осуществлять свои права на международном уровне. В настоящее время индивиды имеют право на обращение в международные инстанции и суды при нарушении своих прав [13. С. 295].

Международное сообщество при помощи Организации Объединенных Наций и региональных организаций приобрело право на гуманитарную интервенцию для борьбы с массовыми нарушениями прав наиболее уязвимых групп населения на территории непризнанных государств.

Следует отметить, что вопрос о правомерности гуманитарных интервенций как способе защиты прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах в значительной степени останется не решенным.

В современном мире силовое вмешательство стран в дела непризнанных государств представляет собой одну из наиболее спорных и сложных проблем международных отношений, которая нуждается в рассмотрении и решении.

Необходимо иметь в виду, что понятие гуманитарной интервенции определяется по-разному в научной литературе по международному праву. При этом отсутствует единый международно-правовой документ, который предусматривал бы определение понятия гуманитарной интервенции в непризнанных государствах.

Представляется необходимым рассмотреть некоторые характеристики гуманитарной интервенции в непризнанных государствах. В связи с этим следует иметь в виду, что гуманитарная интервенция является одной из наиболее актуальных научных и практических проблем международного права. Конфликты в Ливии, Сирии, Абхазии и Осетии дали основания для активного обсуждения правомерности применения государствами вооруженной силы как для защиты своих граждан за рубежом, так и для оказания гуманитарной помощи гражданам других государств [14. С. 37].

Признаками гуманитарных интервенций в непризнанных государствах можно считать: применение военной силы; отсутствие согласия непризнанных государств; помощь наиболее уязвимым группам населения как цель гуманитарной интервенции.

Представляется, что гуманитарную интервенцию в непризнанных государствах можно определить как вмешательство государств во внутренние дела других государств с целью защиты прав наиболее уязвимых групп населения без согласия стран, на территории которых применяется сила с санкции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций или без нее.

Для непризнанных государств гуманитарная интервенция может, несмотря на риск потери суверенитета, стать возможностью защиты прав наиболее уязвимых групп населения. Однако плохо подготовленная, организованная и осуществленная гуманитарная интервенция представляет также и определенную опасность для наиболее уязвимых групп населения.

Главными целями непризнанных государств должна быть защита и обеспечение прав наиболее уязвимых групп населения. Осознание этих прав, заложено в человеке, и их нарушение, например, уничтожение невинных представителей наиболее уязвимых групп населения, может стать основанием для гуманитарной интервенции.

Следует иметь в виду, что защита прав наиболее уязвимых групп населения представляет собой одну из наиболее распространенных причин операций по гуманитарному вмешательству во внутренние дела непризнанных государств.

Высокий уровень коррупции, бесхозяйственности и злоупотреблений во многих непризнанных государствах значительно затрудняет защиту прав наиболее уязвимых групп населения.

Представляется, что гуманитарные интервенции в непризнанных государствах должны использоваться как последняя возможность прекращения убийств мирного населения. Деятельность в рамках гуманитарных интервенций в непризнанных государствах должна в наибольшей степени соответствовать международным стандартам прав наиболее уязвимых групп населения.

Военные действия в рамках гуманитарных интервенций в непризнанных государствах должны осуществляться с санкций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и приносить больше пользы, чем вреда.

Необходимо иметь в виду, что главная ответственность по защите прав наиболее уязвимых групп населения лежит на самих непризнанных государствах. Наиболее важной целью непризнанных государств должно быть недопущение и прекращение массовых нарушений прав наиболее уязвимых групп населения. Если гуманитарные интервенции действительно необходимы, территориальная целостность и политическая независимость непризнанных государств не должны нарушаться.

Происходит расширение влияния прав наиболее уязвимых групп населения на государственные полномочия непризнанных государств, которые традиционно рассматривались как следствие государственного суверенитета.

В современном мире защита прав наиболее уязвимых групп населения регулируется многочисленными международными договорами, декларациями и резолюциями Организации Объединенных Наций и специализированных организаций.

Вызывает интерес исследование некоторых вопросов имплементации норм международного права, гарантирующих права наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах. В связи с этим следует отметить, что международное право в сфере прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей современного международного права. С его утверждением в системе международного права связывается новый этап развития, характеризующийся признанием господства права, основанного на положениях о правах наиболее уязвимых групп населения в международных отношениях [15. С. 3].

Представляется целесообразным рассмотреть некоторые теоретические основы взаимодействия международного публичного и национального права в сфере обеспечения гарантий прав наиболее уязвимых групп населения. В связи с этим необходимо иметь в виду, что в современном мире нормы международного права о гарантиях прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах, несмотря на некоторую самостоятельность и параллельность развития, продолжают активно взаимодействовать.

Международные правовые акты, предусматривающие гарантии прав наиболее уязвимых групп населения, закреплены в уставах, конвенциях, договорах, модельных актах, которые необходимо соблюдать государствам.

При имплементации норм международного права о гарантиях прав наиболее уязвимых групп населения в национальное законодательство государств возможны следующие способы влияния положений международного права на национальное законодательство непризнанных государств: всеобщие принципы функционирования мирового сообщества; доктринальное влияние; модельные международные правовые акты; унифицированные стандарты; функционально-договорные обязательства; договоренности как итог переговоров; прецеденты международных судов; деятельность международных институтов [16. С. 66].

Существенные изменения в сфере гарантий прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах многочисленны и многообразны. Они отражаются в международном праве, праве международных организаций и национальном праве непризнанных государств.

Представляется целесообразным обратить особое внимание на правовую природу международных стандартов гарантий прав наиболее уязвимых групп населения, закрепляющих общие понятия, которые следует использовать в национальном правотворчестве непризнанных государств.

Необходимо противодействовать так называемой избирательности выполнения международных обязательств, когда непризнанные государства предпочитают использовать одни обязательства в области прав наиболее уязвимых групп населения и оставляют без внимания другие.

Существенное значение имеет механизм адаптации национальных законодательств о гарантиях прав наиболее уязвимых групп населения в соответствии с международными стандартами. Для реализации гарантий прав наиболее уязвимых групп населения непризнанным государствам необходимо провести большую работу по отмене и принятию новых законов.

Более того, после имплементации международных гарантий прав наиболее уязвимых групп населения необходимы комплексные мероприятия по их реализации.

Следует иметь в виду, что права наиболее уязвимых групп населения не существуют вне государств. Наиболее уязвимые группы населения пользуются только теми правами и свободами – социальными, экономическими и политическими, гражданскими и культурными, – которые предусмотре-

ны конституциями и законами тех стран, где эти люди живут [17. С. 20].

Следует иметь в виду, что механизм обеспечения гарантий прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах представляет собой сложный правовой комплекс, включающий в себя как внутригосударственные, так и международные средства. При этом регулирующее воздействие международного права проникает в такие сферы, которые ранее составляли исключительную компетенцию государств. Наиболее уязвимые группы населения все больше соприкасаются с международным правом, совершенствуются формы и способы международно-правового воздействия на поведение человека [18. С. 4–5].

В заключение следует отметить, что гарантии прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах закреплены в многочисленных декларациях, резолюциях и договорах. При этом вопросы защиты прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах остаются открытыми и требуют дальнейшего рассмотрения.

В связи с этим представляется целесообразным принять в рамках Организации Объединенных Наций Конвенцию «О гарантиях прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах», которая предусматривала бы основные гарантии защиты прав наиболее уязвимых групп населения в непризнанных государствах и эффективную международную систему контроля и осуществления их прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медникова А.А. Историко-теоретический анализ правового статуса непризнанных государств на примере прецедентов существования непризнанных государств в современном мире // Мир юридической науки. 2018.
2. Шинкарецкая Г.Г. Международные обязательства непризнанного государства (на примере Приднестровской Молдавской Республики) // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 1.
3. Международное право / отв. ред. чл.-кор. АН СССР Г.И. Тункин. М. : Юридическая литература, 1982.
4. Международное право : учеб. пособие / под ред. проф. Г.В. Игнатенко, Д.Д. Остапенко. Свердловск, 1974.
5. Международное право : учебник / отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкарецкая. М. : Юристъ, 2005.
6. Международное право : учебник для вузов / отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко, проф. О.И. Тиунов. М. : Издательская группа НОРМА; ИНФРА М, 1999.
7. Международное право : учебник / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М. : Высшее образование; Юрайт-Издат, 2009.
8. Бирюков П.Н. Международное право : учеб. пособие. М. : Юристъ, 1998.
9. Матвеева Т.Д. Международное право : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2014.
10. Непризнанные государства в мире. URL: https://ria.ru/20140512/1007510732.html (дата обращения: 30.08.2019).
11. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Часто задаваемые вопросы. URL: https://www.ohchr.org/RU/AboutUs/Pages/FrequentlyAskedQuestions.aspx (дата обращения: 30.08.2019).
12. Кремнев П.П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. М. : Зерцало-М, 2005.
13. Витцум В.Г. и др. Международное право / пер. с нем.; пред., сост. В. Бергман; науч. ред. и сост. указ. Т.Ф. Яковлева. М. : Инфотропик Медиа, 2011.
14. Крылов Н.Б. Гуманитарная интервенция: критерии правомерности применения вооруженной силы // Евразийский юридический журнал. 2012. № 12.
15. Чертов А.А. Европейский Суд по правам человека и развитие международного права прав человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
16. Международное право и национальное законодательство. М. : Эксмо, 2009.
17. Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. М. : Наука, 1982.
18. Самович Ю.В. Право человека на международную судебную защиту : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 сентября 2019 г.

International Guarantees of the Rights of the Most Vulnerable Groups of Population in Unrecognised States

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 241–245.
DOI: 10.17223/15617793/450/29

Sergey E. Smirnykh, Russian Association of International Law (Moscow, Russian Federation); Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: marya_babanova@inbox.ru; interlaw@igpran.ru

Keywords: protection of rights of most vulnerable groups of the population; unrecognised states; international law.

The topic of the study is the international aspects of ensuring the rights of the most vulnerable groups in unrecognised states. The following tasks were solved in the article: theoretical issues of humanitarian interventions in unrecognised states and the problems of the appropriateness of forced military actions undertaken by states or groups of states were examined; various recognition theories were investigated; guarantees of the rights of the most vulnerable groups in unrecognised states, which have a profound effect on the development of international law, were studied. The methodological basis of the article is the scientific methods of cognition. A significant role in the preparation of the article was played by the dialectical method, the historical method, the deduction method, and the induction method. To solve the tasks, the following specific scientific methods were used: systemic, logical, chronological, comparative historical, comparative legal, formal legal. The article concludes that, within the framework of traditional international law, only states and, in some cases, international organisations could exercise their rights at the international level. Currently, the most vulnerable groups of the population have the right to appeal to international instances and courts in violation of their rights. Moreover, the most vulnerable groups of the population should have guarantees for the use of the provisions fixed in the constitutions and laws of their countries of residence. In accordance with the law, civilians are protected during armed conflicts. The basic theoretical issues of humanitarian operations are considered. At the same time, two theories have historically developed: declarative and constitutive. The declarative theory proceeds from the fact that unrecognised states are subjects of international law from the moment they emerge. Recognition does not endow states with international legal personality, but merely declares it. In this regard, the article examines the rights of the most vulnerable groups in the world, which have a profound impact on the development of international law. It is concluded that it is advisable to adopt the United Nations Convention on the Guarantees of the Rights of the Most Vulnerable

Groups in Unrecognised States, which would provide basic guarantees for the rights of the most vulnerable groups in unrecognised states.

REFERENCES

1. Mednikova, A.A. (2018) Istoriko-teoreticheskiy analiz pravovogo statusa nepriznannykh gosudarstv na primere pretsedentov sushchestvovaniya nepriznannykh gosudarstv v sovremennom mire [Historical and Theoretical Analysis of the Legal Status of Unrecognised States on the Example of Precedents of Unrecognised States Existing in the Modern World]. *Mir yuridicheskoy nauki*. 8. pp. 21–25.
2. Shinkaretskaya, G.G. (2019) International Obligations of Unrecognized State. The Case of Transdristrian Moldavian Republic. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 14 (1). (In Russian).
3. Tunkin, G.I. (ed.) (1982) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Ignatenko, G.V. & Ostapenko, D.D. (eds) (1974) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Sverdlovsk.
5. Usenko, E.T. & Shinkaretskaya, G.G. (eds) (2005) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow: Yurist".
6. Ignatenko, G.V. & Tiunov, O.I. (eds) (1999) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA; INFRA M.
7. Vylegzhanin, A.N. (ed.) (2009) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow: Vysshee obrazovanie; Yurayt-Izdat.
8. Biryukov, P.N. (1998) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow: Yurist".
9. Matveeva, T.D. (2014) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow: Yurayt.
10. RIA.ru. (2014) Nepriznannye gosudarstva v mire [Unrecognised States in the World]. [Online] Available from: https://ria.ru/20140512/1007510732.html. (Accessed: 30.08.2019).
11. OHCHR. (2019) *Chasto zadavaemye voprosy* [Frequently Asked Questions]. [Online] Available from: https://www.ohchr.org/RU/AboutUs/Pages/FrequentlyAskedQuestions.aspx. (Accessed: 30.08.2019).
12. Kremnev, P.P. (2005) *Raspad SSSR: mezhdunarodno-pravovye problemy* [The Collapse of the USSR: International Legal Problems]. Moscow: Zertsalo-M.
13. Vitzthum, W.G. et al. (2011) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. TFG by V. Bergman. Moscow: Infotropik Media.
14. Krylov, N.B. (2012) Humanitarian Intervention: Criteria for the Legitimate Use of Military Force. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 12.
15. Chertov, A.A. (2007) *Evropeyskiy Sud po pravam cheloveka i razvitie mezhdunarodnogo prava prav cheloveka* [European Court of Human Rights and the Development of International Human Rights Law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
16. Tikhomirov, Yu.A. (ed.) (2009) *Mezhdunarodnoe pravo i natsional'noe zakonodatel'stvo* [International Law and National Law]. Moscow: Eksmo.
17. Movchan, A.P. (1982) *Prava cheloveka i mezhdunarodnye otnosheniya* [Human Rights and International Relations]. Moscow: Nauka.
18. Samovich, Yu.V. (2007) *Pravo cheloveka na mezhdunarodnuyu sudebnuyu zashchitu* [A Human Right to International Judicial Protection]. Abstract of Law Dr. Diss. Kazan.

Received: 06 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 246–251. DOI: 10.17223/15617793/450/30

УДК 343.983.7:343.982.323

Е.В. Сучкова, Д.А. Никонец, С.Д. Кулик

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛОС ЧЕЛОВЕКА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СУДЕБНО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассматриваются основные недостатки методов, применяемых в судебно-биологической экспертизе волос человека. Кратко представлен обзор современных исследований в этой области. Приведены экспериментальные оценки сравнительной эффективности двух основных методов криминалистического анализа волос. Для повышения эффективности работы эксперта-криминалиста предлагается использовать комплексный подход, сочетающий в себе последовательное применение морфологического исследования волос и анализа ДНК.

Ключевые слова: судебно-биологическая экспертиза; морфологическое исследование волос; вероятностно-статистическая оценка; идентификация человека; анализ ДНК.

Волосы человека являются одним из объектов, которые служат предметом исследования судебно-биологической экспертизы. По имеющимся сведениям, ранее в среднем за год в России при осмотре места происшествия (ОМП) изымалось около 230–240 тыс. биологических следов, что составляет примерно 16,5% от всех изымаемых следов [1]. В настоящее время количество этих биологических следов увеличилось и составляет около 22,0% от всех следов. Отметим, что в первую очередь это связано с развитием исследования ДНК. Волосы входят в состав исследуемых биологических следов. Однако следователями волосы человека направляются на анализ ДНК значительно реже других объектов, численность молекулярно-генетических экспертиз волос человека составляет 1,9–5% от общей численности объектов, исследуемых этим методом [2]. Имеются сведения о том, что в 2012 г. в биологическом отделении типичного экспертного подразделения [3] экспертизы по исследованию волос составляли 2,5% от общего количества экспертиз, выполненных в отделении. Из них 52,5% составляли экспертизы волос, назначенные по уголовным делам. В основном экспертизы назначались по преступлениям, связанным с убийствами (68,2%), и половыми преступлениями (12,3%). В настоящее время количество проведенных экспертиз и исследований, касающихся морфологического исследования волос, также колеблется в пределах 1,6–2,5 % от общего количества судебных биологических экспертиз.

Криминалистическое исследование волос включает в себя анализ их морфологических признаков. Данное исследование позволяет отнести объект, представленный эксперту на исследование, к волосам, установить его происхождение от человека или животного. В случае происхождения волоса от человека, можно установить область тела, с которой волос был отделен. В дальнейшем, при предоставлении волос с той же области тела, изъятых у проверяемого лица, возможно проведение сравнительного исследования и установление происхождения изъятых волос от конкретного человека. Морфологические признаки волос можно условно разделить на индивидуализирующие (идентификационно значимые) и диагностические. Если при проведении сравнительного исследования волос, представленный на исследование, и сравнительные образцы волос различаются хотя бы по одному из индивидуализирующих признаков, то следует сформулировать вывод о том, что данный волос не происходит от проверяемого лица. В случае если совпадают все индивидуализирующие признаки, то формулируется вывод о том, что данный волос мог произойти от проверяемого лица. Данная формулировка о возможности происхождения объекта иногда встречает критику в лице некоторых экспертов, полагающих, что вывод должен звучать таким образом: «волос, вероятно, произошел от проверяемого лица». С такой формулировкой тоже нельзя вполне согласиться, так как термин «вероятно» вызывает дополнительные вопросы, касающиеся теории вероятности и проведения статистической обработки данных. Однако «вероятностный» вывод не может являться основой для решения суда. В свою очередь, представители следственных органов задают вопрос: если исследуемый объект и сравнительные образцы волос совпали по всем идентификационно значимым признакам, то почему нельзя сформулировать категорический положительный вывод? Ответ на этот вопрос получить непросто и необходимы дополнительные исследования.

В рамках судебно-биологической экспертизы для идентификации человека по волосам в основном применяют два метода исследования: метод анализа ДНК и метод исследования морфологических признаков волос. Анализ ДНК волос бывает двух типов: анализ ядерной ДНК и анализ митохондриальной ДНК волос.

Метод анализа митохондриальной ДНК волос человека также, как и исследование морфологических признаков волос, позволяет сделать вероятностный вывод о происхождении исследуемого волоса от проверяемого лица. А метод анализа ядерной ДНК волос человека позволяет формулировать вывод о происхождении исследуемых волос от конкретного человека в категорической форме, т.е. идентифицировать человека. В отечественной экспертной практике митохондриальная ДНК волос исследуется в редких случаях. В основном проводится анализ ядерной ДНК после получения результатов морфологического исследования волос.

С целью изучения новых подходов к оценке результатов морфологического исследования волос с головы человека при установлении происхождения волоса от проверяемого лица авторами были выполнены необходимые научные исследования, которые кратко представлены в данной статье.

Следует заметить, что за рубежом (в частности в США) до внедрения ДНК анализа волос считалось возможным идентифицировать человека при помощи морфологического исследования волос. Экспертные заключения, в которых сделан такой вывод, часто становились основным доказательством в суде. Так, например, в штате Иллинойс из 285 смертных приговоров, вынесенных судом с 1977 г., по крайней мере в 20 случаях обвинение основывалось на выводах морфологического исследования волос [4].

После внедрения анализа ДНК в экспертную практику появилась возможность не только выполнять исследования с большей точностью, но и пересмотреть ряд ранее принятых ошибочных решений. Так, в США в 1996 г. National Institute of Justice установил 27 случаев, когда для ранее осужденных лиц повторная проверка при помощи анализа ДНК экспертиз, лежащих в основе обвинения, привела к пересмотру дел и даже к оправданию ошибочно осужденных. В 6 случаях из 27 обвинение основывалось в значительной степени на результатах морфологического исследования волос [4].

В 2002 г. эксперты ФБР при помощи анализа митохондриальной ДНК выполнили повторное исследование 170 образцов волос, для которых в 1996–2000 гг. были проведены морфологические исследования [5]. Как показали сравнительные исследования этих методов, метод анализа ДНК волос дает более точные результаты. В результате из 80 случаев, когда ранее был сделан вывод о происхождении исследуемых волос от конкретного человека в категорической форме, в 9 случаях (11%) при помощи анализа ДНК была установлена ошибочность первоначального вывода. Однако следует отметить, что для 17 случаев, когда ранее при морфологическом исследовании был сделан вывод о невозможности происхождения исследуемых волос от конкретного человека в категорической форме, ошибок при помощи анализа ДНК не было обнаружено.

В 2012 г. начался пересмотр около 3 тыс. экспертных заключений, сделанных ранее экспертами ФБР, где применялось морфологическое исследование волос [6]. По сообщениям ФБР на 2015 г. уже пересмотрено около 500 экспертиз. Из 268 экспертиз, по которым было сделан категорический положительный вывод о происхождении исследуемых волос от конкретного человека, в 257 случаях (96%) были приняты научно необоснованные решения. Научно необоснованными считались экспертные заключения, в которых были сделаны ошибки следующих трех типов [Ibid]:

1. Необоснованно утверждалось, что исследуемый образец волос произошел от проверяемого лица и происхождение от других лиц категорически исключено.

2. Были приведены научно необоснованные значения вероятности происхождения от конкретного лица, «редкости» набора признаков, отношения правдоподобия и т.п.

3. В качестве аргументов, «укрепляющих» вывод эксперта, приводились данные о количестве ранее выполненных экспертом экспертиз, количестве ранее изученных образцов волос и т.п.

Как уже отмечалось выше [5], метод анализа ДНК волос дает более точные результаты, чем морфологическое исследование волос. Однако этот метод имеет существенные недостатки: реагенты для анализа ДНК стоят достаточно дорого, в ходе исследования полностью или частично расходуются волосы, а также то, что часто волосы, обнаруженные при осмотрах мест происшествий, не пригодны для анализа ДНК.

Известно [7], что около 95% волос, собираемых при ОМП, находятся в финальной стадии онтогенеза – телоген. В этой стадии волосы уже прекратили рост и легко выпадают. За сутки у человека выпадает около 150 волос [7, 8]. Для выполнения анализа ядерной ДНК волосы в стадии телоген подходят плохо, так как содержат малое количество ядерной ДНК, но хорошо подходят вырванные волосы в стадии активного роста анаген / катаген, имеющие на своем корневом конце волосяную луковицу и остатки волосяного влагалища (т.е., соответственно, около 5% волос, собираемых при ОМП) [Ibid].

Так, K.A. Roberts и др. при проведении типичного для судебной экспертизы STR анализа ядерной ДНК при помощи амплификации (AmpFlSTR® Identifier1 PCR Amplification Kit и PowerPlex® 16 System kit) изучали образцы волос головы, полученных от 24-х человек [9]. Всего было исследовано 34 волоса, из которых 22 вырваны (волосы в стадии роста анаген / катаген) и 12 выпали в стадии роста телоген. Успешный анализ ядерной ДНК был выполнен для 95% волос в стадии роста анаген / катаген (21 из 22) и 0% для волос в стадии телоген.

А в ходе исследования J. Edson и др. [7] изучалась возможность проведения анализа ядерной ДНК волос в стадии роста телоген. Были исследованы 998 волос в стадии телоген, полученных от 136 человек. Использовался метод STR получения ядерной ДНК. В результате исследования было получено, что только 36% волос в стадии телоген содержат ядерную ДНК, у 28% таких волос ядерной ДНК достаточно для получения частичного профиля STR, но только у 6% информации достаточно для выполнения полного STR анализа ядерной ДНК волос. Специалисты считают, что для ДНК анализа волос в стадии телоген более подходит анализ митохондриальной ДНК волос [5]. Так, в исследовании [10] изучалось, насколько типичные волосы подходят для анализа митохондриальной ДНК; использовалась амплификация митохондриальной ДНК при помощи системы LINEAR ARRAYTM duplex PCR. В ходе исследования использовались волосы людей различного возраста из четырех этнических (расовых) групп. Всего в течение 8 месяцев были изучены 2 554 волоса с голов 132 человек. Среди них 1 251 волос был в стадии роста телоген и 1 303 волоса с отсутствующим корнем. В результате исследования оказалось, что митохондриальную ДНК удалось получить из 77,5% волос в стадии роста телоген и только из 65% волос без корней.

Аналогичные исследования выполнялись T. Melton и др. [11]. В ходе исследований изучалась возможность анализа митохондриальной ДНК для типичных волос из экспертной практики. Исследовались образцы волос, по которым с 1999 по 2001 г. проводился анализ мито-

хондриальной ДНК. Образцы предварительно исследовались при помощи метода STR получения ядерной ДНК или морфологического исследования волос. Если в ходе предварительных исследований было установлено, что не хватает данных для проведения анализа ядерной ДНК, тогда образцы направлялись для исследования митохондриальной ДНК. Всего была выполнена 691 экспертиза. В результате в 570 исследованиях (82,5%) удалось получить «полный профиль митохондриальной ДНК» (митотип), в 71 случае (10,3%) только «частичный профиль», а в 50 случаях (7,2%) данных для выполнения анализа митохондриальной ДНК оказалось недостаточно.

В среднем только около 30% волос, собираемых при ОМП, подходят для анализа ядерной ДНК и, соответственно, для того, чтобы сделать вывод о происхождении исследуемого волоса от конкретного человека в категорической форме (т.е. идентифицировать человека). Также в среднем около 80–90% волос, собираемых при ОМП, подходят для анализа митохондриальной ДНК и, соответственно, для того, чтобы сделать вероятностный вывод о возможности того, что исследуемый волос произошел от проверяемого лица.

Еще одной серьезной проблемой при анализе ДНК является то, что количества ДНК, имеющейся на отдельном волосе, не всегда достаточно для исследования, а объединить изъятые при ОМП волосы в один общий объект для увеличения количества ДНК не всегда возможно, поскольку данные волосы могут происходить из разных источников и в исследуемом объекте может быть обнаружена «смесь» ДНК. Кроме того, «смешанный» характер ДНК может быть вызван присутствием на волосах биологических следов другого человека (например: следы крови на волосах в связи с совершением преступления; случайное загрязнения в результате неправильного изъятия и упаковки волос, при неправильных действиях эксперта и т.п.) [12]. Смешанный характер ДНК затрудняет применение стандартных экспертных методик, а именно смешанный генетический профиль, произошедший от трех и более лиц, не позволяет достоверно интерпретировать полученный результат [11, 12]. Так, в вышеупомянутом исследовании [11] из 691 анализа митохондриальной ДНК в 60 случаях (8,7%) в исследуемых образцах были обнаружены следы ДНК, происходящие из нескольких источников. Причем выявить причину появления таковых следов не удалось.

Некоторые авторы отмечают, что проведение морфологического исследования волос возможно в большинстве случаев, когда из-за различных ограничений применимости нельзя выполнить анализ ДНК. Так, в ходе сравнительного исследования методов анализа митохондриальной ДНК и морфологического исследования волос [5] было получено, что в 6 из 170 случаев (4%) невозможно было выполнить анализ ДНК из-за недостаточности информации, причем для 3 из этих 6 случаев оказалось возможным провести морфологическое исследование волос.

Поэтому специалисты рекомендуют [1, 3–7, 11] последовательное применение двух методов. Сначала анализируют морфологические признаки и, если в результате не исключается возможность того, что исследуемые волосы произошли от проверяемого лица, тогда выполняется анализ ДНК волос. Отмечается [1], что предварительный отбор наиболее подходящих биологических следов повышает долю объектов, подходящих для анализа ДНК. Так, в 14% экспертиз ДНК на исследование поступает от 1 до 3 объектов (в этом случае 84% из них подходят для анализа ДНК), в 48% случаев поступает от 3 до 10 объектов (62% пригодных), а в 38% случаев – более 10 объектов (всего 54% из них пригодны для анализа ДНК) [1].

В ходе морфологического анализа волос специалисты исключают [1–7, 11] волосы животных, объекты волокнистой природы, а также объекты, в отношении которых сделан категорический отрицательный вывод. Следует добавить, что кроме синтетических волокон и волос животных следует исключить любые объекты, похожие на волосы, но не являющиеся волосами (объекты растительного происхождения, паутину и др.). Анализ заключений эксперта показал, что в период с 2005–2015 гг. среди объектов, предоставляемых на экспертное исследование в ЭКЦ МВД России, волосы человека составляют 76%, волосы животных 15%, смесь волос человека и животных – 9% [13]. Комплексный подход исследования предполагает после проведения морфологического анализа волос оценку пригодности оставшихся объектов для анализа ядерной или митохондриальной ДНК и выполнения соответствующих действий. Морфологическое исследование волос научно обосновано и его результаты хорошо согласуются с результатами ДНК анализа, особенно если в ходе морфологического анализа сделан категорический отрицательный вывод [3–7, 11]. Тем не менее, хотя комплексный подход и позволяет получать наиболее полную информацию, даже при назначении комплексного исследования волос не всегда удается избежать формулировки вывода: «…не представляется возможным…» (НПВ) (таблица) [13].

Таблица

Эффективность применяемых методов при исследовании волос

Методы	Выводы, %				
	Диагностический	Категорический отрицательный	Вероятн. положительный	Категорический положительный	НПВ
Морфологический	36	39	25	–	–
Морфологический, исследование ДНК	21	36	11	14	18

Для повышения эффективности оценки результатов морфологического исследования волос с головы человека было принято решение о разработке математической модели для количественной оценки вероятности совпадения наборов признаков в сравнительных образцах волос и у проверяемого лица. В настоящее время в криминалистике используются различные подходы к формированию математических моделей для принятия решения экспертами криминалистами (например, используются нейронные сети [14, 15]). В ходе данной работы была разработана математическая модель получения вероятностно-статистической оценки совпадающих частных признаков, характеризующих волосы (вероятность случайного совпадения). Такая модель традиционно используется в отечественной криминалистике [15, 16]. Для получения этой оценки необходима специальная выборка экспериментальных данных. В ходе текущего исследования такая выборка была сформирована, для этого были использованы образцы волос 450 людей мужского и женского пола разных возрастов (от 7 месяцев до 90 лет), проживающих в различных субъектах Российской Федерации. Исследовалось по 50 волос с головы каждого донора (10 волос с каждой области головы: лобной, теменной, правой височной, левой височной, затылочной), всего исследовано 22 500 волос [16, 17].

Для 77 качественных и 9 количественных признаков, характеризующих волосы, были рассчитаны соответствующие им идентификационные значимости. Для образцов волос 48 человек, образующих тестовую выборку, были рассчитаны суммарные идентификационные значимости наборов признаков (профилей) и получены вероятности и соответственно частоты встречаемости этих профилей. Минимальная оценка вероятности появления профиля из тестовой выборки, рассчитанная при коэффициенте доверия $\gamma = 0,99$, равна $P_{мин} = 7,7 \cdot 10^{-7}$ (т.е. 1 случай из $1,3 \cdot 10^{6}$), максимальная оценка вероятности появления профиля – $P_{макс} = 2,9 \cdot 10^{-2}$ (1 случай из 35), а среднее значение – $P_{ср} = 2,2 \cdot 10^{-5}$ (1 случай из $4,6 \cdot 10^{4}$). В качестве примера приведем профили из тестовой выборки. Наиболее редкий профиль – $P_{мин} = 7,7 \cdot 10^{-7}$ (1 случай из $1,3 \cdot 10^{6}$):

1. Рисунок кутикулы:
   – изломанная;
   – изломанная зазубренная.
2. Цвет фона коркового слоя:
   светло-желто-серый;
   серо-желтый.
3. Цвет пигмента:
   коричневый;
   светло-коричневый.
4. Размер пигмента:
   среднезернистый;
   средне- и крупнозернистый.
5. Архитектоника пигмента:
   отдельные зерна;
   скопления;
   цепочки.
6. Расположение пигмента:
   равномерное.
7. Наличие обесцвечивания:
   отсутствует.
8. Наличие окрашивания:
   отсутствует.
9. Наличие седеющих волос:
   отсутствует.
10. Наличие повреждений:
    имеется;
    дырчатость, продольная исчерченность, отслоение кутикулы, трещина.
11. Наличие заболеваний:
    имеется;
    бифуркация.
12. Наиболее частый профиль из тестовой выборки: $P_{макс} = 2,9 \cdot 10–2$ (1 случай из 35):
13. Рисунок кутикулы:
    изломанная зазубренная.
14. Цвет фона коркового слоя:
    светло-коричневый с серым оттенком.
15. Цвет пигмента:
    коричневый.
16. Размер пигмента:
    среднезернистый.
17. Архитектоника пигмента:
    отдельные зерна;
    скопления;
    тяжи.
18. Расположение пигмента:
    периферическое.
19. Наличие обесцвечивания:
    отсутствует.
20. Наличие окрашивания:
    отсутствует.
21. Наличие седеющих волос:
    отсутствует.
22. Наличие повреждений:
    отсутствует.
23. Наличие заболеваний:
    отсутствует.

При этом всего получилось 24 профиля (50,0%) из тестовой выборки с оценками вероятности появления больше (т.е. встречаются чаще) чем 10^{-3}; 14 профилей (29,2%) с оценками вероятности от 10^{-3} до 10^{-4}; 10 профилей (20,8%) с оценками вероятности меньше чем 10^{-4} (от 10^{-4} до $7,7 \cdot 10^{-7}$). Возникают вопросы: много это или мало, какой из этого может быть сделан вывод и какое значение оценки частоты профиля достаточно для того, чтобы сделать категорический положительный вывод об идентификации (верификации) человека?

В качестве примера для сравнения можно привести данные по экспертизам ДНК [1]. Согласно этим данным было исследовано более 1 тыс. экспертиз ДНК, выполненных в ЭКЦ МВД России в 1994–2003 гг. В результате в 31,4% экспертиз вероятность случайного совпадения генетического профиля оказалась выше 10^{-3}, в 34,3% – от 10^{-3} до 10^{-6}, в 22,9% – от 10^{-6} до 10^{-9} и только в 11,4% – менее 10^{-9}. Сравнив эти данные с результатами, полученными выше для морфологического анализа волос, можно сделать вывод о том, что в 65,7% случаев вероятность случайного совпадения генетического профиля находится примерно в том же диапазоне

значений, что и вероятность случайного совпадения морфологического профиля волос. И только в 34,3% случаях полученные значения вероятностей случайного совпадения генетического профиля ниже (т.е. более подходящие для идентификации), чем для типичного морфологического профиля волос.

В результате выполненной работы можно сделать вывод, что в большинстве случаев вероятностно-статистическая оценка появления морфологических профилей волос не достигает значений, которые позволяют сделать категорический вывод об идентификации человека по волосам.

Однако морфологическое исследование волос научно обосновано и его результаты хорошо согласуются с результатами ДНК анализа, особенно если в ходе морфологического анализа сделан категорический отрицательный вывод.

Несмотря на то, что анализ ядерной ДНК больше подходит для идентификации человека, чем морфологический анализ волос, следует отметить, что в 2/3 случаев вероятность случайного совпадения генетического профиля находится примерно в том же диапазоне значений, что и вероятность случайного совпадения морфологического профиля волос. И только в 1/3 случаев эта вероятность имеет значения, которые сложно достигнуть при морфологическом анализе волос. Более того, довольно часто возможны случаи, когда выполнить анализ ядерной ДНК невозможно, но при этом морфологический анализ волос выполняется без ограничений.

Для повышения эффективности работы эксперта-биолога предлагается использовать комплексный подход к исследованию волос. Комплексный подход сочетает в себе последовательное применение метода морфологического исследования волос и метода исследования ДНК, что позволяет получать наиболее полную криминалистически значимую информацию о волосах человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пименов М.Г. Теоретические и методические основы судебно-генетической экспертизы тканей и выделений человека : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
2. Кондрашов С.А., Брагина А.Ю., Дукова И.В., Павленко А.В. О практике работы с объектами судебно-генетической экспертизы. // О проблемных вопросах организации производства судебно-медицинских экспертиз: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. М. : РИО ФГУ РЦСМЭ Минздравсоцразвития России, 2009. С. 322–328.
3. Сабурина Л.М., Орлова Л.Н., Казанцева Т.В., Казымова Е.Л., Шишкина Т.Н. Анализ экспертиз по волосам-уликам, изъятым с места происшествия, одежды и других предметов по уголовным делам // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики (сборник науч.-практ. работ с междунар. участием) / [под ред. В.П. Новоселова, Б.А. Саркисяна, А.Б. Шадымова]. Барнаул; Новосибирск : Параграф, 2012. Вып. 18. (Publication in electronic media: 02.02.2013 under http://journal.forens-lit.ru/node/822).
4. Rowe W.F. The current status of microscopical hair comparisons // The Scientific World. 2001. Vol. 1. P. 868–878.
5. Houck M.M., Budowle. B. Correlation of microscopic and mitochondrial DNA hair comparisons // Journal of Forensic Science. 2002. Vol. 47 (5). P. 964–967.
6. David H.K. Ultracrepidarianism in Forensic Science: The Hair Evidence Debacle // Washington & Lee Law Review Online. 2015. Vol. 72. P. 227–254. (Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2647430).
7. Edson J., Brooks E.M., McLaren C., Robertson J., McNevin D., Cooper A., Austin J.J. A quantitative assessment of a reliable screening technique for the STR analysis of telogen hair roots // Forensic Science International: Genetics. 2013. Vol. 7. P. 180–188.
8. Linch C.A., Whiting D.A., Holland M.M. Human hair histogenesis for the mitochondrial DNA forensic scientist // Journal of Forensic Science. 2001. Vol. 46 (4). P. 844–853.
9. Andreasson H., Nilsson M., Budowle B., Lundberg H., Allen M. Nuclear and mitochondrial DNA quantification of various forensic materials // Forensic Science International. 2006. Vol. 164. P. 56–64.
10. Roberts K.A., Calloway C. Mitochondrial DNA Amplification Success Rate as a Function of Hair Morphology // Journal of Forensic Science. 2007. Vol. 52 (1). P. 40–47.
11. Melton T., Dimick G., Higgins B., Lindstrom L., Nelson K. Forensic mitochondrial DNA analysis of 691 casework hairs // Journal of Forensic Science. 2005. Vol. 50 (1). P. 73–80.
12. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Проспект, 2014. 544 с.
13. Сучкова Е.В. Судебно-экспертное исследование волос человека и животных. М. : Юрлитинформ, 2015. 232 с.
14. Кулик С.Д., Никонец Д.А. Автоматизация классификационно-диагностических почерковедческих исследований с помощью нейронных сетей // Информационные технологии. 2012. № 1. С. 70–75.
15. Kulik S., Nikonets D. Forensic Handwriting Examination and Human Factors: Improving the Practice through Automation and Expert Training // Proc. 2016 Third International Conference on Digital Information Processing, Data Mining, and Wireless Communications (DIPDMWC), 2016. P. 221–226.
16. Сучкова Е.В., Кулик С.Д., Никонец Д.А. Оценка возможности применения статистической обработки результатов исследования при производстве судебной биологической экспертизы волос с головы человека // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 164–169.
17. Сучкова Е.В., Кулик С.Д., Никонец Д.А. Статистическая оценка результатов исследования морфологических признаков волос с головы человека при производстве судебной экспертизы // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2017. № 6 (35). С. 231–235.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 августа 2019 г.

The Problem of Efficiency of Microscopic Human Hair Analysis in the Forensic Biological Examination

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 246–251.
DOI: 10.17223/15617793/450/30

Elena V. Suchkova, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: evsuchkova@mail.ru
Denis A. Nikonets, MRFK LTD (Moscow, Russian Federation). E-mail: denis_n@mail.ru
Sergey D. Kulik, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russian Federation). E-mail: sedmik@mail.ru

Keywords: forensic biological examination; microscopic hair analysis; probability evaluation; forensic identification; DNA analysis.

The main aim of this research work is to study new approaches to assessing the results of forensic microscopic analysis of the investigated person's hair, which will improve the effectiveness of forensic biological examination of human hair. The forensic examination of human hair includes an analysis of their morphological characteristics. If all individualising features coincide, a conclusion can be drawn that this very hair probably belongs to the investigated person. However, a "probabilistic" conclusion cannot be the basis for a court decision. A mathematical model for assessing the probabilistic-statistical estimate of the set of matching features that characterise human hair (random match probability) has been developed to improve the evaluation of the forensic microscopic hair analysis. The identification significance (rarity) has been estimated for all morphological features characterising human hair. The aggregated identification significance of the set of matching features (morphological hair profile) has been estimated, and the probability and the frequency of morphological hair profiles have been evaluated for a control dataset of hair samples. As a result of the work, it can be concluded that, in most cases, the probabilistic-statistical estimate of appearance of morphological profiles of human hair does not give us precise data to make an unequivocal positive conclusion in the identification of a person by hair. However, the microscopic hair analysis is scientifically justified, and its results have a good correlation with the results of the DNA analysis, especially if the analysis made an unequivocal negative conclusion. The most accurate method of forensic hair analysis is the DNA analysis. However, despite the fact that the nuclear DNA analysis is more suitable for an identification of a person by hair than the microscopic hair analysis, it should be noted that, in two-thirds of cases, the probability of appearance of a genetic profile is in the same range of values as the probability of appearance of a morphological profile of human hair. Only in one-third of cases, this probability has values that are difficult to achieve in the microscopic hair analysis. Moreover, there are situations when it is impossible to perform the DNA analysis, but the microscopic analysis of human hair can be done without any restriction. As a result, it is concluded that, to increase the expert biologist's efficiency, it makes sense to use an integrated approach to the forensic examination of human hair. The integrated approach combines a consistent application of the method of the microscopic analysis of human hair and the method of the DNA hair analysis, which allows obtaining the most compete forensic information on human hair.

REFERENCES

1. Pimenov, M.G. (2004) *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebno-geneticheskoy ekspertizy tkaney i vydeleniy cheloveka* [Theoretical and Methodological Foundations of the Forensic Genetic Examination of Human Tissues and Secretions]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Kondrashov, S.A., Bragina, A.Yu., Dukova, I.V. & Pavlenko, A.V. (2009) O praktike raboty s ob"ektami sudebno-geneticheskoy ekspertizy. [On the Practice of Working With Objects of Forensic Genetic Examination]. *O problemnykh voprosakh organizatsii proizvodstva sudebno-meditsinskikh ekspertiz* [On the Problems of Organising Forensic Medical Examinations]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow: RIO FGU RTsSME Minzdravsotsrazvitiya Rossii. pp. 322–328. (In Russian).
3. Saburina, L.M. et al. (2012) Analiz ekspertiz po volosam-ulikam, iz"yatym s mesta proisshestviya, odezhdy i drugikh predmetov po ugolovnym delam [Analysis of Examinations on Hair Evidence Collected From the Crime Scene, Clothes and Other Items in Criminal Cases]. In: Novoselov, V.P. et al. (eds) *Aktual'nye voprosy sudebnoy meditsiny i ekspertnoy praktiki* [Topical Issues of Forensic Medicine and Expert Practice]. Is. 18. Barnaul; Novosibirsk: Paragraf. [Online] Available from: http://journal.forens-lit.ru/node/822.
4. Rowe, W.F. (2001) The Current Status of Microscopical Hair Comparisons. *The Scientific World*. 1. pp. 868–878.
5. Houck, M.M. & Budowle, B. (2002) Correlation of Microscopic and Mitochondrial DNA Hair Comparisons. *Journal of Forensic Science*. 47 (5). pp. 964–967.
6. David, H.K. (2015) Ultracrepidarianism in Forensic Science: The Hair Evidence Debacle. *Washington & Lee Law Review Online*. 72. pp. 227–254.
7. Edson, J. et al. (2013) A Quantitative Assessment of a Reliable Screening Technique for the STR Analysis of Telogen Hair Roots. *Forensic Science International: Genetics*. 7. pp. 180–188.
8. Linch, C.A., Whiting, D.A. & Holland, M.M. (2001) Human Hair Histogenesis for the Mitochondrial DNA Forensic Scientist. *Journal of Forensic Science*. 46 (4). pp. 844–853.
9. Andreasson, H. et al. (2006) Nuclear and Mitochondrial DNA Quantification of Various Forensic Materials. *Forensic Science International*. 164. pp. 56–64.
10. Roberts, K.A. & Calloway, C. (2007) Mitochondrial DNA Amplification Success Rate as a Function of Hair Morphology. *Journal of Forensic Science*. 52 (1). pp. 40–47.
11. Melton, T. et al. (2005) Forensic Mitochondrial DNA Analysis of 691 Casework Hairs. *Journal of Forensic Science*. 50 (1). pp. 73–80.
12. Rossinskaya, E.R. (ed.) (2014) *Sudebnaya ekspertiza: tipichnye oshibki* [Forensic Examination: Typical Errors]. Moscow: Prospekt.
13. Suchkova, E.V. (2015) *Sudebno-ekspertnoe issledovanie volos cheloveka i zhivotnykh* [Forensic Examination of Human and Animal Hair]. Moscow: Yurlitinform.
14. Kulik, S.D. & Nikonets, D.A. (2012) *Using Neural Networks for Writer Sex and Age Identification*. *Informatsionnye tekhnologii – Information Technologies*. 1. pp. 70–75. (In Russian).
15. Kulik. S. & Nikonets, D. (2016) Forensic Handwriting Examination and Human Factors: Improving the Practice through Automation and Expert Training. *Proc. 2016 Third International Conference on Digital Information Processing, Data Mining, and Wireless Communications (DIPDMWC)*. pp. 221–226.
16. Suchkova, E.V., Kulik, S.D. & Nikonets, D.A. (2019) Evaluation of the Possibility of Statistical Processing of the Results of the Forensic Microscopical Analysis of the Human Hair. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2 (46). pp. 164–169. (In Russian).
17. Suchkova, E.V., Kulik, S.D. & Nikonets, D.A. (2017) Statisticheskaya otsenka rezul'tatov issledovaniya morfologicheskikh priznakov volos s golovy cheloveka pri proizvodstve sudebnoy ekspertizy [Statistical Estimation of the Results of the Study of Morphological Signs of Hair From a Human Head During thef Forensic Examination]. *Biblioteka kriminalista: nauchnyy zhurnal*. 6 (35). pp. 231–235.

Received: 17 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 252–256. DOI: 10.17223/15617793/450/31

УДК 343.985

Н.Г. Шурухнов

КЛАССИФИКАЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Анализируются различные криминалистические методики, разработанные учеными, проводится их сравнительно-правовое исследование и обзор практики реализации при расследовании преступлений. На основе полученных результатов делается попытка выбрать общие признаки, служащие основанием классификации таких рекомендаций, как определение видов, иерархии, взаимосвязи, влияния одних в построении других, а также роли в расследовании различных видов и групп преступлений.

Ключевые слова: классификация; расследование; методика; закономерности; концепция; общая методика; частная методика; простая; сложная; транснациональная; национальная.

Научные исследования и практическая деятельность убедительно демонстрируют значимость классификации [1. С. 7–10]. Это связано с тем, что она позволяет накопить информацию, организовать процессы познания, поиска и приумножения знаний, а также их использование для получения сведений об объектах другого уровня и их корреляциях. Актуальность классификации для построения криминалистических методических рекомендаций расследования преступлений обусловлена многообразием исследуемых явлений, процессов, объектов, спецификой установления сведений, являющихся отправными в принятии решений. Исходя из того, что сама криминалистика является исчерпывающе системной наукой, поэтому ее продукция обязана быть таковой.

Криминалистические методические рекомендации содержательно составляют соответствующий раздел науки, без них не мыслится эффективное расследование преступлений. Система криминалистических методических рекомендаций должна представлять комплекс, построенный в определенной иерархии. Такой подход должен отражать их теоретическую и практическую значимость, роль предыдущей в построении последующей, исключая дублирование, сосредоточивая внимание на инновациях[1], способствующих расследованию преступлений. Во всем этом важны роль оснований классификации, соблюдение принципов ее осуществления, выделение разделительных признаков для определения сходства или различия классифицируемых методик.

Знакомясь с исследованиями ученых, следственной практикой, уровнем внедрения методических рекомендаций в процесс расследования преступлений, специалисты пришли к выводу о существовании (в зависимости от оснований) нескольких классификационных групп методик. К числу основных, по нашему мнению, относятся:

1) *общая и частная методики* – в зависимости от количества охватываемых рекомендациями преступлений;

2) *простые и сложные* – обусловленные сложностью преступлений;

3) *специальные и универсальные* – по характеру и количеству поставленных целей;

4) *транснациональные и национальные* – по действию в пространстве.

1. Первая из классификаций криминалистических методик содержательно представляет собой развернутый замысел, определяющий стратегию разработки криминалистических методических рекомендаций на общем и частном уровнях, одновременно дающий отдельные практические рекомендации по расследованию определенного рода преступлений. Концепция – это и методика, и научное обоснование построения рекомендаций, их практической реализации при расследовании преступлений, раскрывающая теоретические и практические задачи.

1.1. Одной из задач концепции является выявление закономерностей совершения и расследования определенного рода преступлений, разработка их классификации, позволяющей определить групповую и видовую принадлежность противоправных деяний, служащую основаниями для разработки соответствующих методик.

Отдельные данные родовой криминалистической характеристики концепции будут являться отправными для конкретизации аналогичных сведений, входящих в общую или частную криминалистические характеристики преступлений. Взаимосвязь взглядов, составляющих концепцию, позволяет оказывать целенаправленное влияние на разработку рекомендаций расследования группы или вида преступлений. Следует подчеркнуть, что концепцию детерминируют положения различных отраслей законодательства, технико-технологические, организационные составляющие, эмпирические данные, полученные в процессе обобщения практики расследования определенного рода преступлений.

Концепция расследования преступлений имеет перспективную и текущую задачи. Первая предназначена сформулировать отправные положения для разработки целенаправленных общих, частных методик, методических рекомендаций по интенсификации практической деятельности дознавателя, следователя. Вторая – дать советы уполномоченным должностным лицам по отдельным направлениям расследования преступлений, объединенных в конкретный род.

К числу задач концепции можно отнести:

– обоснование системы расследования, в том числе и определенного рода преступлений;

– выделение родовых следственных ситуаций применительно к каждому из этапов расследования с раскрытием специфики планирования, демонстрацией, основных направлений деятельности субъекта расследования по их разрешению;

– представление обобщенной тактики и технологии производства процессуальных действий, использования информационных технологий, технических средств;

– обозначение ситуаций принятия организационных решений по созданию совместных следственно-оперативных групп (ССОГ), следственно-оперативных групп (СОГ), следственных групп (СГ);

– изложение основных направлений взаимодействия, обращенного как внутрь организационного образования (ССОГ, СОГ, СГ – интровертивное), так и за пределы (экстравертивное), с должностными лицами правоохранительных и других органов;

– раскрытие содержания форм использования специальных знаний, интенсифицирующих процесс расследования, с указанием перечня экспертиз, предпочтений их назначения и проведения применительно к различным этапам расследования;

– указание на приемы минимизации противодействия субъектам расследования, способы установления материального ущерба, обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

1.2. Общая методика расследования преступлений базируется на группе определенных противоправных деяний (в том числе выявленных в результате формирования концепции), особенностях противоправной деятельности, специфике свойств личности субъекта, характере преступлений, своеобразии условий, в которых осуществляется противоправная деятельность или расследование.

По своему содержанию она должна раскрывать деятельность субъекта расследования на всех этапах, составляющих систему расследования, давать рекомендации по выбору конкретных его направлений, производству процессуальных действий, использованию наиболее целесообразных для конкретных следственных ситуаций тактико-технологических приемов, специальных знаний, конкретных векторов взаимодействия.

Приведенные рекомендации должны составлять содержание предварительного [2. С. 147–156], первоначального, последующего, заключительного этапов расследования. Их служебная роль состоит в сборе доказательств, а также информации, необходимых для принятия процессуальных и организационных решений уполномоченными должностными лицами.

Основанием формирования общей методики расследования служит группа преступлений, которым свойственны совпадающие (закономерные) признаки как совершения, так и расследования. Либо существенные обстоятельства противоправного деяния, оказывающие влияние на все этапы расследования.

Существуют точки зрения, согласно которым общая методика не в полной мере дает целенаправленные знания о преступной деятельности и ее расследовании как объекте криминалистики и следственной практики. По нашему убеждению, в содержании общей методики всегда присутствует достаточная прикладная составляющая, реализуемая на практике. Это объясняется тем, что ее построение не мыслится без обобщения следственной и криминальной практики, на основе которой даются типичные следственные ситуации и средства их разрешения – комплекс процессуальных действий с тактикой и технологией их осуществления на различных этапах расследования, с особенностями планирования и использования информационных технологий.

Представление о целостной картине назначения такой методики может быть сформировано при условии овладения знаниями на уровне и общего, и особенного с уяснением рекомендаций общей и частных методик как направлений, составляющих криминалистическое обеспечение расследования.

Указанный вид методик, равно как и концепция, имеет перспективную и текущую цели, способствует разработке частных криминалистических методик, рекомендаций по расследованию, реализуя отдельные положения, обобщенные выводы, тактические и технологические приемы, тактические комбинации [3], операции, используя данные информационно-телекоммуникационных систем в практической деятельности раскрытия и расследования определенной группы преступлений.

Концепция и общая методика как криминалистические методические рекомендации являются в определенной степени отправными (базовыми) для формирования методик низшего уровня.

1.3. Частная криминалистическая методика Р.С. Белкиным определялась как типизированная система «методических (научно-практических) рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельного вида преступлений» [4. С. 301]. По своему содержанию она должна быть конкретной, целенаправленной и обязательно представлять всю систему расследования, строго отражая все этапы.

Методологическим основанием формирования частной методики расследования преступлений являются:

а) вид преступной деятельности, детерминантами которого являются положения УК РФ;

б) закономерности осуществления противоправной деятельности, выявленные в процессе сбора эмпирических данных;

в) закономерности расследования преступлений, установленные при изучении досудебного производства, опроса субъектов расследования;

г) правила построения методики, выработанные учеными-криминалистами.

2. В зависимости от направленности на определенные преступления (простое единичное, сложное единичное) рекомендации бывают *простые и сложные.* В большей мере это относится к частным криминалистическим методикам (как самым распространенным). Основаниями деления выступают уголовно-правовые детерминанты, а также способы совершения, обстановка, условия противоправной деятельности.

2.1. Простой будет методика по расследованию одного простого единичного преступления, совершенного лицом умышленно или по неосторожности[2]. К примеру, присвоение чужого имущества, вверенного виновному (ч. 1 ст. 160 УК РФ).

2.2. Сложная криминалистическая методика может относиться к двум (или нескольким) сходным (по способу совершения, предмету преступного посягательства, субъекту) противоправным деяниям, подпадающим под квалификацию одной или нескольких статей УК РФ. Сложная частная криминалистическая методика может давать рекомендации по расследованию единичного сложного преступления, характеризующегося наличием нескольких пре-

ступных деяний. Применительно к обозначенному составу это и присвоение, и растрата чужого имущества, вверенного одному виновному.

Таковыми будут выступать рекомендации по расследованию присвоения и растраты вверенного чужого имущества, совершенные:

1) группой лиц по предварительному сговору;

2) группой лиц с причинением значительного ущерба гражданину;

3) лицом с использованием своего служебного положения;

4) лицом с использованием своего служебного положения в крупном размере;

5) организованной преступной группой;

6) в особо крупном размере.

Перечисленные противоправные деяния предусмотрены и квалифицируются одной статьей УК РФ. Однако в отдельных случаях законодатель объединяет в один состав несколько общественно опасных деяний, каждое из которых в отдельности предусмотрено другими статьями или частями УК в качестве самостоятельного преступления (составное преступление). Пункт «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ говорит о краже с незаконным проникновением в жилище. Данный состав складывается из самостоятельных общественно опасных действий: кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ) и незаконного проникновения в жилище (ч. 1 ст. 139 УК РФ). По обозначенному классификационному подходу такая частная криминалистическая методика расследования преступлений будет являться сложной.

3. В зависимости от характера и количества поставленных целей криминалистические методики могут быть *специальными и универсальными*.

3.1. К специальным криминалистическим методикам, предназначенным для достижения одной определенной цели, может быть, в частности, отнесена методика расследования организации террористического сообщества и участия в нем (ст. 205.4 УК РФ).

3.2. Универсальными методиками, рассчитанными на достижение нескольких целей, являются те, в которых изложены советы по расследованию и осуществлению правоохранительной, правозащитной деятельности.

В последнее десятилетие появились методики, относящиеся (одновременно) к деятельности дознавателя, следователя и прокурора; дознавателя, следователя и судьи. К.С. Латыпова такую методику именует «укрупненной», «общей», «групповой» [5]. Она отмечает, что относительно новое для криминалистики научное направление по криминалистическому обеспечению поддержания государственного обвинения может развиваться, в том числе, путем создания методик «2 в 1»: расследование + поддержание государственного обвинения.

А.А. Кириллова предложила «общую», «полноструктурную» методику расследования и судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах. Указанную методику предлагается рассматривать и использовать в трех значениях: 1) как самостоятельный комплекс рекомендаций, пригодных к непосредственному использованию в расследовании; 2) как систему входящих в нее методик расследования убийств меньшей степени общности; 3) как методологическую отправную, некий инструмент, шаблон для криминалиста-разработчика, как теоретическую и методическую основу для разработки новых, менее общих и частных методик расследования и / или судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах, подлежащих включению в структуру общей [6. С. 14].

Не вступая в полемику в отношении идей, предложенных авторами, скажем о необходимости формулирования выверенных и точных наименований, для того чтобы они отражали назначение и содержание таких методик, представляли систему расследования, соответствовали теоретическим положениям и были удобны для практической реализации. Еще раз подчеркнем, что криминалистика – системная наука, ее продукция должна ей соответствовать.

4. В зависимости от действия в пространстве криминалистические методики могут быть *транснациональными и национальными.*

4.1. Транснациональная методика включает рекомендации по расследованию противоправных действий и событий, выходящих за пределы национальных границ конкретного государства. В такой деятельности используются положения правовых норм других государств, задействуются российские и зарубежные субъекты расследования, создаются совместные следственные группы. Не претендуя на точное наименование такой методики (ранее мы ее называли трансграничной) [7. С. 341–355], с уверенностью скажем, что практическая потребность в ней существует. В связи с отсутствием соответствующих рекомендаций субъектам расследования приходится затрачивать массу времени для поиска ответов на различные вопросы, обеспечивающие надлежащее установление обстоятельств противоправного деяния.

Среди расследуемых преступлений, как показывает практика, не последнее место занимают:

– нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации (ст. 253 УК РФ);

– незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258. 1 УК РФ);

– нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ);

– акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Указанные и другие преступления могут быть совершены как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами, с нарушением национального и международного законодательства. Их расследование имеет ряд процессуальных и организационных особенностей. В структуре названных криминалистических методик самостоятельное место должно отводиться:

– системе информационного обмена [8. С. 166–170];

– получению предварительных консультаций;

– реализации взаимного информирования;

– разработке и внедрению специальных программ для электронно-вычислительных машин, баз данных;

– использованию связей и контактов правоохранительных органов, интернет-ресурсов;

– подключению возможностей специализированных международных организаций (Интерпола, Европола) [9. С. 307–311].

К национальным криминалистическим методикам можно отнести рекомендации по расследованию:

– убийства по мотиву кровной мести (п. «е. 1» ч. 2 ст. 105 УК РФ);

– убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ);

– нарушений равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ);

– возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ);

– организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ);

– организации деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ);

– финансирования экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ).

Подводя итог статьи, скажем о том, что часто исследователи свою продукцию именуют как «расследование». По частоте встречаемости «расследование преступлений» – это самое распространенное название криминалистических методических рекомендаций. Как правило, в таких наименованиях не встречается слово «рекомендации», но содержательно излагаются именно они. Речь идет о процессе расследования – о рекомендациях по эффективной деятельности субъекта расследования преступлений применительно к конкретным обстоятельствам его совершения, субъектам, их поведению на следствии.

В отличие от методики, обозначенный подход имеет право не претендовать на рассмотрение всех этапов расследования. В нем может выделяться отдельный из них, если таковой имеет особенности, которые предопределяют весь процесс расследования, дают ориентир на весь объем деятельности дознавателя, следователя.

Следует сказать, что в названиях нередко встречается словосочетание «теория и практика расследования». Обозначенный вариант предполагает изложение учения о фактах, систему взглядов на расследование, обобщение практики, отражающей закономерности совершения преступления, выявление обозначенной противоправной деятельности и отдельные направления расследования. Употребление слова «практика» требует раскрыть содержание приемов, способов осуществления определенных процессуальных действий применительно к конкретным следственным ситуациям, рекомендациям по минимизации противодействия расследованию.

Разработчики таких криминалистических методических рекомендаций не связаны с изложением всего процесса расследования (его этапов), всех следственных действий, которые осуществляются дознавателем, следователем. За основу могут быть взяты и отдельные составляющие противоправной деятельности (например, противодействие расследованию), специфика личностных качеств субъекта преступления, обусловливающие опять же особенности всего процесса расследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] При формировании собственной позиции мы ориентировались на исследования: О.Я. Баева, Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, И.А. Возгрина, А.Ф. Волынского, В.К. Гавло, Ю.П. Гармаева, В.А. Жбанкова, В.Д. Зеленского, Е.П. Ищенко, В.Е. Корноухова, А.С. Князькова, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина, Н.Е. Мерецкого, Г.М. Мудьюгина, В.А. Образцова, А.А. Протасевича, Н.А. Селиванова, Д.А. Турчина, А.Г. Филиппова, А.А. Хмырова, В.И. Шиканова, Н.П. Яблокова.

[2] Под единичным преступлением принято понимать общественно опасное деяние, содержащее признаки одного состава преступления, предусмотренного одной статьей (частью статьи) УК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сокал Р.Р. Кластер-анализ и классификация: предпосылки и основные направления // Классификация и кластер / ред. Дж. Вэн Райзин; под ред. Ю.И. Журавлева; пер. с англ. П.П. Комарова. М., 1980. С. 7–10.
2. Шурухнов Н.Г. Влияние уголовно-процессуального законодательства на структуру расследования преступлений // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. (посвящ. 5-летию введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Вып. 2. Рязань, 2007. С. 147–156.
3. Мерецкий Н.Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации. М. : Юрлитинформ, 2007.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М. : Юристъ, 1997. Т. 3. С. 301.
5. Латыпова К.С. Особенности методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, связанных с наездами на пешеходов : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017.
6. Кириллова А.А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 14.
7. Шурухнов Н.Г. Классификация криминалистических методик (рекомендаций) расследования преступлений // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Криминалистические аспекты процесса доказывания. Краснодар, 14 декабря 2017 г.). Краснодар, 2018. С. 341–355.
8. Шурухнова Д.Н. Обмен информацией между правоохранительными органами по вопросам борьбы с преступностью в рамках СНГ// Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности в современном обществе : сб. науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 166–170.
9. Шурухнова Д.Н. История становления и развития Европейского полицейского ведомства (Европола) // Приоритеты развития социогуманитарного знания экономики и права: научная дискуссия и эксперименты : материалы международной науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.Е. Туркулец. М., 2017. С. 307–311.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 сентября 2019 г.

Classification of Forensic Techniques of Crime Investigation, Its Theoretical and Practical Value

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 252–256.
DOI: 10.17223/15617793/450/31

Nikolay G. Shurukhnov, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: matros49@mail.ru

Keywords: classification; investigation; technique; regularities; concept; general technique; specific technique; simple; difficult; transnational; national.

The article focuses on the role of classification in science and in practice, its specificity in forensic science and crime investigation is shown. The specificity is caused by the variety of the studied phenomena, processes, objects, the features of establishing data which are initial in decision-making. The specific object of the research is classification of forensic techniques which are part of science and practical investigation of crimes. By means of a comparative and legal method, scholars' approaches to recommendations on crime investigation were analysed. The aim of the research included search for the bases of classification and a respective identification of types of techniques. As a result, the number of crimes covered by recommendations indicated the concept and general and specific techniques. By crime complexity, techniques are simple and complex; by nature and number of tasks solved, specific and universal; by action in space, transnational and national. To describe the content of each type of forensic techniques, the features of structure and value in practical investigation of crimes are shown. According to the author, practical recommendations included in the concept are set for investigation of similar crimes. The concept's theoretical provisions and results of solved tasks serve as a basic in the elaboration of general and specific techniques and also of recommendations for investigating crime committed or investigated in a specific way. It is noted that the general technique with its recommendations, aims to investigate crimes committed or investigated in a similar way. The technique (as well as the concept) should reflect all the stages of crime investigation (preliminary, initial, subsequent, final). It is emphasised that the concept and the general technique as forensic methodological recommendations are, to some extent, basic for the formation of techniques of the lowest level. Requirements to a specific technique are: practical importance, concreteness, focus, systematicity. Methodologically, the basis of its formation are: (a) type of crime; (b) regularity of commission of crimes; (c) regularities of investigation; (d) principles of elaboration of techniques. Simple and complex techniques as corresponding types are used in a single crime or two similar (by type, subject and object) crimes qualified by one or several articles of the Criminal Code of the Russian Federation. Specific and universal forensic techniques of investigation differ in the character and quantity of tasks solved. When the technique is use not only in investigation, but also in law enforcement or judicial activities, it can be considered universal.

REFERENCES

1. Sokal, R.R. (1980) Klaster-analiz i klassifikatsiya: predposylki i osnovnye napravleniya [Clustering and Classification: Background and Current Directions]. In: Ryzin, J, Van. (ed.) *Klassifikatsiya i klaster* [Classification and Clustering]. Translated from English by P.P. Kol'tsov. Moscow: Mir. pp. 7–10.
2. Shurukhnov, N.G. (2007) Vliyanie ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva na strukturu rassledovaniya prestupleniy [The Influence of Criminal Procedure Laws on the Structure of the Investigation of Crimes]. In: Shurukhnov, N.G. (ed.) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii, normotvorchestva i pravoprimeneniya* [Criminal Proceedings: Problems of Theory, Rulemaking and Law Enforcement]. Is. 2. Ryazan: [s.n.]. pp. 147–156.
3. Meretskiy, N.E. (2007) *Kriminalistika i operativno-takticheskie kombinatsii* [Forensics and Operative-Tactical Combinations]. Moscow: Yurlitinform.
4. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki* [A Course of Forensics]. Vol. 3. Moscow: Yurist".
5. Latypova, K.S. (2017) *Osobennosti metodiki rassledovaniya i podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya po ugolovnym delam o narusheniyakh pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv, svyazannykh s naezdami na peshekhodov* [Features of the Methodology for the Investigation and Support of Official Prosecution for Violations of Traffic Rules and Vehicle Operation In Pedestrian-Related Accidents]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
6. Kirillova, A.A. (2014) *Osnovy kriminalisticheskoy metodiki sudebnogo razbiratel'stva po ugolovnym delam ob ubiystvakh (ch. 1 st. 105 UK RF)* [Fundamentals of the Forensic Methodology of the Trial of Criminal Cases of Homicide (Part 1, Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
7. Shurukhnov, N.G. (2018) [Classification of Forensic Techniques (Recommendations) of Crime Investigation]. *Kriminalisticheskie aspekty protsessa dokazyvaniya* [Forensic Aspects of Proving]. Proceedings of the All-Russian Conference. Krasnodar. 14 December 2017. Krasnodar: [s.n.]. pp. 341–355. (In Russian).
8. Shurukhnova, D.N. (2017) [Exchange of Information Between Law Enforcement Agencies on the Fight Against Crime Within the CIS]. *Aktual'nye problemy obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti v sovremennom obshchestve* [Topical Issues of Ensuring Information Security in Modern Society]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow: [s.n.]. pp. 166–170. (In Russian).
9. Shurukhnova, D.N. (2017) [History of the Formation and Development of the European Police Department (Europol)]. *Prioritety razvitiya sotsiogumanitarnogo znaniya ekonomiki i prava: nauchnaya diskussiya i eksperimenty* [Priorities in the Development of Socio-Humanitarian Knowledge of Economics and Law]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Nauchnyy konsul'tant. pp. 307–311. (In Russian).

Received: 05 September 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУДЕНКОВА Валерия Евгеньевна – канд. философских наук доцент, кафедры культурологии, теории и истории культуры Томского государственного университета.. E-mail: soler@front.ru

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич – д-р юрид. наук, член-корр. Национальной академии наук Республики Беларусь, зав. кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета (г. Минск, Белоруссия). E-mail: gregory_1@tut.by

ГАЛЬКОВА Алёна Вадимовна – канд. филол. наук, ассистент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: Kalosagahtos@gmail.com

ГУМЕРОВА Жанна Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: janet80@inbox.ru

ЗЕЛЕНЕВА Ирина Владимировна – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: irina_zeleneva@mail.ru

КАЗЬМИН Владимир Николаевич – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института Кемеровского государственного университета. E-mail: vladkaz231@yandex.ru

КАЗЬМИНА Маргарита Васильевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: Rita-KMV@yandex.ru

КИСКИДОСОВА Татьяна Александровна – канд. ист. наук, зав сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан). E-mail: tak_74@mail.ru

КОРЕНЕВА Мария Вадимовна – канд. пед. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (г. Краснодар). E-mail: maria_koreneva@list.ru

КОЧЕДЫКОВА Мария Максимовна – аспирант отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар). E-mail: masha_k90@mail.ru

КРАВЕЦ Игорь Александрович – д-р юри. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского государственного университета. E-mail: kravigor@gmail.com

КУКЛИНА Алла Сергеевна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: siakuk@rambler.ru

КУКУШКИНА Анна Викторовна – канд. юрид. наук, доцент международного права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. E-mail: kukushkina-anneta-90@mail.ru

КУЛИК Сергей Дмитриевич – д-р техн. наук, профессор кафедрыа компьютерные системы и технологии Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (г. Москва). E-mail: sedmik@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВА Любовь Сергеевна – преподаватель кафедры истории физической культуры, спорта и олимпийского образования, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (г. Москва). E -mail: luba_leontieva@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВА Надежда Сергеевна – канд. пед. наук, доцент кафедры истории физической культуры, спорта и олимпийского образования Российскогой государственного университета физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (г. Москва). E-mail: nadejda_14071977@mail.ru

МАЛЫШЕВА Ольга Анатольевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (г. Москва). E-mail: moa_0510@mail.ru

МАСЛОВА Анна Геннадьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: usr11021@vyatsu.ru / ag.maslova@mail.ru

МАШАНЛО Тимур Евгеньевич – мл. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета, E-mail: mashanlote@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Наталья Юрьевна – д-р пед. наук, зав. кафедрой истории физической культуры, спорта и олимпийского образования, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (г. Москва). E -mail: ya.melnikova64@yandex.ru

МОГИЛАТОВА Мария Викторовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: newspaper_2401@mail.ru

МУСТАФИНА Раушан Мухамеджановна – д-р ист. наук, профессор кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан). E-mail: raushan.mustafina@inbox.ru

НИКОНЕЦ Денис Артурович – канд. техн. наук, программист баз данных дирекции по информационным технологиям ООО «Межрегиональная розничная фармацевтическая компания» (г. Москва). E-mail: denis_n@mail.ru

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург).E-mail: ostapovich7@mail.ru

ПАНТЕЛЕЕВА Лилия Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Соликамского государственного педагогического института (филиала) Пермского государственного университета. E-mail: liliya_pant@mail.ru

ПОНОМАРЕВА Татьяна Игоревна – канд. ист. наук, независимый исследователь (г. Санкт-Петербург). E-mail: italika@inbox.ru

РАХМАНКУЛОВА Светлана Евгеньевна – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: tsvet.sveta@yandex.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зам. зав. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. E-mail: rezanovazi@mail.ru

РОЖКОВ Анатолий Алексеевич – д-р экон. наук, директор по науке и региональному развитию Института конъюнктуры рынка угля (г. Москва); профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление в промышленных регионах» Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (г. Москва). E-mail: aarozhkov@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Елена Николаевна – канд. филос. наук, зав. кафедрой культурологии, теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: limi77@inbox.ru

СЕННИКОВА Дарья Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, административного права Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: daria.sennikova88@gmail.com

СЕРГАЕВА Юлия Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: sergaeva@gmail.com

СИВЕРЦЕВ Евгений Юрьевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: Emden1914@mail.ru

СМИРНЫХ Сергей Евгеньевич – канд. юрид. наук, науч. сотр. сектора международного права Института государства и права Российской академии наук (г. Москва). E-mail: marya_babanova@inbox.ru / interlaw@igpran.ru

СОЛОВЕНКО Игорь Сергеевич – д-р филол. наук, профессор отделения цифровых технологий Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета. E-mail: solovenko71@mail.ru

СТЕПАНЕНКО Андрей Александрович – мл. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: stepanenkone@mail.ru

СУДАКОВ Гурий Васильевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. E-mail: gvs035@rambler.ru

СУЧКОВА Елена Владимировна – канд. биол. наук, зам. начальника отдела экспертиз биологических объектов управления медико-биологических экспертиз и учетов Экспертно-криминалистического центр МВД России (г. Москва). E-mail: evsuchkova@mail.ru

ТЕРЕХОВ Олег Эдуардович – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: terehov1968@mail.ru.

ТЕРЕХОВА Оксана Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: terehov1968@mail.ru.

ТИТАРЕНКО Инна Николаевна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: innatag@mail.ru / intitarenko@sfedu.ru

ХАРИТОНОВА Наталия Юрьевна – doctora en Filología Hispánica, ст. науч. сотр. отдела литератур Европы и Америки новейшего времени Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (г. Москва); доцент Школы филологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (г. Москва). E-mail: barrocorggu@mail.ru

ХОРОБРЫХ Станислав Валерьевич – директор Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых». E-mail: kalina_stas@mail.ru

ХРАБРОВА Валентина Евгеньевна – ст. преподаватель Школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: stefankhrabrova@mail.ru

ЦЕРКОВНИКОВА Екатерина Анатольевна – мл. науч. сотр. лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Магадан). E-mail: etserkovnikova1@yandex.ru

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич – д-р юрид. наук, профессор – гл. науч. сотр. НИЦ-3 Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (г. Москва). E-mail: matros49@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 450. Январь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати ……2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 32. Усл. печ. л. 29,7. Тираж 50 экз.
Заказ № 41... Цена свободная.

Дата выхода в свет 20 … 2020 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru